

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

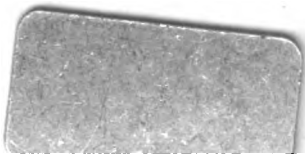
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P law 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

ГОДЪ СЕЛЬМОЙ.
М

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.** Романъ. (Гл. I—IV) Н. Н. ЕРАЗИНА.
- II. СМѢХЪ И СЛЕЗЫ.** Стихотвореніе. Д. Д. МИНАЕВА.
- III. НѢМЕЦКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО.** С. Ш.
- IV. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЬ—ВУРЯ.** (Очерки англійской провинціальной жизни.) Романъ. (Продолженіе.) ДЖОРЖА ЭЛПОТА.
- V. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** *Г. Диряча* ская драма Перси Биши Шелли Д. Д. МИНАЕВА.
- VI. ИНДУСТАНЪ И АНГЛИЧАНЕ** С. С. ШАШКОВА.
- VII. ВЕСЕННИЙ ЛЕДЪ.** Стихотвореніе А. Е. ОБОЛЕНСКАГО.
- VIII. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ПРУССИИ.** А. МИХАЙЛОВА.
- IX. ПѢСНЯ СЧАСТЛИВЦА.** Стихотвореніе. Д. Д. МИНАЕВА.
- X. СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ.** (Ст. первая.) Н. НИОНОВА.
- XI. ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЯ САФО.** Изъ Леопарди. Стихотвореніе А. П. ГРАВЕ.
- XII. ПОПЫТКА — НЕ ШУТКА.** Романъ. (Гл. I—III.) П. В. КОМУЛЕВСКАГО.
- XIII. СОНЕТЪ.** Стихотвореніе А. П. ГРАВЕ.
- XIV. О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?** Романъ. (Окончаніе.) ФР. ШНИЛЬГАГЕНА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XV. ЯЗЫКЪ ЧУВСТВЪ И МЕМИКА ЛИЦА ПО ДАРВИНУ П. Б. ОНГИРСКАГО.

(The expression of the emotions in Man and Animals. By Charles Darwin. London. 1872. — Чарльзъ Дарвинъ. О выраженіи ощущеній у чело-вѣка и животныхъ. Переводъ подъ редакціей профес. А. Ковалевскаго. Спб. 1872.)

XVI. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Moyens pratiques de combattre l'ivrognerie proposés ou appliqués en France, en Angleterre, en Amérique, en Suède et en Norvège, par le docteur Ach. Foville fils. Paris, 1872. — Médecine et Médecins, par E. Littré de l'institut et de l'academie de médecine. Paris, 1872.—Das Buch der Gesundheit. Eine volksthümliche Belehrung über die wahren Universal-Mittel zur Erhaltung der 'Gesundheit sowie sur Heitung der Krankheiten des menschlichen Körpers. Von Dr. W. Horsell. Schwelm und Leipzig. 1872.)

XVII. НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія Наполеона I. Сочиненіе П. Ланфре. Перев. подъ редакц. А. Афанасьева-Чужбинскаго. Изд. Вольфа. Томы I, II, III. Спб. 1870—71.— Теорія промышленнаго права. Перев. съ франц. Спб. 1873.—Вольное дитя. Популярное руководство для родителей. Д-ра Кленке. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1873. — Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ въ южной Африкѣ. Жюль Верна. Спб. 1873.

XVIII. НОВОГОДНЯЯ ФАНТАЗІЯ. Фельетонъ-повѣсть . . . ЛИТЕРАТУРНОЕ ДОМНО.

XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЕСТАКТОСТЬ ИЛИ НВЧТО

ХУЖЕ? (Письмо въ редакцію). БЕРНЕ ИЗЪ БЕРДИЧЕВА.

XX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОВЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Замѣтное событіе въ концѣ прошлаго года.—Рожденіе и воспитаніе Люи-Наполеона Бонапарта.—Внутренняя политика французскаго правительства во время реставраціи.—Наполеоновская легенда.—Революціонная дѣятельность принца Люи-Наполеона.—Его литературная дѣятельность.—Страсбургская попытка.—Будонская экспедиція.—Тѣло Наполеона I перевозится въ Парижъ.—Заключеніе и побѣгъ Люи-Наполеона изъ тюрьмы въ Гамбъ.—Люи-Наполеонъ избранъ президентомъ республики.—Онъ интригуетъ противъ національнаго собранія.—Арестъ депутатовъ.—Принцъ Жеромъ-Наполеонъ.—Государственный переворотъ 2-го декабря.—Рѣзня въ Парижѣ четвертаго декабря.—Огульная ссылка въ Ламбесу и Капену.—Плебисцитъ.—Принцъ Наполеонъ объявляетъ себя императоромъ.—Погоня за богатствомъ.—Спекуляціи.—Погоня за развлеченіями.—Крымская и итальянская войны.—Безразсудныя экспедиціи въ Китай и Мексику.—Либерализмъ правительства второй имперіи.—Послѣдній плебисцитъ.—Седанская катастрофа.—Господствующая страсть Наполеона III.—Его отличительная способность.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году.

Журналъ „ДЪЛО“ будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . .	14 р. 50 к.
съ пересылкой	16 р.
съ перес. въ Петербургѣ . . .	16 р. 50 к.

Н а п о л г о д а :

безъ доставки и пересылки . . .	8 р.
съ доставк. въ городѣ	8 р. 25 к.
съ перес. ирогороднимъ	8 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Сольвьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція жалобъ не принимаетъ.

ОБЪЯСНЕНИЯ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

I. Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, означать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ редакція не можетъ отвѣчать за исправную доставку журнала и за немедленное удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала на томъ основаніи, что газетная экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзывается, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненія изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильнаго почтового приѣма и отвѣтственнаго почтового учрежденія.

II. Когда книжка журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходит по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, проситъ заявлять таковыя жалобы не позже полученія слѣдующей книжки журнала и прилагать при нихъ удостовѣреніе почтовой конторы, съ ея штепелемъ, въ томъ, что книжка дѣйствительно не была доставлена почтовой конторѣ или не выдана по ея точному адресу. А также просимъ заявить таковыя жалобы прямо на имя конторы редакціи, такъ-какъ газетная экспедиція отказывается принимать ихъ отъ подписчиковъ, о чемъ и было ею заявлено печатно.

III. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами и требующія отвѣтовъ на нихъ, а также увѣдомленія о полученіи денегъ въ редакціи, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить эти отвѣты.

IV. Рукописи, принятныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ, а равно и рукописи напечатанныхъ статей хранятся въ редакціи не болѣе года и вслѣдствіе, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно.

V. Мелкія стихотворенія не возвращаются и отвѣтъ дѣлается только въ томъ случаѣ, когда прилагается почтовая марка. А также редакція не принимаетъ на свой счетъ пересылки рукописей иногороднимъ, если найдетъ ихъ неудобными для помѣщенія въ своемъ журналѣ.

VI. Гг. подписчиковъ, выславшихъ на журналъ 15 р. вмѣсто объявленныхъ 15 р. 50 к., просимъ дослать недостающія 50 к. для уплаты почтамту за пересылку. Тѣ-же, кто выслалъ болѣе 15 р. 50 к., могутъ требовать возврата излишне-высланныхъ денегъ или выписать на нихъ книги.

VII. При выпускѣ книгъ редакція проситъ обратить вниманіе на прилагаемую при семъ таблицу вновь утвержденной пересылочной почтовой таксы и, руководствуясь ея указаніями и правилами, прилагать на пересылку книгъ, независимо отъ ихъ стоимости, согласно вышеозначенной таксѣ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ИНВ. № 24471

№ 1.

8245
18-21

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ А. МОРШЕРОВСКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1873.

Δ
P Slav 236.14 (1873)
✓ "1873-2" "1"
*L
1873

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 января, 1873 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

13*2

ЗАНЕСЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

РОМАНЪ.

I.

Чуть-чуть не застрѣлился.

Дмитрій Ледоколовъ, опершись локтями о письменный столъ, сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ и пристально разсматривалъ окурокъ сигары, дымившійся въ одной изъ бронзовыхъ пепельницъ. Этотъ окурокъ, должно быть, не очень занималъ его, хотя вотъ уже съ полчаса, какъ онъ не спускалъ съ него глазъ; окурокъ пересталъ уже глѣть, уже похолодѣлъ совсѣмъ, а Ледоколовъ все на него смотрѣлъ и смотрѣлъ, онъ даже пальцемъ его потрогалъ, снялъ руку, вздохнулъ тяжело, болѣзненно и снова уставился въ ту-же точку какимъ-то апатичнымъ, почти бессмысленнымъ взглядомъ.

Воротъ рубахи его былъ надорванъ; видно было, что его разстегивала нетерпѣливая, озлобленная рука; галстухъ валялся на ручкѣ кресла, а смятый сюртукъ лежалъ на полу и холодный вѣтеръ, врывается въ отворенную форточку окна, шевелилъ рукава его рубашки. Впрочемъ, Ледоколову не было холодно, не смотря на то, что вмѣстѣ съ вѣтромъ въ комнату влетали мелкія снѣжинки и бѣлыми блестками осѣдали на широкихъ, вырѣзныхъ листьяхъ какого-то экзотическаго растенія.

На большомъ письменномъ столѣ и внутри его царствовали

полнѣйшій безпорядокъ: письменный приборъ разбросанъ, подсвѣчники сдвинуты къ одной сторонѣ, двѣ фарфоровыя статуетки игриваго свойства лежали на полу и у одной изъ нихъ недоставало уже головы, отбитой упавшей на нее крышккой отъ чернильницы; бумага писанная и неписанная разбросана была по всей поверхности стола, ящики выдвинуты на половину и все, что тамъ находилось, было взрыто и исковеркано. Изъ одного ящика торчала рукоятка револьвера, и надъ всѣмъ этимъ возвышался большой фотографическій портретъ красивой женщины съ роскошными пепельными волосами, освѣщенный мигающимъ свѣтомъ пылавшей лампы, пламя которой давно уже облизывало треснувшее стекло, покрывая его черною, густою копотью.

Тоску наводящій полу-мракъ царствовалъ въ дальнихъ углахъ комнаты, откуда выдвигались только массивные карнизы шпаловъ и видѣлись на стѣнахъ неясныя очертанія какихъ-то орудій, развѣшанныхъ въ симметричныхъ группахъ.

Стрѣлки на циферблатѣ большихъ стѣнныхъ часовъ показывали половину перваго; на тротуарѣ противоположной стороны улицы давно уже стоялъ, должно быть, чрезвычайно любопытный городской, которому совершенно ясно было видно все, что дѣлалось въ комнатѣ Ледоколова.

Этотъ городской положительно недоумѣвалъ: — что такое дѣлается съ этимъ чуднымъ бариномъ? То онъ прежде неистово рылся и разбрасывалъ все, что ни попадалось подъ руку; пистолеть вынималъ зачѣмъ-то, разглядывалъ его долго, опять спряталъ въ ящикъ, — сигару закурилъ-было, сломалъ и на полъ бросилъ, закурилъ опять и почти сгрязъ ее зубами; а вотъ уже съ часъ, какъ сидитъ и не шелохнется, не погладить даже большого сѣраго кота, что взобрался на спинку его кресель, оттуда къ нему на плечо и, мурлыча на ухо, трется у него за щекою мягкимъ, усатымъ рыльцемъ.

— Гляди, пожару какъ-бы не надѣлалъ, думаетъ городской вслухъ.—Ишь ты полныя какъ изъ лампы преть!..

— Выпимши, можетъ, али такъ блажить, замѣчаетъ дворникъ, ежась отъ холода и зѣвая во весь ротъ, плотно кутаясь въ свой овчинный тулупъ, отъ котораго за версту несетъ кислымъ запахомъ дубленой кожи.

— О, Боже мой! не то простоналъ, не то тяжело вздохнулъ

Ледоколовъ, быстро поднялся, загремѣвъ креслами, и взглянулъ на портретъ.

И вотъ ротъ его скривился, какъ-будто подъ вліаніемъ невыносимыхъ внутреннихъ страданій, на лбу у него протянулись болѣзненные складки, сухимъ, горячечнымъ жаромъ сверкнули глаза и со звономъ полетѣла на полъ какая-то бездѣлушка, опрокинутая конвульсивнымъ движеніемъ руки, протянувшейся къ портрету.

Фыркнулъ котъ, далеко отпрыгнулъ назадъ и исчезъ гдѣ-то между швабами.

— Важно! произнесъ дворникъ и подтолкнулъ локтемъ городского.

— Погоди, что дальше будетъ! отвѣчалъ городской. — Проѣзжай ты, желтоглазый! крикнулъ онъ извощику, загородившему было своею лошадыю окно, надъ которымъ производились наблюденія.

Неровною, шатающейся походкою принялся Ледоколовъ ходить по своему кабинету, натываясь на этажерки и отдѣльные столики; ходилъ долго и снова остановился передъ портретомъ, ероша ожесточенно волосы. Потомъ онъ схватилъ портретъ обѣими руками, поднесъ его къ самому лицу и жадно впился въ стекло своими сухими, горячими губами... Послышалось глухое, прерывистое рыданіе, — рыданіе страшное, безъ слезъ, — рыданіе, отъ котораго болитъ и ноетъ грудь и замираетъ сердце, стиснутое словно желѣзными щипцами.

Медленно опустилъ Ледоколовъ портретъ, поставилъ его на прежнее мѣсто и легъ ничкомъ на кушетку. Передъ его закрытыми глазами, съ адскою точностью, со всѣми мелочными подробностями стали проходить мучительныя картины. Тихонько выползъ сѣрый котъ изъ своего темнаго угла, вспрыгнулъ на спину Ледоколова и свернулся клубкомъ, какъ разъ между его лопатками.

Два года тому назадъ онъ встрѣтился въ первый разъ съ нею. Имъ охватило какое-то странное чувство: ему казалось, что они давно уже знакомы, что они давно уже такъ хорошо знаютъ, такъ понимаютъ другъ друга; тепло, дружески отнесся онъ къ ней съ первыхъ минутъ знакомства. Она такъ близко подходила къ тому идеалу, который давно уже сформировался въ его сердцѣ.

Онъ полюбилъ ее. Это была почти не любовь, это было тихое, благоговѣйное боготвореніе...

Яркіе потоки свѣта льются сверху, охватываютъ со всѣхъ сторонъ, уничтожая, скрадывая тѣни. Вся въ бѣломъ, съ длиннымъ шлейфомъ, стоитъ она посреди церкви; чудные, золотистодымчатые волосы чуть прикрыты цвѣтами и прозрачнымъ газомъ, матовою бѣлизною сверкаетъ упругое, молодое тѣло... Она вся кажется лучезарною, прозрачною... У него духъ захватываетъ при одномъ взглядѣ на это чудное видѣніе... Онъ подойти не рѣшается... Ему кажется, что всякій шагъ къ ней—свято-татство. Однако, онъ подходитъ. На него такъ ласково, такъ привѣтливо смотрятъ дивные глаза...

— Пожалуйте-съ, приятнымъ старческимъ теноромъ приглашаетъ его священникъ въ новой парчевой ризѣ съ разводами, хватываетъ ихъ за руки и подводитъ къ налою.

Свѣчи имъ сунули въ руки, къ горячему лбу прикасается какой-то металлическій обручъ...

— Дмитрій, милый мой Дмитрій, лепечутъ ему на ухо до-рогія губки.—Какъ мы будемъ счастливы...

Сидя въ каретѣ, они плотно прижались другъ къ другу, они словно срослись вмѣстѣ.

— Вѣдь ты меня очень любишь?

Его шею охватываютъ нѣжныя руки.

— Люби меня,—я стою этого. Ну, будешь любить меня, да?..

— Люблю-ли я тебя?

Слезы перехватываютъ звуки въ его горлѣ. Онъ задыхается отъ наплыва страстныхъ, томительныхъ иллюзій...

— Дмитрій, милый мой, я счастлива, я точно въ раю, — ты плачешь?..

— Ангель, радость моя!..

— На лѣво къ подъѣзду... стой! командуетъ кто-то на козлахъ.

— Пошли, пошли прочь! распоряжается у воротъ хриплый, начальнической басъ...

Музыка, шампанское, говоръ, фраки, мундиры, шлейфы, шиньоны... все такъ свѣтло и торжественно... Затѣмъ, туманъ, туманъ...

И вотъ, день за днемъ, недѣля за недѣлю, мѣсяць за мѣсяцемъ, свѣтлою полоскою потянулась жизнь. Огорченій, грусти, скуки какъ-будто и не существовало.

Одинъ взглядъ дорогихъ глазъ разгонялъ надвигающіяся тучи.

Въ мозгахъ такъ ясно, они такъ славно работаютъ, они, казалось, не знаютъ устали; то, передъ чѣмъ задумался-бы Ледоколовъ въ прежнее время, теперь одолевается шутя, подъ живымъ вліяніемъ электризирующей, чудотворной силы участія любящей женщины.

Трудъ получилъ двойное, тройное, увеличенное до безконечности значеніе. Результаты этого труда такъ необходимы для нея...

— Дмитрій, помнишь брошь звѣздочками, что мы видѣли въ огнѣ у Зефтигена на Морской?..

— Помню, моя крошка, помню.... Въ серединѣ розетка, въ шесть лучей, кажется...

Онъ кладетъ на столъ циркуль, которымъ работала, оборачивается и цѣлуетъ тонкіе розовые пальчики, особенно тотъ изъ нихъ, на которомъ виднѣется золотой обручекъ.

— Ну-да, говоритъ она, — этотъ брошь стоитъ только сто-двадцатью рублями дороже моего, только сто-двадцатью рублями; и если обмѣнять мой...

— Ребенокъ милый, игрушечку тебѣ нужно... Ну, это мы устроимъ...

— Это расходъ лишній, дорогой мой, мнѣ такъ совѣстно; мы и такъ уже въ этомъ мѣсяцѣ...

— Тсс!..

Прелестный ротикъ умолкаетъ, зажатый самымъ страстнымъ, самымъ жгучимъ поцѣлуемъ.

— Ты и такъ много работаешь, лепечетъ она, и наскоро вытираетъ украдкою свои розовыя губки.

— Пойдемъ гулять сегодня, ну, и зайдемъ...

Она становится у него за кресломъ, гладитъ его по головѣ, расправляетъ волосы, особенно заботясь о томъ мѣстѣ, гдѣ довольно ясно видны зачатки будущей лысины. Онъ погружается въ какое то вычисленіе...

— Ты, кажется, ревнуешь меня?.. спросила она его какъ-то разъ на одномъ изъ вечеровъ, оставивъ, наконецъ, своего мундирнаго кавалера, съ которымъ проходила чуть не весь вечеръ.

— Ну, что за вздоръ!..

— Что-же ты такой пасмурный? Пойдемъ.

Она повисла у него на рукѣ, — ему стало необыкновенно весело: онъ сразу забылъ то мучительное чувство, съ которымъ онъ слѣдилъ глазами за ними, бѣснуясь, когда кавалеръ слишкомъ уже близко наклонился къ своей дамѣ, и въ жестахъ его проявлялась воинственно-страстная энергія.

— Я люблю тебя, я вѣрю тебѣ; ревность тутъ неумѣстна...

Онъ самъ хочетъ увѣрить себя, что онъ не ревнуетъ.

— Смотри!..

Она прижимается къ нему еще плотнѣе и грозитъ пальчикомъ.

— Ревновать ту, которую любишь, это значить потерять къ ней уваженіе, перестать вѣрить... Я сейчасъ, Дмитрій...

Она быстро вырываетъ свою руку изъ-подъ его локтя: передъ нею стоитъ джентльменъ высокаго роста, въ самой почтительной и скромной позѣ. Въ выраженіи его лица, въ движеніи его рукъ видно не простое приглашеніе вальсировать, нѣтъ, это молчаливая мольба о жизни...

— Гмъ, кричатъ Ледоколовъ, натянуто улыбается и чувствовать, что въ его сердцѣ опять ворочается что-то весьма нехорошее...

Иногда ему казалось, что она становится холоднѣе, безучастнѣе къ его ласкамъ.

— Пустяки, думаетъ онъ, — нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, вѣчно лизаться, это не въ порядкѣ вещей.

А разъ, когда они шли вмѣстѣ по Невскому, онъ до крови укусилъ свою губу, въ досадѣ на то, что она все время глядѣла на окна магазиновъ, отвернувшись отъ него и едва касаясь своею перчаткою рукава его боброваго пальто.

— И что ты тамъ находишь занимательнаго...

— Ну, это еще что!

— Кто это тебѣ поклонился сейчасъ?

— Не помню фамиліи... какъ-то мекъ или декъ, что-то въ этомъ родѣ начинается...

— А теперь это съ кѣмъ ты раскланиваешься?

— Что это такъ тебя интересуеть?..

Она подозрительно смотритъ на него и холодно улыбается.

— Да почему-же не сказать?..

— Чѣмъ ты опять не вздумалъ-ли ревновать меня?

— Гмъ, что это значить „опять“; наконецъ, я-же говорилъ тебѣ, что ревновать это недостойно... всякаго...

Онъ почувствовалъ, что становится смѣшонъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего поклонился какой-то пестро одѣтой, совершенно ему незнакомой дамѣ... Та улыбнулась и отвѣтила ему.

— Ну, вотъ видишь, говорить ему она,—я-же не спрашиваю тебя: кто это?..

Она готова расхохотаться; Ледоколовъ покраснѣлъ до ушей.

— Поѣдемъ домой лучше, встаетъ пора и обѣдать, зѣваетъ она, прикрывшись муфтою.—Мнѣ такъ ѣсть хочется.

Дорогою она немного приласкала его, и опять у него хорошо стало на сердцѣ.

„Но это все такія мелочи, такой ничтожный вздоръ, бравировалъ Ледоколовъ, перебирая въ своей памяти всѣ малѣйшіе эпизоды проведеннаго дня.—Это все такіе булабочные уколы, за которые нельзя даже и посердиться“. Однако, онъ чувствуетъ, что хотя эти булабочные уколы и очень ничтожны, каждый отдѣльно, но зачѣмъ ихъ такъ много?..

„Вотъ опять, ну, чего этотъ баринъ такъ отъ нея шарханулъ, когда я взошелъ? Я его спрашиваю, въ которомъ часу поѣздъ отходить? а онъ отвѣчаетъ совсѣмъ неподходящее, я даже не понялъ ничего,—видимо, человѣкъ потерялся“...

— Дмитрій, можно къ тебѣ?.. слышенъ за дверью ея голосъ.

— Конечно, конечно, войди... что за вопросъ?..

— Я хочу посидѣть около тебя,—я тебѣ мѣшать не буду?..

Она поцѣловала его въ лобъ и сѣла рядомъ въ другія кресла.

— Можешь-ли ты когда нибудь мѣшать мнѣ?.. Жизнь моя... Дай я тебѣ подложу подушку за спину... Васька пошелъ, бариню беспокоишь!.. гонять онъ сѣраго кота, который тоже взобрался на кресло.

— Нѣтъ, оставь его. Ну, работай, работай...

Она еще разъ цѣлуетъ его и треплетъ по плечу. Всѣ сомнѣнія разлетаются прахомъ, о булабочныхъ уколахъ нѣтъ и помину...

— Не вѣрить этому свѣтлому ангелу—Господи! да-это надо совсѣмъ съ ума сойти, — это болѣе, чѣмъ святотатство, думаетъ онъ и принимается подводить какіе-то безконечно-длинные итоги.

Цѣлыхъ три недѣли пришлось ему не видать своей жены,— ему надо было уѣхать по дѣлу. Эти недѣли тянулись бесконечно. Развѣ телеграфировать о выѣздѣ? подумалъ онъ, садясь въ вагонъ по окончаніи своихъ дѣлъ, но тутъ-же рѣшилъ не увѣдомлять объ этомъ, рассчитывая на сладкія минуты неожиданнаго пріѣзда. „Какъ она обрадуется, дорогая моя, думалъ онъ, поглядывая въ окно вагона.— Вотъ озадачится; вѣдь она не ждетъ меня раньше десятаго, а тутъ вдругъ тремя днями раньше—бацъ! А что развѣ?..“ — Онъ оторвалъ отъ бумажника листикъ, написалъ карандашемъ нѣсколько словъ и на первой-же станціи подошелъ къ конторкѣ телеграфиста.— „А, нѣтъ, не надо,“ рѣшилъ онъ, направился къ буфету и выпилъ водки.

Въ одномъ изъ вагоновъ что-то лопнуло,— поправляли съ часъ,— тамъ снѣгъ задержалъ на два часа, еще что-то случилось. Поездъ опоздалъ. Поздно ночью, почти передъ разсвѣтомъ, слѣзъ Ледоколовъ съ извозчика и постучался въ ворота; быстро вбѣжалъ онъ по лѣстницѣ, чуть не разбивъ себѣ носа въ потемкахъ, и остановился передъ своею дверью.

— Она спитъ... подумалъ онъ и, затаивъ дыханіе, чуть дотронулся до ручки звонка.

Все тихо, ничего не слышно.

Онъ позвонилъ еще разъ, громче.

— Кто тамъ? послышался за дверью испуганный голосъ горничной.

— Отвори,—это я... тихо произнесъ онъ.

Но, вѣроятно, горничная приняла его за другого.

— Ты что-же звонишь, Ванька-дьяволъ... входи тише,—барыню разбудишь...

Ледоколовъ началъ раздѣваться, дѣвушка торопливо зажигала свѣчу, она догадалась, что это не ея Ванька.

Ярке вспыхнулъ огонь и освѣтилъ испуганное лицо горничной; глаза ея широко раскрылись,—она вскрикнула и выронила свѣчку изъ рукъ.

Ледоколова какъ обухомъ ударило въ голову. Какъ ни мгновенно блеснулъ свѣтъ, но онъ успѣлъ увидать, онъ видѣлъ... Да, то, что онъ видѣлъ, было ужасно!

Онъ видѣлъ на вѣшалѣ чужую шинель, онъ ясно ее разглядѣлъ, съ капюшономъ, съ военнымъ воротникомъ; металлическія

пуговицы такъ ярко, такъ отчетливо блестяли на сине-сѣромъ сукнѣ.

— Огонь зажги, захрипѣлъ онъ.

Послышалась торопливая возня и шорохъ, спички не загорались; наконецъ, снова была зажжена свѣча... Шинели не было...

— Что-же это, я самъ видѣлъ. Вотъ тутъ—гдѣ-же она? или это мнѣ почудилось?..

Ледоколовъ быстро прошелъ черезъ всѣ комнаты и остановился передъ дверью спальни,—дверь была заперта.

— Это ты, Дмитрій? раздался голосъ жены. Что-то холодное, сухое звучало въ этомъ вопросѣ; Ледоколову даже показалось, что это говорить другая женщина, вовсе ему незнакомая.

— Отвори, отвори, отворите!

Онъ въ изступленіи принялся трясти дверную ручку.

— Послушай, Дмитрій, говорила она ему, подойдя къ самой двери,—иди въ свой кабинетъ, затворись тамъ и не дѣлай глупѣйшаго скандала; это самое лучшее, что я могу тебѣ посоветовать.

Опустивъ голову, схватившись за сердце обѣими руками, онъ пошелъ въ кабинетъ; у него силъ не хватило дотащиться до своей двери,—онъ прислонился къ стѣнѣ и судорожно вцѣпился въ какую-то драпировку.

Замокъ щелкнулъ. Чьи-то шаги, гремя шпорами, быстро прошли къ передней.

Съ этой ночи онъ уже не видѣлъ болѣе своего ангела.

Вотъ уже нѣсколько дней прошло, страшныхъ дней. Онъ думалъ, что мозгъ его не выдержитъ страшнаго удара,—однако, выдержалъ: онъ не сошелъ съ ума. На него нашло какое-то странное опьяненіе. Онъ ничего не ѣлъ, а можетъ быть, и ѣлъ,—онъ ничего не помнилъ, это былъ тяжелый кошмаръ, который мало-по-малу проходилъ, уступая мѣсто другому, худшему состоянію.

Жизнь потеряла для него всякое значеніе, она ему была противна. Онъ ощущалъ тунную пустоту въ сердцѣ, въ головѣ, во всемъ организмѣ.

Для него было все потеряно.

А сѣрому коту Васекѣ, вѣроятно, надоѣло лежать на спинѣ хозяина, онъ прыгнулъ на полъ, выгнувъ спину горбомъ, под-

нялъ хвостъ колошь и зашагалъ къ письменному столу, — потому онъ забрался на кресло, оттуда на ящикъ съ револьверомъ, затѣмъ на самый столъ. Здѣсь онъ покойно усѣлся, насторожилъ уши и углубился въ созерцаніе нѣсколькихъ исписанныхъ листовъ.

Если-бы Васька умѣлъ читать, то онъ прочелъ-бы слѣдующее:

„Я прошу никого не обвинять въ моей смерти..“

Строка эта была зачеркнута; вѣроятно, начало показалось слишкомъ избыточнымъ; затѣмъ крупнымъ, разгонистымъ почеркомъ значилось:

„Прошу исполнить мое предсмертное желаніе; оно слишкомъ просто и удобоисполнимо и заключается только въ томъ, чтобы не доискивались причинъ моего самоубійства.“

„Мнѣ просто надоѣло жить; а такъ какъ никто ничего не теряетъ отъ того, что меня не будетъ состоять между живыми, то я и прибѣгаю къ услугамъ моего револьвера.“

Прощайте“.

Чернила давно уже высохли, и даже поверхъ письма карандашомъ были начерчены какіе-то зигзаги. Видно было, что исполненіемъ самоприговора не торопились, хотя револьверъ былъ въ полнѣйшей готовности, и подъ взведеннымъ куркомъ краснѣла головка металлическаго патрона.

Вдругъ въ углу, подъ ворохомъ газетъ, на нижней полкѣ этажерки заскреблась мышь. Васька кинулся со стола, опрокинулъ подсвѣчникъ, перелетѣлъ черезъ лежащаго Ледоколова и зарылся въ газетахъ.

Ледоколовъ вздрогнулъ, вскочилъ, испуганно осмотрѣлся кругомъ, точно онъ спалъ до этой минуты и внезапно былъ разбуженъ непонятнымъ шумомъ; онъ началъ прислушиваться.

Мелодично, серебристо звякали и гудѣли безчисленные бубенчики разукрашенной ямской тройки. Усталые кони, покрытые пѣною, шли шагомъ, окруженные парнымъ облакомъ. Въ саняхъ сидѣло четверо катающихся: три кавалера и одна дама. Двое изъ нихъ были совершенно пьяны и ихъ цилиндры глупо кивали изъ-за поднятыхъ воротниковъ. Дама положила свою голову на плечо третьяго, трезваго кавалера, а тотъ, приложивъ два пальца къ козырьку своей форменной фуражки, весьма вѣжливо раскланивался, по направленію, гдѣ, какъ поясной портретъ въ рамѣ, видна была фигура Ледоколова.

Между портретомъ, стоявшимъ на столѣ, и дамою въ саняхъ было поразительное сходство: тѣ-же пепельно-золотистые волосы, тѣ-же глаза, выразительные, смѣющіеся, оттѣненные длинными рѣсницами, тотъ-же ротикъ, сочный, задорно-улыбающійся... Не было, — не могло быть никакого сомнѣнія: въ саняхъ сидѣлъ оригиналъ того портрета, на стеклѣ котораго ясно видны были слѣды поцѣлуевъ Ледоколова.

Имъ овладѣло неудержимое бѣшенство... онъ схватилъ револьверъ.

„Вамъ весело, вы наслаждаетесь!.. Я вамъ испорчу вашу прогулку...“ мелькнуло у него въ головѣ. Ему сейчасъ-же представилось, какой эффектъ произведетъ выстрѣлъ въ эту минуту... Какъ вздрогнетъ она, какъ зашевелится раскаяніе въ ея сердцѣ, когда она увидитъ результаты своей злой шутки... Всю жизнь ея можно отравить одною этою минутою; во снѣ, на яву, вѣчно будетъ носиться передъ ея глазами кровавый образъ; этотъ страшный призракъ съ прострѣленнымъ черепомъ не дастъ ей минуты покоя... И онъ тоже... Ну, господа, любуйтесь!..

Ледоколовъ приложилъ дуло револьвера къ своему виску.

На улицѣ послышался слабый женскій крикъ. Ямщикъ почувствовалъ у себя на шеѣ изрядный, побудительный толчекъ.

— Эй вы, други!.. махнулъ кнутъ ямщика по всѣмъ тремъ конскимъ спинамъ.

Тройка унеслась. Ледоколовъ не успѣлъ выстрѣлить. Онъ не успѣлъ потому.. потому-что... спусковой крючекъ какъ-то особенно туго спускался, вѣроятно, былъ плохо смазанъ, или... вообще что-то случилось съ оружіемъ.

— Да, положительно тебѣ надо уѣхать куда-нибудь отсюда; это самое лучшее, говорилъ Ледоколову на другой день одинъ изъ его друзей, складывая лодочку изъ его предсмертнаго письма.

Онъ сидѣлъ у стола, а Ледоколовъ, закутанный въ халатъ и съ компресомъ на лбу, лежалъ на диванѣ, котъ-Васька переходилъ отъ одного къ другому; то потрется бокомъ около ноги друга, то поиграетъ кисточками хозяйскаго халата.

— Подъ вліаніемъ свѣжихъ впечатлѣній, все разсѣется мало-по-малу, пройдетъ хандра... (изъ лодочки началъ формироваться корабликъ) ну, и все прочее...

— Да куда поѣхать? я-бы готовъ, говорилъ Ледоколовъ слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ.

— Поѣзжай въ Африку... Тропическое солнце, негры, истоки Нила, новыя открытія...

— Для этого нужны большія средства...

— Ну, конечно... А то въ Эмсъ валий, въ Висбаденъ, тамъ рулетка, Гретхены, Минхены, Каролинхены, воды разныя цѣлительныя.

Предсмертное письмо окончательно сформировалось въ пѣтуха, пѣтухъ поставленъ былъ на видномъ мѣстѣ, лицомъ къ портрету красавицы.

— Да, дѣйствительно, дальше отсюда,—Ледоколовъ приподнялся на локоть,—тутъ невыносимо, тутъ каждый предметъ такъ живо напоминаетъ мнѣ о ней... Слухи доходятъ; вонъ, вчера еще письмо анонимное получилъ,—нашлись непрошенные агенты.

— Свиныя... пробормоталъ другъ,—и кто-бы это могъ быть? Ты по почерку не узналъ?

— Вотъ портретъ этотъ... каждый разъ, какъ я взгляну на него...

— А вотъ мы его уберемъ...

Другъ началъ заворачивать портретъ въ газетную бумагу.

— Конечно, я убѣжденъ, что время возьметъ свое, оно излечитъ...

— А у тебя нѣтъ еще... тамъ этихъ медальоновъ, группъ, отдѣльныхъ карточекъ?..

— Много есть.

— То-то, я помню; вы вѣдь частенько заходили въ фотографію...

Другъ принялся рыться по ящикамъ.

— Европа не манитъ меня вовсе, продолжалъ Ледоколовъ.— Мнѣ надоѣли люди, мнѣ...

„Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“... Прорекламиривалъ другъ.

— Старшій дворникъ пришелъ, доложилъ черезъ нѣсколько комнатъ женскій голосъ.

— Пусть войдетъ,—что тебѣ?..

— На счетъ квартиры; хозяинъ спрашивалъ: такъ какъ ежели, какъ, значить, по условію, впередъ по-третно... Прикажете получить?

— Скажи хозяину, что можетъ наклеивать на окна билеты. Такъ, что-ли? обратился другъ къ Ледоколову.

Тотъ кивнулъ головою.

— Въ отъѣздъ изволите-съ? полюбопытствовалъ старшій дворникъ.

— Въ отъѣздъ.

На другой же день, на всѣхъ окнахъ квартиры Ледоколова красовались бѣлые четырехугольники.

— Если-бы ты зналъ, какъ меня самого *туда* тлеть, говорилъ другъ, помогая Ледоколову укладываться.

— Что-же тебѣ мѣшаетъ?

— Какъ что? ну—это, какъ бишь его,—дѣла.

— Ну, какія у тебя дѣла?

— Всякія, а ты вотъ-что: какъ пріѣдешь, пиши, обо всемъ пиши: все, что какъ тамъ есть; на счетъ жизненныхъ удобствъ и все прочее. Не можетъ-же быть въ самомъ дѣлѣ, чтобы *тамъ* только одна баранина?

Ледоколовъ улыбнулся.

— А я, какъ съ дѣлами покончу, сейчасъ-же и самъ къ тебѣ,—это возьмешь съ собой?—Другъ протянулъ какой-то свертокъ.

Во всѣхъ комнатахъ пыль стояла густымъ туманомъ, въ этомъ туманѣ копошились, покрикивали и пыхтѣли нѣсколько полосатыхъ фуфакъ, надсаживаясь надъ какимъ-то комодомъ. Черный длиннополый сюртукъ купческаго покрова повѣрялъ мебель по штучкѣ, просматривая по реестру.

— Диванъ-угольникъ, обить голубымъ рипсомъ въ стежку!.. произносилъ онъ отчетливо и съ нѣкоторою внушительностью.

— Есть! вскрикивалъ кто-то изъ другой комнаты.

Ледоколовъ съ своимъ другомъ оставили большой чемоданъ, надъ укладкою котораго хлопотали, и принялись завтракать.

— Повѣришь-ли, говорилъ Ледоколовъ, разрѣзывая сочную, красную, какъ кровь, котлету,—сегодня въ первый разъ я чувствую что-то похожее на апетитъ.

— И прекрасно. И такъ, — другъ налилъ въ стаканъ краснаго вина, — скатертью дорога!

— Благодарю...

Ледоколовъ пожалъ дружескую руку и чокнулся своимъ стаканомъ.

— Дюжина стульевъ гнутыхъ, два ломберныхъ стола, шифоньеръ рококо... буфетъ, доносились возгласы изъ дальнихъ комнатъ.

II.

Письма изъ далека.

Вдова генераль-маіора, Фридерика Казиміровна Брозе, и дочь ея Адель получили каждая по письму. Оба эти письма принесены были въ одно время, однимъ почтальономъ, въ одной и той же сумкѣ; оба были съ адресами, написанными однимъ и тѣмъ же почеркомъ и оба конверта послали на себѣ слѣды далекой и многотрудной дороги. Видно было, что письма эти и подмокали, и высыхали не одинъ разъ, пожелтѣли они, кое-гдѣ расплылись побурѣвшія чернила, протерлись мѣстами углы конвертовъ и растрескались смятыя сургучныя печати.

Рыженькая горничная въ веснушкахъ, принявшая письма отъ почтальона, положила ихъ оба на подносикъ и поднесла барынѣ, которая въ эту минуту сидѣла въ гостиной и, положивъ на диванъ обѣ ноги, наблюдала, на-сколько рельефно обрисовываются подъ бѣлымъ кружевнымъ пеньюаромъ ея пышныя, округленныя формы.

— Вотъ письма-съ, доложила горничная.

— Это отнеси къ барышнѣ въ комнату, распорядилась Фридерика Казиміровна, просмотрѣвъ адреса и изобразивъ на своемъ весьма еще красивомъ, хотя и сильно реставрированномъ лицѣ сперва нѣкоторое удивленіе, потомъ нескрываемую радость.

Она распечатала торопливо конвертъ и перешла на кресло, поближе къ окну, такъ какъ было уже около трехъ часовъ и въ комнатѣ начинало темнѣть, особенно благодаря жардиньеркамъ и массивнымъ драпировкамъ на окнахъ.

— Ну, можешь и отпраляться, отнеслась вдова къ горничной, все чего-то дожидавшейся, и принялась читать.

— Я такъ и ожидала, я такъ и ожидала, произносила она по-временамъ и снова погружалась въ чтеніе. — Да, это было видно по всему, по всем-м-му, протанула она, перевертывая страницу. — Какъ неразборчиво... Что это? Гмъ. Однако, въ такую даль, въ такую глушь!..

Еще разъ перечитала Фридерика Казиміровна письмо, положила его въ карманъ, почнула конвертъ, разорванный на двое, и его спрятала и подошла къ зеркалу. Долго присматривалась она къ какому-то прыщиву надъ бровью, повернулась потомъ, посмотрѣла назадъ черезъ плечо, граціозно передернула лопатками, вздохнула глубоко-глубоко, позвонила и велѣла зажигать лампы.

— Благодарю васъ за прогулку со мною, говорила красивая, стройная брюнетка, раскланиваясь у подъѣзда дома съ молодымъ человѣкомъ въ соболяхъ, стоявшимъ передъ нею съ приподнятымъ цилиндромъ.

— Мнѣ было такъ пріятно... Маменькѣ прошу передать мой поклонъ.

— Мерсі, до свиданья!

Дѣвушка побѣжала вверхъ по лѣстницѣ, а молодой человѣкъ посмотрѣлъ на право, посмотрѣлъ на-лѣво и сталъ осторожно переходить улицу.

Адель была дѣйствительно очень красивая дѣвушка, особенно въ эту минуту, когда морозъ такъ усердно подрумянилъ ея щеки. Черная бархатная кофточка съ мѣховой опушкою и хвостиками и кокетливо приподнятое платьице такъ кокетливо обрисовывали ея молодую фигурку, она такъ граціозно перепрыгивала съ ступеньки на ступеньку, засунувъ ручки въ муфту, изображавшую какого-то звѣрка, такъ симпатично, весело напѣвала при этомъ, что старикъ швейцаръ, наблюдавшій за нею снизу, крикнулъ, обошелся безъ помощи платка и произнесъ:

— Ну, коза-барышня!

„Молодой другъ мой, Адель Богдановна“, читала дѣвушка, запершись у себя въ комнатѣ. „Надѣюсь, вы простите старику эту маленькую фамильярность; положимъ, что хотя я и не совсѣмъ еще старикъ, но... да, впрочемъ, это вовсе найдеть къ дѣлу.“

„Захотѣлось мнѣ шибко побесѣдовать съ вами письменно, считывая, что если у васъ и не хватало терпѣнія поговорить со мною хоть полчаса лично, то, можетъ быть, вы будете снисходительнѣе къ моему письмецу и дочитаете его до конца.

„Вотъ уже полгода, какъ я разстался съ вами. Я теперь поселился въ совершенно новомъ краю, при самой оригинальной и новой обстановкѣ, и успѣлъ уже на-столько приглядѣться и привыкнуть къ моему новому положенію, что рѣшился даже поселиться здѣсь надолго, если не на всегда. Одно только, съ чѣмъ я не въ состояніи примириться, это невозможность видѣть моего молодого, хорошенькаго друга... Ну, ну, не сердитесь; я уже вижу, какъ вы надули ваши розовыя губки и собираетесь рвать на клочки мое бѣдное посланіе... ну, больше не буду; на меня грѣхъ сердиться; я такой добрый и постараюсь доказать это сейчасъ-же на дѣлѣ.

„Говорили вы мнѣ какъ-то, что хотите жить независимо, своимъ трудомъ, хотите работать, да только въ одномъ находили затрудненіе, — а именно: куда вы ни обращались, вамъ нигдѣ не давали никакой работы, а если и давали, то съ такимъ ничтожнымъ вознагражденіемъ, что не стоило и ручекъ вашихъ марать, какъ вы выражались сами, помните въ клубѣ, когда вы весь вечеръ бѣгали отъ меня, и только за ужиномъ удалось мнѣ поболтать съ вами, и то благодаря посредничеству вашей уважаемой мамы. Ну-съ, такъ вотъ видите-ли, теперь я вамъ нашелъ работу; извольте слушать и соображать внимательнѣе. Здѣсь очень нуждаются въ гувернанткахъ, и я вамъ подыщу такое мѣстечко, что чудо. Что, вотъ вы опять любите наморщили, думаете, что за невидаль въ гувернантки, какіе-нибудь пять-шесть сотъ рублей въ годъ, — а вамъ вѣдь надо много, очень много надо, я знаю, — нѣтъ, найдемъ такое мѣстечко, что хоть пять, хоть шесть тысячъ, а не сотенъ приподнесутъ вамъ за ваши труды, — довольно-съ, или мало? а то можно и больше; вы только не церемоньтесь, говорите прямо.

„Но такія выгодныя мѣста находятся только здѣсь, и потому вамъ надо собираться въ дорогу. Что, испугались? Шутка-ли: пять тысячъ вереть, киргизы, тигры, тарантулы, разбойники... не бойтесь, — довезутъ васъ бережно и сохранно, какъ царицу сказоч-

ную. Объ этихъ подробностяхъ я уже писалъ вашей маменькѣ и вамъ надо во всемъ на нее положиться.

„Пріѣдете къ намъ, остановитесь пока прямо у меня, на всемъ готовомъ; лошадки къ вашимъ услугамъ: и верховья и всякія; вѣдь вы, я знаю, любите кататься; комната ваша вся въ цвѣточкахъ, персики и виноградъ прямо въ окошечки сами дѣзутъ; фонтанъ, купальни въ самомъ восточномъ вкусь, и будете вы купаться и нѣжиться.

„А я буду васъ нѣжить, да холить и будете вы кататься, какъ сыръ въ маслѣ, а то и лучше.

„Дѣлишки ваши, я знаю, теперь совсѣмъ плоховаты, да это, впрочемъ, вамъ подробно расскажетъ сама Фридерика Казиміровна, а-же только предупрежу васъ, что кромѣ долговъ, и довольно крупныхъ, у васъ съ маменькою ничего нѣтъ, а этого очень и очень мало; особенно для васъ, моя пичужечка, — виновать, тысячу разъ виновать, что-же дѣлать: прямо отъ сердца идетъ. Захотите вы, наприимѣръ, покататься въ коляскѣ по Невскому, а у васъ и гривенника нѣтъ на простого извозчика; захотите куда-нибудь потанцовать поѣхать — хватъ: ни платица, ни вѣера, ни перчаточекъ, эхъ, совсѣмъ скверно; да что, кушать захотите и то нѣту. Ну, не плачьте, не портите вашихъ прелестныхъ глазокъ, пріѣзжайте ко мнѣ и все устроится: будете вы жить, какъ хотѣли, — своимъ трудомъ, и всего у васъ будетъ вдоволь.

„Пока высылаю вамъ по почтѣ двѣ тысячи на кое-какія дорожныя приготовленія, а тамъ на пути встрѣтитъ васъ довѣренный мой, хорошій человекъ, Иванъ Демьянычъ Катускинъ, и докатитъ васъ этотъ самый Катускинъ съ полнѣйшимъ комфортомъ.

„Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего пріѣзда и, стоя на крышѣ моего дома (у насъ тутъ все плоскія крыши, какъ полъ, и на нихъ палатки поставлены, цвѣты посажены, кустарнички, какъ у Семирамиды въ Вавилонѣ, чай, учили въ институтѣ объ этомъ), буду день и ночь поглядывать на дорогу: не покажется ли пыль, поднятая колесами вашего экипажа?

„Брѣпко, крѣпко цѣлую ваши ручки и ножки, мамы вашей тоже и остаюсь

безпредѣльно и пламенно любящій васъ,

Иванъ Лопатинъ“.

— Вотъ уже чего я никакъ не ожидала! произнесла Адель, прочтя это длинное посланіе, и вдругъ расплакалась. Она не поняла и половины письма, не поняла, то-есть, его настоящаго значенія, но инстинктивно почувствовала, что дѣло какъ-то не ладно, что ей-бы не слѣдовало получать такихъ писемъ, что въ этомъ письмѣ есть что-то обидное, болѣе того, оскорбительное, вызвавшее изъ ея глазъ эти невольныя слезы.

„Зачѣмъ тутъ такъ часто онъ о маменькѣ говорить? подумала она, — развѣ пойти показать ей это письмо, поговорить съ нею—пусть она объяснитъ мнѣ, что-же это такое?“

И съ этимъ рѣшеніемъ Адель, утеревъ глаза, взошла въ гостиную къ Фридерикѣ Казиміровнѣ.

Маменька сидѣла за книгою и сдѣлала видъ, что не замѣтила, какъ вошла Адель; она даже отвернулась немного отъ двери, какъ только услышала шаги дочери.

— Мама, начала Адель и остановилась.

— Ахъ, Адочка, ты уже вернулась? удивилась и обрадовалась Фридерика Казиміровна.

— Вотъ, мама, я письмо получила, и письмо такое странное.

Вдова бѣгло взглянула въ глаза дочери.

— Заплаканы, подумала она, —это ничего... Письмо, отъ кого? спросила она вслухъ.

— Отъ Лопатина.

— Скажите, что-же это онъ тебѣ пишетъ? Это интересно... Покажи.

Адель протянула ей письмо.

— Онъ такой славный, такой добрый и честный человекъ, говорила маменька какъ-бы про себя. — Это очень мило, очень мило съ его стороны: не забывать своихъ хорошихъ друзей.

— Однако, мама, мы вовсе не такъ коротко знакомы съ нимъ. Онъ былъ у насъ всего три или четыре раза; положимъ, что въ обществѣ мы встрѣчались довольно часто...

— Ахъ, какой шутникъ, ахъ какой шутникъ! произносила вслухъ Фридерика Казиміровна, прочитывая письмо. — Ба, ба, ба, да это прелестно... гмъ... какъ, только двѣ тысячи на дорожныя приготовленія!.. Что-же ты стоишь, Адочка? садись вотъ тутъ, поближе ко мнѣ... „Катушкинъ докатить!.. ха, ха, ха! какой

балагуръ... Ну, сказочная царица, она взглянула на Адель нѣжно, нѣжно и даже пожала ей руку,—тебѣ это нравится?

— Мама, ты довольна, ты не шутишь? удивилась Адель.

— Конечно, нѣтъ; чего-же тебѣ еще желать лучшаго? Да это просто находка, кладъ, особенно въ такое время, когда дѣла наши такъ плохи, такъ плохи.

— Значить, это правда, что пишетъ Иванъ Илларионовичъ о нашихъ дѣлахъ?

— Правда, болѣе чѣмъ правда! вздохнула Фридерика Казимировна и поднесла къ глазамъ платокъ съ кружевнымъ угломъ.

Задумалась Адель и замолчала; замолчала и маменька, наблюдая изъ-подъ платка за тѣми складочками, которыя то набѣгали, то расплывались снова на высокомъ, красивомъ лбу задумавшейся дѣвушки.

— Мама, да скажите мнѣ наконецъ: что это за гувернантки, которымъ платятъ по шести тысячъ въ годъ и обставляютъ, какъ сказочныхъ царицъ? Я объ этомъ прежде никогда и не слышала, это что-то очень странно.

— Есть такія гувернантки, есть, рѣшительнымъ, авторитетнымъ тономъ произнесла Фридерика Казимировна.—Особенно тамъ, гдѣ такъ мало женщинъ... воспитательницъ женщинъ, поправилась она.—Притомъ и другія условія: трудность путешествія, нѣкоторыя лишенія... все это оцѣнивается...

— Это что-то подозрительно.

— Ты, наконецъ, начинаешь мнѣ надѣдаться.

— Мама, да скажи-же ты мнѣ: о чемъ-же хлопочетъ тутъ Лопатинъ, изъ-за чего? Ну, положимъ, кому нужна гувернантка, тотъ и пиши, и приглашай, а Лопатинъ?..

— По дружбѣ ко мнѣ и по любви къ тебѣ.

— По любви?

— Да.

— Мама...

— Ты развѣ не замѣтила, скажите! а я такъ давно, давно все замѣтила... Прекрасный человекъ — миллионеръ... Конечно, одна бѣда, что женатъ, но если-бы, ахъ, если-бы!..

— Такъ онъ женатъ? Я этого не знала.

— Но это такой вздоръ... Фридерика Казимировна немного смутилась.—Жена его совсѣмъ умирающая, больная женщина, она

жить гдѣ-то на югѣ въ провинціи, и часъ отъ часу Лопатинъ ждетъ извѣстія о ея смерти... Они разошлись уже лѣтъ десять; это почти забытая, старая исторія. Развѣ онъ не говорилъ тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ, мама.

— Ахъ, какъ онъ тебя любитъ! Нѣжно, сильно, какъ дочь, какъ... Когда онъ раскрывалъ передо мною свое сердце, я не могла удержаться отъ слезъ, я и теперь готова заплакать, какъ только вспомню его трогательное прощаніе.

Адель передернула плечами.

— Ты просто камень, просто камень! я уже сто разъ говорила тебѣ это. Молодая дѣвушка, только что изъ института, а такое черствое сердце!

— Да вѣдь онъ не къ себѣ-же приглашаетъ меня въ гувернантки; у него нѣтъ вѣдь дѣтей.

— Это все равно, можетъ быть, онъ хлопочетъ для какого нибудь тамъ семейства, а самъ рассчитываетъ только на счастье тебя видѣть, быть къ тебѣ поближе. Это очень просто.

— Просто... нѣтъ, мама, я отсюда не поѣду.

— Что?

— Я отсюда не поѣду: я не хочу ѣхать, я не могу... Адель приготовилась было плакать.

— А, протянула Фридерика Казиміровна. — Вотъ какъ... Ну-съ, такъ извольте слушать.

Фридерика Казиміровна встала и начала порывисто ходить по комнатѣ.

— Сегодня утромъ, когда тебя не было дома, приходилъ сюда приставъ описывать все, что только у насъ есть... Еще вчера я размѣняла послѣдніе десять рублей, пойми ты: послѣдніе; у насъ съ тобою ничего нѣтъ, ничего, кромѣ нашихъ гардеробовъ, и на тѣхъ, пойди посмотри, ты, вѣрно, не успѣла замѣтить, этотъ скверный приставъ понаклеивалъ красныя печати.

— А мое платье, черное, новое? Мнѣ оно такъ сегодня нужно, испуганно спросила Адель.

— И твое черное платье тоже подъ печатью.

— Это ужасно! это ужасно!

— Болѣе чѣмъ ужасно. Но этого мало. Векселя поданы ко взысканію и меня хотятъ посадить въ тюрьму.

— Мама! да не шути такъ страшно.

— Я не шучу, дитя мое.

— Что-же намъ дѣлать? что-же намъ дѣлать?!..

— Сегодня утромъ я тоже получила письмо отъ Лопатина; оно воскресило меня, оно такъ много дало мнѣ надеждъ... Я его покажу тебѣ послѣ, пока надо приготовляться къ отъѣзду. Тутъ остается одинъ, адвокатъ, что-ли, я не знаю, ему Иванъ Илларионовичъ поручилъ хлопотать по моимъ векселямъ, а мы черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, должны выѣхать изъ Петербурга.

— Я, мама, не могу ѣхать.

— Да ты съ ума сошла!

— Поѣзжай одна, если хочешь...

Адель рѣшительно вѣяннула на свою мать, та принялась что-то соображать.

— Ахъ да, произнесла она, —вчера былъ у меня Хлопушинъ; онъ встрѣтилъ Жоржа...

Адель вдругъ покраснѣла до ушей; маменька лукаво улыбулась.

— И, представь себѣ, Хлопушинъ говорилъ мнѣ, что Жоржъ тоже *туда* ѣдетъ, и не позже, какъ этою-же весною.

— Мама, вѣдь *это* очень далеко?

— Нѣтъ, не такъ чтобы очень...

— Мы поѣдемъ въ коляскѣ, или все по желѣзной дорогѣ?..

— Это, дорогое дитя мое, не наша забота. У насъ будетъ господинъ Катусьинъ, который насъ отлично докатитъ прямо на крышу къ Ивану Илларионовичу.

Фридерика Казиміровна засмѣялась и нѣжно прижала свою Адель къ материнскому сердцу.

III.

Грузъ баржи № 9, подъ литерами И. Л.

Былъ прекрасный весенній день. Все кругомъ смотрѣло какъ-то особенно весело и празднично. Все казалось не тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ. Все, до сихъ поръ сѣрое, безцвѣтное, однообразное, залитое яркими лучами апрѣльского солнца, играло и пестрѣло самыми блестящими красками; даже казенные пакгаузы и склады соли, глинистый обрывъ, круто спускающійся въ

рѣку, топкая грязь у пристани, черезъ которую вели досчатая настилки для проходовъ, черная дорога, поднимающаяся извиленно на гору, съ засѣвшими по ступицу тяжелыми возами, все было такое красивое съ виду, чистенькое... Сѣрые суконные армяки, заплатанные до послѣдней возможности, бараньи полушубки, засаленные купеческіе кафтаны казались какими-то театральными костюмами. А Волга, широкая, голубая съ золотистыми песчаными отмелями, была чудно хороша!.. Золотыя верхушки церквей, выглядывающія изъ-за обрыва, красныя и зеленныя крыши домовъ, пожарная каланча съ виллообразнымъ шестомъ и съ десяткомъ воронъ, помѣстившихся на его вершинѣ, прозрачныя кружевныя группы деревьевъ, едва только покрытыхъ нераспустившимися почками, все это такъ отчетливо, рѣзко рисовалось на синемъ фонѣ весенняго неба, точно ловко написанная театральная декорация, освѣщенная и съ боку, и снизу, и сверху, и сзади, и спереди...

— Очень прекрасно! произнесъ парень въ одной рубахѣ, принаравливаясь, какъ-бы присѣсть половче на опрокинутый боченокъ съ выбитымъ донцемъ.

— Особливо съ устатку, на вольномъ воздухѣ, согласился другой парень. Этотъ совсѣмъ былъ безъ рубахи, а въ какой-то синей курткѣ, надѣтой прямо на голое тѣло.

— Подрядчикъ сказывалъ, что ежели къ ночи все перетаскаемъ съ баржи, еще четверть на нашу артель пожертвуетъ, сообщил третій.

— Перетаскаемъ! нешто мы лошади!

— Отчего не перетаскать: коли ежели путемъ взяться...

— Гляди: до свѣту таскали, а все не видать убыли; самый махонькій уголокъ отобрали...

— Кому наливать... Дядя Кондратій гдѣ?

— Побѣжалъ за селедками.

— Садись, ребята, сюда на кули...

— Желаемъ здравствовать. Господи благослови!

— Какъ я, значить, колѣнкой да объ уголь... ну и шабашь!

— А дядю Павла враномъ по лбу-то... идо загудѣло!..

Рабочая артель принялась завтракать.

Пароходъ „Соликамецъ“ вчера вечеромъ пришелъ на самарскую пристань; онъ привелъ на буксирѣ двѣ баржи съ грузомъ.

Едва только начало разсвѣтать, какъ на палубахъ обѣихъ баржъ собрались заранѣ нанятые артели для выгрузки товаровъ и началась кипучая работа. Сперва все бочки таскали какія-то; на поворотныхъ кранахъ вытягивали ихъ снизу и сватывали по наклоннымъ подмосткамъ; потомъ за ящики принялись; а больше всего возни было съ паровымъ котломъ и еще какими-то машинами, разобранными по частямъ и тщательно завероченными въ рогожи.

— Ну, еще, ну, разомъ!.. кричалъ одинъ изъ десятниковъ артели.

— Навались, ребята, навались! вопилъ другой.

— Маленечко-бы еще, онъ-бы сейчасъ и пошелъ, убѣждалъ третій.

Но, несмотря на эти возгласы, паровикъ только покачивался подъ натискомъ нѣсколькихъ десятковъ рукъ и никакъ не хотѣлъ удержаться на толстыхъ ваткахъ, по которымъ ему предстояло опуститься на платформу пристани.

— Вотъ съ этимъ самымъ дьяволомъ мы въ Нижнемъ какъ возились: двоимъ ноги отдавило совсѣмъ, а у одного внутрѣ лопнула жила съ насаду, сообщалъ матросъ, сидя на канатномъ свертѣ и равнодушно поглядывая на толпящихся вокругъ паровика работниковъ.

— Э, послушайте, это надо такъ, подошелъ къ пристани господинъ въ костюмѣ туриста, съ сумочкою черезъ плечо и съ пледомъ, небрежно перекинутымъ черезъ руку.

— Чего-съ?.. остановился одинъ изъ десятниковъ.

— Я самъ немного механикъ и понимаю... Вы веревками опутайте такъ, потомъ перетяните эдакъ и потомъ тащите сюда.

— Ребята, слышь, нѣмецъ сказываетъ: путай такъ, тани эдакъ, а я тебя вытягивай сюда...

— Ну его въ дьяволу.

— Это нѣмца-то?

— А ну-ка вдругъ...

Эхъ, дубинушка, ухни,

Эхъ, зеленая сама поидеть, сама поидеть. Ухъ!

— Стой!

— То есть, ни Боже мой, ни на пол-пальца.

— Взопрѣли страсть, ребята, шабашъ! гляди, жеркумовскіе водку лопаютъ.

— Ты вотъ гляди, какія такія слова?

— Гдѣ?

— Вотъ на боку, красною краскою обозначены.

Рабочіе принялись разсматривать значки и буквы, начерченные бойкими мазками на паровикѣ и на тюкахъ съ машинами.

— Одно слово будетъ тебѣ „иже“, прочель отставной солдатъ, вода пальцемъ,—другое, значить, „люди.“

— Клеймо, сообщилъ матросъ.

— Иже и люди, въ раздумьи повторялъ солдатъ.

— И на всякомъ-то тюку это клеймо обозначено, произнесъ одинъ изъ работниковъ, надѣвая въ рукава какую-то синюю ветошь.

— Позвольте-ка, другъ любезный, мнѣ пройти, посторонись, голубчикъ, землячекъ, подайся маленько въ право... ну-ка ты!.. пробирался сквозь толпу пожилой человекъ, одѣтый какъ ходять средней руки торговцы изъ казанскихъ татаръ.

— Вчерашняго числа прибыть изволили?.. обратился онъ къ матросу.

— Чего-съ? отозвался тотъ.

— Пароходъ „Соликамецъ“ прибылъ вчерашняго числа? повторилъ вопросъ пожилой человекъ.

— Вчера вечеромъ...

— Такъ, а ежели... Да позвольте спросить, вы при баржѣ-съ состояли или гдѣ въ другомъ мѣстѣ?

— При баржѣ № 9. Вотъ при этой самой.

— Желательно-бы мнѣ знать было... Вотъ я вижу, тутъ машины идутъ, опять и другой товаръ—все одной фирмы; и такъ какъ фирма эта мнѣ доподлинно извѣстна, то позвольте спросить, кто при машинахъ и прочемъ приставленъ былъ, и гдѣ мнѣ ихъ можно видѣть?

— А я почемъ знаю...

Матросъ сплюнулъ, перемѣнилъ позу, надавилъ пальцемъ табакъ въ своей трубочкѣ и отвернулся.

— Какъ-же вамъ не знать: столько дней вмѣстѣ шли; вѣрно, видѣли-съ.

— Мое дѣло особенное, мнѣ что!

— Совсѣмъ я не такой человѣкъ, чтобъ не знать своего дѣла, и ежели вамъ можно отлучиться на полчасаика, то мы-бы...

— Давай просто двугривенный, я уже вечеромъ самъ забѣгу.

— И самое лучшее; на-ка, братецъ, да говори проворнѣй; мнѣ отыскать его нужно: дѣло есть.

— Вотъ ежели палубу вымыть, опять когда на якорь становимся, воду выкачивать, а до всего прочаго... Въ синей чуйкѣ нѣмецкаго покроя, надо полагать, не изъ русскихъ, однако, говорить понятно, Богданъ Карлычемъ звали, съ капитанскимъ помощникомъ вонъ по той дорогѣ на гору пошли; когда будутъ назадъ, ничего не сказали.

— Гмъ... произнесъ любопытный господинъ въ татарскомъ бешметѣ и принялся разсматривать клейма.

Эти клейма и его заняли такъ-же, какъ и рабочихъ, но только тѣ посмотрѣли, пальцами потрогали, узнали отъ солдата, что эти слова означаютъ и пошли завтракать, а онъ долго и внимательно осмотрѣлъ всѣ тюки, на которыхъ только краснѣли буквы И и Л, обратилъ вниманіе на количество пудовъ, выставленное на паровикѣ и машинныхъ частяхъ, вынулъ записную книжечку и карандашемъ что-то намѣтилъ, еще разъ обошелъ вокругъ паровика, кивнулъ головою матросу, поглядывавшему на него искоса, и медленно, степенно сталъ переходить по доскамъ, съ палубы баржи на пристань.

А на мостикѣ парохода „Соликамець“, сидя верхомъ на складномъ стулѣ и положивъ на колѣни газету, которую только что читалъ такъ усердно, капитанъ съ англійской рыжей бородкою, въ куцемъ пиджакѣ и въ ботфортахъ, наблюдалъ въ бинокль бѣлую струю дыма, чуть поднимающуюся надъ горизонтомъ.

— „Самолетскій“, произнесъ другой господинъ, поднимаясь на мостикъ и тоже присматриваясь въ даль.

— „Царевичъ“ идетъ ходко, однако, по расчету опоздаетъ на два съ половиною, произнесъ капитанъ.

— Какъ даль обманываетъ глазъ; вѣдь вотъ кажется и близко, а поди-жь ты.

— Оптический обманъ.

— Я думаю, въ открытомъ морѣ... Вы тамъ плавали, капитанъ?

— Нѣтъ, я изъ рѣчныхъ.

Чуть слышно донесся по вѣтру звонъ парового свистка. На пассажирской пристани поднялась суматоха. Десятка два извопичьихъ дрожекъ, такъ называемыхъ долгушекъ, которыя только и можно встрѣтить въ степныхъ мѣстахъ и въ поволжскихъ городахъ, разбрызгивая колесами дорожную грязь, во весь карьеръ катили съ горы, обгоняя другъ друга и стараясь занять мѣста поближе къ пристани.

Надъ самымъ обрывомъ, обнесенный тесовымъ желтымъ заборомъ, стоялъ одно-этажный старый домъ съ покосившимся мезониномъ; надъ всѣми окнами этого дома тянулась надпись, по красному фону бѣлыми буквами: „трактиръ Златокрылаго лебеда“, а на фронтонѣ мезонина изображенъ былъ и самый лебедь, кольцомъ перегнувшій длинную, тонкую шею. Въ первой комнатѣ этого трактира, въ такъ-называемой „общей“, всѣ столы были заняты рабочими, матросами и всякимъ сѣренькимъ людомъ; въ чистой-же половинѣ, у самыхъ окошекъ, сидѣли только двѣ группы: одна, состоящая изъ четырехъ татаръ-купцевъ въ лисьихъ бешметахъ и шитыхъ золотомъ шапочкахъ, другая—изъ двухъ только собесѣдниковъ: капитанскаго помощника съ парохода „Соликамецъ“ и другого господина, весьма близко подходящаго къ описанію матроса на баржѣ № 9. Татары, всѣ въ поту, разстегнувши широкіе ворота шелковыхъ рубахъ, засучивъ длинные рукава бешметовъ, пили чай, доканчивая шестой чайникъ солидной виѣстимости; тѣ-же двое дожидались селянки изъ живыхъ стерлядей, а пока пили англійскую-померанцевую, закусывая солеными грибами.

— И отсюда сухимъ путемъ, произнесъ господинъ, описанный матросомъ съ баржи № 9.

— Далекое,—ухъ, далеко! вздохнулъ капитанскій помощникъ.

— Очень далеко, согласился его собесѣдникъ.

Дѣйствительно, иностранный акцентъ ясно слышался въ разговорѣ этого господина, хотя видно было также, что онъ хорошо усвоилъ себѣ русскій языкъ и даже знакомъ былъ съ нѣкоторыми особенностями народной рѣчи.

— Я полагаю, что везти эдакую тяжесть на колесахъ чуть не четыре тысячи верстъ придется не менѣе года?

— По нашимъ расчетамъ, въ укрѣпленіе „Уральское“ транспортъ прибудеть около половины іюля; а тамъ...

— Ты, родной, пожалуй-ка мнѣ сюда порцію ветчины съ хрѣнкомъ и полынной графинчикъ; вотъ къ этому столику.

Въ комнату вошелъ новый посѣтитель, въ гороховомъ пальто, въ картузъ съ наушниками, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ и съ большимъ дождевымъ зонтикомъ. Господинъ этотъ, не обращая никакого вниманія на своихъ сосѣдей, усѣлся за столикъ, поставилъ около себя мѣшокъ, отдалъ трактирному мальчику зонтикъ съ картузомъ и, потирая руки, крякнулъ въ ожиданіи ветчины съ хрѣнкомъ.

— Слышь, Павлуха, шепнулъ одинъ изъ рабочихъ другому, когда господинъ этотъ проходилъ черезъ общую комнату. — Чтобы мнѣ съ этого мѣста не встать, если я его не видалъ нонче у насъ на баржѣ.

— Можетъ, и онъ; намъ што...

— Нѣтъ, только чудно, что съ рожки какъ есть онъ, а одежда не та.

— Да тебѣ-то што?

— А мнѣ наплевать, кипяточку-бы... парень!

— Огурцевъ соленыхъ кто требовалъ? звонко кричалъ мальчишка въ красной рубашкѣ, помахивая надъ головою тарелкою съ огурцами.

— Ну, а изъ „Уральскаго“? спрашивалъ капитанскій помощникъ.

— Тамъ уже подряжены киргизы везти до Казалы на верблюдахъ; а тамъ по Сыръ-Дарьѣ, на пароходѣ. Въ первыхъ числахъ сентября должны быть на мѣстѣ.

— Должно-быть, богатый человекъ этотъ господинъ Лопатинъ?

— Не знаю; я съ нимъ не знакомъ вовсе;—нанять я по перепискѣ, черезъ наше агентство;—долженъ доставить машины; установить ихъ на мѣстѣ, а за тѣмъ, ежели не захочу оставаться у него на службѣ, обратный проѣздъ мнѣ гарантированъ. Деньги, впрочемъ, господинъ Лопатинъ пока платитъ очень хорошо.

— Извините, если я позволю васъ перебить...

Господинъ въ гороховомъ пальто пододвинулъ свой стулъ поближе.

— Такъ-какъ я самъ оттуда и мнѣ господинъ Лопатинъ весьма извѣстенъ...

— Вы изъ Ташкента?

— Такъ точно... Позвольте представиться: Сладковъ, Филиппъ Петровичъ.

— Эдвардъ Симсонъ, приподнялся со стула господинъ съ иностраннымъ акцентомъ.

— Весьма любопытная сторона, произнесъ капитанскій помощникъ.

— Еще-бы-съ! съ нѣкоторымъ умиленіемъ произнесъ Сладковъ, Филиппъ Петровичъ.

— Такъ вы господина Лопатина хорошо знаете? спросилъ Эдвардъ Симсонъ.

— Господи Боже мой! да вы спросите, кто изъ тамошнихъ его не знаетъ? Мальчишка какой-нибудь, сартенокъ, отъ земли не видать, а спросите его: гдѣ живетъ Иванъ Илларионовичъ? Сейчасъ, бестія, васъ за полу и къ самимъ воротамъ ихняго дома предоставитъ. Человѣкъ оборотистый, торговый; дѣловой человѣкъ, голова.

— Съ капиталомъ? полюбопытствовалъ капитанскій помощникъ.

— Сила, а современемъ милліонами будетъ ворочать.

Сладковъ совсѣмъ пододвинулся къ столу и даже перенесъ съ собою тарелку съ ветчиною. Трактирный мальчикъ переставилъ полннную по сосѣдству съ англійской-померанцевой.

— Ну, да и край-же, я вамъ доложу, золотой край для всякихъ торговыхъ предпріятій; то-есть за что ни возьмись; и ежели при этомъ еще деньги. Ффа! Все это въ новѣ, не тронутое, запуская руки по самыя локти; гребни, знай... ну, да вотъ вы сами увидите...

— Меня, признаться, это все очень интересуесть.

— Ну, понятно. Тутъ вамъ на встрѣчу еще высланъ отъ Ивана Илларионовича Катускинъ, не видались еще?

— А вы знаете и господина Катускина?

— Иванъ Демьяныча-то. Ха, ха... Еще-бы,—друзья: водою не разольешь. Бывало, вмѣстѣ...

— Вотъ не ѣдетъ что-то. Долженъ былъ еще вчера быть въ Самарѣ, — вѣтъ; что нибудь задержало, видно, въ дорогѣ.

— Ничего-съ, это случается; настоящихъ почтовыхъ трактовъ вѣтъ пока, то-есть они хотя и есть, но, знаете, еще въ такомъ сыромъ видѣ.—А этотъ Катушкинъ съ транспортомъ тоже пойдетъ черезъ степи?

— Не знаю; наемъ киргизовъ въ „Уральскомъ“ и расчетъ съ базавами, что взяли доставку до „Уральскаго“, поручены ему.

— Такъ-съ; человекъ бывалый: онъ все это знаетъ.

— Прикажете?

Эдуардъ Симсонъ поднесъ Сладкову портъ-сигаръ изъ желтой кожи.

— Сигарочку-съ? Позвольте-съ. — Много-съ у васъ груза, много-съ.

— Да, порядочно; особенно этотъ паровикъ. На пристаняхъ у васъ все какъ-то не приспособлено.

— Ну, а эти вотъ,—что въ рогожахъ... досками обдѣланы?

— Это новая машина для размотки шелка, тоже съ паровымъ приводомъ; очень полезное примѣненіе.

— До всего доходить человекъ! еще разъ умилился Филиппъ Петровичъ.

— Ящики вотъ опять у васъ, штукъ двѣсти будетъ; ну тѣ не такъ чтобъ тяжелы.

— Это товары: галантерейный и ткани—не по моей части; при нихъ особо есть прикащикъ.

— Въ одномъ караванѣ пойдете, или порознь?

— Въ одномъ, если паровикъ не очень затруднять будетъ.

— И прекрасно сдѣлаете; вѣрьте моей опытности: исходилъ я эту степь вдоль и поперекъ, знаю я ее, все одно вотъ, какъ свои ладони, Сладковъ вытянулъ обѣ руки ладонями къ верху.—Да-съ, самое лучшее не разбиваться: нѣсколькими днями позже, за то вѣрнѣе.

— Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ господина Катушкина.

— Еще-бы: „Катушкинъ туда—Катушкинъ сюда“ довѣренное лицо, первый агентъ у Ивана Илларионовича.

— Я слышалъ, началъ капитанскій помощникъ,—что у васъ въ степи не совсѣмъ покойно пынче?

— Пустяки-съ, „косоглазые“ пошаливаютъ, однако, все это при должныхъ мѣрахъ одни пустые страхи.

— Но однако? вставилъ Эдуардъ Симсонъ.

— Мнѣ-ли не знать... Весьма-съ, весьма-съ пріятно познакомиться; позвольте для такого случая бутылочку „тенерифцу“, а то шипучаго; эй, мальчикъ!

— Кромѣ водки и пива ничего...

— И прекрасно... Любезный, портеру лекоковского четыре бутылки! скомандовалъ Филиппъ Петровичъ.

Капитанскій помощникъ вытеръ усы салфеткой; Эдуардъ Симсонъ слегка пожалъ плечами. Мальчишка въ красной рубашкѣ, заложивъ между ногъ бутылку, неистовствовалъ ломанымъ штопоромъ надъ осмоленной пробкою.

— Здравія желаемъ-съ... Извините, господа, ежели я теперь немного выпивши.

На порогѣ показался тотъ самый матросъ, что сидѣлъ на канатахъ баржи № 9.

— Ну, ступай, ступай! вцѣпился въ него трактирный мальчишка.— Сюда нельзя.

— Нѣтъ, ты оставь, потому я говорю съ бзриномъ, съ господиною то-есть. Такъ какъ...

Матросъ сильно качнулся въ сторону, гдѣ сидѣлъ Сладковъ.

— Лѣво на бортъ! кричалъ изъ сосѣдней комнаты товарищъ его, тоже матросъ съ „Соликамца“.

— Потрафлю, огрызнулся первый.—Ежели я, сударь, былъ супротивъ вашей милости свиной, то потому больше, что по одежѣ...

— Ну, однако, ступай, любезный, тебѣ здѣсь не мѣсто.

— А вотъ я его... подлеца!

Капитанскій помощникъ, сжавъ кулаки, поднялся со стула.

— Виновать, я, значить, больше... я уйду, смутился матросъ: онъ только сейчасъ замѣтилъ присутствіе начальства.

— Ваше здорье! провозгласилъ Филиппъ Петровичъ, поспѣшивъ замаять непріятную сцену.

Всѣ трое слегка чокнулись стаканами.

IV.

Обитательницы 26-го № гостинницы, подъ фирмою
«Отель Европа».

Большой двух-этажный домъ, съ надписью подъ самою крышею „Отель Европа“, замѣтнѣе всего красовался на городской площади, бросаясь въ глаза своею свѣтложелтою массою. Домъ этотъ смотрѣлъ на площадь сорокашестью окнами, и въ каждомъ почти окнѣ поминутно показывались и исчезали столько же, если не больше, самыхъ разнообразныхъ лицъ, населявшихъ „номера отеля“.

Да, это было хорошее время для мѣщанина Антошкина, хозяина „Отель Европы“; давно онъ не помнить уже такого времени. Прежде, бывало, по цѣлымъ недѣлямъ, даже мѣсяцамъ, пустуютъ заново отдѣланные номера; ключи успѣютъ приржавѣть къ замкамъ, пыль накопится вершковая на клеенчатой мебели, пауки заплетутъ всѣ углы, протянутъ нити отъ зеркала къ камину, отъ камина черезъ канделябръ на ширмы, съ ширмъ на шпалу алебастроваго рыцаря на угольной тумбѣ, оттуда опять куда-нибудь въ темный уголъ, а теперь...

— Ну, времена... вздыхаетъ самъ хозяинъ, мѣщанинъ Антошкинъ, сидя у воротъ на крашеной лавочкѣ; не грустно вздыхаетъ, а едакъ полною грудью, съ нѣкоторымъ довольствомъ; такъ вздыхаютъ послѣ очень сытнаго обѣда, какъ-бы сожалѣя, что уже больше „некуда“. — Да-съ, ну, времена, что дѣлать, и радъ-бы, да все, все, то-есть, занято до послѣдней кануры; ну, и не взыщите!..

И, прищуривъ глаза отъ яркихъ лучей весенняго солнышка, смотреть онъ вслѣдъ отъѣзжающему, тяжелому, какъ верблюдъ, навьюченному, тарантасу казанской работы, увозящему какого-нибудь самарскаго землевладѣльца, пріѣхавшаго въ городъ по тяжбному дѣлу.

— Наплывъ, произносить господинъ въ военной шинели, показываясь на крыльцѣ.

— Такъ точно-съ, приподнимаетъ картузикъ мѣщанинъ Антошкинъ.

— Да, много наѣхало, говорить военная шинель. — Вотъ я вчера прямо съ парохода въ „Миланъ“ — занято, въ „Москву“ — биткомъ набито, въ „Арзамасъ“ въ Малинину — тоже; фу, ты, душаю, положеніе; пріѣзжаю сюда, только-только одинъ свободный...

— Минуточку опоздали-бы и того не нашли-бы. Генераль спрашивалъ съ парохода „Царевичъ“...

— Извощикъ!..

Нѣсколько долгушекъ и двѣ пролетки подлетаютъ въ подъѣзду.

— Куда-бы?! Вези по городу, произносить военная шинель и садится верхомъ на ближайшія дрожки.

— Обозрѣвать ѣдете-съ? раскланивается мѣщанинъ Антошкинъ.

— Да, посмотрѣть поѣхать: какъ, что тутъ у васъ?!

— Номерокъ не дороже двухъ съ полтиною, подходитъ матросъ съ парохода. — Барыня просила приказать...

— А этого хочешь?..

Мѣщанинъ Антошкинъ придаетъ своему протянутому кулаку нѣсколько оскорбительно-игривую форму.

— Что такъ? удивляется матросъ.

— Занято, коротко отвѣчаетъ хозяинъ и даже отворачивается.

На лѣстницѣ, уставленной чахлыми растеніями, по корридорамъ, устланнымъ полосатыми ковриками, во всѣхъ номерахъ, двери которыхъ большею частью были растворены, то до половины, то совсѣмъ уже настезъ, царствовали самыя разнообразныя шумъ и движеніе. Только дверь съ цифрой „26“ была заперта изнутри и тамъ было такъ тихо, что можно было подумать, что или спать по цѣлымъ днямъ обитатели номера „26“, или-же тамъ совсѣмъ нѣтъ никакихъ обитателей.

Номеръ этотъ былъ занятъ по письменному увѣдомленію и долго стоялъ пустымъ въ ожиданіи пріѣзда напавшихъ. Дня четыре тому назадъ пріѣхали двѣ дамы, показали въ конторѣ какую-то карточку, и ихъ провели въ этотъ номеръ, который былъ самый парадный и комфортабельный во всей гостинницѣ. За номеръ этотъ было заплачено столько, сколько запросилъ мѣщанинъ Антошкинъ, а запросилъ онъ такъ, не руководствуясь ни-

какими соображеніями, по наитію свыше, должно быть, и потому весьма жалѣлъ, что запросилъ мало.

Нѣсколько разъ въ день въ 26-й номеръ приносились подносы съ чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ; судя по пустой посудѣ, выносимой обратно, видно было, что дамы обладали здоровыми желудками и очень хорошимъ аппетитомъ. Багажъ обѣихъ путешественницъ былъ очень уважительныхъ размѣровъ, и все, начиная отъ массивныхъ вѣнскихъ сундуковъ, оклеенныхъ суровымъ полотномъ, до самыхъ миниатюрныхъ несесеровъ съ ногтевымъ и туалетнымъ приборами, было крайне изящно и цѣнно.

Дамы эти были очень чистоплотны, потому что умывались по нѣскольку разъ въ день, и нарочно приставленная къ ихъ номеру горничная то и дѣло приносила въ кувшинахъ свѣжую воду и выносила обратно все, что оказывалоь лишнимъ.

Дамы эти были крайне не любопытны, потому что рѣшительно не хотѣли высунуть носу изъ своего номера, не подходили слишкомъ близко къ окнамъ, и когда отворялась дверь, чтобы пропустить человѣка съ подносомъ или горничную, то случайно мимо проходящіе (а ихъ каждый разъ было по нѣскольку человѣкъ разомъ) никакъ не могли видѣть въ комнатахъ ничего, кромѣ чего-то шелкового, свѣтло-лиловаго, перекинутого черезъ спинку одного изъ креселъ, да угла плетеныхъ ширмъ, на которомъ висѣла маленькая дорожная сумочка.

А между тѣмъ въ номерѣ 26-мъ, въ антрактахъ между завтраками, обѣдами, ужинами и чаями, велись слѣдующіе разговоры:

— Мама, да вѣдь это, наконецъ, ужасно скучно... чуть не плакала хорошенькая Адель, тоскливо бродя изъ угла въ уголъ, и шелкая по паркету каблучками своихъ изящныхъ, шелковыхъ туфель.

— Что-же дѣлать? надо ждать, покойно произносила Фридерика Казиміровна, сидя съ ногами на диванѣ, что было любимую ея позою.

— Эти четыре дня тянулись для меня безконечно. Мнѣ кажется, что это было такъ давно, давно, что мы оставили кату шарохода. Шутка-ли: четыре дня!..

— Терпѣніе, — это все, что я могу посовѣтовать.

«Дѣло», № 1.

— Я умру со скуки.

— Не умрешь.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Этотъ проклятый Катускинъ не ѣдетъ... свинья, дуракъ, рябая рожа!..

— Почему ты думаешь, что у него рябая рожа; вѣдь ты его никогда не видала?..

— Я сама не знаю; мнѣ такъ кажется...

Нѣсколько минутъ молчаніе. Фридерика Казиміровна сидитъ, не мѣняя позы; Адель ложится на кровать.

— Мама!

— Что, дитя мое?

— Развѣ мы не можемъ сами ѣхать дальше?..

— Нѣтъ.

— Это почему?

— Ты знаешь, что у насъ почти нѣтъ ни копейки; если заплатить по тому счету, что сегодня прислалъ нашъ хозяинъ, то у насъ... впрочемъ, что-же я говорю, даже и половины счета мы заплатить не въ состояніи.

— А если Катускинъ не пріѣдетъ?.. понизивъ голосъ, спрашиваетъ Адель и даже на локтѣ приподнимается.

— Тогда... Ахъ, Ада, какія ты глупости говоришь.

— А если Катускинъ не пріѣдетъ?... настойчиво повторяетъ Адель.

Фридерика Казиміровна, въ свою очередь, начинаетъ тоскливо пожиматься на диванѣ.

— Не съѣсть-ли намъ чего-нибудь? спрашиваетъ она и протягиваетъ руку къ столовой картѣ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, а если Катускинъ не пріѣдетъ?

— Этого быть не можетъ, не можетъ, не можетъ! Ахъ, да не разстройвай меня, Ада: мнѣ и безъ того...

— Что?..

— Конечно, сомнѣнія быть не можетъ никакого. Иванъ Илларионовичъ не такой человекъ; ну, что-нибудь задержало... вотъ и все. Надо ждать и ждать...

— Развѣ котлетку изъ телячьихъ мозговъ?.. говоритъ Адель.

— Позвони, говоритъ Фридерика Казиміровна.

— И что мы все сидимъ въ заперти, что мы прячемся? опять начинаетъ волноваться Адель.

— Вѣроятно, такъ нужно.

— Странно, мы ѣдемъ по приглашенію Ивана Илларионовича въ Ташкентъ; мнѣ тамъ предлагаютъ мѣсто... Развѣ это что-нибудь предосудительное?..

— О, помилуй, что за глупости. Но вотъ видишь: Лопатинъ писалъ мнѣ (вѣдь я показывала тебѣ это письмо), онъ писалъ мнѣ, чтобы мы... какъ это онъ выразился такъ, очень эдакъ... (Фридерика Казиміровна сдѣлала какой-то округленный жестъ своею пухлою ручкою).

— Чтобы мы „дорогою не очень кидались всѣмъ въ глаза“, напомнила Адель.

— Да, вотъ ты сама видишь. Я не знаю, почему это нужно Ивану Илларионовичу, но отчего-же въ угоду ему не соблюсти этого инкогнито... Это даже довольно интересно; знаешь, въ романахъ это случается довольно часто: какія-нибудь герцогини или...

— Удивительно интересно: тоска эдакая.

— Ты просто хандрить.

— Да, да, да, да... расходилась Адель.

— Да тише-же.

— Мама, пойдемъ внизъ къ общему столу.

— Что ты? ни за что!..

— Тамъ такъ весело; шумятъ такъ, разговариваютъ.

— Но ты забыла, что тамъ неудобно быть дамамъ.

— Не правда: сосѣдки наши обѣдаютъ тамъ, изъ номера напротивъ тоже, изъ нижняго этажа цѣлое семейство, только мы однѣ...

— Инкогнито, протянула Фридерика Казиміровна.

— Ну, ты, мама, и сиди съ своимъ „инкогнито“, а я пойду одна...

— Адель!.. ты себѣ ужасно можешь напортить.

— Это еще почему?

— Ахъ, Адель, какъ я могу объяснить тебѣ это понятно. Ну, вотъ видишь-ли... Да что-же это въ самомъ дѣлѣ Катушинъ не ѣдетъ?

Фридерика Казиміровна чуть не заплакала.

— Знаешь, мама, каждый разъ, какъ отворяютъ нашу дверь, я смотрю въ щелку, сквозь ширмы, и вижу всегда одного и того-же господина... Онъ меня начинаетъ немного занимать...

— Удивительно интересно торчать передъ дверью, должно быть, дѣлать больше нечего...

— Василий-ли входитъ, Дуняша-ли, каждый разъ, чуть приотворится дверь, онъ уже тутъ.

— Шалопай какой-нибудь. Ихъ много теперь туда ѣдетъ.

— Онъ немного похожъ на Жоржа, только значительно старше.

— Эхъ, ты успѣла рассмотретьъ.

— Тутъ еще одного я замѣтила, блондинъ съ длинными усами: у него четыре собаки, и онъ ихъ все дрессируетъ въ корридорѣ.

— Ахъ, этотъ Катускинъ, эта неизвѣстность!..

— Терпѣніе, это все, что я могу посоветовать, передразнила свою мать Адель.

Василій, трактирный слуга, внесъ поднось съ порціей мозговыхъ котлетъ, Адель кинулась къ ширмамъ и приложила глаза къ шелкѣ.

— Адель, *mais finissez-donc!* крикнула Фридерика Казиміровна.— Дверь зачѣмъ бросаешь отпертою? обратилась она къ Василию.

— Потому, съ подносомъ, никакъ невозможно; я было толкнула ногою...

— Мама, смотри, онъ опять тамъ стоитъ.

Ледоколовъ стоялъ почти въ самыхъ дверяхъ; его отлично видѣла Адель съ своего наблюдательнаго поста; его успѣла замѣтить и Фридерика Казиміровна, выглянувъ изъ-за высокой спинки дивана; только онъ ничего не могъ видѣть, кромѣ угла ширмъ съ висѣвшимъ на немъ сакъ-воажемъ и шелковаго капота г-жи Броне, все еще не убраннаго со спинки кресель.

Положеніе Фридерики Казиміровны съ дочерью было дѣйствительно нѣсколько затруднительно. До сихъ поръ все шло превосходно. Изъ Петербурга выѣхала она, не очень беспокоясь о состояніи своего бумажника, и вынимала оттуда столько, сколько ей нужно было въ данную минуту, не справляясь, сколько тамъ оставалось. Семейный, покойный вагонъ, отдѣльная прекрасная, комфортабельная каюта на пароходѣ, предупредительность и вниманіе кондукторовъ, капитана и пароходной прислуги; это почтительное любопытство, которое видно было въ глазахъ всѣхъ спутниковъ,

когда ей приходилось выходить изъ каюты и показываться на палубѣ парохода, что, впрочемъ, дѣлалось только въ виду крайней необходимости; наконецъ, то обстоятельство, что едва только пароходъ присталъ къ берегу, какъ явился слуга изъ гостиницы Антошкина сообщить, что комната для г-жи Брозе съ дочерью готова, — все это сильно тѣшило воображеніе Фридерики Казиміровны, и если дочь ея довольно безучастно относилась къ этимъ явленіямъ, за-то маменька ея строила самыя фантастическіе планы; и въ головѣ ея бродили, непрерывно смѣняясь, всѣ эффектнѣйшія страницы прочитанныхъ ею романовъ, въ героиняхъ которыхъ она видѣла то себя, то свою прелестную Аду. Но вдругъ какъ-то пришлось заглянуть въ бумажникъ и... Фридерика Казиміровна даже похолодѣла вся и въ глазахъ у ней заплескали фарфоровыя божки, покойно стоявшіе на каминной полкѣ.

— Ада, у насъ такъ мало денегъ! — тихо, съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосѣ произнесла Фридерика Казиміровна.

— Ну, такъ что-же?

— У насъ почти нѣтъ вовсе денегъ.

Адель слегка вздохнула и ничего не отвѣтила, а Фридерика Казиміровна поплакала немного, позвонила, спросила себѣ чего-то поѣсть и успокоилась.

Теперь вся надежда ея была на Катускина, который, по послѣднему письму Лопатина, долженъ былъ встрѣтить ихъ въ Самарѣ; а между-тѣмъ, вотъ уже четыре дня прошло, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Вчера хозяинъ счетъ прислалъ, — вотъ онъ лежитъ на столкѣ; счетъ этотъ весьма солидный; послѣ завтра надо ждать еще такого-же. А если Катускинъ еще нѣсколько дней не пріѣдетъ, — если онъ совсѣмъ не пріѣдетъ? Развѣ она знаетъ, что его задерживаетъ? Да и существуетъ-ли еще этотъ Катускинъ, о которомъ она и знала только изъ писемъ Ивана Илларионовича? можетъ быть, это просто мифъ?! А если хозяинъ потребуетъ денегъ и скажетъ, что онъ ждать не хочетъ и что онъ знать не знаетъ никакого Катускина... Фу!.. Опять холодный потъ обдалъ ожирѣлыя формы Фридерики Казиміровны: она даже ѣсть перестала и отодвинула отъ себя тарелку съ стерлядкой, залитой какимъ-то лимоннымъ соусомъ съ грибами, каперсами и всякою всячиною.

Когда Фридерика Казиміровна показывала своей дочери письма Лопатина, она многое успѣла скрыть отъ нея, что, по ея мнѣнію, касалось только ея одной; она, наприимѣръ, скрыла слѣдующее мѣсто письма: „Зная впечатлительность Адели, мнѣ весьма пріятно было-бы, если-бы дорогою *случаи къ развлеченію* представлялись какъ можно рѣже (случаи къ развлеченію были подчеркнуты). Говорю съ вами откровенно, уважаемая Фридерика Казиміровна, ибо вы женщина опытная и поймете сами, въ чемъ дѣло. Много теперь ѣдетъ къ намъ всякаго народа, и молодого и стараго; найдутся непрощенные провожатые, попутчики; дорогою знакомство сводится быстро: люди въ день, много два становятся на короткую ногу, въ дружбу лѣзутъ, а тамъ... эхъ! да вы, какъ я уже сказалъ, сами понимаете... не велика мнѣ радость будетъ, если Адочка пріѣдетъ ко мнѣ съ занятымъ сердчишкомъ, а то, пожалуй, и еще того хуже. Вы не можете представить себѣ, что со мною дѣлается; сплю и во снѣ вижу ее, на яву въ глазахъ представляется... Эхъ, кабы я связанъ не былъ!.. Катускину приказано отъ меня...“

Дальше уже шло все такое, что читала и Адель, а когда Адель занималась перечитываніемъ дозволенныхъ материнскою цензурою мѣстъ, то Фридерика Казиміровна въ это время обыкновенно глубоко вздыхала и произносила съ особеннымъ чувствомъ:

— Ахъ, что это за человекъ, что это за удивительная душа, и какъ красивъ еще, несмотря на свои лѣта; впрочемъ, что-же это и за лѣта въ самомъ дѣлѣ: какихъ-нибудь... и т. д.

А въ бель-этажѣ, за общимъ столомъ собралось большое общество; Адель была права, когда говорила: „тамъ такъ весело шумять, разговариваютъ“. Тамъ, дѣйствительно, очень много шумѣли и разговаривали.

— Трезоръ, иси, подлець! Діана, сюда. — О-го-го-го! Э, послушайте: тамъ внизу, турните кто-нибудь Минерву; вонъ она, шельма подъ ларь забилась: ну, иси, ну, иси, на, на!.. кричалъ, стоя на площадкѣ лѣстницы, блондинъ съ длинными усами.

— Съ цѣлою псарней вояжируете... обратился къ нему весьма пожилой чиновникъ, только-что собственноручно выбравшій изъ садка пару живыхъ и вертлявыхъ стерлядокъ.

— Со всей семьей.

— Такъ-съ.

— Нельзя-же: *тамъ*, говорятъ, фазановъ и разной дичи столько, сколько у насъ въ Рязани воронъ. А та-та-та такъ ее, такъ ее! Да берите прямо за ошейникъ: она не кусается.

— Породистая?

— Настоящіе аристократы собачьей породы... Ну, ну, ты что! Теперь лизаться. То-то!

— Господа обижаются, что собакъ съ тарелокъ кормите, а потому эти самыя тарелки... началъ одинъ изъ прислуживающихъ за столомъ лакеевъ.

— А ну ихъ, твоихъ господъ!..

— Тс! тс!.. слышалось въ разныхъ мѣстахъ.

— Мнѣ небольшую рюмку простой водки!—Подошелъ къ буфету мальчикъ въ кучерской поддевки и въ лакированныхъ сапожкахъ. У этого мальчика были необыкновенно развиты бедра и высокая грудь волновалась и сильно вытягивалась изъ-подъ красной кумачной рубашки.

— Манюся, ты это уже третью, предупреждалъ кучеренка тощій зелено-лицій господинъ въ полу-военномъ костюмѣ, около котораго, рядомъ съ приборомъ, лежалъ туго-набитый портфель съ мѣдными оковами.

— Я маленькую, пропищалъ кучеренокъ.

— Костюмъ для путешествія, особенно продолжительнаго, весьма удобный!—замѣтилъ сосѣдъ, зеленоватаго господина. — Знаете-ли: изъ экипажа-ли вылѣзть, въ экипажъ-ли вскочить; опять пройти пѣшкомъ прекрасно... съ юнками это все не такъ способно.

— Если-бы она была еще хорошо сложена, ну, это я понимаю, навлоняется къ уху своего супруга худенькая дама, а то этотъ противный жиръ, фи, даже смотрѣть неприлично!

— Э, гмъ, соглашается супругъ, откашливая рыбью косточку и впиваясь глазами въ этотъ противный жиръ.

— Смотри лучше себѣ въ тарелку, тогда не будешь давиться костями, язвительно замѣчаетъ ему супруга.

А на другомъ концѣ длиннаго стола, самое видное мѣсто занималъ господинъ съ громадными русыми бакенбардами съ просѣдью. Онъ громко и энергично рассказывалъ; сосѣди внимательно слушали.

— Я туда вотъ уже третій разъ ѣду и мнѣ эта дорога вотъ какъ извѣстна!

Господинъ съ бакенбардами вытянулъ еулакъ и разомъ разпустилъ всѣ пять пальцевъ.

— Эхъ, какъ-бы пріятно было имѣть васъ своимъ попутчикомъ! вздохнулъ тотъ самый старичокъ, что справлялся о породѣ собакъ на лѣстницѣ.

— И эти всѣ фаланги, тарантулы и скорпионы дѣйствительно очень опасны? спрашивалъ сосѣдъ справа.

— Ну-да, смотря какъ прійдется, многозначительно произносить ораторъ,—какъ прійдется.

— Это неутѣшительно.

— Надо привыкать: меня вотъ разъ двѣсти кусали; ничего, обтерпѣлся.

— Самое ужасное, говорятъ, это когда прійдется проѣзжать черезъ Кара-Кумы? спрашиваетъ сосѣдъ слѣва.

— Да, да вотъ я вамъ расскажу. Пріѣзжаете вы на станцію. Стой—гдѣ станція?.. Ни слѣда; тамъ колеса кусокъ валяется, тутъ головешка какая-то чернѣетъ и лежатъ только одиноко на раскаленномъ пескѣ, въ рамкѣ съ выбитымъ стекломъ почтовныя правила о взиманіи прогоновъ и непричиненіи никакихъ обидъ и увѣчій ямщикамъ и смотрителю.

— Только-то!?! удивляются со всѣхъ сторонъ.

— Только. Ямщикъ, этотъ косоглазый дьяволъ, сейчасъ лошадей выпрягаетъ и маршъ-маршъ въ степи, только вы его и видѣли; и остаетесь вы одни на произволь судьбѣ, пескамъ и всѣмъ четыремъ вѣтрамъ и сидите день, сидите ночь, еще день, еще ночь, тамъ недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ...

— Ну, что вы говорите!.. это невѣроятно!

— Отчего невѣроятно! понятно, кто-нибудь поопытнѣй подѣдетъ и выручитъ, а тамъ вы и сами наберетесь ума, разума и другихъ будете выручать въ свою очередь.

— Ну вотъ видите-ли, все-таки есть исходъ.

— А позвольте полюбопытствовать: въ чемъ собственно состоитъ эта спасительная опытность?

— Въ чемъ?

— Да-съ?

— А вотъ въ чемъ-съ.

Господинъ съ бакенбардами всталъ, подошелъ къ окну, гдѣ лежала его фуражка и еще что-то, взялъ это „что-то“ и положилъ его на столъ передъ своимъ приборомъ.

— Ногайка?

— Она самая. Вотъ вамъ альфа и омега путевой премудрости.

Господинъ съ собаками подошелъ къ столу и сталъ за стуломъ: его очень заинтересовалъ рассказъ опытнаго путешественника.

— Я дѣлаю такъ, началъ рассказчикъ:—прѣвзжаю на станцію или, правильнѣе сказать, въ мѣсто, гдѣ предполагается станція, и съ ямщика глазъ не спускаю, сторожу его, какъ воть сторожить мышъ, что высунула въ щель свою голову. Ну-съ, тотъ, конечно, сейчасъ лошадей выпрягать торопится, бестія, такъ-что сбрую рветъ зубами, а я тѣмъ временемъ изъ тарантаса вонъ; киргизъ на лошадь, а я на него; сгребъ за шиворотъ: стой! „Эй, тюра, кой!“—значить: оставь, пусти!—„Нѣтъ, врешь, не уйдешь: лошадей!“ „Атъ берды“, каналья!“—„Гдѣ я лошадей возьму? плачетъ мошенникъ:— мои совсѣмъ пристали, дальше не пойдутъ, а другихъ нѣтъ; гдѣ они—я не знаю, я съ той станціи, не мое дѣло!“ А я сейчасъ баць! вотъ этимъ самымъ инструментомъ. — Ораторъ приподнялъ ногойку. — Вой, вой! Я сейчасъ опять баць! а за воротникъ крѣпко держу: не вырвется. Благимъ матомъ визжитъ киргизъ, на всю степь заливается, а тутъ сейчасъ и благіе результаты этого концерта: изъ-за одного бугра лошадей ведутъ, изъ-за другого хомуты несутъ; колеса у вашего тарантаса снимаютъ, саломъ мажутъ, лошадей вамъ запрягаютъ, прогоновъ не берутъ, развѣ сами что-нибудь дадите, и съ поклонами васъ провожаютъ. На слѣдующей станціи опять та-же исторія...

— Но я не понимаю одного только, позволѣте васъ перебить, обращается къ рассказчику усатый блондинъ.—Вѣдь дѣло происходитъ въ степи — ихъ много?

— Много: человекъ десять набѣжить, а-то и больше.

— Вы одни?

— Одинъ.

— Не понимаю, воля ваша, не понимаю!

— А вотъ поймете, если испытаете. Такихъ трусовъ, какъ эта поганая орда, вы и во снѣ не видали.

— Да, полно, трусость-ли это?

— А-то что-же?

— За послѣдствія боятся, вотъ что.

— Гмъ, за послѣдствія... какія тамъ послѣдствія!.. А вотъ еще одинъ случай: пріѣзжаю я на станцію „Джалавлы“ — тутъ сейчасъ передъ Кара-Кумами станція такая есть. Ну-съ, пріѣзжаю я въ Джалавлы...

Въ залъ быстро входятъ, почти вбѣгаютъ, два молодыхъ офицера въ линейныхъ мундирахъ: подпоручикъ Душкинъ и поручикъ Милашкинъ.

— А я увидалъ! возглашаетъ подпоручикъ Душкинъ.

— Я тоже видѣлъ! сообщаетъ также во всеуслышаніе поручикъ Милашкинъ.

— Кого, кого? слышались вопросы.

— Обитательницъ двадцать шестого номера! въ одинъ голосъ произнесли вбѣжавшіе. — Онѣ теперь обѣ ходятъ по коридору: одна по своей охотѣ прогуливается, а другая уговариваетъ ее опять уйти въ комнату, — потѣха!

Нѣсколько человекъ быстро встали изъ-за стола, задвигавъ стульями.

— Ты постой, братецъ, не убирай, обратился къ слугѣ зеленоватый господинъ, подхватывая портфель подъ мышку. — Ты, Манюся, подожди меня здѣсь.

Но его Манюся уже давно выскочила въ коридоръ, дружески кивнувъ головою подпоручику Душкину и толкая слегка подъ локоть поручика Милашкина.

— Такъ вотъ пріѣзжаю я въ Джалавлу... говорилъ господинъ съ бакенбардами. — Э, да что тамъ такое?

Его уже никто не слушалъ.

— Адель, mais finissez... это скандалъ! посмотри, сколько ихъ набралось... уговаривала свою дочь Фридерика Казиміровна, стоя въ отворенныхъ дверяхъ своего номера.

Дѣйствительно, цѣлая толпа, плотно притиснувшись другъ къ другу, заняла весь выходъ изъ коридора. Передніе, нѣсколько смущенные, яли въ рукахъ захваченныя со стола салфетки, задніе напирали на переднихъ. Каждый хотѣлъ, будто-бы нечаянно, пройти по коридору мимо нашихъ барынь, но маневръ этотъ положительно не удался вслѣдствіе многочисленности маневрирующихъ.

— Ахъ, мама, да мнѣ-то что за дѣло! огрызнулась Адель.

— Но это скандалъ! шептала Фридерика Казиміровна.

— Ай! невольно вскрикнула Адель, обернувшись: она только что сейчасъ замѣтила сборище при входѣ въ коридоръ.

— Ну, что, я говорила!.. Ты забываешь, что мы не въ Петербургѣ, гдѣ никому нѣтъ ни до кого дѣла, язвительно упрекнула ее г-жа Брозе, захлопывая дверь.

— Да это звѣри какіе-то: я даже перепугалась, говорила Адель.— А этотъ, что похожъ на Жоржа, онъ живетъ какъ-разъ напротивъ, дверь въ дверь. Я видѣла, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ, а когда я вышла, онъ подошелъ къ двери и все время стоялъ на порогѣ.

— Какія глупости тебя занимаютъ!

— Онъ мнѣ даже поклонился слегка.

— Ахъ, Ада, вотъ видишь, до чего доводятъ твои шалости!

— Я ему поклонилась тоже.

— Проклятый Катущкинъ.

— Господинъ тутъ васъ одинъ спрашиваетъ, доложилъ коридорный Василій, входя въ номеръ и протягивая г-жѣ Брозе маленькую бумажку.

— Кто такой? спросила Фридерика Казиміровна и сердце у ней ёкнуло.

— Господинъ пріѣзжій изъ степи; они тамъ-съ, въ конторѣ; приказали записку отдать и отвѣтъ чтобы сейчасъ.

— Мама, это Катущкинъ! произнесла Адель, пробѣжавъ записку и передавая ее матери.

— Проси, произнесла Фридерика Казиміровна, сѣла на диванъ и приняла позу.

Коридорный Василій скрылся за дверью и слышны были его торопливые шаги, когда онъ пробѣжалъ по коридору и началъ спускаться по лѣстницѣ.

Адель встала спиною къ окну и не спускала глазъ съ двери. И мать, и дочь сосредоточились на ожиданіи.

И Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

СМѢХЪ И СЛЕЗЫ.

Привыкнувъ съ горемъ, уживаться,
Не можемъ мы и не хотимъ
Слезамъ злобы заливаться,—
И такъ все сдѣлалось смѣшнымъ,
Что нѣтъ охоты и смѣяться.

Привычка къ злу со зломъ мирить
Печальныхъ дней больное племя,
Ни чѣмъ не дразнить, не гнѣвить,
И Гераклить и Демокритъ
Ужъ не возможны въ наше время.

И намъ, которымъ суждено
День за день умирать морально,
Намъ, все извѣдавшимъ давно,
И горе кажется смѣшно
И счастье личное—печально.

Не будемъ-же морочить всѣхъ,
Иначе, словно по ошибкѣ,
При первомъ словѣ, какъ на грѣхъ,
У насъ въ слезахъ прорвется смѣхъ
И слезы сважутся въ улыбки

Дмитрій Минаевъ.

НѢМЕЦКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО.

Das Deutsche Gaunerthum in seiner social-politischen, literarischen und linguistischen Ausbildung zu seinem heutigen Bestande. Von Friedrich Christian Benedict Ave-Lallement, Doctor beider Rechte. 4 Bände.

Еще Тацитъ доказывалъ, что Германія— земля честныхъ людей, и отрицать это могутъ одни только завистливые враги нѣмцевъ, какіе-нибудь французы или жидаы, въ родѣ Гейне, который говоритъ... но онъ говоритъ такую штуку о благородномъ нѣмецкомъ юнкерствѣ, что я не рѣшаюсь передать ее читателю, чтобы не быть распространителемъ вредныхъ идей...

Однакожь Аве-Лальмантъ доказываетъ, что мошенники одолѣли Германію, что Германія погибаетъ отъ мошенниковъ, а не вѣрять ему нельзя: онъ знаетъ всю подноготную; онъ докторъ обоихъ правъ, а главное, одинъ изъ высшихъ полицейскихъ чиновниковъ...

Поэтому мы должны-бы повѣрить ему даже на слово, но онъ такъ великодушенъ, что, будучи официальнымъ лицомъ, не заставляетъ насъ вѣрять на слово, а доказываетъ намъ свою мысль въ цѣлыхъ четырехъ томахъ. Онъ не удовольствовался тѣми слѣдствіями, какія ему доводилось производить во время своей полицейской службы, нѣтъ, онъ захотѣлъ открыть всю подноготную, найти всѣ нити; онъ досканально изучилъ жаргонъ мошенниковъ и всѣ ихъ „художества“; онъ прочелъ всѣ слѣдствія надъ мошенниками, какія только бывали въ Германіи въ продолженіи тысячи лѣтъ, и, наконецъ, напечаталъ результаты своихъ изслѣдованій, посвятивъ этотъ докладъ „высокимъ сенатамъ четырехъ свободныхъ городовъ Германіи, покровителямъ и благодѣтелямъ нѣмецкихъ гражданъ и нѣмецкой полиціи.“

Откуда-же взялись мошенники въ Германіи?

Аве-Дальмантъ старается увѣрить насъ, что мошенничество есть чисто-плебейское ремесло, обязанное своимъ происхожденіемъ злымъ инстинктамъ непросвѣщенной и голодной черни... Дѣло въ томъ, видите-ли, что во времена Тацита мошенниковъ въ Германіи вовсе не было. Мошенничество, какъ организованный промыселъ разныхъ воровъ и разбойниковъ, появляется только въ средніе вѣка, въ эпоху развитія феодализма. Само собою понятно, и это вытекаетъ изъ книги Аве-Дальманта, что благородные феодальные бароны совершенно непричастны развитію этой общественной бѣдъзыни. Правда, что они своими междуусобіями и разбоями раззоряли страну; правда, что они грабили и крестьянина, и еврея, и проѣзжаго купца, грабили и конторы банкировъ, и церковные алтари, и товарные склады; правда, что они поддѣлывали монету и даже возвели на степень формальнаго закона *ius terrae tactae*, „что съ возу упало, то пропало“, но Дальмантъ благоразумно умалчиваетъ обо всемъ этомъ, ибо нелѣпо было-бы обвинять этихъ представителей средневѣкового благородства въ мошенничествѣ... Впрочемъ, необходимо признаться, что всѣ эти подвиги благородныхъ феодаловъ и ихъ счастливыхъ соперниковъ, патеровъ, были главною причиною ужасной средневѣковой анархіи и бѣдности, той бѣдности, которая губила голодною смертію цѣлыя массы народа, которая породила эпидеміи, похищавшія до трети жителей страны и которая была матерью нѣмецкаго мошенничества, съ чѣмъ согласенъ и Дальмантъ. Онъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что когда было уничтожено языческое рабство, то массы освобожденныхъ невольниковъ образовали изъ себя бродячее народонаселеніе пролетаріевъ, неимѣвшихъ никакой собственности и кормившихся подаяніемъ, на которое въ то время люди благочестивые и во главѣ ихъ церкви смотрѣли, какъ на главную обязанность христіанина. Не было мира и порядка въ странѣ, раздѣленной между множествомъ крупныхъ и мелкихъ властителей, и угнетаемый народъ бѣжалъ во всѣ страны, образуя бродяжескія шайки, въ которыхъ упомянутые невольники составляли только незначительную часть. Бѣжали въ бродяжество крестьяне, раззоренные и угнетенные своими и чужими владѣльцами; бѣжали преступники изъ тюремъ, бѣжали подмастерья отъ строгихъ хозяевъ; бѣжали иногда даже монахи изъ монастырей. И все это бродячее населеніе искрещивало страну по всѣмъ направленіямъ,

сходясь главнымъ образомъ около церквей и монастырей, гдѣ бывали ярмарки и гдѣ они кормились именемъ Христовымъ. Но именемъ Христовымъ всѣмъ даже и накормиться-то было нельзя, неговоря уже объ удовлетвореніи другихъ потребностей. И вотъ эти несчастные нищіе, неимѣющіе ни крова, ни гроша за душой, зарабатываютъ хлѣбъ, кто какъ можетъ. Одни идутъ на службу въ военныя шайки бароновъ и живутъ войной; другіе превращаются въ музыкантовъ, третьи въ фигляровъ, четвертые гадаютъ и т. д. и т. д. Средневѣковая анархія, кулачное право, отчаянное положеніе народной массы произвели то, что въ странѣ образовалась цѣлая многочисленная каста нищихъ и отверженниковъ, выброшенныхъ на произволъ судьбы при хаотическомъ процессѣ образованія германскихъ государствъ. Главный элементъ возникшаго міра мошенниковъ состоитъ изъ этихъ нѣмецкихъ паріевъ.

Навстрѣчу этому элементу шелъ другой — масса униженнаго и угнетеннаго еврейскаго народа. Религіозная ненависть и жажда грабежа превращали средневѣковыхъ христіанъ въ заклятыхъ враговъ іудейскаго племени; евреевъ грабили, жгли, рубили, топили; противъ нихъ велись формальные крестовые походы; ихъ считали нечистыми животными и они занимали въ европейскомъ обществѣ вплоть до новѣйшаго времени такое-же положеніе, какъ паріи въ Индустанѣ. Доведенные до отчаянія робкіе евреи превращались иногда въ дикихъ звѣрей и жестоко мстили своимъ притѣснителямъ. Въ массѣ бродягъ, мошенниковъ и разбойниковъ евреи составляли самый значительный контингентъ; ихъ языкъ сильно вліялъ на образованіе мошенническаго жаргона, а ихъ поселенія были и центрами этого отверженнаго міра, и академіями, которыя совершенствовали мошенническія искусства. Когда, напр., въ 1795 г. разбойничья банда, подъ предводительствомъ ужаснаго Босбека, образовавшаяся въ Мерзенѣ и состоявшая, большею частію, изъ евреевъ начала наводить ужасъ на берега Рейна, то она имѣла уже свою болѣе, чѣмъ столѣтнюю, исторію. Народъ давно уже смотрѣлъ на Мерзенъ, какъ на притонъ разбойниковъ, какъ на пристанище колдуновъ и вѣдьмъ. Здѣсь былъ и сборный пунктъ разбойниковъ, и складочное мѣсто воровской добычи, и высшая школа, въ которой втеченіи XVII и XVIII в. изучали мошенническія искусства мазурики Германіи и Франціи.

Въ XV в. въ Германіи появились новыя паріи, цыгане, и

скоро возбудили въ честныхъ нѣмцахъ такую-же ненависть къ себѣ, какъ и евреи. Воровство, мошенничество, а главное, колдовство, которыми занимались ихъ женщины, и похищеніе дѣтей повели къ тому, что уже въ 1500 г. они объявлены были по всей священной имперіи внѣ закона. Держась изолированно въ предѣлахъ своихъ бродячихъ общинъ, цыгане занимались тѣмъ-же, чѣмъ и нѣмецко-еврейскіе мошенники, часто соединяясь съ ними для общихъ предпріятій, вліяя на развитіе ихъ жаргона и умножая силы этихъ европейскихъ паріевъ, которыхъ общество выбросило изъ своей среды и сдѣлало своими врагами.

Изъ такихъ-то элементовъ составился міръ нѣмецкихъ мошенниковъ. Къ нему присоединялись иногда люди изъ высшихъ и среднихъ сословій, частію изъ-за добычи, частію по другимъ побужденіямъ. Такъ, напр., казненный въ 1802 г. Іоганнъ Мюллеръ былъ сынъ богатыхъ родителей и воспитывался въ іезуитской коллегіи. Его жену соблазнили какіе-то французскіе драгуны, и это развило въ немъ сатанинскую ненависть ко всѣмъ французамъ. Сдѣлавшись разбойникомъ, онъ съ наслажденіемъ убивалъ каждого попавшагося ему члена ненавистной націи. Но подобные разбойники были исключеніями и за разбойничество брались, главнымъ образомъ, пролетаріи и отверженники разнаго сорта. Раззоренные и бѣжавшіе крестьяне, военные дезертиры, бѣглецы престушники, цыгане и евреи, которымъ не было житья въ обществѣ, — вотъ какой матеріалъ постоянно выбрасывало это общество за свои предѣлы и создавало, такимъ образомъ, новое, враждебное себѣ общество. Эти антисоціальныя элементы непрерывно росли и развивались, усиливаясь особенно во времена великихъ смутъ, голодovieвъ, эпидемій, народныхъ возстаній и войнъ. Когда доведенные до отчаянія крестьяне возставали, то мстили своимъ господамъ такими-же разбоями, убійствами, насиліями, пожарами и жестокостями, какимъ подвергались въ свою очередь и они отъ звѣрообразныхъ бароновъ. Многіе изъ этихъ бунтовщиковъ, когда возстанія были подавляемы, избавляясь отъ угрожавшей имъ висѣлицы, навсегда поступали въ разбойничьи банды. Войны еще болѣе содѣйствовали развитію мошенничества и разбоевъ тѣмъ, во-первыхъ, что сами солдаты были настоящими разбойниками, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, совершенно раззоряя страну и водворяя въ ней безусловную бѣдность, войны заставляли несчастныхъ жителей

приниматься за какое-нибудь противузаконное ремесло. Особенно вредоносна была въ этомъ отношеніи тридцатилѣтняя война, когда войска Валленштейна, составленныя изъ всякаго сброда, изъ пѣмцевъ, цыганъ, валлонцевъ, кроатовъ, даже малороссійскихъ казаковъ, рыскали по странѣ, предавая все огню и мечу. Всюду, гдѣ свирѣпствовала эта солдатчина, поля были необработаны, потому что сѣмена и скотъ были разграблены, а крестьяне бѣжали въ лѣса или въ укрѣпленные города. Голодъ доходилъ до того, что заставлялъ ѣсть падаль и человѣческіе трупы; люди убивали и пожирали людей. Ужасныя болѣзни губили народъ цѣлыми массами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Саксоніи и Гессенѣ, голодные вырывали изъ могилъ покойниковъ и питались ими. „Братъ, говоритъ одинъ писатель, пожиралъ трупъ сестры, дочь — тѣло своей матери; родители убивали дѣтей и ѣли ихъ, составлялись цѣлыя шайки, которыя, подобно дикимъ звѣрямъ, охотились на людей. Но еще хуже этихъ противуестественныхъ злодѣяній, порожденныхъ голодомъ, были неистовства одичавшей въ долготѣтней войнѣ солдатчины. Множество жителей городовъ и деревень было зажарено живыми или умерщвлено другими ужасными способами: имъ вырывали глаза, отсѣкали носы, уши, руки, ноги, груди; дѣтей разсѣкали на мелкіе куски, разбивали о стѣну, жарили живыми; особенно безчеловѣчны были тѣ мученія, посредствомъ которыхъ доводились до смерти женщины.“ Все это дѣйствовало самымъ гибельнымъ образомъ на общественные нравы и порядки. Одинъ очевидецъ тридцатилѣтней войны говоритъ: „все, что придаетъ особенное значеніе отечественной землѣ: плодородныя пашни, богатые луга, изобильные сады, домашній очагъ, друзья и родственники, — все исчезло и уничтожено. Даже нищіе и раззоренные не пользовались безопасностью, — ихъ все-таки мучили или для того, чтобы заставить ихъ выдавать другихъ и указывать на скрытыя сокровища, или-же по одной только жестокости. Большинство такъ отвѣкло отъ всякаго мира и порядка, что предпочитало имъ войну и мятежъ, и цѣль жизни предполагало въ томъ, чтобы ставить ее на карту. Государство, церковь, семейство, искусство, наука, торговля, промышленность — все пало; самымъ бессмысленнымъ образомъ было разрушено все, что созидалось втеченіи столѣтій. Даже духовенство и свѣтскія власти открыто совершали преступленія.“

Всѣ подобныя событія чрезвычайно усиливали разбои и мошенничества, которые въ старину имѣли гораздо болѣе воинственный характеръ, чѣмъ въ послѣднее время. Въ XVII в. во Франціи мы видимъ цѣлый рядъ самыхъ отважныхъ и знаменитыхъ разбойниковъ, имѣющихъ связи съ Испаніей, Англіей, Голландіей и Германіей. Въ это время является даже много разбойницъ, пользующихся общеевропейской славой. Такова была, напр., Софія Мейерсъ, которая водила за носъ самыхъ опытныхъ судей и, имѣя на своей спинѣ выжженное позорное клеймо, сумѣла выйти замужъ за одного патриція въ Любекѣ. Разбойники тогда уже составляли хорошо организованное международное общество, и изъ этой школы выходили артисты, которые играли важную роль даже въ большемъ свѣтѣ. Таковы были, напр., мошенникъ-алхимикъ, извѣстный подъ именемъ Джіованно графа Каетани, имѣвшій большое значеніе при дворахъ прусскомъ и баварскомъ; Сентъ-Хако (Миллеръ), графъ де-ла Торре, Эрнстъ фон-Вертъ и капитанъ Гизеке, которые разыгрывали роль аристократовъ и великолѣпно мошенничали въ Любекѣ и Гамбургѣ; обожаемый дамами Степпердъ, въ день казни котораго чернь хотѣла разрушить домъ обокраденнаго имъ банкира; пресловутый Картушъ и т. д., и т. д. Втеченіи XVII и XVIII столѣтій разбойничьи шайки держали Германію въ такомъ-же страхѣ, какой наводили въ средніе вѣка воинственные бароны съ своими бандами. Но когда владѣльцы замковъ присмирѣли, на смѣну имъ явились бароны большихъ дорогъ, которые съ своими летучими отрядами нападали на села и города, грабили обозы, почты, путешественниковъ, давали формальныя сраженія высланнымъ противъ нихъ войскамъ, нападали на тюрьмы и освобождали своихъ товарищей. Они сожигали строенія, избивали жителей, пытали и мучили ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ, насиловали дѣтей, женщинъ забивали палками или мучили раскаленными щипцами и т. д. Большинство разбойниковъ вело бродячую жизнь, и ихъ банды рыскали по всей Европѣ. Такъ называемая нидерландская банда, дѣйствовавшая въ концѣ прошлаго столѣтія быстро переносилась съ сѣверной оконечности Фрисландіи въ Баварію, съ береговъ Сены на Эльбу, изъ Парижа или Арраса въ Гамтъ, Кельнъ, Ансбахъ; она то распадалась на маленькія шайки, то снова соединялась, смотря по обстоятельствамъ; исчезала вдругъ въ одномъ мѣстѣ и неожиданно появлялась въ

другомъ, наводя ужасъ на жителей и сбивая съ толку власти. Но у этого бродячаго народонаселенія все-таки были постоянные притоны въ городахъ и селахъ и даже цѣлыя поселенія состояли наголо изъ разбойниковъ и всевозможныхъ мошенниковъ. Такова уже упомянутая нами деревня Мерзенъ на Маасѣ, которая больше стала была главной резиденціей нѣмецкаго мошенничества. Близость голландской, брабантской, лютихской, юлихской и аахенской областей представляла удобство для побѣговъ и укрывательствъ, а стекавшіеся сюда со всѣхъ сторонъ евреи закупали и увозили краденое и грабленное. Разбойники, которые первые поселились въ этой деревнѣ, держались своей особенной системы. Они не нападали открытою силою, а дѣйствовали быстро, но тайкомъ и не оставляя за собою никакихъ слѣдовъ. Кражи производились такъ искусно и украденное пряталось такъ ловко, что недалекіе обыватели все это приписывали нечистой силѣ и искренно думали, что весь Мерзенъ населенъ волшебниками и вѣдьмами. О нихъ рассказывали самыя ужасныя вещи, какъ, напр., убивъ кого-то, мерзенцы давали надъ окровавленнымъ трупомъ взаимную клятву, или какъ самъ сатана предсѣдательствуетъ на разбойничьемъ совѣтѣ, указываетъ предпріятіе, распредѣляетъ обязанности и т. д. Мерзенцы ловко умѣли эксплуатировать этотъ суевѣрный страхъ, который, впрочемъ, возбуждали не одни только они, а всѣ старинные разбойники и мошенники. Каждый разбойникъ, по народному понятію, былъ въ связи съ нечистой силою, каждая ловкая мошенница считалась или колдуньей, или вѣдьмой. Народъ, не постигая премудрости ученаго, считалъ его волшебникомъ, непонимая искусства мошенника, которое досталось послѣднему путемъ продолжительной и тяжелой практики, видѣлъ въ немъ колдуна. Впрочемъ, и сами разбойники были суевѣрны и прибѣгали къ помощи колдовства. Для того, напр., чтобы обкрадываемые спали крѣпче, они сбѣивали ихъ крестнымъ знаменіемъ посредствомъ руки, отрубленной у мертвеца. Знаменитый разбойникъ О'Вриенъ, повѣшенный дважды (1686 и 1689 г.), въ своей продолжительной практикѣ только однажды принужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Онъ хотѣлъ ограбить на улицѣ фокусника Кларка; но Кларкъ не потерялъ присутствія духа и началъ выкидывать разныя штуки: то голову высунетъ между своихъ ногъ, перегнувшись назадъ, то ноги вздернетъ выше головы, то покажется съ двумя

головами, то вовсе безъ головы; неустрашимый Бріень перепугался до того, что съ криками побѣжалъ отъ Кларка, считая его дьяволомъ.

То, что обыватели приписывали колдовству, было результатомъ развитія мошенническаго искусства. Въ Германіи не было формальныхъ мошенническихъ школъ, какъ въ Англіи и Франціи, но теоретическое изученіе съ большимъ успѣхомъ замѣнялось здѣсь практикой. Сильные своимъ искусствомъ, на развитіе котораго, вѣроятно, потрачено не менѣе ума, чѣмъ на развитіе какой-нибудь науки, разбойники и мошенники были сильны и своей организаціей. Преслѣдуемые обществомъ, они необходимо должны были составлять плотныя корпораціи для защиты и нападенія, и образцомъ для ихъ союзовъ служило то-же общество, съ которымъ они боролись. Во Франціи банда Оржере, напр., имѣла своихъ предводителей, свои округа, свою дисциплину и юстицію, своихъ палачей и даже своего священника. Банда Шварцмюллера, казненнаго въ 1745 г., существовавшая больше пятидесяти лѣтъ, состояла изъ 150 членовъ, и имѣла подобную-же организацію,—своихъ государств. совѣтниковъ, надворныхъ совѣтниковъ, свое дворянство и т. д. Въ такъ называемой нидерландской бандѣ мы видимъ шефовъ, которые въ знакъ своей власти носили желѣзный ломъ, вмѣсто жезла; за ними слѣдовали „балдовереры“, обязанность которыхъ состояла въ развѣдкахъ и въ заманиваньи лицъ, которыхъ хотѣли ограбить; къ третьему классу принадлежали ветераны, старые опытные разбойники, стоявшіе наравнѣ съ шефами, наконецъ, четвертый разрядъ состоялъ изъ молодцовъ, которыхъ нанимали для каждаго предпріятія и, по окончаніи его, тотчасъ-же отпускали. Иногда разбойники заключали съ атаманами формальные контракты, въ родѣ слѣдующаго: „1) я... клянусь головой и душой нашего капитана, что буду повиноваться всѣмъ его распоряженіямъ; 2) что я буду вѣренъ моимъ товарищамъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ; 3) что я никогда не покину ихъ при опасности, но останусь съ ними до пролитія послѣдней капли крови; 4) что если кто изъ нашихъ будетъ арестованъ, заболѣетъ или подвергнется другому несчастію, то я долженъ подать ему руку надлежащей помощи; 5) если меня арестуютъ, то я не долженъ ни въ чемъ признаваться, а тѣмъ болѣе, долженъ сохранить въ тайнѣ мѣстопробываніе моихъ товарищей, если-бы это даже стоило мнѣ жизни“ и т. д. Разбойничьи союзы,

впрочемъ, держались не этими формальными договорами, а сознаниемъ общаго интереса въ виду враговъ. Разбойники сплачивались въ сильныя общины, которыя, дозволяя себѣ все относительно постороннихъ людей, въ своихъ предѣлахъ соблюдали правила извѣстной корпоративной морали, какъ мы видимъ это и въ другихъ подобныхъ обществахъ, напр., между русскими арестантами. Это такая-же первичная мораль, которая господствуетъ и въ обществахъ дикарей, въ которыхъ взаимныя отношенія членовъ одного родственнаго племени регулируются строгими правилами морали, а отношенія ко всѣмъ чужимъ людямъ не опредѣляются никакими нравственными принципами. Подъ такой моральною системою живутъ, напр., всѣ цыгане, эти полудикари, которые, будучи отвержены восточною цивилизаціей, вошли въ западную въ качествѣ мошенниковъ и разбойниковъ. Цыгане считаютъ себя одной семьей, какъ и народъ Израиля, и ихъ моральная система основана на этомъ патриархальномъ чувствѣ. То-же самое чувство связываетъ и многія общины мошенниковъ Германіи. Праотцы ихъ, отверженные обществомъ, не только соединялись въ плотныя корпораціи, но и вступали между собой въ родство, а ихъ потомки занимались тѣмъ-же ремесломъ, какъ и они. Многія поселенія втеченіи столѣтій практиковались въ этомъ промыслѣ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ главныя европейскія банды въ лицѣ своей аристократіи соединялись между собою узами родства, какъ это дѣлали и феодальные бароны. Такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Якобъ Мойзесъ былъ основателемъ цѣлой династіи разбойничьихъ атамановъ и соединилъ родствомъ предводителей главнѣйшихъ бандъ Европы. Онъ былъ отцомъ знаменитаго Абрагама Якоба и, черезъ свою дочь Дину, тестемъ ужаснаго Пикара, который попеременно стоялъ во главѣ всѣхъ нидерландскихъ бандъ, а черезъ дочь Елену, которая сначала была женою Даниеля Якоба, а потомъ любовницей чудовищнаго Босбека, находился въ тѣсной связи съ этими первостепенными атаманами. Подобныя родственныя связи существовали и между низшими членами разбойничьихъ общинъ, которыя такимъ образомъ превращались въ такую-же касту, какою была въ древнемъ Египтѣ каста воровъ. Но такъ какъ общественный организмъ никогда не переставалъ выбрасывать изъ себя разныхъ отверженныхъ, которые присоединялись къ этой кастѣ въ качествѣ свѣжихъ, обновляющихъ элементовъ, то она

продолжала жить и развиваться, избавляясь отъ того вырожденія въ кретивовъ и идіотовъ, которое выпало на долю изолированнымъ обществамъ отверженниковъ, прозябающимъ до сегодня, напр., во Франціи и Испаніи, состоящимъ поголовно изъ кретивовъ и носящимъ названіе отверженныхъ породъ (*gases maudites*.)

Борьба государства съ разбойниками была далеко не такъ успѣшна, какъ борьба центральной власти съ баронами. Феодалы прекратили насилія и хищничества не потому только, что ихъ придавили короли своими сильными арміями, но и потому, что при новыхъ порядкахъ они, какъ первыя лица въ государствѣ, получили достаточное вознагражденіе за то, чего лишились. Съ разбоями-же было невозможно сладить этимъ способомъ, и противъ нихъ оставалось дѣйствовать одною только физическою силою, — разбивать банды войсками, ловить разбойниковъ, казнить ихъ, наводить на нихъ страхъ. Употреблялись всѣ средства устрашенія, всѣ легальныя жестокости, какія только можно было выдумать. Ихъ подвергали ужаснымъ пыткамъ, но пытки не помогали; разбойники не признавались, а иногда обнаруживали даже такую желѣзную крѣпость нервовъ, что когда съ нихъ стругали мясо и мозгъ вытекалъ изъ ихъ раздробленныхъ костей, они шутили надъ судьями, какъ, напр., Алляръ, судившійся въ Женевѣ въ 1503 г. Разбойниковъ вѣшали, топили, рубили имъ головы; количество казненныхъ было громадное; одинъ только судья Шмитъ въ Нюрнбергѣ съ 1513 по 1615 г. казнилъ смертию 361 разбойника, да наказалъ тѣлесно 345 человекъ, обрѣзывая имъ уши, отрубая пальцы и т. д. Въ 1831 г. въ Берлинѣ по одному дѣлу обвинялось 520 человекъ, совершившихъ больше 800 преступленій. Но не помогали и наказанія, а исполнители правосудія сплошь и рядомъ покровительствовали подсудимымъ, конечно, не даромъ. Видя недѣйствительность наказаній, прибѣгли къ силѣ нравственнаго убѣжденія. Сотни тысячъ всевозможныхъ проповѣдниковъ разъясняли народу, какъ грѣшно и пагубно убивать, грабить, мошенничать; истерзанные пыткой преступники увѣщевались въ своихъ казематахъ казенными духовниками, и нерѣдко, передъ смертию, крестили тѣхъ изъ нихъ, которые не были раньше христіанами; проповѣдники сопровождали злодѣевъ и на эшафотъ, читая здѣсь во всеуслышаніе свои проповѣди, и сборники этихъ эшафотныхъ рѣчей были въ большомъ ходу въ

старинномъ обществѣ; но не помогала и сила религіознаго наставленія!.. Заводили богадѣльни, рабочіе дома, каторжныя тюрьмы, но арестанты бѣгали изъ нихъ, на мѣсто заключенныхъ являлись другіе мошенники, а самыя эти заведенія, даже по признанію Аве-Лальманта, были школами порока и преступленія по системѣ взаимнаго обученія. Въ 1716 г., напр., въ Вальдгеймѣ было основано такое заведеніе, въ которомъ сосредоточивались и каторжныя, и сироты, и безпріютныя бѣдняки. Всѣ они состояли подъ властью невѣжественныхъ надзирателей, которые били ихъ палками даже въ церкви, во время богослуженія. Само собою понятно, какъ вліяли эти тюрьмы и убѣжища на нравственность заключенныхъ...

Такимъ образомъ, разбойничество и мошенничество успѣшно боролись противъ своихъ противниковъ, возбуждая въ нихъ съ одной стороны ужасъ, а съ другой—увлеченіе. Исполненная приключеній и опасностей, жизнь разбойника нравилась многимъ. Разбойничьи романы долгое время были любимымъ чтеніемъ, равно какъ сборники разбойничьихъ анекдотовъ, судебныя процессы, описанія казней. Разбойникъ въ этомъ отношеніи замѣнилъ рыцаря. Но при всемъ томъ, государство продолжало бороться противъ этого темнаго рыцаря войсками, казнями, развитіемъ полицейскихъ средствъ и т. д. Борьба эта въ первой четверти настоящаго столѣтія дала результаты, какихъ можно было ожидать отъ нея.

II.

Разбойники были окончательно стѣснены и явные разбои почти вовсе прекратились. Въ разбойничьемъ мірѣ совершился такой-же переворотъ, какъ и въ мірѣ феодальномъ, и бароны большихъ дорогъ прекратили свои открытыя войны съ обществомъ и государствомъ.

Но они не исчезли; они и не могли исчезнуть, потому что кромѣ естественнаго приращенія путемъ рожденій, этотъ міръ европейскихъ паріевъ постоянно пополнялся новыми и новыми отверженниками. Но только, по временамъ, при особенно важныхъ кризисахъ, онъ проявлялъ свою дѣятельность въ насильственной

разбойничьей формѣ, въ родѣ англійскихъ гарротеровъ; но вообще, вынужденный обстоятельствами, этотъ общественный классъ обратился къ сравнительно мирнымъ занятіямъ и изъ состоянія феодальной аристократіи перешелъ къ состоянію буржуазіи, если можно такъ выразиться. Прежніе неустрашимые герои большихъ дорогъ, прежніе храбрые разбойники, проявлявшіе нерѣдко даже рыцарскую честность, превратились теперь въ ловкихъ и хитрыхъ пройдохъ, дѣйствующихъ не столько силою, сколько обманомъ, тайнымъ похищеніемъ, разными подлогами; старинные разбойники сражались, а ихъ современные потомки, большею частію, обращаются въ бѣгство при малѣйшей опасности; первые, приставляя пистолеть къ груди, говорили своей жертвѣ: „кошелекъ или жизнь“; послѣдніе скромны и вѣжливы, они ухаживаютъ за людьми, втираются въ довѣренность, вообще хитрятъ и скрываются, и потомъ уже дѣлаютъ свое дѣло. Прежде грабили и воровали преимущественно разныя цѣнныя вещи, теперь-же, при владычествѣ капитала, воруютъ преимущественно деньги, поддѣлываютъ векселя, ассигнаціи и т. д. Такимъ образомъ, съ развитіемъ цивилизаціи и болѣе утонченныхъ приѣмовъ общежитія и мошенничество измѣняется, развивается и усиливается, по мѣрѣ того, какъ измѣняется и развивается общество и усиливаетъ свои средства борьбы съ этимъ враждебнымъ міромъ. Прогрессъ мошенничества, прогрессъ, даже основанный на развитіи науки, рѣзче всего проявляется въ промышленности подлога. Начиная съ XVI вѣка это мошенническое искусство развивалось на чисто-научныхъ основаніяхъ и въ настоящее время стоитъ на такой-же высотѣ, какъ, напр., тайная поддѣлка ассигнацій, которую не могутъ уничтожить никакія карательныя мѣры, никакіе законы. Правительства обращаются къ помощи науки, чтобы гарантировать подлинность документовъ, мошенники приобѣгаютъ къ той-же наукѣ, и съ помощью ея дѣлаютъ неразличимымъ подлогъ отъ подлинности (II, 297 — 315). Мошенничество пользуется всеми измѣненіями общества и принаравливается къ нимъ. Развитие паровозовъ и желѣзныхъ дорогъ облегчило имъ возможность сноситься другъ съ другомъ, скрывать подлинность своей личности, хоронить концы въ воду. „Всѣ внѣшнія формы соціально-политической жизни служатъ теперь маскою для мошенничества, говоритъ Лальмантъ. — Прежде мошенникъ дѣйствовалъ въ видѣ мелочнаго торговца, арфиста, нищаго,

вожака обезьянъ и т. п., теперь-же онъ носитъ всевозможныя личины, — доктора философіи, профессора, рантье, гувернантки, акушера и т. д.». Общественная жизнь значительно разнообразится сравнительно съ прошедшимъ временемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уразнообразились и мошенническіе промыслы. Существуютъ цѣлыя сотни специальныхъ занятій по этой части, цѣлыя обширныя факультеты мошенническихъ знаній и искусствъ. Нѣтъ въ общественной жизни ни одного обычая, ни одной страсти, ни одного учрежденія, которые не имѣли-бы ловкаго эксплуататора-спеціалиста въ мошенническомъ мирѣ. Въ обществѣ сильно развита картежная игра и вмѣстѣ съ нею существуетъ многочисленная корпорація специалистовъ-шулеровъ. Въ обществѣ развита страсть къ лотереямъ и къ его услугамъ является цѣхъ разныхъ лотерейщиковъ. Вѣра въ ворожбу эксплуатируется самымъ обширнымъ образомъ. Между мошенниками есть цѣлый разрядъ открывателей кладовъ. Многія мошеницы занимаются тѣмъ, что, забеременѣвъ, начинаютъ заявлять претензію на какого-нибудь мужчину и берутъ отступное. Другіе живутъ тѣмъ, что ханжаты самымъ безсовѣстнымъ образомъ и обрабатываютъ богатыхъ ханжей, снискавъ ихъ благосклонность.

Вмѣстѣ съ этимъ, даже по сознанію благонамѣреннѣйшаго полицей-директора Лальманта, мошенничество заражаетъ собою все классы общества. „Мошенникъ, говоритъ онъ, — занимается извѣстнымъ *промысломъ*, своей профессіей. О *классѣ*, какъ о соціально-политическомъ подраздѣленіи, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Представителями этого промысла служатъ и отставной офицеръ, и лишившійся мѣста духовный, и раззорившійся буржуа, и самый жалкій нищій; княжеская звѣзда упраздненнаго принца, и почтенная наружность выгнаннаго изъ службы пастора или несчастнаго буржуа точно также служатъ орудіями мошенническихъ замысловъ, какъ и лохмотья нищеты“. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что высшіе классы общества имѣютъ незначительное число своихъ болѣе или менѣе *явныхъ* представителей въ мошеннической промышленности... Да и тѣ лица, которыхъ, какъ явныхъ мошенниковъ, причисляетъ къ таковымъ Лальмантъ, во многомъ отличаются отъ массы мазуриковъ. Какой-нибудь сыновъ барона, воспитанный въ сословныхъ понятіяхъ и привыкшій жить на готовые деньги, кутитъ напрадалую, совер-

шаетъ подлоги, воруетъ, даетъ дутые векселя и т. д.; но онъ легче избавляется отъ преслѣдованія, чѣмъ босоногій мазурикъ, положимъ даже, что и судъ накажетъ его; допустимъ, что глупый этотъ барченокъ самъ повѣствуетъ каждому встрѣчному о своихъ подвигахъ,—при всемъ этомъ, найдутся порядочные люди, которые, ради его общественнаго положенія, признаютъ и его порядочнымъ человѣкомъ и никогда не оттолкнутъ его съ тѣмъ презрѣнiемъ, съ какимъ они относятся къ столь-же испорченному босоному мазурику. Его будутъ извинять его глупостью; онъ виноватъ только въ томъ, что совершилъ скандалъ, т. е. повелъ дѣло не такъ, какъ ведутъ его другіе, столь-же испорченные, но болѣе ловкіе, или по глупости отважился на поступокъ, на который болѣе разсудительные не рѣшаются по осторожности.

Современный мошенникъ, кромѣ своего спеціальнаго ремесла, долженъ пройти цѣлую школу притворства и фокусничества. Онъ долженъ, напр., умѣть дѣлать въ своей наружности такія измѣненія, которыя-бы мѣшали признать его личность или подходили-бы подъ примѣты фальшиваго или чужого паспорта. Мошенники могутъ даже до извѣстной степени измѣнять свой ростъ, въ особенности женщины, которымъ удается уменьшать по произволу высоту своего тѣла на 3, 4, даже на 5 дюймовъ (II, 40)! Искусство гримированья процвѣтаетъ между этимъ народомъ, равно какъ и умѣнье дѣлать на время искусственныя поврежденія своего тѣла. Одна мошенница подъ арестомъ съ желѣзнымъ постоянствомъ цѣлыхъ полтора года держала одно плечо выше другого, а одинъ палецъ скрюченнымъ. Очень часто мошенники притворяются больными эпилепсiей, или для того, чтобы возбудить сочувствіе къ себѣ, или обратить на себя особенное вниманіе, привлечь толпу и тѣмъ содѣйствовать карманникамъ, съ которыми они раньше условились, или-же во время слѣдствія, чтобы отдѣлаться отъ допроса. Часто случается, что притворная падухая болѣзнь переходитъ въ дѣйствительную. Глупость, сумасшествіе, глухонѣмота, нѣмота, беременность, сильныя сердечныя волненія — все это практикуется мошенниками съ неподражаемымъ искусствомъ. Ложь и притворство ихъ главные орудія. Чужія имена, фальшивые паспорта, псевдонимы, собственный жаргонъ и множество самыхъ разнообразныхъ системъ для передачи своихъ мыслей другъ другу — все это дѣлаетъ изъ мошенниковъ особый міръ, члены

котораго хотя и разсѣяны въ обществѣ, но незамѣтными для послѣдняго способами не перестаютъ поддерживать связь между собою. Мошенникъ понимаетъ каждое движеніе глаза у своего собрата, каждое положеніе ноги, пальца, движеніе руки къ волосамъ, ко рту, каждое чиханье, кашель и т. д. Кромѣ этого языка знаковъ, у нихъ въ употребленіи азбука по пальцамъ, по которой объясняются между собой глухонѣмые. Кромѣ этого они употребляютъ цѣлую систему графическихъ знаковъ и множество звуковыхъ сигналовъ, напр., совиный крикъ, лошадиное ржанье и т. п. Всѣ эти искусства развиты между ними до такой степени, что даже одиночныхъ арестантовъ нѣтъ никакой возможности изолировать другъ отъ друга и отъ внѣшняго міра. Приведенный въ тюрьму мошенникъ не только тотчасъ-же изслѣдуетъ свою камеру, ея положеніе и окрестности, но очень скоро знакомится и съ своими сосѣдями. Онъ кашляетъ, свищетъ или поетъ, и тотчасъ получаетъ отвѣтъ. Если за нимъ наблюдаютъ, то онъ начинаетъ молиться, пѣть душеспасительныя христіанскія гимны, еврейскую молитву или отче нашъ на своемъ жаргонѣ, или-же насвистываетъ извѣстную мошенническую пѣсню, и, такимъ образомъ, передаетъ своему товарищу все, что нужно. Постукиванье въ стѣну и основанная на немъ азбука одно изъ обыкновенныхъ средствъ разговора въ нѣмецкихъ тюрьмахъ. Переписка какъ между самими арестантами, такъ между ними и людьми свободными, и передача разныхъ вещей, особенно орудій для побѣга, остаются въ большей силѣ, несмотря ни на какой надзоръ, ни на какія строгости нѣмецкихъ тюремщиковъ. Изворотливость арестованныхъ преступниковъ невообразима.

Составляя плотную корпорацію, мошенники помогаютъ другъ другу всѣмъ, чѣмъ могутъ. За арестованными зорко слѣдятъ ихъ свободные товарищи и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы помочь имъ, доставляютъ средства къ побѣгу, набираютъ жесвидѣтелей, которые-бы показывали, что въ моментъ совершенія преступления, обвиняемый находился въ другомъ мѣстѣ и т. д. Измѣна общему дѣлу наказывается жестоко; измѣннику раздираютъ ротъ до ушей, и онъ остается навсегда съ понятнымъ для всѣхъ знакомъ своего поступка. Мошенники Германіи находятся въ постоянной связи съ мошенниками другихъ странъ, а всѣ они составляютъ одно европейское общество, члены котораго всегда готовы

поддерживать другъ друга. Раздѣленіе труда доведено у мошенниковъ до совершенства. Одни развѣдываютъ, другіе отводятъ глаза, третьи воруютъ, четвертые принимаютъ краденное и передаютъ дальше и т. д. Во главѣ предпріятія стоитъ мастеръ (Baldower), который, по собраннымъ даннымъ, составляетъ планъ, руководить дѣломъ и дѣлитъ добычу. Это метаморфоза стариннаго атамана. Подъ его командою состоятъ самые разнообразныя спеціалисты, даже выдрессированныя собаки, которыя или сами занимаются грабежомъ, или-же только убѣгаютъ съ тѣмъ, что дастъ имъ хозяинъ. Въ связи съ этой организаціей стоитъ громадное число лицъ, которыя, такъ или иначе, помогаютъ мошенническимъ операціямъ: это всевозможная прислуга, кабачники, трактирщики, содержательницы публичныхъ домовъ, ростовщики, и т. д. Все это извлекаетъ извѣстные доходы изъ мошеннической промышленности, плоды которой достаются не самимъ дѣятелямъ, а ихъ эксплуататорамъ. Главные изъ этихъ эксплуататоровъ тѣ, которые скупаютъ краденое оптомъ и потомъ распродаютъ его по мелочамъ. Большая часть этихъ скупщиковъ состоитъ изъ бывшихъ мошенниковъ, трактирщиковъ, ростовщиковъ и т. д. Осторожность, нужда, желаніе кутнуть, заставляютъ вора какъ можно скорѣе продать украденное; скупщикъ знаетъ это и покупаетъ вещь не болѣе, какъ за $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{20}$ ея настоящей цѣны. Скупщики наживаются сильно и быстро. Купивъ краденное за безцѣнокъ, они сами или черезъ разносчиковъ разносятъ его по странѣ, продаютъ съ выгодой и, подобно нашимъ кулакамъ, вводя крестьянъ въ долги, закабаляютъ ихъ себѣ.

Такимъ образомъ, всѣ хлопоты, все искусство, всѣ лишенія, весь рискъ мошенника приносятъ выгоды не ему, а его эксплуататорамъ, подобно тому, какъ развратъ проститутки обогащаетъ только ея содержательницу. Перебиваясь изо дня въ день, голодая сегодня и получая возможность покутить завтра, будучи постоянно въ тревогѣ и на сторожѣ, мошенникъ обыкновенно не способенъ къ регулярной жизни и къ скопидомству; онъ проматываетъ все, что пріобрѣтаетъ, неудержимо предаваясь пьянству, любовнымъ наслажденіямъ, азартной игрѣ. Нерѣдко бываетъ даже, что при самомъ воровствѣ мошенники напиваются попавшимися имъ напитками совершенно до пьяна и подвергаются опасности быть захваченными. Чувственные истинеты развиты въ нихъ чрезвычайно.

Мужчина нерѣдко имѣетъ нѣсколько любовницъ, а женщина нѣсколько любовниковъ. Нѣкто, Зихлеръ, имѣлъ заразъ двѣнадцать наложницъ, а одна мошеница двухъ мужей и множество любовниковъ. Мужчины часто продаютъ своихъ женъ или мѣняются ими. Одинъ отдалъ свою жену за пуделя и пять гульденовъ. Женъ отдаютъ также въ кортомъ, причемъ между мужемъ и нанимателемъ существуетъ обыкновенно тѣсная дружба. Случается также, что одна женщина служитъ всей шайкѣ, нисколько не нарушая тишины такого полиандрического семейства. Но измѣна жены безъ вѣдома мужа жестоко карается послѣднимъ. Вслѣдствіе бѣдности и постоянной развращающей обстановки въ этомъ общественномъ слоѣ развратничаютъ даже дѣти, и двѣнадцатилѣтнія дѣвочки уже предаются проституціи. Вообще, мошеничество стоитъ въ тѣсной связи съ проституціей и особенно съ содержательницами публичныхъ домовъ, въ которыхъ мошеники всегда находятъ пріютъ, кутать, дѣлать добычу, составляютъ планы новыхъ предпріятій, а женщины торгуютъ собой. Мужья и любовники, заставляя ихъ заманивать мужчинъ, грабятъ ихъ или берутъ выкупъ за оскорбленіе своей супружеской чести.

Суевѣріе играетъ весьма важную роль въ жизни мошениковъ. При своемъ невѣжествѣ, при своемъ умѣ, обращенномъ специально и безраздѣльно только на извѣстные предметы, они держатся многихъ самыхъ нелѣпыхъ вѣрованій и обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ ихъ предковъ среднихъ вѣковъ. Такъ, напр., они думаютъ, что церковное воровство можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если въ немъ участвуетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ еврей. Вѣствѣ съ суевѣріемъ между мошениками господствуетъ и обрядовая набожность. Они ходятъ и на исповѣдь и къ причастію, причемъ иногда находятся въ увѣренности, что имъ отпускаются и всѣ будущія прегрѣшенія. Нерѣдко они даютъ обѣты ради успѣха предположеннаго мошеничества, и эти обѣты исполняются ими съ пунктуальною точностью. Впрочемъ, нужно сказать, что масса мошениковъ не принадлежитъ въ сущности ни къ какому формальному вѣроисповѣданію, а вѣрять и въ католическаго попа, и въ лютеранскаго пастора и въ раввина, точно также, какъ вѣрять и въ деревенскаго знахаря. Бромъ того, многіе мошеники не имѣютъ рѣшительно никакихъ религіоз-

ныхъ вѣрованій. Одинъ изъ нихъ на вопросъ объ его вѣрѣ отвѣчалъ: „съ религіей я не имѣю никакого дѣла; знаю только, что я не жидъ“.

III.

Изъ нашего бѣглаго очерка читатель могъ замѣтить, что мошенничество развилось изъ тѣхъ элементовъ, которые общество выбрасывало за свою черту, и что, составляя особый отверженный міръ, оно, однакожъ, имѣетъ и существенное сходство съ породившимъ его обществомъ. Исторія мошеннической цивилизаціи, если можно такъ выразиться, идетъ совершенно параллельно съ исторіей цивилизаціи немощеннической. Мошенничество—это только вскрывшійся нарывъ, который часто не признается въ скрытомъ состояніи или другихъ формахъ.

Поэтому весь плапъ борьбы съ мошенничествомъ, предлагаемый Аве-Дальманомъ, представляется только забавнымъ.

Г. полицей-директоръ глубоко сожалѣетъ о томъ, что полиція и общество въ Германіи разрушили ту дружественную связь, какая существовала между ними въ доброе старое время. Онъ укоряетъ полицію за то, что въ ней нѣтъ ни германскаго духа, ни „патріотическаго направленія“. Вообще она должна исправиться. Главнымъ образомъ государство должно позаботиться о развитіи полицейскихъ наукъ. И теперь въ университетахъ есть кафедры полицейскаго права, но онѣ посвящены одной только теоріи, между тѣмъ какъ полицейская наука прежде всего практическая. Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ, чтобы университетскія кафедры какъ можно чаще замѣщались искусными и благонадежными полицейскими чиновниками. Слѣдуетъ, кромѣ того, учредить высшія полицейскія школы для приготовленія специальныхъ сыщиковъ и преслѣдователей мошенничества. Но и этого мало. Само общество должно помогать полиціи и должно уважать ее, какъ свою защитницу и покровительницу. Аве-Дальманъ, кромѣ того даетъ обществу такой совѣтъ: „на полицію надѣйся, а

самъ не плошай!". Онъ совѣтуетъ строить лучше дома, заперать на ночь окна, карманы дѣлать изъ проволочной сѣтки, смотрѣть въ оба и т. д. При этомъ онъ рассказываетъ анекдотъ. Извѣстный лондонскій мазурикъ Тайлоръ былъ однажды въ театрѣ и у сидѣвшаго подлѣ него англичанина вытащилъ изъ сюртучнаго кармана 40 гиней. Назавтра и воръ и обокраденный снова сидѣли рядомъ въ томъ-же театрѣ, и у послѣдняго въ карманѣ были деньги; Тайлоръ запустилъ въ карманъ руку, но она попалась на наложенную въ карманѣ рыболовную удочку. Тогда англичанинъ, будто ничего не замѣчая, всталъ и хладнокровно пошелъ изъ театра, а Тайлоръ принужденъ былъ слѣдовать за нимъ, держа руку въ его карманѣ. Ихъ сопровождала толпа. Приведши вора на квартиру, англичанинъ заставилъ его возвратить украденное, вздулъ палкой и выдалъ потомъ толпѣ, которая исколотила его до полусмерти, переломивъ ему руку и ногу. Аве-Лальманъ не рекомендуетъ подобныхъ жестокостей, а совѣтуетъ только беречься, ловить мазуриковъ и таскать ихъ въ кварталъ. Словомъ, всѣ выводы изъ его многоученаго трактата сводятся къ философіи того будочника, который въ повѣсти г. Г. Успенскаго полицейскія обязанности выражаетъ въ одномъ правилѣ: "ташши и не пушшай"!... Таскать и не пускать, конечно, должно, но, во первыхъ, всѣхъ не переловишь и многихъ отпустишь а, во-вторыхъ, это будетъ нескончаемой работой Сизифа, всѣ-же глубокомысленные трактаты на эту тему останутся толченіемъ воды. Полицію, конечно, можно значительно улучшить, сравнительно съ теперешнимъ ея положеніемъ; но исторія показываетъ, что съ усиленіемъ и развитіемъ средствъ полицейской защиты усиливаются и развиваются средства мошенническаго искусства. Государство устраиваетъ полицейскія школы, мошенничество заводитъ свои школы, какъ это мы видимъ въ Англіи и во Франціи. Все, чего можно достигъ полицейскими мѣрами, — это смягченіе формъ мошеннической дѣятельности; можно уменьшить число открытыхъ разбоевъ, уличныхъ грабежей и т. п.; но самые мотивы, доводящіе людей до мошенничества, не могутъ быть уничтожены подобными способами и будутъ искать выхода въ другихъ формахъ. Нѣмецкое мошенничество хотя и отверженное дитя, но все-таки дитя существующаго строя нѣмецкаго общества. Слѣдова-

тельно, внѣшней борьбою съ нимъ ограничиваться невозможно, а необходимо бороться съ причинами, порождающими преступленіе и создающими въ самыхъ нѣдрахъ общества цѣлую касту отверженныхъ. Конечно, изучать эти причины и устранять ихъ дѣйствительными мѣрами перевоспитанія и организаціи общества гораздо труднѣе, чѣмъ ловить и прятать въ казематы мошенниковъ, но за то эта борьба съ общественнымъ зломъ гораздо рациональнѣе и плодотворнѣе.

С. Ш.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЪ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

—
КНИГА VII.

Два искушенія.

ГЛАВА LXIII.

— Часто вы видите съ вашимъ ученымъ фениксомъ Лейдгатовъ? спросилъ м-ръ Толлеръ на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ на Рождествѣ у м-ра Фэрбротера, сидѣвшаго по правую его руку.

— Къ сожалѣнію, очень рѣдко, отвѣчалъ викарій, привышій уже оторировать насмѣшки м-ра Толлера надъ его вѣрою въ новое медицинское свѣтило.—Я живу далеко, а онъ слишкомъ занятъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Радуюсь за него, замѣтилъ м-ръ Мипчинъ сладенькимъ, но изумляющимъ тономъ.

— Онъ посвящаетъ почти все свое время новому госпиталю, продолжалъ м-ръ Фэрбротеръ, желавшій во что-бы то ни стало поддержать разговоръ на эту тему.—Мнѣ говорила объ этомъ моя сосѣдка, м-съ Казобонъ, которая часто тамъ бываетъ. Она говоритъ, что Лейдгаты по истинѣ неутомимъ и устроилъ госпиталь удивительно. Онъ приготовляетъ теперь новую палату на случай холеры.

— И новыя теоріи леченія, чтобы испробовать ихъ на своихъ паціентахъ, добавилъ м-ръ Толлеръ.

— Пожалуйста, Толлеръ, будьте-же справедливы. Вы слишкомъ умны, чтобы не понять, что въ медицинѣ, точно также, какъ и во всемъ другомъ, смѣлый, свѣжій умъ можетъ принести громадную пользу; что-же касается холеры, то, я думаю, ни одинъ изъ васъ не знаетъ вѣрнаго средства отъ нея. Человѣкъ, который заходитъ слишкомъ далеко по новой дорогѣ, обыкновенно, вредитъ себѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому.

— Конечно, вы и Вренчъ должны быть ему благодарны, замѣтилъ Минчинъ, обращаясь къ Толлеру,—онъ вамъ доставилъ сливки пикоковскихъ паціентовъ.

— Лейдгать живетъ слишкомъ широко для начинающаго практиканта-доктора, сказалъ м-ръ Гарри Толлеръ пивоварь.—Вѣроятно, онъ получаетъ пособіе отъ своихъ родственниковъ.

— Вѣроятно, поддакнулъ м-ръ Чилли,—иначе-бы онъ не женился на такой хорошенькой дѣвушкѣ, отъ которой мы всѣ были безъ ума. Какъ не злиться на человѣка, который отнял у насъ самую красивую дѣвушку во всемъ городѣ.

— И самую лучшую невѣсту, прибавилъ м-ръ Стэндишъ.

— Мой другъ, Винци, смотрѣлъ очень косо на этотъ бракъ, это мнѣ очень хорошо извѣстно, продолжалъ Чилли.—Онъ едва-ли станетъ помогать ему; о родственникахъ-же съ его стороны я ничего не могу сказать.

И м-ръ Чилли замолчалъ съ видомъ человѣка, который-бы могъ еще многое что сказать, но воздерживается изъ скромности.

— Не думаю, чтобы Лейдгать когда-нибудь разсчитывалъ на практику, какъ на средство къ жизни, замѣтилъ м-ръ Толлеръ съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма, и разговоръ на этомъ кончился.

Уже не въ первый разъ приходилось м-ру Фэрбротеру слышать, что Лейдгать живетъ не по средствамъ, но онъ полагалъ, что молодой докторъ имѣлъ помимо практики какіе-нибудь посторонніе источники доходовъ, которые дозволяли ему дѣлать такіе расходы, несмотря на неудачную практику. Разъ вечеромъ онъ отправился въ Мидльмарчъ, чтобы поболтать съ Лейдгатомъ по старому, и замѣтилъ въ немъ какое-то неестественное возбужде-

ніе, составлявшее рѣзкую противоположность съ его обыкновенной спокойной непринужденностью. Пока они сидѣли въ кабинетѣ, Лейдгать говорилъ безъ умолку, выставляя аргументы за и противъ извѣстныхъ біологическихъ теорій; но аргументы эти являлись, видимо, не результатомъ трудолюбивыхъ изслѣдованій, на необходимости которыхъ онъ обыкновенно настаивалъ, а выставлялись зря, для того только, чтобы избѣгнуть разговоръ о личныхъ дѣлахъ. Когда-же они перешли въ гостиную, Лейдгать тотчасъ-же попросилъ Розамунду сыграть что-нибудь, а самъ опустился въ кресло и не произнесъ болѣе ни слова, глаза его блестя, зрачки были расширены. „Вѣроятно, онъ принялъ опиума, подумалъ м-ръ Фэрбротеръ, — можетъ быть, у него tic douloureux, а можетъ быть, просто утомился отъ занятій“.

Фэрбротеру и на умъ не приходило, что Лейдгать, можетъ быть, не совсѣмъ счастливъ въ супружествѣ; онъ, какъ и всѣ, считалъ Розамунду милымъ, кроткимъ созданіемъ, хотя ему лично она никогда особенно не нравилась; она слишкомъ смахивала на первую ученицу школы, благовоспитанную и благоправную барышню. Мать его терпѣть не могла Розамунды за то, что она никогда не замѣчала присутствія Генріетты Нобль въ комнатѣ. „Но если Лейдгать въ нее влюбился, значить, она пришлась ему по вкусу“, разсуждалъ викарій.

М-ръ Фэрбротеръ зналъ, что Лейдгать очень гордъ, но рѣшительно не понималъ такого рода гордости, которая не позволяетъ человѣку заикнуться о своихъ личныхъ дѣлахъ, такъ какъ самъ онъ не былъ зараженъ ею.

Вскорѣ послѣ разговора у м-ра Толлера викарій узналъ кое-какія вещи, возбудившія въ немъ сильное желаніе дать понять косвенно Лейдгату, что если дѣла его находятся въ затруднительномъ положеніи, то у него есть другъ, которому онъ можетъ высказаться съ полною откровенностью.

Случай вскорѣ представился; въ новый годъ Винци устроили у себя обѣдъ, на который пригласили и Фэрбротера. Обѣдъ носилъ на себѣ характеръ чисто-семейный, Фэрбротеръ былъ приглашенъ съ матерью и сестрою, всѣ дѣти Винци были въ сборѣ и Фрэдъ убѣдилъ мать пригласить мэри Гартъ, представляя ей, что въ противномъ случаѣ Фэрбротеры обидятся, такъ какъ они очень дружны съ Мэри. Мэри приняла приглашеніе и Фрэдъ

былъ внѣ себя отъ восторга, хотя его нѣсколько и смущала ревность къ Фэрбротеру, сидѣвшему рядомъ съ нею. Обѣдъ прошелъ очень весело. Мэри была необыкновенно оживлена. Она радовалась за Фрэда, что его родители начинаютъ относиться къ ней лучше, и не прочь была показать имъ, какъ высоко цѣнятъ ее люди, авторитетъ которыхъ имѣлъ кое-какой вѣсъ въ ихъ глазахъ.

М-ръ Фэрбротеръ замѣтилъ, что Лейдгаты какъ-будто не въ духѣ, а м-ръ Винци избѣгаетъ случая разговаривать съ нимъ. Розамунда была мила и весела, какъ всегда, и только очень тонкій наблюдатель могъ-бы подмѣтить въ ней отсутствіе всякаго участія къ мужу. Она ни разу не обертывала головы на голосъ Лейдгата, когда онъ вмѣшивался въ какой-нибудь разговоръ. Его отозвали куда-то и онъ вернулся только черезъ два часа, а она, казалось, и не замѣтила его возвращенія. Но это только казалось; на самомъ дѣлѣ она чутко слѣдила за каждымъ движеніемъ мужа и своимъ напускнымъ равнодушіемъ старалась только выразить въ предѣлахъ приличія неудовольствіе на него. Лейдгата отозвали отъ десерта, и когда дамы вышли въ гостиную, м-съ Фэрбротеръ сказала Розамундѣ:

— Я полагаю, что часто отрываютъ вашего мужа отъ обѣда, м-съ Лейдгаты.

— Да, положеніе врача очень безпокойное, особенно, когда онъ такъ преданъ своей профессіи, какъ м-ръ Лейдгаты, отвѣчала Розамунда, и отошла прочь.

— Она страшно скучаетъ своимъ одиночествомъ, подхватила м-съ Винци, сидѣвшая тутъ-же возлѣ.— Мнѣ это не разъ приходило въ голову, когда Розамунда была больна и я гостила у нея. Вы знаете, м-съ Фэрбротеръ, мы живемъ весело. Я сама веселаго характера, и м-ръ Винци также любитъ, чтобы вокругъ него было шумно. Мы приучили къ такой жизни и Розамунду. А теперь ей приходится жить съ мужемъ, который уходитъ изъ дому въ самое неподходящее время и никогда не можетъ сказать навѣрное, въ которомъ часу вернется; къ тому-же онъ человѣкъ скрытный, гордый, какъ мнѣ кажется.—При этихъ словахъ м-съ Винци понизила голосъ.—Но у Розамунды ангельскій характеръ; какъ часто дома братья досаждали ей, но она никогда не сердилась

на нихъ. Впрочемъ, у меня, слава Богу, всѣ дѣти очень мягкаго характера.

И нельзя было не повѣрить этому, глядя на улыбку, съ которою м-съ Винци смотрѣла на своихъ трехъ дѣвочекъ. Ея улыбающійся взглядъ поневолѣ долженъ былъ упасть и на Мэри Гартъ, которую дѣвочки затащили въ уголокъ и заставляли рассказывать имъ сказки.

Въ эту самую минуту Луиза, любимица матери, подбѣжала къ ней крича:

— Мама, мама, маленькій человекъ такъ топнулъ ногой, что она у него завязла и онъ не могъ ее вытащить!

— Хорошо, хорошо, дружокъ, завтра ты мнѣ расскажешь объ этомъ, а теперь иди, слушай!

Глаза м-съ Винци послѣдовали за дѣвочкой, возвращавшейся въ свой уголокъ, и она рѣшила, что никогда не будетъ мѣшать Фреду приглашать Мэри, такъ какъ дѣти такъ полюбили ее.

Вскорѣ уголокъ, куда забились дѣти съ Мэри, еще болѣе оживился приходомъ м-ра Фэрбротера, который подѣлъ къ нимъ и посадилъ Луизу къ себѣ на колѣни. Дѣвочки пристали къ нему, чтобы онъ выслушалъ сказку, и Мэри должна была снова повторить ее. Она повторила почти тѣми-же словами, какъ рассказывала имъ. Фредъ, сидѣвшій также неподалеку, въ душѣ торжествовалъ за Мэри, но его бѣсило восхищеніе, съ которымъ глядѣлъ на нее Фэрбротеръ.

— Теперь ты не захочешь и слушать про моего одноглазаго великана, Лу, сказала Фредъ, когда Мэри досказала свою сказку.

— Нѣтъ, захочу, расскажи.

— Ну, едва-ли; куда ужъ мнѣ съ своей сказкой. Попроси лучше м-ра Фэрбротера.

— Да, посоветывала и Мэри,—попросите м-ра Фэрбротера рассказать вамъ о муравьяхъ, у которыхъ былъ великолѣпный домъ, и домъ этотъ разрушилъ великанъ Томъ, который думалъ, что муравьевъ это нисколько не огорчаетъ, потому что они не плачутъ и не вытираютъ себѣ глазъ платками.

— Ахъ, расскажите, стала просить викарія Луиза.

— Куда мнѣ, я старый священникъ; у меня вмѣсто сказки выйдетъ проповѣдь. Хотите послушать проповѣди?

— Да, отвѣчала Луиза нерѣшительно.

— О чемъ-же бы вамъ сказать, ну хоть о пирожкахъ. Какая дурная вещь пирожки, особенно сладкіе и съ изюмомъ.

Луиза нахмурилась, слѣзла съ колѣнъ викарія и побѣжала къ Фрэду.

— Вижу, что негодится проповѣдывать въ новый годъ, сказалъ м-ръ Фэрбротеръ, тоже вставая и уходя. Онъ замѣтилъ, что Фрэдъ ревнуетъ его и что онъ самъ не перестаетъ увлекаться Мэри.

— Премилая особа эта миссъ Гартъ, сказала м-съ Фэрбротеръ, слѣдившая за сыномъ.

— Да, отвѣчала м-съ Винци, къ которой она обратилась съ этимъ замѣчаніемъ. — Жаль только, что она такъ не хороша собою.

— Ну, я этого не нахожу. Мнѣ ея наружность нравится. Зачѣмъ требовать непременно красоты. Для меня всего важнѣе въ дѣвушкѣ умнѣе держать себя, а миссъ Гартъ не уронитъ себя ни въ какомъ обществѣ.

М-съ Фэрбротеръ сказала это довольно рѣзкимъ тономъ, такъ какъ рассчитывала, что Мэри сдѣлается современемъ ея невѣсткою.

Наѣхали новые гости; въ гостиной начались музыка и игры, для играющихъ въ карты были разставлены зеленые столы въ особой комнатѣ. М-ръ Фэрбротеръ сыгралъ одинъ роберъ, въ утѣшеніе своей матери, и потомъ усадилъ за себя м-ра Чилли и вышелъ изъ комнаты. Въ передней онъ встрѣтился съ Лейдгатомъ, только-что пріѣхавшимъ назадъ.

— Васъ-то мнѣ и нужно, сказалъ викарій, и, вмѣсто того, чтобы идти въ гостиную, они принялись расхаживать взадъ и впередъ по передней.

— Какъ видите, мнѣ теперь не трудно оторваться отъ зеленого стола, заговорилъ Фэрбротеръ, улыбаясь, — потому что я играю вовсе не изъ-за денегъ. М-съ Казобонъ говоритъ, что этимъ я обязанъ вамъ.

— Какимъ это образомъ? спросилъ Лейдгатъ холодно.

— Вы не хотѣли, чтобы я зналъ объ этомъ; по-моему, это неумѣстная скрытность. Почему-же не доставить человѣку удовольствія чувствовать, что вы оказали ему услугу. Я не принадлежу къ числу такихъ людей, которые, какъ огня, боятся

услуги ближняго; мнѣ гораздо пріятнѣе быть обязаннымъ всѣмъ окружающимъ за дружеское ихъ-расположеніе ко мнѣ.

— Я рѣшительно не понимаю, на что вы намекаете, развѣ на то, что я разъ говорилъ о васъ м-съ Казобонъ. Но она общала мнѣ не передавать вамъ объ этомъ; я не думалъ, что она способна нарушать свои обѣщанія, сказалъ Лейдгать упрямо, прислоняясь къ выступу камина.

— Она сама ничего мнѣ не говорила, я узналъ объ этомъ отъ Брука. Онъ выразилъ мнѣ свою радость, что приходъ достался мнѣ; я и самъ говорилъ за васъ, продолжалъ онъ далѣе, но Лейдгать до того превознесъ васъ, что м-съ Казобонъ тотчасъ-же рѣшила, что лучшаго выбора она сдѣлать не можетъ.

— Брукъ—пустой болтунъ.

— Я ему очень благодаренъ за эту болтливость. Я рѣшительно не понимаю, почему вы не хотѣли, чтобы я зналъ, что вы оказали мнѣ услугу, и услугу очень серьезную. Какъ это ни больно для нашего самолюбія, но нельзя не сознаться, что только человѣкъ, не нуждающійся въ деньгахъ, вполне гарантированъ отъ дурныхъ поступковъ, конечно, если онъ человѣкъ хорошій. Нищій изъ-за куска хлѣба можетъ совершить дурной поступокъ не потому, что онъ человѣкъ дурной, а потому, что ему ѣсть хочется. Я совершенно доволенъ, что мнѣ теперь нѣтъ надобности искать случайныхъ доходовъ.

— Всякое полученіе денегъ зависитъ отъ случая; какой-бы профессіей человѣкъ не занимался, доходы его всегда будутъ случайны, замѣтилъ Лейдгать.

Фэрбротеръ объяснилъ себѣ эти слова Лейдгата, идущія въ разрѣзъ съ тѣмъ, что онъ говорилъ прежде, запутанностью его дѣлъ и отвѣчалъ добродушнымъ тономъ:

— Да, нужно имѣть громадный запасъ терпѣнія, чтобы помириться съ такимъ положеніемъ дѣла. Но переносить его все-таки легче, когда есть друзья, которые васъ любятъ и всегда готовы помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ могутъ.

— Да, отвѣчалъ Лейдгать самымъ добродушнымъ тономъ, поглядывая на часы.—Но люди имѣютъ обыкновеніе дѣлать изъ мухи слона.

Онъ понялъ очень хорошо, что Фэрбротеръ предлагаетъ ему

косвеннымъ образомъ помощь, и гордость его возмутилась этимъ. Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что ему удалось оказать викарію услугу, но принять отъ него взаимную услугу казалось ему невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что эта услуга должна была заключаться въ займѣ. Ему казалось легче употребить въ дѣло револьверъ.

Фэрбротеръ въ свою очередь понялъ какъ нельзя лучше смыслъ его отвѣта и счелъ за лишнее настаивать въ настоящую минуту.

— Когда можно застать васъ дома? спросилъ онъ.

— Послѣ одиннадцати, отвѣчалъ Лейдгатъ, и они пошли въ гостиную.

ГЛАВА LXIV.

Лейдгатъ очень хорошо зналъ, что если-бы даже онъ совершенно откровенно рассказалъ м-ру Фэрбротеру, въ какомъ положеніи онъ находится, викарію не въ состояніи былъ-бы помочь ему. Лейдгату пужно было не менѣе 1,000 ф. ст., чтобы удовлетворить своихъ кредиторовъ и *вымырнуть*, какъ онъ выражался.

Съ приближеніемъ новаго года требованія кредиторовъ становились все назойливѣе и назойливѣе, такъ-что Лейдгатъ былъ рѣшительно не въ состояніи думать ни о чемъ, кромѣ своего текущаго положенія.

Характеръ у него былъ вовсе не тяжелый: постоянная умственная дѣятельность, искренняя доброта и брѣжкое сложеніе предохраняли его при мало-мальски сносныхъ условіяхъ отъ той мелочной раздражительности, которая дѣлаетъ человѣка нестерпимымъ для окружающихъ. Но въ настоящее время онъ находился подъ вліяніемъ постоянного раздраженія, вызваннаго не столько критическимъ положеніемъ, сколько сознаниемъ, что онъ тратитъ всю свою энергію, всѣ свои умственные силы на мелочную борьбу съ житейскими невзгодами.

Мрачное настроеніе духа, въ которое онъ впалъ подъ вліяніемъ этой безплодной борьбы, все болѣе и болѣе отчуждало отъ него Розамунду. Послѣ того вечера, когда онъ сообщилъ ей о разстройствѣ ихъ дѣлъ, онъ не разъ пытался убѣдить ее въ не-

обходимости сократить расходы, и съ приближеніемъ праздниковъ убѣжденія эти становились все настоятельнѣе и настоятельнѣе.

— Мы можемъ обходиться съ одной прислугой и жить гораздо скромнѣе, чѣмъ живемъ, говорилъ онъ ей однажды. — Я думаю оставить себѣ только одну лошадь.

— Дѣлай, какъ хочешь, отвѣчала Розамунда, — но мнѣ кажется, что, переѣхавъ образъ жизни, ты только повредишь себѣ; у тебя будетъ еще менѣе практики.

— Милая Розамунда, теперь уже поздно разсуждать объ этомъ. Мы устроились слишкомъ на широкую ногу. Пикокъ, какъ тебѣ известно, жилъ гораздо скромнѣе. Я кругомъ виноватъ; меня слѣдовало-бы побить за то, что я поставилъ тебя въ необходимость жить бѣднѣе, чѣмъ ты привыкла у родителей. Но вѣдь мы женились, потому что любили другъ друга, и эта любовь поможетъ намъ пережить тяжелое время. Брось свою работу, моя дорогая, приди ко мнѣ.

Розамунда подошла къ нему, онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, обнявъ одною рукою, а другую положилъ на ея руки и заговорилъ мягкимъ голосомъ:

— Знаешь, Роза, я рѣшительно постичь не могу, куда у насъ уходитъ столько денегъ. Прислуга наша уже черезчуръ незаконна и живемъ мы слишкомъ открыто. Я увѣренъ, что можно издерживать гораздо меньше и это нисколько не повредитъ моей практикѣ; вотъ Вренчъ, напримѣръ, какъ онъ скромно живетъ, а какая у него огромная практика.

— Такъ ты хочешь жить такъ, какъ Вренчъ! А вѣдь ты самъ, кажется, находилъ когда-то, что противно смотрѣть, какъ они скаредно живутъ.

— Да, у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго вкуса, ихъ бережливость дѣйствительно смахиваетъ на безобразіе. Мы никогда не дойдемъ до этого. Я говорю только, что, несмотря на скромный образъ жизни, Вренча, у него великолѣпная практика.

— Отчего-же у тебя нѣтъ порядочной практики, Тертія? Вѣдь у Пикова была-же. Тебѣ слѣдуетъ быть нѣсколько пообходимѣе и самому доставлять лекарства, какъ дѣлаютъ другіе доктора. Вѣдь сначала дѣла твои пошли очень хорошо, тебя приглашали въ лучшіе дома. Съ эксцентричностью далеко не

уѣдешь; ты долженъ подлаживаться подъ мнѣнія окружающихъ, закончила Розамунда наставительнымъ тономъ.

Лейдгата взорвало.

— Какъ я долженъ вести себя относительно своихъ пациентовъ—это уже мое дѣло, Роза. У насъ теперь не объ этомъ рѣчь, а о томъ, что намъ придется, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ къ ряду жить на какіе-нибудь 400 ф. ст. въ годъ; намъ нужно сообразовать нашу жизнь съ этими средствами.

Розамунда просидѣла нѣсколько минутъ молча.

— Дядюшка Бюльстродъ, заговорила она, наконецъ, — долженъ-бы назначить тебѣ жалованье за твои занятія въ госпиталѣ: съ какой стати тебѣ работать даромъ.

— Еще до открытія госпиталя мы рѣшили, что я стану лечить тамъ даромъ. Это опять-таки не относится къ нашему разговору. Мы теперь говоримъ о томъ, какъ устроиться съ нашими наличными средствами. Я вижу только одинъ исходъ изъ нашего теперешняго положенія. Нэдъ Плаймдэль женится, какъ я слышалъ, на миссъ Софи Толлеръ. Они люди съ состояніемъ, найти себѣ подходящій домъ въ Миддлмарчѣ имъ будетъ трудно. Я увѣренъ, что они съ радостью возьмутъ нашъ домъ съ большею частью мебели и не постоятъ за цѣною. Можно попросить Трембеля переговорить объ этомъ съ Плаймдэлемъ.

Розамунда встала съ колѣнъ мужа и прошлась по комнатѣ; когда она повернулась лицомъ къ нему, на глазахъ ея дрожали слезы и она закусывала нижнюю губу, чтобы не расплакаться. Лейдгата взбѣсился, но онъ чувствовалъ, что сорвать на ней свое сердце въ настоящую минуту было-бы слишкомъ жестоко. Онъ скрѣпился и сказалъ только:

— Мнѣ это въ высшей степени прискорбно, Розамунда, я понимаю, какъ это будетъ тяжело тебѣ.

— Согласившись отослать обратно часть серебра и позволивъ описать нашу движимость, я надѣялась, что *этимъ*, по крайней мѣрѣ, все кончится,

— Я тебѣ объяснялъ тогда, мой другъ, что движимость завладывается въ обезпеченіе долга. Но долгъ все-таки долженъ быть уплаченъ, въ противномъ случаѣ движимость будетъ продана. Если Плаймдэль возьметъ нашъ домъ и большую часть мебели, мы въ состояніи будемъ уплатить и этотъ долгъ и еще

нѣсколько другихъ и избавимся отъ черезчуръ роскошной обстановки. Мы можемъ нанять домъ поскромнѣе: Трембель сдаетъ очень приличный домъ за тридцать фунтовъ въ годъ, а за этотъ мы платимъ девяносто.

Слезы текли по щекамъ Розамунды. Первый разъ въ жизни приходилось ей переживать такую горькую минуту.

— Я никакъ не думала, сказала она, наконецъ, медленно и съ удареніемъ, — чтобы тебѣ когда-нибудь могла придти охота поступать такимъ образомъ.

— Охота? вскричалъ Лейдгать, вскакивая со стула и принимаясь ходить по комнатѣ.— Тутъ дѣло не въ охотѣ. Понятно, что и мнѣ не весело рѣшиться на это, но я не могу поступить иначе.

— Мнѣ кажется, можно найти другія средства. Распродадимъ все съ аукціона и уѣдемъ изъ Миддльмарча.

— Съ какой стати мнѣ уѣзжать изъ Миддльмарча, гдѣ у меня все-таки есть кое-какая работа, а тамъ, куда мы переѣдемъ, придется отыскивать ее. Буда-бы мы ни переѣхали, мы все-таки не разбогатѣемъ.

— Ты самъ виноватъ, Тертій, что мы въ такомъ положеніи. Какъ ты себя держишь съ своими родными?! Ты оскорбилъ капитана Лейдгата. Когда мы были въ Квалитхамъ, сэръ Гадвикъ былъ очень ласковъ ко мнѣ и я увѣрена, что онъ-бы все сдѣлалъ для тебя, если-бы ты держалъ себя съ нимъ какъ должно и откровенно рассказалъ ему о своемъ положеніи. Но тебѣ лучше хочется уступить свой домъ и свою мебель м-ру Нэду Плаймдэлю.

— Ну, если такъ, я тебѣ отвѣчу: да, мнѣ этого хочется, всплыли Лейдгать.— Я согласенъ всего лишиться, но попрошайничать не стану.

Розамунда молча вышла изъ комнаты; но она твердо рѣшилась не допустить Лейдгата поставить на своемъ.

Лейдгать ушелъ изъ дому, но, когда вспышка прошла, онъ самъ испугался своей горячности и рѣшилъ, что подобныя сцены между нимъ и женою не должны болѣе повторяться. Что-же будетъ, если вдобавокъ ко всему они еще разлюбятъ другъ друга? Онъ уже давно помирился съ ея недостаткомъ чувствительности и пересталъ видѣть въ ней идеалъ жены. Но все-таки онъ еще лю-

билъ ее и берегъ эту любовь, какъ сокровище. Обсудивъ дѣло нѣсколько хладнокровнѣе, онъ нашель, что она ни въ чемъ не виновата, что всему виною ихъ критическое положеніе, которое онъ создалъ отчасти самъ. Вечеромъ онъ былъ съ ней особенно нѣженъ, чтобы загладить утреннюю сцену; Розамунда съ удовольствіемъ принимала его ласки, онъ служили ей доказательствомъ, что мужъ любить ее, что она не потеряла надъ нимъ вліянія. Но сама она уже не любила его. Лейдгаты рѣшилъ не заговаривать съ нею болѣе о сдачѣ дома, но при первомъ удобномъ случаѣ привести свое намѣреніе въ исполненіе. Однако, на слѣдующее утро за завтракомъ Розамунда первая заговорила объ этомъ:

— Говорилъ ты съ Трембелемъ? спросила она вкратку.

— Нѣтъ. Я зайду къ нему сегодня утромъ. Нечего терять времени.

Изъ этого вопроса Розамунды Лейдгаты заключилъ, что она покорила необходимости, и, уходя, нѣжно поцѣловаль ее въ лобъ.

Вскорѣ послѣ его ухода Розамунда также ушла изъ дому. Она отправилась къ матери м-ра Нэда, м-съ Шлаймдэль, поздравить ее съ предстоящей женитьбой сына. М-съ Шлаймдэль была вполне убѣждена, что Розамунда горько раскаявается теперь въ томъ, что не пошла за Нэда, и потому приняла ее весьма любезно.

— Да, заговорила она въ отвѣтъ на ея поздравленія, — Нэдъ вполне счастливъ. Да и я не могла-бы пожелать себѣ лучшей невѣстки, чѣмъ Софи Толлеръ. Отецъ, конечно, дастъ за ней хорошее приданое; все семейство вообще очень почтенное. Но я не гонюсь за приданнымъ или связями. Дѣло въ томъ, что сама она такая славная дѣвушка, безъ всякихъ претензій, несмотря на то, что могла-бы составить украшеніе любого общества. Конечно, она не гоняется за аристократіей, да я, по правдѣ сказать, и не люблю людей, которые норовятъ выйти изъ своей сферы. Софи не уступитъ никому въ городѣ.

— Мнѣ она всегда нравилась, замѣтила Розамунда.

— Я говорю Нэду, что Богъ ему послалъ такое счастье въ награду за то, что онъ никогда не задиралъ носа. Толлеры люди такіе разборчивые, я думала, что они не согласятся на этотъ

бравъ, потому что мы водимъ дружбу съ людьми, отъ которыхъ они сторонятся. Всѣмъ извѣстно, что мы съ вашей тетужкой Бюльстродъ старинные друзья; м-ръ Плаймдэль также всегда стоялъ на сторонѣ м-ра Бюльстрода. Я сама предпочитаю людей серьезнаго образа мыслей. Но Толлеры, несмотря на это, съ удовольствіемъ приняли предложеніе Нада.

— Вашъ сынъ очень хорошій, очень нравственный молодой человѣкъ, замѣтила Розамунда покровительственнымъ тономъ, въ отместку за шпильки м-съ Плаймдэль.

— У него нѣтъ офицерскаго пику, нѣтъ привычки смотрѣть на всѣхъ свысока, нѣтъ умѣнья блестятъ въ обществѣ болтовней или потѣшать пѣніемъ. Но я за это благодарю моего Господа. Съ такими качествами не далеко уѣдешь ни въ этой жизни, ни въ будущей.

— Конечно. Они, вѣроятно, будутъ очень счастливы. Приска-ли они себѣ домъ?

— Ну, прискивать-то нечего, что найдутъ, то и ладно. Они присмотрѣли домъ на площади св. Петра, рядомъ съ домомъ Гакбюта; это тоже его домъ и онъ отдѣлываетъ его заново. Лучшаго имъ не удастся найти. Надъ, вѣроятно, сегодня-же дастъ задатокъ.

— Мѣсто отличное, мнѣ очень нравится эта площадь.

— Да, близко къ церкви, и вообще мѣсто недурное. Только окна немножко малы. Не слыхали-ли вы о какомъ-нибудь другомъ домѣ? спросила м-съ Плаймдэль, пораженная внезапною мыслью.

— О нѣтъ; я никогда не слышу о подобныхъ вещахъ.

Розамунда не предвидѣла этого вопроса, когда рѣшилась отправиться къ м-съ Плаймдэль; ей просто хотѣлось собрать справки, которыя дали-бы ей возможность предотвратить сдачу дома. Она находила себя вправѣ дѣйствовать такимъ образомъ, и была убѣждена, что если ей удастся привести въ исполненіе ея планъ, то Лейдгаты увидятъ самъ, какую непростительную глупость онъ сдѣлалъ-бы своимъ послѣднимъ распоряженіемъ.

На возвратномъ пути она рѣшилась зайти въ контору къ м-ру Трембелю. Въ первый разъ въ жизни ей приходилось самой хлопотать по дѣламъ, но это ее ни мало не смущало.

М-ръ Трембель принялъ ее чрезвычайно любезно; она ему

всегда нравилась, но теперь онъ чувствовалъ къ ней особенную симпатію, потому что зналъ, въ какомъ стѣсненномъ положеніи находится Лейдгатъ. Онъ предложилъ ей стулъ, а самъ стоялъ передъ нею, не зная, чѣмъ ей лучше подслужиться. Розамунда спросила, заходилъ-ли къ м-ру Трембелю ея мужъ переговорить на счетъ дома.

— Да, сударыня, заходилъ, отвѣчалъ Трембель самымъ мягкимъ голосомъ.— Я сегодня-же постараюсь исполнить его порученіе, онъ просилъ меня не затягивать дѣла въ долгій ящикъ.

— Я пришла къ вамъ, м-ръ Трембель, сказать, чтобы вы не хлопотали объ этомъ дѣлѣ и никому не передавали о немъ. Могу я надѣяться, что вы исполните мою просьбу?

— Безъ сомнѣнія, м-съ Лейдгатъ, безъ сомнѣнія. Я никогда не разглашаю чужихъ тайнъ. Такъ вы не желаете, чтобы я хлопоталъ по этому дѣлу? отвѣчалъ м-ръ Трембель, расправляя концы своего синяго галстука и глядя съ почтеніемъ на Розамунду.

— Нѣтъ. М-ръ Нэдъ Шлаймдэлъ уже прискалъ себѣ домъ на площади св. Петра рядомъ съ домомъ Гакбюта. М-ру Лейдгату было-бы очень непріятно получить отъ него отказъ. Да къ тому-же, въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, самое предложеніе оказывается совершенно излишнимъ.

— Очень хорошо, м-съ Лейдгатъ, очень хорошо. Я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ, сказалъ м-ръ Трембель, искренно радуясь тому, что Лейдгаты нашли какой-то выходъ изъ своего стѣсненнаго положенія.—Вы можете быть совершенно спокойны. Дѣло это здѣсь и умреть.

Вернувшись домой, Лейдгатъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Розамунда гораздо оживленнѣе, чѣмъ была за послѣднее время, и старалась предупредить всѣ его желанія. „Если она будетъ счастлива, думалъ онъ, и я выбьюсь изъ этого адскаго положенія, мы живемъ опять по старому.“

Онъ чувствовалъ себя настолько спокойнѣе, что принялся читать статью о какихъ-то новыхъ опытахъ, которую давно намѣревался проглядѣть, но совсѣмъ забросилъ за мелочными дразгами. Съ наслажденіемъ углубился онъ въ любимое чтеніе, а Розамунда наигрывала на фортеціано тихія мелодіи, которыя ласкали его слухъ, какъ шумъ весла, разсѣкающаго воду. Было

уже поздно; Лейдгаты отодвинулъ книги и, заложивъ руки за голову, задумался надъ изобрѣтеніемъ новаго провѣрочнаго опыта, какъ вдругъ Розамунда, уже переставшая играть и молча глядѣвшая на него, сказала:

— М-ръ Нэдъ Плаймдэль уже напелъ себѣ домъ.

Лейдгаты вздрогнулъ, какъ будто съ просонья, взглянулъ на жену съ видомъ человѣка, непонимающаго, о чемъ ему говорить, но, наконецъ, сообразивъ въ чемъ дѣло, спросилъ:

— А ты почему знаешь?

— Я была сегодня у м-съ Плаймдэль и она сказала мнѣ, что Нэдъ нанялъ домъ на площади св. Петра, рядомъ съ домою Гакбюта.

Лейдгаты молча опустилъ голову на руки. Ему было страшно тяжело обмануться въ своей надеждѣ, онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, выломавшаго дверь изъ комнаты, въ которой онъ задыхался отъ недостатка воздуха, и увидѣвшаго, что эта дверь заложена снаружи кирпичами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что Розамунда радуется именно тому, что приводитъ его въ отчаяніе. Когда онъ, наконецъ, поднялъ голову и откинулъ волосы ото лба, въ глазахъ его отражалась тоскливая увѣренность, что онъ не встрѣтитъ въ ней сочувствія.

— Ну что-жъ, сказалъ онъ холодно, — можетъ быть, кому-нибудь другому понадобится домъ. Я просилъ Трембея прискивать другихъ нанимателей, если дѣло съ Плаймдэлемъ не сладится.

Розамунда ничего не отвѣчала. Она надѣялась, что мужъ ея не станетъ болѣе говорить объ этомъ дѣлѣ съ аукціонистомъ, а тѣмъ временемъ можетъ подвернуться какая-нибудь счастливая случайность, которая оправдаетъ ея внимательство; во всякомъ случаѣ, она предотвратила ближайшую опасность. Помолчавъ нѣсколько времени, она спросила:

— Сколько денегъ нужно этимъ жидамъ?

— Какимъ жидамъ?

— Да тому, что дѣлалъ опись, и другимъ. Сколько нужно денегъ, чтобы ихъ удовлетворить настолько, чтобы они тебя оставили въ покоѣ.

Лейдгаты съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Если-бы Плаймдэль заплатилъ мнѣ 600 ф. за мебель и

за наемъ дома, я-бы кое-какъ устроился: рассчитался-бы съ Доверомъ, а остальнымъ-бы уплатилъ на-столько, что они согласились-бы ждать терпѣливо остальное.

— Нѣтъ, сколько-бы нужно было для того, чтобы мы могли остаться въ этомъ домѣ?

— Болѣе, чѣмъ я могу получить откуда-бы то ни было, отвѣчалъ Лейдгатъ рѣзко.

— Но отчего-же ты не хочешь сказать мнѣ, сколько именно тебѣ нужно? настаивала Розамунда съ кроткимъ упрекомъ въ голосѣ.

— Да по крайней мѣрѣ тысячу. Но теперь вопросъ не въ томъ, какъ достать эту тысячу, а какъ обойтись безъ нея.

Розамунда промолчала.

Но на слѣдующій-же день она сѣла писать къ сэрѣ Гадвику Лейдгату. Послѣ отъѣзда капитана она получила одно письмо отъ него и одно отъ замужней сестры его м-съ Менганъ; въ этихъ письмахъ выражалось соболѣзнованіе по случаю ея несчастныхъ родовъ и высказывалась въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ надежда, что Розамунда когда-нибудь снова соберется въ Квалингхамъ. Лейдгатъ объяснялъ ей, что это не болѣе какъ простая вѣжливость; но она была убѣждена, что нѣкоторая натянутость въ отношеніяхъ родственниковъ Лейдгата къ нему была вызвана его холоднымъ, презрительнымъ обращеніемъ съ ними, и отвѣтила на ихъ письма самымъ любезнымъ образомъ, рассчитывая получить взаимнъ приглашеніе немедленно пріѣхать къ нимъ. Но время шло, а приглашенія все не было. Розамунда утѣшала себя мыслью, что капитанъ не любитъ нисать письма, а сестра его, можетъ быть, за-границей; но что во всякомъ случаѣ сэръ Гадвикъ, трепавшій ее по подбородку и находившій, что она похожа на знаменитую красавицу м-съ Кроли, которая покорила его сердце въ 1790 г., будетъ тронуть ея обращеніемъ къ нему и ради нея почтетъ за удовольствіе помочь своему племяннику. Она написала ему очень убѣдительное, по ея мнѣнію, письмо, въ которомъ представляла, какъ было-бы хорошо, если-бы Тертій переѣхалъ изъ Миддльмарча куда-нибудь, гдѣ-бы дарованія его нашли себѣ болѣе широкое примѣненіе, и объясняла, что вслѣдствіе враждебнаго къ нему настроенія миддльмарчскаго общества онъ почти не имѣлъ никакой практики, почему

запутался въ денежныхъ дѣлахъ, такъ что теперь ему нужно 1,000 фунтовъ, чтобы выйти изъ крайне затруднительнаго положенія. О томъ, что Тертій ничего не знаетъ объ этомъ письмѣ, она, конечно, не сказала ни слова, такъ какъ это противорѣчило-бы увѣреніямъ ея, что онъ глубоко уважаетъ своего дядюшку Годвина и считаетъ его своимъ лучшимъ другомъ.

Письмо свое она отправила до новаго года, но не получала еще отвѣта. Между тѣмъ утромъ въ новый годъ Лейдгать узналъ, что она отмѣнила порученіе, данное имъ Трембелю. Чувствуя, что необходимо приучить ее къ мысли о сдачѣ дома, Лейдгать сдѣлалъ надъ собою усиліе и за завтракомъ въ новый годъ сказалъ ей:

— Я увижусь сегодня съ Трембелемъ и попрошу его опубликовать въ „Піонеръ“ и „Трубъ“, что мы сдаемъ свой домъ. Когда появятся объявленія, можетъ быть, люди, и не думавшіе вовсе мѣнять квартиру, соблазнятся мыслию о возможности нанять такой прекрасный домъ, какъ нашъ. Въ провинціальныхъ городкахъ люди часто остаются на старыхъ квартирахъ, несмотря на то, что онѣ имъ сдѣлались уже малы, единственно потому, что не могутъ найти другого, болѣе подходящаго помѣщенія.

Розамунда почувствовала, что рѣшительная минута наступила.

— Я сказала Трембелю, чтобы онъ не хлопоталъ по этому дѣлу, произнесла она съ искусственнымъ спокойствіемъ.

Лейдгать остолбенѣлъ. Не прошло и полчаса, какъ онъ, прикалывая женѣ косы, нашептывалъ ей слова любви, и она если не отвѣчала на его ласки, то во всякомъ случаѣ принимала ихъ съ видимымъ удовольствіемъ. Впечатлѣніе этой сцены еще не успѣло изгладиться въ немъ и потому онъ почувствовалъ въ первую минуту не столько гнѣвъ, сколько огорченіе. Онъ положилъ ножъ и вилку, откинулся на спинку стула и спросилъ холоднымъ, ироническимъ тономъ:

— Могу я спросить, когда и почему вы это сдѣлали?

— Когда я узнала, что Шлаймдэли уже прискакали себѣ домъ, я зашла къ нему и сказала, чтобы онъ не предлагалъ имъ нашего дома и вообще отложилъ всякія хлопоты по этому дѣлу. Я знала очень хорошо, что если узнаютъ въ городѣ, что ты сдаешь этотъ домъ со всею мебелью, то это можетъ повредить

тебѣ во мнѣніи общества, да я вовсе и не желала этой сдачи. Кажется, что это достаточно основательныя причины.

— И васъ не остановили тѣ настоятельныя соображенія, которыя я вамъ приводилъ, не остановило и то, что я пришелъ къ совершенно противоположному рѣшенію и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія?

Лейдгаты началъ горячиться.

Стоило кому-нибудь въ разговорѣ съ Розамундой выйти изъ себя, какъ она тотчасъ-же принимала самый холодный и сдержанный видъ, ясно говорившій, что какъ-бы другіе ни держали себя относительно ея, она никогда не позволитъ себѣ забытья.

— Я думаю, отвѣчала она, — что я имѣла полное право говорить о дѣлѣ, которое касается меня такъ-же близко, какъ и тебя.

— Да, ты имѣла право говорить, но только со мной. Ты не имѣла права отиѣнять моихъ распоряженій и третировать меня, какъ дурака, продолжалъ Лейдгаты прежнимъ тономъ и, помолчавъ съ минуту, прибавилъ насмѣшливо:

— Въ состояніи-ли вы, наконецъ, понять какія это можетъ повлечь за собою послѣдствія? Долженъ-ли я снова повторять вамъ, почему мы *должны* сдать этотъ домъ въ наемъ?

— Не трудись, пожалуйста, повторять. Я очень хорошо помню, что ты говорилъ. Ты также мало стѣснялся въ выраженіяхъ, какъ и теперь. Но я тѣмъ не менѣе остаюсь при томъ убѣжденіи, что прежде, чѣмъ рѣшиться на такую тяжелую для меня мѣру, ты долженъ испробовать всѣ другія средства. Печатать-же подобныя объявленія въ газетахъ значитъ совершенно уронить себя въ глазахъ общества.

— Ну, а если я такъ-же мало уважаю твое мнѣніе, какъ ты мое.

— Ты можешь поступить, какъ тебѣ угодно. Но тебѣ слѣдовало сказать мнѣ до свадьбы, что ты скорѣе сдѣлаешь меня несчастною, чѣмъ въ чемъ нибудь мнѣ уступишь.

Лейдгаты молчалъ. Розамунда, воспользовавшись, что онъ не глядитъ на нее, подошла къ нему и поставила передъ нимъ чашку кофе. Онъ не прикоснулся къ ней и не переиѣнилъ положенія.

— Когда я выходила за тебя замужъ, продолжала она, — всѣ считали твое положеніе блестящимъ. Я никакъ не думала,

что тебѣ придется продать всю нашу движимость и переселиться въ Брайдъ-стритъ, гдѣ въ домахъ вмѣсто комнатъ клѣтушки. Если уже мы принуждены жить такимъ образомъ, такъ уѣдемъ, по крайней мѣрѣ, изъ Миддльмарча.

— Ваши слова были-бы весьма убѣдительны, отвѣчалъ Лейдгата полунасмѣшливымъ тономъ, — если-бы я не былъ кругомъ въ долгу.

— Люди сплошь и рядомъ дѣлаютъ долги, но если они мало-мальски пользуются уваженіемъ, то имъ всегда вѣрятъ въ кредитъ. Папа говоритъ, что у Торбитовъ множество долговъ, однако-жъ они живутъ прекрасно. Никогда не слѣдуетъ поступать слишкомъ опрометчиво, заключила Розамунда наставительнымъ тономъ.

Въ душѣ Лейдгата боролись самыя противоположныя чувства. Видя, что Розамунду невозможно пронять никакими доводами, онъ ощущалъ потребность сорвать свое сердце на какомъ-нибудь неодушевленномъ предметѣ, сломать, разбить чтонибудь или прикрикнуть на жену, грубо объявить ей, что она обязана повиноваться ему. Но Розамунда затронула въ немъ самую чувствительную струну, намекнувъ, что, выходя за него замужъ, она мечтала о счастіи, котораго онъ не въ состояніи былъ ей дать. Къ тому-же онъ вовсе не былъ увѣренъ, что Розамунда обратитъ болѣе вниманія на его приказанія, чѣмъ на его убѣжденія.

Онъ молча всталъ и направился къ двери.

— Я прошу тебя не ходить къ Трембелю, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся, что не остается другого исхода, сказала Розамунда. Хотя она была вовсе не трусливаго десятка, но въ настоящую минуту не рѣшалась сказать мужу, что писала къ сэру Годвину. — Обѣщай мнѣ, что ты подождешь нѣсколько недѣль и скажешь мнѣ, когда тебѣ снова придетъ охота печатать объявленіе.

Лейдгата отрывисто засмѣялся.

— Кажется, мнѣ-бы слѣдовало взять съ васъ обѣщаніе, что вы не будете ничего дѣлать, не сказавъ мнѣ, сказалъ онъ, бросивъ на нее строгій взглядъ, и взялся за ручку двери.

— Ты помнишь, что мы сегодня обѣдаемъ у папа, заговорила опять Розамунда, желая какъ-нибудь удержать его и добиться болѣе опредѣленной уступки. Но онъ только отвѣтилъ нетерпѣливо: „Помню“, — и вышелъ.

Ей казалось непростительнымъ съ его стороны, что, предложивъ ей такую тяжелую мѣру, онъ еще сердится. Она была убѣждена, что поступала безукоризненно, и всякое рѣзкое слово Лейдгата только увеличивало списокъ его провинностей передъ нею. Уже нѣсколько мѣсяцевъ мысль о мужѣ соединялась въ умѣ Розамунды съ представленіемъ о непріятностяхъ всякаго рода. Профессія Лейдгата, его научныя занятія, его взгляды на различные предметы, о которыхъ у нихъ и рѣчи не заходило въ періодъ его ухода, — все это постепенно отчуждало ее отъ него; печальное матерьяльное положеніе ихъ только ускорило охлажденіе, до котораго и безъ того-бы она дошла въ концѣ концовъ. Уже вскорѣ послѣ свадьбы Розамунда увлеклась Вилемъ Владиславомъ, хотя, послѣ его отъѣзда, она едва-ли сознавала, какую пустоту онъ оставилъ въ ея душѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла Лейдгатовъ въ новый годъ, когда они явились на родственныя обѣды, она — споконная и невозмутимая, онъ — мучимый внутреннею борьбой съ самимъ собою.

Что ему было дѣлать! Онъ сознавалъ, можетъ быть, яснѣе Розамунды, какъ ужасно будетъ перевезти ее въ скромный домикъ на Брандъ-стритѣ. Жизнь съ Розамундой и жизнь среди лишеній казались ему вещами несомвѣстными.

Несмотря на то, что онъ ничего не отвѣчалъ на ея просьбу, онъ не пошелъ въ этотъ день къ Трембелю. Онъ даже уже начиналъ подумывать, не съѣздить-ли ему къ сэру Годвину. Было время, когда онъ думалъ, что ничто въ мірѣ не заставитъ его обратиться къ дядѣ съ просьбой о деньгахъ, но теперь онъ начиналъ понимать, что есть вещи тяжелѣе подобной просьбы. Писать онъ считалъ совершенно бесполезнымъ. Только при личномъ свиданіи онъ могъ-бы объяснить какъ слѣдуетъ свое положеніе и убѣдиться, насколько дѣйствительны родственныя узы. Но едва эта мысль мелькнула въ его головѣ, какъ онъ почувствовалъ припадокъ бѣшенства противъ самого себя. Онъ всегда стоялъ выше пошлыхъ расчетовъ на кошельки людей, съ которыми не имѣлъ ничего общаго, и весьма гордился этимъ. И вдругъ теперь онъ не только поставитъ себя въ уровень съ этими людьми, но даже унижится до выпрашиванія у нихъ подаенія.

ГЛАВА LXV.

Свойственная всѣмъ людямъ медлительность въ перепискѣ не поддается даже современному стремленію къ быстротѣ во всѣхъ отправленіяхъ общественной и индивидуальной жизни: что-же мудренаго, что въ 1832 году старый сэръ Годвинъ Лейдгатъ не спѣшилъ отвѣтомъ, который къ тому-же имѣлъ значеніе не для него, а для другихъ. Съ новаго года прошло уже три недѣли, а Розамунда все еще не получала отвѣта на свое краснорѣчивое посланіе. Ничего не подозрѣвавшій Лейдгатъ видѣлъ только, что долги его растутъ и растутъ, и предчувствовалъ, что Доверъ поспѣшитъ воспользоваться своимъ преимуществомъ надъ прочими кредиторами. Хотя онъ не говорилъ Розамундѣ о своемъ намереніи съѣздить въ Квалингхамъ, такъ какъ она могла принять это за уступку съ его стороны, но тѣмъ не менѣе уже рѣшился на это. Благодаря желѣзной дорогѣ оказывалась возможность съѣздить туда и обратно въ четыре дня.

Но вотъ разъ утромъ приносятъ на имя Лейдгата письмо; его самого не было дома. Розамунда узнала почеркъ сэра Годвина и сердце ея забилося отъ надежды. Вѣроятно, въ письмѣ вложена записочка и къ ней; но, само-собою разумѣется, что сэръ Годвинъ счелъ за лучшее написать самому Лейдгату по денежному вопросу; самый тотъ фактъ, что онъ написалъ къ нему и написалъ такъ нескоро послѣ полученія письма Розамунды, свидѣтельствовалъ, какъ ей казалось, въ пользу того, что отвѣтъ долженъ быть самый благопріятный. Она находилась въ такомъ возбужденномъ настроеніи, что почти не могла работать и съ нетерпѣніемъ ждала мужа. Наконецъ, въ 12 часовъ раздалися его шаги по корридору; она тотчасъ-же вскочила, отворила дверь и весело проговорила:

— Третій, иди-ка сюда, къ тебѣ письмо.

— А! произнесъ онъ равнодушно, подходя къ столу, на которомъ лежало письмо.

— Отъ дядюшки Годвина! вскричалъ онъ съ изумленіемъ, взглянувъ на конвертъ.

Розамунда съла и продолжала слѣдить за мужемъ глазами. По мѣрѣ того, какъ Лейдгатъ пробѣгалъ письмо, лицо его ста-

новилось все блѣднѣе и блѣднѣе; ноздри его раздувались, губы дрожали; дочитавъ до конца, онъ швырнулъ письмо жепѣ и произнесъ запальчиво:

— Жить съ вами станетъ для меня рѣшительно невыносимо, если вы постоянно будете дѣйствовать изподтишка, постоянно идти наперекоръ мнѣ и постоянно срывать отъ меня ваши поступки.

И онъ повернулся къ ней спиною, боясь сказать ей что-нибудь слишкомъ рѣзкое.

Розамунда тоже поблѣдѣла, прочтя письмо. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Любезный Тертій, пожалуйста, не заставляйте писать за себя жену, когда хотите просить меня о чемънибудь. Я до сихъ поръ считалъ васъ неспособнымъ на подобные подходы. Вести съ женщинами дѣловую переписку не въ моемъ характерѣ. Что касается до просьбы вашей прислать вамъ тысячу фунтовъ или хоть половину этой суммы, то я рѣшительно не могу исполнить ее. Моя семья высасываетъ у меня все, до послѣдняго пенни. Помните, что у меня на рукахъ два сына и три дочери; съ такой семьей, ссужать кого-нибудь деньгами я не въ состоянїи. Вы, однако, скоро прожили свои денежки! Въ Миддлмарчѣ, какъ пишетъ ваша жена, вы потерпѣли полнѣйшее фіаско; вамъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе выбраться оттуда. Но я не имѣю никакихъ близкихъ сношеній съ людьми вашей профессїи и потому не могу вамъ помочь въ устройствѣ вашей карьеры. Въ качествѣ вашего опекуна, я дѣлалъ для васъ все, что могъ. Вамъ непремѣнно захотѣлось идти по медицинскою части и я вамъ не препятствовалъ въ этомъ. Но вы лучше-бы сдѣлали, поступивъ въ армію или въ духовное званіе. Капитала вашего хватило-бы для этого и карьера ваша была-бы болѣе обезпечена. Дядюшка Чарльзъ былъ на васъ въ претензїи за то, что вы не избрали его профессїи; для меня это было совершенно безразлично. Я всегда желалъ вамъ всякаго благополучія, но прошу васъ помнить, что теперь вы стоите уже на собственныхъ ногахъ.

Любящій васъ дядя

Годвинъ Лейдгать“.

Прочитавъ письмо, Розамунда не выразила ни малѣйшаго огорченія, рѣшившись выдержать съ полною невозмутимостью се-

мейную бурю. Лейдгать, ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, остановилсѣ передъ нею и сказалъ строго:

— Убѣдить-ли васъ хоть этотъ урокъ въ томъ, сколько вреда вы дѣлаете вашимъ вмѣшательствомъ изподтишка въ дѣла, о которыхъ вы имѣете слишкомъ мало понятія. Хватить-ли у васъ смысла понять хоть теперь, что вы не въ состояніи рѣшать и дѣйствовать за меня, что вы черезчуръ глупы, чтобы совать свой носъ въ мои дѣла.

Розамунда не глядѣла на него и молчала.

— Я почти уже рѣшился ѣхать въ Квалингхамъ. Какъ-бы тяжела ни была для меня эта поѣздка, она все-таки могла-бы принести кое-какую пользу. Но теперь всѣ мои расчеты оказываются совершенно напрасными. Вы постоянно идете мнѣ наперекоръ изподтишка. Чтобы лучше обмануть меня, вы соглашаетесь со мной и затѣмъ я становлюсь жертвою вашихъ фантазій. Если вы намѣрены идти наперекоръ всякому моему желанію, такъ лучше говорите прямо, по крайней мѣрѣ, я буду знать, что мнѣ дѣлать.

Несмотря на все самообладаніе Розамунды, изъ глазъ ея скатилась слеза. Но она упорно молчала. Въ эту минуту мужъ былъ ей противенъ, а сѣра Годвина она ставила на одну доску съ Доверомъ и другими кредиторами, этими отвратительными людьми, которые думали только о самихъ себѣ. Она сердилась въ эту минуту даже на отца за то, что онъ такъ мало сдѣлалъ для нея. Вообще, она ругала всѣхъ и все за исключеніемъ самой себя.

Лейдгать замолчалъ, взглянувъ на нее, и почувствовалъ ту неловкость, которая всегда появляется у людей вспыльчивыхъ, когда жертва ихъ вспышки отвѣчаетъ имъ кроткимъ молчаніемъ угнетенной невинности. Онъ испугался, что перехватилъ черезъ край, и продолжалъ хотя серьезно, но уже безъ всякой горечи:

— Неужели ты сама не видишь, Розамунда, къ какимъ глубокимъ послѣдствіямъ приводитъ насъ отсутствіе искренности и довѣрія. Сколько разъ уже мнѣ случалось выражать самымъ положительнымъ образомъ какое-нибудь желаніе, ты, повидимому, соглашалась съ нимъ и потомъ потихоньку шла ему наперекоръ. Согласись, что если такъ пойдетъ дальше, я ни въ чемъ не могу полагаться на тебя. Неужели-же я такая глупая, бѣшеная скотина что ты не можешь быть откровенна со мной?

Она молчала.

— Сознайся, по крайней мѣрѣ, что ты поступала не хорошо, и обѣщай мнѣ, что съ этихъ поръ ты ничего не будешь дѣлать потихоньку, настаивалъ Лейдгать, но въ словахъ его уже звучала просьба. Розамунда подмѣтила это и отвѣчала холодно:

— Я не могу ни въ чемъ сознаться и ничего обѣщать послѣ того, что ты мнѣ говорилъ. Я не привыкла, чтобы со мной обращались такимъ образомъ. Ты говорилъ, что я вѣшиваюсь изподтишка, что я обманываю тебя, что я слишкомъ глупа, чтобы совать свой носъ въ твои дѣла, я никогда не употребляю подобныхъ выраженій относительно тебя, и мнѣ кажется, что ты долженъ-бы былъ извиниться передо мной. Ты сказалъ, что жизнь со мной невыносима. Нельзя сказать, чтобы и моя жизнь съ тобой была очень сладка. Я думаю, что я вправѣ была попробовать хотя отчасти устранить тѣ тяжелыя испытанія, которыя принесла мнѣ моя замужняя жизнь.

Еще слеза скатилась съ глазъ ея.

Лейдгать бросился въ кресло въ совершенномъ отчаяніи. Розамунда имѣла надъ нимъ двойное преимущество: она ни мало не сознавала справедливости его упрековъ, но за то тѣмъ сильнѣе чувствовала испытанія своей настоящей жизни. Въ ушахъ его звенѣли слова ея: „нельзя сказать, чтобы и моя жизнь съ тобой была очень сладка, и я вправѣ была попробовать хотя отчасти устранить тѣ тяжелыя испытанія, которыя принесла мнѣ моя замужняя жизнь“. Сердце у него сжималось отъ ужаса при мысли, что ему придется не только отказаться отъ своихъ высокихъ стремленій, но жить съ женщиной, которая его болѣе не любитъ.

— Розамунда, сказалъ онъ, глядя на нее съ тоской, — ты должна имѣть снисхожденіе въ словамъ человѣка огорченнаго и разсерженнаго. Наши интересы не могутъ быть противоположны. Я не могу отдѣлать своего счастья отъ твоего. Если я разсердился на тебя, то только потому, что ты какъ будто не хочешь понять, какъ отчуждаетъ насъ другъ отъ друга твоя скрытность. Я не хотѣлъ тебя обидѣть ни словомъ, ни дѣломъ. Обижая тебя, я обижаю часть самого себя. Я никогда-бы не сердился на тебя, если-бы ты была всегда совершенно откровенна со мной.

— Я хотѣла только помѣшать тебѣ испортить всю нашу жизнь безъ всякой нужды, сказала Розамунда, и слезы задрожали на

глазахъ ея.—Ты не можешь не согласиться, что тяжело перенести такое униженіе въ глазахъ всѣхъ знакомыхъ и зажить по нищенски. Ахъ, отчего я не умерла вмѣстѣ съ моимъ ребенкомъ.

Она заплакала; любящее сердце Лейгата не вынесло этихъ слезъ, этого жалобнаго тона. Онъ пододвинулся къ ней, приложилъ ея голову къ своей щекѣ и сталъ ласкать ее молча, потому что сказать ему было нечего. Онъ не могъ общать избавить ее отъ предстоящаго горя, потому что не видѣлъ исхода изъ своего положенія. Но, уходя изъ дому, онъ рѣшилъ, что ей было вдесятеро тяжелѣе, чѣмъ ему, такъ какъ онъ почти не жилъ дома и былъ постоянно занятъ. Онъ старался совершенно извинить ее и уже невольно глядѣлъ на нее, какъ на существо низшее, болѣе слабое. Тѣмъ не менѣе она одержала надъ нимъ верхъ.

ГЛАВА LXVI.

Профессія Лейгата дѣйствительно значительно поддерживала его въ настоящемъ критическомъ положеніи. Заниматься теоретической научной дѣятельностью, подъ гнетомъ давившихъ его заботъ, онъ не могъ; но у постели больного онъ совершенно забывалъ о себѣ самомъ въ виду страданій, которыя ему предстояло облегчить. Медицинская практика лучше всякаго опиума успокаивала его и удерживала отъ отчаянія.

Впрочемъ, подозрѣніе м-ра Фербротера относительно опиума было справедливо. Въ первыя минуты отчаянія, вызваннаго безсходностью его положенія и сознаниемъ, что для того, чтобы вести мало-мальски сносную семейную жизнь, ему нужно продолжать любить жену, не требуя взаимнаго взаимности, — онъ принималъ нѣсколько разъ опиумъ. Но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые могутъ довольствоваться минутнымъ избавленіемъ себя отъ тяжелаго гнета обстоятельствъ. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, могъ много выпить, но не любилъ вина; и когда всѣ вокругъ него пили водку, онъ спрашивалъ себѣ воды съ сахаромъ — такъ противно ему было самое легкое возбужденіе, вызванное винными парами. Точно также онъ относился къ игрѣ въ карты. Въ Парижѣ онъ наглядѣлся на всевозможныя азартныя игры и смот-

рѣлъ на страсть къ игрѣ, какъ на болѣзнь. Ему противно было видѣть дрожащія руки игрока, протягивающіяся къ кучѣ золота, полуварварское, полудиотское торжество, отражавшееся на лицѣ человѣка, обыгравшаго нѣсколько десятковъ своихъ ближнихъ.

Но точно также, какъ онъ попробовалъ опіумъ, онъ сталъ подумывать и объ игрѣ, не ради того возбужденія, которое она могла доставить, а ради той легкости, съ которой можно было приобрѣтать посредствомъ ея деньги. Если-бы онъ жилъ въ Лондонѣ или Парижѣ онъ навѣрное сдѣлался-бы однимъ изъ ревностныхъ посѣтителей игорныхъ домовъ. Случай, бывшій съ нимъ вскорѣ послѣ того, какъ рухнули химерическія надежды на помощь отъ дяди, показалъ какъ нельзя лучше, что онъ едва-ли бы устоялъ противъ соблазна игорнаго дома.

Биллиардная въ „Зеленомъ Драконѣ“ служила постояннымъ магнитомъ для людей кутящихъ, въ родѣ нашего стараго знакомаго м-ра Бэмбриджа. Здѣсь бѣдный Фрэдъ Винци потерялъ на пари ту сумму денегъ, которая вынудила его прибѣгнуть къ памятному для него займу. Въ „Зеленомъ Драконѣ“ шла обыкновенно довольно большая игра, вслѣдствіе чего ресторанъ этотъ пользовался дурною репутаціею въ глазахъ людей солидныхъ, но тѣмъ неотразимѣе влекъ къ себѣ кутиль. Лейдгатъ, превосходно игравшій на биллиардѣ, въ первое время своего пребыванія въ Миддльмарчѣ нѣсколько разъ заходилъ туда сыграть партію, другую. Но скоро ему опротивѣло тамошнее общество, да и времени для игры не было. Но разъ вечеромъ онъ зашелъ туда, чтобы повидаться съ м-ромъ Бэмбрижемъ, который обѣщалъ прискаты ему покупателя на его лошадь.

М-ра Бэмбриджа еще не было въ ресторанѣ, но другъ его, м-ръ Горрокъ, сказалъ, что онъ непремѣнно будетъ; Лейдгатъ остался ждать и отъ нечего дѣлать сталъ играть на биллиардѣ. Онъ опять находился въ возбужденномъ состояніи, глаза его также блестяли и зрачки были также расширены, какъ въ тотъ вечеръ, когда м-ръ Фэрбротеръ говорилъ съ нимъ. Въ биллиардной было много народа и приходъ Лейдгата, какъ рѣдкаго посѣтителя, обратилъ на себя общее вниманіе. Лейдгатъ игралъ отлично; пари за него и противъ него все росли и росли; онъ увлекся мыслью о возможности выиграть болѣе или менѣе значительную сумму денегъ и самъ сталъ держать пари на свою игру. Счастье везло

ему. М-ръ Бэмбриджъ пришелъ, но Лейдгаты и не замѣтилъ его. Игра сильно возбуждала его и онъ подумывалъ отправиться на другой-же день въ Броссингъ, гдѣ шла болѣе значительная игра, чтобы однимъ удачнымъ вечеромъ освободиться отъ назойливыхъ кредиторовъ.

Онъ все еще игралъ, когда въ бильярдную вошли молодой Гоули, только что вернувшійся изъ Лондона, гдѣ онъ готовился къ адвокатурѣ, и Фрэдъ Винци, проводившій уже нѣсколько вечеровъ сряду въ „Зеленомъ Драконѣ.“ Гоули присталъ къ игрѣ, онъ игралъ очень искусно и совершенно хладнокровно. Фрэдъ-же, удивленный тѣмъ, что Лейдгаты находится въ ресторанѣ и съ видимымъ возбужденіемъ держитъ пари, отошелъ въ сторону.

Фрэдъ за послѣднее время сталъ дѣлать себѣ нѣкоторыя послабленія. Шестъ мѣсяцевъ онъ усердно работалъ у м-ра Гарта и, благодаря усидчивому труду, почти исправилъ свой почеркъ; впрочемъ, трудъ этотъ имѣлъ свою привлекательную сторону, такъ какъ Фрэдъ занимался большею частью по вечерамъ у Гартовъ, въ присутствіи Мэри. Но вотъ уже двѣ недѣли, какъ Мэри гостила въ ловикскомъ пасторатѣ, по приглашенію фэрбротеровскихъ дамъ; самъ м-ръ Фэрбротеръ находился въ это время по дѣламъ въ Миддлмарчѣ. Фрэдъ, не зная, чѣмъ развлечься, сталъ опять ходить въ „Зеленый Драконъ“ играть на бильярдѣ и слушать любимые разговоры о лошадяхъ, скачкахъ, охотѣ. Онъ ни разу не охотился въ этотъ сезонъ, у него не было даже собственной лошади, такъ что онъ ѣздилъ большею частію въ одноколѣ м-ра Гарта или-же на его смирной лошади.

Фрэду уже начинали надоѣдать такіа лишенія, ему было-бы привольнѣе жить священникомъ.

— Знаете-ли что, м-съ Мэри, внучиться мѣрять и чертить планы, кажется, труднѣе, чѣмъ научиться писать проповѣди, сказалъ онъ однажды Мэри, желая дать ей почувствовать, что онъ дѣлаетъ для нея. — Геркулесъ и Тезей ничто въ сравненіи со мною. Они, по крайней мѣрѣ, могли охотиться и не должны были обучаться писарскому почерку.

А теперь вдобавокъ и самой Мэри не было въ городѣ и Фрэдъ рѣшился дать себѣ немножко отдыха. „Отчего-же не поиграть на бильярдѣ, разсуждалъ онъ, — что въ этомъ предосудительнаго. Держать пари, я, конечно, не стану.“ Относительно денегъ Фрэдъ

принялъ героическое рѣшеніе не тратить по возможности ни шиллинга изъ тѣхъ восьмидесяти фунтовъ, которые положилъ ему м-ръ Гартъ, чтобы возвратить ему ихъ въ уплату долга. На самомъ дѣлѣ, онъ былъ избавленъ отъ главныхъ расходовъ: платья у него было много, за столъ онъ ничего не платилъ. Онъ считывалъ въ одинъ годъ уплатить почти весь свой долгъ м-ру Гарту. Однако, придя въ билльярдную, онъ рѣшилъ, что изъ тѣхъ десяти фунтовъ, которыя онъ думалъ оставить себѣ на карманные расходы изъ своего полугодичнаго жалованья, онъ можетъ рискнуть небольшою суммою на пари. Соверены такъ и летѣли направо и налѣво, отчего-же было и ему не попробовать счастья.

Но неожиданная встрѣча съ Лейдгатомъ совершенно смутила его. Онъ вспомнилъ о доходившихъ до него темныхъ слухахъ, что Лейдгатъ въ долгу и что отецъ отказался помочь ему, и Фреду сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Кто теперь взглянуть-бы на него и на Лейдгата, тотъ подумалъ-бы, что они помѣнялись ролями. Веселый беззаботный Фредъ имѣлъ видъ человѣка озабоченнаго, какъ будто сконфуженнаго, а спокойный, сосредоточенный Лейдгатъ превратился вдругъ въ страстнаго, возбужденнаго игрока.

Лейдгатъ выигралъ уже на пари шестнадцать фунтовъ, но съ приходомъ Гоули счастье измѣнило ему. Гоули сталъ играть и держать пари противъ Лейдгата, спокойная увѣренность котораго превратилась вслѣдствіе этого въ страстное желаніе наказать противника за сомнѣніе въ его искусствѣ. Онъ продолжалъ держать пари на свою собственную игру, но сталъ проигрывать все чаще и чаще. Слѣдившій за нимъ Фредъ ломалъ себѣ голову, придумывая, какъ-бы отвлечь Лейдгата отъ игры. Онъ видѣлъ, что и другіе смотрять съ удивленіемъ на Лейдгата, и ему пришло въ голову, что, можетъ быть, достаточно будетъ отозвать его въ сторону, чтобы заставить придти въ себя. Но онъ не могъ придумать ничего умнѣе, кромѣ совершенно неправдоподобнаго предлога, что ему хочется повидаться съ Розой, и потому онъ желаетъ узнать, дома-ли она. Онъ уже подходилъ къ билльярду, чтобы пустить въ ходъ свою остроумную выдумку, какъ къ нему подошелъ слуга и сказалъ, что м-ръ Фэрбротеръ внизу и просить его выйти къ нему на минутку.

Фрэдъ стало нѣсколько неловко, но онъ послалъ сказать, что сейчасъ сойдетъ, а самъ подошелъ въ Лейдгату, озаренный новою блестящею мыслью.

— Могу я васъ оторвать на минуту? спросилъ онъ, отводя его отъ бильярда.—Фэрбротеръ сейчасъ прислалъ сказать мнѣ, что желаетъ поговорить со мной. Онъ внизу. Не нужно-ли вамъ съ нимъ повидаться?

Фрэдъ болталъ зря, потому что не могъ сказать прямо: „Вы проигрываетесь, какъ сумасшедшій, и обращаете на себя всеобщее вниманіе; уберите-ка лучше домой.“

Но если-бы онъ придумывалъ, то не могъ-бы придумать ничего лучшаго. Лейдгаты не замѣчалъ его до сихъ поръ и внезапное появленіе его съ извѣстіемъ, что Фэрбротеръ здѣсь, подѣйствовало на него какъ электрическій ударъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — я не имѣю никакого особеннаго дѣла до него. Но партія кончилась, мнѣ пора домой; я зашелъ сюда, чтобы повидаться съ Бэмбриджемъ.

— Бэмбриджъ здѣсь, но онъ навеселѣ и едва-ли способенъ разсуждать о дѣлахъ. Сойдемте къ Фэрбротеру. Онъ, должно быть, хочетъ прочесть мнѣ маленькую нотацію, вы меня защитите, нашелся Фрэдъ.

Лейдгату было стыдно за самого себя, но онъ не хотѣлъ обнаружить этого отказомъ видѣться съ Фэрбротеромъ и пошелъ съ Фрэдомъ.

Фэрбротеръ встрѣтилъ ихъ молчаливымъ пожатіемъ руки и заговорилъ о погодѣ; когда они вышли втроемъ на улицу, викарію видимо хотѣлось поскорѣе распрощаться съ Лейдгатомъ, чтобы остаться наединѣ съ Фрэдомъ.

— У меня есть дѣло къ вамъ, Фрэдъ, потому я и вызвалъ васъ. Не пройдетесь-ли вы со мной до ботольфской церкви?

Ночь была великолѣпная, небо усѣяно звѣздами и Фэрбротеръ предложилъ идти въ обходъ по лондонской дорогѣ.

— Я думалъ, что Лейдгаты никогда не бываетъ въ „Зеленомъ Драконѣ“, заговорилъ онъ, когда они остались вдвоемъ съ Фрэдомъ.

— Я также, отвѣчалъ Фрэдъ. — Онъ говоритъ, что зашелъ туда, потому что ему нужно было повидаться съ Бэмбриджемъ.

— Такъ онъ не игралъ?

Фрэдъ не хотѣлъ разсказывать объ этомъ, но теперь онъ былъ вынужденъ сказать:

— Нѣтъ, игралъ. Но, видимо, чисто случайно. Я его никогда не встрѣчалъ тамъ до сегодняшняго вечера.

— Сами вы, значить, стали часто ходить туда въ послѣднее время.

— Да я былъ разъ пять или шесть.

— Кажется, у васъ были основательныя причины, по которымъ вы бросили ходить туда.

— Да, вѣдь вы знаете, отвѣчалъ Фрэдъ, которому стало неловко отъ этого допроса.—Я все вамъ разсказалъ.

— Это мнѣ даетъ, какъ кажется, право, говорить съ вами по этому поводу. Вѣдь мы друзья, не правда-ли? между нами все ведется на чистоту. Я слушалъ васъ, вы, конечно, не откажетесь выслушать меня, если я съ вами стану говорить о себѣ?

— Я вамъ такъ много обязанъ, м-ръ Фэрбротеръ, проговорилъ Фрэдъ въ неприятномъ недоумѣніи.

— Не отрицаю, что вы мнѣ кое-чѣмъ обязаны. Но знаете-ли что, Фрэдъ, мнѣ приходило сильное искушеніе избавить васъ отъ всякаго чувства благодарности ко мнѣ. Услыхавъ отъ кого-то: „Молодой Винци опять сталъ ходить всякій вечеръ въ бильярдную, ему надоѣло насиловать себя“, я чуть не поддался искушенію поступить, какъ разъ наоборотъ тому, какъ поступаю теперь. Я было хотѣлъ поддержать языкъ на привязи и подождать, пока вы станете опускаться все ниже и ниже, начавъ съ пари...

— Я не держалъ пари, перебилъ его Фрэдъ быстро.

— Душевно радъ этому. Но повторяю, мнѣ приходило сильное желаніе наблюдать молча, какъ вы собьетесь съ истиннаго пути, истощите терпѣніе Гарта и утратите право на то счастье, которое дается вамъ теперь цѣной такихъ тяжелыхъ усилій. Вы понимаете, какое чувство вызвало это искушеніе во мнѣ; конечно, понимаете. Вы не можете не знать, что любовь ваша стоитъ мнѣ поперекъ горла.

М-ръ Фэрбротеръ замолчалъ, ожидая отвѣта Фрэда. Молодой человѣкъ колебался съ минуту и, наконецъ, сказалъ:

— Невозможно требовать отъ меня, чтобы я отказался отъ нея.

Онъ чувствовалъ, что теперь не время великодушничать.

— Безъ сомнѣнія, если она платитъ вамъ взаимностью. Но такого рода отношенія, какъ-бы долго они ни длились; всегда могутъ измѣниться. Вы можете своимъ поведеніемъ ослабить узъ, которыя связываютъ ее съ вами, тѣмъ болѣе, что эти узъ еще чисто условныя и въ такомъ случаѣ другой человѣкъ, пользующійся ея уваженіемъ, можетъ занять въ ея сердцѣ то мѣсто, котораго вы лишитесь. Для меня такое предположеніе не имѣетъ ничего невѣроятнаго, закончилъ Фэрбротеръ, увлекаясь все болѣе и болѣе.—Общность интересовъ можетъ породить симпатію, которая въ состояніи одержать верхъ надъ самою постоянною привязанностью.

Если-бы у м-ра Фэрбротера были ногти и влюбъ, то и тогда онъ не могъ-бы причинить Фрэду такой боли, каковую причинилъ этими словами. Онъ былъ убѣжденъ что подъ этой гадательной формой кроется полная увѣренность въ томъ, что чувства Мэри измѣнились.

— Конечно, я знаю, что могу все потерять, заговорилъ Фрэдъ дрожащимъ голосомъ.—Если она начнетъ сравнивать... онъ оборвался на полуфразѣ, не желая выдавать того, что чувствовалъ и закончилъ съ нѣкоторою горечью:—но я думалъ, что вы искренно расположены ко мнѣ.

— И не ошибались; потому-то я и вызвалъ васъ. Но мнѣ приходило сильное искушеніе поступить совершенно иначе. Мнѣ приходили въ голову вотъ какія мысли: если этотъ юноша самъ себя губить, то съ чего-же я стану вмѣшиваться. Чѣмъ я хуже его? я старше его шестнадцатью годами, неужели эти шестнадцать лѣтъ безотрадной, одинокой жизни не дадутъ мнѣ болѣе правъ на счастье, чѣмъ ему? Если есть шансы, что онъ пропадетъ, то пусть себѣ пропадаетъ, можетъ быть, я все равно и не въ состояніи спасти его, такъ отчего-же мнѣ не воспользоваться его гибелью?

У Фрэда морозъ подиралъ по кожѣ. Что будетъ дальше? Не говорилъ-ли онъ уже съ Мэри? Слова его походили болѣе на угрозу, чѣмъ на предостереженіе.

Но викарій продолжалъ измѣнившимся тономъ:

— Но прежде во мнѣ говорили болѣе благородныя побужденія и я вспомнилъ ихъ. Для того, чтобы утвердяться въ нихъ, я счелъ за лучшее передать вамъ, Фрэдъ, то, что происходило

во мнѣ. Теперь, понимаете-ли вы меня? Я хочу счастья ей, хочу счастья вамъ, и если мое предостереженіе въ состояніи остановить васъ на рискованномъ пути, то... пусть мои слова будутъ вамъ предостереженіемъ.

Послѣднія слова викарій произнесъ едва внятно и остановился. Они дошли до поворота къ церкви и викарій протянулъ Фрэду руку, какъ-будто желая дать ему понять, что разговоръ ихъ конченъ. Фрэдъ былъ глубоко потрясенъ.

— Я постараюсь быть достойнымъ... васъ и ее, хотѣлъ онъ сказать и не въ состояніи былъ закончить.

— Не думайте, заговорилъ Фэрбротеръ,—что я замѣтилъ въ ней малѣйшую переменъ къ вамъ, Фрэдъ. Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно спокойны. Ведите себя, какъ слѣдуетъ, и все пойдетъ хорошо.

— Я никогда не забуду, что вы сдѣлали для меня, отвѣчала Фрэдъ.—Я не умѣю высказать всего, что у меня на душѣ, но я постараюсь, чтобы ваша доброта не пропала даромъ.

— Этого совершенно довольно. Прощайте, да благословитъ васъ Богъ.

И они разошлись.

ГЛАВА LXVII.

Счастье было для Лейдгата, что онъ проигралъ въ первый же разъ, какъ рѣшился попытать счастье въ игрѣ. На другой день, когда ему пришлось заплатить четыре или пять фунтовъ проигрыша, ему стало противно вспомнить о вчерашнемъ, противно за ту роль, которую онъ игралъ наканунѣ. Разсудокъ представлялъ ему, какъ легко вчерашній вечеръ могъ-бы окончиться полнымъ раззореніемъ его, если-бы вмѣсто билльярдной онъ попалъ въ настоящій игорный домъ. Но, несмотря на всѣ доводы разсудка, онъ чувствовалъ, что будь онъ мало-мальски увѣренъ въ своемъ счастьѣ, онъ охотнѣе-бы сталъ играть, чѣмъ прибѣгнулъ-бы къ средству, въ необходимости котораго онъ съ каждымъ днемъ убѣждался все болѣе и болѣе.

Этимъ средствомъ было обращеніе за помощью и къ м-ру Бьюлстроуду. Лейдгаты гордился передъ самимъ собою и другими своею полной независимостью отъ Бьюлстрода, въ предпріятіи

котораго онъ принялъ участіе только потому, что видѣлъ въ немъ возможность приложить къ дѣлу свои взгляды на медицину и общественное благо; поэтому обратиться къ банкиру съ личною просьбой казалось ему просто невыносимо.

Однакожь въ мартѣ мѣсяцѣ дѣла его приняли такой оборотъ, что волей-неволей ему приходилось обратиться за помощью къ кому-бы то ни было. Сперва ему пришло въ голову написать м-ру Винци, но, допросивъ Розамунду, онъ увидѣлъ, что она уже обращалась къ отцу, и даже два раза, — въ послѣдній разъ послѣ отказа сэра Годвина, но м-ръ Винци сказалъ ей, что Лейдгаты должны самъ о себѣ думать, и совѣтовалъ обратиться къ Бьюлстроуду.

Лейдгаты и самъ послѣ долгихъ размышленій пришелъ къ заключенію, что ему всего естественнѣе обратиться съ просьбою о помощи къ Бьюлстроуду. Во первыхъ, Бьюлстроудъ косвеннымъ образомъ способствовалъ уменьшенію его практики; во вторыхъ, очень дорожилъ его сотрудничествомъ. Правда, въ послѣднее время Бьюлстроудъ какъ-будто поохладѣлъ къ госпиталю, но это можно приписать разстройству его здоровья: онъ страдалъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ, повидимому, не измѣнился. Къ Лейдгату онъ былъ по прежнему любезенъ, хотя не обнаруживалъ ни малѣйшаго участія къ его семейнымъ дѣламъ, и Лейдгаты находилъ до сихъ поръ, что такія чисто формальныя отношенія гораздо лучше всякой фамиллярности. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться къ нему съ своею просьбою; но откладывалъ со дня на день исполненіе этого рѣшенія, несмотря на то, что очень часто видѣлся съ м-ромъ Бьюлстроудомъ. Повременамъ ему приходило въ голову, что лучше написать письмо, а затѣмъ опять, что личное объясненіе лучше, такъ какъ оно дастъ ему возможность остановиться въ случаѣ слишкомъ явнаго нерасположенія Бьюлстрода къ какой-бы то ни было помощи.

Такимъ образомъ, дни проходили за дѣлами, а Лейдгаты все не могъ собраться съ духомъ ни написать банкиру, ни объяснить съ нимъ лично. Ему даже начинало приходить въ голову, не привести-ли въ исполненіе предложеніе Розамунды уѣхать изъ Мидльмарча, — предложеніе, которое такъ разсердило его

своею неосновательностью. Въ головѣ его уже возникалъ вопросъ: не купить-ли кто мою практику, какъ она ни ничтожна? А если купить, такъ на вырученныя деньги можно будетъ уѣхать. Не говоря уже о томъ, что эта мѣра возмущала его тѣмъ, что равнялась постыдному отреченію отъ начатаго имъ дѣла ради безцѣльнаго шатаванія съ мѣста на мѣсто;—къ выполненію ея представлялось серьезное практическое препятствіе въ трудности скоро найти покупателя. Но если даже покупатель и найдется, что-же потомъ? Какъ-бы далеко отъ Миддльмарча, въ какомъ-бы многлюдномъ городѣ они ни поселились, если имъ придется жить въ бѣдной квартирѣ, Розамунда все-таки станетъ роптать на свою судьбу и упрекать его за то, что онъ поставилъ ее въ такое положеніе.

Среди этихъ колебаній случай объясниться съ Бюльстродомъ представился самъ собою. Банкиръ прислалъ Лейдгату записку съ просьбою зайти къ нему въ банкъ. М-ръ Бюльстродъ впадалъ за послѣднее время въ ипохондрію и страдалъ бессонницей, онъ вообразилъ себѣ, что близокъ къ помѣшательству. Съ жадностью слушалъ онъ Лейдгата, старавшагося разсѣять его опасенія, и былъ видимо настолько обрадованъ его словами, что Лейдгатъ счелъ минуту благоприятною для объясненій по своему личному дѣлу. Выразивъ мнѣніе, что его пациенту необходимо было-бы дать себѣ на время полный отдыхъ, онъ продолжалъ:

— Какъ вредно дѣйствуетъ всякое малѣйшее волненіе на чело-вѣка слабого здоровья видно уже потому, какъ тяжело отзыва-ются непріятности на людяхъ крѣпкихъ и молодыхъ. Я чело-вѣкъ крѣпкаго сложенія, но меня совершенно разстроили за по-слѣднее время разныя тревоги.

— Я думаю, что при слабости моего здоровья мнѣ особенно легко заразиться холерой, если она придетъ къ намъ. А она уже въ Лондонѣ, намъ остается только молить прѣблагаго Гос-пода объ удаленіи отъ насъ этого бича, замѣтилъ Бюльстродъ.

— Вы во всякомъ случаѣ сдѣлали, что могли въ отношеніи мѣръ предосторожности. Я увѣренъ, что если холера придетъ къ намъ, то и наши враги должны будутъ сознаться въ благодѣ-тельности новаго госпиталя.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Бюльстродъ холодно. — Что-же касается до того, что мнѣ необходимъ отдыхъ, какъ вы гово-

рите, м-ръ Лейдгать, то я и самъ уже подумываю объ этомъ и намѣренъ принять довольно радикальное рѣшеніе. Я хочу удалиться на время отъ дѣлъ, какъ комерческихъ, такъ и благотворительныхъ и думаю даже на время поселиться гдѣ-нибудь въ приморскомъ городѣ, гдѣ климатъ окажется для меня благоприятенъ. Вы, конечно, одобрите такую мѣру.

— Конечно, произнесъ Лейдгать, нетерпѣливо откидываясь на спинку стула.

— Давно уже въ виду этого рѣшенія я собирался поговорить съ вами относительно нашего госпиталя. Я конечно, долженъ буду отказаться отъ личнаго наблюденія за нимъ; а не въ моихъ правилахъ жертвовать громадныя средства на учрежденіе, надъ которымъ я не могу надзирать, которое не могу до нѣкоторой степени направлять. Поэтому, въ случаѣ, если я окончательно рѣшусь уѣхать изъ Миддльмарча, я не стану болѣе поддерживать новаго госпиталя.

Въ умѣ Лейдгата промелькнула мысль: „вѣроятно, денежные дѣла его въ очень плохомъ положеніи.“

— Это будетъ незамѣнимой потерей для госпиталя, сказалъ Лейдгать.

— Да, если онъ не измѣнитъ нѣсколько своего характера. Единственное лицо, которое согласится увеличить свои взносы, это м-съ Казобонъ. Я имѣлъ съ нею разговоръ по этому поводу и доказывалъ ей, какъ надѣюсь теперь доказать вамъ, что было бы желательно вызвать болѣе общее сочувствіе къ нашему госпиталю измѣненіемъ самого его характера.

Лейдгать молчалъ.

— Я думаю, что всего лучше соединить его съ больницей, такъ чтобы новый госпиталь сдѣлался только спеціальнымъ отдѣленіемъ этого заведенія и состоялъ подъ завѣдываніемъ однихъ и тѣхъ-же лицъ. Медицинская часть должна быть точно также соединена. Такимъ образомъ, устраняются всякія затрудненія относительно средствъ къ существованію нашего новаго учрежденія и благожелательныя стремленія здѣшняго общества не будутъ раздвигаться.

— Безъ сомнѣнія, это весьма практическій планъ, произнесъ Лейдгать съ ироніей, — къ сожалѣнію, я не могу воспользоваться его выгодами, такъ какъ однимъ изъ первыхъ послѣд-

стій такого соединенія госпиталя съ больницей, будетъ отиѣна остальными докторами всѣхъ введенныхъ мною приемовъ только потому, что они введены мною.

— Вамъ очень хорошо извѣстно, м-ръ Лейдгаты, что я высоко цѣнилъ тотъ новый и независимый духъ, который вы сумѣли внести въ это учрежденіе; признаюсь, что планъ его былъ мнѣ очень по сердцу. Но такъ какъ Провидѣніе требуетъ отъ меня отреченія отъ него, то я отрекаюсь.

Наступило небольшое молчаніе, которое Лейдгаты прервалъ вопросомъ:

— А что сказала вамъ м-съ Казобонъ?

— Я только что хотѣлъ перейти къ ней. Она, какъ вамъ извѣстно, женщина очень щедрая, и если не обладаетъ большимъ состояніемъ, то, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свободныя деньги, которыя можетъ тратить по произволу. Она сказала мнѣ, что хотя большую часть этихъ денегъ и предназначаетъ на совершенно другое употребленіе, но подумаетъ, не можетъ-ли вполнѣ замѣнить меня при госпиталѣ. Она проситъ только времени, чтобы зрѣло обсудить этотъ вопросъ и я сказалъ ей, что дѣло не къ спѣху, что я и самъ еще не принялъ окончательнаго рѣшенія.

У Лейдгата чуть не сорвалось съ языка: если м-съ Казобонъ займетъ ваше мѣсто, то госпиталь останется не въ выигрышѣ, а въ выигрышѣ, но сдержался и сказалъ только:

— Значитъ я могу переговорить объ этомъ съ м-съ Казобонъ.

— Да, она этого именно и желаетъ. Рѣшеніе ея, какъ она говоритъ, будетъ зависѣть въ значительной степени отъ того, что вы ей скажете. Только вамъ надо подождать немного; она уѣзжаетъ куда-то. Вотъ, что она мнѣ пишетъ... Бьюлстродъ вынулъ изъ кармана письмо и прочиталъ: — „Я уѣзжаю въ Йоркшейръ съ сэромъ Джемсомъ и леди Читамъ осмотрѣть землю, которую желаю приобрести; отъ условій, на которыхъ я ее приобрету, будетъ зависѣть цифра капитала, который я могу пожертвовать на госпиталь.“ И такъ, вы видите, м-ръ Лейдгаты, что спѣшить нечего; но я желалъ во всякомъ случаѣ заранѣе предупредить васъ.

М-ръ Бьюлстродъ положилъ письмо обратно въ карманъ и вы-

раженіе его лица ясно говорило, что онъ считаетъ объясненіе оконченнымъ. Лейдгаты почувствовали, что если просить его о помощи, то нужно просить немедленно.

— Я очень благодаренъ вамъ за это сообщеніе, началъ онъ слегка запинаясь, какъ будто ему стоило нѣкоторого усилія выговорить каждое слово. — Моя профессія для меня выше всего на свѣтѣ, и я видѣлъ въ госпиталѣ возможность наилучшаго примѣненія ея. Но наилучшее примѣненіе не всегда примѣненіе наиболѣе выгодное. Обстоятельства, сдѣлавшія госпиталь не популярнымъ, въ связи съ нѣкоторыми другими причинами, которыя преимущественно обуславливались борьбой моей рутинной, сдѣлали непопулярнымъ и меня. Ко мнѣ стали обращаться по преимуществу только тѣ пациенты, которые не въ состояніи платить за визитъ; мнѣ было-бы это очень пріятно, если-бы самому не приходилось много тратить на свою жизнь.

Лейдгаты замолчали, ожидая, что скажетъ его собесѣдникъ, но Бюльстродъ только кивнулъ головой, не сводя съ него глазъ, и потому онъ продолжалъ:

— Денежныя дѣла мои запутались до такой степени, что мнѣ не остается другого исхода, какъ найти человѣка, который-бы согласился дать мнѣ взаймы денегъ безъ всякаго другого обезпеченія, кромѣ личнаго довѣрія ко мнѣ и моему будущему. Я пріѣхалъ сюда съ очень небольшимъ капиталомъ. Родные не могутъ оказать мнѣ никакого пособія. Расходы мои вслѣдствіе женитьбы оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Такъ что въ настоящее время для того, чтобы движимость моя, заложенная одному изъ кредиторовъ, не была продана съ публичнаго; торга а также и для того, чтобы я могъ расквитаться со всѣми моими долгами и имѣть, чѣмъ жить первое время, мнѣ нужно тысячу фунтовъ. Отецъ моей жены не ссудитъ меня такою суммою. Вотъ почему я вынужденъ объяснить свое положеніе единственному человѣку, который сколько-нибудь заинтересованъ моею судьбою.

Лейдгату было тошно слушать самого себя. Но, по крайней мѣрѣ, онъ высказался и высказался совершенно недвусмысленно.

М-ръ Бюльстродъ отвѣчалъ не слѣша и безъ малѣйшей запинки:

— Мнѣ очень прискорбно слышать, что вы въ такомъ положеніи,

м-ръ Лейдгать, хотя съ другой стороны меня это нисколько не удивляетъ. Я очень жалѣлъ, что вы женились на дочери моего зятя; семейство это постоянно отличалось мотовствомъ и въ настоящее время я уже вынужденъ помогать ему. Я-бы посовѣтовалъ вамъ, м-ръ Лейдгать, вмѣсто того, чтобы оцутывать себя новыми обязательствами и продолжать сомнительную борьбу, объявить себя банкротомъ.

— Это не улучшить моего положенія, какъ непривлекательно такое средство само по себѣ, произнесъ Лейдгать съ горечью и всталъ.

— Безъ сомнѣнія, это тяжелое испытаніе, но испытанія — нашъ удѣлъ въ этой жизни, они служатъ намъ къ нравственному очищенію. Право, примите мой совѣтъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Лейдгать, не понимая хорошенько, что говорить. — Я васъ слишкомъ долго задержалъ. Прощайте.

ГЛАВА LXVIII.

Рѣшеніе, о которомъ Бюльстродъ передавалъ Лейдгату, было вызвано въ немъ тяжелыми минутами, которыя ему пришлось пережить съ того дня, когда Рафль узналъ на аукціонѣ Вила Владислава и когда банкиръ сдѣлалъ напрасную попытку вознаграждать причиненное имъ зло въ надеждѣ, что провидѣніе, видя его раскаяніе, отвратитъ отъ него тягостныя послѣдствія его проступка.

Увѣренность его, что Рафль вернется въ самое скоромъ времени въ Миддльмарчъ, оправдалась. Въ рождественскій сочельникъ Рафль пріѣхалъ прямо къ нему. Бюльстродъ былъ дома, такъ что могъ устранить его отъ сообщеній съ своимъ семействомъ, но тѣмъ не менѣе пріѣздъ Рафля сильно скомпрометировалъ его въ глазахъ домашнихъ и встревожилъ его жену. Рафль оказался на этотъ разъ еще несговорчивѣе прежняго. Онъ ни за что не хотѣлъ уѣзжать отъ банкира и Бюльстродъ, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, пришелъ къ заключенію, что дѣйствительно лучше оставить его у себя, чѣмъ отпустить въ городъ. Онъ продержалъ его въ своей комнатѣ весь вечеръ и самъ

уложилъ его въ постель; Рафль-же все время потѣшался надъ невыносимымъ положеніемъ, въ которое поставилъ своего бывшаго сообщника. Онъ говорилъ ему, что вполнѣ понимаетъ, какъ ему пріятно принимать у себя въ домѣ человѣка, оказавшаго ему такую серьезную услугу и не получившаго за нее достаточнаго вознагражденія. Подъ этими грубыми шутками скрывался тонкій расчетъ, надежда выманить у Бюльстрода солидный кушъ за избавленіе отъ этой новой пытки. Но онъ хватилъ уже черезъ край.

Рафль не въ состояніи былъ даже представить себѣ, какой нестерпимой пыткѣ онъ подвергалъ Бюльстрода. Банкиръ сказалъ женѣ, что долженъ присматривать за этимъ несчастнымъ, павшимъ жертвою собственной порочной жизни, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ можетъ сдѣлать что нибудь надъ собою. Не сказавъ прямой лжи, онъ косвеннымъ образомъ далъ ей понять, что связанъ съ этимъ человѣкомъ родственными узами и что въ Рафлѣ замѣчаются признаки умственнаго расстройства, требующаго самаго тщательнаго ухода за несчастнымъ, котораго онъ самъ увезетъ изъ ихъ дома на слѣдующее-же утро. Говоря такимъ образомъ, онъ давалъ женѣ возможность удовлетворить любопытство дочерей и прислуги и объяснить, почему онъ никого не пускаетъ въ свою комнату. Но тѣмъ не менѣе его все время мучалъ страхъ, что кто-нибудь изъ домашнихъ услышитъ Рафля, громогласно вспоминавшаго о прошломъ, или что м-сь Бюльстродъ вдругъ вздумаетъ приложить ухо къ двери. Она была женщина честная, неспособная на подобныя низости, но страхъ оказывался сильнѣе теоріи вѣроятностей.

Рафль завелъ пытку слишкомъ далеко и получилъ результаты, на которые вовсе не рассчитывалъ. Нахальство его убѣдило банкира, что съ нимъ нужно дѣйствовать рѣшительно. Уложивъ Рафля спать, онъ распорядился, чтобы экипажъ его былъ запряженъ къ половинѣ восьмого. Въ шесть часовъ онъ былъ уже на ногахъ и подошелъ со свѣчой къ постели Рафля, который спалъ тревожнымъ сномъ. Онъ молча стоялъ возлѣ него, надѣясь, что тотъ самъ проснется отъ свѣта; будить-же его казалось ему слишкомъ рискованнымъ, такъ какъ Рафль могъ съ просонья расшумѣться. Минуты черезъ двѣ Рафль дѣйствительно застоналъ, вскочилъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сталъ дико оглядываться по

сторонамъ. Бюльстродъ оставилъ свѣчу и молча ждалъ, пока онъ совсѣмъ придетъ въ себя.

Черезъ четверть часа онъ объявилъ ему, холоднымъ, не допускавшимъ возраженій тономъ:

— Я поднялъ васъ такъ рано, м-ръ Рафль, потому что велѣлъ подать экипажъ къ половинѣ восьмого; я самъ отвезу васъ въ Ильзели, откуда вы можете уѣхать по желѣзной дорогѣ, или дожидаться дилижанса.

Рафль хотѣлъ что-то возразить, но Бюльстродъ остановилъ его:

— Я попрошу васъ выслушать меня до конца. Я дамъ вамъ денегъ теперь и время отъ времени буду посылать вамъ пособія, когда вы меня извѣстите письмомъ, что нуждаетесь въ деньгахъ. Но если вы вздумаете опять явиться сюда, если вы вернетесь въ Миддльмарчъ и станете распускать обо мнѣ дурные слухи, то я откажусь отъ васъ и предоставляю вамъ пожинать плоды вашей злости. Никто вамъ не заплатитъ за старанія очернить меня, я знаю все зло, которое вы можете мнѣ сдѣлать, и не побоясь васъ, если вы осмѣлитесь опять надобѣдать мнѣ. Извольте одѣваться и исполните то, что я вамъ приказываю, безъ всякаго шума, въ противномъ случаѣ я пошлю за полиціаномъ, чтобы онъ выпроводилъ васъ изъ моего дома. Вы можете рассказывать ваши сплетни въ каждой пивной, но не получите отъ меня ни пенни болѣе.

Бюльстродъ рѣдко прибѣгалъ къ такому рѣшительному тону. Почти всю ночь обдумывалъ онъ, что и какъ сказать, и пришелъ къ заключенію, что объясненіе такого рода если не избавитъ его на всегда отъ Рафля, то, по крайней мѣрѣ, освободитъ отъ его присутствія на этотъ разъ. Дѣйствительно, его холодная рѣшимость подѣйствовала на Рафля, организмъ котораго былъ сильно разстроенъ постоянными кутежами, и онъ допустилъ себя увезти безъ всякаго скандала. Прислуга принимала его за бѣднаго родственника и не удивлялась, что такой солидный и взыскательный господинъ, какъ ихъ хозяинъ, стыдился за такого родственника и старался поскорѣе сбыть его съ рукъ. Печальнымъ началомъ рождественскихъ праздниковъ была для банкира эта поѣздка за 10 миль съ ненавистнымъ спутникомъ. Подъ конецъ дороги Рафль развеселился и расстался съ банкиромъ вполне

довольный тѣмъ, что получилъ отъ него сто фунтовъ. Но Бюль-стродъ вернулся къ себѣ далеко не спокойный. Онъ видѣлъ, что жену его мучить какое-то тревожное предчувствіе, потому что она тщательно старалась избѣгать всякихъ намековъ на вчерашнее посѣщеніе. Онъ привыкъ встрѣчать съ ея стороны роботѣнное уваженіе къ себѣ; тѣмъ ужаснѣе было для него сознание, что она подозрѣваетъ его въ какой-то позорной тайнѣ. Мысль о неизбѣжности позора не давала ему покоя. А этотъ позоръ былъ неизбѣженъ, если ему не удалось запугать Рафля своею рѣшительностью. Напрасно утѣшалъ онъ себя мыслью, что позоръ этотъ будетъ испытаніемъ, посланнымъ провидѣніемъ для приготовленія его къ жизни вѣчной; все существо его содрогалось при мысли о предстоящемъ униженіи, и онъ убѣждалъ себя, что если не ради себя, то ради славы имени Господня онъ долженъ попытаться избѣжать опозоренія. Вотъ почему онъ и задумалъ уѣхать изъ Миддльмарча; въ другомъ мѣстѣ, гдѣ жизнь его менѣе извѣстна, мучитель его будетъ для него не такъ страшенъ. Но онъ зналъ, что для жены его будетъ очень тяжело уѣхать совсѣмъ изъ Миддльмарча и самому ему этого не хотѣлось. Вотъ почему онъ устраивалъ свои дѣла такъ, чтобы ему можно было вернуться назадъ, если провидѣнію угодно будетъ разсѣять его опасенія. Онъ намѣревался устраниться на время отъ дѣлъ подъ предлогомъ своего разстроеннаго здоровья, но устраниться такъ, чтобы имѣть во всякую минуту возможность снова приняться за нихъ. Эта мѣра вызывала однако увеличеніе расходовъ и сокращеніе доходовъ, и безъ того потерпѣвшихъ отъ общаго торговаго кризиса. Ему нужно было жить экономнѣе и госпиталь естественно представился ему первымъ предметомъ, на которомъ можно было соблюсти экономію.

Вотъ что вызвало его на объясненіе съ Лейдгатомъ. Но онъ не принималъ еще никакихъ окончательныхъ мѣръ. Онъ все еще надѣялся, что какой-нибудь случай спасетъ его, и не хотѣлъ портить свою жизнь черезчуръ опрометчивымъ переселеніемъ, тѣмъ болѣе, что не зналъ, какъ объяснить своей женѣ желаніе ни съ того ни съ сего уѣхать навсегда изъ города, гдѣ имъ жилось такъ хорошо.

Между прочими дѣлами Бюльстроду приходилось подумать и о томъ, на кого оставить Стон-Кортъ. По всѣмъ дѣламъ, отно-

сившимся до его недвижимой собственности, онъ обращался за совѣтомъ къ Калэбу Гарту, какъ человѣку, для котораго интересы его довѣрителя дороже его собственныхъ интересовъ. Съ Стон-Кортонъ Бьюлстродъ хотѣлъ устроиться такъ, чтобы во всякое время имѣть возможность снова вернуться туда; Калэбъ посоветовалъ ему въ такомъ случаѣ сдать помѣстье въ аренду на годичный срокъ.

— Можете вы прискаты арендатора на такихъ условіяхъ, м-ръ Гартъ? спросилъ Бьюлстродъ.—И вообще сколько вы возьмете въ годъ за веденіе моихъ дѣлъ?

— Я подумаю, соображу, отвѣчалъ Калэбъ лаконически.

Если-бы ему не приходилось заботиться о будущности Фрэда Винци, онъ, по всей вѣроятности, отказался-бы взять на себя лишнюю обузу, такъ какъ жена и безъ того находила, что онъ работаетъ черезъ мѣру. Но послѣ этого разговора съ Бьюлстродемъ въ головѣ его зародилась весьма заманчивая мысль: не согласится-ли Бьюлстродъ сдать Стон-Кортъ въ аренду Фреду Винци подъ личную его, Гарта, отвѣтственность. Для Фрэда это была-бы великолѣпная школа; онъ могъ получить хорошій доходъ и кромѣ того свободное время онъ могъ употребить на постороннія занятія. Калэбъ сообщилъ объ этомъ своей женѣ съ такимъ восторгомъ, что у нея не хватало духу упрекнуть его за то, что онъ набираетъ себѣ дѣла не подъ силу.

— Если это устроится, Фредъ будетъ на верху блаженства, говорилъ онъ, сіяя отъ радости.—Вѣдь ты подумай только, Сусанна, онъ мечталъ объ этомъ имѣніи еще при жизни старика Фэтерстона. И какъ это прекрасно выйдетъ, если оно достанется ему въ награду за его трудолюбіе. Я увѣренъ, что Бьюлстродъ со временемъ продастъ его ему; онъ, кажется, думаетъ совсѣмъ уѣхать отсюда. Никогда ничто меня такъ не радовало. Скоро можно будетъ и свадьбу сыграть, Сусанна.

— Ты, конечно, ничего не скажешь Фреду, пока Бьюлстродъ не дастъ окончательнаго согласія? замѣтила м-съ Гартъ тономъ кроткаго предостереженія.—А что касается до свадьбы, Калэбъ, то намъ старикамъ не слѣдъ торопить ее.

— Ну, отчего-же. Женитьба всегда остепеняетъ человѣка. Мнѣ тогда меньше придется обуздывать Фрэда. Но во всякомъ

случаѣ я ему ничего не скажу, пока дѣло не сладится. Я на дняхъ-же переговорю съ Бюльстродемъ окончательно.

Онъ дѣйствительно воспользовался первымъ представившимся случаемъ. Бюльстродъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія къ Фрѣду Винци, но ему хотѣлось заручиться во что-бы то ни стало услугами Гарта по другимъ дѣламъ, для веденія которыхъ требовался человекъ вполне добросовѣстный; въ противномъ случаѣ онъ могъ потерпѣть серьезные убытки. Поэтому онъ согласился на предложеніе м-ра Гарта. Была еще и другая причина, по которой онъ не прочь былъ оказать услугу одному изъ членовъ семейства Винци. М-съ Бюльстродъ, прослышавъ о долгахъ Лейдгата, спрашивала у мужа, не можетъ-ли онъ сдѣлать что-нибудь для бѣдной Розамунды, и сильно встревожилась, когда онъ сказалъ ей, что дѣла Лейдгата находятся въ такомъ положеніи, что ему трудно помочь и потому лучше и не пытаться. Тутъ въ первый разъ за все время замужества м-съ Бюльстродъ рѣшилась возразить своему мужу.

— Ты всегда такъ строго относился къ моему семейству, Николасъ. Но право мнѣ нечего краснѣть за моихъ родныхъ. Они, можетъ быть, нѣсколько легкомысленны, но никто не скажетъ про нихъ ничего дурного.

— Моя милая Гарриѣтъ, отвѣчалъ Бюльстродъ, стараясь не глядѣть на жену,—я не мало денегъ передавалъ твоему брату. Не могу-же я содержать и его замужнихъ дочерей.

М-съ Бюльстродъ поняла всю справедливость этого замѣчанія; теперь ей оставалось только сожалѣть о бѣдной Розамундѣ; но даромъ она всегда возставала противъ воспитанія, которое ей давали; теперь слишкомъ очевидно обнаружались плоды этого воспитанія.

Въ виду этого разговора м-ръ Бюльстродъ понималъ, какъ ему будетъ выгодно, сообщая женѣ о своемъ намѣреніи навсегда уѣхать изъ Миддльмарча, сказать ей вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ позаботился о судьбѣ своего племянника Фрѣда. Но пока онъ нашелъ возможнымъ сообщить ей только то, что онъ намѣренъ пожить нѣсколько мѣсяцевъ гдѣ-нибудь на югѣ.

Калѣбъ такъ былъ радъ сговорчивости Бюльстрода, что едва не рассказалъ обо всемъ Мэри. Но, благодаря женѣ, онъ не болтался и тщательно скрывалъ отъ Фрѣда свои поѣздки въ Сток-Кортъ для осмотра земли и всего хозяйства. Онъ былъ

виѣ себя отъ восторга, что готовить такой сюрпризъ Фрэду и Мэри.

— Ну, а если всё твои мечты окажутся воздушнымъ замкомъ? предостерегала его жена.

— Что-же, по крайней мѣрѣ, этотъ замокъ никого не раздавить, когда рухнетъ, отвѣчала онъ.

ГЛАВА LXIX.

М-ръ Бюльстродъ еще занимался въ банкѣ, послѣ ухода Лейдгата, когда къ нему вошелъ клеркъ съ докладомъ, что его лошадь подана и что м-ръ Гартъ пришелъ и желаетъ съ нимъ по-видаться.

— Просите, просите его сюда, распорядился Бюльстродъ.

— Пожалуйста, садитесь, м-ръ Гартъ, обратился онъ самымъ любезнымъ тономъ къ вошедшему Калэбу. — Какъ я радъ, что вы застали меня здѣсь. Я знаю, что вамъ дорога каждая минута.

— О! воскликнулъ Калэбъ, садясь и влады шляпу на полъ. Онъ наклонилъ голову нѣсколько на сторону и опустилъ глаза внизъ, барабани рукою по колѣну.

М-ръ Бюльстродъ зналъ, что Калэбъ всегда очень медленно приступалъ къ разговору, когда дѣло казалось ему почему нибудь важнымъ. Онъ ожидалъ, что Гартъ заговоритъ съ нимъ о необходимости купить на словъ нѣсколько домовъ въ Блиндман-Кортъ, чтобы очистить тамъ воздухъ и пропустить болѣе свѣта въ остальные дома. Калэбъ часто надѣдалъ своимъ довѣрителямъ предложеніями такого рода; но Бюльстродъ относился обыкновенно сочувственно къ его проектамъ различныхъ улучшеній и они какъ нельзя лучше ладили между собой.

Но Калэбъ заговорилъ нѣсколько глухимъ голосомъ:

— Я прямо изъ Стон-Корта, м-ръ Бюльстродъ.

— Надѣюсь, что все тамъ обстоитъ благополучно. Я самъ былъ тамъ вчера. Въ нынѣшнемъ году Абэль содержитъ скотъ превосходно.

— Да... нѣтъ, тамъ не все обстоитъ благополучно. Тамъ какой-то пріѣзжій, и, вѣжета, онъ расхворался не на шутку. Ему нуженъ докторъ, я пріѣхалъ сообщить вамъ объ этомъ, фамилія его Рафль.

Гартъ замѣтилъ, какъ вздрогнулъ банкиръ при его словахъ. Бюльстроудъ думалъ, что его не могутъ застать врасплохъ, потому что онъ всегда на сторожѣ, но ошибся.

— Несчастный, произнесъ онъ сострадательнымъ тономъ, хотя губы его дрожали.—Вы не знаете, какимъ образомъ онъ попалъ ко мнѣ?

— Я самъ отвезъ его, отвѣчалъ Калѣбъ спокойно.—Я подвезъ его въ своей одноколѣ. Онъ пріѣхалъ въ дилижансѣ и шелъ пѣшкомъ, я нагналъ его недалеко отъ поворота къ таможенѣ. Онъ вспомнилъ, что разъ встрѣтилъ меня съ вами въ Стоунъ-Кортъ, и попросилъ подвезти его. Я видѣлъ, что онъ боленъ, и счелъ своею обязанностью свезти его куда-нибудь подъ кровъ. Пошлите къ нему поскорѣе доктора.

Съ этими словами Калѣбъ взялъ шляпу съ пола и медленно поднялся съ мѣста.

— Сейчасъ-же. Не будете-ли вы такъ добры, м-ръ Гартъ, что зайдете по пути къ м-ру Лейдгату... или нѣтъ, онъ, вѣроятно, теперь въ госпиталѣ. Я пошлю къ нему верхового съ запиской, а самъ проѣду въ Стоунъ-Кортъ.

Онъ поспѣшно написалъ нѣсколько словъ и вышелъ распорядиться отправкой своей записки. Вернувшись, онъ засталъ Калѣба въ томъ-же положеніи, въ какомъ оставилъ его, — со шляпою въ рукѣ. Въ умѣ Бюльстроуда промелькнула мысль: „Можетъ быть, Рафль говорилъ съ Гартонъ только о своей болѣзни. Гартъ, вѣроятно, удивляется, какъ удивлялся и прежде, что такая подозрительная личность хвастаетъ близкимъ знакомствомъ со мною; но онъ ничего не знаетъ. Онъ хорошо относится ко мнѣ, я могу быть ему полезенъ“.

Ему хотѣлось убѣдиться въ томъ, что онъ не обманывается; но разспрашивать Калѣба о томъ, что говорилъ или дѣлалъ Рафль, значило выдавать себя.

— Очень, очень благодаренъ вамъ, м-ръ Гартъ, заговорилъ онъ своимъ обыкновеннымъ учтивымъ тономъ. — Мой посланный вернется черезъ нѣсколько минутъ и тогда я поѣду самъ посмотреть, что можно сдѣлать для этого несчастнаго. Можетъ быть, у васъ есть еще какое-нибудь дѣло до меня? Въ такомъ случаѣ, прошу васъ, садитесь.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Калѣбъ, дѣлая отрицательный

жестъ правою рукою. — Я попрошу васъ, м-ръ Бюльстродъ, поручить кому-нибудь другому завѣдываніе вашими дѣлами. Я очень вамъ благодаренъ за то, что вы были такъ предупредительны ко мнѣ, такъ охотно приняли мои предложенія относительно сдачи въ аренду Стоп-Корта и другихъ вашихъ дѣлъ. Но я не могу вести ихъ болѣе.

Бюльстрода, какъ ножомъ, рѣзавуло по сердцу: онъ все понималъ.

— Какъ-же это такъ внезапно, м-ръ Гартъ? не нашелся онъ сказать ничего другого.

— Дѣйствительно, внезапно. Но я не могу поступить иначе. Рѣшеніе мое неизмѣнно.

Онъ говорилъ очень мягко, но Бюльстродъ сильно поблѣднѣлъ отъ этого мягкаго тона и старался не глядѣть въ лицо своего собесѣдника. Калебу стало жаль Бюльстрода, но онъ ни за что не рѣшился-бы прибѣгнуть къ вымышленнымъ предлогамъ для объясненія своего рѣшенія.

— Рѣшеніе ваше вызвано какими-нибудь грязными слухами, которые сообщили вамъ этотъ несчастный?

— Вы угадали. Я не отрицаю, что принялъ это рѣшеніе тотчасъ-же послѣ разговора съ нимъ.

— Вы человѣкъ добросовѣстный, м-ръ Гартъ; вы, конечно, считаете себя отвѣтственнымъ за свои поступки передъ Богомъ. Вы не захотите оскорбить меня, повѣривъ клеветѣ, заговорилъ Бюльстродъ, придумывая, чѣмъ-бы посильнѣе пронять своего собесѣдника. — Неужели изъ-за такого ничтожнаго предлога вы откажетесь отъ дѣла, столько-же выгоднаго для васъ, какъ и для меня.

— Я никого не желаю оскорблять умышленно. Я слишкомъ люблю своихъ ближнихъ. Но, сэръ, я вынужденъ повѣрить тому, что слышалъ отъ этого Рафля. Послѣ того, что онъ мнѣ сказалъ, мнѣ было-бы слишкомъ тяжело завѣдывать вашими дѣлами, хотя это доставляло-бы мнѣ большія выгоды. Прошу васъ присесть себѣ другого повѣреннаго.

— Очень хорошо, м-ръ Гартъ, но я вправѣ, по крайней мѣрѣ, настаивать, чтобы вы мнѣ сообщили, что вы слышали отъ него. Я долженъ-же знать, какую гнусную клевету распространяютъ обо мнѣ.

— Это совершенно лишнее, отвѣчалъ Калебъ таѣвъ-же мягко, какъ прежде.—То, что я слышалъ отъ него, умереть вмѣстѣ со мною, если какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства не заставятъ меня говорить. Если вы ни передъ чѣмъ не останавливались ради своихъ личныхъ выгодъ и обманомъ лишили другихъ того, что имъ слѣдовало по праву, то теперь вы, конечно, въ этомъ рассказываетесь... вамъ хотѣлось-бы передѣлать то, что сдѣлано, но вы не можете, и это должно быть слишкомъ тяжело для васъ.

Калебъ пріостановился на минуту и покачалъ головой.

— Я не хочу увеличивать вашихъ страданій, закончилъ онъ.

— Но вы ихъ увеличиваете, сорвалось неволью съ языка Бюльстрода.—Вы увеличиваете ихъ, отворачиваясь отъ меня.

— Я не могу поступить иначе, отвѣчалъ Калебъ еще мягче прежняго. — Мнѣ это очень прискорбно. Я не сужу васъ, я не говорю: онъ грѣшникъ, а я праведникъ. Боже меня избави отъ этого! Я не знаю всего. Человѣкъ можетъ впасть въ грѣхъ и очистить себя искреннимъ раскаяніемъ; но онъ не можетъ смыть пятна на своемъ прошломъ. И это ему служить наказаніемъ. Если вы находитесь въ такомъ положеніи, то я скорблю о васъ. Но я не въ состояніи болѣе работать съ вами. Вотъ и все, м-ръ Бюльстродъ. Все остальное умереть со мною. Прощайте.

— Одну минуту, м-ръ Гартъ! Значить, я могу положиться на ваше торжественное обѣщаніе, что вы не передадите никому, ни мужчинѣ, ни женщинѣ той гнусной клеветы, которую вы слышали обо мнѣ.

Калеба взорвало.

— Съ какой-же стати я говорилъ-бы, что стану молчать, если-бы не хотѣлъ молчать! вскричалъ онъ съ негодованіемъ. — Вы знаете, что мнѣ нѣтъ причины васъ бояться, но, повторяю вамъ, языкъ мой никогда не повернется рассказывать о подобныхъ вещахъ.

— Извините, я взволнованъ. Я жертва этого негодяя.

— Не сами-ли вы, извлекая выгоду изъ его пороковъ, способствовали тому, что онъ сдѣлался негодяемъ.

— Вѣря ему на слово, вы поступаете несправедливо относительно меня.

— Нѣтъ, я готовъ повѣрить самому благопріятному для васъ

толкованію, если справедливость его будетъ доказана. Я предоставляю вамъ всё шансы къ оправданію. Говорить о томъ, что я слышалъ, я не стану, потому что считаю преступленіемъ разглашать чьи-бы то ни было проступки, если это разглашеніе дѣлается не съ цѣлью спасенія невиннаго. Вотъ какъ я смотрю на эти вещи, м-ръ Бюльстродъ; подтверждать-же свои слова клятвой я считаю совершенно лишнимъ. Прощайте.

Вернувшись домой, Калебъ сказалъ женѣ между прочимъ, что у него вышла размолвка съ Бюльстродомъ, почему онъ заявилъ ему, что не намѣренъ снимать въ аренду Стон-Кортъ, и вообще отказался отъ веденія дѣлъ банкира.

— Вѣроятно, онъ самъ слишкомъ во все вѣшивался? попытствовалась м-съ Гартъ, вообразивъ себѣ, что мужъ задѣтъ въ самой чувствительной струнѣ, т. е. что ему мѣшали распоряжаться такъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало.

— Гм! отвѣчалъ Калебъ, наклонивъ голову на сторону и махнувъ рукой.

М-съ Гартъ поняла, что мужъ не желаетъ распространяться объ этомъ предметѣ и замолчала.

Тотчасъ послѣ ухода Гарта, Бюльстродъ поскакалъ въ Стон-Кортъ, чтобы поспѣть туда ранѣ Лейдгата.

Его поперебѣнно волновали страхъ и надежда. Несмотря на чувство глубокаго униженія, которое Калебъ заставилъ его испытать, онъ радовался, что Рафль разболталъ Гарту, а не кому другому: онъ могъ смѣло рассчитывать, что если Калебъ далъ слово молчать, онъ непремѣнно его сдержитъ. Въ этомъ фактѣ онъ видѣлъ даже перстъ Провидѣнія, желающаго спасти его отъ позорнаго разоблаченія его прошлаго. Болѣзнь Рафля и прїѣздъ его въ такомъ положеніи именно въ Стон-Кортъ наводили Бюльстрада на рядъ мыслей о возможныхъ случайностяхъ. Онъ давалъ обѣты Богу, что если будетъ спасенъ отъ обезчещенія, то еще полнѣе посвятить свою жизнь на служеніе ему, чѣмъ посвящалъ до сихъ поръ. „Да будетъ, Господи, твоя воля“, заключилъ онъ свою молитву, желая вѣстѣ съ тѣмъ только одного, чтобы эта воля рѣшила смерть ненавистнаго ему человѣка.

Однако, когда онъ прїѣхалъ въ Стон-Кортъ и увидѣлъ Рафля, онъ сильно смутился. Рафль былъ страшно блѣденъ и еле держался на ногахъ. Прежнее нахальство смѣнилось униженною тру-

состью. Онъ, казалось, страшно боялся гнѣва Бюльстрода за то, что у него не было уже ни цѣни изъ полученныхъ имъ денегъ; но его обокрали, у него утащили половину полученныхъ денегъ. Онъ пріѣхалъ только потому, что заболѣлъ и кто-то его преслѣдовалъ, кто-то гнался за нимъ, онъ никому ничего не говорилъ, онъ рта не раскрывалъ. Не понимая значенія этихъ симптомовъ, Бюльстродъ напустился на него, что онъ лжетъ, что онъ все рассказалъ человѣку, который подвезъ его въ своей одноколкѣ въ Стон-Кортъ. Рафль клялся и божился, что онъ ничего не говорилъ. Дѣло въ томъ, что минутами онъ совершенно терялъ сознаніе и рассказалъ обо всемъ Калебу Гарту въ состояніи горячечнаго бреда, о чемъ у него не осталось ни малѣйшаго воспоминанія.

Убѣдившись въ этомъ, Бюльстродъ сильно встревожился; при томъ состояніи, въ которомъ находился Рафль, не было возможности удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ никому не выболталъ его тайны, кромѣ Калеба Гарта. Ключница рассказала ему, что, по отъѣздѣ м-ра Гарта, Рафль попросилъ у нея пива и послѣ того не говоритъ ни слова, и что ему, повидимому, очень плохо. Въ тонѣ ея не было ничего натянутого: очевидно, Рафль ей ничего не говорилъ. М-съ Абэль, точно также, какъ и вся прислуга, считала Рафля однимъ изъ тѣхъ бѣдныхъ родственниковъ, которые составляютъ обыкновенную обузу людей богатыхъ.

Черезъ какой-нибудь часъ пріѣхалъ и Лейдгать. Бюльстродъ вышелъ къ нему на встрѣчу.

— Я пригласилъ васъ, м-ръ Лейдгать, обратился онъ къ доктору, — къ одному несчастному, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ состоялъ у меня на службѣ. Потомъ онъ отправился въ Америку и сталъ вести разгульную жизнь. Такъ какъ онъ не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію, то я считаю своимъ долгомъ позаботиться о немъ. Бывшій владѣлецъ этого помѣстья, Ригъ, приходился ему какъ-то сродни, потому онъ и пріѣхалъ сюда. Кажется, что онъ серьезно боленъ, мозгъ у него не въ порядкѣ. Я считаю своимъ долгомъ сдѣлать для него все, что отъ меня зависитъ.

Лейдгать находился еще подъ живымъ впечатлѣніемъ своего недавняго свиданія съ Бюльстродомъ и потому, не чувствуя ни малѣйшаго желанія входить съ нимъ въ разговоръ, молча кив-

нулъ головой въ отвѣтъ на его слова и пошелъ въ комнату, гдѣ находился больной. Въ дверяхъ онъ повернулся и машинально спросилъ: какъ-же его фамилія?

— Рафль, Джонъ Рафль.

Осмотрѣвъ больного, Лейдгать велѣлъ уложить его въ постель, причѣмъ замѣтилъ, что больному нужнѣ всего спокойствіе.

— Болѣзнь-то, кажется, серьезная, сказала банкирь, когда они вышли въ другую комнату.

— Какъ вамъ сказать? И да, и нѣтъ, отвѣчалъ Лейдгать. — Трудно рѣшить, какія могутъ быть осложненія. Но комплекція у него крѣпкая. Не думаю, чтобы онъ не въ состояніи былъ перенести болѣзни, хотя организмъ его совершенно потрясенъ. За нимъ нуженъ тщательный уходъ.

— Я самъ останусь при немъ. М-съ Абэль и ея мужъ никогда не ходили за больными. Я почую здѣсь, будьте только такъ обязательны, свезите отъ меня записку м-съ Бюльстродъ.

— Мнѣ кажется, вамъ нѣтъ необходимости оставаться самому. Онъ теперь смиренъ и пугливъ. Правда, онъ можетъ сдѣлаться беспокоенъ. Но вѣдь у васъ здѣсь есть человѣкъ.

— Я не разъ проводилъ здѣсь ночи, когда мнѣ нужно было полное уединеніе. Мнѣ ничего не значитъ остаться и на сегодня. М-съ Абэль и ея мужъ смѣнятъ меня или помогутъ мнѣ, когда будетъ нужно.

— Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ потрудитесь выслушать мои предписанія, замѣтилъ Лейдгать, привывшій къ странностямъ Бюльстрода.

— Такъ вы находите, что есть надежда? спросилъ Бюльстродъ, когда Лейдгать передалъ ему все, что нужно для ухода за больнымъ.

— Да, если не явятся какія-нибудь осложненія, которыхъ я въ настоящую минуту не предвижу. Можетъ быть, ему сдѣлается хуже; но, слѣдуя той системѣ леченія, которую я вамъ изложилъ, мы, по всей вѣроятности, поднимемъ его на ноги въ какіе-нибудь пять, шесть дней. Но, главное, не давайте ему никакихъ спиртныхъ напитковъ. По моему мнѣнію, въ болѣзняхъ такого рода люди умираютъ чаще отъ леченія, чѣмъ отъ самой болѣзни. Но, конечно, могутъ появиться новыя осложненія. Во всякомъ случаѣ я приѣду завтра утромъ.

Взявъ отъ банкира записку къ его женѣ, Лейдгать уѣхалъ. По дорогѣ домой онъ ни разу не задумался о томъ, какія отношенія могли существовать между Рафлемъ и Бюльстродамъ. Лейдгать старался припомнить многочисленные опыты, произведенные американскимъ докторомъ Уэромъ надъ новымъ способомъ леченія такой формы отравленія алькоголемъ. Живя за границей, Лейдгать сильно интересовался этимъ вопросомъ. Онъ былъ противъ дозволенія больному употреблять спиртные напитки и противъ леченія опиумомъ; ему не разъ уже удавалось вылечить по своей системѣ больныхъ подобнаго рода.

„Организмъ этого человѣка сильно разстроены, думалъ онъ, но онъ крѣпокъ. Бюльстродъ заботится о немъ изъ состраданія. Странно, какъ въ одномъ и томъ-же человѣкѣ жестокость можетъ уживаться рядомъ съ гуманностью. Бюльстродъ, повидимому, человѣкъ очень черствый, а сколько онъ тратитъ и времени и денегъ на благотворительныя дѣла. У него, вѣроятно, есть какая-нибудь мѣра, по которой онъ узнаетъ, кто угоденъ Богу; — по этой мѣрѣ я, значить, оказался не угоденъ“.

Лейдгать не былъ дома съ самаго утра; въ первый разъ онъ возвращался къ себѣ безъ всякой надежды достать откуда-нибудь денегъ, чтобы предохранить себя отъ потери всего, что дѣлало сносною его семейную жизнь. Ему невыносима была мысль, что его любовь не въ состояніи будетъ вознаграждать Розамунду за то, чего она лишится. Тяжелыя испытанія, которымъ подвергалась его гордость, были ничто въ сравненіи съ страшною увѣренностью, что Розамунда будетъ видѣть въ немъ виновника своего несчастія. Бѣдность никогда не представлялась ему въ привлекательномъ свѣтѣ, но онъ сознавалъ въ настоящую минуту, что при искренней любви, при общности интересовъ люди могутъ быть счастливы даже и въ бѣдности. Но съ Розамундой, конечно, подобное счастье было немислимо.

Мрачно слѣзъ онъ съ лошади у воротъ своего дома, рассчитывая на обѣдъ, какъ на единственное утѣшеніе, и рѣшившись вечеромъ-же сказать Розамундѣ, что обращался къ Бюльстроду и получилъ отказъ. Нужно было поскорѣе приготовить ее къ худшему.

Но не скоро пришлось ему сѣсть за обѣдъ. Въ домѣ уже началась опись. На вопросъ, гдѣ м-съ Лейдгать, ему отвѣчали,

что она у себя въ спальнѣ. Войдя туда, онъ нашелъ жену въ постели; она лежала блѣдная и даже не пошевелилась при входѣ его, онъ сѣлъ возлѣ ея кровати и, наклонившись къ ней, произнесъ умоляющимъ тономъ:

— Прости меня за это испытаніе, моя блѣдная Розамунда. Будемъ только любить другъ друга.

Она молча поглядѣла на него, съ выраженіемъ глубокаго отчаянія, и слезы выступили на ея глазахъ. Это было уже слишкомъ для разстроеннаго Лейдгата. Онъ опустил голову къ ней на плечо и зарыдалъ.

Рано утромъ на другой день она отправилась къ отцу; онъ не препятствовалъ ей, считая себя не вправе противорѣчить ей теперь въ чемъ-бы то ни было. Черезъ полчаса она вернулась и объявила, что папа и мама желаютъ, чтобы она жила у нихъ, пока идутъ эти передраги. Папа не можетъ помочь Лейдгату въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ если онъ уплатитъ этотъ долгъ, то ему придется уплатить еще съ полдюжины другихъ долговъ. Она будетъ жить съ родителями, пока Лейдгатъ не устроитъ ей сколько нибудь приличнаго помѣщенія.

— Ты имѣешь что-нибудь противъ этого, Тертія?

— Поступай, какъ знаешь. Но дѣла мои не дошли еще до окончателнаго кризиса. Торопиться нечего.

— Я не уѣду до завтра; мнѣ нужно еще улечься.

— Можно-бы не уѣзжать и завтра. Мало-ли, что можетъ случиться, вскричалъ Лейдгатъ съ горькой ироніей.—Я могу свернуть себѣ шею, и тогда вамъ гораздо удобнѣе будетъ устроиться.

На бѣду Лейдгата, онъ, не смотря на всю свою любовь къ Розамундѣ, не могъ удержаться иногда отъ подобныхъ вспышекъ. Она-же считала ихъ непростительными и послѣ каждой такой вспышки все болѣе и болѣе охлаждѣвала къ мужу.

— Тебѣ, какъ я замѣчаю, не хочется, чтобы я уѣзжала, сказала она холодно свисходительнымъ тономъ.—Отчего-же не сказать этого прямо, безъ дерзости? Я останусь, пока ты не скажешь, чтобы я уѣзжала.

Лейдгатъ не сказалъ ни слова и ушелъ изъ дому. Онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ.

(Продолженіе будетъ.)

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Лирическая драма

Въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прометей.
Демогоргонъ.
Юпитеръ.
Земля.
Океанъ.
Аполлонъ.
Меркурій.
Геркулесъ.
Азія
Пантея } Океаниды.
Іо }
Призракъ Юпитера.
Духъ земли.
Духъ луны.
Духъ времени.
Духи. Эхо. Фавны.
Фуріи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет ущелье между ледяными скалами индѣйскаго Кавказа. Видѣнь Прометей, прикованный къ пропасти. Пантея и Іо сидятъ у его ногъ. Ночь. Виродолженіи сцены медленно всходитъ заря.

ПРОМЕТЕЙ.

Юпитерь, повелитель всѣхъ боговъ,
Всѣхъ демоновъ и всѣхъ созданій, кромѣ
Лишь одного, наполнившихъ міры,
Плывущіе надъ нами въ вѣчной безднѣ!..
Юпитерь, только ты, да я изъ всѣхъ существъ,
На нихъ глядѣлъ бессонными глазами.
Взгляни-жъ на землю ты, кипающую кругомъ
Рабами, ожидаешь отъ которыхъ
Колѣнопреклоненія ты, хвалы
И вѣчныхъ мукъ сердецъ, давно разбитыхъ
Отъ страха, безнадежности и гнета.
Твоей слѣпою злобой я одинъ
Не побѣжденъ; надъ ней я торжествую,
Какъ надъ страданьемъ собственнымъ своимъ.
Три тысячи годовъ, не зная сна,
Я пережилъ столь страшныя мгновенья,
Что мнѣ они казались вѣками
И мукъ, и одиночества. Презрѣнье
И гордое отчаяніе — вотъ
Подвластное мнѣ царство, и славнѣе
Оно того, которымъ ты владѣешь,
Съ свопъ въсотъ его обзрѣвая.
Тебѣ я не завидую, Юпитерь!
Когда-бъ я согласился раздѣлить
Мозоръ твоей холодной тиранніи,

Я не былъ-бы здѣсь пригвожденъ къ скалѣ
Заоблачной, подѣ ледяной одеждой,
Безъ травки, безъ цвѣтка, безъ звука жизни...
Удѣлъ мой горе, муки мой удѣлъ!..
Ни отдыха и ни луча надежды!
Но я терплю. Я спрашиваю землю
И небо, и всевидящее солнце,
И море, то ревущее у ногъ,
То тихое подѣ мертвыми волнами —
Ужель не видѣли, не слышали они
Моей невыносимой агоніи?..
Удѣлъ мой горе, муки мой удѣлъ!..
Колючки льдинъ вшиваются мнѣ въ тѣло;
Замерзшіе кристаллы ихъ, какъ иглы,
Проходятъ съ жгучимъ холодомъ мнѣ въ кости,
И корпунъ тьмы, въ ядѣ обмочивъ свой клювъ,
На части рветъ мнѣ сердце. Страшныя видѣнья
Изъ царства сна смѣются надо мной,
И призраки подземныя, покорны
Велѣніямъ твоимъ, мнѣ бередятъ
Цѣпиями окрававленныя раны.
Когда землетрясеніе шатало
Подошвы скалъ, сдвигая съ мѣста ихъ
И снова надвигая, духи бури,
Вихрь подстрекая бѣшенствомъ, меня
Осколками лдяными осыпали.
Но все-таки я вижу день и ночь,
Смѣняющихъ другъ друга чередою;
Я вижу, какъ за сѣрымъ зимнимъ утромъ
Приходитъ день, какъ медленно ползетъ
За нимъ ночная тьма въ туманномъ небѣ,
И каждый часъ такихъ ночей и дней,
Подобно палачу съ влекомой жертвой,
Становится ужасенъ для меня,
И какъ палачъ любитъ слѣдами .
Кровавыми моихъ усталыхъ ногъ,
Которыми когда-то, о, Юпитеръ,
Тебя я растопталъ-бы, если-бъ только

Не презиралъ тебя я... Презирать!
 О нѣтъ, теперь ты жалокъ мнѣ — не больше!..
 Ты, беззащитный въ царствѣ безпредѣльномъ!
 Какія-бы ты муки испыталъ,
 Когда-бъ тебя преслѣдовать я началъ!
 Но знай, что эти самыя слова
 Мнѣ подсказалъ не гнѣвъ, а только горе:
 Я болѣе не въ силахъ ненавидѣть.
 Несчастье учить мудрости, и я
 Готовъ-бы взять назадъ свое пробятые,
 Которое тебѣ я послалъ...
 Вы, горы грозныя, гдѣ эхо раздается,
 Какъ громъ черезъ стремнины водопадовъ!
 Вы, сонныя, замерзшія ручьи,
 Разбившія свою кору лдяную,
 Чтобъ выслушать меня и съ ужасомъ потомъ
 Бѣжать въ индѣйскій край! Ты, ясный воздухъ,
 Сквозь который солнца свѣтъ проходитъ
 Безъ жгучести, и ты, крылатый вѣтеръ,
 Висѣвшій неподвижно и мертво
 Надъ этой самой пропастью беззвучной.
 Когда нежданный грохотъ поразилъ
 И цѣлый міръ заставилъ содрогнуться!
 Когда въ тотъ самый часъ мои слова
 Въ себѣ имѣли силу, то теперь
 Такъ измѣнился я, что злобное желанье
 И гнѣвъ мой лютый умерли во мнѣ.
 Забудьте-же и вы мои проклятыя,
 Какъ я забылъ ихъ. Что-жъ я говорилъ?..
 Скажите, что вы слышали въ то время.

Первый голосъ (*изъ горъ*).

Трижды триста тысячъ лѣтъ
 Надъ землею мы стояли,
 Мучилъ страхъ нерѣдко насъ
 И, какъ люди, мы дрожали.

Второй голосъ (*изъ источниковъ*).

Нашу воду до дна изсушили удары громовъ,

Запятнала насъ кровь, что съ пустынныхъ текла береговъ,
 И отъ стоновъ убитыхъ въ большихъ городахъ и въ
 пустынь
 Онѣмѣли мы вовсе и были нѣмыми до-нынѣ.

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ (*изъ воздуха*).

Съ тѣхъ поръ, какъ земля создана,
 Не разъ оживлялась она
 Лобзаньемъ моимъ благовоннымъ,
 Но часто моя тишина
 Смущалась мучительнымъ стономъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ (*отъ вѣтровъ*).

Вѣкъ за вѣкомъ мы летали
 Надъ горами-великанами,
 Но ни громы, ни волканы
 Съ ихъ пылавшими фонтанами,
 Никакія силы тайныя
 Съ самыхъ первыхъ дней творенія
 Не могли еще заставить насъ
 Онѣмѣть отъ удивленія.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Но когда твои вошли и стоны
 Въ первый разъ раздались, —
 Наши горы подъ снѣжнымъ покровомъ
 Потряслись.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Никогда подобныхъ звуковъ прежде
 Мы къ волнамъ индѣйскимъ не носили;
 Эти звуки кормчаго въ часъ ночи
 На ревущемъ морѣ разбудили.
 Онъ вскочилъ въ отчаяннѣи, громко
 Крикнувъ только: „Горе мнѣ, о горе!“
 Отъ безумья умеръ въ ту минуту,
 Бросясь въ обезумѣвшее море.

ТРЕТІЙ ГОЛОСЪ.

Никогда мое тихое царство

Словъ ужасныхъ такихъ не слыхало,
И когда вновь покой водворился
Дна подъ мракомъ кровавымъ не стало.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ.

И мы исчезли. Дикія видѣнья
Умолкнуть насъ заставили тотчасъ;
Безмолвные, мы скрылись по ущельямъ,
Хоть тотъ-же адъ—молчаніе для насъ.

ЗЕМЛЯ.

Когда нѣмныя горныя долины
Слились въ единый откликъ: „Гибель! гибель!“
Тогда и небеса имъ отвѣчали:
„О, гибель!“ Даже волны океана,
Покрывшись яркимъ пурпуромъ, вѣтрамъ
Крикъ бросили: „о, гибель!“ и народы
Въ испугъ услышали этотъ крикъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Звукъ голосовъ я слышу, но не тотъ,
Что вырвался изъ груди Прометея.
О, мать съ дѣтьми своими, неужель
Питаете вы жалкое презрѣнье
Къ тому, безъ чьей неотразимой воли
Подъ гордымъ всемогуществомъ Зевеса
Исчезли-бъ вы, какъ утренній туманъ,
Развѣянный однимъ порывомъ вѣтра?
Иль вы меня не знаете, меня,
Титана? Я страданьями своими
Могущественному вашему врагу
Сталъ роковымъ предѣломъ... О, луга,
Гдѣ отдыхаютъ птицы! Вы, потоки
И тѣ лѣса тѣнистые, гдѣ прежде
Я съ милой Азіей моею бродилъ
И, ей любуясь, жизнью упивался!..
Зачѣмъ пренебрегаете вы духомъ,
Что ждетъ теперь покорности отъ васъ?
Зачѣмъ боитесь рѣчь вести со мною,
Который могъ одинъ своею рукою

Остановить, какъ бѣшеннаго звѣря,
Коварство и могущество того,
Кто безгранично властвуетъ, внимая
Стенаніямъ страдающихъ рабовъ,
Наполнившихъ ущелья и пустыни?..
О, для чего-жъ молчали, братья, вы?

Земля.

Молчать затѣмъ, что говорить не смѣютъ.

Прометей.

Но я хочу проклятiе свое
Услышать вновь... А!.. Это что за шопотъ?..
Онъ не похожъ на звукъ, онъ отдается въ тѣлѣ,
Какъ молнія въ мгновенье предъ ударомъ.
Духъ, говори! По голосу сужу я,
Что близокъ ты, что любишь ты. Скажи:
Какъ онъ былъ проклять мною?

Земля.

Но меня

Ты не поймешь, не зная рѣчи мертвыхъ.

{Прометей.

Ты—духъ живой, такъ языкомъ живымъ
И говори.

Земля.

Не смѣю, какъ живые,
Я говорить, а иначе Юпитеръ
Меня къ другому кругу прикуетъ,
Мучительному болѣе, чѣмъ этотъ.
Въ которомъ я верчусь теперь... Ты добръ
И прозорливъ; хотъ боги этотъ голосъ
Не слышать, но ты болѣе, чѣмъ богъ.
Ты мудръ и чистъ... Не пророни ни слова.

Прометей.

Въ моемъ мозгу темно; какъ-будто тѣни
Туманныя, проходятъ предо мной
Мучительныя мысли слишкомъ быстро.
Себя я слабымъ чувствую, хотя

Мнѣ кажется, любовью обружень я...
Но все-жъ не знаю радости...

Земля.

О, нѣтъ,
Тебѣ я не понятна! Ты безсмертенъ,
А мой языкъ доступенъ только тѣмъ,
Кто умираетъ.

Прометей.

Кто-же ты,
Печальный голосъ?

Земля.

Мать твоя—земля.
Когда изъ нѣдръ монхъ ты поднялся,
Какъ облако блистательное славы,
То радость разлилась по всей землѣ,
Какъ въ тѣлѣ кровь живая. Чистый духъ,
Ты поднялся и, твой услыша голосъ,
Страдающіе братья поднимали
Свое чело склоненное изъ праха,
И самъ тиранъ-Юпитеръ поблѣднѣлъ
И трепетать сталъ въ ужасѣ, пока
Ты не былъ имъ къ скалѣ своей прикованъ.
Взгляни теперь на эти миллионы
Міровъ, рассыпанныхъ по тверди голубой.
Ихъ жители глядятъ на землю, замѣчая,
Что на небѣ сферической мой свѣтъ
Сталъ исчезать. Вздываются моря;
Потухшіе вулканы извергаютъ
Огонь и лаву выше облаковъ.
Вслѣдъ за грозой приходятъ наводненья,
Травкою заростають города
И ползають по зданіямъ роскошнымъ
Прожорливыя жабы. Въ дни, когда
Чума царилъ въ мірѣ, истребляя,
Какъ гадовъ, всѣхъ животныхъ и людей,
И травы ядовитыя мѣшались
Съ лозою виноградной и цвѣтами.

Тогда была мнѣ жалость неизвѣстна
 И вокругъ меня былъ воздухъ зараженъ
 Лишь ненавистью матери къ тому,
 Кто у нея насильно отнял сына...
 Да, мнѣ твое проклятіе извѣстно,
 Когда его забылъ ты, но мои
 Моря и рѣки, горы и ущелья
 И воздухъ, и нѣмые мертвецы,
 Мы всѣ таимъ его очарованье.
 Мы съ радостію тайной вспоминаемъ
 Великія, ужасныя слова,
 Но вслухъ ихъ выговаривать не смѣемъ.

Прометей.

Мать добрая! Всѣмъ на землѣ живущимъ
 И обреченнымъ въ мірѣ на страданье
 Даешь ты въ утѣшенье что-нибудь —
 Цвѣты, плоды, живые звуки счастья
 И даже нимолетную любовь.
 Не откажи и мнѣ ты въ утѣшеньи
 Единственномъ и повтори слова
 Мои.

Земля.

Да, ты узнаешь ихъ.
 Еще до разрушенья Вавилона
 Магъ Зороастръ — онъ тоже былъ мнѣ сынъ —
 Однажды встрѣтилъ собственный свой образъ,
 По саду проходившій. Зороастръ
 Единственный изъ всѣхъ людей увидѣлъ
 Подобное явленье, такъ какъ зналъ,
 Что есть два міра: жизни міръ и смерти.
 Одинъ изъ нихъ — ты видишь, а другой —
 Міръ замогильный. Въ области послѣдней
 Живыхъ созданій призраки живутъ,
 И только смерть одна соединитъ ихъ.
 Все то, чѣмъ жизнь догробная полна,
 Что вѣра создаетъ и что любовь рождаетъ,
 Всѣ образы добра и зла земного

Въ послѣднемъ этомъ мѣрѣ обитають.
 Тамъ и твоя страдальческая тѣнь
 Между двухъ скалъ подъ бурями томится;
 Всѣ боги тамъ и духи всѣхъ стихій,
 Великія и царственныя тѣни,
 Герои, люди славные и звѣри;
 Демогоргонъ, самъ воплощенный мракъ,
 И даже твой мучитель всемогущій
 На кованномъ изъ золота престолѣ
 Сидять тамъ... Сынъ мой, кто-нибудь изъ нихъ
 Произнесетъ то самое проклятье,
 Столь памятное всѣмъ намъ. Вызывай
 По волѣ — или собственный твой образъ,
 Иль призраки Юпитера, Тифона,
 Аида, или злыхъ другихъ боговъ,
 Которые со дня твоихъ терзаній
 Сыновъ моихъ не мало погубили.
 Спроси — они должны теперь отвѣтить:
 Безсильна власть Зевеса надъ тѣнями,
 Какъ вѣтеръ надъ развалинами замка.

ПРОМЕТЕЙ.

О, мать моя! Тѣ злобныя слова
 И самъ произносить я не желаю,
 И отъ подобныхъ мнѣ ихъ слышать не хочу.
 Явись-же, тѣнь Юпитера!.. Явись!..

ГО.

Мои очи закрыты моими-же крыльями
 И мракъ ночи таятся подъ этими крыльями,
 Но сквозь ихъ серебристую тѣнь представляется,
 Но чрезъ мягкія перья тѣхъ крыльевъ является
 Чей-то образъ суровый,
 И звучитъ море звуковъ какою-то музыкой новой.
 Неужели-же эти растущіе звуки
 Принесутъ только горе и тяжкія муки
 Для тебя, изъязвленнаго
 И въ скалѣ пригвожденнаго,
 Вблизи котораго, ради любимой сестры,
 Мы сидимъ уже съ давней поры?

ПАНТЕЙ.

Я слышу звукъ подземнаго удара
 И къ намъ летящій гуль землетрясенья;
 Я вижу образъ страшнаго видѣнья
 Встающаго, какъ въ заревѣ пожара.
 Въ звѣздистый, темный пурпуръ облечень,
 На сѣрномъ облакѣ десницу держитъ онъ;
 Его глаза блестятъ, какъ молніи по тучамъ;
 Онъ смотритъ и жестокииъ, и могучиимъ,
 Какъ тотъ, кто зло повсюду разсѣваетъ
 И никогда страданія не знаетъ.

ПРИЗРАКЪ ЮПИТЕРА.

Вы, силы дивныя таинственнаго міра!
 Зачѣмъ сюда на крыльяхъ урагана
 Вы вызвали меня? Я чувствую, что жгутъ
 Языкъ мой непривычныя мнѣ звуки,
 Которыя невѣдомы въ той тьмѣ,
 Гдѣ мы ведемъ печальныя бесѣды.
 Скажи, страдалецъ гордый, кто-же ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Ужасный, страшный образъ! Но такимъ
 Ты долженъ быть, когда ты только призракъ
 Мучителя. Я врагъ его, титанъ.
 Произнеси-жь то самое проклятье,
 Которое хочу я слышать отъ тебя.

ЗЕМЛЯ.

Внимайте! Хоть должно быть нѣмо эхо горъ,
 Внимайте молча, сѣрые утесы,
 Дремучіе лѣса, живые родники,
 Ущелья горъ, долины и потоки!
 Возрадуйтесь теперь услышать то,
 О чемъ сказать еще не смѣете вы сами?..

ПРИЗРАКЪ.

Овлаждѣваетъ мной духъ чуждый и во мнѣ
 Самъ говорить. Онъ рветъ меня на части,
 Какъ молнія рветъ тучу громовую.

ПАНТЕЯ.

Взгляни, какъ мощенъ взглядъ его!.. Кругомъ
Темнѣютъ небеса...

Го.

Онъ говорить!

О, защитите!..

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть проклинаеть!

Въ его движеняхъ гордыхъ вижу взглядъ
Надменно-вызывающій и злобу
Холодную съ насмѣшкою спокойной
Отчаянья... Но говори-же, тѣнь!..

ПРИЗРАКЪ.

„Свой вызовъ я тебѣ бросаю, врагъ!
Съ рѣшимостью спокойной ожидаю
Всѣхъ мукъ, придуманныхъ тобою для меня,
Боговъ и человѣческаго рода
Жестокій бичъ!.. Тебѣ не покорюсь я.
Пусть леденящій страхъ или болѣзни
На голову мою сошлешь ты разомъ; пусть
То пламя, то морозъ попеременно
Вѣдаются въ меня, жгутъ молнии твои
И фуріи мое терзаютъ тѣло;
Изобрѣтай всѣ ужасы для кары;
Ты всемогущъ надъ всѣмъ, кромѣ себя.
И отъ меня власть эту добровольно
Ты получилъ. Вонъ съ той эфирной башни
Губи ты человѣчество и тьмой
Всѣхъ окружи, кого люблю я въ жизни.
Какъ на себя, такъ и на близкихъ мнѣ
Всѣ ужасы терзаній призываю,
Какіе только можетъ изобрѣсть
Твоя слѣпая ненависть, Юпитерь!
Но знай и ты, вселенной властелинъ,
Предъ кѣмъ со страхомъ вѣчнымъ и мольбою
Склоняются какъ боги, такъ и люди,
Такъ знай и ты — тебя я проклинаю!..

Пусть тяжкое проклятіе страдальца
 Въ тебѣ, Зевесъ, раскаянье пробудить;
 Пусть даже вѣчность станетъ для тебя
 Отравленной одеждою, а власть —
 Твоимъ вѣнкомъ терновымъ и пусть онъ,
 Какъ раскаленный обручъ золотой,
 Пережигаетъ мозгъ твой размягченный.
 Дави-же душу массой черныхъ дѣлъ,
 Но знай, что добродѣтель безконечна,
 Какъ міръ, какъ одиночество твое.
 Ты властвуешь теперь, но будетъ время
 И ты падешь, бичуемый презрѣньемъ,
 И станешь падать, падать безъ конца
 Въ вѣ времени и въ пространства...“

ПРОМЕТЕЙ.

Мать!

Слова мои-ли это?

Земля.

Да, твои.

ПРОМЕТЕЙ.

И я теперь въ нихъ каюсь: то проклятье
 Безумно и напрасно. Горе слѣпо,
 И я былъ слѣпъ. Нѣтъ въ мірѣ существа,
 Которому желаль-бы я страданья.

Земля.

О, горе мнѣ!.. Юпитеръ побѣдилъ.
 Рыдайте, войте, суша и моря!
 Отъликутся на плачь вашъ вопль и слезы
 Въ разбитомъ сердцѣ матери-земли.
 О, плачьте, плачьте, духи! Вашъ защитникъ
 Въ бореньи изнемогъ и побѣжденъ.

Первое эхо.

Въ бореньи изнемогъ и побѣжденъ.

Второе эхо.

Онъ побѣжденъ!

Ю.

Не можетъ быть! Минуту увлеченья
Нельзя считать за строгое рѣшенье:
Еще по прежнему титанъ непобѣдимъ.
Но бросьте взглядъ на горы снѣговья,
Гдѣ вверхъ бѣгутъ уступы вѣковые:
Бто это тамъ едва скользнуть по нимъ?
Какъ будто-бы достигнуть хочеть насъ онъ...
Блестять сандалии его крылатыхъ ногъ;
Въ рукѣ съ жезломъ, зѣвей онъ опоясанъ...
Узнать его уже-ль никто не могъ?

ПАНТЕЯ.

Неутомимый странникъ и гонецъ
Юпитера—Меркурій передъ нами.

Ю.

Но это что за образы! Ихъ косы
Змѣиныя и крылья изъ желѣза.
Какъ будто-бы гонимая Зевесомъ,
Толпа ихъ быстро мчится, словно туча.
И раздаются громко голоса.

ПАНТЕЯ.

То фуріи, Юпитера. собаки,
Которыхъ онъ питаетъ только кровью
И стопами несчастныхъ, въ тѣ часы,
Когда на сѣрномъ облакѣ плыветь онъ.

Ю.

Уже-ль сюда пригнали ихъ отъ мертвыхъ,
Чтобы для нихъ жертвъ новыхъ отыскать?

ПАНТЕЯ.

Титанъ нашъ твердъ и, какъ всегда, спокоенъ.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

А! здѣсь я чую жизнь!..

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Дай заглянуть

Ему въ глаза!

ТРЕТЬЯ ФУРИЯ.

Мнѣ такъ сладка надежда
Имъ овладѣть, какъ лакомы для врановъ
На полѣ битвы трупы мертвецовъ.

ПЕРВАЯ ФУРИЯ.

Какъ смѣешь ты, Юпитера посланникъ,
Здѣсь долго медлить? Фурии, утѣшьтеся!
Недолго ожидать намъ, что сынъ Маи
Послужитъ намъ забавою и пищей.

МЕРКУРИЙ.

Къ желѣзнымъ вашимъ башнямъ отправляйтесь,
Чтобъ скрежетать зубами у потоковъ
Изъ пламени... Горгона, Геріонъ
Съ Химерою и ты, коварный Сфинксъ,
Столь страшный неестественной любовью
И ненавистью лютой, — повинуйтесь
И исполняйте долгъ вашъ.

ПЕРВАЯ ФУРИЯ.

Пощади!

Сжигаютъ нашу внутренность желанья...
О, сжался, не гони насъ!..

МЕРКУРИЙ.

Замолчите!

— О, ты, великій мученикъ! Къ тебѣ
По волѣ не своей я прихожу.
Могучій повелитель мой желаетъ,
Чтобъ новому, ужаснѣйшему мщенью
Тебя подвергнулъ я. Увы, ты жалокъ мнѣ,
И самого себя я ненавижу,
Что не могу ничѣмъ тебѣ помочь.
Когда я возвращусь подъ облака,
Надзвѣздный міръ покажется мнѣ адомъ:
Преслѣдуетъ меня и день и ночь
Измученный твой образъ, и упреки
Въ твоей улыбкѣ вижу я. Ты мудръ,
И справедливъ, и твердъ, но ты напрасно

Затѣялъ непосильную борьбу.
 Вѣдь эти звѣзды, вѣчныя лампы,
 Тебѣ должны всегда напоминать
 Моущество мучителя, который
 Тебѣ готовить новыя страданья.
 Изъ ада долженъ вызвать я духовъ,
 Чтобы они сильнѣй тебя терзали,
 А мало будетъ ихъ, я приведу
 Другихъ страшнѣйшихъ демоновъ изъ бездны.
 Но я-бы не хотѣлъ того. Изъ всѣхъ
 Живущихъ въ этомъ мѣрѣ, ты, единый
 Такую знаешь тайну, отъ которой
 Основы свѣта могутъ задрожать.
 Юпитеръ самъ боится этой тайны.
 Такъ пусть она сорвется съ устъ твоихъ
 И, до него достигнувъ, можетъ стать,
 Смягчить гнѣвъ властелина. Такъ склони
 Къ мольбѣ свой духъ, смири гордыню воли:
 Одно смиренье можетъ покорить
 Жестокость и могущество...

ПРОМЕТЕЙ.

Я знаю,
 Что злыя души могутъ и добро
 Въ зло обращать. Я Зевсу отдалъ все,
 И онъ меня здѣсь приковалъ въ награду.
 Здѣсь цѣлыя столѣтья ночь и день
 Иль солнце жжетъ меня, или при лунномъ блескѣ
 На мнѣ снѣгъ зимній блещетъ хрусталемъ.
 Рабы Юпитера погами растоптали
 Любимое мной племя. Вотъ чѣмъ былъ
 Я награжденъ и это справедливо:
 Кто золь, тотъ никогда добра не помнитъ,
 И если мѣръ ему мы подаримъ,
 Онъ чувствуетъ иль ненависть, иль страхъ,
 Но только благодарности не знаетъ.
 За преступленья собственныя мнѣ
 Зевсъ мститъ теперь. Когда добро для злого

Мы дѣлаемъ, онъ видитъ въ немъ упрекъ,
 И мститъ добру неотразимой злостью.
 Нѣтъ, я повиноваться не могу.
 Какое, наконецъ, повиновенье
 Онъ принялъ-бы? Чтобъ быть его рабомъ,
 Слѣпымъ орудіемъ его капризовъ.
 Нѣтъ, не хочу. Пускай другіе льстятъ
 Царящему надъ міромъ преступленью,
 Котораго могущество не прочно;
 Пусть льстятъ ему другіе, и ихъ лезть
 Пусть наказанья даже не боится:
 Когда восторжествуетъ справедливость.
 Лстецовъ мы пожалѣемъ и простимъ.
 Ихъ заблужденья собственныя будутъ —
 Ихъ карою. Я терпѣливо жду,
 Когда настанетъ часъ возмездія: онъ близокъ...
 Но адскихъ псовъ ты слышишь завыванья?
 Не медли-же. Темнѣютъ небеса:
 То признакъ, что нахмурился Юпитеръ.

МЕРКУРІЙ.

О, если-бъ могъ тебѣ не причинять
 Мученій я!.. Отвѣтствуй-же еще разъ:
 Извѣстенъ-ли тебѣ періодъ власти
 Юпитера?

ПРОМЕТЕЙ.

Я знаю только то,
 Что часъ его наступить.

МЕРКУРІЙ.

О, титанъ!..
 Ты даже сосчитать не въ состояньи
 Дней и годовъ мученій предстоящихъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай-же продолжаютъ они,
 Пока Юпитеръ властвуетъ, — и больше
 Я ничего не жду и не боюсь.

МЕРКУРИЙ.

Остановись и въ вѣчность загляни,
Гдѣ даже то, что мы зовемъ столѣтьемъ
Является лишь точкою ничтожной;
Гдѣ гордый умъ, блуждая и теряясь
Въ сіяньѣ этой вѣчности глубокой,
Мгновенно слѣпнетъ въ ней и погибаетъ;
Но даже вѣчность самая, титанъ,
Тѣхъ медленныхъ годовъ не сосчитала,
Которые ты въ мукахъ проведешь.

ПРОМЕТЕЙ.

Быть можетъ, мысль безсильна сосчитать ихъ,
Но все-жъ они проходятъ...

МЕРКУРИЙ.

Ты-бы могъ

Прожить все это время, наслаждаясь
Среди боговъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Но я-бъ не промѣнялъ
На ихъ блаженство вѣчнаго мученья
Своей скалы...

МЕРКУРИЙ.

Увы! Дивлюсь тебѣ
И сожалѣю о твоихъ страданьяхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Презрѣнныхъ слугъ ты можешь сожалѣть,
Но не меня. Міръ ясный, точно солнце,
Царить въ моей душѣ... Но разговоръ
Напрасный нужно кончить. Вызывай-же
Моиxъ враговъ.

Го.

Сестра, взгляни туда,
Гдѣ молнія до корня расколола
Громадный кедръ. Какъ страшно громъ гремитъ!..

МЕРКУРИЙ.

Ему, какъ и тебѣ, повиноваться
Обязанъ я. Раскаянъе грызеть
Мнѣ сердце.

ПАНТЕЯ.

Посмотри, какъ быстроногій
Сынъ неба убѣгаетъ по косому
Лучю зари.

ПАНТЕЯ.

Сестра, прикрой скорѣй
Глаза своими перьями, иначе,
Смотря на фуриѣ, можешь умереть:
Идутъ, идутъ онѣ и затемняютъ
Безчисленными крыльями свѣтъ дня:
У нихъ, какъ и у смерти, темны крылья.

ПЕРВАЯ ФУРИЯ.

Гдѣ Прометей?

ВТОРАЯ ФУРИЯ.

Титанъ безсмертный!

ТРЕТЬЯ ФУРИЯ.

Всѣхъ

Рабовъ земныхъ защитникъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Передъ вами

Тотъ Прометей, котораго зоветъ
Зловѣщій голосъ. Кто-же вы, скажите,
Чудовищные образы? Донынѣ
И самый адъ не видѣлъ у себя
Такихъ существъ ужасныхъ, безобразныхъ.
При видѣ отвратительныхъ тѣней,
Самъ походить я, будто, начинаю
На нихъ и улыбаюсь, и гляжу
На демоновъ съ сочувствьемъ непонятнымъ.

ПЕРВАЯ ФУРИЯ.

Мы спутницы страданія и страха,

Слезъ, ненависти, горя, преступленья;
 Мы гонимся за ними, какъ въ лѣсу
 Псы гончіе за раненымъ оленемъ.
 Преслѣдуемъ мы все, что только плачетъ
 И истекаетъ кровью, если намъ
 Юпитеръ разрѣшаетъ эту травлю.

ПРОМЕТЕЙ.

Ужасныхъ свойствъ въ васъ скрыто сочетанье,
 И это мнѣ извѣстно, по зачѣмъ
 Чудовищныхъ созданій легионы
 Изъ тьмы вы вызываете съ собой.

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

О, радость! Мы того не знали сами!..
 О, сестры, возликуйте!

ПРОМЕТЕЙ.

Неужель

Такъ можно восхищаться безобразьемъ?

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Однихъ влюбленныхъ тѣшить красота...
 Какъ лепестки отъ пышно-алой розы. —
 Которую одна изъ блѣдныхъ жриць
 На праздничный вѣнокъ себѣ срываетъ, —
 Ея лицо окрашиваютъ ярко,
 Такъ муки нашихъ жертвъ намъ придаютъ
 Иныя формы. Были-бы безъ нихъ
 Ужасны мы, какъ ночь сама, мать наша.

ПРОМЕТЕЙ.

Надъ вашей адской властью я смѣюсь,
 Надъ вашимъ повелителемъ смѣюсь я...
 Давайте-жъ мнѣ испить всю чашу мукъ.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Ты думалъ-ли, что отрывать мы станемъ
 Тебѣ за костью кость и нервъ за нервомъ,
 Ихъ сожигая внутреннимъ огнемъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Какъ мой удѣлъ—страданіе, такъ ваша
Стихія—злость и ненависть. На части
Теперь меня вы рвете, — этихъ мукъ
Я не боюсь.

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Иль ты воображаешь,
Что мы въ твои безжизненные очи
Смѣяться только будемъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Не о томъ
Я думаю, что дѣлать вы хотите,
Но лишь о томъ, какъ вы должны страдать
Отъ ненависти собственной... Жестока
Власть, вызвавшая васъ къ подобной жизни!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Мы будемъ жить въ тебѣ, хотъ омрачить
Твоей души не можемъ: обратимся
Въ твоёмъ мозгу въ чудовищныя мысли;
Постыдными желаньями мы будемъ
Кипѣть въ твоей груди, твоею ставши кровью.

ПРОМЕТЕЙ.

Я это уже чувствую теперь,
Но я собой владѣю; какъ Юпитеръ
Умѣетъ всѣми вами управлять,
Когда вашъ адъ взбунтуется, такъ точно
Съ мучительными думами своими
Справляюсь я.

ХОРЪ ФУРІЙ.

Со всѣхъ концовъ міра, гдѣ зло расточается,
Гдѣ ночь умираетъ и утро рождается,
Спѣшите, спѣшите сюда!

Вы, міръ потрясавшія
Не разъ своимъ хохотомъ,
Вы, горы сдвигавшія

И ихъ разрушавшія
 Съ неслыханнымъ грохотомъ;
 Вы, свѣту дающія
 Одни преступленія;
 По слѣду идущія
 Кораблекрушенія;
 Вы, жалость которымъ чужда,
 Спѣшите, спѣшите сюда!..
 Оставьте вы ложе багрово-холодное
 Въ предѣлахъ страны ужъ давно умирающей;
 Оставьте вы злобы огонь потухающій:
 Она разгорится вновь въ пламя свободное,
 Когда вы вернетесь назадъ.
 Забудьте на время объ общемъ презрѣніи
 Еще въ недозрѣломъ людскомъ поколѣніи,
 И даже забудьте свой адъ.
 Спѣшите, спѣшите скорѣе!
 Какъ облако, въ воздухѣ рѣя,
 Мы воздухъ одинъ тяготимъ:
 Безъ васъ мы безсильны, какъ дымъ...
 Спѣшите, спѣшите скорѣе!

Іо.

Шумъ новыхъ крыльевъ слышу я, сестра.

Пантея.

Твердыни горъ колеблутся въ основахъ
 И тѣни помрачаютъ свѣтъ дневной.

Первая фурія.

Подобно легкокрылой колесницѣ,
 Влекомой быстрымъ вихремъ, вашъ призывъ
 Насъ оторвалъ отъ темныхъ водъ кровавыхъ...

Вторая фурія.

Отъ стоновъ недослушанныхъ, отъ крови
 Еще не упоившей насъ...

Третья фурія.

Отъ странъ,
 Гдѣ царствуетъ неумолимый голодъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ФУРИЯ.

Отъ городскихъ, безнравственныхъ собраній,
Гдѣ жизнь людей за деньги продають.

ПЯТАЯ ФУРИЯ.

Отъ вѣчнаго горнила, гдѣ...

ФУРИЯ.

Довольно!

Я знаю все, что хочешь ты сказать,
Но мы должны молчать о томъ, чѣмъ будетъ
Титанъ непобѣдимый побѣжденъ,
Хоть ада власть теперь онъ презираеть.
Сорви покровъ!

ДРУГАЯ ФУРИЯ.

Онъ сорванъ.

ХОРЪ.

Звѣзды неба видать тяжкія страданья,
И насъ тѣшатъ муки гордаго титана...
Для чего-же въ людяхъ пробудилъ ты знанье
И своей побѣдой возгордился рано?
Вмѣстѣ съ этимъ знаньемъ жажда въ нихъ явилась—
Жажда славы, счастья и любви познанья
И змѣя сомнѣнья въ сердце ихъ вселилась
И терзають грудь ихъ вѣчныя желанья.

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

Гдѣ огонь вздымался,

Пепель тамъ остался.

На который смотрятъ въ ужасѣ священномъ
Избранные люди съ сердцемъ нерастлѣннымъ.

Полу-хоръ.

Съ лица его кровь капаетъ на грудь...
 Ему немного дайте отдохнуть.
 Взгляни: вотъ обновленная страна,
 Какъ солнца лучъ изъ мрака, засіяла:
 Ей руководить истина одна
 И счастье ей свобода даровала.

Второй полу-хоръ.

Но вотъ, смотри—она совсѣмъ не та:
 Братъ кровный поднимается на брата,
 Кровь обагрятъ мирныя мѣста...
 То жатва злобы, смерти и разврата;
 Отчаянье смѣняетъ пыль борьбы
 И рабъ у ногъ мучителя лежитъ (*Всѣ фурии исче-
 заютъ, кромѣ одной*).

Iо.

Прислушайся, сестра! Титана грудь
 Отъ стоновъ разрывается на части,
 Отъ стоновъ затаенныхъ, но ужасныхъ.
 Такъ глубь морскую бури потрясаютъ,
 На берегахъ пугая всѣхъ звѣрей.
 Могла-ли ты смотрѣть безъ состраданья
 На муки Прометея?

Пантея.

Только дважды
 Взглянула я, но больше не могу.

Iо.

Но что-же ты увидѣла?

Пантея.

Картину
 Ужасную. Земля и небеса
 Повсюду населенными казались
 Чудовищными образами смерти.
 Потому что другіе призраки прошли, —
 Но болѣе смотрѣть на нихъ не станемъ,

Чтобъ еще большихъ ужасовъ не видѣть:
Для насъ и этихъ стоновъ слишкомъ много.

ФУРІА.

Взгляни: всѣ тѣ, несущіе за міръ
Страданіе, презрѣніе и рабство,
За это навлекаютъ на себя
И на людей излишнія терзанья.

ПРОМЕТЕЙ.

Я вижу многихъ праведныхъ людей,
Гонимыхъ постоянно, какъ звѣрей,
Прикованныхъ въ темницахъ къ гнойнымъ трупамъ;
Я вижу, какъ при хохотѣ толпы
На медленномъ огнѣ другихъ сжигаютъ.
Мелькаютъ быстро царства предо мной,
Какъ острова, размытые морями,
И жалкихъ ихъ потомковъ мертвый прахъ
Исчезнетъ въ красномъ заревѣ пожаровъ.

ФУРІА.

Кровь и огонь еще ты можешь видѣть;
Ты можешь слышать стоны, наконецъ,
Но худшее отъ глазъ твоихъ сокрыто.

ПРОМЕТЕЙ.

Что худшимъ называешь ты?

ФУРІА.

Въ душѣ
Всѣхъ смертныхъ обитаетъ вѣчный страхъ,
И самый величайшій изъ живущихъ
Того боится самого, чему
Не хочетъ вѣрить. Ложь, какъ и обычай,
Людей сдружаетъ съ вѣрой обветшалою.
Для блага челоуѣчества они
Трудиться не дерзаютъ, хотя сами
Не признаютъ боязни роковой.
У добрыхъ силы нѣтъ, у сильныхъ доброты;

У мудрецовъ любви не достаетъ,
 У любящихъ нѣтъ мудрости и даже
 Все доброе является дурнымъ.
 Одни сильны бываютъ и богаты,
 И часю не чужда имъ справедливость,
 Но все-таки съ холоднымъ равнодушьемъ
 Они въ толпѣ страдающихъ живутъ,
 Не вѣдая стыда подобной жизни.

ПРОМЕТЕЙ.

Крылатыхъ адскихъ змѣй напоминаютъ
 Твои слова, не все-жъ я тѣхъ жалѣю.
 Которыхъ не язвятъ они.

ФУРІЯ.

Когда

Ты началъ сожалѣть, я умолкаю (*исчезаетъ*).

ПРОМЕТЕЙ.

О, горе, горе вѣчное!.. Напрасно
 Свои глаза сухіе закрываю,
 Но все-же ясно вижу я умомъ
 Твои дѣла, тиранъ невозмутимый!..
 Міръ погребенъ въ могилѣ; все, что было
 Прекраснаго и добраго на свѣтѣ,
 Зарыто въ ней, и я, я, полу-богъ,
 Ужели изъ боязни высшей мести
 Потеряннаго снова не могу
 Отыскивать? О, нѣтъ, Юпитеръ гордый!
 Такое пораженье — не побѣда.
 Мое терпѣнье только закаляетъ
 Мой непреклонный духъ; я буду ждать,
 Когда мученья эти прекратятся.

ПАНТЕЯ.

Скажи, что видѣлъ ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Есть два страданья:

Смотрѣть и говорить о томъ, что видѣлъ.

Избавь меня отъ перваго. Во мракѣ

Нерѣдко зажигались имена
 Священныя, какъ лозунги вселенной;
 Они являлись міру для того,
 Чтобъ освѣтить міръ новой свѣтлой мыслью.
 Народы собирались и сливались
 Въ единый хоръ

.

Земля.

Я съ гордостью и вмѣстѣ съ состраданьемъ
 Смотрѣла на терзанія твои.
 Чтобъ облегчить весь ужасъ тѣхъ мученій
 Велѣла я явиться тѣмъ духамъ
 Неудовимо дивнымъ и прекраснымъ,
 Родившимся отъ мысли человѣка
 И вѣчно обитающимъ въ эфирѣ.
 Далекое грядущее предъ ними
 Всѣ тайны открываетъ. Пусть они
 Тебя утѣшаютъ.

Пантея.

Видишь-ли, сестра,
 Какъ духи собираются, подобно
 Прозрачнымъ облакамъ въ весенній день,
 Скользящимъ въ бирюзовомъ, свѣтломъ небѣ.

Го.

Ихъ сонмъ растетъ, какъ утренній туманъ,
 Волнами выходящій изъ ущелій.
 Но, слушай! Что за музыка? Иль это
 Хоръ водопада, роши, иль озеръ?

Пантея.

Нѣтъ, въ этомъ пѣньѣ нѣжности и грусти
 Гораздо больше... Слушай, слушай, слушай!..

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Съ незапамятнаго времени
 Мы, какъ спутники незримые
 Человѣка угнетеннаго,
 Обитаемъ и скрываемся
 Въ сферѣ мысли человѣческой,
 Въ сферѣ сумрачной, какъ осени
 Утро сѣрое, туманное,
 Согрѣваемое изрѣдка
 Изъ-за тучи свѣтлымъ солнышкомъ...
 Тихо, ясно, бурь не вѣдая,
 Мы, подобно птицамъ въ воздухѣ,
 Или рыбкамъ въ свѣтломъ озерѣ,
 Или мыслямъ человѣческимъ,
 Въ этой сферѣ вѣчной носимся,
 Какъ по небу безграничному
 Мчится облако румяное.
 Потому къ тебѣ приносимъ мы
 То пророчество, которое
 У тебя въ душѣ скрывается.

I o.

Сонмъ призраковъ все болѣе растетъ
 И воздухъ, окружающій ихъ, блещетъ
 Сіяніемъ небесныхъ, яркихъ звѣздъ.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

На звукъ военной трубы
 Сюда я мгновенно примчался
 Изъ тьмы потускнѣвшихъ небесъ.
 Вокругъ меня бой разгорался;
 Преданія древнихъ вѣковъ
 По вѣтру, какъ прахъ, разлетались,
 И гибли царства отъ меча
 Мечомъ воздвигнутые къ жизни,
 И крики людей раздавались:
 „Свобода! Побѣда! Впередъ!“
 Но вдругъ крики стихли въ мгновенье
 И звуками нѣжной любви

Смѣнились призывы сраженья.
 То голосъ надежды звучалъ,
 Пророческій голосъ, живущій
 Въ твоей благородной душѣ .
 И въ ней постоянно поющій.

Второй духъ.

Надъ моремъ радуга, какъ арка, поднималась,
 И море ясное недвижимымъ казалось;
 Но туча черная явилась вдругъ за тучей
 И море дрогнуло подъ бурю могучей.
 Я видѣлъ молнію и слышалъ хохотъ грома;
 Отъ флота грознаго среди того погрома
 Остались щепки лишь. Смерть вопарилась въ морѣ;
 Одинъ большой корабль погибъ въ его просторѣ
 И съ палубы его я самъ теперь примчался
 На вздохъ человѣка: не боялся
 Обломокъ отъ доски врагу онъ уступить,
 Потомъ нырнулъ въ волнахъ, чтобъ болѣе не жить.

Третій духъ.

У ложа мудреца незримо я скрывался;
 Отъ лампы яркій свѣтъ по книгѣ разливался,
 Которую читалъ философъ передъ сномъ,
 Когда-жъ сонъ огненный сошелъ къ нему потомъ,
 То я узналъ тогда, что въ образахъ той грезы,
 Съ улыбкой вдохновенною сквозь слезы,
 Въ міръ новыхъ помысловъ проникъ сѣдой мудрецъ,
 Надеждой свѣтлою утѣшенъ наконецъ.
 И вотъ сюда тотъ сонъ быстрѣе, чѣмъ желанье,
 Меня принесъ къ тебѣ на краткое свиданье,
 Но долженъ къ мудрецу назадъ я улетѣть,
 Иначе, пробудясь, онъ станетъ вновь скорбѣть.

Четвертый духъ.

На устахъ поэта
 Сладко я дремалъ;
 Онъ блаженства смертныхъ
 Въ міръ не искалъ.

Міръ его любимый —
 Дивный міръ тѣней;
 Въ ихъ воздушной сферѣ
 Жить ему вольнѣй.
 Созерцаа годы,
 Красоты природы,
 Изъ ея красотъ
 Онъ творитъ пные,
 Образы живые,
 И о нихъ поетъ.
 Образомъ подобнымъ
 Я разбужень былъ
 И къ тебѣ на помощь
 Быстро поспѣшилъ.

I o.

Два призрака крылатые летять,
 Одинъ отъ запада, другой-же отъ востока.
 Какъ горлицы спѣвать въ свое гнѣздо,
 Такъ эти дѣти воздуха несутся.
 Прислушайся къ ихъ сладкимъ голосамъ,
 Звучащимъ то отчаяньемъ глубокимъ,
 То сладостною нѣжностью любви.

П А Н Т Е Я .

Какъ говорить, сестра, теперь ты можешь?
 Мои слова беззвучно исчезаютъ.

I o.

Ихъ красота даетъ мнѣ голосъ. Вотъ
 Они парятъ на крыльяхъ дымно-сѣрыхъ
 И ихъ улыбки воздухъ освѣщаютъ
 Полночныхъ звѣздъ сіяньемъ золотымъ.

Х о р ъ д у х о в ъ .

Ты видѣлъ-ли любви безсмертный образъ?

П я т ы й д у х ъ .

По обширному пространству, въ міръ отдыха не зная,
 Я носился по эфиру, облака перегоняя,

Я носился невидимкой и въ лучахъ зари янтарной
 Я любви увидѣлъ образъ безконечно-лучезарный;
 Онъ мелькнулъ и быстро скрылся отъ меня въ одно мгновенье,
 А за нимъ, гдѣ пролетѣлъ онъ, оставалось разрушенье;
 Ночь зіяла и во мракъ подъ эгидой тучъ свинцовыхъ
 Видѣлъ падшихъ мудрецовъ я, патриотовъ безголовыхъ,
 Погибающихъ, унылыхъ... Такъ во тьмѣ той я носился,
 Но когда, царь вѣчной скорби, предо мною ты явился,
 Отъ одной твоей улыбки словно я преобразился:
 Предо мной печали сумракъ свѣтомъ радости смѣнился.

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Разрушеня тайный образъ ясныхъ формъ не принимаетъ,
 По землѣ онъ не проходитъ и по небу не летаетъ,
 Но, подкрадываясь тихо, онъ надежды убиваетъ
 И страданье только людямъ, вмѣсто счастья, оставляетъ.
 Потому и къ Прометею мы питаемъ состраданье,
 Что испытывать онъ долженъ безконечное страданье.

ХОРЪ.

Если образъ разрушенія
 За любовью всюду носится
 На конѣ крылатомъ гибели,
 И все топчетъ, что ни встрѣтится:
 Зло, добро, цвѣты, растенія,
 Человѣка и животнаго,
 То ты самъ умѣришь этого
 Бурно-бѣшенаго всадника.

ПРОМЕТЕЙ.

Но почему-же это вамъ извѣстно?

ХОРЪ.

Какъ пастухъ весны явленіе
 Узнаетъ всегда по первому
 Дуновенью вѣтра теплаго,
 Точно такъ любви и мудрости
 Узнаемъ мы приближеніе,
 И доступно намъ и вѣдомо

То пророчество, которое
У тебя въ душѣ рождается
И въ самомъ тебѣ кончается.

Іо.

Куда-же духи скрылись?

ПАНТЕЯ.

Послѣ нихъ

Такое-жъ впечатлѣнье остается,
Какъ послѣ звуковъ музыки волшебной,
Едва затихшей только, но въ душѣ
Оставившей надолго отголоски,
Звучащія, какъ эхо по ущельямъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Главѣ эти образы воздушные прекрасны!
Но все-жъ я начинаю понимать,
Что для меня надежды всѣ напрасны;
Одна любовь осталась мнѣ; межъ тѣмъ
Ты, Азія, далеко! Ты одна лишь
Тѣмъ для меня была на этомъ свѣтѣ,
Чѣмъ золотая чаша для вина:
Нѣтъ чашы—и вино должно пролиться...
Все тихо. Это утро надо мной
Лежитъ какой-то тяжестью. Отъ горя
Я, можетъ быть, уснулъ-бы, если-бъ могъ
Найти забвенье въ снѣ. Нѣтъ, я желаю
Охотнѣе свой жребій выносить,
Чѣмъ общему ничтожеству поддаться.

ПАНТЕЯ,

Но развѣ ты уже забылъ о той,
Которая изъ мрака хладной ночи
Съ тебя очей не сводитъ никогда?

ПРОМЕТЕЙ.

Я говорилъ тебѣ: на вѣкъ надеждъ лишенный,
Живу одной любовью я. Сама
Ты любишь-ли?

ПАНТЕЯ.

Глубоко. Но довольно;
Ужь на востокъ звѣзды загорѣлись
И ожидаетъ Азія меня
Давно въ своемъ изгнаніи, въ долину
Индѣйской. Эта самая долина
Была пустыня прежде, холодна,
Какъ и твое ужасное ущелье;
Но нынче тамъ цвѣты благоухаютъ
И слышенъ ропотъ роцъ и родниковъ;
Тамъ вся природа быстро обновилась
Отъ существа, которое-бъ увяло,
Когда-бъ съ твоею жизнью не сливалась
Душа прекрасной Азін. Прощай!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ИНДУСТАНЪ И АНГЛИЧАНЕ.

Empire in Asia; how we came by it; a book of confessions. By *W. Torrens*. 1872.—The indian Musalmans. By *W. W. Hunter*. 1872.—Orissa, or the vicissitudes of an indian province under native and english rule. By *W. W. Hunter*, 2 vol. 1872.—Das Pendschab. Von *Merk*. 1869.—Nach und aus Indien. Von *Baierlein*. 1873.—L'Inde Anglaise en 1872, въ «*Revue des Deux Mondes*», 1872, 1 mars.—Geschichte des englischen Reiches in Asien, von *K. Neumann*. 2 B. 1857.

I.

По обширности и населенности своихъ владѣній, разбросанныхъ по всѣмъ частямъ свѣта, Англія занимаетъ первое мѣсто между современными государствами. Англичане съ гордостью называютъ себя цивилизаторами міра, а извѣстный историкъ Нейманъ посвящаетъ свою исторію англійскаго владычества въ Азіи англо-саксонскому народу, какъ „носителю и распространителю высшей человѣчности въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи“. Съ другой стороны, безпристрастная исторія рассказываетъ намъ, какъ эти „просвѣщенные мореплаватели“, постепенно проникая во всѣ уголки міра, употребляли всѣ силы своего ума, всѣ средства своей цивилизаціи для того, чтобы эксплуатировать міръ ради личныхъ выгодъ своего господствующаго класса. Англичанинъ убѣжденъ, что міръ или, по крайней мѣрѣ, значительная часть его существуетъ ради величія и славы Англіи. И такъ думаютъ не одни какіе-нибудь обыкновенные буржуа, невѣжественные матросы или надменные и недалекіе аристократы, — нѣтъ: тѣхъ-же убѣжденій держатся и первостепенные представители англійскаго народа, первые защитники его правъ и свободы. Когда

Беркъ защищалъ возставшихъ американцевъ, то доказывалъ только невозможность покорить ихъ и необходимость уступить имъ, чтобы удержать ихъ въ подчиненіи метрополіи. Вся политика „великаго коммонера“, Питта старшаго, имѣла цѣлью то-же самое „могущество и величіе, богатство и силу, свободу и славу англійскаго народа“. Прочтите Маколей, особенно его монографіи о Клайвѣ и Гэстингсѣ, и вы увидите, что этотъ талантливый историкъ преисполненъ того-же самаго національнаго своекорыстія. Онъ готовъ оправдывать всякій деспотизмъ, всевозможныя злодѣянія людей, въ родѣ Гэстингса, потому только, что они принесли пользу Англій, т. е. ея родовой и денежной аристократіи (см., напр., Маколей, IV, 264). Но эти передовые люди націи, всѣ эти Берки, Питты, Маколей, увлекаясь страстями національнаго эгоизма, до извѣстной степени обуздываютъ его и въ самихъ себѣ и въ обществахъ. Упомянутые-же передовые политики очень хорошо понимали, что безграничная эксплуатація и безконечная тиранія въ концѣ-концовъ могутъ довести только до того, что эксплуатировать будетъ некого, потому что эксплуатируемые или въ конецъ раззорятся, или освободятся отъ своихъ эксплуататоровъ... Урокъ, данный Америкой, отдѣленіе которой принесло большую пользу торговлѣ и промышленности Англій, во имя которыхъ послѣдняя хотѣла держать американцевъ въ рабствѣ,—урокъ, данный Америкой, совершенно измѣнилъ политику государства относительно колоній съ преобладающимъ англійскимъ населеніемъ. Англичане дали своимъ колоніямъ такую свободу самоуправленія, что послѣднимъ не изъ-за чего отдѣляться отъ метрополіи. Въ этомъ отношеніи англійскій народъ дѣйствительно можетъ быть названъ распространителемъ свободы и цивилизаціи по лицу земли. Урокъ, данный Америкой, пошелъ впрокъ.

Но относительно тѣхъ владѣній, которыя населены не европейцами, относительно Индустана, которымъ Англія владѣетъ уже болѣе ста лѣтъ, и относительно Китая, который она забираетъ въ свои руки по частямъ, англичане до сихъ поръ держатся своей старинной политики—грабежа и обмана. Съ этой стороны они не получили ни одного такого внушительнаго урока, какъ американскій, и хотя многіе, подобно Берку и Питту, указываютъ на неизбѣжность такого урока, но масса англійскаго общества не слу-

шаетъ ихъ и заботится объ однихъ только барышахъ, извлекаемыхъ изъ этихъ странъ. Передъ нами лежатъ „Essays by members of the birmingham speculative club“; въ нихъ помѣщена статья одного джентльмена о колоніяхъ. Джентльменъ доказываетъ, что Англія должна заботиться о сохраненіи за собою своихъ колоній потому, во-первыхъ, что это выгодно; во-вторыхъ, потому, что англичанинъ, объѣхавшій міръ, получаетъ величайшее наслажденіе, слыша вездѣ свой родной языкъ и видя всюду гордо развѣвающійся державный флагъ Великобританіи. Эти путешествія сильно развиваютъ англичанъ умственно и поддерживаютъ ихъ здоровье. „Даже тѣ, которые сидятъ дома, подвергаются вліянію этихъ путешествій. Они съ жадностью слушаютъ рассказы о разныхъ странахъ, подвластныхъ намъ, о душевной атмосферѣ Калькутты, о блестящихъ минаретахъ Бенареса, о равнинахъ Австраліи... Наши свѣденія расширяются; мы вспоминаемъ, что маорисы, брамины и санталы наши соподданные (fellow subjects), и научаемся цѣнить все величіе своей страны. Множество военныхъ и гражданскихъ должностей въ Индіи помогаетъ этому практическому воспитанію англичанъ. Отдайте Индію анархіи или русскимъ, французамъ, нѣмцамъ, — и мы отвернемся отъ этой страны и она не будетъ уже внушать намъ тѣхъ благородныхъ чувствъ, какъ теперь“. Впрочемъ, этотъ джентльменъ, смотрящій на міръ, какъ помѣщикъ на свое помѣстье, какъ на источникъ дохода и наслажденій Великобританіи, — убѣжденъ, что послѣдняя, управляя своими азіятскими царствами, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ благо подданныхъ.

Мы покажемъ читателю, сколько правды заключается въ подобныхъ похвальбахъ. Но при этомъ мы пишемъ свой очеркъ не въ видахъ обличенія. Мы хотимъ показать, что политика англійской націи въ Азіи была своекорыстною, но при этомъ высшая цивилизація народа-владельца оказывала неизбежное вліяніе на побѣжденныхъ, и даже помимо воли и желанія владыкъ, эта цивилизація постепенно охватываетъ туземцевъ, распространяетъ между ними новыя идеи и подготавливаетъ будущее возрожденіе Востока. Передовые люди Индіи уже сознаютъ всю бесплодность борьбы своей дряхлой цивилизаціи съ цивилизованными европейцами; они уже сознали, что успѣшная борьба возможна будетъ только тогда, когда сама Индія сдѣлается цивилизованной. И эта идея выра-

ботана ими въ тяжелой школѣ англійскаго владычества, отчасти она даже внушена и поддержана самими англичанами.

II.

Впродолженіи долгихъ тысячелѣтій боролся челвѣкъ съ мощной природой Индустана и въ концѣ концовъ покорялся ей и терялъ энергію. Великіе горные хребты, громадныя рѣвки, непроходимыя лѣса и болота, тростники, подобныя нашимъ лѣсамъ, засухи, паводненія, болѣзни и дикіе звѣри—все препятствовало здѣсь окончательной побѣдѣ цивилизаціи. Прошло много тысячелѣтій съ тѣхъ поръ, какъ проникло сюда арійское племя индусовъ и завоевало страну; прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ и самихъ индусовъ преименно покоряли греки, персы, арабы, англичане, но, не смотря на то, ни одна изъ этихъ цивилизацій, зарождавшихся въ Индустанѣ, не коснулась его туземцевъ. Во время индусскаго завоеванія часть туземцевъ удалась въ горы и лѣса и обитаетъ въ нихъ до настоящаго времени во всей своей первобытной дикости. Другая, болѣе многочисленная часть этого народа была покорена, обращена въ рабство и легла въ основаніе низшихъ, отверженныхъ кастъ, составлявшихъ громадное большинство народонаселенія. Индусскія государства были основаны силою оружія и поддерживались силою вѣры, представители которой, брамины, стали во главѣ общества. Эксплуатируя суевѣріе народа, браминъ сдѣлался въ его глазахъ „земнымъ богомъ“, „господиномъ всего творенія“. Масса же побѣжденнаго народа была отлучена даже отъ всякаго участія въ браминской религіи; судры поставлены въ іерархіи существъ на ряду съ нечистыми животными; ниже слона и лошади; еще ниже судровъ стояли чандаласы, которымъ запрещено было даже появляться въ индусскихъ поселеніяхъ; умерщвленіе блохи считалось грѣхомъ, а убійство чандаласа добрымъ дѣломъ. При всемъ этомъ чандаласъ не могъ имѣть никакихъ сношеній съ еще болѣе отверженной кастой пулѣвъ, жившихъ въ лѣсахъ, подобно дикимъ звѣрямъ. Милліоны этихъ дикарей впродолженіи тысячелѣтій работали въ пользу своихъ покорителей—браминовъ, феодаловъ и частію средняго, купческаго со-

словія. Они воздѣлали страну, построили многолюдные города, воздвигли чудовищные храмы и дали высшимъ сословіямъ достаточно досуга для развитія того, что называется индійской цивилизаціей. Основанная на убійственномъ кастальномъ раздѣленіи и поголовномъ рабствѣ народной массы, эта цивилизація не имѣла никакихъ задатковъ для прогресса и развитія, тѣмъ болѣе, что вся она была проникнута браминскимъ религіознымъ принципомъ, въ силу котораго цѣль человеческой жизни заключается въ самоуничтоженіи личности. Буддизмъ, отвергшій касты и провозгласившій братство и равенство всѣхъ людей, не могъ утвердиться въ Индіи, да и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ ему удалось водвориться, онъ выродился въ такую-же чудовищную систему нелѣпныхъ суевѣрій и жреческаго деспотизма, какъ и браманство, основной принципъ котораго — самоуничтоженіе личности — былъ принятъ и буддистами. При такихъ условіяхъ индійскія науки и искусства, философія, астрономія, математика, естествознаніе, достигнувъ предѣла, поставленнаго религіей, не могли идти далѣе и окаменѣли въ этомъ состояніи. Будучи монополюной професіей привилегированнаго класса, они не могли подвергаться благотворному вліянію потребностей и стремленій народной жизни и служили исключительно интересамъ аристократіи.

Раздѣленность народа на касты и на множество мелкихъ деспотическихъ государствъ дѣлала Индустанъ легкою добычею каждаго предприимчиваго завоевателя. Со временъ глубокой древности разные воинственные народы старались завладѣть этимъ земнымъ раемъ. Вслѣдъ за первымъ появленіемъ магометанства сюда устремились воинственныя племена арабовъ, а потомъ монголы, и въ продолженіи шести столѣтій значительная часть Индустана была покорена магометанскому владычеству. Индусы отошли на второй планъ и ко всѣмъ враждебнымъ элементамъ страны прибавился еще новый — религіозное различіе монотенстовъ побѣдителей отъ идолопоклонниковъ побѣжденныхъ. Въ Индустанѣ возникла имперія, имѣвшая нѣкоторое сходство съ старинной германской имперіей, раздѣленной на множество государствъ. Магометанское владычество во многихъ отношеніяхъ оказалось лучше деспотизма выродившихся туземныхъ властителей. Въ числѣ магометанскихъ государей было не мало такихъ образцовыхъ

личностей, которыя и по своей честности и по уму далеко превосходили всѣхъ современныхъ имъ государей Европы. Таковъ былъ, напр., въ XIII в. Назрединъ Махмудъ, который, будучи императоромъ, не позволялъ себѣ держать ни одной прислуги и жилъ только собственнымъ трудомъ переписчика. Другой султанъ ставилъ главною цѣлью своей дѣятельности „защиту земледѣльцевъ отъ всякой несправедливости и угнетенія, потому-что они кормильцы народа и источникъ земного благосостоянія“. Основатель династїи тимуридовъ, переставшей царствовать только послѣ возстанія 1857 г., Баберъ, вступившій на престолъ въ 1494 г., былъ безспорно первымъ государемъ своего времени. Впродолженіи долготѣтяго его царствованія никто не былъ наказанъ за оскорбленіе величества, никого не преслѣдовали за религіозныя вѣрованія, по поводу которыхъ вся Европа заливалась тогда человѣческою кровью. Баберъ презиралъ обрядовое ханжество, не имѣлъ никакихъ сношеній съ монашествующей братіей, наводнявшей страну; окруженный просвѣщенными друзьями, вникая въ нужды народа, онъ старался облегчить положеніе низшихъ сословій, улучшалъ пути сообщенія, учредилъ государственныя почты, старался завести торговыя сношенія съ отдаленною Москвою, которая по своей дикости приняла его пословъ не совсѣмъ хорошо. Еще выше Бабера стоитъ одинъ изъ его преемниковъ, знаменитый реформаторъ Индіи, Акберъ. Впродолженіи тысячелѣтїи индійской исторїи ни одинъ государь не предпринималъ такихъ трудовъ для народнаго блага, какъ онъ. До его времени земледѣльцы находились въ совершенно безвыходномъ положеніи подъ деспотизмомъ феодаловъ и чиновниковъ. Акберъ раздѣлилъ всю страну на 38 намѣстничествъ, правители которыхъ стояли подъ его непосредственнымъ, неусыпнымъ надзоромъ. Бругъ власти каждаго чиновника былъ опредѣленъ; судъ сдѣланъ независимымъ отъ администраціи и слѣдственная часть отдѣлена отъ суда; обращеніе въ рабство плѣнниковъ уничтожено; работорговля и сожженіе вдовъ съ трупами мужей ихъ запрещены. Всѣ многочисленныя и тягостныя налоги, въ родѣ подушной подати съ иновѣрцевъ, уничтожены и замѣнены однимъ только поземельнымъ налогомъ. Для совершенія этой великой реформы вся земля была измѣрена, оцѣнена, раздѣлена на классы и налогъ опредѣленъ соразмѣрно съ ея производительностью. Ак-

беръ заботился не объ одномъ только матеріальномъ довольствѣ народа. Чуждый суевѣрія и нетерпимости, равно ненавидя и безчеловѣчный браманизмъ и бессмысленное суевѣріе магометанъ, онъ поддерживалъ полную свободу вѣроисповѣданій и хлопоталъ о научномъ образованіи народа. Онъ дошелъ даже до того, что въ школахъ зубреніе корана и его толкователей замѣнилъ изученіемъ физическихъ наукъ, исторіи, математики и философіи. Онъ открылъ много профессиональныхъ училищъ, школу живописи и т. д. Въ ряду окружавшихъ его ученыхъ первое мѣсто занимали два его брата, изъ которыхъ одного, Абуль Фазиля, Нейманъ ставитъ наряду съ Лейбницомъ.

Но ни Акберъ, ни Абуль Фазиль, ни другіе подобныя имъ магометанскіе государи и мыслители не были въ состояніи цивилизовать народную массу, и все созданное ими погибало при ихъ глухихъ и деспотическихъ преемникахъ, грабившихъ страну и позволявшихъ грабить ее другимъ, проводившихъ все свое время въ гаремныхъ удовольствіяхъ, находившихся въ рукахъ придворной челяди и фанатическаго духовенства, подъ влияніемъ котораго начинались самыя ожесточенныя преслѣдованія противъ всѣхъ иновѣрцевъ. При такихъ условіяхъ индійская имперія естественно превратилась въ обыкновенное восточное государство съ безграничными деспотами, дворцовыми переворотами, рабствомъ и невѣжествомъ всѣхъ подданныхъ. Къ этому присоединялись еще постоянныя нашествія иностранныхъ войскъ или набѣги воинственныхъ индійскихъ племенъ, въ родѣ маратовъ. Сожигались города, опустошались цѣлыя области, избивались жители; но такова производительная сила Индустана, что его не могли окончательно разорить никакія опустошенія. Едва проходило нѣсколько лѣтъ послѣ истребительнаго вражескаго набѣга, какъ опустошенная мѣстность была уже покрыта снова пашнями, садами, снова красовались на ней многолюдные города и кипѣла по-прежнему жизнь до новаго опустошенія. Къ этому присоединялись еще внутренніе безпорядки и раздоры. Различныя племена враждовали между собой не на животь, а на смерть; каждый вассалъ и намѣстникъ дѣйствительнаго императора старался сдѣлаться независимымъ отъ послѣдняго; правители Декана, Ауда и Бенгала успѣли достигнуть почти полной самостоятельности, хотя и не отвергали своей номинальной зависимости отъ Дели.

Такимъ образомъ, вся соціальная жизнь Индіи была составлена изъ самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ элементовъ. Отверженная масса народа, отупѣвшая въ тысячелѣтнемъ рабствѣ, работала изъ подъ палки на своихъ властителей, равнодушно относилась къ каждой перемѣнѣ правительства и къ каждому нашествію иностранцевъ. Высшія касты соперничали одна съ другой, магометане враждовали съ индусами, вассальные набобы интриговали другъ противъ друга и противъ сидѣвшаго въ Дели властителя. Но въ Европѣ мало знали объ этой постоянной анархіи. Въ Европѣ знали только о баснословныхъ богатствахъ Индіи и чудесахъ ея природы. Корыстолюбивыя мечты объ индійскихъ алмазахъ, о несмѣтномъ количествѣ золота и серебра, скопленныхъ во дворцахъ владѣтелей, о роскошныхъ индійскихъ матеріяхъ, слоновой кости, изумрудахъ и жемчугѣ — волновали воображеніе европейцевъ еще задолго до Колумба, который, отправившись въ Индію, попалъ въ Америку. Тотчасъ-же послѣ открытія Новаго Свѣта европейцы цѣлыми толпами устремились въ новыя страны за добычей. Въ Индію бросились португальцы, голландцы, французы, непрерывно стараясь овладѣть этою богатою страной. Но никто изъ нихъ не былъ способенъ осуществить своихъ завоевательныхъ плановъ. Невѣжественные португальцы не умѣли даже производить такихъ насилій, которыя-бы давали болѣе или менѣе прочные результаты. Первымъ дѣломъ они завели въ Индію святую инквизицію, и нигдѣ на землѣ она не свирѣпствовала такъ, какъ въ Гоа. Это былъ организованный грабежъ, прикрытый религіей и направленный преимущественно противъ богатыхъ. Правители колоній и толпы чиновниковъ пріѣзжали сюда только для наживы. Что оставалось отъ чиновниковъ, то грабили монахи, число которыхъ нерѣдко превосходило число португальскихъ войскъ и вообще простиралось до 30,000 человекъ. Безнравственность и развращенность португальцевъ приводили въ изумленіе даже туземцевъ, привывшихъ ко всякимъ безобразіямъ. „Португальцы, говоритъ одинъ безпристрастный очевидецъ, — живутъ безъ чести, безъ стыда и справедливости; повсюду царствуетъ обманъ, жестокость и самое необузданное сладострастіе. Тайныя отравы и явныя убійства принадлежатъ къ обыденнымъ явленіямъ; мужчины и женщины знаменитѣйшихъ фамилій злоупотребляютъ своими рабами и рабынями самымъ скотскимъ об-

разомъ“. Эти вялые, невѣжественные, развращенные люди могли держаться въ Индіи только до появленія серьезнаго соперника.

Еще опустошительнѣе дѣйствовала голландская ость-индская компанія, имѣвшая на своей службѣ до 60,000 человекъ и утвердившаяся на островахъ индійскаго архипелага. Хитрые купцы являлись къ туземцамъ не завоевателями или миссіонерами, какъ португальцы, а мирными торговцами, заключали дружественные договоры, прибирали къ рукамъ всю промышленность, и когда туземцы, почувствовавъ тяжесть этого новаго ига, возставали, то голландцы избивали ихъ массами, иногда поголовно и превращали въ пустыню цѣлыя острова. „Исторія голландскаго колоніальнаго хозяйства представляетъ безпримѣрную картину измѣнъ, подкуповъ, убійствъ, подлостей“ (Raffles.) Чтобы овладѣть Малаккой, голландцы подкупили португальскаго губернатора. Въ 1641 г. онъ впустилъ ихъ въ городъ. Они тотчасъ-же убили его, чтобы не заплатить ему подкупныхъ 21,875 ф. ст. Они составили цѣлую мошенническую организацію, которая похищала людей съ Целебеса и продавала ихъ въ рабство на Яву. Въ провинціи Баюнгъ въ 1750 г. было 80,000, а въ 1811 только 8,000 жителей.

Мягче другихъ европейцевъ дѣйствовали въ Индіи французы, но за то ихъ ость-индская компанія не приносила почти никакихъ барышей...

Въ то время какъ каждая изъ второстепенныхъ европейскихъ націй старалась завладѣть какою-нибудь заморскою богатою страной, въ Англіи быстро развивалось среднее торговое сословіе и заводило связи съ отдаленными государствами. Въ XVI в. англійскіе купцы торгуютъ уже съ Москвою и основываютъ гудзонбайскую компанію, проникаютъ въ Турцію, стремятся въ Китай и знакомятся по слухамъ съ богатой Индіей. Всѣ эти предпріятія начинаются самими гражданами, а не по инициативѣ правительства, какъ въ другихъ странахъ, и имѣютъ совершенно мирныя, купеческія цѣли. Въ 1599 г. въ Лондонѣ составилось общество съ капиталомъ въ 30,000 фунтовъ стерлинговъ для монопольной и беспошлинной торговли съ Индіей. Елисавета утвердила привилегіи этого общества „ради чести и обогащенія націи, для поощренія своихъ предпримчивыхъ подданныхъ, для расширенія судоходства и законной торговли“. Первые торговые

экспедиціи имѣли полный успѣхъ. Начальствовавшій ими Ланкастеръ заключилъ торговые договоры съ владѣтелями Ачина—на Суматрѣ и Бантама—на Явѣ. Эти договоры замѣчательны тѣмъ, что до позднѣйшаго времени служили образцами всѣхъ подобныхъ договоровъ остъ-индской компаніи. Англичане выговорили себѣ право безошливно ввозить и вывозить товары, приобрѣтать земли подъ факторіи, судиться по своимъ законамъ и жить по своимъ обычаямъ; при этомъ они умѣли уговаривать туземцевъ—признавать испанцевъ, португальцевъ, французовъ и голландцевъ „общими врагами обоихъ договаривающихся народовъ“. Эти экспедиціи сильно возбудили въ Англіи жажду добычи. Акціонеры получили по 95% чистаго барыша. Ланкастеръ и его спутники рассказывали чудеса объ индійскихъ богатствахъ, о слабости туземныхъ правительствъ, о внутреннихъ раздорахъ Индіи, о подкупности чиновниковъ, отъ которыхъ за взятку можно получить все. Компанія начала уже хлопотать о новыхъ привилегіяхъ и о расширеніи своихъ дѣлъ, но встрѣтила сильный отпоръ въ общественномъ мнѣніи. Масса купчества, неучаствовавшая въ ея выгодахъ, но тоже жаждавшая добычи, энергически протестовала противъ ея монополіи и требовала свободной торговли съ Индіей. Компанія подкупала королевскихъ любимцевъ, подкупала членовъ парламента, но долго не имѣла успѣха. Съ нея брали и свѣтскіе, и духовные лорды, и знаменитые ораторы палаты общинъ, но для нихъ было выгодно какъ можно дальше оттягивать окончательное утвержденіе ея привилегій и доить эту корову, пасшуюся на тучныхъ пастбищахъ Индіи. Въ добавокъ ко всему, въ 1633 г. правительство утвердило другую остъ-индскую компанію и борьба этихъ соперницъ, выгодная для правительства, продолжалась вплоть до 1702 г., когда при содѣйствіи королевы Анны, обѣ компаніи соединились въ одну, получившую на вѣчныя времена права монополюно торговать съ Индіей, приобрѣтать въ ней земли, основывать поселенія, управляться совѣтомъ своихъ директоровъ.

Такимъ образомъ, Индустанъ былъ проданъ „на вѣчныя времена“ обществу англійскихъ капиталистовъ.

Заключая торговые договоры съ индійскими владѣтелями, построивъ Мадрасъ и Бомбей, пропикнувъ въ Бенгалъ, Багоръ и Ориссу, воздвигая торговныя факторіи и прикрывая ихъ военными

укрѣпленіями, англичане расширяли предѣлы своихъ коммерческихъ операцій и постепенно вытѣсняли изъ Индіи другихъ европейцевъ, возбуждая противъ нихъ подозрительность туземныхъ правителей, разрушая ихъ факторіи, захватывая ихъ корабли. Съ неменьшею жестокостью преслѣдовала компанія и тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые осмѣливались торговать съ Индіей, несмотря на ея привилегіи. Она овладѣвала ихъ кораблями, казнила ихъ смертью, замаривала до смерти въ душныхъ темницахъ. При этомъ она не обращала никакого вниманія на англійскіе законы и совѣтъ директоровъ предписывалъ своимъ правителямъ Индіи „сообразаться не съ ними, а съ предписаніями директоровъ. Англійскіе законы ничто иное, какъ масса бессмысленнаго матеріала, составленнаго невѣжественными людьми, которые не знаютъ никакого толка не только въ сложныхъ торговыхъ операціяхъ, но даже въ собственныхъ домашнихъ дѣлахъ“. Это наставленіе, данное еще въ 1693 г., легло въ основу всей дальнѣйшей дѣятельности компанейской администраціи: въ Индіи дѣйствовали не англійскіе законы, а инструкціи директоровъ и произволъ губернаторовъ.

Акціонеры и директора, незнакомые съ политическими условіями Индіи, имѣли въ виду только мирную, торговую эксплуатацію страны. Но это оказалось рѣшительно невозможнымъ. Внутреннія междоусобицы, интриги французовъ и голландцевъ, набѣги воинственныхъ племенъ, дворцовыя революціи—все дѣлало необходимымъ защищать торговыя факторіи посредствомъ военныхъ укрѣпленій, гарнизоновъ и военныхъ кораблей. Подъ защитою англійскаго оружія не только безопасно жили агенты компаніи, но поселялись и туземцы, армянскіе купцы, евреи и т. д. Вскорѣ компанія увидѣла, что она можетъ извлечь громадныя выгоды изъ внутреннихъ междоусобицъ страны, которыя помогутъ ей утвердиться въ Индіи въ качествѣ первостепенной военной силы. Увеличивъ армію, воздвигнувъ нѣсколько фортовъ, построивъ военныя суда, компанія начала дѣятельно вмѣшиваться во внутренніе раздоры, вступать въ оборонительныя и наступательныя союзы съ туземными владѣтелями, покорять города и завоевывать территоріи. Съ началомъ XVIII вѣка власть делійскаго императора окончательно пала, и англичане начали дѣятельнѣе вмѣшиваться въ дѣла его полунезависимыхъ вассаловъ,

помогая претендентамъ завладѣвать престолами, помогая однимъ владѣтелямъ побѣждать другихъ и получая за эту помощь условленную плату въ видѣ денегъ, привилегій и территорій. Но ихъ военные успѣхи долго оставались сомнительными. На Индію напалъ персидскій шахъ, взявъ Дели, ограбилъ всѣ сокровища и разорилъ страну. За персами слѣдовали афганы. Воинственное племя маратовъ своими постоянными набѣгами опустошало значительную часть Индустана. Война Англии съ Франціей шла и на индійской почвѣ. Французы, въ союзѣ съ нѣкоторыми набобами, взяли Мадрасъ и нѣсколько другихъ англійскихъ укрѣпленій и всюду имѣли рѣшительный успѣхъ. Правитель Бенгала, Сераджа-ед-Даула, въ юль 1756 г. взялъ Калькутту, губернаторъ которой съ частью жителей бѣжалъ на корабли. 146 англичанъ попались въ плѣнъ и были посажены въ *Черную Яму*, земляную тюрьму въ 20 квадратныхъ футовъ. Ихъ вогнали сюда саблями и дверь была немедленно заперта. Узники тотчасъ-же почувствовали чрезвычайный потъ, за которымъ слѣдовали невыносимая жажда и боль въ груди. Началась общая агонія. Заключенные просили воды, а караульные только дразнили ихъ, подавая ее въ самомъ ничтожномъ количествѣ. За глотокъ воды, за возможность дохнуть черезъ два небольшихъ отверстія—арестанты дрались, затаптывали другъ друга до смерти, богохульствовали, умоляли стражу стрѣлять въ нихъ. Одинъ изъ нихъ предлагалъ часовымъ деньги, чтобы они отперли дверь, но часовые отвѣчали, что ничего нельзя сдѣлать безъ набоба, который спитъ и очень разсердится, если ктонибудь его разбудитъ. Между тѣмъ жаръ въ тюрьмѣ дѣлался все невыносимѣе; многіе уже умерли и ихъ трупы, разлагаясь съ поразительною скоростью, душили живыхъ своимъ зловоніемъ; наконецъ попадали и всѣ живые. Когда пьяный набобъ проснулся утромъ и велѣлъ освободить заключенныхъ, то въ ямѣ оказалось 123 вонючихъ трупа и только 23 человекъ еле пережили эту ужасную катастрофу, возбуждавшую неописанный ужасъ и въ Индіи, и въ Европѣ.

Индію сохранилъ для англичанъ только военный гений Клайва, который изъ простаго писца быстро поднялся до степени первостепеннаго полководца. Отнявъ всѣ англійскія владѣнія, завоеванныя французами и ихъ союзниками, и завоевавъ нѣсколько новыхъ,

Клайвъ уничтожилъ французское владычество и положилъ прочный фундаментъ британской имперіи въ Азіи. Онъ участвовалъ въ придворныхъ революціяхъ, возводилъ за деньги разныхъ проходимцевъ на престолы набобовъ, заключалъ фальшивые договоры, дѣлалъ все „ради чести и богатства англійскаго народа“ и достигъ блестящихъ результатовъ. Сераджа Даула былъ сверженъ и англичане овладѣли добычей въ 2.230,000 ф. ст. Набобомъ Бенгала, Багора и Ориссы Клайвъ сдѣлалъ Миръ Джафара, съ котораго онъ для себя, для войска и для своихъ чиновниковъ получилъ до 2.750.000 ф. ст. Кромѣ того, онъ взялъ еще для себя лично добавочный подарокъ въ 160,000 ф. ст.

Операція была сдѣлана на славу. Французская компанія уничтожена; англичане овладѣли лучшими землями Индіи, управляя ими подъ именемъ созданныхъ ими набобовъ; компанія обогатилась военной добычей. Въ 1760 г. Клайвъ прибылъ въ Лондонъ и увѣнчанъ лаврами. Директоры поднесли ему брилліантами украшенную шпагу; Георгъ III возвелъ его въ пэры, Питтъ сказалъ ему превосходный панегирикъ, палата общинъ съ глубочайшимъ уваженіемъ приняла его въ число своихъ членовъ, въ которые онъ попалъ, накупивъ гнилыхъ мѣстечекъ за деньги, награбленныя въ Индіи.

Въ то время какъ Клайвъ наслаждался въ Англіи плодами трудовъ своихъ, въ Индіи президентъ Калькутты Вантиссартъ и его совѣтники успѣли уже запродасть престолъ Миръ Джафара его пасынку Касиму. Президентъ во главѣ войска овладѣлъ Джафаромъ, объявилъ его низложеннымъ и посадилъ на его мѣсто Касима, который уступилъ за это компаніи округа Бурдуанъ, Миднапоръ и Читтагонгъ. За эту операцію Миръ Касимъ заплатилъ Вантиссарту 58,000, Гольвеллю 30,937, Семнеру 28,000, генералу Кэллоду 22,916 фунтовъ стерлинговъ и кромѣ того остальнымъ членамъ совѣта, каждому по чину его. Обдѣлавъ дѣльцо, компанейскіе чиновники захватили въ свои руки всю торговлю страны, которую они вели безданно и безпошлинно. Когда таможенные надсмотрщики набоба рѣшались требовать пошлинъ, ихъ арестовывали, заковывали въ цѣпи, наказывали палками. Въ каждой деревнѣ, на каждомъ базарѣ компанейцы черезъ своихъ агентовъ торговали первыми жизненными потребностями, заставляя туземцевъ и покупать у нихъ, и продавать имъ

по цѣнѣ, произвольно назначаемой самими компанейцами. Страна быстро разоралась. Протесты Миръ Касима оставались безъ послѣдствій и онъ рѣшился защищать свой народъ оружіемъ, но потерпѣлъ неудачу, бѣжалъ, а англичане продали за 120.000 ф. ст. тронъ его малолѣтнему сыну, который обязался содержать въ своихъ номинальныхъ владѣніяхъ часть англійскаго войска.

„Впродолженіи пяти лѣтъ, говоритъ Маколей,—прошедшихъ съ отъѣзда Клайва изъ Бенгала, злоупотребленія англичанъ достигли степени, которая едва кажется совмѣстною съ существованіемъ общества. Англичане превзошли римскихъ проконсуловъ, которые втеченіи года или двухъ выжимали изъ ввѣренныхъ имъ областей средства для постройки мраморныхъ дворцовъ на берегахъ Кампаньи, чтобы пить изъ янтарныхъ сосудовъ, утолять голодъ пѣвчими птицами, содержать арміи гладіаторовъ и цѣлыя стада камелопардовъ; они превзошли и испанскихъ вице-королей, которые, сопровождаемые проклятіями Мехики и Лимы, возвращались въ Мадридъ съ длиннымъ цугомъ позолоченныхъ каретъ и вьючныхъ лошадей, подкованныхъ и обвѣшанныхъ серебромъ“. Эти тиранны, эти грабители были преимущественно молодые люди, почти мальчики, которыхъ родители сбывали въ Индію на нѣсколько лѣтъ въ качествѣ писцовъ и прикащиковъ и которые возвращались назадъ съ грудями золота, развращенные властью, истощенные развратомъ. Служба въ Индіи сдѣлалась мечтой для англійской молодежи, въ особенности для тѣхъ кутилъ и шелопаевъ, отъ которыхъ отступались ихъ аристократическіе родственники. Но компанія не могла быть довольна такими служителями, которые, захвативъ въ свои руки почти всю торговлю, окончательно подорвали ея доходы. Съ каждымъ кораблемъ, приходившимъ изъ Индіи, получались тревожныя извѣстія о безобразіяхъ этихъ искателей легкой наживы, о разстройствѣ компанейскихъ дѣлъ, о волненіяхъ туземцевъ.

Компанія рѣшила, что одинъ только Клайвъ можетъ спасти ее. Клайвъ былъ очень радъ и до того расчувствовался, что, принимая вновь свою должность, писалъ: „именемъ великаго существа, которое видитъ всѣ сердца и которому, если только есть загробная жизнь, мы должны будемъ дать отчетъ, — влянусь, что я ѣду съ помыслами превыше всякаго подкупа и что я рѣшился или истребить это великое и возрастающее зло, или

погибнуть въ попыткѣ“. Таковъ былъ на словахъ этотъ Кортеецъ Индіи, нажившій въ ней громадное состояніе и положившій начало самой коварной и недобросовѣстной политикѣ. „Съ азіатами, говорилъ этотъ герой,—не слѣдуетъ поступать по европейскимъ законамъ, по европейскимъ понятіямъ о правѣ и чести; это коварные, безсовѣстные люди, которымъ слѣдуетъ платить тою-же монетою“. Коварство и безсовѣстность сдѣлались основными принципами управленія Индіей и при Клайвѣ и послѣ него. Онъ первый также рекомендовалъ утверждать власть надъ Индіей посредствомъ обольщаемыхъ и обманываемыхъ туземныхъ владѣтелей. „По индійской государственной мудрости, говоритъ онъ,—у жителей Индустана сущность состоитъ въ формѣ. Коль скоро мы собираемъ налоги, то мы уже дѣйствительные владѣтели страны. За набобами остаются только названіе и тѣнь власти. Намъ необходимо и полезно оказывать наружное уваженіе къ этой тѣни, чтобы подъ кровомъ ея священности успѣшно вести свои дѣла.“ Что-же касается реформы, для которой Клайвъ былъ вторично посланъ въ Бенгалъ, то онъ не могъ совершить ее. Компания требовала, чтобы ея служители не брали взятокъ и не вели торговли, и въ то же время, по своей купеческой скаредности, ни за что не соглашалась давать имъ значительнаго жалованья. Клайвъ началъ преслѣдовать и взятки, и частную торговлю, но обратилъ въ пользу чиновниковъ монопольную продажу соли, — этой первой послѣ хлѣба потребности народа,—и самъ пустился въ эту торговлю. Клайвъ обуздавъ враждебные замыслы индійцевъ и указывалъ своимъ соотечественникамъ на неизбѣжность и необходимость покоренія всего Индустана. „Мы, говорилъ онъ,—достигли критическаго періода, который я уже давно предвидѣлъ, и намъ необходимо теперь рѣшить, должны ли мы забрать все; безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что завтра-же вся имперія моголовъ можетъ быть нашей. Послѣ всего, что мы дѣлали, индійскіе государи должны считать наши намѣренія безпредѣльными; они видѣли столько примѣровъ нашего честолюбія, что не могутъ считать насъ способными къ умѣренности. Даже тѣ набобы, которыхъ мы поддерживаемъ, не довѣряютъ нашей власти. Мы должны сами сдѣлаться набобами въ дѣйствительности, если не по имени“. Въ 1765 г. Клайвъ заставилъ делійскаго падишаха подписать трактатъ, которымъ

онъ уступалъ англичанамъ право собирать подати съ Бенгала, Багора и Ориссы, уплачивая ему за это ежегодно около 3.000.000 рублей! Англичане сдѣлались фактическими владыками Индіи. Отъ имени падишаха они собирали подати, творили судъ, издавали законы, заключали договоры съ другими государствами, присвоили себѣ новыя владѣнія посредствомъ вынужденныхъ у шаха грамотъ. Снова начались тѣ-же административныя безобразія, искоренять которыя пріѣхалъ Клайвъ. Съ 1757 по 1766 г. компанія и ея чиновники заставили индійцевъ подарить себѣ 6.000.000 фунтовъ стерлинговъ. Сборщики податей буквально грабили народъ, наживались сами и увеличили доходы компаніи до того, что она могла возвысить свой дивидендъ съ 6 до 10%. Ни одинъ туземецъ не осмѣливался жаловаться суду на послѣдняго англичанина. Компанейскіе агенты дошли до того, что обратили въ свою монополію всю хлѣбную торговлю и заставляли туземцевъ продавать имъ даже семена, назначенныя для будущаго посѣва. Въ нѣсколько лѣтъ страна была разорена, усилились преступленія и работорговля, несчастные туземцы продавали цѣлыя толпы своихъ дѣтей и малолѣтнихъ родственниковъ въ рабство, нищенство увеличилось въ чрезвычайной степени. Жатвы дѣлались скудными, цѣны на хлѣбъ поднимались, а его все продолжали вывозить за-границу и подати собирались съ усиленною строгостью. Насталъ голодный 1770 годъ. „Смертность и нищенство превзошли всякое описаніе, говорить очевидецъ.—Больше одной трети жителей погибло голодною смертью“. „Нѣжныя и стыдливыя женщины, никогда неподнимавшія покрывала передъ взглядами толпы, выходили изъ внутреннихъ покоевъ, въ которыхъ восточная ревность хранила ихъ красы, бросались на землю передъ прохожими и съ громкими воплями вымаливали горсть риса для своихъ дѣтей. Рѣка Угли ежедневно сносила тысячи труповъ къ дворцамъ и садамъ англійскихъ завоевателей. Самыя улицы Калькутты были завалены умиравшими и мертвыми. Оставшіеся въ живыхъ, исхудалые и слабые, не имѣли довольно силы, чтобы относить тѣла своихъ родственниковъ къ костру или къ святой рѣкѣ, ни даже для того, чтобы отгонять шакаловъ и коршуновъ, которые при дневнѣмъ свѣтѣ пожирали трупы. Число погибшихъ считали милліонами“. (Маколей). Англійскіе правители не только не предпри-

нижали никакихъ мѣръ противъ этого бѣдствія, но еще усиливали его, продолжая свои злоупотребленія и собирая съ живыхъ всѣ налоги, яко-бы слѣдовавшіе и съ умершихъ. Изъ слѣдующихъ въ налогъ 1.380.269 фунтовъ ст. въ голодный годъ было оставлено въ недоимкѣ только 65,355 ф!..

Клайвъ въ это время былъ въ Англии, гдѣ правительство только-что возобновило привилегіи компаніи, заставивъ ее платить себѣ изъ индійской добычи по 400,000 ф. ст. ежегодно. Но ни продажный парламентъ, ни наемные панегиристы Клайва, ничто не могло подкупить общественнаго мнѣнія въ пользу компаніи и этого героя, столь превознесеннаго Маколеемъ. Правительство и буржуазія завидовали компанейскимъ барышамъ; злоупотребленія агентовъ компаніи и голодъ 1770 г. возмущали общественную совѣсть, а многочисленныя англійскіе набобы, нажившіеся въ Индіи, составили изъ себя такой барскій классъ, къ которому относились аристократы съ гордымъ презрѣніемъ, а друзья свободы съ боязнью, въ виду его политическаго вреднаго вліянія. Мы говорили уже, что на службу компаніи поступали толпы юношей, которые, наживая въ Индіи въ самое короткое время громадныя богатства, окончателно развращались здѣсь, привыкая къ деспотизму и самодурству, заводя себѣ цѣлыя гаремы, предаваясь пьянству, приобрѣтая гибельную привычку курить опиумъ, дѣлаясь коварными, жестокими и надменными. Возвращаясь въ Англию, они строили замки, дивили міръ безумною роскошью, накупали гнилыхъ мѣстечекъ, поступали въ парламентъ, развратничали публично и распространяли свою нравственную заразу. Впродолженіи тридцати лѣтъ литература всѣхъ партій и направленій не переставала бичевать этихъ набобовъ. Ненависть противъ нихъ еще болѣе усилила 'недовольство Клайвомъ, который, даже по признанію его защитника, Маколея, „былъ набобъ по преимуществу; самый способный, самый извѣстный, самый богатый изъ всѣхъ набобовъ“. „Неблагодарное отечество“ привлекло его къ суду, но судъ кончилъ тѣмъ, что заявилъ подсудимому благодарность отечества! Но Клайвъ уже не возвращался въ Индію; онъ постепенно превращался въ идіота, вслѣдствіе своей страсти къ опиуму, и застрѣлился 49 лѣтъ отъ роду.

Остъ-индская компанія къ концу клайвовскаго управленія

дошла до того, что ея расходы далеко не могли покрываться доходами. Совѣтъ директоровъ обратился къ правительству съ просьбой о займѣ въ $1\frac{1}{2}$ милліона фунтовъ. Правительство дало, но за то принудило компанію сдѣлать нѣкоторыя реформы въ управленіи Индіей и признать надъ собою верховную власть короны. Все управленіе было сосредоточено въ рукахъ генераль-губернатора, получавшаго въ годъ 25.000 ф. ст., и четырехъ совѣтниковъ съ жалованьемъ по 8.000 каждому.

Генераль-губернаторомъ былъ назначенъ Уорренъ Гэстингсъ, уже извѣстный своею прежнею службою въ Индіи. Потомокъ древняго разорившагося рода, человекъ желѣзнаго характера, сильнаго ума, съ обширнымъ образованіемъ и съ замѣчательнымъ военнымъ талантомъ, но съ сердцемъ, въ которомъ даже его горячій защитникъ, Маколей, не могъ найти ни малѣйшихъ слѣдовъ гуманнаго чувства, — Гэстингсъ былъ такимъ-же „великимъ человекомъ“, какъ Клайвъ, и безъ него англійское дѣло въ Индіи, вѣроятно, погибло-бы, если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на долгое время.

Гэстингса отравили въ Индію главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы добывать деньги для компаніи. Онъ уменьшилъ на 160.000 фун. пенсію, которую англичане обязались платить набобу бенгальскому, отнялъ у него два округа и продалъ ихъ аудскому набобу за 500.000 ф., перевелъ сборъ податей окончательно въ руки англичанъ и немногихъ благонадежныхъ туземцевъ и увеличилъ ежегодный доходъ компаніи на 400.000 фун. Подати собирались при помощи самыхъ варварскихъ истязаній. Сборщикъ и судья округа Диначпура, имѣвшаго около 1.000.000 жителей, Деви-Сингъ въ нѣсколько лѣтъ совершенно разорилъ эту богатую область. „Кто не могъ уплачивать произвольно возвышенныхъ налоговъ, того бросали въ тюрьму; все его имущество, домъ, утварь, пашня, скотъ, платье продавались за безцѣнокъ и скупались Деви-Сингомъ посредствомъ его агентовъ. Неприкосновенность гарема постоянно нарушалась. Матерей и дочерей нагихъ вытаскивали на улицу, насиловали и посредствомъ ужасныхъ истязаній старались выпытать у нихъ, гдѣ лежатъ скрытыя сокровища. Соски грудей ихъ ущемляли въ расколотохъ бамбукъ и вырывали. Вмѣстѣ съ переходомъ сбора налоговъ въ руки англійскихъ агентовъ было уничтожено и туземное судопроиз-

водство, патриархальное, дешевое, допускавшее даже въ извѣстныхъ случаяхъ участіе присяжныхъ. Въ Калькуттѣ основанъ англійскій верховный судъ. Гэстингсъ, съумѣвшій освободиться изъ подъ законнаго вліянія совѣта и сдѣлавшійся неограниченнымъ администраторомъ, владѣлъ и верховнымъ судомъ, тѣмъ болѣе, что главный судья, безчестный Эліа Импи, былъ его стариннымъ другомъ. Нелѣпая система англійскихъ законовъ и безнравственность британскихъ подъячихъ въ рукахъ Гэстингса и Импи сдѣлались орудіями невообразимой тиранніи. Судъ наwerbовалъ себѣ особенную шайку полицейскихъ сыщиковъ, которая буквально занималась дневными грабежами во имя закона; судъ содержалъ цѣлыя толпы шпионовъ, ябедниковъ, продажныхъ лжесвидѣтелей и, съ помощью ихъ, дѣлалъ, что хотѣлъ. Богатѣйшіе люди страны, по малѣйшему извѣту, были заключаемы въ тюрьму, служившую тяжкимъ наказаніемъ для самыхъ жестокихъ злодѣевъ; здѣсь одни умирали отъ духоты, погрязая въ собственныхъ своихъ нечистотахъ, другіе погибали голодною смертію, а имущество ихъ разграблялось судьями. Живыхъ допрашивали на неизвѣстномъ языкѣ, судили по неизвѣстнымъ законамъ и приговаривали, къ чему вздумалось. Даже сами англичане подвергались произволу этихъ кривовѣяузниковъ, для содѣйствія хищническимъ набѣгамъ которыхъ всегда была готова военная сила. Этотъ судъ спасъ Гэстингса, когда однажды его положеніе сдѣлалось шаткимъ и его готовы были уже смѣнить. Прослышавъ о критическомъ положеніи генераль-губернатора, индусы рѣшились употребить всѣ средства, чтобы избавиться отъ него. Во главѣ ихъ стоялъ браминъ Нункомаръ, равнявшійся съ Гэстингсомъ и своимъ умомъ, и своею безнравственностью. Нункомаръ передъ калькутскимъ совѣтомъ началъ обвинять Гэстингса, что онъ беретъ взятки, продаетъ должности, освобождаетъ за деньги преступниковъ. Гэстингсъ не могъ опровергнуть ни одного обвиненія. Въмѣсто опроверженія онъ подыскалъ свидѣтеля, обвинившаго Нункомара въ подлогѣ, совершенномъ будто-бы за шесть лѣтъ назадъ. Браминъ былъ арестованъ и судъ приговорилъ его къ смерти, на основаніи одного англійскаго закона. Смерть Нункомара нагнала ужасъ на всю Индію, и его убійца, избавившись отъ бѣды, укрѣпился на своемъ генераль-губернаторскомъ вреслѣ.

Компанія, конечно, не одобряла подобныхъ неистовствъ. Корыстолюбивые, но мирные купцы воображали, что истощенный и ограбленный Индустанъ можно эксплуатировать „честнымъ“ и мирнымъ образомъ. Они предписывали Гэстингсу держаться мирной политики и не дѣлать завоеваній. Но это было положительно невозможно. Въ Индіи была армія, и эта армія хотѣла участвовать въ общемъ грабежѣ. Удовлетворяя ненасытной жадности администраторовъ и судей, благоразумный правитель долженъ былъ позаботиться и о солдатахъ. Война обѣщала ему самому и славу, и поживу; война-же могла доставить и средства, чтобы заткнуть ненасытную глотку лондонскихъ директоровъ, которые чуть не съ каждою почтою требовали отъ него больше и больше денегъ.

Около границъ Ауда жило племя роилловъ, этихъ швейцарцевъ Индіи. Военственные, свободные, они жили, однакожъ, не грабежемъ, а производительными занятіями. Ихъ страна управлялась лучше всѣхъ другихъ, была прорѣзана ирригаціонными каналами, покрыта цвѣтущими пашнями и садами. Аудскому визирю захотѣлось присоединить ее къ своимъ владѣніямъ и онъ нанялъ у Гэстингса англійскую бригаду, обязавшись уплатить всѣ издержки войны, да сверхъ того 400.000 ф. ст. и 20.000 самому Гэстингсу. Войска набоба и англичане вторглись въ прекрасный Рошекондъ. Роиллы представляли свою невинность, умоляли, предлагали выкупъ, но ихъ избивали почти поголовно и грабили до тла страну, истребляя огнемъ все, чего нельзя было захватить съ собой. „Роиллы должны быть уничтожены“, писалъ Гэстингсъ въ одномъ своемъ письмѣ, и аудская шайка, съ помощью англичанъ, избивала всѣхъ, кто попадался ей. Болѣе ста тысячъ человекъ бѣжало въ болота и тростниковыя заросли, притоны тигровъ и лихорадокъ. Болѣе тысячи поселеній было превращено въ пепель. Что уцѣлѣло отъ войны, то вскорѣ погибло отъ грабежа и деспотизма аудскаго набоба, которому Гэстингсъ продалъ на убой этотъ даровитый и счастливый народъ.

Истребленіе роилловъ возбудило въ Англіи негодованіе. Правительство заставило директоровъ смѣнить Гэстингса, но послѣдній не сдалъ должности, удержалъ ее за собой и черезъ нѣсколько времени снова былъ утвержденъ въ ней. Онъ дѣйстви-

тельно былъ незамѣнимъ въ Индіи въ это критическое для Англіи время, когда возстала противъ нея Америка, когда Испанія, Голландія и Франція готовы были къ войнѣ съ ней, когда въ самой Индіи начались смуты, воинственные мараты угрожали англійскому владычеству и основатель майсарскаго царства, Гайдеръ Али, одерживая одну побѣду за другою, готовился окончательно изгнать „рыжихъ варваровъ“. Гэстингсъ спасъ Индію для своихъ соотечественниковъ, и послѣдніе простили ему за то всё его злодѣянія.

Между тѣмъ, онъ замышлялъ уже новыя грабежи. Богатѣйшимъ городомъ Индіи былъ тогда Бенаресъ, въ который ежегодно стекались сотни тысячъ богомольцевъ съ своими приношеніями и множество кораблей, нагруженныхъ богатыми товарами. Владѣлецъ Бенареса, раджа Чейтъ-Сингъ платилъ компаніи ежегодную дань по договору. Но этого было мало. Гэстингсъ, по его собственнымъ словамъ, рѣшился помочь затруднительнымъ обстоятельствамъ компаніи посредствомъ богатствъ раджи. Сверхъ дани Гэстингсъ началъ ежегодно требовать съ него по 50.000 фун., и когда раджа запротестовалъ, то онъ наложилъ на него штрафъ въ 10.000 ф., стравивъ войска для взыскапія денегъ, съ небольшою стражей вторгся въ Бенаресъ и арестовалъ раджу. Народъ возсталъ, но революція была подавлена, Бенаресъ присоединенъ къ компаніи, ежегодный доходъ которой увеличился вслѣдствіе этого на 200.000 ф., а армія получила въ добычу около 250.000 ф. ст.

Этого было мало и для Гэстингса, и для солдатъ, и для компаніи. Генераль-губернаторъ, въ рукахъ котораго находился набобъ аудскій, вошелъ съ послѣднимъ въ соглашеніе ограбить его мать и бабу, мирно жившихъ въ своихъ богатыхъ надѣлахъ. На нихъ взвели ложное обвиненіе въ революціонныхъ замыслахъ, отрядъ войска занялъ ихъ имѣнія, арестовали всѣхъ приближенныхъ имъ лицъ, начали пытать ихъ и морить голодомъ, чтобы узнать о количествѣ богатства княгини. Гэстингсу во всемъ этомъ помогалъ упомянутый судья Импи, и соединенными усиліями этихъ Ирода и Пилата было отнято у княгини 1,200,000 ф. ст.

Директоры компаніи дѣлали Гэстингсу строгіе официальные выговоры и въ то-же время сообщали ему, что они вполне довольны его управленіемъ. Гэстингсъ притворялся обиженнымъ вы-

говорами и съ наглостью заявлялъ, что все, что онъ ни дѣлалъ въ Индіи, клонилось „къ выгодамъ компаніи и къ чести отечества“!.. Но общественное мнѣніе Англіи и парламентская оппозиція, руководимая Бёркомъ, Фоксомъ, Шериданомъ, успѣли, наконецъ, свергнуть Гэстингса и привлечь его къ суду, столь знаменитому въ лѣтописяхъ Великобританіи по талантамъ обвинителей и по интригамъ защитниковъ этого „генераль-капитана несправедливости“.

Первый ораторъ того времени, Эдмундъ Беркъ, бывшій самымъ горячимъ защитникомъ Индіи и обличителемъ злодѣяній Гэстингса, раскрылъ въ глазахъ Европы и Америки тѣ тайныя и никому неизвѣстныя преступленія, которыя совершались англійскимъ правительствомъ въ Индіи. Поводомъ къ этому разоблаченію послужилъ билль Фокса. Въ 1783 г. Фоксъ внесъ въ парламентъ свой билль, предлагавшій отнять у компаніи управленіе Индіей и вручить его комитету, зависящему отъ парламента. Рѣчь Берка въ защиту этого билля принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Доказывая, что предлагаемая реформа не должна быть полумѣрою, что необходимо измѣнить всю систему, что всякая мѣра, защищающая Индію отъ угнетенія, въ то-же самое время предохраняетъ отъ порчи конституцію Англіи, Беркъ блистательно разбиваетъ своекорыстныя возраженія своихъ противниковъ. Послѣдніе вопіяли, что реформаторы „посягаютъ на человѣческія права, утвержденныя хартіями“. „Права человѣка, т. е. естественныя права рода человѣческаго, отвѣчалъ Беркъ, — вполнѣ священны, а подтверждающія ихъ великія хартіи вполнѣ справедливо могутъ быть называемы хартіями правъ человѣческихъ. Но могутъ быть и дѣйствительно существуютъ хартіи, не только отличныя по своей сущности, но и основанныя на принципахъ, совершенно противоположныхъ упомянутымъ. Къ этому разряду принадлежитъ и хартія остъ-индской компаніи. Англійская великая хартія служитъ для обузданія власти и разрушенія монополіи; остъ-индская-же хартія устанавливаетъ монополію и создаетъ власть. А политическая власть и комерческая монополія вовсе не права человѣка; напротивъ, онѣ-то, въ концѣ концовъ, болѣе всего подавляютъ естественныя права рода человѣческаго. Подобную-то хартію нарушаетъ предлагаемый билль. Но, опредѣливъ характеръ утвержденныхъ хартіей правъ, которыхъ касается билль, я безъ всякаго затрудненія

признаю существованіе этихъ правъ въ полномъ ихъ объемѣ. Они принадлежать безспорно компаніи и утверждены за ней общественной санкціей всякаго рода. Они запечатлѣны согласіемъ короля; они запечатлѣны согласіемъ парламента; они были куплены за деньги, — за деньги, честно и точно уплаченныя. Поэтому я признаю за остъ-индской компаніей ея притязаніе устранять всѣхъ другихъ людей отъ торговли съ половиною земного шара. Я признаю за нею право распоряжаться ежегоднымъ мѣстнымъ доходомъ въ 7.000.000 ф. ст.; командовать арміей въ 60.000 человекъ и располагать жизнію и состояніемъ 30,000,000 людей. Все это безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ ей по хартіи и по актамъ парламента. Но, дѣлая такую уступку защитникамъ компаніи, надѣюсь, что они въ свою очередь согласятся со мною, что всякая политическая власть, учрежденная надъ людьми, такъ или иначе должна приносить имъ пользу. Всякая политическая власть и политическая привилегія, не составляя первоначальныхъ или основныхъ правъ и будучи даваемы не для однихъ только выгодъ лицъ, облакаемыхъ ими, въ строгомъ смыслѣ служить довѣренностью (trust); поэтому они подлежатъ отчетности, какъ того требуетъ самая сущность всякой довѣренности, и могутъ быть даже вовсе уничтожаемы, какъ скоро они удаляются отъ цѣлей, ради которыхъ они и могутъ имѣть легальное существованіе“. Поэтому остъ-индская компанія должна подлежать контролю парламента, отъ котораго она получила свою власть. „Что власть, которою она такъ явно и такъ сильно злоупотребляетъ, была куплена у насъ — это вѣрно. Но это обстоятельство, которымъ пользуются какъ аргументомъ противъ билля, служить новымъ мотивомъ для нашего вниманія; въ противномъ случаѣ о насъ имѣютъ полное право думать, что изъ одного только низкаго желанія денежной выгоды мы продали кровь милліоновъ людей. Мы продали все, что могли продать, т. е. нашу власть, но не нашъ контроль. Мы не имѣемъ никакого права торговать своими обязанностями. Я основываюсь на принципѣ, что если злоупотребленіе доказано, то контрактъ нарушенъ, и мы снова вступаемъ въ свои права и въ отправленіе всѣхъ своихъ обязанностей... Мы должны отмѣнить хартію, подъ покровомъ которой совершено столько злоупотребленій, и водворены во всей своей полнотѣ такой деспотизмъ, тираннія и развращеніе; мы должны

дать другую хартію, которая доставила-бы дѣйствительную гарантію человѣческихъ правъ, поправныхъ подъ владычествомъ первой. Этотъ билль и другіе, соединенные съ нимъ, и имѣють цѣлью быть для Индустана великой хартіей“.

Громадная территорія Индіи, населенная вчетверо сильнѣе, чѣмъ Великобританія, и обладавшая высокой цивилизаціей уже въ то время, когда предки европейцевъ еще жили въ лѣсахъ, по своему политическому устройству имѣеть нѣкоторое сходство съ германской имперіей. Эта-то богатая и цивилизованная страна сдѣлалась ареной безпримѣрныхъ злодѣяній. „Во-первыхъ, я заявляю, что на всемъ пространствѣ отъ горъ Имаусъ, подъ 29 градусомъ широты, и до мыса Коморинъ, подъ 8 градусомъ, нѣтъ рѣшительно ни одного государя, котораго не *продала-бы* компанія. Во-вторыхъ, я заявляю, что нѣтъ ни одного государя или сословія, которые, довѣрившись компаніи, не были-бы окончательно погублены ею“.

„Первый государь, проданный компаніей за деньги, былъ Великій Моголь, потомокъ Тамерлана, человѣкъ высокоуважаемый, любезный, почитаемый за свое благочестіе и отлично знакомый со всей литературой Востока. Ничто не могло спасти его отъ общей продажи. Съ его вензелемъ чеканилась монета, отъ его имени отправлялось правосудіе, за него молились во всѣхъ храмахъ, которыми усѣяна страна, — но онъ былъ проданъ. Ему были оставлены во владѣніе двѣ области, Кора и Аллагабадъ. Но, удержавъ ежегодную дань въ 260,000 ф. ст., которую компанія въ силу хартіи, полученной отъ этого государя, торжественно обязалась уплачивать ему, она продала эти области главному министру Могола. Потомокъ Тамерлана теперь нуждается почти въ первыхъ потребностяхъ жизни, и мы даже изъ состраданія не хотимъ дать ему малѣйшую частицу того, что все принадлежитъ ему по справедливости“.

„Затѣмъ, тому-же самому министру былъ проданъ весь народъ роилловъ, проданъ для совершеннаго *истребленія* за 400,000 ф. ст. Гафизъ Рахметъ, самый значительный вождь роилловъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ людей своего времени, извѣстный по всему Востоку изяществомъ и поэтическимъ духомъ своихъ литературныхъ произведеній, подвергся нападенію стотысячной арміи и одной англійской бригады. Онъ палъ, храбро сражаясь за свою

страну во главѣ немногочисленнаго войска. Его голова была отрублена и продана за деньги одному варвару. Его жена и дѣти, какъ нищіе, бродили по англійскому лагерю, выпрашивая горсть рису. Весь народъ, за немногими исключеніями, былъ перебитъ или изгнанъ. Страна была опустошена огнемъ и мечомъ. Эта страна, стоявшая выше большей части другихъ областей по своей обработанности и богатству, почти вся превращена теперь въ печальную пустыню, покрытую тростникомъ, терновникомъ да густыми лѣсомъ, полнымъ дикихъ звѣрей“.

„Въ Бенгалѣ Сераджа Даула былъ проданъ Миръ Джафару, Миръ Джафаръ былъ проданъ Миръ Касиму, а Миръ Касимъ былъ снова проданъ Миръ Джафару. Наслѣдіе Миръ Джафара было продано его старшему сыну, а второй сынъ его былъ проданъ его мачихѣ и т. д.

„Мое второе положеніе состоитъ въ томъ, что компанія не заключила ни одного такого договора, котораго-бы она не нарушила. Постоянное систематическое нарушеніе договоровъ ввело на востокъ въ пословицу англійскую честность... Договоръ съ Моголомъ, въ силу котораго мы обязались уплачивать ему ежегодно по 260,000 ф., былъ нарушенъ и компанія не заплатила ему ни одного шиллинга. Она нарушила и другой свой договоръ съ нимъ, по которому слѣдовало платить по 400,000 ф. въ годъ Субагѣ бенгальскому. Она условилась съ Моголомъ платить за услуги жалованье Ньуджифъ Коуну и не выполнила этого условія. Она нарушила свои договоры съ Низамомъ и съ Гайдеръ Али. Что-же касается маратовъ, то она заключила съ главнымъ вождемъ и съ каждымъ изъ ихъ предводителей столько противорѣчащихъ одинъ другому трактатовъ, что, по общему убѣжденію, невозможно было соблюдать ни одного изъ этихъ условій, не нарушая тѣмъ самымъ остальныхъ. Было замѣчено, что если-бы все эти договоры были строго соблюдаемы, то въ одно и то же время двѣ англійскихъ арміи должны были въ открытомъ полѣ драться между собою на смерть. Войны, опустошающія Индію, ведутъ свое начало отъ самаго гнуснаго нарушенія съ нашей стороны политическихъ договоровъ. Во время глубокаго мира войска компаніи вторглись въ территорію маратовъ и завладѣли сальсетскимъ островомъ и крѣпостью. Мараты, однакожъ, остались вѣрны мирному договору, доставлявшему столько важныхъ выгодъ

компаніи. Но этотъ договоръ, подобно всѣмъ другимъ, вскорѣ былъ нарушенъ компаніей, которая снова вторглась во владѣнія маратовъ. Это неудачное предпріятіе кончилось новымъ договоромъ. Вся компанейская армія принуждена была сдаться этому оскорбленному, обманутому и обиженному народу. Хотя мараты и были исполнены справедливаго негодованія, но предписанныя ими условія мира были разумны и умѣренны, а ихъ обращеніе съ плѣннымъ войскомъ отличалось въ высшей степени гуманнымъ характеромъ. Но гуманность маратовъ была не въ состояніи заставить компанію соблюдать условія, продиктованныя умѣренностью. Война возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда либо, и такова была у компаніи ненасытная жажда грабежа, что она не согласилась-бы на миръ ни на какихъ условіяхъ, если-бы съ маратами не соединились другіе возставшіе народы. Умиротвореніе страны генераль-губернаторомъ Гэстингсомъ сопровождалось тѣми-же жестокостями и тѣмъ сознательнымъ вѣроломствомъ, которыми отличалась компанія вообще, а въ особенности Гэстингсъ, который „прямо заявлялъ, что уловка и обманъ лежать въ основѣ заключеннаго имъ договора.“

Англійское управленіе Индіей гораздо гибельнѣе для послѣдней всѣхъ предшествовавшихъ ему иноземныхъ нашествій. „Частыя вторженія въ Индію арабовъ, татаръ и персовъ были большею частію жестоки, кровопролитны и опустошительны въ высшей степени; мы-же, овладѣвая этой страной, проливали вообще мало крови, а дѣйствовали не столько открытою силою, сколько хитростью, обманами и тѣмъ, что ловко пользовались заклятою, слѣпою и бессмысленною враждою, которая господствовала между различными властями этой страны. Но азійскіе завоеватели скоро оставляли свою жестокость, потому что дѣлали покоренную страну своимъ отечествомъ. Они возвышались и падали съ возвышеніемъ и паденіемъ обитаемой ими территоріи. Отцы возлагали здѣсь надежды на свое потомство, а дѣти сохраняли памятники отцовъ. Съ этою страню была окончательно связана ихъ судьба, и естественнымъ желаніемъ всѣхъ ихъ было, чтобы дурное состояніе страны не отзывалось на нихъ самихъ.“ „Конечно, и тогда были грабежи, злоупотребленія, тираннія; но все-таки источники пріобрѣтенія не изсякали, а промышленность и торговля страны находились въ цвѣтущемъ состояніи.... Англійское-же вла-

дичество ниспровергло всё эти порядки. Татарское завоевание нанесло вредъ Индіи, а наше покровительство окончательно губить ее. Наше управленіе такъ-же люто теперь, какимъ было оно и въ первый день. Туземцы почти никогда не видывали съдой головы англичанина. Молодые люди (почти мальчики) управляютъ этой страной, безъ всякой общительности съ туземцами и безъ малѣйшей симпатіи къ нимъ. Одержимые всею жадностью вѣка и всеѣмъ пыломъ юности, они стремятся сюда одинъ за другимъ, волна за волною, и передъ взорами туземцевъ вѣтъ ничего, кромѣ безконечной, безнадежной перспективы прилета все новыхъ и новыхъ стай этихъ хищныхъ и перелетныхъ птицъ... „Каждая рупія, прибрѣтенная англичаниномъ, навсегда потеряна для Индіи“, которая кромѣ вреда и разоренія ничего не видѣла отъ англичанъ. Англія не воздвигала здѣсь ни храмовъ, ни больницъ, ни дворцовъ, ни школъ; Англія не построила здѣсь ни одного моста, не проложила ни одной значительной дороги, не сдѣлала ничего для судоходства, не вырыла ни одного резервуара. Всѣ другіе завоеватели оставили послѣ себя памятники роскоши или благотворительности. Но еслибы насъ выгнали изъ Индіи сегодня, то въ ней не осталось-бы ничего напоминающаго, что въ періодъ нашего безславнаго владычества ею владѣли существа, которыя хоть чѣмъ-нибудь лучше орангъ-утанга или тигра. Что-же касается мальчиковъ, которыхъ мы посылаемъ въ Индію, то они ничѣмъ не хуже тѣхъ мальчиковъ, которыхъ сѣкутъ въ нашихъ школахъ. Но такъ какъ англійскіе юноши въ Индіи упиваются ядовитымъ напитокомъ власти и господства прежде, чѣмъ ихъ головы могутъ вынести его, и такъ какъ они достигаютъ полныхъ успѣховъ въ своей карьерѣ задолго до того, когда созрѣваютъ ихъ нравственные принципы, то ни природа, ни разумъ не въ состояніи удерживать ихъ отъ злоупотребленій преждевременной властью. Результаты ихъ поведенія, которые въ добрыхъ душахъ,—а нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, добры,—могутъ производить раскаяніе и исправленіе,—остаются незамѣтны для нихъ вслѣдствіе скорости ихъ полета. Награбленная добыча переносится въ Англію, а вопли Индіи, разносимые волнами и вѣтрами, теряются въ пространствахъ безпредѣльнаго и глухого океана. Разорители цѣлыхъ государствъ, прибывъ въ Англію, съ откры-

тymi объятiями привимаются въ лучшемъ обществѣ. Здѣсь ма-нуфактуристъ и земледѣлецъ дружески пожимаютъ ту руку, которая въ Индiи тащила материю съ ткацкаго станка, отнимала скудную порцію риса и соли у бенгальскаго крестьянина или вымогала отъ него тотъ опиумъ, въ которомъ онъ находилъ забвенiе и своихъ страданiй, и своихъ угнетателей. Они женятся въ вашихъ семействахъ, они вступаютъ въ вашъ сенатъ, они способствуютъ успѣхамъ вашихъ дѣлъ посредствомъ займовъ, они помогаютъ и покровительствуютъ вашимъ родственникамъ, попеченiе о которыхъ для васъ такъ тягостно“.

Изложивъ общiй характеръ системы англiйскаго управленiя Остъ-Индiей, Бёркъ перешелъ къ дѣятельности тогдашняго генераль-губернатора, знаменитаго Гэстингса. Вскорѣ послѣ того, какъ англiйскiя войска заняли аудское королевство, аудскiй набобъ представилъ Гэстингсу, что его владѣнiя въ конецъ разорятся англiчанами. Довѣренный агентъ генераль-губернатора вполнѣ подтверждалъ справедливость жалобъ набоба. Но Гэстингсъ по-прежнему продолжалъ разоренiе Ауда. Всюду возникали беспорядки и неистовства, которые подавлялись другими беспорядками и неистовствами. Народъ цѣлыми толпами бѣжалъ изъ страны, границы которой были оцѣплены войсками не для того, чтобы отражать непрiятеля, а для того, чтобы мѣшать бѣгству ея жителей. Такими-то мѣрами въ какихъ-нибудь четыре года эта нѣкогда роскошная и цвѣтущая страна, дававшая ежегодно болѣе 3,000,000 ф. стерлинговъ, дошла теперь до того, что доходы ея упали ниже 1,300,000, да и тѣ выжимаются изъ нея при помощи всевозможныхъ жестокостей. Въ довершенiе всего жалкiе остатки этихъ доходовъ заложены и отданы въ руки бенаресскихъ ростовщиковъ почти за тридцать процентовъ въ годъ... Однимъ изъ обыкновенныхъ источниковъ доходовъ компанiи служатъ выдуманные ею мятежи. Какъ только дѣлается извѣстнымъ, что въ такомъ-то мѣстѣ скоплено много денегъ, владѣльцы ихъ немедленно обвиняются въ заговоръ и ихъ преслѣдуютъ до тѣхъ поръ, пока они не освобождаются разомъ и отъ своихъ денегъ, и отъ взведеннаго на нихъ обвиненiя. Съ отнятиемъ денегъ, прекращаются тотчасъ и обвиненiя, и судъ, и наказанiе. Это столь обыкновенный источникъ дохода, что я удив-

ляюся, отчего о немъ умалчиваютъ директоры компаніи въ своихъ отчетахъ... Компанія воспользовалась этимъ ресурсомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, когда она обвинила двухъ старыхъ женщинъ въ отдаленнѣйшемъ уголѣ Индіи, гдѣ нѣтъ никакихъ цѣлей и побужденій къ безпорядкамъ,—обвинила, какъ участницъ въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью изгнаніе англичанъ, въ покровительствѣ которыхъ, купленномъ за деньги и гарантированномъ трактатомъ, эти женщины имѣли послѣднюю надежду своего существованія. Но компанія нуждалась въ деньгахъ, и эти старухи необходимо должны были быть виновны въ заговорѣ. Ихъ обвинили въ мятежъ, а уличили въ богатствѣ. Дважды вымогали отъ нихъ громадныя суммы и дважды гарантировали за ними остальное честнымъ британскимъ словомъ. Былъ посланъ отрядъ англійскихъ войскъ, чтобы взять замокъ, въ которомъ жили эти беззащитныя женщины. Ихъ главные евнухи, которые, въ силу восточныхъ обычаевъ, были ихъ агентами, ихъ стражами, ихъ покровителями, лицами высокаго положенія, брошены въ тюрьмы, чтобы заставить ихъ открыть спрятанныя сокровища княгинь. Земли, предназначенныя для ихъ содержанія, были заняты и конфискованы. Ихъ драгоценности и пожитки были отняты, проданы якобы на аукціонѣ въ одномъ темномъ мѣстѣ и куплены по такимъ цѣнамъ, какія заблагоразсудилось дать покупателю. И никакого отчета не было дано ни о предметахъ, ни о выручкѣ этой продажи... Даже цѣлая половина бумагъ по этому дѣлу была преднамѣренно скрыта... Не менѣе безчеловѣчно и безчестно поступилъ Гэстингсъ съ раджей города Бенареса, Чейтъ Сингомъ. „Мистеръ Гэстингсъ говорить, что ему было *донесено* о томъ, что отецъ Чейтъ Синга оставилъ ему 1,000,000 ф. ст. и что онъ самъ ежегодно дѣлалъ новыя прибавки къ этому капиталу. Столь громадное богатство не могло быть невиннымъ“, и Гэстингсъ порѣшилъ безъ малѣйшихъ формальностей и доказательствъ, что раджа виновенъ въ государственномъ преступленіи. Самъ Гэстингсъ готовъ сознаться, что въ этомъ случаѣ онъ былъ несправедливъ, но въ то-же время думаетъ вполне оправдать себя тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это въ пользу компаніи, желая „извлечь изъ его вины средства, необходимыя для поправленія ея разстроенныхъ обстоятельствъ“. Онъ говорить, что хотѣлъ „заставить Чейтъ Синга или щедро заплатить за свое прощеніе, или жестоко

отметить ему за прежній проступокъ“. Гэстингсъ объясняетъ далѣе, что „такъ какъ его богатства были громадны, а нужды компаніи настоятельны, то онъ считалъ справедливымъ и политичнымъ наложить на него значительный денежный штрафъ для удовлетворенія нуждъ компаніи“... Несчастнѣйшій раджа былъ изгнанъ, а его еще болѣе несчастная страна порабощена и разорена... Завѣдомѣйшій разбойникъ и плутъ Уссоръ Сингъ, котораго до тѣхъ поръ держали, какъ ястреба въ клѣткѣ, чтобы потомъ спустить на этотъ народъ, былъ сдѣланъ правителемъ... Его также низложили вскорѣ безъ всякихъ церемоній и бросили въ тюрьму. Но чтобы довершить позоръ этого народа и заставить его еще глубже почувствовать свое унижительное рабство и всю его горечь, дворецъ Бенареса, который такъ уважался персидскими и татарскими завоевателями, хотя и магометанами, что даже во время полного процвѣтанія ихъ могущества, гордости и ханжества ни одинъ магометанскій чиновникъ не входилъ въ него,—дворецъ Бенареса былъ переданъ англійскими руками магометанину, и Али-Ибрагимъ-Ханъ введенъ властью компаніи, съ правомъ жизни и смерти, въ это святилище индусской религіи.—Точно также была разорена и цвѣтущая страна Карнатикъ, имѣющая около 46,000 кв. миль. „Можно утверждать, что во всей этой области теперь не осталось ни одного зажиточнаго или богатаго человѣка, владѣющаго значительною собственностью земельной, торговой или денежной, кромѣ двухъ или трехъ банкировъ, участвующихъ въ общемъ грабѣжѣ... Политика компаніи заключалась здѣсь въ томъ, чтобы считать большія суммы денегъ преступленіемъ, умѣренные сборы обманами подвластныхъ государей, а малѣйшее стараніе послѣднихъ освободиться отъ платежей, требуемыхъ сверхъ установленныхъ налоговъ,—бунтомъ. И вотъ, всѣ замки, одинъ за другимъ, были разграблены и уничтожены, туземные владѣтели изгнаны, больницы обращены въ развалины, водохранилища заброшены, купцы, банкиры и мануфактуристы исчезли, и по этимъ нѣкогда цвѣтущимъ провинціямъ распространились опустошеніе, нищета и безлюдство“. Въ Бенгалѣ Гэстингсъ ограбилъ и разорилъ всѣхъ жителей страны въ самое короткое время. Въ 1772 г., во время ужаснаго голода, „поземельная собственность цѣлаго королевства, равняющагося Франціи, была продана съ молотка... Землевладѣльцы разорились сами и разорили своихъ арендаторовъ... Пенсія, назначенная имъ

взаимнѣ земель, была потомъ отнята, а во владѣніе наслѣдственными землями ихъ вступили слуги англичанъ“.

Вообще господствующая система управленія Индіей заключается въ отрицаніи всякаго права и въ замѣнѣ его „подавляющимъ, произвольнымъ и хищнымъ деспотизмомъ“, первымъ представителемъ котораго является генераль-губернаторъ Гэстингсъ. „Впродолженіи четырнадцати лѣтъ, съ небольшимъ перерывомъ, онъ управлялъ всѣми дѣлами компаніи съ абсолютною властью. Онъ имѣлъ всѣ средства для скопленія себѣ несмѣтныхъ богатствъ, и во все продолженіе этого періода счастье сотенъ людей зависѣло отъ его улыбки или нахмуренныхъ бровей. Его окружали двѣсти пятьдесятъ молодыхъ джентльменовъ, въ числѣ которыхъ были юноши изъ лучшихъ фамилій Англіи и которые стремились только къ тому, чтобы вернуться въ отечество съ громадными богатствами и въ первую пору своей молодости. Такимъ образомъ, онъ держалъ у себя двѣсти пятьдесятъ вашихъ дѣтей, какъ заложниковъ вашей благосклонности къ нему. Осыпавшій впродолженіи многихъ лѣтъ проклятіями туземцевъ, выговорами директоровъ компаніи и постановленіями этой палаты, онъ до сихъ поръ сохраняетъ еще самую деспотическую власть, неизвѣстную до него даже въ Индіи... Прибавьте ко всему этому, что, начиная съ высшихъ должностей и до самыхъ низшихъ, всѣ британскіе подданные, хлопотавшіе объ открытіи злоупотребленій, были погублены. Они изгнаны изъ Индіи. Когда они приносили жалобы на это, ихъ не слушали; когда они хотѣли вернуться, ихъ не пускали. Никакое ухищреніе обмана, никакое насиліе власти не были пропущены, чтобы погубить ихъ“... Туземнымъ обвинителямъ доставалось еще хуже. „Раджа Нункомаръ, въ поруганіе всему, что Индія считаетъ достойнымъ и священнымъ, былъ повѣшенъ въ глазахъ всего своего народа судьями, которыхъ вы послали покровительствовать этой націи; онъ былъ повѣшенъ за мнимое преступленіе въ то самое время, какъ обвинялъ мистера Гэстингса. Обвинителя повѣсили, а обвиненный восторжествовалъ посредствомъ убійства,—убійства не одного только Нункомара, но всѣхъ живыхъ свидѣтелей и даже свидѣтелей, еще не родившихся. Съ этого времени не слышно уже никакихъ жалобъ туземцевъ на своихъ правителей.“

Краснорѣчіе Берка помогло биллю Фокса быстро пройти че-

резъ нижнюю палату, но въ верхней онъ потерпѣлъ крушеніе. Но ни Беркъ, ни Фоксъ не оставили своихъ благородныхъ заботъ объ Индіи; теперь они сосредоточили ихъ на преслѣдованіи генераль-губернатора Гестингса. Этотъ даровитый, и безнравственный человѣкъ, снасшій и утвердившій англійское владычество въ Индіи, обогатившій компанію, любимецъ короля, любимецъ аристократіи, возмущалъ до глубины души всѣхъ честныхъ людей. Идея преданія его суду въ продолженіи многихъ лѣтъ не отступно преслѣдовала Берка; ни важныя политическія событія ни паденіе министерствъ, ни домашнія несчастія, ни даже взрывъ французской революціи, — ничто не могло отклонить Берка отъ этой цѣли. „Онъ, говоритъ Маколей, — посвятилъ годы усиленнаго труда на служеніе народу, съ которымъ не былъ связанъ ни кровью, ни азыкомъ, ни религіей, ни обычаями, — народу, отъ котораго онъ не могъ ожидать никакого вознагражденія, ни изъявленій благодарности, ни рукоплесканій.“ „Я, говоритъ онъ самъ въ заключеніе своей рѣчи о биллѣ Фокса, — я счастливъ уже тѣмъ однимъ, что дожилъ до этого дня; я чувствую себя вознагражденнымъ за всѣ мои восемнадцатилѣтніе труды, получивъ теперь возможность участвовать моимъ слабымъ голосомъ въ разрушеніи тираніи, существующей на позоръ нашей націи и на погибель столь громадной части рода человѣческаго.“ Плодомъ этихъ восемнадцатилѣтнихъ трудовъ было полное и всестороннее знакомство съ Индіей. „Индія и ея жители, говоритъ краснорѣчивый Маколей, — не были для него, какъ для большинства англичанъ, простыми названіями и отвлеченностями, но были дѣйствительною странною дѣйствительнымъ народомъ. Палящее солнце, необыкновенное произростаніе пальмъ и кокосовыхъ деревьевъ, рисовое поле и резервуаръ съ водою; огромныя деревья, древнѣе монгольской имперіи и происходящія подъ ними сходки поселянъ; соломенная крыша крестьянской хижины и богатыя украшенія мечети, гдѣ молятся, обратившись лицомъ къ Меккѣ; барабаны, знамена блестящіе идола; богомолецъ, кружащійся въ воздухѣ; граціозна дѣвушка съ кувшиномъ на головѣ, спускающаяся по ступенямъ къ берегу рѣки; черныя лица, длинныя бороды, желтыя полосекты, чалмы и широкія развивающіяся одежды, конья и серебряныя палыцы, слоны съ ихъ парадными балдахинами, пышный панталоны принца и носилки благородной дамы, — всѣ эти предметы

представлялись ему такъ-же живо, какъ обстановка, въ которой про- текла его собственная жизнь. Вся Индія находилась предъ глазами это- го человѣка, начиная съ залы, гдѣ тяжущіеся клали золото и благовонія въ погамъ государей, и до дикаго болота, гдѣ разбивали свой лагерь цыгане. Угнетеніе въ Бенгалѣ было для него совершенно равнозна- чуще угнетенію на улицахъ Лондона.“ Только послѣ долготѣннихъ, напрасныхъ стараній Берку удалось въ 1786 г. внести въ па- лату рядъ обвиненій противъ Гэстингса. Въ этомъ ему помогали и Фоксъ, и Френсисъ, авторъ писемъ Юніуса, и Шериданъ, двух- дневная обвинительная рѣчь котораго произвела необыкновенное броженіе во всемъ Лондонѣ. Главная-же обвинительная рѣчь Бер- га, произнесенная при самой торжественной обстановкѣ въ палатѣ лордовъ и отъ лица нижней палаты, продолжалась цѣлыхъ четы- рехъ засѣданій. Онъ обвинялъ Гэстингса, какъ узурпатора абсо- лютной власти, которой ему никто не давалъ и не могъ дать; какъ систематическаго нарушителя всякой нравственности и вся- каго права, какъ убійцу и грабителя, какъ чудовищнаго деспо- та и разорителя индійскаго народа, доведеннаго до того, что „эти злополучные остатки вѣрноподанныхъ землевладѣльцевъ, спины которыхъ истерзаны бичомъ фермера, потомъ вторично изсѣчены до живого мяса концессіонеромъ, которые отданы на жертву преем- ственнаго и, хотя кратковременнаго, но тѣмъ болѣе хищнаго деспо- тизма, которыхъ бичуютъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока въ ихъ жилахъ останется послѣдняя капля крови, пока отъ нихъ не вымучатъ послѣдняго зерна рису“. На замѣчаніе, что инду- сы уважаютъ Гэстингса и даже выстроили въ честь его храмъ, Беркъ отвѣчалъ, что тутъ удивляться рѣшительно нечему; что индусы поклоняются нѣкоторымъ богамъ изъ любви, а другимъ точно такъ-же служатъ изъ страха; что они воздвигаютъ храмы не однимъ благодѣтельнымъ божествамъ свѣта и изобилія, но и злымъ, во власти которыхъ находятся оспа и убійства, и что онъ, Беркъ, нисколько не оспариваетъ правъ мистера Гэстингса на занятіе мѣста въ подобномъ пантеонѣ. Изложивъ подробности обвиненія, Беркъ возвысилъ свой голосъ, такъ что онъ загудѣлъ въ древнихъ сводахъ палаты лордовъ, и сказалъ въ заключеніе: „Я потому и повелѣно мнѣ палатую общинъ Великобританіи обви- нять Уоррена Гэстингса въ великихъ преступленіяхъ и проступ- кахъ. Я обвиняю его во имя палаты общинъ парламента, довѣ-

ріе котораго онъ употребилъ во зло; я обвиняю его во имя англійскаго народа, древнюю честь котораго онъ запятналъ; я обвиняю его во имя народа Индіи, права котораго онъ попіралъ ногами и отчизну котораго онъ обратилъ въ пустыню; наконецъ, во имя самой человѣческой природы, во имя обоихъ половъ, во имя каждаго возраста, во имя всякаго званія, я обвиняю общаго врага и притѣснителя“.

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было безпримѣрное. Дамы громко рыдали; жена Шеридана упала въ обморокъ и была вынесена изъ залы; сторонники Гэстингса были поражены силою берговскаго краснорѣчія, и нѣкоторые изъ нихъ плакали, даже самъ Гэстингсъ, этотъ непоколебимый человѣкъ съ желѣзнымъ сердцемъ, былъ смущенъ страстной энергіей обвинителя. „Впродолженіи цѣлаго полчася, сознавался онъ потомъ, — я смотрѣлъ на оратора съ благоговѣйнымъ изумленіемъ и дѣйствительно чувствовалъ, что я величайшій преступникъ на землѣ; но потомъ я обратился къ собственному своему духу и въ немъ нашель сознаніе, которое поддержало меня среди всего, что я слышалъ и переносилъ“.

Судъ надъ Гэстингсомъ продолжался восемь лѣтъ; онъ и его многочисленныя сторонники употребили все средства для оправданія; 20.000 фунтовъ стерлинговъ было употреблено на подкупъ одной только журналистики; наконецъ, Гэстингса оправдали. Король, набобы, продажная пресса, акціонеры компаніи, друзья Гэстингса — все поддерживало его. И нужно замѣтить, что эти суды, эти представители аристократіи, буржуазіи и компанейскихъ набобовъ поступили-бы возмутительно, если-бы осудили этого злодѣя, исполнявшаго ихъ собственные планы.

Администрація Гэстингса съ 1772 г. по 1785 возвысила акціонерскій дивидендъ съ 668,371 ф. ст. до 1,002,678 ф., но въ то-же время увеличила долги компаніи съ 1,850,866 ф. до 12,500,000 ф. ст.!.. Дѣло въ томъ, что эта администрація грабила Индустанъ и обворовывала компанію...

Управленіе основателей британской имперіи въ Остъ-Индіи, Блайва и Гэстингса, было системою завоеваній и грабежей. Правительство постепенно ограничивало самостоятельность компаніи, подчиняло ее коронѣ и въ послѣднее время вовсе уничтожило; но завоевательная система въ духѣ Гэстингса продолжала господ-

ствовать до нашихъ дней. Она была неизбежна и вслѣдствіе туземныхъ войнъ, и вслѣдствіе стремленій къ терриоріальнымъ приобрѣтеніямъ и къ военной добычѣ. Заключая по-прежнему договоры съ владѣльцами и нарушая ихъ, вмѣшиваясь во внутренніе раздоры, усмиряя бунты и нерѣдко возбуждая ихъ, англичане пользовались каждымъ случаемъ, чтобы увеличить свои владѣнія и пограбить. Когда майсарскій владыка, Типпо Саибъ, началъ свою опустошительную войну съ англичанами (1786—1799 г.), то послѣдніе постарались возбудить еще больше раздоровъ между туземными государствами, вооружая однихъ противъ другихъ и лова рыбу въ этой мутной водѣ. Лордъ Корнуэльсъ заключилъ съ маратами и Низамомъ договоръ относительно раздѣла владѣній Типпо; оставивъ страну Низама безъ всякой помощи и доведши ее до анархіи, занялъ ее войсками; разбивъ Типпо, отнялъ у него терриорію въ 24,000 кв. миль и увеличилъ ежегодный доходъ компаніи на 395,000 ф. Съ Траванкора было взято 300,000 ф. и раздѣлено между офицерами, участвовавшими въ операціи, за которую Корнуэльса пожаловали въ маркизы. При слѣдующемъ генераль-губернаторѣ, Уэльсли, Типпо Саибъ лишился и жизни, и всѣхъ своихъ владѣній, компанія получила большія деньги, изъ военной добычи на долю лорда Уэльсли пришлось 100,000 ф., но онъ уступилъ ихъ солдатамъ, а компанія назначила ему значительную пожизненную пенсію. При этомъ генераль-губернаторъ владѣнія компаніи простирались уже на 220,000 кв. миль. Затѣмъ начались набѣги противъ маратскихъ племенъ (1802—1805), и отняты у нихъ Куттакъ, Баласаръ, Варда, вся страна между Джумной и Гангомъ; одна только область Ахмеднагаръ увеличила ежегодный доходъ компаніи на 100,000 ф. ст. Сциндіа и Гальваръ (1814—1817), Пейгива (1818—1823), афганцы (1835—1841), Эмиры Сцинде (1843—1844), Пенджабъ и Пегу (1845—1852), Аудъ и другія владѣнія постепенно подчинялись вліянію или полному владычеству англичанъ, при помощи тѣхъ-же средствъ, какія были въ ходу еще во времена Клайва и Гестингса. Такъ, напр., когда въ 1854 г. умеръ магараджа нагпурскій, то англичанамъ ужасно захотѣлось свергнуть его преемника и покорить Нагпуръ. Были приняты мѣры къ занятію этой области и посредствомъ шпионовъ составлены подробныя описи богатствъ ма-

гараджа. Въ октябрѣ англійскій отрядъ захватилъ магараджу, все его семейство было заключено въ тюрьму вмѣстѣ съ нѣсколькими банкирами, область присоединена къ Англии, во дворцѣ однихъ только регалій и драгоценностей награблено на 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ, и 12 октября 1855 г. въ калькутскихъ газетахъ было помѣщено огромное объявленіе:

„Гамильтонъ и К^о

„симиъ честь имѣютъ объявить, что, по порученію правительства, они будутъ распродавать съ аукціоннаго торга всѣ

Нагпурскія Драгоценности,

составляющія самую обширную и богатѣйшую коллекцію, какъ-то: (слѣдуетъ длинный списокъ брилліантовъ и т. д.).

Подобныя продажи награбленнаго не рѣдкость въ Индіи. Такъ, напр., въ 1858 г. былъ свергнутъ раджа дгарскій и всѣ его драгоценности, на 80,000 ф. стерлинговъ, были проданы съ аукціона, а деньги раздѣлены между солдатами, участвовавшими въ походѣ. При этомъ необходимо замѣтить, что большинство этихъ свергнутыхъ и ограбленныхъ раджей не были ни въ чемъ виноваты передъ англичанами, многіе были даже ихъ искренними благопріятелями и ихъ права были гарантированы торжественными договорами. Но ихъ земли слѣдовало присоединить, ихъ сокровища были соблазнительными, и добыча обѣщала выгоды всѣмъ: величайшій въ мірѣ алмазъ, *гора свѣта*, былъ добытъ, при покореніи Пенджаба, изъ короны князя и препровожденъ королевѣ Викторіи... Впрочемъ, англичане не всегда могли такъ хозяйничать во вновь покоренныхъ странахъ. Въ бирманской имперіи и въ Индо-Китаѣ они имѣли дѣло съ болѣе сильнымъ и воинственнымъ народонаселеніемъ и не могли такъ деспотствовать, какъ на западномъ индійскомъ полуостровѣ. Здѣсь они дѣйствовали больше путемъ территоріальныхъ покупокъ, торговыхъ договоровъ и т. д. Такъ, капитанъ Френсисъ Лайтъ, женившись на дочери одного малайскаго князя и получивъ въ приданое богатые острова Пинангъ, въ 1786 г. продалъ ихъ компаніи, которая потомъ присоединила къ нимъ покупою часть берега полуострова Малакки...

Созданіе англійской имперіи въ Азіи еще не кончено. Западный индійскій полуостровъ составляетъ только половину проек-

тированнаго зданія, крайніе пункты котораго обозначены Цейлономъ, Сингапуромъ, Гонконгомъ. Все, что находится внутри проектированной черты, рано или поздно будетъ принадлежать англичанамъ, которые и теперь уже имѣютъ здѣсь преобладающее вліяніе.

III.

Люди, возмущавшіеся злодѣяніями англичанъ въ Индіи, обыкновенно указывали главную причину ихъ въ монополіи Остъ-индской компаніи и стремились уничтожить ее. При своихъ громадныхъ доходахъ, компанія никакъ не могла поддерживать баланса въ своемъ бюджетѣ и входила въ неоплатные долги. Въ грабительское правленіе маркиза Уэльсли, которое такъ обогатило компанію, дефициты росли сильнѣе прежняго, а долги, которые въ 1793 г. составляли 16,962,000, въ 1810 г. возвысились уже до 41,233,000 ф., а въ 1859 г. до 95,856,000 фунтовъ стерлинговъ!.. Проценты на эти долги принуждены были выплачивать тѣ-же бѣдные жители Индустана, которые платили и произвольно возвышаемый дивидентъ акціонеровъ. Независимо отъ этихъ безобразій, компанія возбуждала всегда сильную вражду въ буржуазіи, которая не могла участвовать въ выгодахъ ея монополіи и которой хотѣлось добиться свободы эксплуатировать Индію, забрать въ свои руки все ея сырье, отравлять опиумомъ Китай, раздѣлить съ компаніей выгоды чайной торговли съ Китаемъ. Несмотря на частыя попытки лишить компанію ея привилегій и подчинить Индустанъ коронѣ, эта страна все-таки снова и снова отдавалась компаніи въ 1773, 1783, 1794, 1813, 1833, 1853 годахъ, только правительство приобрѣтало при этомъ все болѣе и болѣе важное значеніе въ компанейскихъ дѣлахъ. Компанія употребляла подкупъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и посредствомъ него сохраняла свои привилегіи. У нея было много друзей и сторонниковъ. Всѣ англійскіе набобы съ своими клеветами, всѣ чиновники, разжившіеся въ Индіи, всѣ тѣ, которые стремились и надѣялись разжиться въ ней, — держали сторону компаніи. До лорда Корнуэльса въ Индію ѣхали служить большею частію бѣдные люди, но онъ повернулъ дѣло

такъ, что индѣйская служба сдѣлалась средствомъ обогащенія младшихъ сыновей англійской аристократіи. Съ 1813 по 1833 г. этихъ барчуковъ отправилось въ Индустанъ 5,092, а съ 1834 по 1852 г.—5,284 до 1,440 юношей не столь знатныхъ фамилій. Со времени лорда Корнуэльса принято также награждать индѣйскихъ чиновниковъ богатѣйшимъ жалованьемъ и пенсіями, чтобы съ одной стороны доставить имъ пожизненный доходъ, сообразный съ ихъ высокимъ происхожденіемъ, а съ другой стороны, чтобы умѣрить ихъ хищническія наклонности. Въ концѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія индѣйскіе чиновники, служившіе въ самой Англии, получали въ годъ 800,000 рублей, а каждая должность въ индѣйскомъ министерствѣ среднимъ числомъ давала ежегоднаго жалованья 88,000 р. серебр. Однихъ только прогонныхъ денегъ въ Индію получали генераль-губернаторъ больше 30,000 рублей, губернаторъ около 16,000, каждый членъ совѣта около 7,500 рублей! Генераль-губернаторъ получалъ въ годъ жалованья больше 150,000, губернаторъ 75,000, совѣтники отъ 37,000 до 50,000 рублей сер. Подарки и взятки, участіе въ торговлѣ увеличивали эти суммы иногда въ нѣсколько разъ, и индѣйскіе чиновники вплоть до послѣдняго времени жили съ восточною пышностью и какъ-бы считали своею обязанностью разыгрывать передъ туземцами роль грубыхъ, надменныхъ, недоступныхъ деспотовъ. Мнѣніе Клайва, что всѣ туземцы подлецы и имъ нужно платить тою-же монетою, было постоянно основнымъ принципомъ англо-индѣйской политики и презрѣніе къ жителямъ Индіи, выразившееся на каждомъ шагѣ, служить до сихъ поръ одною изъ главныхъ причинъ ихъ недовольства и ненависти къ своимъ повелителямъ. Англичане постоянно оскорбляли самыя священныя чувства жителей съ самымъ безсердечнымъ цинизмомъ. Когда въ началѣ настоящаго вѣка они утвердились на Цейлонѣ и возбудили здѣсь, по обыкновенію, междоусобія, чтобы эксплуатировать ихъ въ свою пользу, то даже ихъ наемные солдаты и малайцы, служившіе у нихъ, почувствовали отвращеніе къ этимъ разбойникамъ. Опустошивъ богатую провинцію Сафраганъ, разрушивъ въ ней всѣ храмы и набравъ столько денегъ, что не могли увести ихъ, англичане обратились къ врагамъ буддѣйскихъ туземцевъ, къ индусамъ и мусульманамъ съ предложеніемъ: „берите, сколько хотите.“ Но эти

азіаты посовѣстились даже войти въ разрушенный храмъ враждебной имъ религіи и отвѣчали съ достоинствомъ: „мы не желаемъ навлекать подобнаго позора на себя и на свои семейства!“ Скромностью, нестяжательностью, гуманностью отличались въ Индіи весьма немногіе правители, почти только двое: генералъ-губернаторъ Бентинкъ, о которомъ мы будемъ говорить дальше, и правитель Пенджаба, Лауренсъ. Послѣдній не соблюдалъ англо-индійскаго этикета, рѣшалъ дѣла въ рубашкѣ, былъ доступенъ туземцамъ, ходилъ, не имѣя позади себя лакея съ зонтикомъ. Все чиновничество вопіяло, что Лауренсъ унижаетъ свое званіе, поблажаетъ туземцамъ, разрушаетъ обаяніе власти. Но когда вспыхнулъ мятежъ 1857 г., то Лауренсъ, благодаря своей популярности, одинъ, безъ всякаго войска, только своимъ нравственнымъ вліяніемъ поддержалъ порядковъ во всемъ Пенджабѣ! Такіе правители были въ Индіи счастливыми случайностями. Масса чиновниковъ до послѣдняго времени пріѣзжала сюда лишь затѣмъ, чтобы нажитья, и занималась дѣлами лишь настолько, насколько было необходимо для достиженія упомянутой цѣли. Дѣла были предоставлены собственному теченію, а народъ—разнымъ эксплуататорамъ, въ родѣ туземныхъ сборщиковъ податей и полицейскихъ сыщиковъ. До какой степени англійскіе правители Индіи мало знали страну и ея жизнь, показалъ 1857 годъ. Мятежъ организовался на широкую ногу, всюду дѣлались денежные сборы, запасались боевые припасы, фанатики проповѣдывали на улицахъ священную войну, туземныя газеты печатали зажигательныя прокламаціи, индусы, служившіе у англичанъ и привыкшіе къ нимъ, умоляли ихъ возвращаться на родину, въ виду грозящей бѣды, народъ шумѣлъ и волновался, а правители наслаждались въ своихъ раззолоченныхъ дворцахъ и прекрасныхъ виллахъ и, на тревожные запросы изъ Англіи рапортовали, что все обстоитъ благополучно!

Немедленно послѣ подавленія мятежа, парламентъ 1858 г. уничтожилъ привилегіи компаніи и подчинилъ Индустанъ коронѣ. Затѣмъ слѣдовали присоединенія новыхъ территорій, конфискаціи, аукціонныя продажи, усиленіе арміи и увеличеніе долга, простиравшагося уже въ 1860 г. до 98.000,000 фунтовъ стерлинговъ, на которые однихъ процентовъ платилось 4.461,000 фун.

Уничтоженіе компанейской монополіи принесло выгоды одной только англійской буржуазіи. Администрація не измѣнила своего стараго характера, власть по-прежнему опиралась на вооруженную силу, торговая эксплуатація усилилась, налоги по-прежнему постепенно увеличивались, презрѣніе правителей къ туземцамъ и ненависть послѣднихъ къ первымъ остались по-старому и Индустанъ сохранилъ характеръ оброчной статьи торгово-промышленныхъ классовъ Великобританіи.

С. Шашковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЕСЕННИЙ ЛЕДЪ.

ДУМКИ.

I.

Блещутъ воды рѣки,
Въ нихъ весеннее солнце играетъ
И скользятъ челноки,
Какъ скорлупки легки,
А порою и ледъ набѣгаетъ.

Съ непривѣтной зимой
Позабыты и холодъ, и муки:
Людь пестрѣтъ толпой
И гремятъ надъ рѣкой
Звонкихъ пѣсенъ широкіе звуки.

И проносится ледъ...
Я смотрю: одинокая льдинка
Вся подъ снѣгомъ плыветъ,
Снѣгъ слѣдинки несетъ,—
Тутъ зимой пролежала тропинка.

Но разорванъ тотъ путь,
Безъ конца, безъ начала несется...
Навсегда гдѣ нбудь
Отъ трудовъ отдохнуть
И растаять тропинкѣ придется...

Различилъ по слѣдамъ
Я крестьянскихъ лаптей отпечатокъ...
Несъ-ли за рѣку тамъ
Въ кабачекъ по зарямъ
Нашъ работникъ свой скудный достатокъ?..

Иль, усталый, домой
 Возвращался онъ вьюгой ненастной
 И замерзъ, не хмѣльной,
 Надъ родимой рѣкой,
 Гдѣ онъ игриваль въ юности ясной?

Не отъ мужа-ль тайкомъ
 Здѣсь молодуха съ парнемъ сходилась?
 И луна надо льдомъ
 Имъ мерцала лучомъ,
 И боязнь ихъ сердце томилось?..

Иль съ топорикомъ тутъ
 Молодецъ пробирался порою?..
 Струйки шепчуть, бѣгутъ...
 Лдины мчатся... Плывутъ
 Мимо новыя лдины толпою.

А куда-жъ подъ напоромъ воды
 Одинокія лдины умчались?
 Гдѣ растають слѣды
 И любви, и бѣды,
 Что надъ ними въ тиши совершались?..

II.

Ахъ, не то-ли съ людьми? и не то-ли со мной?
 Гдѣ вы мчитесь, родимыя лдины?
 И несете-ль съ собой
 Вы слѣды надъ водой
 Нашей общей ненастной судьбины?

Гдѣ растаете вы на-всегда?
 Гдѣ слѣды эти сгннуть навѣки?
 Унесутся-ль они безъ слѣда,
 Какъ весенней порою вода,
 Уходя въ безконечныя рѣки?

Или съ теплымъ, весеннимъ лучомъ
 Вы, растаявъ, взлетите до неба,
 Соберетесь въ воздушную тучку на немъ
 И оттуда спадете на землю дождемъ,
 И поля оросите для хлѣба?

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ПРУССІИ *).

I.

— Пруссія побѣдила при помощи сельскаго учителя.

Эта фраза повторялась въ послѣднее время такъ часто, что сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ „дважды два—четыре“. Повторяя эту фразу, нѣкоторые изслѣдователи стали безусловно восхищаться прусскими народными школами и пришли къ тому убѣжденію, что сильное развитіе прускаго народнаго образованія есть одно изъ доказательствъ нѣмецкаго педагогическаго генія, и начали рекомендовать всѣмъ идти по стопамъ нѣмецкихъ педагоговъ во всемъ.

Но дѣйствительно-ли нѣмцы такіе великіе и геніальные педагоги? Посмотримъ.

Съ одной стороны мы знаемъ, что Локкь, Ж. Ж. Руссо, Песталоцци и тому подобные геніальные дѣятели педагогики были не нѣмцы; мы знаемъ, что Ланкастеръ и Белль не только не были нѣмцами, но даже не могли проникнуть съ своими методами единственно въ Германію, гдѣ боялись, какъ огня, демократической

*) Die Verhandlungen im Hause der Abgeordneten über den Gesetz-Entwurf betreffend die Beaufsichtigung des Unterrichts-und Erziehungswesens. 1872.—L'instruction du peuple, par E. Laveleye. 1872.—Preussisches Volksschulwesen, von W. Thilo. 1867.—L'histoire du droit des gens, par F. Laurent.—Всемірная исторія Шлюссера, 1868.—Исторія XVIII вѣка Шлюссера 1871.—Geschichte des XIX Jahrhunderts, von Gervinus 1856.—Исторія крестьянской войны Циммермана, 1872.—Исторія цивилизаціи Германіи Йог. Шерра, 1868, etc.

методы взаимнаго обученія, стараясь мотивировать свой страхъ передъ нею тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что это метода „жалкихъ лавочниковъ и торгашей“; мы знаемъ, что воскресныя школы и вечерніе классы для занятія съ взрослыми были не нѣмецкими изобрѣтеніями; мы знаемъ, что катехизическая и сократическая методы преподаванія родились не на нѣмецкой почвѣ, что, какъ говоритъ поклонникъ нѣмецкой педагогики Рудольфъ Дулонъ, „Сократъ не былъ нѣмцемъ, старыя катехизаторы жили въ Александріи и Антиохіи, Бонавентура былъ итальянецъ, Жерзонъ и Уиклефъ были англичане“. Съ другой стороны, мы знаемъ изъ нѣмецкой педагогической хроники весьма неприглядные факты, не очень льстящіе нѣмецкому педагогическому генію, мы знаемъ, что еще въ 1836 году нѣмецкіе педагоги были разбиты на голову врачами, какъ люди, совершенно не понимавшіе физическихъ условій человѣческой жизни и шедшіе въ разрѣзъ съ самыми первыми требованіями гигиены и физиологій; мы знаемъ также, что однимъ изъ изобрѣтеній нѣмецкихъ педагоговъ, уцѣлѣвшимъ до нашихъ дней, было изобрѣтеніе „моментальнаго потрясенія“, т. е. изобрѣтеніе неожиданно данной пощечины. Все это не особенно хорошо рекомендуетъ нѣмецкій педагогическій геній, и если-бы мы вздумали здѣсь взвѣшивать, сколько новаго внесъ въ педагогику каждый народъ, то, конечно, нѣмцы остались-бы далеко позади другихъ народовъ въ дѣлѣ изобрѣтательности, въ дѣлѣ быстрыхъ и смѣлыхъ переходовъ отъ стараго къ новому. И знаете-ли, почему это случилось? Потому, что изобрѣтательность вездѣ и во всемъ является самою слабою стороною нѣмцевъ. Да, не нѣмецъ открылъ Америку. Но нельзя отрицать того, что нѣмцы поселились въ этой не ими открытой Америкѣ, что они ее вспахали, обработали, полили своими потомъ и кровью.

„Нѣмцы умѣютъ воспринимать чужія идеи“, говоритъ Дулонъ, и въ этомъ ихъ сила. Нѣмецкій умъ тяжеловатъ, онъ работаетъ медленно, въ немъ нѣтъ смѣлости и блеска. Но эти люди въ странѣ картофеля и пива, тяжелые на подъемъ, отличаются усидчивостью, сосредоточенностью, акуратностью, упорствомъ. Они, по мѣткому выраженію одного писателя, умѣютъ „высиживать“ чужія мысли. Это страна „мыслителей“ по преимуществу и отнюдь не страна

изобрѣтателей. Вотъ почему и нѣмецкіе педагоги не изобрѣтали, а только примѣняли къ жизни, развивали все то, что было уже изобрѣтено до нихъ. Они не вносили новыхъ принциповъ, но они изумительно подробно и добросовѣстно разработывали детали, частности.

Вотъ почему и сама народная школа въ Германіи получила главный толчекъ не отъ одного какого-нибудь лица изъ педагогическаго міра, какъ это было въ Англіи, гдѣ одинъ Ланкастеръ сдѣлалъ въ пять-шесть лѣтъ гораздо больше, чѣмъ сдѣлало все общество и государство въ нѣсколько вѣковъ. Нѣтъ, въ Германіи народную школу вызвали не соображенія педагоговъ, а неотразимыя историческія причины. Въ Англіи Ланкастеръ могъ явиться десяткомъ лѣтъ раньше и толчекъ народному образованію былъ-бы данъ раньше, такъ какъ и за десять и за двадцать лѣтъ до Ланкастера Англія находилась почти въ тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, въ какихъ она была при немъ. Ей было все равно, останется-ли народъ еще на десять лѣтъ безграмотнымъ или нѣтъ: она не видѣла въ этомъ вопросѣ рокового „быть или не быть“. Въ Германіи-же вопросъ о народномъ образованіи поднялся потому, что настали времена реформаціи и тутъ уже грамотность народа явилась однимъ изъ условій успѣха реформаціи. Дѣло шло о томъ, чтобы показать народу, что католичество противорѣчитъ Библии, и потому нужно было стремиться, чтобы народъ могъ читать Библию. Далѣе мы покажемъ, какъ вообще историческія причины непосредственно вліяли и на дальнѣйшій ходъ народнаго образованія въ Германіи. Отдѣльныя-же личности изъ педагогическаго міра только подчинялись этимъ причинамъ, приравнивались къ нимъ, старались подвести характеръ своей дѣятельности къ характеру этихъ причинъ. Они въ этомъ случаѣ дѣйствовали, какъ дѣйствуетъ чиновникъ, который пишетъ въ офиціальномъ отвѣтѣ на какую нибудь просьбу: „принимая во вниманіе, что сіе прошеніе“ и т. д.,—пишетъ не потому, что ему нравится такой способъ выразаться, не потому, что онъ не умѣетъ начать иначе дѣловую бумагу, а потому, что этого требуютъ офиціальныя условія. Онъ, можетъ быть, черезъ два-три года будетъ принужденъ вмѣсто этой фразы ставить другую, напримѣръ: „соображаясь съ тѣмъ, что это прошеніе“, „принявъ въ соображеніе эту просьбу“, „имѣя въ виду“ и т. д. Но теперь онъ покоряется обстоятельствамъ и пишетъ: „принимая во вни-

маніе, что сіе прошеніе“. Такъ и нѣмецкіе педагоги подь давленіемъ историческихъ причинъ выработали извѣстныя формы, не потому, что эти формы дѣйствительно являются верхомъ совершенства, а потому, что именно эти формы соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, во имя которыхъ создано образованіе.

Вслѣдствіе этого полнѣйшаго подчиненія нѣмецкой педагогики политическимъ соображеніямъ и цѣлямъ, вслѣдствіе этой зависимости педагогики отъ временныхъ и внѣшнихъ условій, нѣмецкая педагогика выработала многое такое, отъ чего будетъ открещиваться каждый здравомыслящій человекъ, отъ чего открещивается значительная часть нѣмецкаго общества. Правда, нѣмецкая школа значительно поуничтожила въ студенчествѣ грубость и рѣзкость прежнихъ буршей, но вмѣсто нихъ она развила тупое филистерство и лизоблудство, обладающее мягкими манерами блудливой кошки. Она уничтожила мужиковатыхъ тевтоновъ, но расцвѣтила прифрантившихся лакеевъ. Еще Гёте говорилъ, что „въ Германіи только и бьются изъ-за того, чтобы какъ можно раньше сдѣлать юношей смиренныи, изгнать изъ нихъ всякую естественность и оригинальность и, въ концѣ концовъ, превратить ихъ въ чистѣйшихъ филистеровъ“. Нѣмецкая школа научила профессоровъ диктовать по тетрадокамъ изъ года въ годъ однѣ и тѣ же лекціи и думать только о томъ, какъ-бы нахватать побольше жалованья, орденовъ и чиновъ. Нѣмецкая школа создала среднія учебныя заведенія, которыя совершенно забываютъ правило *pro vita, non pro schola*, и забываютъ съ дѣтства молодые умы многими ненужными предметами, оставляя въ сторонѣ все необходимое. И когда всѣ нелѣпости среднихъ учебныхъ заведеній стали очевидны всѣму обществу, когда противъ нихъ поднялись нѣмецкіе публицисты, врачи, родители, тогда во главѣ защитниковъ этихъ нелѣпостей явились—педагоги. И какое тупое непониманіе цѣлей воспитанія выказали они! Просматривая ихъ полемическія статьи, мы видимъ, что они старались сдѣлать педагогику не только неслужительницею жизни, но даже неслужительницею школы, а просто служительницею политическихъ цѣлей и соображеній, т. е. цѣлей и соображеній, которыя могли имѣть мѣсто вчера, могутъ не имѣть мѣста завтра даже безъ всякой смѣны формы правленія, а просто при поворотѣ въ настроеніи умовъ, при перемѣнѣ министра, при измѣненіи положенія государства. Это проявляется во

всемъ. Такъ подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ нѣкій Д. Рихтеръ въ 1852 году заявляетъ въ „ученой статьѣ“, что охлажденіе земной коры происходитъ вслѣдствіе преумноженія грѣховности людей; такъ „въ ученомъ собраніи“ въ Штутгартѣ директоръ гимназіи Д. Таушеръ читаетъ „ученую лекцію“, въ которой доказываетъ, что „Натанъ“ Лессинга весьма жалкое произведеніе и въ научномъ, и въ эстетическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, и т. д. Примѣровъ не обобратся!

Эта полная подчиненность нѣмецкихъ педагоговъ, это отсутствіе личной инициативы сказались во всемъ; сказались они и въ устройствѣ народныхъ школъ. Нѣмецкіе педагоги сдѣлали все, чтобы выучить читать, писать и считать возможно большее количество дѣтей изъ народа, но далѣе этого они не пошли. Они просто явились исполнителями программы, начертанной не ими, — а какова была эта программа, — это мы увидимъ ниже.

II.

Деморализація католическаго духовенства временъ реформаціи совершилась не вдругъ. Она коренилась уже въ отдаленныхъ вѣкахъ христіанства и вызывала самыя горячіе протесты со стороны великихъ отцовъ церкви. Уже св. Григорій обвинялъ епископовъ за то, что они сдѣлали ремесло изъ набожности и христіанской религіи. „Судейская политика, говоритъ онъ, — вторглась въ алтари; церковь превратилась въ сцену. Проповѣдники ломаются на кафедрахъ, какъ фиגляры, и держутъ себя въ жизни, какъ царедворцы“. Самъ св. Григорій велъ совершенно иную жизнь и потому не избѣжалъ упрековъ, которые онъ и отразилъ на константинопольскомъ соборѣ. „Я не зналъ, говорилъ онъ, — что я долженъ мѣряться блескомъ съ губернаторами и генералами, обладающими несмѣтными богатствами и незнающими, на что употребить эти богатства. Я не зналъ, что, злоупотребляя имуществомъ бѣдняковъ для поддержанія своей роскоши и для доставленія себѣ всевозможныхъ наслажденій, я имѣлъ право бросать на разныя излишества столь необходимыя вещи и явиться къ алтарю съ головою, отягощенной парами шумнаго пира. Я не зналъ, что епископъ можетъ скакать на гордомъ и дорогомъ конѣ или развѣзжать въ великолѣпномъ экипажѣ, окруженномъ блестящею сви-

тою. Я не зналъ ничего этого; ошибка сдѣлана и я прошу васъ простить меня за это.“ Св. Григорію пришлось отступить передъ интригами, образовавшимися противъ него. Тоже случилось съ св. Іоанномъ Златоустомъ. Его удалили съ собора будто-бы за несоблюденіе мелочныхъ условій дисциплины. „Вы знаете, говорилъ онъ,—въ чемъ настоящая причина моего паденія; она заключается въ томъ, что я не украсилъ своего жилища богатыми тканями; въ томъ, что я не надѣлъ шелковыхъ и золоченныхъ одеждъ; въ томъ, что я не потакалъ извѣженности и чувственности извѣстныхъ лицъ.“ Это стремленіе христіанъ и, главнымъ образомъ, ихъ епископовъ къ роскоши, къ извѣженности, къ чувственнымъ наслажденіямъ заставило такихъ людей, какъ св. Клементъ, св. Григорій, св. Іоаннъ Златоустъ и св. Василій, разъяснять значеніе богатства и проповѣдывать все сильнѣе и сильнѣе любовь къ бѣднымъ. „Богатства, говоритъ св. Клементъ,—сами по себѣ ни добро, ни зло; это орудіе, которымъ можно злоупотреблять, но которое также можетъ сдѣлаться источникомъ добра.“ „Только дурное употребленіе богатствъ, прибавляетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—является преступленіемъ; сама бѣдность является благомъ только тогда, когда она дѣлается источникомъ добродѣтелей.“

Но эти идеи съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ расширенія христіанскаго общества, по мѣрѣ усиленія христіанъ, уже не нуждавшихся въ особыхъ самопожертвованійхъ для побѣды надъ язычниками, все меньше и меньше находили отголоска въ средѣ высшаго католическаго духовенства, которое весьма рѣзко отличалось отъ стараго духовенства. Не одинъ св. Іеронимъ упрекалъ католическихъ епископовъ за гордость, нисколько не гармонировавшую съ христіанскимъ смиреніемъ. Подобныя упреки раздавались со всѣхъ сторонъ. Епископы, а за ними и все католическое духовенство, стремились къ роскоши, къ широкой жизни, къ самому утонченному блеску. Ихъ богатства составлялись изъ приношеній королей и благочестивыхъ людей. Давались эти приношенія ради отпущенія грѣховъ, ради избавленія отъ недуговъ, ради надежды получить еще больше земныхъ благъ за свою щедрость. Католическая церковь пользовалась этимъ настроеніемъ умовъ, поддерживала его, возбуждала его всѣми средствами, иногда очень безчестными, очень наглыми и доводила общество до того, что какой нибудь итальянскій бандитъ, отправляясь на разбой, впередъ платилъ духовенству извѣстную

дань за отпущеніе будущаго грѣха. Клодвигъ уже говорилъ, что „католическіе святые вѣрныя, но нѣсколько дорогіе друзья“. Король Хильперіеъ часто повторялъ: „Вотъ какъ наши доходы оскудѣли! Вотъ какъ наши богатства уходятъ на нашу церковь! Въ сущности никто не царствуетъ, кромѣ епископовъ!“ Карлъ Великій выражалъ еще болѣе серьезныя жалобы. Онъ спрашивалъ у епископовъ и аббатовъ, что означаютъ повторяемыя ими по-стосянно слова „объ отреченіи отъ міра сего?“ „Отрекаются-ли, говорилъ онъ, — отъ міра сего тѣ, которые ежедневно стараются объ увеличеніи своихъ имуществъ, иногда угрожая вѣчными мученіями ада, иногда во имя того или другого святого обирая все имѣніе и у бѣдняковъ и у богатыхъ, слабыхъ умомъ и неразсчетливыхъ людей, которыхъ законные наслѣдники остаются безо всего, и такимъ образомъ, по большей части, вслѣдствіе нищеты, предаются разнымъ испытаніямъ и впадаютъ въ преступленія? Отрекаются-ли отъ міра сего тѣ, которые стораютъ жаждою воспользоваться имуществомъ ближнихъ и побуждаютъ людей къ клятвопреступленію и ложнымъ свидѣтельствамъ за деньги? Что сказать о тѣхъ, которые будто-бы изъ любви къ Богу постоянно переносятъ изъ одного мѣста въ другое кости святыхъ и строятъ здѣсь новыя храмы, выманывая при помощи самыхъ грубыхъ насилій сокровища въ пользу святыхъ?“ Настоящія и поддѣльныя святыни и мощи, ложныя чудеса, все это пускалось въ ходъ католическимъ духовенствомъ для удовлетворенія алчности, возраставшей параллельно съ возрастаніемъ богатства. Католическая церковь не останавливалась даже передъ поддѣлкою завѣщаній и тому подобныхъ документовъ. Такъ въ Кемптенѣ монастырь хотѣлъ обложить свободныхъ крестьянъ такими-же повинностями, какъ и крѣпостныхъ. Крестьяне воспротивились, тогда аббать велѣлъ поддѣлать актъ, который и былъ выданъ за учредительную грамоту Карла Великаго. Когда началась тяжба крестьянъ съ монастыремъ, аббать принесъ ложную присягу и выигралъ дѣло. Духовенство католической церкви начало распространять убѣжденіе, что денежныя приношенія и дары могутъ вполне загладить всякое преступленіе. Въ *Gesta Dagoberti* рассказывается, что Дагоберъ сдѣлалъ много страшныхъ преступленій, но, „что можно надѣяться, что столько розданной милостынн и молитвъ святыхъ, памятники и церкви которыхъ обогащены Дагоберомъ, искупятъ его грѣхи и доставятъ ему прощеніе“.

ніе“. Такимъ образомъ достаточно было дать денегъ въ монастырь, чтобы получить прощеніе за самыя страшныя преступленія всей жизни. Вѣра дѣлалась ненужною; нужно было богатство. Католическое духовенство распространяло идею, что самый великій грѣшникъ, если онъ богатъ, можетъ спасти свою душу при помощи вкладовъ и жертвъ, тогда какъ самыя ничтожныя грѣхи человѣка, если онъ бѣденъ, не будутъ прощены безъ жертвъ и приношеній. Это дѣйствовало убійственно на нравственность, такъ-какъ для спасенія души приходилось награть себѣ богатство. „Если папы, говорилъ народъ, — обладаютъ такою властью, то они страшные злодѣи, потому-что допускаютъ несчастныя души до такихъ страданій; на что-же выкупаться мужицкимъ душамъ?“ Жадность Рима вошла въ поговорку, это, по словамъ одного писателя XI вѣка, „antiqua Romanorum avaritia“. „Она, говоритъ Глаберъ, — господствуетъ надъ всею землею, но тронъ ея, по видимому, находится въ Римѣ: in Romanis inexplebile cubile locavit“. Духовныя мѣста открыто продавались за деньги; ростовщики давали ссуды кандидатамъ на эти мѣста, надѣясь получить свои деньги съ большими процентами, когда кандидаты купятъ мѣста. При ваканціи епископствъ римскому двору уплачивались громадныя суммы, называемыя аннатами. Для уплаты этихъ суммъ подданные облагались новыми раззорительными налогами. Это случалось такъ часто, что высасывало изъ народа послѣдніе соки. Каждый прелатъ, при вступленіи въ должность, обязанъ былъ внести отъ 15,000 до 20,000 и болѣе гульденовъ. Случалось, какъ, наприимѣръ, въ Пассау, что въ восемь лѣтъ престолъ былъ три раза, а въ восемнадцать — четыре раза вакантнымъ, такъ-что въ этотъ срокъ пришлось платить аннаты 4 раза. Судьи въ Римѣ были подкупны до послѣдней степени и ничего не дѣлали безъ денегъ. „Каждое преступленіе, говоритъ одинъ современникъ, — простится въ Римѣ, лишь-бы былъ туго набитый кошелекъ. Будьте вы отцеубійцей, распутнымъ, вы все-таки будете считаться честнымъ человѣкомъ, показавъ судѣ свое золото: римскій дворъ—это рынокъ, гдѣ продаютъ правосудіе тому, кто больше платитъ“. Джонъ Салисбѣрійскій пишетъ Кентербѣрійскому архіепископу: „Извѣстно всѣмъ, что имѣющій больше денегъ имѣетъ больше друзей въ Римѣ: тамъ подарки оказываютъ больше вліянія, чѣмъ право“. „Вашъ легатъ, писалъ с. Бернардъ папѣ,

перевѣзжалъ отъ одной націи къ другой, отъ одного государства къ другому, оставляя вездѣ свои страшные слѣды. Отъ подножія Альпъ и Германской имперіи до Франціи и Нормандіи онъ наполнилъ церкви святотатствомъ, совершая самыя постыдныя вещи, увозя мощи святыхъ изъ мѣстъ, посѣщенныхъ имъ, и грабя черезъ своихъ повѣренныхъ тѣ мѣста, куда онъ не могъ попасть самъ; противъ него поднялись единодушные крики: частныя и служащія лица, богатые и бѣдные, монахи и священники, всѣ жалятся на него; онъ сдѣлался сказкою школъ, дворовъ и перекрестковъ“. Всѣ писатели единодушно подтверждаютъ эти факты и говорятъ, подобно Петраркѣ, что „Римъ за деньги открываетъ небо“.

„Въ четырнадцатомъ столѣтіи, по словамъ Ф. Лорана, — католическое духовенство отличалось отъ остального общества только своимъ развратомъ и своимъ невѣжествомъ.“ Свидѣтельство для подтвержденія этого факта не мало. Вотъ что говоритъ одинъ изъ горячихъ защитниковъ католической церкви: „Многіе епископы совершенно не заглядываютъ въ свои епархіи, не заходятъ въ свои церкви, не видятъ никогда своей паствы. Но для чего жаловаться на ихъ отсутствіе? Если-бы они присутствовали здѣсь, они принесли-бы въ тысячу разъ больше зла. Они проводятъ дни среди охоты и игры, ночи среди оргій. Безбородые юноши, едва вышедшіе изъ подъ фѣрулы, они приняли на себя обязанность поучать другихъ тому, чего они не знаютъ сами... Каноники ходятъ на своихъ начальниковъ. Невѣжды, святокупцы, серяги, честолюбцы, распущенные въ своей жизни, суровые въ отношеніи къ другимъ, преданные порокамъ, разврату, они проводятъ время въ празднословіи, потому что они не знаютъ ничего серьезнаго, что могло-бы ихъ занять. Они считаютъ величайшимъ благомъ жизни заботы о своемъ желудкѣ и плотскія наслажденія“. Таковы были передовныя лица католической церкви. Не лучше была и масса католическаго духовенства. „Обыкновенно берутъ людей отъ плуга, отрываютъ ихъ отъ ремесленныхъ занятій и заставляютъ ихъ управлять паствами, говорить тотъ-же защитникъ католической церкви.—Ихъ нравы равняются ихъ знаніямъ. Они знаютъ только игры, оргіи, споры, безстыдства... Всѣ люди праздные, желающіе лѣнливой и изнѣженной жизни, стремятся сдѣлаться духовными пастырями. Какъ только они достигаютъжелаемаго, они

дѣлаются постоянными гостями кабаковъ и непотребныхъ мѣстъ и проводятъ жизнь въ ѣдѣ, питьѣ и игрѣ. Пьяные, они кричатъ, бушуютъ, дерутся, оскверняютъ своими грязными устами имя Божіе и имена святыхъ. „Наслѣдство и должности среди духовенства переходили отъ отцовъ къ ихъ незаконнымъ дѣтямъ. Смотря на все это, Пьеръ д'Альи восклицалъ: „Паденіе католической церкви таково, что вошло въ поговорку мнѣніе о томъ, что ея могутъ управлять только отверженные“.

При такомъ положеніи католическая церковь могла, конечно, сохранять за собою свой авторитетъ только при помощи невѣжества массы. Первые лучи просвѣщенія должны были гибельно отозваться на католической церкви. Вотъ почему она всѣми силами старалась тормозить дѣло образованія массъ. „Въ средніе вѣка, говоритъ Ф. Лоранъ,—католическая церковь захватила въ свои руки науку, какъ она захватила правосудіе и власть. Не отрицая принесенныхъ ею человѣчеству услугъ, можно сказать, что она очень дурно исполнила свою научную миссію. Въ наши дни католики утверждаютъ, что только церковь имѣетъ способность обучать, такъ-какъ она является представительницей христіанской доктрины; этимъ, какъ и всѣмъ другимъ, они доказываютъ, что они не знаютъ своей собственной исторіи. Втеченіи долгихъ вѣковъ обученіе находилось въ рукахъ католической церкви. Что-же она изъ него сдѣлала? Университеты были исключительно теологическими, философія была скована цѣпями догмата и обречена гнать, когда она хотѣла завоевать хотя немного независимости; въ концѣ концовъ не было ни исторіи, ни литературы, ни естественныхъ наукъ, ни математики. Когда въ XV вѣкѣ Возрожденіе воскресило изученіе литературы,—гдѣ оно нашла своихъ самыхъ упорныхъ, своихъ самыхъ тупыхъ враговъ? Въ средѣ самыхъ католическихъ университетовъ: въ Оксфордѣ, въ Парижѣ, въ Кельнѣ. Мы не станемъ говорить о низшемъ образованіи, потому что оно не существовало: огромная масса людей не умѣла ни читать, ни писать. Вотъ какъ доказала католическая церковь, что ея миссія обучать народъ. Съ которыхъ поръ образованіе начало распространяться во всѣхъ классахъ? Съ тѣхъ поръ, какъ оно сдѣлалось свѣтскимъ. Это Лютеръ, шедшій по слѣдамъ Возрожденія, далъ толчекъ этому движенію новѣйшихъ обществъ. Онъ сказалъ, что образованіе есть обязанность государства и что государство въ

случаѣ нужды можетъ принудить къ этому семейство. Лютеръ не имѣлъ въ виду, подобно католической церкви, однѣхъ религіозныхъ нуждъ. „Если-бы, говоритъ онъ не было ни неба, ни ада, то все-таки было-бы нужно для гражданскихъ обществъ образованіе и развѣ государство не такого-же божественнаго происхожденія, какъ церковь?“ Это онъ повторялъ и въ письмахъ къ бургомистрамъ и совѣтникамъ всѣхъ городовъ Германіи, которымъ ставилъ въ обязанность созидать и поддерживать христіанскія школы, и въ проповѣди о томъ, что дѣтей нужно посылать въ школу.

Вотъ одна изъ причинъ того перевѣса образованія, который должны были получить въ будущемъ всѣ народы, отшатнушіеся отъ католичества и примѣнувшіе къ реформаціи.

III.

— Читайте библію! говорилъ Лютеръ, обращаясь къ народнымъ массамъ.—Что такое Лютеръ? Что вамъ до Лютера? Пусть погибнетъ Лютеръ и да живетъ въ сердцахъ вашихъ Богъ!

„Читать—это одно уже было великою революціею, замѣчаетъ по поводу этихъ словъ Мишле.—Читать-же напечатанную книгу—это было еще болѣе великою революціею. Это давало крылья прессѣ. Всѣмъ читать, знать, видѣть, имѣть глаза—это революція просвѣщенія.“ Этой-то революціи боялось католичество и она должна была совершиться съ началомъ реформаціи.

Уже въ числѣ первыхъ вѣстниковъ реформаціи являются переводчики библіи, переведенной на верхне и ниже-германское нарѣчія семнадцать разъ. Это дѣлается для того, чтобы народъ могъ, по тогдашнему выраженію, „отправлять самъ богослуженіе въ глубинѣ своей души.“ Рядомъ съ переводомъ библіи появляются и книги для народа. „Проснувшійся духъ этого народа высказался сначала въ народной жизни и литературѣ, получившей двойное значеніе для науки и для народа, говоритъ Циммерманъ. Народная литература была двухъ родовъ: поучительная и сатирическая. Сочиненія Таулера, Генриха Сузо, Іоанна Рухсброка, Фомы Кемпійскаго, Іогана Весселя и другихъ были наполнены духомъ реформаціи; они выражали протестъ противъ современнаго порядка церкви и хотя дѣйствовали медленно, но производили на чита-

телей глубокое впечатлѣніе, распространяясь со времени изобрѣтенія книгопечатанія въ массы публики. Съ другой насмѣшка явно возставала на развращенное папство и на пороки своего времени, ведя малую войну за свободу ума и народа. Розенблютъ, Ролленгагенъ, Себастьянъ Брандъ, Томасъ Мурнеръ порицали въ своихъ сочиненіяхъ современный порядокъ дѣлъ. „Рейнеке Лисъ“, „Забавникъ“, „Корабль дураковъ“ Бранда были народными книгами. Францисканецъ Мурнеръ обошелъ съ 1500 г. почти всѣ германскіе округа и грубо, а часто и непристойно, но въ высшей степени популярно, бичевалъ пороки всѣхъ сословій. „Этотъ-же народъ имѣлся въ виду Ульрихомъ фонъ-Гуттенемъ, когда онъ писалъ свои сочиненія не на одномъ латинскомъ, но и на національномъ языкѣ. Обращаясь къ высшимъ сословіямъ, фонъ-Гуттенъ не забываетъ и народъ. „Принцы, дворяне, граждане и *крестьяне* Германіи“, начинается онъ одно изъ своихъ сочиненій. Желая возбудить въ крестьянахъ чувство мести, онъ собственно для нихъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Нейкарстгансъ“ съ приложеніемъ катехизиса изъ тридцати параграфовъ, „въ вѣрности которымъ крѣпко повѣлялись дворянинъ Гельфрихъ, солдатъ Гейнцъ и Карстгансъ со всѣми товарищами“. Сочиненіе это, вполне народное, дышало страшною ненавистью ко всѣмъ, кто посягнетъ на совѣсть, домашнее счастье и карманъ простолюдина. Чѣмъ дальше шла реформація, чѣмъ болѣе теряла она свой узкорелигіозный характеръ, который хотѣлъ удержать за нею Лютеръ, тѣмъ сильнѣе началъ просвѣщаться народъ. „Между крестьянами, говоритъ Циммерманъ, — начали появляться умные и отважные люди. Въ народѣ распространились летучіе листки, которые, какъ молніи, пугали и просвѣщали“. Реформаторы все болѣе и болѣе опирались на народъ. Къ народу пишетъ Мюнцеръ свое посланіе, начиная его словами: „Дорогіе товарищи въ лохмотьяхъ и съ пустыми желудками, съ челомя, сморщеннымъ отъ нищеты, и съ загрубѣлыми руками“. Тѣхъ-же людей имѣетъ онъ въ виду, говоря въ другомъ своемъ посланіи: „Поднимитесь, мои товарищи, во глубинѣ колодезь и рудниковъ“. Ради тѣхъ-же людей держитъ онъ въ Эйленбургѣ своего особаго типографа, распространяя такимъ образомъ свои сочиненія и проповѣди.

Карлштадъ, поэтъ и ораторъ, портной Іоганъ Бовельсонъ, названный Іоанномъ Лейденскимъ, и тому подобныя люди такъ или

иначе способствуютъ образованію народа. Умѣнье читать дѣлается одною изъ главныхъ насущныхъ потребностей народа.

Но читать библію, читать летучіе листки и возванія, быть грамотнымъ—очень трудно при полномъ отсутствіи правильно организованныхъ народныхъ школъ. И вотъ Лютеръ развиваетъ свои взгляды на это дѣло. „Если-бы я не былъ священникомъ, пишетъ онъ,—я хотѣлъ-бы быть учителемъ. Я еще и не знаю, что лучше: священникъ-ли или учитель. Народъ не понимаетъ, что, имѣя ребенка, онъ обязанъ передъ Богомъ и государствомъ посылать его въ школу и обучать его. Христіанство теперь только потому и падаетъ, что дѣти были брошены; съ нихъ-то теперь и нужно начать.“ Обращаясь съ наставленіемъ къ совѣтникамъ нѣмецкихъ городовъ, Лютеръ пишетъ: „Члены магистрата, вспомните, что Богъ формально повелѣваетъ обучать дѣтей. Это священное приказаніе забывается родителями вслѣдствіе равнодушія, вслѣдствіе неразумности, или вслѣдствіе обремененія работой. На васъ, члены магистрата, лежитъ обязанность напоминать объ этомъ родителямъ и помѣшать возврату тѣхъ нравовъ, отъ которыхъ страдаемъ мы. Не останавливаете-ли васъ недостатокъ средствъ? Но ежегодно растрачивается такое множество суммъ на военные принадлежности, на дороги, на гати, почему-же нельзя пожертвовать хоть чего-нибудь, чтобы дать бѣдному юношеству учителей? Процвѣтаніе городовъ не обуславливается накопленіемъ сокровищъ, постройкой сильныхъ крѣпостей, возведеніемъ богатыхъ домовъ, собираніемъ блестящихъ оружій. Настоящее сокровище, настоящее спасеніе, настоящая сила городовъ въ томъ, чтобы они насчитывали большое число образованныхъ, развитыхъ и приготовленныхъ къ добру гражданъ и если въ наши дни такіе граждане рѣдки, то виноваты въ этомъ вы, члены магистрата, оставившіе юношество расти, какъ растетъ дикое дерево въ лѣсу.“

О какомъ образованіи хлопоталъ Лютеръ—это ясно видно изъ его письма къ одному отцу семейства, который говорилъ, что онъ не посылаетъ своихъ дѣтей въ школу потому, что они нужны ему, какъ помощники въ работѣ. „Ты, писалъ ему Лютеръ,—говоришь мнѣ: все это хорошо, но мнѣ нужны дѣти и я не могу сдѣлать изъ нихъ благородныхъ; они нужны мнѣ, какъ помощники въ работѣ. Я отвѣчаю: по моему мнѣнію тоже, не нужно троявить школъ такимъ образомъ, какъ ихъ устроивали до сихъ

поръ, держа въ нихъ мальчиковъ надъ книгами до двадцати или тридцати лѣтъ. Мы живемъ въ иныхъ условіяхъ и все должно организоваться по новому и я увѣренъ, что если ты заставишь дѣтей ходить каждый день въ школу на два часа, если ты удержишь ихъ на остальное время при себѣ, то дѣти, такимъ образомъ, и научатся ремеслу и, кромѣ того, будутъ пригодны на что-нибудь другое.“

И такъ главная забота Лютера была обращена именно на первоначальныя, чисто народныя школы.

Не легко и не скоро осуществляются подобныя желанія. Прежде чѣмъ основались сельскія школы, народу пришлось учиться у священниковъ и кистеровъ; послѣдніе были главными учителями народа. Такимъ образомъ „церковь, какъ справедливо замѣтилъ Виндгторстъ въ одномъ изъ засѣданій парламента въ 1872 году, — создала въ Германіи школу; она поддерживала школы и довела въ нихъ народъ до той степени образованности, на которой онъ находится теперь.“

Но церковь дѣйствовала на этомъ пути не одна; она шла рука объ руку съ государствомъ. „Германскія государства, замѣчаетъ тотъ-же Виндгторстъ, — опирались до сихъ поръ на христіански-монархическій принципъ. Опираясь на этотъ принципъ, германскія государства пережили всѣ бури, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, и при помощи этого принципа Германія въ настоящую минуту развилась до того могущества, до котораго не доросъ остальной міръ“. Но если вообще германскія государства опирались на христіански-монархическій принципъ, то Пруссія придерживалась этого принципа еще болѣе; этотъ-же принципъ легъ и въ основаніе ея народнаго образованія, которымъ она воспользовалась, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей.

Пруссія сложилась не вдругъ. Она медленно, но за то неуклонно и послѣдовательно стремилась къ своей цѣли, къ образованію „новой Германіи“, какъ называютъ ее нѣкоторые историки. Ея небольшія владѣнія постоянно увеличивались покушкою, обмѣномъ, завоеваніемъ и наслѣдованіемъ различныхъ сосѣднихъ земель. Она постоянно являлась „собирательницею земель“ и не останавливалась ни передъ какими средствами для исполненія своихъ завѣтныхъ стремленій. Она съумѣла воспользоваться въ критическую минуту реформаціею, когда, по совѣту Лютера, послѣд-

ній принадлежавшій въ бранденбургскому дому гофмейстеръ нѣмецкаго ордена Альбрехтъ сбросилъ скуфью, распустилъ орденъ, назвалъ наследственнымъ герцогомъ и перешелъ на сторону реформаціи, которая проникла не только во владѣнія ордена, но и въ соединенную съ Польшею часть Пруссіи. Далѣе разрывъ ленной связи съ Польшею, принятіе королевской короны, приобретеніе всей Пруссіи, раздѣленіе Польши, все это послужило для образованія „нѣмецкаго“ государства. Но слабость государства, его опасное положеніе, недостатокъ одноплеменнаго кореннаго населенія заставляли бранденбургцевъ прежде всего заботиться о самосохраненіи и идти осторожно по избранной дорогѣ. „Вслѣдствіе этого въ старыхъ бранденбургскихъ правителяхъ, по замѣчанію Гервинуса, развилась наклонность поддерживать политики бѣднаго человѣка, мелкаго торгаша, желающаго заполучить барыши, ничѣмъ не рискуя. Все ихъ искусство управлять сводилось на искусство лавировать, вся ихъ государственная мудрость заключалась въ умѣнны сохранять пассивную роль нейтралитета. Извиваться и увертываться, высматривать и выжидать, хитрить и коварствовать, быть двуязычнымъ и двусмысленнымъ—вотъ основанія тактики старыхъ бранденбургскихъ политиковъ“. Самую яркую картину этой политики можно найти у Гервинуса. Въ расчетъ этой политики должны были войти и заботы о народномъ образованіи: страна состояла изъ лохмотьевъ, изъ разныхъ племенъ, изъ людей чуждыхъ другъ другу. Все это нужно было сшить вмѣстѣ и загладить швы, чтобы вышло одно прочное, нѣмецкое цѣлое. Вотъ почему мы встрѣчаемъ здѣсь уже очень раннія заботы о школахъ. Уже въ 1540 году курфюрстъ Іохимъ II пишетъ: „Такъ какъ для поддержанія религіи и *благочинія* — *guter Polizei* — въ высшей степени нужно, чтобы юношество посылалось въ школы, а школы въ настоящее время приходятъ въ упадокъ, то мы хотимъ, чтобы онѣ были снова устроены, преобразованы и улучшены во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ“. Далѣе является еще распоряженіе объ улучшеніи школъ и вотъ по какому поводу. Папа Пій V, желая снова привлечь къ католицизму дѣтей протестантовъ, далъ возможность іезуитамъ не только принимать бесплатно дѣтей въ іезуитскую коллегію, но даже содержать и одѣвать на счетъ коллегіи бѣднѣйшихъ учениковъ. Эта мѣра при недостаткѣ протес-

тантскихъ школъ оказалась очень дѣйствительной и іезуиты хвалились, что они обратили въ католичество до 400 дѣтей. Эти обстоятельства заставили Іоганна Георга позаботиться объ улучшеніи школъ „для противодѣйствія панѣ“.

И такъ первые два распоряженія, касавшіяся школьнаго дѣла, были вызваны совершенно особенными соображеніями: школа призналась нужною не потому, что человѣку вообще нужно образованіе, а потому, что нужно было сохранить *благочиніе* и *протестантизмъ*. Это были краеугольные камни, на которыхъ создавалось прусское образованіе. Гогенцоллернскій домъ, какъ мы увидимъ ниже, никогда не упускалъ изъ виду этихъ двухъ цѣлей; съ теченіемъ времени только расширился и выяснился взглядъ на благочиніе и протестантизмъ, но онѣ всетаки оставались цѣлью образованія, которое, такимъ образомъ, давалось народу не ради потребностей самаго народа, а ради потребностей государства. Прусское правительство заботясь объ устройствѣ школъ, явилось цѣлою головою выше прусскаго общества: тогда какъ первое сдѣлало со своей стороны все возможное, чтобы не оставить народъ невѣжественнымъ и достигнуть своихъ цѣлей,—второе являлось только безмолвнымъ исполнителемъ не имъ начертанныхъ плановъ и иногда даже не сознавало, къ какимъ послѣдствіямъ приведутъ эти планы. Съ одной стороны это обстоятельство дало народному образованію далеко неутѣшительный характеръ, съ другой,—заставило распространить образованіе въ массахъ въ очень сильной степени или, говоря другими словами, это очень дурно повліяло на качество образованія и очень благотворно отозвалось на количествѣ образованія.

IV.

Но бранденбургскій домъ довольно долго былъ занятъ исключительно собираніемъ земель и не могъ серьезно заботиться о школахъ. Два распоряженія, упомянутыя нами, касались только однихъ городскихъ школъ. Этихъ-же школъ касались и распоряженія 1573 и 1600 годовъ, поручавшія надзоръ за школами духовенству. Заботы о деревенскихъ школахъ впервые высказались послѣ тридцатилѣтней войны, когда курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ въ 1662 году приказалъ, „чтобы церкви и приходы при-

ложили все стараніе для устройства хорошихъ школъ, какъ въ городахъ, такъ и въ мѣстечкахъ и селахъ“. Въ 1687 году мы встрѣчаемъ распоряженіе, допускающее во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ церковныя школы, но запрещающее частныя школы. Въ томъ-же году является первая попытка основать нѣчто въ родѣ учительской семинаріи. Среди распоряженій, касающихся школъ, встрѣчаются постановленія на счетъ того, что нѣмецкіе учителя должны опредѣляться на мѣста совѣтомъ и „если они будутъ набожны и не будутъ противиться пастору, то имъ можно давать изъ церковной кассы подарки, жалованье-же они будутъ получать отъ учениковъ, которыхъ они будутъ учить читать, хорошо и правильно писать и считать, кромѣ того должны они обучать ихъ катехизису и читать проповѣди, какія будутъ предписаны имъ по совѣту пастора“. „Кистеры должны *послушнѣйшимъ образомъ* помогать пасторамъ во всѣхъ служебныхъ занятіяхъ и обучать мальчиковъ и дѣвочекъ чтенію и письму, а также катехизису и христіанскому церковному пѣнію, на что пасторъ долженъ старательно обращать вниманіе и серьезно увѣщевать народъ посылать дѣтей въ школы“. Правительство оставляетъ за собой главную власть въ школьномъ дѣлѣ, но, не имѣя средствъ на устройство этого дѣла, поручаетъ его исполненіе духовенству.

Первыя вполнѣ серьезныя попытки прочно устроить народное образованіе относятся ко временамъ короля Фридриха Вильгельма I. Это было время сборовъ и приготовленій къ будущей широкой дѣятельности Пруссіи. Король-солдатъ, походившій по характеру на нѣмецкаго престолюдина того времени, невыносимо грубый, но честный работникъ, бѣгалъ съ палкою въ рукѣ по улицамъ Берлина, вторгался въ дома, въ казармы, въ школы, вездѣ все перестраивалъ, вездѣ все передѣлывалъ на свой ладъ и постоянно, съ свойственною ему рѣзкостью выраженій, твердилъ: „Я твердъ, какъ булыжникъ на улицѣ, и я долженъ быть еще болѣе твердымъ, потому что мои предки сдѣлали народъ празднымъ и лѣнивымъ“. „Мы должны работать всѣ, работники и принцы, солдаты и бюргеры. Богъ хочетъ, чтобы тотъ, кто не работаетъ, не имѣлъ права ѣсть и наслаждаться“. Его палка гуляла по спинамъ мужиковъ и по спинамъ дворянъ, по спинамъ чужихъ людей и по спинамъ его собственныхъ дѣтей. Онъ не терпѣлъ противорѣчій и обрывалъ всякія возраженія своею извѣстною:

„пустъ онъ не разсуждаетъ — *gesonnig er nicht*“. Эта фраза произносилась запугивающимъ тономъ, едва понятно, въ носъ, и горе тому, кто вздумалъ-бы продолжать разсуждать. Старшая дочь короля едва не была убита имъ за подобную попытку. Покровительствуя фабрикаціи шерстяныхъ тканей, онъ повелѣлъ срывать на улицахъ съ женщинъ одежду, сдѣланную изъ хлопчато-бумажной ткани. Недовольный дѣятельностью судей, онъ безъ всякаго суда вѣшалъ тѣхъ, кого считалъ виноватыми. Ему нужно было войско изъ сильныхъ и рослыхъ людей и онъ покупалъ и воровалъ въ чужихъ земляхъ солдатъ. Онъ желалъ, чтобы солдаты вели суровую жизнь и потому запрещалъ имъ жениться, что наполняло города массою развратницъ, на которыхъ онъ отъ времени до времени дѣлалъ набѣги. Ему нужно было денегъ и онъ довелъ экономію до того, что его жена и дочь нерѣдко ѣли въ проголодь и стыдились своей одежды. Лестъ и низкопоклонство были ему ненавистны. Одинъ вновь вступившій камердинеръ читалъ ему разъ вечернюю молитву и, дойдя до словъ: „Господь да благословить тебя“, счелъ долгомъ вѣрноподданнически сказать: „Господь да благословить васъ“! король тотчасъ-же закричалъ на него: „Собака, читай вѣрно, передъ Богомъ я такой-же песъ, какъ и ты“. Одного несчастнаго еврея, убѣжавшаго отъ встрѣчи съ государемъ, „потому что онъ его испугался“, Фридрихъ-Вильгельмъ велѣлъ высѣчь, приговаривая: „Не бояться, а любить, любить должны вы меня“! Легко было ему говорить это! Иногда онъ казался великимъ человѣкомъ, иногда онъ являлся ограниченнымъ и тупымъ самодуромъ, но всегда и вездѣ онъ былъ человѣкомъ съ желѣзной волей, съ желѣзною рукой. Именно такой-то человѣкъ и могъ создать такъ быстро народное образованіе, какъ создалъ онъ. Въ его царствованіе было основано 1800 школъ.

Конечно, король устраивалъ школы не потому, что онъ любилъ образованіе. Онъ считалъ тевтонскую грубость однимъ изъ существенныхъ качествъ Германіи и презиралъ науку и образованіе до того, что даже великаго Лейбница называлъ „ни на что негоднымъ человѣкомъ, не способнымъ даже стоять на часахъ“. Онъ устраивалъ между пьяницею Моргерштерномъ, заступившимъ мѣсто умершаго отъ пьянства и погребеннаго въ винной бочкѣ Гундлинга, и между профессорами франкфуртскаго университета

диспутъ на тему: „Всѣ ученые пустомели и дураки“, — диспутъ, говорившій не только о полнѣйшемъ презрѣніи короля къ наукѣ, но и намекавшій на то, что въ головѣ у короля не все въ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе король заботился о народномъ образованіи. Оно было нужно ему съ одной стороны, какъ средство для внушенія послушанія, для объединенія разноплеменнаго населенія, съ другой, какъ средство для развитія благочестія и для обращенія къ христіанской религіи полуязыческихъ подданныхъ. Вотъ почему, при оцѣнкѣ успѣховъ народнаго образованія, Зюсмилхъ въ 1756 году писалъ: „Прежніе упорные литовцы, при помощи восемнадцатилѣтнихъ заботъ Фридриха-Вильгельма I о школьномъ образованіи, сдѣлались почти другими людьми въ гражданскомъ обществѣ, они понимаютъ и исполняютъ всѣ обязанности относительно властей и въ этомъ отличается особенно поколѣніе, образованное въ школахъ. Какая прекрасная награда за сдѣланные расходы!“ Именно этихъ результатовъ и добивался Фридрихъ-Вильгельмъ I. Дорожилъ онъ, не менѣе чѣмъ благочиніемъ, набожностью народа. Уже въ 1722 году онъ писалъ, когда ему были высказаны нѣкоторыя затрудненія по дѣлу устройства школъ: „Это все ничего: правительство просто хочетъ оставить страну въ варварскомъ состояніи. Если-же я, строя и улучшая страну, не создамъ христіанъ, то ничто не поможетъ“. Король былъ всегда, конечно, по своему, религіозенъ, подъ конецъ-же жизни онъ сдѣлался просто ханжею, какъ это бываетъ обыкновенно съ людьми, склонными къ самодурству. Эта склонность къ ханжеству не могла пройти безъ вліянія на народное образованіе, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I стоялъ Франке, сильно помогавшій королю въ устройствѣ народныхъ школъ.

Франке родился въ Любекѣ въ 1663 году. Это былъ очень даровитый человекъ. Уже на четырнадцатомъ году онъ былъ признанъ способнымъ поступить въ академію, куда онъ и поступилъ на шестнадцатомъ году для изученія теологіи. На двадцать первомъ году онъ является членомъ коллегіи проповѣдниковъ. Двадцати двухъ лѣтъ занимаетъ въ Лейпцигѣ мѣсто доцента и открываетъ Collegium philobiblicum, гдѣ библія объяснялась прежде всего филологически. Между 1687—89 годами, во время путешествій, онъ встрѣтился съ суперинтендантомъ Зандгагеномъ въ

Люнебургъ и этотъ человѣкъ повліялъ главнымъ образомъ на воззрѣнія Франке. Возвратившись въ Лейпцигъ, Франке сталъ снова продолжать свои лекціи, но онѣ уже носили характеръ піетизма, и противъ лектора возстали многіе изъ духовныхъ лицъ, такъ что, несмотря на защиту піетиста Томазіуса, Франке счелъ за лучшее удалиться отъ преслѣдованій. Съ этой поры начинаются его постоянныя препирательства какъ съ духовенствомъ, такъ и съ университетамъ, и полнѣйшее согласіе съ піетистами. Поселившись послѣ разныхъ тревоженій въ Галле и получивъ, кромѣ профессорской кафедры, мѣсто пастора въ одномъ изъ предмѣстій Галле, Франке, при помощи сборовъ съ прихожанъ, основалъ свой знаменитый сиротскій домъ, который и сдѣлался настоящимъ разсадникомъ учителей во времена Фридриха Вильгельма I. Уже въ 1714 году въ этомъ заведеніи обучалось подъ надзоромъ 108 учителей 1075 мальчиковъ и 700 дѣвочекъ. Безъ сомнѣнія, это было прекрасно. Но какое направленіе могъ дать Франке дѣтямъ и учителямъ? Самые жаркіе поклонники Франке признаютъ, что его нетерпимый піетизмъ вредилъ всѣмъ его произведеніямъ и всѣмъ его учрежденіямъ. Относительно нетерпимости Франке былъ полнѣйшею противоположностью Ланкастера. Онъ не только ссорился со всѣми духовными лицами и съ профессорами изъ за своихъ піетистическихъ воззрѣній, но даже не остановился передъ тѣмъ, чтобы побудить Фридриха-Вильгельма изгнать изъ Галле философа Вольфа, „какъ не христіанина“, при этомъ не стѣснялись даже написать доносъ о томъ, что Вольфъ будто-бы проповѣдуетъ какой-то фатумъ, принуждающій дезертировать изъ войскъ „длинныхъ молодцовъ“. „Этотъ человѣкъ, рассказываетъ про Франке маркграфиня Байрейтская, — считалъ грѣхомъ всѣ удовольствія, даже музыку и охоту; онъ приказывалъ говорить только о словѣ Божіемъ и запрещалъ всякіе посторонніе разговоры. За столомъ онъ одинъ и говорилъ и читалъ вслухъ, какъ въ монастырѣ“. Франке сильно вліялъ на короля. „Каждое послѣобѣда, продолжаетъ маркграфиня, — король читалъ намъ проповѣдь, его камердинеръ пѣлъ духовную пѣсню, а мы всѣ должны были подтягивать. На моего брата Фридриха и на меня находилъ иногда такой припадокъ смѣха, что мы рѣшительно не могли выдержать. Надъ нами разражался тогда цѣ-

дый громъ проклятій и мы должны были выслушивать ихъ, какъ кающіеся грѣшники. Однимъ словомъ, по милости Франке, мы жили точно въ монастырѣ піетистовъ“. Но если такой жизни желалъ Франке во дворцѣ, то еще болѣе строгой жизни желалъ онъ въ школѣ. Въ его учебныхъ учрежденіяхъ образованіе давалось чисто религіозное, сопровождаемое безконечнымъ множествомъ часовъ молитвъ, проповѣдей, обѣденъ. Дисциплина носила вполне монастырскій характеръ, то-есть на первомъ планѣ было безусловное послушаніе,—послушаніе при которомъ со стороны слушающаго не могло быть никакихъ возраженій, никакихъ „какъ“, „почему“ и „за что“. Строгость самая холодная, самая черствая, самая безопадная царила въ заведеніяхъ. Удовольствій не допускалось никакихъ. Все было здѣсь направлено къ тому, чтобы выработать аскетовъ, піетистовъ и безмолвно подчиняющихся личностей. Франке съ каждымъ годомъ дѣлался нетерпимѣе и держалъ всѣ свои учрежденія въ своихъ рукахъ, управляя ими такъ-же самовластно, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ I управлялъ Пруссіею. Франке былъ удивительно изворотливый человекъ, хорошій хозяинъ и экономъ, онъ умѣлъ ловко устраивать денежные дѣла своихъ заведеній, однимъ словомъ, это былъ такой практикъ, что Ланкастеръ, напримѣръ, былъ-бы вполне счастливъ, если-бы обладалъ хотя четвертою частью практическихъ способностей Франке. Въ этомъ отношеніи Франке и Фридрихъ Вильгельмъ I походили другъ на друга и во всякомъ случаѣ дѣйствовали одинъ въ духѣ другого.

Но нельзя отрицать того, что именно такіе люди съ непреклонною, желѣзною волею могли сдѣлать хоть что-нибудь въ тогдашней Германіи, гдѣ среди мелкихъ дворовъ царила самая безумная роскошь и самый безцеремонный развратъ, среди учащейся молодежи господствовали повальное пьянство и варварская грубость нравовъ, среди женщинъ встрѣчались постыдныя нравы, среди ученыхъ догматиковъ развивался лютеранскій и реформатскій іезуитизмъ, а среди народа встрѣчались только бѣдность и упадокъ силъ послѣ долгой борьбы. У Фридриха-Вильгельма I и Франке было множество отталкивающихъ сторонъ, но все-таки эти люди были головой выше и честиѣе своихъ современниковъ.

Подъ вліяніемъ такихъ-то дѣятелей создалось, главнымъ обра-

зомъ, прусское народное образованіе: такъ Фридрихъ-Вильгельмъ I создалъ народныя школы, а Франке создалъ народныхъ учителей.

V.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Фридриха-Вильгельма I было изданіе указа „о евангелически-реформатскомъ инспекторскомъ, пресвитерьянскомъ, классическомъ, гимназическомъ и школьномъ порядкѣ“. Указъ касался, какъ латинскихъ, такъ и нѣмецкихъ школъ. Въ немъ говорилось, что „и въ латинскихъ и въ нѣмецкихъ школахъ, главнымъ образомъ, должно быть обращено вниманіе на то, чтобы юношеству были внушены страхъ божій и начало знанія, а также основанія христіанской вѣры, которыя преподавались-бы прилежно по принятому въ Берлинѣ гейдельбергскому катехизису“. Далѣе говорилось, что „ректоры и доценты должны заботиться о томъ, чтобы юношество прилежно посѣщало общественныя богослуженія, собиралось въ концѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней передъ проповѣдью въ классахъ и школахъ и потомъ въ добромъ порядкѣ отправлялось въ церковь, а также и изъ церкви“. Евангелическіе суперинтенденты и пробсты получаютъ въ 1715 году приказъ наблюдать за школами. Видя, что народъ слишкомъ бѣденъ, что онъ часто не можетъ заводить школъ или посылать въ нихъ дѣтей, король, несмотря на свою скупость, жертвуетъ на дѣло народнаго образованія 50,000 талеровъ—сумму не малую для того времени. Съ земель, отходящихъ подъ школы, снимаются налоги. Но этого мало. Король сознаетъ, что развязать гордіевъ узелъ можно только тѣмъ способомъ, которымъ онъ развязывалъ всѣ узлы, т. е. сказать: „гаесонпиг ег nicht“, „заставить“ всѣхъ учиться въ школахъ. И вотъ въ 1717 году и въ 1736 году вводится „обязательное обученіе“ и назначается наказаніе для всѣхъ тѣхъ, которые не будутъ посылать своихъ дѣтей въ школу.

Principia regulativa — основной законъ прусскаго первоначальнаго образованія—устанавливали исполнѣ организацию народныхъ школъ. Общины обязывались, по этому закону, строить

школы; онъ опредѣлялъ жалованье учителей, плату съ учениковъ, школьные налоги. Учителю давалась земля, которую обрабатывали за него крестьяне, и поле, на которомъ могла-бы пастись его корова. Государственная помощь шла на содержаніе учениковъ, приготовлявшихся въ наставники. Инспектора обязывались посѣщать школы и дѣлать все, что возможно, для ихъ улучшенія. Въ своемъ указѣ Фридрихъ-Вильгельмъ I говорилъ, что „нужно соединить всѣ силы націи, чтобы, наконецъ, прекратить невѣжество“. Но, конечно, никакія усилія не могли-бы принести желаемыхъ плодовъ безъ достаточнаго количества школьныхъ учителей и потому король употребилъ самыя энергическія усилія для созданія учителей.

До сихъ поръ сельскими учителями были лица духовнаго сословія, кистеры и главнымъ образомъ случайно заходившіе въ ту или другую деревню, путешествующіе ремесленники. Но и ремесленники, и кистеры, и сами деревенскіе пасторы, говоритъ Шейбе, были крайне невѣжественны и, конечно, являлись плохими учителями. Однако, повсюду приходилось пользоваться ихъ услугами. Уже въ 1722 году король ограничиваетъ допущеніе къ отправленію учительскихъ обязанностей и повелѣваетъ: „кистерами и учителями могутъ быть принимаемы *только* портные, ткачи холста, кузнецы, колесники и плотники“. Это ограниченіе дѣлается для того, чтобы устранить отъ учительскихъ должностей всякій сбродъ, бравшій на себя прежде обязанности учителей. Далѣе, черезъ шестнадцать лѣтъ, когда уже удалось болѣе правильно организовать учительское дѣло, издается указъ противъ путешествующихъ портныхъ и почиальщиковъ стараго платья. Имъ запрещается останавливаться и жить въ деревняхъ. Право заниматься портняжнымъ ремесломъ удерживается исключительно за кистерами и учителями. Это распоряженіе дѣлается съ цѣлью доставить учителямъ и кистерамъ возможность поддерживать свое существованіе портняжными занятіями. Чтобы имѣть достаточное число учителей, правительство издаетъ въ 1735 году указъ объ основаніи первой учительской семинаріи. До сихъ-поръ учительская семинарія существовала только въ Галле. Она была основана еще въ 1695 году при заведеніи Франке и носила названіе *Seminarium praeseptorum*. Эта семинарія въ 1709 году имѣла уже до

90 studiosis theologiae. Каждый изъ этихъ студентовъ получалъ полное содержаніе отъ учебнаго заведенія, за что обязанъ былъ учить дѣтей по два часа въ день. Если онъ занимался съ дѣтьми долѣе, то излишніе уроки оплачивались отдѣльно. Изъ этой семинаріи выходили, главнымъ образомъ, учителя для городскихъ и латинскихъ школъ. Правительство-же заботилось, чтобы изъ семинаріи, основанной въ 1735 году, выходили народные учителя. Въ своихъ заботахъ объ учителяхъ король повелѣваетъ суперинтендентамъ „заботиться о приготовленіи хорошихъ—*tuechtiger*—учителей“ и говорить: „каждый, кто знаетъ хорошаго учителя, долженъ извѣстить объ этомъ пробста.“ Далѣе король замѣчаетъ: „нужно принимать годныхъ къ дѣлу людей—*tuechtige Subjecte*—въ учителя, и такъ какъ ихъ опредѣляютъ на мѣста священники и проповѣдники, то послѣдніе и должны наблюдать за ними во всѣхъ ихъ школьныхъ и житейскихъ отношеніяхъ“.

Но, несмотря на энергію, не смотря на строгіе указы, школьное образованіе народа не могло создаться на столько хорошо, насколько этого желалъ Фридрихъ Вильгельмъ I. Народъ былъ бѣденъ: ему приходилось строить школы, поддерживать учителей, посылать дѣтей въ школы, отрывая ихъ отъ домашней работы, подвергаться штрафамъ за неисполненіе обязанностей и немудрено, что въ народѣ слышались толки о томъ, что ужъ лучше сдѣлать дѣтей „папистами“, чѣмъ посылать ихъ въ школу. Но желѣзная воля „сѣвернаго медвѣдя“, какъ называетъ Фридриха-Вильгельма I Карлейль, была непреклонна. Онъ учредилъ цѣлую систему наблюденій за школами, за учителями, за народомъ; онъ расправлялся, гдѣ нужно палкою; онъ понукалъ духовенство пропагандировать „гейдельбергскій катехизисъ“ и „недопускать въ школахъ и церквахъ никакого другого“. Въ 1740 году было уже 1700 народныхъ и сельскихъ школъ, въ которыхъ обучалось до 92,500 учениковъ. Учителя были въ нѣкоторыхъ школахъ изъ ремесленниковъ, изъ отставныхъ солдатъ, но за то были въ ихъ средѣ и настоящіе учителя, получившіе образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ. Впрочемъ, и ремесленники и отставные солдаты теперь уже занимались не по прежнему, такъ какъ ихъ занятіями руководили пасторы и проповѣдники, очень хорошо знавшіе, что король слѣдитъ за всѣмъ и чутко слушаетъ каж-

дую сплетню подобныхъ хранителей вѣры, какими были Ланге и Франке.

Умирая, Фридрихъ-Вильгельмъ I оставлялъ своему сыну большую и сильную армию, возросшую изъ 40,000 оборванцевъ до 98,000 хорошо одѣтыхъ и отлично обученныхъ солдатъ; онъ оставлялъ сыну значительное богатство, состоявшее изъ 8,700,000 талеровъ чистаго капитала и 7,400,000 ежегодныхъ доходовъ; онъ оставлялъ сыну, наконецъ, поставленное на прямую дорогу народное образованіе, долженствовавшее объединить Пруссію. Молодому королю оставалось только продолжать начатое отцемъ дѣло, что онъ и исполнилъ.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПѢСНЯ СЧАСТЛИВЦА.

„Ты родился въ сорочкѣ въ міръ!“
Такъ въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ шептала
Больная мать. Ее не стало,
И росъ я нищъ, и нагъ, и сиръ.

Теперь я старъ. Среди народа
Мнѣ бѣдность рубище дала,
Мои портнымъ была природа
И въ міръ въ сорочкѣ родила.

Подобный даръ—примѣта счастья,
Но вотъ ужъ ровно сорокъ лѣтъ
И въ зной, и въ холодъ, и въ ненастье
На мнѣ иной рубашки нѣтъ.

На человѣка не похожій,
Я голоднѣй другого пса...
Такъ позавидуй-же, прохожій:
Вѣдь я въ сорочкѣ родился!..

Дмитрій Минаевъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

I. Статистика народонаселенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Непочтительные взгляды на статистику.—Ея легкомысліе и ея тенденціозность.—Порокъ-ли это ея или добродѣтель?—Отношенія статистики къ наукамъ общественнымъ, антропологическимъ и къ практической жизни.—Абстрактный характеръ статистическаго факта.—Непочтительныя мнѣнія о статистикѣ ведутъ къ оптимистическому воззрѣнію на нее.—Оптимистическій взглядъ на русскую статистику.—Энгель, Корренти, Мейтценъ.—Оптимизмъ Центр. Статист. Комитета и почему я его раздѣляю?—Цѣль настоящихъ очерковъ.—Группировка матерьяла.

Между всѣми отраслями общественныхъ наукъ, статистикѣ какъ-то особенно посчастливилось: у людей ученыхъ и практиковъ, у людей „теоріи“ и людей „жизни“, ея кредитъ стоитъ одинаково высоко; къ ея авторитету прибѣгаютъ во всѣхъ щекотливыхъ вопросахъ общественной жизни; самыя разнообразныя профессіи, самыя отдаленныя одна отъ другой спеціальности обращаются къ ней за совѣтами и указаніями. И, что въ особенности замѣчательно, подъ ея знамена стекаются люди самыхъ различныхъ партій, самыхъ противоположныхъ мнѣній, самыхъ враждебныхъ національностей: ни одна наука (я имѣю въ виду собственно, такъ-называемыя науки общественныя) не дошла до такого космополитизма, какъ эта наука, хотя ее принято называть „юною наукою“. Представьте себѣ, какое-бы вавилонское столпотвореніе произошло, если-бы собрать международный конгрессъ европейскихъ политико-экономовъ (со всѣми ихъ подраздѣленіями, о которыхъ и говорить даже страшно) или историковъ, или юристовъ! А статистики не

только очень мирно сходятся вмѣстѣ, со всѣхъ концовъ вселенной, но даже весьма мирно толкуютъ и кое-до-чего дотолкуются.

Пользуясь такою космополитическою универсальностью въ мірѣ ученыхъ, пользуясь большимъ уваженіемъ *практическихъ дѣльцовъ* (которые, кажется, одну ее не называли „идеологіею“), статистика суждѣла снискать благорасположеніе даже „черни непросвѣщенной“ — капризной и легкомысленной „публики“. Правда, эта публика не любитъ, чтобы страницы читаемыхъ ею книгъ рабали цифрами; она всегда охотно пропускаетъ длинныя вычисленія, таблицы и т. п., но все-таки она питаетъ къ нимъ большое уваженіе. Аргументація, подкрѣпленная цифрами, — *статистическими фактами*, — предпочитается обыкновенно всякой другой аргументаціи. Передъ статистическимъ фактомъ читатель преклоняется съ почтительнымъ безмолвіемъ. Публика, между нами будь сказано, очень любитъ авторитеты; она очень любитъ создавать себѣ какіе-нибудь „ultima ratio“, къ которымъ-бы можно было, безъ дальнѣйшей критики, апеллировать во всѣхъ спорныхъ случаяхъ. Прежде этими „ultima ratio“ были для нея мистическія науки; теперь, когда кредитъ этихъ „наукъ“ окончательно палъ, она возводитъ въ свой ultima ratio — *статистическій фактъ*. И какъ прежде ее интересовала не столько та длинная цѣль силлогизмовъ и посылокъ, изъ которыхъ выведена теологическая или метафизическая догма, — сколько самая эта догма, — такъ и теперь, ее занимаютъ не столько статистическія вычисленія, сколько *средній выводъ*. „Средній выводъ“ — какая это прекрасная штука! Заручившись имъ, мы уже перестаемъ смущаться частностями, и насъ весьма трудно сбить съ позиціи. На всѣ возраженія у насъ готовъ одинъ отвѣтъ: „все это фразы и слова, теоретическія умствованія; мы-же основываемся на *статистическихъ фактахъ*. Ну, что вы можете сказать противъ *статистическаго факта*?“ И если противникъ, подобно намъ, не прибѣгнетъ подъ защиту авторитета „статистическаго факта“, онъ долженъ будетъ со стыдомъ удалиться съ поля состязанія. Какъ-же, послѣ этого, не дорожить такимъ драгоценнымъ, всегда безъ промаху бьющимъ орудіемъ, какъ не уважать науки, въ арсеналахъ которой оно фабрикуется?

Однако, если сообразить, что орудіе-то это часто бываетъ „о двухъ концахъ“ и что оба конца одинаково остры, то можно усумниться въ его полезности. А если далѣе сообразить, сколько разъ одни и тѣ-же „статистическіе факты“ приводились въ подтвержденіе самыхъ очевидныхъ нелѣпостей (въ родѣ, напр., выгодности рабочаго труда и т. п.), то можно весьма основательно усумниться въ неизбежности ихъ авторитета вообще. Въ самомъ дѣлѣ вспомните, что съ помощью статистики доказывались и доказываются тезисы діаметрально-противуположныя, что къ ея даннымъ апеллируютъ и тѣ, которые находятъ, „что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ“, и тѣ, которые утверждаютъ, что, напротивъ, „все идетъ къ худшему въ этомъ худшемъ изъ міровъ“, и тѣ, которые держатся благоразумной середины между двумя крайностями; наконецъ, даже и тѣ, которые насчетъ этого „щекотливаго предмета“ не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ мнѣній. Вспомните, что не было почти ни одного спорнаго вопроса общественной жизни, по которому-бы спорящія стороны не забрасывали другъ друга „статистическими фактами“¹⁾; вспомните все это, и вамъ невольно подумается: да ужь не правъ-ли былъ чудакъ Людеръ, который послѣ многолѣтнихъ *статистическихъ упражненій* откровенно сознался, что „вся-то статистика—яйца выѣденнаго не стоитъ, даже хуже того: что она представляетъ собою лишь массу лжи и пустяковъ“! (Lüder: Kritik der Statistik, etc). Бѣяль говорилъ, что съ „историческими фактами обращаются обыкновенно, какъ съ кускомъ мяса на кухнѣ; каждый приготовляетъ на свой вкусъ, такъ что одно и то-же событіе кладется во столько соусовъ, сколько существуетъ историковъ“; нельзя-ли того-же, еще съ большимъ правомъ, сказать и о фактахъ статистическихъ? Развѣ одинъ и тотъ-же фактъ вамъ часто не подносится съ такими различными приправами и подъ такими различными соусами, что вы ни за что не раскусите его тожества. Въ этомъ отношеніи статистика точно такая-же *легкомысленная дама*, какъ и исторія: она съ

¹⁾ Укажемъ хоть для примѣра на вопросы о свободѣ торговли, о смертной казни, о вліяніи прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, о вліяніи грамотности на развитіе преступленій, о вліяніи бѣдности на размноженіе народонаселенія и т. д. и т. д.

величайшею предупредительностью отдаетъ себя къ услугамъ каждаго, кто только пожелаетъ ею пользоваться... Когда я называю статистику — дамою легкомысленнаго поведенія, то я это дѣлаю совсѣмъ не съ цѣлью ее обидѣть, а просто для того только, чтобы опредѣлить тѣ отношенія, въ которыхъ мы должны стоять къ ней. Мы не должны отъ нея требовать слишкомъ много и приступать къ ней съ слишкомъ серьезными запросами; мы не должны воображать, будто она можетъ разрѣшить намъ какіе-нибудь сложные общественные вопросы, мы не должны поддаваться иллюзіи, будто она говоритъ только одну правду. Но, не ставя ее на высокой пьедесталъ непогрѣшимой мудрости, мы всегда можемъ разсчитывать, что связь съ этою легкомысленной дамой не останется для насъ безъ хорошихъ послѣдствій; она натолкнетъ насъ на множество интересныхъ обобщеній и открытій; она намекнетъ, гдѣ слѣдуетъ и гдѣ не слѣдуетъ искать истину; она приучитъ насъ „считать“ тамъ, гдѣ мы обыкновенно лишь „умствуемъ“, вообще она возбудитъ нашу мозговую дѣятельность и даже, подчасъ, направитъ ее въ надлежащую сторону. Неужели этого недостаточно, чтобы привязать насъ къ ней? Зачѣмъ-же искажать ея характеръ и навязывать ей невозможныя задачи? Она, по существу своему, не можетъ разрѣшить никакихъ научныхъ вопросовъ, потому что она совсѣмъ не наука; она ограничивается лишь простыми, чисто эмпирическимъ сопоставленіемъ фактовъ, нисколько не заботясь объ ихъ внутренней, причинной связи. Но если человѣческой умъ такъ уже устроенъ, что онъ почти всегда отъ первыхъ двухъ посылокъ заключаетъ къ послѣдней, то статистикѣ, какъ и исторіи, по необходимости приходится разыгрывать роль „дамы легкаго поведенія“. Извѣстно, что каждый общественный фактъ — есть сложный продуктъ самыхъ разнообразныхъ вліяній, что онъ всегда зависитъ отъ многихъ перекрещивающихся рядовъ „послѣдовательностей“ и „сосуществованій“. Опредѣлить всѣ эти разнообразныя вліянія, всѣ эти перекрещивающіяся „послѣдовательности“ и „сосуществованія“, и выразить статистически ихъ отношенія къ разсматриваемому факту, — это вещь абсолютно невозможная, да едва-ли и не бесполезная. Люди обыкновенно довольствуются опредѣленіемъ лишь *нѣкоторыхъ* вліяній, лишь *нѣкоторыхъ* послѣдовательностей и сосуществованій, именно тѣхъ,

которыя имъ кажутся наиболѣе важными. Однако, и этихъ-то „нѣкоторыхъ“, „наиболѣе важныхъ“ такъ много, что еще и изъ нихъ можно дѣлать выборъ. Вотъ тутъ-то статистика и предлагаетъ вамъ свои услуги. Съ ея помощью вы можете опредѣлить отношеніе даннаго факта или къ тому, или къ другому, или къ третьему и т. д. изъ многихъ условій, вызывающихъ и поддерживающихъ его существованіе. Вашъ выборъ будетъ вполнѣ опредѣляться вашимъ міросозерцаніемъ и степенью вашего умственного развитія. Онъ можетъ быть весьма удаченъ и весьма нелѣпъ, онъ можетъ натолкнуть васъ на гениальный выводъ и привести къ абсурду; но статистикѣ до этого нѣтъ ни малѣйшаго дѣла: сегодня она добросовѣстно укажетъ вамъ статистическое отношеніе взятыхъ вами вліяній къ занимающему васъ факту, а завтра она съ такою-же добросовѣстностью услужитъ вашему врагу и подерѣпитъ своими цифрами его выводъ, выводъ совершенно противоположный выводу, сдѣланному вами. Въ этомъ случаѣ она поступаетъ точно также, какъ и ея милая родственница *исторія* ¹⁾. Въ богатомъ цейхгаузѣ той и другой каждый „Сенька“ свободно можетъ выбрать по себѣ „шапку“.

Мнѣ возразятъ, что все мною сказанное относится лишь къ легкомыслію нѣкоторыхъ статистиковъ, а отнюдь не къ самой статистикѣ. Каждою наукою можно *злоупотреблять*, къ даннымъ каждой науки можно относиться недобросовѣстно, но наука тутъ не причемъ; ея „храмъ“ открытъ для всѣхъ, что-же мудренаго, что въ него нерѣдко входятъ шарлатаны! Конечно, тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Но я говорю совсѣмъ не о шарлатанахъ и даже не о „легкомысленныхъ людяхъ“. Я говорю о людяхъ, которые вполнѣ добросовѣстно относятся къ изучаемому факту, которые совершенно неспособны къ „ученому шулерству“. Скажите, чѣмъ они виноваты, если статистика несомнѣнными цифрами доказываетъ имъ, что *A* въ цѣломъ рядѣ *разнообразныхъ* случаевъ предшествуетъ *B*, и если они отсюда заключаютъ, что

¹⁾ Извѣстно, что Шлегель называлъ статистику: «остановившеюся исторіею» и исторію — «продолжающею статистику». Это опредѣленіе, во многихъ отношеніяхъ, несостоятельно, но въ немъ очень мѣтко и остроумно подмѣчена генезисическая связь обѣихъ этихъ наукъ.

между *A* и *B* должна существовать какая-нибудь причинная связь. Конечно, ихъ выводъ имѣетъ чисто эмпирическое значеніе, но онъ совершенно правиленъ. Вы скажете, что имъ не слѣдовало изолировать *B* отъ другихъ вліяній, которыя, быть можетъ, въ такой-же степени обуславливаютъ его, какъ и *A*, вы скажете, что, кромѣ *A*, имъ слѣдовало принять во вниманіе и *C*, и *D*, и *E*... и т. д. Но вѣдь въ такомъ случаѣ они-бы никогда и ни на чемъ-бы не могли остановиться. Статистика указываетъ лишь на *эмпирическія* условія даннаго явленія; сама она ничего не можетъ сказать; которое именно изъ этихъ условій *необходимо* для него, — это можетъ сдѣлать только та или другая *наука*, изучающая природу этого явленія; статистика-же лишь освящаетъ ей путь, наталкиваетъ ее на плодотворныя обобщенія. Разъ вы признали за нею эту роль, — а всякая другая роль рѣшительно выше ея силъ, — вы должны признать, что статистикъ, изолирующій данный фактъ изъ ряда безчисленнаго множества сопутствующихъ ему условій и опредѣляющій его отношенія лишь къ нѣкоторымъ изъ этихъ условій, не только не поступаетъ легкомысленно, но, напротивъ, самымъ вѣрнѣйшимъ и цѣлесообразнѣйшимъ образомъ содѣйствуетъ прогрессу науки. Какую-бы пользу принесъ онъ наукѣ, если-бы вздумалъ добросовѣстно и съ педагогическою точностью вычислять статистическія отношенія *B* къ *A*, *C*, *D*, *E*, *F*... и т. д. вплоть до *X* и *Z*? Наука была-бы просто подавлена этою добросовѣстностью: хорошо еще, если изъ всѣхъ этихъ отношеній можно было-бы сразу видѣть: какія болѣе и какія менѣе постоянны? Но въ большой части случаевъ (особенно, если вычисления произведены съ аптекарскою точностью, или не упущено изъ виду ни одно изъ самалѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ вліяній) это оказалось-бы невозможнымъ. Наука очутилась-бы лицомъ къ лицу съ ложною и запутанною цѣпью эмпирическихъ условій, и она-бы недоумѣвала, на которомъ изъ нихъ ей слѣдуетъ сосредоточить по преимуществу все свое вниманіе. Напротивъ, когда статистикъ изолируетъ предварительно нѣкоторыя изъ этихъ условій и докажетъ, что *между* ними и даннымъ фактомъ существуютъ весьма постоянныя отношенія, онъ этимъ самымъ какъ-бы подскажетъ наукѣ — ея выборъ. Правда, наукѣ часто указываютъ, такимъ образомъ, ложные пути, но и

самыя заблужденія статистики приносятъ въ этомъ случаѣ больше пользы, чѣмъ вреда: не указывая, гдѣ слѣдуетъ искать истины, — они показываютъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ ея не слѣдуетъ искать.

Если-бы мы считали статистику за науку, — а не за простой агрегатъ эмпирическихъ фактовъ, мы, конечно, не могли-бы смотрѣть такъ снисходительно ни на ея заблужденія, ни на ея часто совершенно произвольныя изолированія фактовъ. Но, въ качествѣ простого „сборника“ эмпирическихъ наблюдений надъ явленіями общественной и индивидуальной жизни, — чѣмъ разнообразнѣе будетъ она группировать свой матеріалъ, чѣмъ больше будетъ изолировать свои наблюдения, чѣмъ смѣлѣе будетъ дѣлать свои обобщенія и подводить свои *средніе итоги*, — тѣмъ больше будетъ расширять горизонтъ науки, тѣмъ полнѣе и всесторонне освѣтитъ ей предметы ея изслѣдованія.

Такимъ образомъ, польза „статистики“, можно сказать, прямо пропорціональна ея *легкомысленности*; и если я назвалъ ее „легкомысленною дамою“, то этимъ я оказалъ ей особенную честь. Но легкомысліе статистики нисколько не мѣшаетъ ей быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наукой тенденціозной въ самомъ благонамѣренномъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ укажите мнѣ хоть на одно статистическое сочиненіе, которое-бы не было тенденціозно? Сочиненія Кетлэ, Фарра, Энгеля, Блока, Легуа — развѣ это не тенденціозныя сочиненія? Развѣ, читая ихъ, вы не чувствуете, что ихъ обобщенія и выводы сдѣланы изъ фактовъ, наизамныхъ на предвзятую идею, можетъ быть, очень вѣрную и справедливую идею, но все-таки идею, заимствованную не изъ самыхъ фактовъ, а взятую гдѣ-то, со стороны.

Да и какъ-же могло-бы быть иначе? Не будь у нихъ этихъ со стороны заимствованныхъ идей, чѣмъ-же-бы они связали факты, какъ-бы они сдѣлали выборъ между ними, на какомъ-бы основаніи они ихъ разсортировали именно въ такія, а не въ другія группы? Вѣдь самыя-то факты — факты чисто-эмпирическіе; все, что о нихъ извѣстно, это только то, что они находятся между собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ послѣдовательности и сосуществованія. Никакой другой связи между ними статистика не знаетъ и знать не можетъ. А между тѣмъ группировать ихъ по ихъ чисто-эмпири-

ческимъ отношеніямъ—значить ограничиться однимъ лишь „собираніемъ статистическаго матеріала“. Переработка этого матеріала предполагаетъ *иную его группировку*, болѣе сообразную съ потребностями тѣхъ общественныхъ или естественныхъ наукъ, въ вѣдомствѣ которыхъ онъ относится. Но гдѣ-же взять основанія для такой болѣе научной группировки? Конечно, ихъ можно заимствовать только у этихъ наукъ; эмпирическій матеріалъ статистики не въ состояніи ихъ дать, иначе онъ-бы и не былъ эмпирическимъ. Отсюда само собою понятно, почему всякая эмпирическая наука (называется-ли она *статистикою, исторіею, политическою экономіею* и т. п.,—это все равно), по существу своему, должна быть наукою тенденціозною. Предвзятая идея (тенденція)—единственная нитка, на которую можно нанизывать эмпирическій матеріалъ; выдерните эту нитку—и онъ весь разсыплется; факты, такъ хорошо и красиво прилаженные одинъ къ другому, превратятся въ безобразную „грудю сыръя“, они мгновенно утратятъ для васъ всякій смыслъ и всякое значеніе. Точныя науки, т. е. науки въ истинномъ значеніи этого слова, имѣютъ такую связующую нитку въ *научномъ законѣ*; изъ него онѣ извлекаютъ принципы для группировки своихъ фактовъ; поэтому нельзя себѣ представить тенденціозную математику или физику, фізіологію и т. п., точно также какъ нельзя себѣ представить нетенденціозную политическую экономію, исторію, статистику и т. п. Единственное разумное требованіе, которое можно предъявлять эмпирическимъ наукамъ вообще и статистикѣ въ частности, это—чтобы предвзятая ими идея, предвзятый принципъ группировки фактовъ не противорѣчили основнымъ выводамъ точныхъ наукъ; разъ статистика запаслась такими идеями, разъ она напала на принципъ группировки, оправдываемый апріорическими соображеніями, почерпнутыми изъ другихъ, болѣе точныхъ сферъ знанія, — она можетъ (и не только можетъ, но всегда такъ и дѣлаетъ) смѣло нанизывать на него свои факты, сглаживать ихъ и округлять свои средніе выводы. Безъ сомнѣнія, дѣло не обойдется безъ нѣкоторой неточности: тамъ придется проглотить *десяточекъ*, здѣсь скушать *сотенку*, но это совсѣмъ не бѣда. Статистика, работающая надъ „средними цифрами“, не имѣетъ да и не можетъ имѣть претензій на *точное выраженіе* эмпирическихъ

фактовъ; она беретъ изъ нихъ все, что ей кажется существеннымъ, и даетъ въ своихъ выводахъ лишь слабый, блѣдный очеркъ реальной дѣйствительности; чѣмъ рельефнѣе отгѣнена въ этомъ очеркѣ та или другая черта, тѣмъ легче становятся *сравненія и обобщенія*. А эти-то сравненія и обобщенія и важны для науки; они и наталкиваютъ ее на надлежащій путь научныхъ изслѣдованій.

Объяснимся примѣромъ. Кетлэ, въ искусныхъ рукахъ котораго статистика стала такимъ могущественнымъ подспорьемъ для развитія общественной науки, — Кетлэ, разсматривая таблицы уголовныхъ отчетовъ Бельгии и Франціи, группируя извѣстнымъ образомъ числа ежегодно обвинявшихся и осужденныхъ, подводя средніе итоги и округляя выводы, пришелъ къ своему знаменитому обобщенію о *постоянствѣ ежегодно совершающихся преступленій*. Это обобщеніе, въ связи съ нѣкоторыми другими, послужило краеугольнымъ камнемъ для основанія специальной вѣтви статистики, такъ называемой *нравственной статистики*; оно дало новый толчокъ этой наукѣ, направило статистическія изслѣдованія въ ту сторону, въ которую они прежде никогда не заходили, побудило статистиковъ заняться сопоставленіемъ такихъ фактовъ, которыхъ они прежде и не думали сопоставлять. Благодаря этому обстоятельству явилось нѣсколько новыхъ статистическихъ обобщеній, оказавшихъ сильное и несомнѣнное вліяніе на развитіе общественной науки. „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ была ими вызвана и подготовлена; кто знакомъ съ работами Кетлэ и его послѣдователей, тотъ согласится, что онѣ должны были имѣть самое рѣшительное и безспорное вліяніе на гениальный умъ Бокля; онѣ дали ему извѣстное направленіе и роковымъ образомъ предрасположили его къ тѣмъ основнымъ историческимъ воззрѣніямъ, которыя онъ впоследствии такъ блистательно развилъ въ своемъ великомъ твореніи. Итакъ, вотъ къ какимъ неожиданнымъ и въ высокой степени замѣчательнымъ результатамъ привело статистическое обобщеніе Кетлэ.

А между тѣмъ оно-то именно (если взять его въ первоначальномъ видѣ, какъ оно явилось въ свѣтъ въ первомъ изданіи *Sur l'homme*, 1835 г.) и представляетъ *типъ легкомысленнаго и неточнаго статистическаго обобщенія*. Начать съ того, что Кетлэ основалъ его на сравненіи только лишь двухъ странъ, поставленныхъ въ болѣе или менѣе сходныя условія, —

и слѣдовательно, онъ не имѣлъ права распространять его на государство, живущія при иныхъ условіяхъ. Этого мало, даже въ Бельгіи и Франціи онъ взялъ такіа ограниченные періоды времени (26 — 32 года), на которыхъ педантическая осторожность ни за что бы не рѣшилась строить никакихъ общихъ выводовъ. Но и это еще не все: изъ погоднаго сравненія преступленій, совершавшихся даже и въ этотъ короткий промежутокъ времени, все-таки еще нельзя было заключить объ ихъ „правильномъ, изъ году въ годъ повторяющемся постоянствѣ“; нужно было округлить погодныя числа въ *среднія*, сравнить ихъ не прямо между собою, а чрезъ посредство этихъ *среднихъ*. При такомъ способѣ сравненія очень легко открыть постоянство. И все-таки, выводъ Кетлэ; несмотря на его неточность и легкомысліе, оказалъ неопцѣненную пользу общественной и психологической наукамъ и нашелъ свое полное подтвержденіе въ изысканіяхъ послѣдней. Предположите же теперь, что на плечахъ Кетлэ сидѣла-бы многотупная голова какого-нибудь нашего господина Неклюдова. ¹⁾ Что-бы вышло? Рѣшительно ничего: г. Кетлэ-Неклюдовъ педантически вычислялъ-бы средніе итоги, составлялъ-бы таблички, разсортировывая по графамъ сырые матеріалы, проворпѣлъ-бы надъ этою неблагоприятною работою весь свой вѣкъ, и все-таки не пришелъ-бы ни къ какому опредѣленному заключенію. Таблички его никого-бы не натолкнули ни на какое счастливое обобщеніе, не принесли-бы никому никакой пользы и были-бы очень скоро забыты въ архивѣ статистическаго хлама.

Какой-же выводъ изъ всего этого слѣдуетъ? А тотъ, что ни легкомысліе, ни тенденціозность, ни отсутствіе педантической точности не могутъ быть поставлены въ „вину и осужденіе“ статистикѣ. Напротивъ, этими самыми качествами она и полезна. Пусть она сопоставляетъ самыя разнообразныя ряды фактовъ, искусственно вырывая ихъ изъ общей цѣпи, „слѣдовательностей“ и „сосуществованій“; пусть она округляетъ свои вы-

¹⁾ Г. Неклюдовъ, какъ извѣстно, началъ свое служебное поприще ученымъ дебютомъ: магистерскою диссертациею, („Статистическіе этюды), весьма пустою и ничтожною по своему внутреннему содержанію, — въ которой онъ, между прочимъ, тщился доказать, что „повторяющееся изъ году въ годъ постоянство преступленій“ — выдумка тенденціозныхъ статистиковъ, выдумка, не оправдываемая цифрами и объясняемая лишь легкомысленнымъ округленіемъ итоговъ.

воды, сглаживаетъ эмпирическіе факты, увеличиваетъ, въ интересахъ ясности и рельефности, абстрактность своихъ „среднихъ чиселъ“ (этимъ обуславливается ея неточность), но пусть она только намѣренно не фальсифицируетъ цифръ, не прибѣгаетъ къ сознательнымъ подлогамъ и подтасовкамъ; пусть она всегда будетъ вѣрна истинѣ, и она вполне исполнитъ свое назначеніе— быть однимъ изъ путеводныхъ свѣточей общества и антропологическихъ наукъ.

Я знаю, что есть писатели, видящіе назначеніе статистики совѣмъ не въ этомъ: по ихъ мнѣнію, оно должно имѣть характеръ по преимуществу *практической*, быть чѣмъ-то въ родѣ *справочной книги* ¹⁾ для разныхъ административныхъ, промышленныхъ, торговыхъ, финансовыхъ и т. п. учреждений. При такомъ взглядѣ на статистику, они, конечно, не могутъ терпѣть ея легкомыслія; они требуютъ отъ нея педантической точности и лавочнической добросовѣстности. По ихъ словамъ, она не должна *искажать* дѣйствительности своими абстракціями; она должна рабски подчиняться сложности эмпирическихъ условій, и не имѣетъ права произвольно разрывать ихъ. Однимъ словомъ, они проповѣдуютъ необходимость цифровѣдства, какъ нѣкоторые проповѣдуютъ необходимость буквоѣдства. Мнѣ кажется, что такой взглядъ по статистику совершенно неоснователенъ. Спору нѣтъ, ея данныя, могутъ оказать и дѣйствительно оказываютъ практической жизни большія услуги; спору нѣтъ, безъ ея помощи и совѣта не обойдется ни одно изъ названныхъ выше учреждений; но видѣть въ этихъ ея услугахъ ея главное назначеніе, исчерпывать ими всю ея задачу, это такъ-же нелѣпо, какъ нелѣпо-бы было видѣть главную задачу „теоріи вѣроятностей“ въ тѣхъ услугахъ, которыя она можетъ оказать страховымъ компаніямъ и игрокамъ въ „рулетку“. Тутъ, очевидно, смѣшивается *эмпирико-прикладное* съ *научно-приклад-*

¹⁾ Подобную-же мысль высказываетъ, между прочимъ, одинъ весьма почтенный русскій писатель, которому наша литература одолжена двумя, хотя и незначительными, но умно и популярно написанными статистическими этюдами. Я говорю о г. Елисѣевѣ. Въ одномъ изъ этихъ этюдовъ, напечатанномъ въ „Современникѣ“ (Декабрь, 1861 года), онъ говоритъ: «мы думаемъ, что статистика должна приносить прежде всего *практическую пользу въ частной жизни*, что она должна быть подручною, справочною книгою для помѣщика, купца, лекаря, мѣстныхъ административныхъ властей и т. д.» (стр. 211, ст. О движ. народ. въ Россіи).

нымъ значеніемъ статистики. Статистика, какъ наука чисто прикладная и эмпирическая, собирая фактически матеріаль и превращая его въ рядъ цифръ, въ одно и то-же время можетъ служить свѣточемъ и для практической жизни, и для опытной науки; но той и другой она служитъ различнымъ образомъ: первую она обогащаетъ своими матеріалами, тѣмъ *эмпирическимъ сырьемъ*, которое только и можетъ имѣть значеніе въ глазахъ практика; второй—она предлагаетъ тотъ-же матеріаль, но только въ обработанномъ, *очищенномъ* видѣ. Въ этомъ видѣ онъ уже не есть реальное выраженіе реальныхъ фактовъ; нѣтъ, онъ превращается въ рядъ абстрактныхъ величинъ, не имѣющихъ уже почти никакой практической цѣнности. Въ операціяхъ надъ этимъ-то практически нецѣннымъ матеріаломъ и состоитъ главная задача статистики. Потому можно сказать, что статистика работаетъ главнымъ образомъ для *науки*, а не для *практики*. „Практикъ“—всѣмъ этимъ промышленно-торговымъ, акціонернымъ и другимъ компаніямъ, административно-законодательно-финансовымъ вѣдомствамъ,—она отдаетъ лишь груду тѣхъ *эмпирическихъ фактовъ*, которые собрала съ ихъ-же помощью, а общественнымъ и антропологическимъ наукамъ она даетъ массу *абстрактныхъ фактовъ*, т. е. тѣхъ фактовъ, которые она переработала собственными своими силами.

И такъ, статистика, насколько она можетъ быть названа *наукою*, есть наука, по преимуществу, *абстрактная*, ближе подходящая къ *типу наукъ математическихъ*, чѣмъ къ *типу наукъ описательныхъ*. Отсюда само собою очевидно, почему мы такъ снисходительно относимся къ ея фактическимъ неточностямъ; въ извѣстной степени онѣ даже совершенно неизбѣжны,—я готовъ сказать—необходимы. Больше-ли ихъ будетъ или меньше, во всякомъ случаѣ ея средніе итоги, ея гуртовые выводы никогда не могутъ имѣть практическаго значенія, и весьма глупъ былъ-бы тотъ человекъ, который вздумалъ-бы дѣлать изъ нихъ какія-нибудь примѣненія къ своей частной жизни. Мнѣ невольно вспоминается при этомъ слѣдующій анекдотъ: нѣкто былъ одержимъ, съ одной стороны, страстнымъ желаніемъ вступить въ законный бракъ, а съ другой, — боялся обременить себя излишнимъ семействомъ. Слыхалъ онъ, что, *по статистикѣ*, средняя плодовитость женщины въ различныхъ мѣстностяхъ и у различныхъ сословій бы-

ваетъ различна. Вотъ и началъ онъ отыскивать такую мѣстность, гдѣ-бы плодovitость не превышала 3 рожденій на каждый бракъ. Нашелъ (и, вѣроятно, съ большимъ трудомъ, потому что у насъ, въ Россіи, какъ мы увидимъ ниже, коэффициентъ плодovitости рѣдко гдѣ спускается ниже 4), женился, и что-же оказалось въ результатѣ? — вмѣсто ожидаемыхъ *трехъ*, жена приподнесла ему цѣлую дюжину!

Вотъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ привести взглядъ на статистику, какъ на чисто-практическую науку! Напротивъ, если вы смотрите на статистику, какъ на науку *абстрактную*, на науку *округленныхъ чиселъ* и *слаженныхъ неравенствъ*, — вы не станете тѣкать ей въ глаза каждою подмѣченною вами фактическою неточностью, вы не станете придирааться ко всякому пятку проглоченныхъ ею преступниковъ, ко всякому десятку неокрещенныхъ ею младенцевъ или непохороненныхъ покойниковъ; вы простите ей (или даже одобрите, какъ это дѣлаю я) ея легкомысліе и полюбите ее такую, какова она есть, не муча ее упреками за ея маленькіе „грѣшки“ и „невѣрности“, не читая ей скучной морали о неприличіи „легкаго поведения“.

Вотъ къ какому свѣтлому оптимизму и къ какой кроткой снисходительности приводитъ насъ нашъ, повидимому, крайне-непочтительный взглядъ на статистику вообще, а *следовательно*, и на нашу русскую статистику въ частности. Мы требуемъ отъ нея очень немногаго: мы хотимъ только, чтобы она не поддѣлывала *сознательно* цифръ и чтобы она собирала ихъ побольше — побольше да поразнообразнѣе, и, наконецъ, чтобы она старалась избѣгать грубыхъ ошибокъ при самомъ процессѣ собранія. Затѣмъ мы знаемъ заранѣе (и вполне миримся съ этимъ), что при всемъ своемъ стараніи она все-таки не избѣжитъ весьма значительныхъ погрѣшностей и неточностей, что ея выводы очень рѣдко могутъ имѣть какое-нибудь практическое значеніе, что ея „средніе итоги“ дадутъ лишь весьма *общее* и, такъ-сказать, отвлеченное понятіе о дѣйствительности.

Въ этомъ *общемъ понятіи*, по самой его природѣ, не могутъ сохраниться всѣ конкретныя частности предмета, а потому, если эти частности и ошибочно исчислены, бѣда не велика: общій фонъ картины отъ этого не пострадаетъ.

Неужели можно допустить, что русская статистика не въ состояніи удовлетворить даже и этимъ умѣреннымъ требованіямъ, что она можетъ разочаровать даже и эту поистинѣ безпримѣрную снисходительность? Нѣтъ, допустить это было-бы противно здравому смыслу, потому что наша *статистика* существуетъ довольно долго, а слѣдовательно по необходимости должна была накопить и много матеріала. А вѣдь это почти все то, чего мы отъ нея требуемъ. Что практическая цѣнность этого матеріала весьма сомнительна, — объ этомъ и говорить нечего; что при собираніи его было сдѣлано множество упущеній, что онъ вообще представляетъ собою лишь грубый скелетъ съ дѣйствительности, все это старья и общеизвѣстныя истины. Но эти истины насъ не должны смущать: правда, благодаря ихъ непрошенному вмѣшательству, *среднія числа* нашей статистики имѣютъ болѣе абстрактный характеръ, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, — но... это и все. Болѣе или менѣе абстрактный, болѣе или менѣе *приближающийся* къ *вѣроятной* истинѣ, болѣе или менѣе „округленный“, вотъ единственные эпитеты, приложимые къ статистическимъ фактамъ; но если ихъ достоинство всегда имѣетъ только такой чисто относительный характеръ ¹⁾, то какая-же статистика не подойдетъ подъ эту эластическую мѣрку? Наша статистика подходитъ, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; не я это говорю, и даже не Центральный Статистическій Комитетъ (хотя и онъ тоже это говоритъ); это почти единодушно признали высшіе статистическіе авторитеты, собиравшіеся въ августѣ нынѣшняго года въ залахъ Дворянскаго собранія. Энгель прямо сказалъ, что онъ и вообще нѣмцы глубоко ошибались, воображая, будто въ Россіи не разработана статистика, напротивъ, Россія представила ему „une serie d'hommes profondement versés dans notre science“... ²⁾ Корренти высказался въ томъ-же духѣ. ³⁾ Мейтценъ (Meitzen) съ эмфазомъ воскликнулъ: „Господа, говорятъ, что Германія мать статистики; я-же скажу,

¹⁾ „Статистика должна довольствоваться лишь относительной истиной“, сказалъ Кетле во время дебатовъ первой секціи прошлаго конгресса (см. Bulletin du Congrès Internat. du Statist. A St. Pétersb. № 6, Séance du (11) 23 août).

²⁾ Bulletin du Cong. Inter. du Stat. № 11.

³⁾ Ibid., p. 4. «Статистика, сказалъ онъ, — которая представляетъ собою лучший методъ соціальной науки и составляетъ въ то же время и ея основаніе (?), статистика разрабатывается въ Россіи, не только съ успѣхомъ, но.... и т. д.»

что нигдѣ статистика не находитъ для себя болѣе плодотворной почвы, чѣмъ въ Россіи“... Правда, похвалу этого послѣдняго оратора нельзя ставить „въ лыко“: подъ конецъ своей рѣчи онъ до того заговорился, что даже и въ „казакахъ“, уединенно разгуливающимъ по пустынямъ Сибири, открылъ статистика: „се cossaque marque la transition d'un monde a l'autre (?); c'est un pionier de la civilisation: il sert notre science ¹⁾“.

Конечно, если всѣ наши статистики похожи на нашего „казака“, то это не большая для насъ похвала. Но нельзя-же думать, будто наши знаменитые гости, хваля насъ въ слухъ, про себя думали о мейтценовскомъ *казакѣ*, какъ о типическомъ представителѣ русскихъ статистиковъ.

Нѣтъ, я не сомнѣваюсь, что у насъ существуетъ „une serie d'hommes, profondement versés dans la statistique“, и слѣдовательно, я не сомнѣваюсь, что у насъ должно быть собрано много, много цифръ... чего только мы въ правѣ отъ нея и требовать, И дѣйствительно, въ послѣдніе полтора года нашъ Центральный Статистическій Комитетъ одними своими изданіями долженъ-бы былъ вполнѣ разсѣять всѣ подобныя сомнѣнія, если-бы даже они и могли еще у кого нибудь существовать послѣ лестныхъ отзывовъ Энгеля, Корренти и Мейтцена. Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Центральный Статистическій Комитетъ обѣщаль издавать накопляющіеся у него матеріалы въ видѣ сборниковъ или Статистическихъ Временниковъ. Въ 1866 году вышла первая книжка „Временника“; въ 1871-мъ году вышелъ первый выпускъ второй книжки; можно было опять опасаться, что дѣло на этомъ остановится, но нѣтъ, конгрессъ не остался безъ вліянія на издательскую дѣятельность Комитета: въ 1872 году онъ разрѣшился заразъ 6-ю новыми выпусками Временника (II, III, V, VI, VII, VIII) и, кромѣ того, двумя частями „Петербурга по переписи 10 декабря 1869 года“. Такая похвальная готовность дѣлиться съ публикою собранными матеріалами не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ обиліи этихъ матеріаловъ. Въ одинъ годъ 8 книгъ, испещренныхъ цифрами,—неужели это мало? Конечно, пессимисты легко могутъ открыть важныя пробѣлы въ этихъ книгахъ и найдутъ много „судости“ въ этомъ „обиліи“

¹⁾ ib, p. 4.

цифръ. Но вѣдь, какъ хотите, нельзя-же все за разъ... вдругъ! Притомъ-же въ большинствѣ этихъ пробѣловъ (на которые будетъ указано въ своемъ мѣстѣ) Центральный Комитетъ нисколько не повиненъ... Нельзя, все-таки, не быть ему благодарнымъ за его издательскую дѣятельность, такъ ревностно поддержанную въ нынѣшнемъ году. Вліяніе конгресса, какъ я упомянулъ выше, можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ этой дѣятельности. Но мнѣ кажется, что тутъ есть и другая причина: мнѣ кажется, что въ последнее время Центральный Комитетъ тверже и рѣшительнѣе сталъ на ту оптимистическую точку зрѣнія, которую я старался выше развить и оправдать. Прежде (это отчасти видно изъ предисловія къ Временнику 1866 г.) онъ какъ-будто сомнѣвался: да полно, стоитъ-ли издавать весь этотъ ворохъ цифръ? Теперь эти сомнѣнія исчезли (конечно, они никогда не были слишкомъ сильны) и Комитетъ не только смотритъ „снисходительно“ на свой фактический матеріалъ, но и другихъ приглашаетъ къ такой-же снисходительности (Вып. VIII, стр. VI). Особенно ясно обнаруживается этотъ оптимизмъ въ разсужденіяхъ издателей VIII выпуска по поводу „метрическихъ книгъ“. „Распространено мнѣніе, говорятъ издатели,—будто наши метрическія книги весьма неисправны, едва-ли не худшія изъ метрикъ всего міра. Каждый статистикъ, касающійся вопроса о движеніи населенія въ Россіи, считаетъ обязанностью высказать, что нашими метриками невозможно пользоваться, по крайней ихъ неисправности“ и проч. Въ особенности мрачными красками описано веденіе и состояніе нашихъ метрическихъ книгъ въ изслѣдованіи покойнаго Д. П. Журавскаго: „Объ источникахъ статистическихъ свѣдѣній“ (Кіевъ, 1866 г.). Отзывъ Журавскаго, высказанный съ неподдѣльнымъ жаромъ человѣка, соболѣзнующаго о ненадежности источниковъ, можно сказать, окончательно утвердилъ во мнѣніи о совершенной негодности нашихъ метрикъ. Уважая память Журавскаго, искренно и безкорыстно посвятившаго свою жизнь статистикѣ, вполне признавая прекрасныя достоинства оставшихся послѣ него трудовъ, мы позволимъ себѣ сказать, что его отзывъ о метрикахъ, хотя основанный на убѣжденіи, носитъ на себѣ слѣды увлеченія, весьма обыкновеннаго въ людяхъ, страстно преданныхъ изучаемому предмету. Картина, начертанная имъ, отличается мастерскою кистью, вѣрностью многихъ подробностей, но

съ тѣмъ вмѣстѣ грѣшитъ нѣсколько *противъ правилъ перспективы и колорита*“ и т. д. (Стат. Врем., Вып. VIII, 1872 г., стр. III). Затѣмъ, разбирая далѣе пессимистическія воззрѣнія г. Журавскаго, издатели находятъ, что всѣ указаннныя имъ ниже недостатки нашихъ метрикъ дѣйствительно существуютъ и нисколько не преувеличены, но... „что все-таки онѣ (т. е. метрики) не настолько дурны, чтобы ими не могла пользоваться статистическая наука“ (стр. VI). Для вящаго утѣшенія издатели вспоминаютъ, что „извѣстный англійскій статистикъ У. Фаррѣ въ засѣданіи статистическаго конгресса въ Брюсселѣ объявилъ, что у нихъ ежегодно пропускаются многія тысячи рожденій“ (ib). „Конечно, замѣчаютъ они далѣе,—ошибки и неисправности, дѣлаемыя однимъ лицомъ или обществомъ, не могутъ служить оправданіемъ такихъ-же ошибокъ другого лица или общества, однако... „и т. д.—Я вполне раздѣляю этотъ *оптимистическій* взглядъ Центрального Статистическаго Комитета на метрики. Не потому я его раздѣляю, что нахожу „увлечение“ въ критикѣ Журавскаго, что считаю, „начертанную имъ картину“, погрѣшающею „противъ правилъ перспективы и колорита“;—нѣтъ, а просто потому, что, въ массѣ ошибокъ, одной ошибкой больше, одной меньше—вещь не существенная. Къ тому-же итоги, извлекаемые изъ метрическихъ книгъ, хотя и не вѣрны, т. е. не соотвѣтствуютъ дѣйствительному количеству ежегодныхъ рожденій, браковъ и смертей; но такъ какъ это несоотвѣтствіе повторяется изъ году въ годъ, то можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что *отношенія* между итогами весьма близки къ реальному отношенію, существующему между дѣйствительною прибылью и убылью нашего населенія.

Если въ нынѣшнемъ году итогъ рожденій, браковъ и смертей не вѣренъ, то вѣдь и въ прошломъ и въ за-прошломъ году онъ былъ также и на столько-же невѣренъ; *отношеніе*, слѣдовательно, останется такимъ-же, какимъ-бы оно было и въ случаѣ абсолютной вѣрности обоихъ итоговъ. А для статистики, при ея абстрактномъ характерѣ, *отношенія* между цифрами, имѣютъ несравнено большее значеніе, чѣмъ точность самыхъ цифръ; для поясненія этой мысли можно привести въ примѣръ хоть *уголовную статистику*. Во Франціи и Бельгіи она достигла довольно значительной степени совершенства; она сдѣлала

многу важныхъ обобщеній и пролила не мало свѣта въ темную сферу уголовного права; однако, несмотря на всѣ эти ея несомнѣнныя заслуги, цифры, надъ которыми она оперируетъ, нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ фактамъ; ея „итоги ежегодныхъ преступленій“, конечно, гораздо ниже дѣйствительныхъ итоговъ; она не знаетъ, можетъ быть, и половины всѣхъ совершающихся преступленій, и, безъ сомнѣнія, въ ея „итогѣ виновныхъ“ есть много людей совершенно невинныхъ „но, такъ какъ эти неточности повторяются изъ году въ годъ, то онѣ взаимно другъ друга уравниваютъ, и *отношеніе* остается все-таки вѣрнымъ.

И такъ, мы одобряемъ и раздѣляемъ оптимизмъ нашего Центрального Статистическаго Комитета; но только намъ кажется, что, разъ ставъ по эту точку зрѣнія, онъ долженъ-бы былъ издавать гораздо больше, чѣмъ онъ издаетъ. Правда, онъ отговаривается тѣмъ, что собранные имъ матеріалы еще недостаточно обработаны, чтобы ихъ можно было передать въ публику. Офицеры генеральнаго штаба въ прошломъ (1871) году издали, какъ извѣстно, подъ редакцію Н. Обручева, IV выпускъ своего „Военно-Статистическаго Сборника“. Это изданіе, какъ по обилію собраннаго въ немъ матеріала, такъ и по осповательности его разработки, *) можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими европейскими офиціозно-статистическими сборниками. Если присоединить къ этому превосходному труду еще нѣсколько частныхъ монографій, въ родѣ, напримѣръ, монографіи г. Анучина по уголовной статистикѣ, „Сибирь и каторгу“ г. Максимова (сочиненіе хотя и не чисто-статистическое, но заключающее въ себѣ много дѣльныхъ матеріаловъ по

*) Жаль только, что нѣкоторые отдѣлы обработаны безъ должной многосторонности, и потому страдаютъ крайнею скудостью выводовъ. Такъ, напримѣръ, отдѣлъ *уголовной статистики* рѣшительно плохъ. Конечно, издатели могутъ привести въ свое оправданіе недостаточность данныхъ, обнаруженныхъ офиціальными учреждениями. И это совершенно справедливо; однако, они могли-бы пополнить пробѣлы, оставляемые отчетами министерства юстиціи,—по монографіямъ частныхъ лицъ. Напримѣръ, почему-бы имъ было не воспользоваться превосходнымъ трудомъ г. Анучина? О г. Максимовѣ я не смѣю говорить, потому-что, кажется, его «Сибирь и каторга» вышла въ свѣтъ уже послѣ изданія II выпуска «Военно-Статистическаго Сборника». Наконецъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ (и между прочимъ, и въ журналѣ министерства юстиціи) иногда также появлялись небольшія изслѣдованія по уголовной статистикѣ, и издатели сборника могли-бы ихъ принять въ свѣденію, въ интересахъ большей полноты своего изданія.

уголовной статистикѣ), „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ г. Флеровскаго и т. п., — если вспомнить замѣчательный трудъ г. Буныковского „о законѣ народонаселенія“, — то, право, окажется, что мы совсѣмъ не такъ бѣдны „по части статистики“, какъ по всѣмъ другимъ частямъ общественной науки. Жаль только, что наше статистическое богатство (помните, что богатство понятіе относительное!) какъ-то остается совсѣмъ незамѣченнымъ публикою; она даже почти ничего и не знаетъ о немъ. Да и какъ знать? Слишкомъ обширныя и спеціальныя изданія Центр. Ст. Комитета, генеральнаго штаба и департамента таможенныхъ сборовъ могутъ быть доступны только специалистамъ или слишкомъ уже досужимъ людямъ, незнающимъ, какъ убить время. Статистическія изслѣдованія частныхъ лицъ слишкомъ разбросаны и подчасъ слишкомъ неинтересны; публика не имѣетъ ни возможности, ни охоты слѣдить за всѣми ими. Знакомая съ статистическими фактами урывками, запоминая ихъ отрывочно, безъ общей связи, — она, конечно, легко ихъ забываетъ и, несмотря на все свое къ нимъ уваженіе, весьма мало ими интересуется. А между тѣмъ статистическій фактъ, хотя и не заслуживаетъ того авторитета, которымъ онъ пользуется, — имѣетъ, однако, полное право на наше вниманіе. Выше я сказалъ, что статистика, по своему основному характеру, болѣе приближается къ типу наукъ *математическихъ*, чѣмъ *описательныхъ*, что ея факты по своей абстрактности даютъ лишь весьма слабое понятіе о конкретной реальности. Однако, какъ ни слабо и блѣдно это понятіе, а все-таки статистика его даетъ, и даже имѣетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое преимущество передъ такими-же эмпирическими отраслями общественной науки. Ни одна изъ общественныхъ наукъ не сводитъ къ такимъ простымъ и несложнымъ формуламъ сложное разнообразіе общественной жизни, какъ статистика. Вслѣдствіе этого, хотя рисуемая ею картина, слишкомъ обща и отвлеченна, но за то каждая ея черта вызываетъ въ умѣ цѣлую вереницу образовъ, подъ каждымъ ея штрихомъ скрывается цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ. Въ лаконизмѣ ея формулъ есть что-то увлекательное; въ ея сухой абстрактности есть много жизни. Статистическая формула отнимаетъ отъ этой жизни ея разнообразныя цвѣта, ея рельефныя детали, но за то она сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ ея существенныя черты.

Поэтому, хотя главное назначеніе статистики и состоитъ въ томъ, чтобы освѣщать пути изслѣдованій общественныхъ и антропологическихъ наукъ, однако, она освѣщаетъ въ то-же время и самую *жизнь* въ ея главнѣйшихъ и наиболѣе постоянныхъ чертахъ. Наша русская статистика, вслѣдствіе крайней скудости ея данныхъ и ихъ дурной разработки, едва-ли можетъ оказать въ настоящее время какія-нибудь серьезныя услуги наукъ;—ея важность опредѣляется для насъ, главнымъ образомъ, тѣмъ свѣтомъ, который она можетъ пролить на наши общественныя отношенія.

Потому въ предлагаемыхъ очеркахъ я буду имѣть въ виду собрать въ одно связанное цѣлое всѣ тѣ по различнымъ изданіямъ разбросанныя статистическія данныя, которыя, въ своихъ абстрактныхъ формулахъ, могутъ представить намъ главнѣйшіе моменты, существеннѣйшія черты нашей *жизни*.

Матеріалами мнѣ будутъ служить, кромѣ изданій, упомянутыхъ выше, нѣкоторые и другіе менѣе официальные источники, на которые будетъ указано въ своемъ мѣстѣ. Матеріаль этотъ, мнѣ кажется, всего естественнѣе разбить на три категоріи: къ первой я отнесу всѣ данныя, касающіяся *статистики народонаселенія*, ко второй — данныя, касающіяся *промышленной статистики*, какъ земледѣльческой, такъ и заводско-фабричной (сюда-же, конечно, должны быть отнесены и данныя объ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью тѣмъ или другимъ способомъ содѣйствовать развитію этой промышленности) и, наконецъ, къ третьей я отнесу данныя, касающіяся нашей финансовой статистики, или нашего *земско-государственнаго* хозяйства.

Сообразно съ этою группировкою матеріала и наши очерки раздѣлятся на три отдѣла:

- 1) Статистику народонаселенія;
- 2) Статистику земледѣльческо-фабрично-торговой промышленности;
- 3) Статистику земско-государственнаго хозяйства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Значеніе вопроса о народонаселеніи въ Россіи.—Историческій обзоръ движенія русскаго народонаселенія.—Сравненіе коэффициента размноженія въ Россіи съ коэффициентомъ размноженія на Западъ.—Факторы коэффициента размноженія.—Отношеніе умирающихъ къ рождающимся.— Коэффициентъ относительной смертности и рождаемости.—Коэффициентъ плодovitости.— Браки.— Выводы.

Низкій уровеньъ промышленнаго развитія Россіи, бѣдность ея производительности, обширность ея территоріи, при сравнительной скудости населенія, почвъ почти дѣвственной, или крайне небрежно обрабатываемой, придаютъ у насъ особую важность вопросу о размноженіи народонаселенія. Ни въ одной цивилизованной европейской странѣ народное богатство такъ всецѣло и непосредственно не зависитъ отъ количества живыхъ рабочихъ силъ, какъ въ Россіи. На западѣ высоко-развитая машинная техника и огромные запасы денежныхъ капиталовъ, дорогихъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п., отодвигаютъ на второй планъ человѣческій трудъ; да и въ самомъ этомъ *трудъ* болѣе цѣнится качество, чѣмъ количество. На западѣ производство богатства и развитіе производительныхъ силъ страны въ значительной степени высвободилось изъ-подъ тягостнаго господства грубой физической, мускульной работы; его дальнѣйшій прогрессъ (конечно, до извѣстныхъ предѣловъ) обусловливается главнымъ образомъ нервной, умственной работою. У насъ-же, наоборотъ, участіе капитала и умственной работы въ созданіи богатства — очень незначительно, а участіе живого труда и мускульной работы — почти исключительно опредѣляетъ итогъ нашей промышленной производительности. Съ капиталистической точки зрѣнія, у насъ нѣтъ прошлаго; капиталъ, можно сказать, еще не организовался въ высшія формы; до сихъ поръ онъ прозябаетъ на тѣхъ низшихъ ступеняхъ развитія, когда всю свою выгоду ему приходится извлекать изъ наличныхъ рабочихъ силъ, изъ числительной величины, иными словами, изъ приращенія населенія, потому-что приращеніе населенія всегда находится въ извѣстномъ отношеніи къ приращенію рабочихъ

силъ. Тамъ, гдѣ, напримѣръ, англійскому капиталисту понадобится 10 рабочихъ, для того, чтобы извлечь изъ своего предпріятія 10%-ную выгоду, — русскому, желающему получить такой-же%, нужно будетъ 40 и болѣе единицъ живого труда. Средній заработокъ англичанина, по приблизительному расчету Дудлея Бакстера, можетъ быть оцѣненъ въ 170 съ небольшимъ рублей, а русскій едва вырабатываетъ въ годъ, по вычисленію Бушена, 40 рублей. Такимъ образомъ, производительность труда перваго болѣе чѣмъ въ 4 раза превышаетъ производительность труда втораго. То, что въ Англии, въ данную единицу времени, можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, то въ Россіи, въ ту-же единицу времени, не сдѣлаютъ и четыре. Слѣдовательно, для извлеченія изъ одного и того-же предпріятія одинаковой выгоды, русскому капиталу нужно располагать вчетверо большимъ комплектомъ рабочихъ, чѣмъ англійскому. Но этого еще мало. Въ то время, какъ всякое увеличеніе числа живыхъ рабочихъ силъ въ Россіи пропорціонально увеличиваетъ выгоду капитала; въ Англии и вообще въ промышленныхъ странахъ западной Европы такой пропорціональности не только не предвидится, но, напротивъ, можно предполагать, что выгода будетъ уменьшаться. По общему экономическому закону, *при существующихъ условіяхъ производства, процентъ капитала, достигшаго известной концентрации, возрастаетъ обратно пропорціонально возрастанію числа рабочихъ*. Есть основанія думать, что въ Англии, напримѣръ, капиталъ во многихъ отрасляхъ промышленности уже достигъ этого предѣла ¹⁾; а потому

¹⁾ Статистика англійской промышленности показываетъ, что съ возрастаніемъ силы и запасовъ капитала уменьшается возрастаніе труда (т. е. число живыхъ рабочихъ силъ). Такъ, напримѣръ: съ 1838—62 года машинное производство представляетъ увеличеніе числа паровыхъ силъ (т. е. число лошадиныхъ силъ паровой машины) съ 102,069 до 401,942, что даетъ болѣе 74%; въ тотъ-же періодъ число рабочихъ въ соответственныхъ производствахъ возросло съ 423,400 до 764,473, что даетъ 45% съ небольшимъ. Такииъ образомъ въ то время, какъ среднее годовое увеличеніе капитала выражается 3%, среднее годовое увеличеніе живой рабочей силы = 1,9%. Съ 1838 по 1856 г. среднее годовое возрастаніе первой равнялось только 2%, съ 1856—62 = 11,8%; вторая-же возрастала въ оба періода на одинаковый (около 2) процентъ; т. е. съ 1838—56 г. она возрастала наравнѣ съ возрастаніемъ капитала; а съ 1856—62 въ 5½ разъ слабѣе. (Цифры для вычисленія взяты у Блока, изъ его Р'Еugore, etc, pp. 424, 425). У Маркса приведены цифры, доказывающія, что въ нѣкоторыхъ промышленныхъ округахъ Англии (Ланкашйръ, Чешэйръ и Йоркшэйръ) концентрація капитала достигла уже такиихъ предѣловъ, при которыхъ дальнѣйшее его

тамъ приростъ населенія противенъ его интересу. Этимъ объясняется, почему въ Англіи и на западѣ вообще теорія Мальтуса пользуется такою популярностью, и почему, напротивъ, у насъ (и въ Америкѣ) противъ нея вооружаются всѣ мыслящіе люди. Интересы капитала, при данныхъ условіяхъ производства, неизбѣжно (хотя часто и невидимо) направляютъ и регулируютъ господствующее общественное мнѣніе; они-же направляютъ и регулируютъ и самое движеніе народонаселенія. Отсюда, въ промышленныхъ государствахъ западной Европы коэффициентъ прироста населенія обнаруживаетъ сильную тенденцію къ регрессу (см. *статистич. примѣч. къ теоріи прогресса*, „Дѣло“ № 3). У насъ мы должны, повидимому, ожидать противоположнаго явленія; мы должны также думать, что самый % прироста будетъ выше, чѣмъ на Западѣ. Этого требуетъ логика интересовъ капитала, такъ-какъ, при отсутствіи значительныхъ запасовъ капитала, вся его выгода зависитъ главнымъ образомъ отъ количества эксплуатируемой живой рабочей силы.

Но если даже съ капиталистической точки зрѣнія вопросъ объ увеличеніи народонаселенія почти равносильнъ вопросу объ увеличеніи выгодъ капитала, то съ точки зрѣнія общенациональной онъ не только у насъ въ Россіи, но и вездѣ, справедливо отождествляется съ вопросомъ національнаго развитія. Какъ-бы ни смотрѣлъ капиталъ на живую рабочую силу, выгодно или невыгодно для него ея возрастаніе, во всякомъ случаѣ, она всегда составляетъ неотъемлемое, самое дѣйствительное и прочное богатство націи. Для націи—чѣмъ больше рабочихъ силъ, тѣмъ лучше; чѣмъ меньше, — тѣмъ хуже, въ особенности если эта нація, подобно Россіи или Америкѣ, обладаетъ громадными массами почти невоздѣланной почвы, если ея территорія населена скудно и неравномѣрно. При подобныхъ условіяхъ, ея экономическое, а слѣдовательно, и общественное развитіе почти всецѣло будетъ обусловливаться высотой прироста ея народонаселенія. Безъ усилен-

возрастаніе вызываетъ уже прямое уменьшеніе числа рабочихъ: такъ, съ 1860—65 г. въ означенныхъ округахъ число паровыхъ станковъ *возросло* на 16%; веретенъ — 3%, лошадиныхъ паровыхъ силъ на 5%; а число занятыхъ рабочихъ *уменьшилось* съ 94,119 до 88,913 т. е. на 5,5%. (Das Kapital, pp. 438, 439. Цитирую по Гамбургскому изданію 1867 года).

ной колонизаціи, безъ ежегоднаго почти 300,000-наго прилива переселенцевъ въ Америку, она и въ наше время стояла-бы, по всей вѣроятности, почти на той-же ступени экономическаго развитія, на какой засталъ ее конецъ XVIII вѣка. Но въ концѣ XVIII вѣка (въ 1790 году) населеніе Америки не достигало и 4-хъ милліоновъ (3,929,328), въ концѣ XIX вѣка (въ 1870 году) оно превышаетъ 38 милліоновъ; такимъ образомъ въ 80 лѣтъ оно возросло приблизительно на 34,000,000, т. е. на 850%, что даетъ ежегодный % прироста 16,6. Вотъ чему обязана Америка своимъ быстрымъ, почти безпримѣрнымъ въ исторіи экономическимъ прогрессомъ. Россія, въ смыслѣ экономическаго развитія, находится въ настоящее время почти въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находилась Америка въ концѣ прошлаго столѣтія, т. е. въ условіяхъ *первобытной культуры*. Только съ помощью усиленнаго, въ обширныхъ размѣрахъ прилагаемаго живого труда, она можетъ развивать свои производительныя силы; а количество единицъ живого труда обусловливается *главнымъ образомъ*, какъ уже было сказано, величиною прироста населенія. Мы говоримъ *главнымъ образомъ*, потому что есть и другія условія, на которыя будетъ указано ниже.

Итакъ, интересы всей націи, какъ и интересы промышленности въ одинаковой степени требуютъ у насъ быстрого размноженія населенія, высокаго процента *прироста*. Совпаденіе въ этомъ случаѣ требованій національныхъ интересовъ съ промышленными ставить въ Россіи вопросъ о народонаселеніи въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ онъ стоитъ на промышленномъ западѣ. Тамъ есть партіи, прямо заинтересованныя въ томъ, чтобы измышлять всевозможныя преграды къ естественному размноженію людей. У насъ-же всѣ должны видѣть свою выгоду въ устраненіи этихъ преградъ; всѣ должны одинаково желать, чтобы народъ нашъ „плодился и множился“, безъ малѣйшихъ ограниченій или стѣсненій.

Коэффициентъ размноженія нашего народонаселенія, различными статистиками опредѣляется различно. Блокъ, напримѣръ, опредѣляетъ его съ 1835—1865 г.—въ 1,02; Корсакъ говоритъ, что „по выводамъ за нѣсколько десятилѣтій (но какихъ-же именно?), сдѣланныхъ втеченіи текущаго столѣтія, средній про-

центъ естественной прибыли принимаютъ въ 1% въ годъ“ (Кольбъ, Рук. къ срав. ст. т. I, стр. 173). Издатели Военно-статистическаго сборника опредѣляютъ его въ 1,42 (за 5-тилѣтіе: съ 1859—1863 г.) Нѣкоторые полагаютъ, что онъ равняется 1½% (см. „Движ. Народ. въ Россіи“, Современникъ, 1861, № 12) и т. п. Разнообразіе всѣхъ этихъ цифръ обуславливается, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что различные авторы берутъ для своихъ вычисленій различные періоды времени. Чтобы найти болѣе точную и опредѣленную цифру мы должны обозрѣть движеніе народонаселенія съ того момента, когда его впервые начали считать. Читатель знаетъ, что это случилось въ 1722 г. Въ этотъ годъ была произведена первая народная перепись, показавшая число жителей тогдашней Россіи въ 14 милліоновъ (буду брать круглыя числа); затѣмъ послѣдующія переписи дали слѣдующіе результаты:

2-ая перепись (1742)	около	16	милліон.
3 „ „ (1762)	„	19	„
4 „ „ (1782)	„	28	„
5 „ „ (1796)	„	36	„
6 „ „ (1812)	„	41	„
7 „ „ (1815)	„	45	„
8 „ „ (1835)	„	60	„
9 „ „ (1852)	„	68	„
10 „ „ (1858)	„	74	„

По послѣднимъ свѣденіямъ Централ.

Статист. Ком. въ 1867 г. „ 81 „

Такимъ образомъ въ 145 лѣтъ народонаселеніе Россіи возросло на 66 милліоновъ или болѣе чѣмъ на 400%, что даетъ въ годъ 27%. Но этотъ процентъ еще не показываетъ намъ естественнаго прироста народонаселенія. За этотъ-же періодъ времени (съ 1724—1868 г.) территорія Россіи была увеличена, путемъ завоеваній и трактатовъ, съ 275 тысячъ квад. миль до 380 тысячъ, т. е. на 105 тысячъ кв. миль, т. е. болѣе чѣмъ на 38%. Въ числѣ этихъ присоединенныхъ земель были, конечно, громадныя массы пустынныхъ, почти безлюдныхъ пространствъ, въ родѣ, напримѣръ, киргизскихъ степей, занимающихъ десятки тысячъ верстъ,—но были также и густо-населенныя страны, въ родѣ Ц. Польскаго, Финляндіи, Остзейскихъ губерній и т. п. Потому,

предположивъ, что на каждую квадрат. милю Царства Польскаго, Финляндіи и Закавказья (всего около 16 тысячъ квад. миль) Россія приобрѣла 500 чел. и на каждую кв. м. остальныхъ 89 тысячъ—хоть 50 чел., мы можемъ съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ допустить, что населеніе Россіи въ $1\frac{1}{2}$ столѣтія не увеличилось болѣе какъ по 52 милліона; т. е. въ періодъ времени, почти въ два раза превышающій время, взятое нами для Америки, оно возрасло лишь на 300%, въ $2\frac{1}{2}$ раза менѣе, чѣмъ въ послѣдней странѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, на одну квадратную милю приходилось въ Россіи 64 жителя (взяты цифры 60-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія), въ это-же время въ Англіи на то-же пространство земли приходилось около 1,500 человекъ, т. е. густота ея населенія въ 23 раза превышала густоту нашего; теперь, въ концѣ 60-тыхъ годовъ текущаго столѣтія, въ Англіи на 1 кв. милю приходится болѣе 5,000 жит.,—у насъ съ небольшимъ 210 человекъ ($\frac{80,000,000}{380,000} = 210,5$). Такимъ образомъ, въ то время, какъ густота англійскаго населенія увеличилась на 3,500 чел. на каждую кв. милю, у насъ оно увеличилось всего на 146! Но и этотъ ничтожный приростъ въ значительной степени обусловливается механическимъ присоединеніемъ къ территоріи 1760-тыхъ годовъ новыхъ заселенныхъ областей. Онъ еще ничего не говоритъ намъ объ *естественной силѣ* размноженія самого населенія. Чтобы найти процентъ *естественнаго прироста*, нужно нѣсколько сократить число сравниваемыхъ періодовъ. Переписи прошлаго столѣтія не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія: ошибки ихъ не ограничивались какими нибудь тысячами или сотнями тысячъ, онѣ иногда пропускали цѣлые милліоны; такъ, напр., при Екатеринѣ, въ одинъ прекрасный день, вдругъ было открыто *нѣсколько милліоновъ* лишняго народа (Воен. стат. сб., В. IV., стр. 51).

Притомъ-же присоединеніе такихъ странъ, какъ царство Польское, Финляндія, слишкомъ сильно вліяетъ на % прироста. Поэтому за конечный предѣлъ сравненій возьмемъ первую четверть нынѣшняго столѣтія. „Послѣ 1815 года, замѣчаетъ составитель Воен. стат. сбор., большихъ завоеваній Россія не дѣлала и въ способъ переписей радикальныхъ перемѣнъ не производила“. Возьмемъ-же этотъ годъ за крайній предѣлъ.

Ежегодный (мало вѣроятный) ‰ прироста съ 1722 по 1815 годъ равняется—2,3.

Съ 1815 по 1835 (7 и 8 переписи)—1,66

„ 1835 „ 1858 (8 и 10 переписи)—1,01

„ 1858 „ 1868 (дан. Ц. Ст. Ком.)—0,81 ¹⁾

Такимъ образомъ средній вѣроятный приростъ нашего населенія можетъ быть опредѣленъ въ 1,16. При этомъ нельзя не замѣтить, что онъ обнаруживаетъ весьма ясное стремленіе къ регрессу,—стремленіе, которое проявляется и коэффициентомъ размноженія въ промышленныхъ странахъ Западной Европы. Но тамъ этотъ регрессъ можетъ быть объясненъ условиями промышленной жизни, крайне неблагоприятными для развитія здоровыхъ организмовъ; тамъ онъ выкупается (если только деньги могутъ выкупать недостатокъ жизненности), массою сконцентрированного богатства, высокимъ развитіемъ нервной системы, цвѣтущимъ состояніемъ умственной жизни. У насъ-же промышленность въ зародышѣ, наше богатство почти всецѣло заключается въ грубой мускульной силѣ милліоновъ рабочихъ, наши умственные капиталы крайне ограничены, нищенскіе и губительное вліяніе промышленно-городской жизни не коснулось еще громаднаго большинства населенія. Отчего-же наше населеніе убываетъ вмѣсто того, чтобы прибывать и развиваться?

Но, можетъ быть, нашъ приростъ слишкомъ уже великъ, можетъ быть, онъ черезъ мѣру превышаетъ западно-европейскій? Если это такъ, то, конечно, въ его регрессѣ, по сравненію съ регрессомъ послѣдняго, нельзя еще усматривать неблагоприятнаго явленія. Но такъ ли это?

Леуга въ своемъ „Le dixième denombrement en France“, (La France et l'Étranger, т. I, р. 656) опредѣляетъ средній приростъ населенія въ 14 европейскихъ государствахъ (Австрія, Пруссія, Саксонія, Италія, Испанія, Англія, Баварія, Голландія, Бельгія, Норвегія, Данія, Швеція, Греція и Франція) въ 0,86.

¹⁾ По вычисленію Центр. Ст. Комитета за 9 лѣтъ, съ 1858 по 1867 г., населеніе европейской Россіи съ Кавказомъ пріросло на 7‰, что даетъ въ годъ 0,77. (Второй томъ Статист. Вр., вып. I, стр. 155). Если-же взять приростъ народонаселенія въ губерніяхъ Европ. Россіи съ 1868—1871 г., то ‰ прироста—1,2 (при вычисленіи взята цифра населенія за 1867 г., потому этотъ процентъ выше дѣйствительнаго).

По Гауснеру (Vergleichende statistik v. Europa, ч. I, стр. 198—202, 236, 237, 268—270) для тѣхъ-же государствъ средней годовой процентъ приращенія будетъ 0,98.

Моро-де-Жонесъ въ своихъ *Eléments de statistique* приводитъ слѣдующія любопытныя данныя относительно коэффициента размноженія въ 16 государствахъ Европы ¹⁾ (pp. 429, 433):

въ 1788 году европейское населеніе (за вычетомъ Россіи и Польши) равнялось 110,561,000 ч., къ 1852 году оно возросло до 198,547,000, слѣдовательно, за 62 года увеличилось на 67,4%, что даетъ средний ежегодный процентъ размноженія 1,06.

Блокъ для 18 европейскихъ государствъ, по даннымъ, относящимся къ концу 60-хъ годовъ, опредѣляетъ средний годовой % размноженія въ 1,05 (*L'Europe polit. et soc.*, p. 30).

Такимъ образомъ, изъ сравненія всѣхъ этихъ данныхъ оказывается, что нашъ коэффициентъ размноженія не превышаетъ *средняго уровня* коэффициентовъ размноженія въ западной Европѣ. Но чтобы лучше выяснитъ его отношенія къ послѣднимъ, возьмемъ двѣ группы западно-европейскихъ государствъ: группу государствъ съ высоко-развитою мануфактурно-фабричною промышленностью и группу государствъ съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ, и сравнимъ средний коэффициентъ приращенія каждой изъ этихъ группъ съ нашимъ коэффициентомъ.

Первая группа.	Вторая группа.	Россія.
		(съ 1835 — 68 г.)

Франція	} 0,68	Швеція	} 1,45 1,01.
Англія		Норвегія	
Бельгія		Данія	
Швейцарія		Испанія	

Россія составляетъ, такимъ образомъ, какъ-бы посредствующее звѣно между промышленными и земледѣльческими государствами Запада: коэффициентъ размноженія ея населенія выше, чѣмъ въ первыхъ, на 0,33 и ниже, чѣмъ во вторыхъ, на 0,44; ближе всего онъ подходитъ къ коэффициенту размноженія въ Турціи. По даннымъ Моро-де-Жонеса, въ послѣдней странѣ онъ равняется 1,06.

²⁾ Вотъ эти государства: Швеція, Норвегія, Данія, Англія и Ирландія, Голландія, Бельгія, Франція, Австрія, Пруссія, остальная Германія, Швейцарія, Испанія, Португалія, Италия, Греція, европ. Турція.

Приведенныя данныя подтверждаются неопровержимыми данными. Оптимисты, увѣряющіе, будто населеніе Россіи приростаётъ быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, или лгутъ сознательно, или они весьма плохо знакомы съ статистикою Россіи и западной Европы 1).

Какими-же статистическими факторами опредѣляется этотъ малый размѣръ прироста нашего населенія и его регрессивныя стремленія?

Коэффициентъ размноженія зависитъ, во-первыхъ, отъ отношенія между рождающимися и умирающими; во-вторыхъ, отъ отношенія числа умирающихъ и рождающихся къ населенію и, въ третьихъ, отъ отношенія числа рождающихся къ числу браковъ. Разсмотримъ каждое изъ этихъ отношеній въ отдѣльности.

Сперва займемся отношеніемъ смертей къ рожденіямъ. Вотъ цифры за 60 лѣтъ:

Съ 1800—1810 г.	на 100 смерт.	было рожд.	161,3
„ 1810—1820 „	„	„	150,7
„ 1821—1830 „	„	„	155,1
„ 1831—1840 „	„	„	135,5
„ 1841—1845 „	„	„	136,4
„ 1845—1850 „	„	„	122,2 (холера 48 и 49 годахъ).
„ 1851—1855 „	„	„	129,1
„ 1856—1860 „	„	„	138,1
Среднимъ числомъ			141,0

По послѣднимъ даннымъ, обнародованнымъ въ нынѣшнемъ году Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, въ 1867 г. отношеніе умирающихъ къ рождающимся точно также выражается $\frac{100}{140}$ (Статист. Врем., вып. VIII, стр. 6, 7). Съ 1868—1871 г. это отношеніе равнялось $\frac{100}{131}$ (Русскій календарь на 1873 г., А. Суворина, стр. 420—424).

Въ Англии, въ томъ-же 1867 году (Блокъ, стр. 407) на 100

1) Издатели „Военнаго статистическаго сборн.“ также раздѣляютъ, вмѣстѣ съ другими, это оптимистическое воззрѣніе (см. вып. IV, стр. 82). Въ эту ошибку, съ одной стороны, ихъ ввелъ Гауснеръ (цифры котораго не слѣдуетъ цитировать, безъ повѣрки ихъ другими данными) а съ другой—ихъ неосновательное предположеніе будто 1,42% можетъ быть принято за нормальный % прироста нашего населенія.

умершихъ приходился 161, т. е. столько, сколько у насъ приходилось въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія. Во Франціи, по вычисленіямъ Леруа (*Mortalité en France, etc, pp. 480 и 484*), съ 1800—50 годъ на 100 смертей приходилось 121 рожденіе, съ 1850—60 г.—110; а съ 1860—66 г.—116 роженій, за послѣднее пятилѣтіе вычисленіе основано на цифрахъ Блока (*l'Eur. polit. et. soc., p. 288*).

Въ Пруссіи на 100 смертей приходилось, среднимъ числомъ, съ 1816—65 г.—140 роженій (Блокъ, стр. 350). Въ Швеціи на 100 смертей приходится 165 роженій; въ Голландіи—132; въ Бельгіи—137; въ Испаніи—131; въ Швейцаріи—126 (послѣдняя цифра вычислена по Кольбу, предшествующія по Блоку).

Изъ сравненія всѣхъ этихъ данныхъ оказывается, что существующее у насъ среднее отношеніе между рождающимися и умирающими не хуже, чѣмъ на Западѣ. Правда, на 100 умирающихъ у насъ приходится менѣе родившихся, чѣмъ въ Англіи, Швеціи, Пруссіи, но за-то болѣе, чѣмъ во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Голландіи. Вообще, среднимъ числомъ въ 8 приведенныхъ выше государствахъ на 2 рожденія приходится 1,44 смертныхъ случая; у насъ-же на 2 рожд.—1, 40 смер. Значить, съ этой стороны все обстоитъ благополучно, и мы прогрессируемъ почти въ одинаковой степени съ Зап. Европой. Но если мы оставимъ Европу въ покоѣ и ограничимся однимъ созерцаніемъ нашихъ собственныхъ цифръ, то тутъ мы встрѣтимся съ фактами другого рода. Приведенная выше табличка показываетъ, что отношеніе умирающихъ къ рождающимся въ послѣднія десятилѣтія представляетъ довольно печальные результаты. Въ первые 30-ть лѣтъ текущаго столѣтія на 100 умирающихъ приходилось 155 рождающихся, а въ послѣдующее 30-тилѣтіе только 132; слѣдовательно, на каждые 100 родившихся умираетъ теперь 11 человѣками больше, чѣмъ прежде. Прежде отношеніе родившихся къ умирающимъ равнялось 3: 1,92; теперь—3: 2,25.

И такъ, на основаніи данныхъ за 67 лѣтъ, ¹⁾ мы имѣемъ полное

¹⁾ Въ 1867 году (послѣдній годъ, относительно котораго имѣются точныя и подробныя свѣденія, обнародованныя Ц. С. Ком. въ прошломъ, 1872 году) это отношеніе равнялось 3: 2,13. Относительно-же начала 60-хъ годовъ см. Воен. т. Сбор., вып. IV, стр. 54—66.

право заключить, что въ Россіи *смертность относительно рождаемости возрастаетъ*. Едва-ли было-бы основательно объяснять это возрастаніе какими-нибудь неточностями въ веденіи метрическихъ книгъ. Что неточностей въ нихъ очень много—объ этомъ никто не станетъ спорить; но вліяніе ихъ должно было одинаковымъ образомъ отражаться, какъ на спискахъ умершихъ, такъ и на спискахъ рождавшихся; если въ первыхъ есть пробѣлы, то они должны быть и во вторыхъ. Нельзя-же предполагать, что до 1830 года пропускались одни только смертные случаи, а послѣ 30-го года одни только рожденія. Напротивъ, и до и послѣ 30-го года смерти пропускались и пропускаются чаще рожденій (см. Предис. къ VIII вып. Стат. Времен. 1872 г.) Извѣстно, что въ метрическія книги записывается не актъ рожденія и не актъ смерти, а обрядъ крещенія и обрядъ похоронъ. Такимъ образомъ, всѣ самоубійцы, всѣ зарыты въ землю безъ „ладона, безъ пѣнія церковнаго“,—не попадаютъ въ списки умершихъ. Большинство нашихъ сектантовъ совершаетъ похороны безъ приглашенія православнаго священника; даже православные, если они бѣдны и живутъ далеко отъ прихода, обходятся безъ церковнаго обряда. При роженіи, само собою разумѣется, это бываетъ рѣже. Не окрестить ребенка—значить, надѣлать ему много хлопотъ въ будущемъ, но зарыть покойника въ землю, *не отпывая* его,—это нерѣдко допускается безъ всякихъ опасеній officialнаго вмѣшательства въ судьбу покойника. Поэтому, число записанныхъ похоронъ всегда менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному числу смертей, чѣмъ число записанныхъ крещеній — дѣйствительному числу рожденій. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что вычисленное нами отношеніе смертей къ роженіямъ въ дѣйствительности еще неблагопріятнѣе, чѣмъ въ нашей табличкѣ.

Однако, само по себѣ взятое, это отношеніе не можетъ имѣть никакого вліянія на прогрессъ или регрессъ коэффициента размноженія. Въ двухъ обществахъ *A* и *B*, состоящихъ каждое изъ 100,000 человекъ, треть родившихся ежегодно умираетъ; но въ *A* ежегодно родится 6 тысячъ, а въ *B* только 3 тысячи; процентъ размноженія перваго общества 4%, второго—лишь 2%. Такимъ образомъ, главнымъ факторомъ является въ настоящемъ случаѣ *отношеніе числа смертей-рожденій къ населенію*, т. е. коэффициенты относительной смертности и рождаемости.

Какъ велики эти коэффициенты? Обнаруживаютъ-ли они стремленіе къ прогрессу или регрессу? — Это едва ли не самыя важныя и существенныя вопросы въ статистику народонаселенія. А между тѣмъ, именно на нихъ-то наша офиціальная и офиціозная статистика и не даетъ прямыхъ отвѣтовъ. Въ заграничныхъ статистикахъ показываются весьма различныя цифры относительной смертности и рождаемости въ Россіи (что обуславливается, вѣроятно, различіемъ сравниваемыхъ періодовъ времени); притомъ-же рѣдко указываются источники. Центр. Статистич. Комит. въ 1863 году обнаружилъ нѣсколько данныхъ объ этомъ предметѣ, — но эти данныя касаются лишь 55—58 годовъ (см. „Статистическія таблицы Россійской Имп.“ за 1856 и 1858 гг.). Издатели Военно Статист. Сборника прямо говорятъ, что за отсутствіемъ подходящихъ свѣдѣній, „никакихъ заключеній о смертности и рождаемости вывести нельзя“ (Вып. IV, стр. 53). Все затрудненіе состоитъ въ томъ, что правильныя вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ ведутся съ начала нынѣшняго столѣтія только относительно лицъ православнаго вѣроисповѣданія. Между тѣмъ число жителей опредѣляется, по переписямъ, притомъ безъ отдѣленія православнаго народонаселенія отъ неправославнаго. Такимъ образомъ, раздѣляя число нашихъ рожденій и нашихъ смертей на число жителей, мы всегда получимъ отношеніе болѣе благоприятное, чѣмъ оно существуетъ въ дѣйствительности.

Обстоятельство это весьма существенно для опредѣленія вопроса о *дѣйствительной* величинѣ относительныхъ коэффициентовъ смертности и рождаемости, — но для занимающаго насъ вопроса, для вопроса о движеніи этихъ коэффициентовъ, о ихъ прогрессѣ или регрессѣ — оно не имѣетъ особеннаго значенія. Процентъ иновѣрческаго населенія, по присоединеніи Польши и Финляндіи, почти не измѣняется, безъ большой ошибки его можно принять за величину постоянную (для европейской, Россіи около 15%, для Россіи вообще около 25%); слѣдовательно, начиная съ первой четверти нынѣшняго столѣтія, мы можемъ, уменьшая на этотъ % общее число жителей, получить приблизительный итогъ православнаго населенія. Если-бы намъ нужно было опредѣлить по этой цифрѣ отношеніе рождающихся и умирающихъ къ населенію за одинъ данный періодъ, то мы нашли-бы лишь *приблизительное отношеніе*. Взятое само по себѣ, оно едва-ли-бы заслуживало

какого нибудь серьезнаго вниманія. Но если мы опредѣлимъ его подобнымъ-же образомъ (съ допущеніемъ той-же вѣроятной приближительности) для цѣлаго ряда другихъ періодовъ, то получимъ данныя, совершенно годныя для сравненія, и выводъ изъ этихъ данныхъ будетъ имѣть значеніе хотя и не совсѣмъ точное, но вполнѣ соответствующее реальнымъ отношеніямъ дѣйствительной жизни. Ошибка, допущенная при вычисленіи коэффиціентовъ въ первомъ періодѣ, правильно повторяясь во всѣхъ остальныхъ, не измѣнитъ истиннаго характера ихъ взаимныхъ отношеній. Если въ первомъ періодѣ наше N (общее число населенія) увеличено или уменьшено сравнительно съ реальнымъ N ; то и во второмъ и въ третьемъ и т. д. періодахъ оно увеличено или уменьшено на ту-же сумму, а слѣдовательно рядъ отношеній:

$$\frac{N}{m' \text{ или } n'} : \frac{N}{m'' \text{ или } n''} : \frac{N}{m''' \text{ или } n'''} \text{ и т. д.}$$

(гдѣ m означаетъ число смертей, n рожденій) нисколько не измѣнится.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, мы считаемъ возможнымъ опредѣлить въ приближительныхъ цифрахъ движеніе нашихъ коэффиціентовъ смертности и рождаемости за текущее столѣтіе. Среднюю пропорцію неправославнаго населенія опредѣлимъ въ 25% (См. Воен. Стат. Сбор., стр. 100—103, Статист. Врем. Выпускъ II, выпус. I). Среднее приближительное число православнаго населенія по 5-й и 6-й ревизіямъ—28½ милл., по 6-й и 7-й рев.—31 милл., по 7-й и 8-й—39 милл., по 8-й и 9-й рев.—48 милл., по 9-й и 10-й рев.—53 милл., по свѣденіямъ Центр. Стат. Комитета число лицъ православнаго вѣроисповѣданія въ 1858 г. равнялось 53,763,471. Принявъ во вниманіе всѣ эти данныя, мы получимъ слѣдующую таблицу движенія коэффиціента смертности и рождаемости:

	1 умершій на	1 родившійся на
	число жит.	число жит.
Съ 1800—1815 г. . . .	35,3	23,5
„ 1815—1835 „ . . .	33,7 ¹⁾	22,9
„ 1835—1851 „ . . .	32,2	23,5

¹⁾ Моро-де Жонезь опредѣляетъ отношеніе умирающихъ къ числу населенія, какъ 1:33 (1833 г.) см. *Éléments de statistique*, p. 282.)

„ 1851—1860 „	27,4 ¹⁾	20,6
„ — —1867 „	27,1 ²⁾	19,7
„ 1868—1870 г. ³⁾	27,0	20,5

Изъ этихъ цифръ мы имѣемъ полное право сдѣлать заключеніе, что оба коэффициента, — и смертности и рождаемости, — обнаруживаютъ у насъ стремленіе къ прогрессу, но не въ одинаковой степени: въ то время, какъ первый повысился съ $\frac{1}{35,3}$ до $\frac{1}{27,4}$ т. е. болѣе, чѣмъ по 22%, второй повысился лишь съ $\frac{1}{23,5}$ до $\frac{1}{20,6}$ т. е. болѣе, чѣмъ по 12%. Слѣдовательно, смертность нашего населенія увеличивается быстрѣе, чѣмъ рождаемость. Коэффициентъ смертности, по послѣднимъ вычисленіямъ Центр. Ст. Комитета, обнародованнымъ въ нынѣшнемъ (1872) году, для всего народонаселенія Россіи вообще (безъ различія вѣроисповѣданій), равняется 1 умер. на 27,4 жит. Это отношеніе умирающихъ къ общему числу населенія мы можемъ принять за весьма близкое къ дѣйствительности; иностранные статистики Блокъ, Гауснеръ и Легуа опредѣляютъ почти тою-же цифрою коэффициентъ нашей смертности. Потому, мы имѣемъ полное право взять ее, какъ дапную для сравненія съ коэффициентами смертности, вычисленными упомянутыми статистиками для другихъ государствъ западной Европы. Для большей наглядности мы сгруппируемъ эти данныя въ слѣдующей таблицѣ. При этомъ не лишнее замѣтить, что цифры Легуа относятся, по большой части, къ началу 50-хъ и концу 40-хъ годовъ; цифры Гауснера — къ началу 60-хъ, а цифры Блока — къ десятилѣтію, предшествующему 1860 году. Русская цифра относится къ тому-же десятилѣтію. Такимъ образомъ для сравненія взяты данныя за періодъ времени приблизительно одинаковый:

¹⁾ Въ пользу этихъ вычисленій говоритъ отчасти слѣдующій фактъ. Цент. Стат. Ком. въ «статистическихъ таблицахъ Россійск. Имп.» за 1856 г., говорить: «по выводамъ, сдѣланнымъ за нѣсколько десятилѣтій текущаго столѣтія, среднюю пропорцію *рождаемости* въ Россіи принимаетъ 1 родив. на 21 — 23 чел., а *смертности* — 1 умершій на 30—33 чел., «въ иные годы по 36 чел.» Блокъ, по даннымъ Бушена, опредѣляетъ отношеніе умирающихъ къ числу населенія за 1850—1860 годы, какъ 1:27,8; Гауснеръ, какъ 1:27,7.

²⁾ Статистическ. Времен. П, выпускъ VIII, 1872 г.

³⁾ Послѣдняя цифра взята изъ „Русскаго календаря на 1878 г.“, А. Суворина, стр. 420—424.

1 умершій приходится на число жителей:

	По Гауснеру. Блову.		Леуга.
Австрія	31,9	36,3	31,6
Англія	43,4	47,6	46,9
Бельгія	42,0	44,2	45,2
Баварія	34,4	35,4	34,9
Греція	46,8	—	—
Данія	45,5	44,6	44,4
Швеція	45,8	47,6	46,3
Норвегія	53,5	58,4	55,6
Пруссія	36,9	37,7	32,5 (1846—1855)
Саксонія	34,2	—	34,5
Франція	41,6	43,2	41,8
Испанія	37,7	36,2	36,2
Италія	37,5	—	38,1 (Сардинія и Тоскана).
Португалія	—	44,4	41,8
Швейцарія	—	—	43,0
Нидерланды	—	40,4	37,1
Ганноверъ	}	—	37,5
Баденъ			
Вюртембергъ			

Вообще, слѣдовательно, средній коэффициентъ смертности въ Европѣ колеблется между $\frac{1}{15}$ и $\frac{1}{45}$, максимум доходитъ до $\frac{1}{53}$ минимум нигдѣ не превышаетъ $\frac{1}{32}$; у насъ-же онъ равняется, какъ мы видѣли, $\frac{1}{27}$. По вычисленіямъ нѣкоторыхъ статистиковъ (напр. Моро-де-Жюнеса), мало, впрочемъ, достовѣрнымъ, къ этой-же русской цифрѣ приближается и коэффициентъ смертности въ Турціи ($\frac{1}{23}$). Говорятъ обыкновенно, что чрезвычная смертность нашего населенія какъ-бы покрывается его необыкновенною плодovitостью. Дѣйствительно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что коэффициентъ рождаемости въ Россіи превышаетъ коэффициентъ рождаемости въ государствахъ Западной Европы. Такъ онъ, по вычисленіямъ Гауснера, колеблется между $\frac{1}{36}$ и $\frac{1}{24}$, у

насъ онъ доходитъ до $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{10}$ ¹⁾). Но чѣмъ обуславливается у насъ это обиліе рожденій? Оно можетъ зависѣть или отъ обилія браковъ, или отъ плодовитости нашихъ женщинъ. Въ первомъ случаѣ оно, очевидно, не будетъ имѣть никакого значенія для оцѣнки условій *жизненности* нашего населенія, во второмъ — оно, безспорно, будетъ свидѣтельствовать о нашей физической силѣ и здоровьи.

Потому, если прогрессъ коэффициента рожденій обуславливается у насъ прогрессомъ коэффициента плодовитости, то мы можемъ хотя отчасти помириться съ прогрессомъ нашей смертности. Но такъ-ли это? Посмотримъ, что говорятъ цифры. Цифръ относительно этого предмета у насъ имѣется достаточно; съ самаго начала текущаго столѣтія и вплоть до послѣднихъ годовъ истекшаго десятилѣтія обнародованы болѣе или менѣе точныя свѣденія какъ о числѣ браковъ, такъ и о числѣ рожденій лицъ православнаго вѣроисповѣданія. По этимъ даннымъ движеніе коэффициента плодовитости представляется въ слѣдующемъ видѣ:

На одинъ бракъ приходилось рожденій:

Съ 1800—5	4,3
„ 1805—10	4,3
„ 1810—15	4,3
„ 1815—20	точныхъ свѣденій о числѣ браковъ не имѣется.	
„ 1820—25	4,5
„ 1825—30	4,8
„ 1830—35	5,1
„ 1835—40	5,1
„ 1840—45	4,8
„ 1845—50	4,8

¹⁾ Блокъ даетъ слѣдующія данныя для сравненія: на 100 жит. рождается (ib., p. 35).

Въ Россіи	4,77	Въ Швеціи	3,25
» Саксоніи	4,05	» Баваріи	3,24
» Пруссіи	3,98	» Англіи	3,22
» Австріи	3,68	» Португаліи	3,10
» Испаніи	3,64	» Бельгіи	3,03
» Норвегіи	3,30	» Греціи	2,8 ¹
» Даніи	3,28	» Франціи	2,55
» Голландіи	3,27.		

„ 1850—55	5,3
„ 1855—60	4,4
„ 1860—64	4,6
„ 1867— „	4,8

Среднимъ числомъ на 1 бр. приход. рожд. 4,6 ¹⁾

Слѣдовательно, коэффициентъ плодовитости не обнаруживаетъ въ своемъ движеніи никакого замѣтнаго стремленія ни къ регрессу, ни къ прогрессу: онъ постоянно вращается около одного средняго уровня, уклоняется внизъ не болѣе, какъ на 0,3, вверхъ—0,7; съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія онъ обнаружилъ стремленіе возвыситься и, поднявшись до 4,8, почти нисходитъ съ этой нормы. Самъ по себѣ взятый средній уровень плодовитости нашихъ браковъ довольно высокъ. По вычисленіямъ Вампеуса онъ превышаетъ коэффициентъ плодовитости не только во Франціи, но и въ Англіи (4,3), въ Бельгіи (4,7) и въ Саксоніи; въ Пруссіи-же, Швеціи, Норвегіи и Голландіи онъ (средній коэффициентъ для этихъ 4-хъ государствъ = 4,6) на одинаковомъ уровнѣ съ Россіей. Однако, въ дѣйствительности коэффициентъ нашей плодовитости долженъ быть гораздо ниже: изъ общаго числа рожденій не были исключены ни *незаконнорожденные*, ни *мертворожденные*. А между-тѣмъ нельзя сказать, чтобы число тѣхъ и другихъ было незначительно. По даннымъ Центр. Стат. Комитета, въ 1867 г. у насъ приходился, напр., 1 незакон. на 28 законнорожд. ²⁾ (православныхъ), притомъ въ городахъ почти на каждые 3½ законныхъ рожденій приходится 1 незаконное. Что касается до мертворожденныхъ, то, судя по словамъ Центр. Стат. Комит. (см. Ст. Вр. II, в. VIII, 1872 г., стр. IX) у насъ совсѣмъ не имѣется о нихъ точныхъ свѣденій; ихъ по произволу зачисляють то въ число „умершихъ“, то въ число „родившихся“; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ихъ тщательно отмѣчаютъ въ отдѣльныя рубрики, въ другихъ—на нихъ совсѣмъ не обращаютъ никакого вниманія. Такъ, напримѣръ, говоритъ Центральный Статистическій Комитетъ, въ Вятской губерніи было показано мертворожденныхъ за

¹⁾ Съ 1868—1870 это отношеніе равнялось приблизительно: на 1 бр. 4,8 рожд. (Рус. Кал.).

²⁾ По вычисленіямъ Воен. Стат. Сборн. (см. вып. IV, стр. 87), въ пятилѣтіе съ 1859—64 годъ среднимъ числомъ на 100 законн. приходилось 3,56, что тоже составитъ на 1 незаконн.—23 законнорожденныхъ.

1867 г. 2,132, а въ губерніяхъ Пермской и Тамбовской, имѣющихъ почти такое-же народонаселеніе и рождающихъ почти столько-же, мертворожденныхъ показано всего 79 и 137. Очевидно, въ Вятской губерніи запись мертворожденныхъ производилась съ должною основательностью, а въ Пермской и Тамбовской—безъ всякой основательности. Если мы предположимъ, что отношеніе, найденное въ Вятской губерніи, между живорожденными и мертворожденными равномѣрно для всей Россіи, то у насъ придется на 58 живыхъ 1,7% мертворожденныхъ, что даетъ въ 1867 г. общій итогъ мертворожденныхъ въ 52,730. Но и этотъ итогъ, безъ сомнѣнія, гораздо ниже дѣйствительнаго. Трудно, даже невозможно предполагать, чтобы у насъ % мертворожденій былъ ниже, чѣмъ на Западѣ. Тамъ онъ колеблется между $4\frac{1}{2}\%$ и $3\frac{1}{2}\%$, а въ нѣкоторыхъ государствахъ (какъ, напр., въ Голландіи, въ Цюрихскомъ кантонѣ) достигаетъ почти 5%. Принимая все это во вниманіе, мы смѣло можемъ положить, что, по крайней мѣрѣ, 7% изъ общаго числа рождающихся въ Россіи составляютъ незаконнорожденные и мертворожденные. На 3,440,000 (съ небольшимъ) рожденій 1867 года это составитъ 240,800; слѣдовательно, законно и живорожденныхъ остается 3,199,200. Но, конечно, и эта цифра далеко выше дѣйствительной; однако, само собою понятно, что коэффициентъ плодовитости, при уменьшеніи общаго числа рожденій на 7%, долженъ весьма значительно понизиться. Среднимъ числомъ, онъ не будетъ превышать за 60 лѣтъ текущаго столѣтія 4,4, т. е. онъ будетъ ниже, чѣмъ коэффициентъ плодовитости въ Пруссіи — на 0,2, Австріи — на 0,19, Швеціи—0,12, Норвегіи—по 0,3, Голландіи—по 0,4, Баваріи—по 0,13 (Вампеусъ: Allgemeine Bevölkerungs-Sstat. В. 2, стр. 315).

Такимъ образомъ плодовитость нашихъ браковъ, къ сравненію съ европейскою, весьма умѣренна: она не достигаетъ даже средней плодовитости Скандинавскихъ государствъ, Пруссіи, Австріи, Голландіи и Баваріи. Къ прогрессу никакихъ стремленій она не обнаруживаетъ, и не въ ней должны мы искать объясненія высокаго уровня коэффициента нашей рождаемости. Намъ остается, слѣдовательно, обратиться къ коэффициенту браковъ. Какъ великъ у насъ этотъ коэффициентъ и какую тенденцію онъ обнаруживаетъ?

Съ 6-й по 10-ую (1812 и 1858 года) ревизію наше народонаселеніе увеличилось болѣе чѣмъ на 80%; число браковъ совпавшее въ тотъ годъ, когда была произведена 6 ревизія, равнялось почти 239 тысячамъ; въ тотъ годъ, когда была произведена 10 ревизія, оно возрасло до 563½ тысячъ, слѣдовательно, на 90%.

Съ 1812—1835 годъ среднимъ числомъ ежегодно приходился 1 бракъ на 106, 5 жителей (въ 1835 г., по Моро-де-Жонесъ, 1 на 100 жителей); съ 1835—1850 ежегодно приходился 1 бракъ на 103; съ 1851—1860 1 бракъ на 99; ¹).

Такимъ образомъ относительное число браковъ у насъ быстро возрастаетъ, и въ этомъ случаѣ мы составляемъ рѣшительный контрастъ съ Западной Европою, гдѣ, по словамъ Легуа, коэффициентъ браковъ не обнаруживаетъ никакихъ прогрессивныхъ стремленій. Сравненіе этого послѣдняго коэффициента съ нашими даетъ и другіе весьма замѣчательные результаты; мы опять возьмемъ для большей точности цифры Гауснера и Блока.

	1 бракъ приходится на число жителей	
	По Блоку	По Гауснеру
Саксонія . . .	117	131
Пруссія . . .	123	122
Данія . . .	123	124
Англія . . .	125	120
Австрія . . .	128	116
Нидерланды . .	129	126
Франція . . .	129	121
Испанія . . .	129	130
Норвегія . . .	129	141
Швеція . . .	131	136
Бельгія . . .	153	132
Португалія . .	153	—
Баварія . . .	161	152
Греція . . .	—	133
Италія . . .	—	111
<hr/>		
Итого средн. числ. .	133	128

¹) Съ 1868—1871 годъ 1 бракъ среднимъ числомъ приходился на 101, 4 ж. въ губ. Европ. Россіи (Календарь А. Суворина на 1873).

По вычислениямъ Моро-де-Жонеса (Elem. de Stat, p. 271), относящимся къ 30-мъ годамъ текущаго столѣтія, для всей цивилизованной Европы (считая въ томъ числѣ и Россію) приходится среднимъ числомъ 1 бракъ на 121 жителя.; за вычетомъ Россіи, мы получимъ среднюю цифру, весьма близко подходящую къ новѣйшимъ вычислениямъ Блока. Вообще, безъ большой ошибки, мы можемъ допустить средній коэффициентъ браковъ для всей Европы 1 на 130; слѣдовательно, нашъ коэффициентъ, принимая его, какъ это дѣлаетъ Блокъ, одинъ бракъ на 100, превышаетъ европейскій на 30%. Ни въ одной изъ европейскихъ странъ, ни въ одинъ изъ извѣстныхъ намъ періодовъ времени число браковъ не было такъ велико, какъ у насъ. ¹⁾ Но разница, въ этомъ случаѣ, между нами и Европою покажется еще поразительнѣе, если мы вспомнимъ, что у насъ изъ каждой 1,000 населенія до брачнаго возраста доживаетъ гораздо менѣе и мужчинъ и женщинъ, чѣмъ на западѣ. Если мы возьмемъ отношеніе нашихъ браковъ къ бракоспособному населенію (т. е. къ общему числу мужчинъ въ возрастѣ отъ 18—65 л., и женщинъ отъ 16—65 лѣтъ), то пропорція 1 на 98 измѣнится въ пропорцію 1 на 50, т. е. изъ каждыхъ 50 мужчинъ и женщинъ, достигшихъ совершеннолѣтія и не совсѣмъ престарѣлыхъ, *одинъ* или *одна* вступаютъ въ бракъ. По таблицамъ Буняковского, до 20-лѣтняго возраста у насъ доживаетъ 46% на 100 родившихся женщинъ; а такъ какъ мы знаемъ, что въ промежутокъ между 46—51 годами родилось, среднимъ числомъ, около 5,700,000 женщ., то, слѣдовательно, мы можемъ предположить, что въ 1867 г. (только о бракахъ этого года имѣются сколько-нибудь точныя и подробныя свѣденія), число женщинъ отъ 16—20 лѣтъ равнялось 3,400,000; число-же женщинъ, вступившихъ въ бракъ въ томъ-же возрастѣ (т. е. въ возрастѣ 16—20 л.) опредѣлено Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ (Врем. II, вып. VIII, стр. 406) въ 352,920 женщ., значить, изъ ~~каждыхъ~~ ^{каждыхъ} 9 женщинъ въ возрастѣ отъ 16—20 л. 1 вступаетъ въ бракъ. Вообще 1 бракъ у насъ

¹⁾ Можетъ быть, исключеніе составляютъ Шотландія и Ирландія, гдѣ въ 30-хъ годахъ, по вычислениямъ Моро-де-Жонеса, 1 бракъ приходился на 94 жит. Впрочемъ, цифра эта внушаетъ весьма мало довѣрія: она основана на данныхъ лишь одного года (1831).

приходится на 32 женщ., достигшихъ брачнаго совершеннолѣтія; во Франціи 1 бракъ приходится только на 45 совершеннолѣтнихъ женщинъ; въ Англіи — на 50; въ Бельгіи на — 48; въ Пруссіи—42 и т. п. Такимъ образомъ, наши женщины имѣютъ несравненно болѣе шансовъ выйти замужъ, чѣмъ француженки, англичанки, нѣмки и т. п. Другою замѣчательною чертою нашихъ браковъ является ранній возрастъ брачующихся. По вычисленію Леуга, во Франціи наибольшей средней % брачующихся выпадаетъ для мужчинъ отъ 25 — 30 л., для женщинъ отъ 20 — 26 л. У насъ на 100 брачующихся приходится:

Ж е н щ и н ь.	Мужчинъ.	Вообще муж- чинъ и женщ.
отъ 16—20 — 56,6	36,8	46,7
„ 20—25 — 26,3	31,8	29,0
„ 25—30 — 7,3	11,0	9,1
„ 30—35 — 4,0	7,0	5,5
„ 35—40 — 2,8	5,5	4,1

и т. д.

Слѣдовательно, болѣе половины женщинъ, вступающихъ въ бракъ, едва достигаютъ 20 лѣтъ; наивысшій % (68,6) брачующихся мужчинъ падаетъ на возрастъ отъ 18—25 л.

Ниже мы подробнѣе рассмотримъ вліяніе городской и сельской жизни, а также и нѣкоторыхъ другихъ условій общественнаго быта на статистику нашихъ браковъ, теперь же для нашей задачи достаточно и того, что сказано. Намъ нужно было объяснить причину высокаго коэффициента рождаемости и его прогрессивную тенденцію. Причина эта теперь найдена: обиліе нашихъ рожденій зависитъ не отъ большей плодовитости нашихъ женщинъ, сравнительно съ западно-европейскими, а отъ обилія нашихъ браковъ; съ 1812—1860 годъ коэффициентъ браковъ возвысился съ 1 на 106 до 1 по 99; въ то-же время коэффициентъ рождаемости поднялся съ 1 на 22 до 1 на 29; такимъ образомъ, прогрессъ послѣдняго почти пропорціоналенъ прогрессу перваго; первый возрастъ въ 48 лѣтъ на 93%, второй на 90%, разность не превышаетъ въ годъ 0,06. Можетъ быть, эту разность, какъ она ни незначительна, слѣдуетъ приписать регрессу плодовитости. Хотя приведенныя выше цифры и не оправдываютъ вполне этого предположенія (средній коэффициентъ плодовитости за 20-ти лѣтіе отъ

1820—1840 гг. = 4,88, за 20-тилѣтіе отъ 1840—1860 гг. = 4,82, разность всего — 0,06!), но, во-первыхъ, эти цифры относятся лишь къ православному народонаселенію, а во-вторыхъ, мы уже ска-зали, что при опредѣленіи отношенія рожденій къ бракамъ, у насъ *не всегда* дѣлается (если-бы *никогда* не дѣлалось, то это было-бы лучше) различіе между рожденными *въ бракъ* и *отъ брака*, и также между живорожденными и мертворожденными. Эти разнообразія даютъ намъ право отнестись съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ *застоя*, обнаруженному вышеприведенными цифрами, — къ *застоя* нашего коэффициента плодovitости; но едва-ли еще не большее право даетъ намъ на это тотъ фактъ, что коэффициентъ смертности постоянно прогрессируетъ. Трудно себѣ представить, чтобы люди, становящіеся все менѣе и менѣе способными противодѣйствовать болѣзнетворнымъ вліяніямъ, могли въ длинный періодъ времени съ неизмѣннымъ постоянствомъ удерживаться на одномъ и томъ-же, сравнительно говоря, довольно высокомъ уровнѣ плодovitости. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ мы еще разъ возвратимся къ этому интересному вопросу и постараемся тогда указать на нѣкоторые факты, подтверждающіе наше предположеніе о *впрямую регрессъ русской плодovitости*. Здѣсь мы ограничимся лишь простымъ указаніемъ на него, какъ на правдоподобное объясненіе разности, замѣченной нами въ быстротѣ прогрессивнаго движенія коэффициента рождаемости сравнительно съ коэффициентомъ браковъ.

Прежде, чѣмъ мы пойдемъ дальше, прежде, чѣмъ мы обратимся къ изслѣдованію другихъ отдѣловъ нашей статистики народонаселенія, сведемъ, для большей наглядности, въ нѣсколько общихъ выводовъ все то, что мы уже узнали:

1) Процентъ прироста нашего народонаселенія, хотя и выше, чѣмъ процентъ прироста во Франціи, Англіи, Бельгіи и Швейцаріи, но не выше, а *ниже* % прироста въ скандинавскихъ государствахъ, въ земледѣльческой Испаніи и даже въ Пруссіи; вообще онъ близко подходитъ къ среднему коэффициенту размноженія для всей Европы.

2) Въ своемъ движеніи онъ обнаруживаетъ несомнѣнное стремленіе къ регрессу.

3) Этотъ регрессъ обуславливается постоянно возрастающею смертностью.

4) Прогрессъ коэффициента смертности не парализуется прогрес-

сомъ коэффициента рождаемости, потому что прогрессъ перваго идетъ быстрѣе, чѣмъ прогрессъ послѣдняго, и отношеніе между рождающимися и умирающими обнаруживаетъ стремленіе къ уравненію, т. е. смертность возрастаетъ не только относительно общаго числа населенія, но и относительно средняго ежегоднаго числа рожденій.

б) Высокій-же уровень коэффициента рождаемости и его прогрессивное стремленіе вызывается у насъ высокимъ уровнемъ и прогрессивнымъ стремленіемъ браковъ.

б) Статистика нашихъ браковъ показываетъ, что а) среднее относительное число ежегодно заключаемыхъ у насъ браковъ значительно превышаетъ среднее, относительное ежегодное число браковъ во всей Европѣ; б) число это изъ году въ годъ возрастаетъ; в) характеристическая особенность нашихъ браковъ—ранній возрастъ брачующихся. Послѣднее обстоятельство объясняетъ, въ свою очередь, сравнительную плодовитость нашихъ браковъ. Извѣстно, что ранніе браки всегда отличаются хотя болѣзненнымъ и слабымъ ¹⁾, но довольно многочисленнымъ потомствомъ. Ранніе-же браки указываютъ также на зависимое, подчиненное положеніе женщины въ русской крестьянской семьѣ. Но независимо отъ этой общей причины, они могутъ въ значительной степени обуславливаться численнымъ отношеніемъ половъ въ различные возрасты. Каково-же это отношеніе у насъ, и какъ оно должно отразиться на движеніи нашего народонаселенія? Къ этому-то вопросу,—къ вопросу о распредѣленіи народонаселенія по поламъ и возрастамъ, мы теперь и обратимся.

Ніконовъ.

¹⁾ Вліяніе раннихъ браковъ на увеличеніе смертности едва-ли можетъ подлежать какому-бы то ни было сомнѣнію. Въ слѣдующей главѣ мы приведемъ для иллюстрированія этого факта нѣкоторыя данныя изъ западно-европейской статистики; русская не даетъ достаточныхъ матеріаловъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ САФО.

(Изъ Леопарди.)

Ночь тихая, луны стыдливый лучъ,
Блестящій томно въ часъ ея заката,
И ты, сквозь молчаливый сумракъ лѣса
Сіяющій надъ дальнею горой,
О, вѣстаникъ утра,—взору моему
Какъ дороги и милы были вы,
Пока Судьбы и горя я не знала.
Отчаянной любви не утѣшаетъ
Вашъ кроткій видъ. Восторгомъ наше сердце
Горитъ, когда несется по эфиру
И по полямъ дрожащимъ пыльнымъ токомъ
Дыханье Нота, и когда, гремя,
Колеса тяжелой колесницы Зевса
Надъ нами темный воздухъ разсѣкаютъ.
Намъ любо по скаламъ и по долинамъ
Среди дождей шумящихъ плыть и любо
Смотрѣть на бѣгъ испуганнаго стада
И слушать шумъ рѣки, когда она
Кипитъ, неукротима и гнѣвна.

Прекрасно ты, божественное небо,
И ты, земля; но вашей безконечной,
Безсмертной красоты несчастной Сафо
Участницей не сдѣлалъ лютый рокъ
И боги. О природа, въ гордомъ царствѣ
Твоемъ влачуся я презрѣнной гостей,
Любовница отверженная—тщетно
Къ твоимъ прелестнымъ формамъ обращаю
Глаза и сердце. Мнѣ же улыбнется
Одѣтый блескомъ солнечныхъ лучей
Цвѣтущій берегъ, ни сіянье утра
Въ лазурныхъ небесахъ; привѣтомъ мнѣ
Не раздадутся пѣсни птицъ и шорохъ
Зеленыхъ вязовъ. Тамъ, гдѣ тѣню ивъ

Склонившихся покрыть ручей зеркальный,
 Порою погружаюсь въ волны я:
 Но изъ подъ ногъ моихъ, презрѣнья полны,
 Журча, далеко убѣгаютъ волны.

Какое преступленье запятнало
 Меня въ утробѣ матери моей,
 Что такъ жестоки были для меня
 Судьба и небо? Въ чемъ я провинилась
 Ребенкомъ, о грѣхѣ еще не зная,
 Что быстро и сурово такъ свила
 Нить юности моей печальной Парка?
 Безумный ропотъ: жребіи людей
 Таинственно судьба распредѣляетъ.
 Все тайна кромѣ горя. Родъ презрѣнный,
 Для слезъ родимся мы, а почему—
 То знаетъ небо. Сладкія надежды,
 Заботы юныхъ лѣтъ... Одна наружность,
 Блестящая наружность надъ людьми
 Имѣетъ власть; а безъ нея, увы!
 Ни подвиги блестящіе, ни лира
 Не привлекутъ очей холодныхъ міра.

Умру: земля возьметъ покровъ презрѣнный,
 А духъ мой убѣжитъ отъ тлѣнья. Смерть
 Исправитъ тяжкую ошибку рока.
 А ты, кого такъ долго и напрасно
 Любила я, къ кому неутолимо
 Меня влекли желанія мои,
 Будь счастливъ, если можно на землѣ
 Счастливымъ быть. Скупой сосудъ Зевеса
 Не проливалъ мнѣ нектара съ тѣхъ поръ,
 Какъ для меня исчезли невозвратно
 Младенчества обманчивые сны.
 Да, первыми проносятся для насъ
 Дни счастья; за ними наступаютъ
 Болѣзни, старость, тѣнь холодной смерти.
 О гдѣ онѣ, роскошныя мечты,
 Гдѣ лавры?—Близокъ тартаръ и меня
 Тенара ждетъ печальная богиня,
 Глубокій мракъ, безмолвная пустыня.

Л. Граве.

ПОПЫТКА-НЕ ШУТКА.

РОМАНЪ.

(Посвящается русской женщинѣ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

«А ргорос, о сумасшедшихъ».

— Вы совершенно правы, любезный докторъ, или, лучше сказать, я, какъ профанъ въ этомъ дѣлѣ, не имѣю права съ вами не согласиться; но меня удивляетъ, что вы такого нелестнаго мнѣнія о вашей профессіи: подобный отзывъ рѣдко услышите отъ спеціалиста...

— По крайней мѣрѣ, я, князь, не дерзаю относиться къ явленіямъ этой области иначе, какъ съ величайшей осторожностью.

— Да, да, само собою разумѣется... Повторяю: я готовъ съ вами согласиться, что эксцентрики только до невѣстной степени подлежатъ вашему изслѣдованію; но... мнѣ кажется, въ нѣкоторыхъ... конечно, исключительныхъ случаяхъ... Однако, виновать!— прежде всего, чего-же мы выпьемъ съ вами?

— Полагаю, чего-нибудь легонькаго; впрочемъ, для меня это совершенно безразлично.

— Я предложилъ-бы, съ своей стороны, распить бутылку кло-де-вужо. Вы ничего не имѣете противъ этого?

— Да, все равно, хоть кло-де-вужо.

Разговоръ этотъ происходилъ въ Петербургѣ, въ началѣ іюля, часовъ около семи вечера, въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана Вольфа, на Невскомъ. Тотъ, котораго одинъ изъ собесѣдниковъ называлъ княземъ, былъ молодой, изящный гвардеецъ, съ бѣлокурными, нѣсколько вьющимися, волосами, съ тонкими усиками, кокетливо завитыми къ верху, почти въ колечко. Онъ могъ-бы, по всей справедливости, считать себя безукоризненно-красивымъ мужчиной, еслибъ его лица не портили слишкомъ крупныя голубые глаза, съ какимъ-то ребяческимъ и, отчасти, злымъ упрямствомъ смотрѣвшіе изъ подлобья. Звали этого гвардейца княземъ Петромъ Михайловичемъ Львовымъ-Островскимъ. Какъ-бы въ нарочный контрастъ ему, другой изъ собесѣдниковъ, называвшійся докторомъ, былъ совершенный брюнетъ, лѣтъ двадцати осьми, съ такими строгими черными глазами, что на нихъ трудно было смотрѣть долго въ упоръ: они, казалось, сразу проникали, сквозь золотыя очки, въ самыя сокровенныя мысли того, къ кому обращались. Лицо доктора, вообще, не могло похвастаться особенной красотой, — оно было и неправильно, и даже нѣсколько грубовато; но именно глаза придавали ему столько оригинальной выразительности, столько ума, что лицо это надолго запоминалось, невольно тянуло къ себѣ, невольно интересовало. Не менѣе своеобразной прелести придавала ему и улыбка: чрезвычайно тонкая и почти насмѣшливая, она начиналась гдѣ-то у глазъ, чуть-чуть касалась губъ и тотчасъ-же опять пропадала, какъ-бы теряясь въ густой, окладистой бородѣ. Впрочемъ, строго говоря, даже и невозможно было подмѣтить начала или конца этой странной улыбки: она до того быстро сверкала въ выразительныхъ чертахъ доктора, что была почти неуловима. Однакожъ, рядомъ съ нею и не смотря на молодость, въ его манерахъ и движеніяхъ рѣзко проглядывала не то медленность и какъ-бы усталость, не то сановитость. Одѣтъ онъ былъ весь въ черное, просто и, пожалуй, даже скромно; только на груди рубашки, отланившейся безукоризненной бѣлизной, ярко играли у него разноцвѣтными лучами три брилліантовныя запонки. Звали этого господина Львомъ Николаевичемъ Матовымъ.

Оба собесѣдника сидѣли молча, разсѣянно поглядывая въ окно, пока слуга ресторана не поставилъ передъ ними бутылку краснаго вина и большой кусокъ честеру.

— А пргоров, о сумасшедшихъ, любезный докторъ, весело заговорилъ князь, разливая въ стаканы вино и какъ-бы случайно вспомнивъ о чемъ-то:—въ нашемъ семействѣ водится очень интересный субъектъ подобнаго рода...

— Да?

— Очень, очень занимательный субъектъ, докторъ,—и, главное, представьте, пользующійся до сихъ поръ совершенной свободой...

— Какимъ образомъ? сухо спросилъ Матовъ, лѣниво отрѣзывая себѣ тонкій ломтикъ сыру.

— Мало того, пояснилъ князь, какъ-бы уклоняясь отъ прямого отвѣта,—нашъ больной субъектъ даже распоряжается порядочной массой людей. Дѣло идетъ, любезный докторъ, ни больше, ни меньше, какъ о моей родной теткѣ. Тетушка эта, дѣйствительно, преинтересная личность. Не думайте, впрочемъ, что я хочу познакомить васъ съ какой-нибудь почтенной, дряхлой старушкой, беззубо дотягивающей свой грѣшный вѣкъ; напротивъ, докторъ: вы будете имѣть дѣло съ цвѣтущей молодостью,—съ исторіей, такъ сказать, романической...

— Вотъ какъ! замѣтилъ Матовъ, поправляя очки.—Это начинаетъ меня интересовать.

— И заинтересуетесь непременно. Позвольте... я вамъ сейчасъ сочту лѣта моей тетушки. Она моложе меня четырьмя годами; мнѣ теперь двадцать семь лѣтъ,—стало бытъ, ей... двадцать три года. Совсѣмъ, какъ видите, романической возрастъ... А вино это, право, недурно;—не правда-ли?

И князь, съ видомъ знатока, небрежно поднялъ свой стаканъ и, прищурившись, посмотрѣлъ сквозь него на свѣтъ.

— Вы ужъ позвольте мнѣ начать мою исторію о тетушкѣ, такъ сказать, съ самаго начала, продолжалъ онъ, прихлебнувъ нѣсколько разъ изъ стакана.—Надо вамъ замѣтить, что у дѣда моего по матери, Александра Николаевича Бѣлозерова, все семейство состояло изъ жены и двухъ дочерей; наследниковъ мужескаго пола не было. Старшая дочь Бѣлозеровыхъ, Наталья Александровна, вышла впоследствии замужъ за моего отца, князя Михаила Львовича Львова-Островскаго, а младшая, Евгения... она-то и есть, такъ сказать, субъектъ, подлежащій вашему изслѣдованію, любезный докторъ. Старики Бѣлозеровы (то есть,

собственно онъ самъ, а она-то была простая сибирячка, (чуть-ли даже не изъ мѣщанскаго званія) унаслѣдовали очень большое родовое состояніе. Жили они безвыѣздно въ своемъ имѣніи, вели себя отъявленными домосѣдами, но принимали у себя, на барскую ногу, множество гостей всевозможнаго калибра, начиная съ губернатора и не брезгуя даже какимъ-нибудь волостнымъ писаремъ. Вообще, у нихъ въ домѣ лежала на всемъ какая-то своеобразная печать мѣщанства, или, еще вѣрнѣе, нравственнаго неряшества, распущенности. Съ того времени, какъ я сталъ помнить себя, они не очень-то жаловали нашу фамилію; мнѣ даже и теперь еще непонятно, какимъ образомъ могъ состояться бракъ между моимъ отцомъ и матерью, при такихъ, повидимому, неблагоприятныхъ условіяхъ. Особенно неблагоприятила къ намъ Евгенія Александровна—моя героиня. Надо вамъ сказать, докторъ, что это была въ высшей степени капризная, вѣблмошная дѣвочка, избалованная до послѣдней крайности. Будучи еще семилѣтнимъ ребенкомъ, она уже питала какую-то глупую вражду къ нашему,—соглашаюсь впередъ,—далеко не прекрасному полу: выйдетъ, бывало, въ гостиную и какъ только увидитъ мужчину,—сейчасъ-же топнетъ ножонкой, плюнетъ и убѣжитъ. Въ двѣнадцать лѣтъ, Евгенія Александровна откалывала, батюшка, съ нами такія штуки, что за нихъ приходилось краснѣть иногда даже и нестыдливому человѣку. Для примѣра, расскажу вамъ одинъ случай, бывшій со мной. Разъ какъ-то, именно въ этотъ періодъ ея возраста, Бѣлозеровы давали у себя большой обѣдъ, на открытомъ воздухѣ, въ саду. Мнѣ только-что исполнилось тогда шестнадцать лѣтъ, я былъ еще воспитанникомъ пажескаго корпуса и пріѣхалъ погостить къ нимъ въ деревню, на вакаціонное время. Жена (такъ, обыкновенно, звали въ ту пору мы, домашніе, младшую Бѣлозерову) сидѣла за столомъ *vis-à-vis* со мной и все время обѣда вела себя, противъ обыкновенія, какъ-то ужъ чересчуръ смирно и прилично. Шутя, я раза три приставалъ къ ней съ вопросомъ: отчего она такъ притихла сегодня? Жена, однакожь, молчала и только выразительно сверкала на меня своимъ злымъ взглядомъ, который я, какъ сейчасъ, помню. Но во время десерта, когда я обратился къ ней съ тѣмъ-же вопросомъ уже въ четвертый разъ, она, вся покраснѣвъ, проговорила сквозь зубы: „вѣдь я-же васъ не спрашиваю,

Пьеръ, отчего вы всегда бываете такимъ дуракомъ!“ Меня, какъ мальчугана, разумѣется, это сконфузило, да и взбѣсило порядкомъ; но, желая разыграть изъ себя роль вполне взрослого человѣка, я постарался подавить въ себѣ досаду и сказалъ спокойно, какъ только могъ:—Хорошо, Жэня, докажи-же мнѣ, что ты дѣйствительно умница: помирися!—„Доказываютъ свой умъ только такіе, какъ вы!“ заносчиво возразила она. Въ эту минуту обѣдъ кончился, гости стали шумно вставать изъ-за стола, и Жэня убѣжала вмѣстѣ съ дамами, которыя отправились на балконъ пить кофе. Немного погодя, пошелъ туда и я. Какъ вы думаете, докторъ, за какии оригинальнѣйшіе занятіи засталъ я тамъ моего маленькаго врага? Вотъ ужъ ни за что не угадать-то вамъ. Я нашелъ этого дикаго звѣрька притаившимся за какии-то густыи растеніемъ, въ уголку балкона. Жэня держала въ одной рукѣ мою щегольскую, новенькую фуражку, а въ другой—ножницы, и преспокойно разрѣзывала ее на мелкіе кусочки. Я чуть не задрожалъ отъ злости, зная, что въ деревнѣ неоткуда достать другую такую фуражку, но опять сдержалъ себя и только спросилъ:—что ты это дѣлаешь, Жэня?—„Доказываю свою глупость,“ сказала она, не поднимая на меня глазъ и невозмутимо продолжая свое занятіе. Тутъ намъ немного помѣшали. Жэня небрежно швырнула фуражку и ножницы за ближайшую вазу, неторопливо вышла изъ угла и чинно усѣлась между дамами, какъ ни въ чемъ не бывало. Такое хладнокровіе вывело меня, наконецъ, изъ терпѣнія. Я поднялъ мою несчастную фуражку и тотчасъ-же надѣлъ ее на голову растерявшейся дѣвочки. Мнѣ удалось сдѣлать это такъ ловко, что движеніе мое сразу было замѣчено всѣми, и я нарочно громко сказалъ:—Ты, вѣроятно, желала имѣть, Жэня, на память обо мнѣ, лоскутокъ сукна отъ моей фуражки? Возьми-же: я дарю тебѣ ее цѣликомъ. Полно, помирися! прибавилъ я ласково, видя, что у нея на рѣсницахъ дрожатъ слезы. При этомъ, я хотѣлъ-было взять ее за руку. Она быстро отдернула свою руку и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ударила меня по щекѣ, да такъ больно, что я едва могъ опомниться... Но, право, докторъ, вы очень лѣниво пьете ваше вино, а мнѣ, какъ нарочно, припала охота распить съ вами еще бутылку...

Серьезное лицо Матова свернуло его обычной, неумовимой улыбкой,

— Пожалуйста, продолжайте, князь, попросил онъ, вмѣсто отвѣта:—ваша необыкновенная тетушка рѣшительно заинтриговала меня уже и теперь. Дальше, вѣроятно, будетъ еще интереснѣе.

Львовъ-Островскій молча позвонилъ.

— Подай еще сюда бутылку того-же вина, обратился онъ къ вошедшему слугѣ.

— Такъ вотъ-съ каковъ былъ этотъ субъектъ въ двѣнадцать лѣтъ, продолжалъ князь, залпомъ допивъ свой стаканъ и повертывая его между пальцами. — И вѣдь, представьте, взбалмошную дѣвочку даже не наказали за подобную выходку; мнѣ-же еще и выговоръ сдѣлали, зачѣмъ я къ ней приставалъ...

Въ голосѣ рассказчика послышалось легкое раздраженіе.

— Вы, дѣйствительно, были отчасти и сами неправы, замѣтилъ Матовъ.

— Да, да, разумѣется, я былъ не совсѣмъ правъ, поспѣшилъ согласиться князь.— Можешь идти, обернулся онъ къ слугѣ, поставившему въ эту минуту на столъ новую бутылку вина и ожидавшему, повидимому, дальнѣйшихъ приказаній: — я позволю, если нужно.

Слуга торопливо вышелъ.

— Дѣло въ томъ, любезный докторъ, что сдѣлай она то-же самое кому-нибудь другому, а не мнѣ,—ее непременно, по крайней мѣрѣ, удалили-бы за такую штуку съ балкона въ дѣтскую, снова заговорилъ Львовъ-Островскій, подливая вина Матову. — Вотъ до чего простиралось враждебное отношеніе Бѣлозеровыхъ къ нашему семейству; я только потому и упомянулъ о безнаказанности. Съ того времени, или, лучше сказать, съ того, до сихъ поръ памятнаго мнѣ лѣта, я никогда больше не посѣщалъ уже ихъ дома, точно также, какъ и мой отецъ; матушка только ѣздила къ нимъ разъ въ имѣніе, и то по своимъ дѣламъ. Отъ нея мы узнали, что прекрасныя качества Жени, несмотря на пошедшій ей тогда пятнадцатый годъ, принимаютъ все болѣе рѣзкій и далеко уже не столь безопасный характеръ; надъ нимъ стали призадумываться теперь даже ея снисходительные родители. Такъ, напримѣръ, она пропадала иногда, Богъ вѣсть, куда—на цѣлый день изъ дому, водила какія-то странныя отношенія съ заводскими рабочими и даже, говорятъ, раза два ночевала на покосѣ, вмѣстѣ съ бабами и мужиками, откуда, уже въ третій разъ, при-

нуждены были, наконецъ, увести ее насильно домой. Мало того...

— Извините, я перебую васъ на минуту, сказалъ Матовъ.— Вы сейчасъ упомянули о заводскихъ рабочихъ, — стало быть, у Бѣлозеровыхъ тутъ-же, въ имѣніи, былъ и заводъ?

— Да, да, большой желѣзный заводъ.

— Въ какой-же это мѣстности? полюбопытствовалъ докторъ.

— Вотъ и видно сейчасъ, что мнѣ никогда не суждено быть сколько-нибудь сноснымъ беллетристомъ, хотя, съ дѣтства, я питалъ сильную наклонность къ этому искусству, весело засмѣялся князь: — совѣмъ позабылъ описать вамъ мѣсто дѣйствія моего разсказа, а вѣдь это, кажется, требуется прежде всего. Видители, любезный докторъ, Бѣлозеровы жили въ имѣніи, селѣ Завидовѣ или Завидовкѣ, какъ, по просту, его называютъ тамъ, а собственно заводъ ихъ находится въ полуверстѣ отъ него. Развѣ вы никогда ничего не слыхали о завидовскомъ желѣзномъ заводѣ?

— Не помню что-то; можетъ быть, и слыхалъ.

— Онъ, впрочемъ, только съ недавняго времени получилъ извѣстность, благодаря тому образцовому устройству, въ какое привелъ его передъ смертью мой покойный дѣдъ.

— Однако, князь, вы все-таки не пояснили мнѣ, гдѣ-же наконецъ, находится этотъ заводъ? по крайней мѣрѣ, въ какой губерніи? сказалъ, улыбаясь, Матовъ.

— Положительно, я выпилъ сегодня лишнее за обѣдомъ, — расхохотался князь еще веселѣе: — иначе, это вино не могло-бы подѣйствовать такъ сильно на мою память и логику. Обстоятельство непростительное, но мы сейчасъ поправимся. Знайте-же, докторъ, что наше родовое гнѣздо свито за Ураломъ, — тамъ, гдѣ, такъ сказать, кончается Европа и начинается Азія, а говоря проще, — въ медвѣдевскомъ уѣздѣ каменогорской губерніи!

Львовъ-Островскій проговорилъ всю эту тираду съ какой-то неестественной шутилой торжественностью.

— Такъ вотъ гдѣ, за Ураломъ! протяжно повторилъ докторъ, какъ-бы размышляя о чемъ-то. — Теперь я совершенно удовлетворенъ и попрошу васъ продолжать, послѣшилъ онъ прибавить, выходя изъ раздумья. — Что вы давеча сказали: „мало того“?

— Да! вспомнилъ князь, — на счетъ тетушки-то я хотѣлъ ска-

зять, что за ней водились въ то время еще и не такія проказы, какъ ночеваніе съ бабами на покровъ. Матушка моя увѣряла, со словъ самого Бѣлозерова, что его прислуга не разъ была свидѣтельницей, какъ изъ окна спальни Жени улепетывалъ на разсвѣтъ какой-то молодой парень, котораго, къ сожалѣнію, никакъ не могли изловить...

— Но, согласитесь, князь, все это не имѣетъ пока ничего общаго съ умопомѣшательствомъ, живо перебилъ Матовъ.

— Вамъ, какъ специалисту, гораздо лучше моего извѣстно, докторъ, что болѣзни подобнаго рода обнаруживаются, во всей своей силѣ, не вдругъ, и что психіатру необходимо знать все, что имъ предшествовало и, такъ или иначе, намекало на нихъ, еще живѣе и даже съ нѣкоторой обидчивостью возразилъ князь, какъ-будто замѣчаніе Льва Николаевича укололо его.

— Совершенно справедливо, спокойно согласился съ нимъ Матовъ.—Прошу васъ продолжать и извинить меня, что я нѣсколько поторопился заключеніемъ.

— Именно поторопились, любезный докторъ, по прежнему весело подхватилъ Львовъ-Островскій, прихлебывая изъ стакана.— Не буду передавать вамъ многихъ другихъ подробностей страннаго поведенія моей тетушки, свидѣтельствующихъ, можетъ быть, только объ ея эксцентричности, а прямо перейду уже къ такимъ серьезнымъ фактамъ, которые, мнѣ кажется, должны будутъ вывести васъ изъ сомнѣнія на счетъ умственнаго расстройства этой особы. Въ одно прекрасное зимнее утро, какъ выражались прежніе романисты, Евгенія Александровна неожиданно-негаданно пожаловала лично сюда, въ Петербургъ, прямо въ квартиру моего отца. Я никогда не забуду ни ея больше, чѣмъ небрежнаго, костюма, ни того безумнаго выраженія ея большихъ темнокарихъ глазъ, съ какимъ она лихорадочно передавала матушкѣ, какъ и зачѣмъ пріѣхала въ столицу. Разсказъ тетушки былъ до такой степени темень и сбивчивъ, что сразу никто не могъ понять, чего собственно она отъ насъ хочетъ. Наконецъ, кое-какъ выяснилось, что Евгенія Александровна отпущена родными для леченія за границу, съ однимъ почтеннымъ семействомъ, которое хорошо знали и мы; что дорогой тетушка случайно потеряла свой видъ, по которому ей слѣдовало получить здѣсь заграничный паспортъ, и что теперь она рѣшительно не знаетъ, какъ выпутаться изъ такой бѣды.

Надо вамъ замѣтить, докторъ, что Женя была въ то время уже шестнадцатилѣтней дѣвицей и что она явилась къ намъ въ домъ не одна, а въ сопровожденіи будто-бы господскаго лакея того семейства, съ которымъ ей предстояло ѣхать. При подробныхъ разспросахъ моего отца, въ особой, тайной аудіенціи, лакей этотъ, въ свою очередь, очень обстоятельно пояснилъ, что господа его, вмѣстѣ съ барышней (то есть съ Женей), пріѣхали изъ Москвы вчера вечеромъ, а сегодня, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, выѣхали по варшавской желѣзной дорогѣ въ Ковно, куда имъ нужно было зачѣмъ-то поспѣть къ сроку, и что тамъ именно они и будутъ ожидать барышню. „Онѣ, должно полагать, страдаютъ немножко головой, выразилъ онъ, между-прочимъ, свое мнѣніе о тетускѣ: въ Москвѣ сколько докторовъ у насъ перебывало, — все ихъ осматривали да разспрашивали“. На вопросъ отца: есть-ли съ Евгеніей Александровной деньги? спутникъ ея такъ-же обстоятельно отвѣчалъ, что „настоящія-то деньги собственно хранятся у господъ“, а ему „отпущено на всякій случай триста рублей; только денегъ этихъ выдавать на руки барышнѣ не велѣно ни подъ какимъ видомъ“, и онъ тутъ-же показалъ ихъ покойному князю. Кромѣ того лакей этотъ предъявилъ ему и свой заграничный паспортъ, выданный за недѣлю передъ тѣмъ на имя крестьянина Петра Лаврентьева Терентьева. — А кто-же хлопоталъ здѣсь о твоёмъ видѣ? спросилъ отецъ. „Да баринъ сами пріѣзжали сюда на сутки за этимъ дѣломъ; а барышнинаго паспорта спохватились у насъ, почитай, наканунѣ самого отъѣзда изъ Москвы: нигдѣ не могли отыскать. У нихъ и росписочка есть отъ полиціи“. Таковъ именно, помню, былъ отвѣтъ бойкаго лакея. Вообще, не знаю почему, но у меня запечатлѣлось тогда въ памяти каждое его слово, и я сейчасъ-бы узналъ это молодое, умное лицо, если-бъ мнѣ только показали его. Относительно „росписочки“ обратились за справкой къ самой тетускѣ. У нея дѣйствительно оказалось формальное удостовѣреніе московской полиціи въ томъ, что дочь потомственного дворянина, Евгенія Александрова Бѣлозерова, лично предъявила туда письменное заявленіе о потерѣ ею безсрочнаго паспорта, выданнаго ей отцомъ на свободное прожитіе по всей російской имперіи и за границей. Покойный князь, отецъ мой, былъ человѣкъ необыкновенно самолюбивый, гордый и до крайности щекотливо относившійся

ко всему, что касалось его родни, хотя-бы даже и дальней. И въ настоящемъ обстоятельствѣ, по его мнѣнію, дѣло шло ни больше, ни меньше, какъ о нашей семейной чести. Несмотря ни на какія просьбы матушки, онъ упрямо и на отрѣзъ отказался прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ справкамъ. Благодаря своимъ крупнымъ связямъ въ Петербургѣ, ему удалось дня черезъ два, черезъ три выхлопотать тетускѣ заграничный паспортъ; только необходимо было при этомъ поручиться письменно за старика Бѣлозерова, что онъ дѣйствительно отпускаетъ дочь...

Князь пріостановился на минуту разсказомъ, долилъ свой неполный стаканъ и сразу отпилъ изъ него половину.

— Теперь, любезный докторъ, началъ онъ снова, тяжело переводя духъ, — мы, такъ сказать, приблизились къ развязкѣ. Можете вы себѣ вообразить, какой переполохъ поднялся у насъ въ семьѣ, когда иѣсяца черезъ два послѣ этого матушка получила страховое письмо изъ Завидова, извѣщавшее ее въ самыхъ горестныхъ выраженіяхъ, что Жюна убѣжала изъ дому и пропала безъ вѣсти! Да, докторъ, все оказалось бредомъ помѣшанной: и потеря паспорта, и почтенное семейство, уѣзжавшее за границу, и... однимъ словомъ, все; только и уцѣлѣлъ, какъ не призракъ, ливрейный лакей. Это былъ, вѣроятно, какой-нибудь негодяй, обольстившій тетуску и подбившій ее на всю эту чепуху, чтобъ ловчѣе выманить у нея деньги. Я подозреваю даже, ужь не онъ-ли и путешествовалъ къ ней по ночамъ въ спальню, черезъ окно. Какъ-бы то ни было, исторія эта надѣлала въ свое время большихъ хлопотъ моему отцу. Онъ и матушка, я помню, едва уломали Бѣлозеровыхъ, пріѣхавшихъ вскорѣ сюда, чтобъ они предали все это дѣло, какъ говорится, волю Божіей. Старикъ, впрочемъ, не долго и жилъ послѣ того, всего какихъ-нибудь года три: семейное горе разомъ доканало ихъ обоихъ. Въ томъ-же году (это былъ вообще какой-то фатальный годъ для насъ), я лишился сперва отца, а черезъ иѣсколько дней похоронилъ и матушку: тогда свирѣпствовала сильная холера здѣсь. Для меня въ то время какъ то опротивѣло все. Чтобъ хоть немного разсѣяться, я уѣхалъ служить на Кавказъ. Между-тѣмъ имѣніе Бѣлозеровыхъ, до истеченія законныхъ сроковъ вызова наследниковъ, поступило въ опеку. Въ вихрѣ удалой кавказской жизни мнѣ, разумѣется, было не до того, чтобъ справляться объ этихъ

срокахъ; въ добавокъ къ тому-же (кто этимъ не грѣшилъ, докторъ!), я безнадежно влюбился тамъ, такъ-что и тетушка, и Завидово совѣмъ вышли у меня изъ головы. Наконецъ, въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, перейдя на службу сюда, я узнаю вдругъ, что моя почтенная родственница чуть-ли не полтора года уже, какъ преспокойно хозяйничаетъ въ родовомъ отцовскомъ имѣніи! Послѣ четырехлѣтняго отсутствія, въ которое о ней, какъ говорится, не было ни слуху, ни духу, она, однакожь, Богъ-вѣсть, какъ и откуда явилась къ сроку и, въ качествѣ прямой законной наслѣдницы, вступила во владѣніе имуществомъ моего покойнаго дѣда. Конечно, будь я въ то время здѣсь, я непременно разстроилъ-бы это дѣло! съ энергіей заключилъ разсказчикъ, слегка стукнувъ кулакомъ по столу.

— Какъ „разстроили-бы“, князь? спросилъ Матовъ, и посмотрѣлъ на собесѣдника въ упоръ.

Львовъ-Островскій какъ-будто смѣшался немного.

— Помилуйте, докторъ! заговорилъ онъ съ горячностью, какой прежде не замѣчалось въ немъ, — да развѣ, по нашимъ законамъ, сумасшедшіе владѣютъ имуществомъ? наслѣдуютъ?.. Вы, кажется, намѣрены возразить мнѣ? Я знаю, что вы хотите сказать... Позвольте... Теперь у меня нѣтъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что тетушка моя помѣшана: очень недавно еще одинъ пріѣзжій изъ-за Урала рассказывалъ мнѣ про нее такія вещи, какія можетъ продѣлывать только особа въ подобномъ состояніи. Она, наприимѣръ, сорить на бабъ деньги, какъ щепки, не принимаетъ у себя никого изъ мужчинъ, кромѣ управляющаго заводомъ, затѣваетъ, все для бабъ-же, какія-то безумныя постройки въ селѣ, а на дѣло, между тѣмъ, боится истратить лишнюю копейку; даже отказала мѣстному священнику въ просьбѣ — ремонтировать, на свой счетъ, крайне ветхую сельскую церковь. „Это ужъ, говоритъ, дѣло совѣсти крестьянъ: какъ они знаютъ, такъ пусть и дѣлаютъ“. Кромѣ того, Евгенія Александровна вотъ еще чѣмъ занимаются: стрѣльбой въ цѣль, да охотой. То и дѣло, говорятъ, въ комнатахъ моей тетушки раздаются выстрѣлы изъ револьвера... Ну, скажите, докторъ, развѣ это не помѣшательство?

— Въ такихъ случаяхъ весьма трудно судить заглазно, скромно выразилъ свое мнѣніе Матовъ.

— Соглашаюсь, любезный докторъ, что трудно; но вѣдь если вамъ скажутъ, что такой-то человѣкъ беретъ пищу ногами, а ходитъ на рукахъ, то что вы о немъ подумаете?

— Что-же? Ему, можетъ быть, такъ удобнѣе.

— Но, послѣ этого, докторъ, гдѣ-же вы прикажете искать настоящее умопомѣшательство? горячился князь.

— Тамъ, полагаю, гдѣ совершенно утрачена логика мыслей и дѣйствій. Вѣдь вы не назовете-же оригинала или фанатика прямо сумасшедшимъ, спокойно отвѣтилъ Матовъ.

— Это что-то ужъ черезчуръ снисходительная теорія... иронически разсмѣялся Львовъ-Островскій.

— Да, но въ противномъ случаѣ, пришлось-бы запретить въ сумасшедшій домъ каждаго, кто хоть сколько-нибудь выдается вонъ изъ ряда; лучшіе люди оказались-бы тамъ-же. Наконецъ, придерживаясь вашей точки зрѣнія, я могъ-бы подумать въ настоящую минуту, что вы и сами, князь, помѣшаны на томъ, что ваша тетюшка—сумасшедшая... холодно возразилъ докторъ.

Князь принужденно засмѣялся.

— Въ вашемъ присутствіи и при вашей снисходительности, докторъ, меня не пугаетъ это открытіе, съострилъ онъ не то любовно, не то съ легкой насмѣшкой.

— Шутки въ сторону, сказалъ серьезно Матовъ. — Могу-ли я откровенно предложить вамъ, князь, одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые обыкновенно принято въ обществѣ называть нескромными?

— О, сдѣлайте ваше одолженіе!

— Не заинтересованы-ли вы лично юридически въ положеніи вашей тетки? Или вы просто исходите изъ общихъ соображеній, относитесь къ этому дѣлу, какъ посторонній человѣкъ? спросилъ докторъ, опять смотря на собесѣдника въ упоръ.

Князь немного замаялся.

— Да какъ вамъ сказать? проговорилъ онъ, облокотясь на кресло и закрывая правой ладонью лобъ. — Да, пожалуй, я заинтересованъ здѣсь лично. Покойная княгиня, мать моя, не была выдѣлена при выходѣ замужъ; она получила въ приданое сравнительно только небольшую сумму наличныхъ денегъ. У Бѣлозерова, какъ я и пояснилъ вамъ, было родовое состояніе, прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола не оказывалось, и потому оно

должно было перейти въ руки Евгеніи Александровны, а въ случаѣ ея смерти или гражданской неправопоспособности — въ нашъ родъ, единственнымъ представителемъ котораго считаюсь теперь я. Такимъ образомъ, если тетушка моя дѣйствительно помѣшана, то, помимо уже всякихъ другихъ соображеній, на мнѣ, такъ сказать, лежитъ нравственная обязанность позаботиться о томъ, чтобы родовое достояніе моего дѣда не было разбросано на вѣтеръ безумными руками.

Матовъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ князя, не спуская съ него ни на минуту своихъ выразительныхъ глазъ.

— Конечно, сказалъ онъ, немного подумавъ, — вы тутъ непосредственно сами заинтересованы. Но развѣ административное признаніе правоспособности за вашей тетушкой, выразившееся въ введѣ ея во владѣніе, не вполне достаточная гарантія для васъ?

— Ахъ, Боже мой, докторъ! нервически улыбулся князь, пожавъ плечами, — развѣ вы не знаете, какъ у насъ совершаются, обыкновенно, всѣ эти такъ-называемые вводы во владѣніе... Впрочемъ, я нисколько не намѣренъ надоѣдать вамъ такими сухими вещами, поспѣшилъ онъ прибавить любезно. — Это даже совсѣмъ и не относится къ тому, чѣмъ я хотѣлъ подѣлиться съ вами, какъ съ психіатромъ... Переимѣните, пожалуйста, разговоръ: одно и то-же наскучить. Вы, кажется, говорили давеча за обѣдомъ, что предполагаете скоро уѣхать отсюда, — далеко, докторъ?

Левъ Николаевичъ медленно поправилъ очки.

— Вообразите, князь! пояснилъ онъ съ неудовимой ироніей, — мнѣ, быть можетъ, предстоитъ личное знакомство съ вашей тетушкой...

Изумленіе, смѣшанное съ какой-то досадой, отчетливо выразилось на лицѣ князя, и глаза его невольно отвернулись отъ пристального взгляда Матова.

— Въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ, любезный докторъ! принудилъ онъ себя разсмѣяться, будто-бы добродушно: — вы будете имѣть рѣдкій экземпляръ для вашей практики. Въ самомъ дѣлѣ, вы ѣдете въ ту сторону?

— Да, ѣду. Мнѣ хотѣлось-бы немного прокатиться по Россіи, прежде, чѣмъ я получу какую-нибудь осѣдность: въ четыре года заграничной жизни я нѣсколько отвыкъ отъ родины. Теперь пред-

ставляется хорошим случаем сдѣлать это безъ особенныхъ затратъ: у меня есть разомъ два порученія туда — отъ географическаго общества и медицинскаго департамента.

— Я самъ думаю съѣздить, нынѣшней зимой, за Уралъ, сказалъ Львовъ-Островскій, теперь вполне овладѣвъ собою. — Вышло-бы очень мило, если-бъ мы оказались спутниками; я, по крайней мѣрѣ, не желаю имѣть лучшаго товарища въ такой дальней дорогѣ, чѣмъ вы, любезный докторъ, и если только...

— Къ сожалѣнію, вѣжливо перебилъ его Матовъ, — спутничество наше, кажется, не можетъ состояться: я долженъ выѣхать на дняхъ-же.

— Да, это жалко, повторилъ князь, допивая послѣдній глотокъ вина.

Они немного помолчали, какъ-бы затрудняясь продолжать разговоръ.

— Завтра я переѣзжаю, докторъ, на дачу въ Павловскъ, заговорилъ снова Львовъ-Островскій, очевидно, только для того, чтобъ сказать хоть что-нибудь;—вы поступили-бы совсѣмъ обязательно, если-бъ до отъѣзда собрались ко мнѣ на денекъ подышать чистымъ воздухомъ.

— Благодарствуйте, князь. Не обѣщаю: у меня предвидится столько хлопотъ впереди, что я врядъ-ли успѣю справиться даже съ ними, деликатно пояснилъ докторъ, вставая съ мѣста.

Львовъ-Островскій тоже всталъ и нетерпѣливо позвонилъ. Левъ Николаевичъ хотѣлъ-было самъ расплатиться съ вошедшимъ слугой, но князь съ утонченной любезностью устранилъ отъ этого своего собесѣдника.

— Развѣ вы не хотите, докторъ, чтобъ я былъ вашимъ безцеремоннымъ гостемъ за Ураломъ? спросилъ онъ, вынимая башмакъ и расплачиваясь.—Вѣроятно, увидимся тамъ съ вами?

— Очень можетъ быть, холодно согласился Матовъ.

Молодые люди, молча, вышли изъ комнаты и такъ-же молча спустились съ лѣстницы на Невскій.

— Не по пути-ли намъ? освѣдомился Львовъ-Островскій, останавливаясь посреди панели и надѣвая перчатки. — Мнѣ налью.

— А мнѣ — направо. Прощайте, князь! сказалъ Матовъ, не совсѣмъ охотно протянувъ ему руку.

Львовъ-Островскій обязательно пожалъ ее обѣими руками.

— Можетъ быть, встрѣтимся еще и здѣсь, замѣтилъ онъ на прощанье.— На всякій случай, желаю вамъ полнѣйшаго успѣха у моей тетушки. До свиданія, докторъ!

И они разошлись въ разныя стороны.

ГЛАВА П.

Левъ Николаевичъ Матовъ.

Почти мѣсяць спустя послѣ этого разговора, а именно — въ первыхъ числахъ августа, по большому московскому тракту въ Сибирь, переваливъ уже черезъ Уралъ и вступая въ предѣлы медвѣдевскаго уѣзда, ѣхалъ обыкновенный, казанской работы, тарантасъ, запряженный почтовой тройкой. Въ тарантасѣ дремотно полудежалъ, то покуривая папироску, то насвистывая отъ скуки мотивы изъ любимыхъ оперъ, уже извѣстный читателю Матовъ.

— А что, пріятель! обратился онъ вдругъ къ ямщику, потревоженный какимъ-то неожиданнымъ толчкомъ,—далеко еще до Завидова?

— Да верстъ двѣнадцать, надо быть, всѣ будутъ, пояснилъ тотъ.

— Ты, я думаю, часто тамъ бываешь, хорошее это село? любопытствовала докторъ.

— Какъ намъ не бывать! Извѣстно, село богатое.

— Не знаешь-ли, гдѣ-бы мнѣ тамъ остановиться? спросилъ Левъ Николаевичъ, предложивъ ямщику закуренную папироску, а самъ зажигая отъ нея сигару.

— Вамъ квартиру, что-ли, надо? А то можно и на станціи постоять, коли тебѣ ненадолго; сутокъ трое-четверо можно. Онъ тутъ-же, въ самой Завидовкѣ и будетъ, значить, станокъ-то.

— Нѣтъ, мнѣ-бы на квартирѣ хотѣлось остановиться.

— Тогда тебѣ, видно, къ Микитѣ Петровичу доведется встать; я, пожалуй, свезу, — можно.

— А кто это такой Никита Петровичъ? освѣдомился докторъ.

— Балашевъ, мѣщанинъ тамошній, постоянный дворъ держитъ; а только у него и чистые покои есть. Тебѣ у него ладно.

будеть: старикъ онъ теперече, какъ есть, на все село извѣстенъ, потому — умнѣющая голова.

— Такъ вотъ ты меня къ нему и свези.

— А вамъ по какимъ дѣламъ туды? по казеннымъ, али по частнымъ? нѣсколько подозрительно спросилъ, въ свою очередь, ямщикъ.

— По собственной надобности, коротко и успокоительно пояснилъ Матовъ.

— Све-еземъ, ничего, можно; онъ-же мнѣ съ родни доводится.

Ямщикъ бойко прикрикнулъ на лошадей, и тройка дружно помчалась во всю рысь, звонко заливаясь своими валдайскими колокольчиками. Прислушиваясь къ этимъ монотоннымъ, то убаюкивающимъ, то какъ-то надоѣдливо тревожащимъ ухо, звукамъ, Левъ Николаевичъ никакъ не могъ сосредоточиться на одной какой-нибудь опредѣленной идеѣ; мысли его совершенно беспорядочно перескакивали съ предмета на предметъ, безъ всякой связующей послѣдовательности. Вотъ забѣжали онъ въ далекое прошлое. Доктору живо рисуется обширная комната, вся уставленная массивной мебелью, съ множествомъ старинныхъ книгъ, разбросанныхъ на полу и гдѣ только можно. Въ углу, у закрытаго ставнемъ окна, на потертомъ вольтеровскомъ креслѣ, угрюмо сидитъ, медленно покачиваясь взадъ и впередъ, помѣшанный старикъ высокаго роста, съ всклокоченными сѣдыми волосами. У другого окна, напротивъ, съ латинской книгой въ рукахъ, озабоченно пріютился задумчивый мальчикъ съ выразительнымъ, подвижнымъ лицомъ; отъ времени до времени, онъ украдкой отдергиваетъ соломенную гардину и жадно всматривается въ глубину обширнаго сада, ярко освѣщеннаго полуденными лучами. Глаза сумасшедшаго неподвижно уставились на мальчика. „Лева!.. Левъ! несмотря на солнце: это строгойше запрещено законами!“ явственно звучитъ въ ушахъ Матова знакомый, суровый голосъ. Левъ Николаевичъ широко раскрываетъ дремлющія глаза и удивленно осматривается по сторонамъ пыльной дороги. „А, кажется, дѣлаю величайшую глупость, что ѣду въ это Завидово, точно школьникъ на елку, рассчитывая получить какой-то необыкновенный сюрпризъ, вмѣсто обычной, ярко раскрашенной конфеты... Что за чепуха такая!“ думается ему, между тѣмъ, и онъ машинально прислушивается къ неумолкаемому

звяканью колокольчиковъ. И вотъ уже новый призракъ тревожить воображеніе Матова, съ неудержимой силой воплощаясь передъ его закрытыми глазами: рисуется ему дорогой образъ страдальницы-матери, такъ недавно еще зарытой, чужими руками, въ преждевременную могилу. Блѣдная и исхудалая, какъ-бы подкошенная какимъ-то зловѣщимъ недугомъ, но все еще прелестная, все еще гордая и пылкая, эта женщина во-очію стоитъ теперь передъ сыномъ и смотритъ на него своими большими грустными глазами. „Ты всегда будешь стоять за наши права... за человѣческія права твоей матери,—не правда-ли, Левъ?“ говоритъ она мягко и симпатично, и ея кроткій, но твердый голосъ какъ-то неотразимо проникаетъ въ душу. „Съ какой стати могъ я позволить себѣ такую сумазбродную мысль? Желать непременно познакомиться съ женщиной, которой ни разу не видывалъ въ глаза, думать, что встрѣтишь въ ней какую-то исключительную натуру... да вѣдь это даже и на школьника не похоже! Это просто болѣзненный бредъ разстроеннаго воображенія! Зачѣмъ-же я ѣду, спрашивается?“ совершенно неожиданно обратился къ себѣ съ вопросомъ Матовъ, но не нашелъ въ головѣ никакого подходящаго отвѣта. Впрочемъ, не прошло и минуты, какъ эти представленія уступили мѣсто другимъ: словно въ волшебной панорамѣ, стали проходить теперь передъ докторомъ знакомые заграничные города, знакомыя улицы; мелькнуло чье-то задумчивое женское личико съ темно-кариыми глазами, какъ изъ земли выросъ молодой, стройный, съ жаромъ излагающій свою науку профессоръ, съ цѣлой аудиторіей прикованныхъ къ нему глазами восторженныхъ слушателей, и все это какъ-то беспорядочно слилось, какъ-то узловато перепуталось и съ звуками валдайскихъ колокольчиковъ, и съ бойкими покрякиваніями ящика, и со стукомъ колесъ... словомъ, съ окружающей, дѣйствительной обстановкой. „Нѣтъ!.. дорога рѣшительно разстроила мои нервы“, неприятно думаетъ Левъ Николаевичъ, стараясь приободриться и, нарочно для этого, закуривая сигару. Но она очень скоро потухла у него въ зубахъ; беспорядочныя грезы снова овладѣли имъ и томили доктора до тѣхъ поръ, пока окончательно не уснули его.

Такъ какъ Матову предстоитъ одна изъ самыхъ видныхъ ролей въ предлагаемомъ рассказѣ, то мы и воспользуемся настоящей минутой, чтобъ нѣсколько ближе ознакомиться съ этой лич-

ностью въ ея прошедшемъ, до того момента, когда она въ первый разъ выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ на нашей сценѣ. Отецъ Льва Николаевича, женатый въ ранней молодости на польскѣ, сперва, нѣсколько лѣтъ сряду, читалъ, въ качествѣ профессора, патологическую анатомію въ одномъ изъ русскихъ провинціальныхъ университетовъ; потомъ переѣхалъ на постоянное жительство въ другую губернію, гдѣ и дотянулъ кое-какъ печальный остатокъ своей разбитой жизни. Это былъ немножко чудакъ, но честнѣйшій человѣкъ и добросовѣстный ученый, оставившій по себѣ самое теплое воспоминаніе въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ. Переселеніе губительно по дѣйствовало на организмъ почтеннаго профессора; онъ сталъ чрезвычайно угрюмъ, началъ сильно пить и, наконецъ, почти помѣшался на той мысли, что „смотреть на солнце—строжайше запрещено законами“. Во всемъ остальномъ, бывшій руководитель молодежи почти ничѣмъ не обнаруживалъ своей ужасной болѣзни и даже продолжалъ, по-прежнему, весьма усердно помогать учиться единственному сыну; только въ нѣкоторыя минуты находили на профессора какіе-то своеобразныя припадки жолчи и раздраженія.

Ванда Станиславовна Матова, красавица по наружности, была истая полька по духу. Она, наиримѣрь, никогда не могла простить себѣ, что вышла замужъ за человѣка не своей національности, хотя до послѣднихъ дней питала къ профессору глубокое чувство. Гордая и пылкая по натурѣ, къ тому-же въ высшей степени впечатлительная, Ванда Станиславовна выше всего на свѣтѣ ставила свою личную независимость, если только это не противорѣчило тѣмъ завѣтнымъ интересамъ, для которыхъ Матова охотно готова была пожертвовать всѣмъ. Немного, правда, было у нея такихъ интересовъ, но она умѣла стоять за нихъ грудью. По собственному признанію Ванды Станиславовны, она бывала „весьма опаснымъ снарядомъ для себя и для другихъ“, когда въ ней, какъ она выражалась, „сидѣлъ польскій бѣсикъ“. Но блестящій, начитанный умъ и необыкновенный свѣтскій тактъ выручали ее нерѣдко даже и въ такихъ случаяхъ, когда другому, на ея мѣстѣ, пришлось-бы очень плохо. Жалкое, не обеспеченное положеніе жевщины было для Матовой роковымъ вопросомъ, стоявшимъ ей жизни. Эта самоотверженная личность положила на него всю свою душу, потратила всю свою энергію, но, конечно, если и успѣла сдѣлать

кое-что, то все-таки не достигла и сотой доли желаемого. Отказавшись мало-по-малу от своих лучших надежд дома, не находя даже и за границей крупнаго броженія женской мысли, Ванда Станиславовна, глубоко уязвленная въ самое больное мѣсто души такимъ безотраднымъ положеніемъ вещей, перенесла теперь всю роскошь своей пылкой, превосходной природы на любимаго сына. Но это не могло уже возстановить надломленныхъ силъ Матовой, не могло вернуть ей грубо разогнанныхъ грезъ; она замѣтно таяла, какъ воскъ, „сама себя жгла“, какъ выражались о ней близко знавшіе ее люди.

Такимъ образомъ Левъ Николаевичъ росъ и воспитывался подъ двойнымъ вліаніемъ—отца и матери. Первое изъ нихъ было особенно сильно въ то время, когда профессоръ находился еще во всей силѣ своихъ умственныхъ способностей, а Ванда Станиславовна, вся поглощенная лихорадочной борьбой въ пользу женскаго дѣла, обращала слишкомъ мало вниманія на сына или, лучше сказать, не находила достаточно свободнаго времени на это. За то, съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось ненормальное состояніе ея мужа, Матова почти исключительно занялась мальчикомъ, и ея вліаніе на него даже значительно пересилило отцовское. Но и то, и другое едва-ли не въ одинаковой мѣрѣ полезно дѣйствовало на живой, воспріимчивый умъ Левы. Если съ одной стороны отецъ внушалъ ему спокойное, отрезвленное наукой отношеніе къ явленіямъ дѣйствительной жизни, то съ другой—пылкая натура матери на каждомъ шагѣ давала чувствовать себя сыну, развивая въ немъ горячее стремленіе помочь этой жизни. Все это, конечно, передавалось мальчику постепенно и въ болѣе доступныхъ формахъ, но смыслъ сказаннаго всегда выходилъ одинъ и тотъ-же. Въ томъ-то именно и заключалось главное воспитательное достоинство этихъ двухъ свѣтлыхъ личностей, что онѣ не навязывали ребенку своихъ сужденій и предоставляли ему совершенно свободный выборъ между ними. Такимъ образомъ, у Левы прежде всего выработалось полнѣйшее безпристрастіе въ мірѣ мысли: онъ могъ, подобно пчелѣ, съ любого цвѣтка собирать медъ. Прямимъ послѣдствіемъ такой системы воспитанія, явилась сперва стойкость собственныхъ убѣжденій Льва Николаевича, а отсюда уже непосредственно вытекало его нелицепріятная терпимость относительно чужихъ мнѣній.

Въ дѣтствѣ, лѣтъ до десяти, до одинадцати, Лева былъ

очень бойкій мальчикъ. Отцу приходилось слѣдить за нимъ тогда, какъ говорится, во всѣ глаза. Энергія и настойчивость являлись въ этотъ періодъ возраста преобладающими чертами въ характерѣ ребенка; когда онъ задумывалъ что нибудь, то ужъ исполнялъ непремѣнно, если только не представлялось къ тому какихъ-либо неодолимыхъ препятствій. Такъ, однажды Левъ захотѣлось узнать, что происходитъ во внутренности живой курицы. Сперва онъ присталъ съ разспросами къ отцу; но очень ясное, повидимому, объясненіе профессора не удовлетворило мальчика; ему нужно было не на словахъ только, а наглядно удостовѣриться въ томъ, чего онъ не зналъ. Большихъ нравственныхъ усилій стоилъ Левъ этотъ кровавый, отталкивающий подвигъ, но ребенокъ все-таки совершилъ его безъ посторонней помощи. „Хорошій анатомъ будетъ“, весело разсмѣялся профессоръ, узнавъ отъ встревоженной и, отчасти, негодующей жены, какимъ жестокиѣмъ истязаніемъ подверглась ея любимая желтая курочка. Ванда Станиславовна узнала, впрочемъ, эти подробности не отъ прислуги, а отъ самого сына, наивно и съ дѣтскимъ восторгомъ передаваѣго ей свои наблюденія, вскорѣ послѣ ужасной операци. Тѣмъ не менѣе, рассказанный случай очень сильно подѣйствовалъ на живое воображеніе мальчика: онъ, уже долгое время спустя, все еще не могъ равнодушно видѣть жареной птицы, и хотя это было его любимое блюдо, постоянно отказывался отъ него.

Начиная съ двѣнадцатаго года, обычная бойкость Левы стала постепенно пропадать, уступая мѣсто какой-то неопредѣленной задумчивости. Съ помѣшательствомъ профессора, перемѣна эта приняла въ мальчикѣ довольно серьезные размѣры и не на шутку встревожила Ванду Станиславовну. Въ то время ее особенно поражаало иногда удивительное сходство сына съ ея мужемъ. Дѣйствительно, Лева и прежде казался вылитымъ отцомъ въ миниатюрѣ; но теперь это сходство какъ-будто еще усилилось одной выдающейся чертой: со времени болѣзни профессора, его ни разу не видали улыбающимися и, въ рѣдкихъ случаяхъ, онъ только нервически кривилъ губами; Лева тоже почти пересталъ улыбаться настоящей улыбкой, и такое-же нервное подергиваніе губъ замѣчалось у него довольно часто. „Въ немъ только и есть моего— глаза!“ съ рѣзкой болью въ сердцѣ думала подчасъ Матова, украдкой наблюдая за сыномъ. Хотя и съ большимъ трудомъ, ей уда-

лось, однакожь, при помощи школьныхъ товарищей Левы, достигъ понемногу того, что мальчиѣзъ сталъ смотрѣть, наконецъ, гораздо веселѣе: его то и дѣло незамѣтно развлекали, стараясь не давать ему слишкомъ сильно зарываться въ книги, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Благодаря всѣмъ этимъ усиліямъ, а главное — личному, горячему и разумному участию матери, Лева къ концу гимназическаго курса, развернулся хотя и въ серьезнаго, но очень милого юношу, съ самыми богатыми задатками для дальнѣйшаго развитія на любомъ поприщѣ.

Теперь-то именно и выпалъ на долю Ванды Станиславовны самый трудный вопросъ: каково-же должно быть это поприще? Въ частыхъ, душевныхъ бесѣдахъ съ сыномъ, ей, правда, выяснилось, что онъ желаетъ идти по отцовской дорогѣ. Но у самой Матовой вовсе не лежало сердце къ подобной профессіи. Однакожь, какъ женщина развитая, она въ то-же время очень хорошо понимала, что задерживать такое естественное влеченіе было-бы неразумно да, пожалуй, и опасно. Ей, значитъ оставалось только указать добросовѣстно сыну, какія еще могутъ предстоять ему другія обязанности въ жизни, взвѣсить, сообщая съ нимъ, ихъ нравственныя выгоды и невыгоды для него, а во всемъ остальномъ положиться уже исключительно на молодыя силы формирующагося челоуѣка. Ванда Станиславовна такъ именно и поступила. Мѣсяца черезъ два послѣ кончины мужа, которая какъ-разъ совпала съ окончаніемъ Левою гимназическаго курса, Матова уѣхала въ Петербургъ и тамъ, на свой счетъ, опредѣлила сына въ медицинскую академію. Пять лѣтъ, проведенныя имъ въ этомъ заведеніи, были до сихъ поръ лучшими годами въ жизни Льва Николаевича. Съ какимъ наслажденіемъ возвращался онъ, бывало съ лекціи домой, — въ скромную, уютную квартиру на Выборгской сторонѣ, гдѣ его всегда ожидала теплая, умная бесѣда съ другомъ матерью, либо волновалъ горячій споръ, за стаканомъ чаю, съ избраннѣмъ товарищемъ! Да! никогда не забудетъ Матовъ этихъ свѣтлыхъ, мирныхъ лѣтъ: вѣдь они выпадаютъ на долю только немногихъ счастливицевъ... Все это время, пылкая, непосредственно воспринятая отъ матери, юная натура Льва Николаевича находилась какъ-бы въ какой-то дѣвственной дремотѣ: онъ не волновался, какъ волнуется, обыкновенно, молодежь при видѣ всякаго, мало-мальски хорошенькаго женскаго личика; для

Матова даже какъ будто и не существовало другихъ женщинъ, кромѣ Ванды Станиславовны. Между нею и сыномъ установились теперь самыя дружескія, самыя откровенныя отношенія.

— Не нравится-ли тебѣ кто-нибудь, дружокъ? спрашивала она иногда, лаская его.

— Нѣтъ, милая мама, никто пока не нравится, былъ обычный отвѣтъ Матова. — Вотъ если-бъ я могъ встрѣтить такую женщину, какъ ты, я непременно полюбилъ-бы ее отъ всего сердца.

И Левъ Николаевичъ задумчиво прислонялся, бывало, головой къ плечу матери, а та проводила рукой по его мягкимъ волосамъ и, смѣясь, говорила:

— Какой ты у меня оригинальный мальчикъ, Левъ!

Быстро протекли для Матова эти незабвенные годы. Окончивъ курсъ въ академіи на степень лѣкаря, онъ съ полгода съ успѣхомъ занимался независимой практикой, посвящая ее больше бѣднякамъ и, въ особенности, студентамъ. Левъ Николаевичъ не имѣлъ печальной необходимости стѣснять себя въ выборѣ пациентовъ: у Ванды Станиславовны было свое, хотя и небольшое, но все-же независимое состояніе, которое она никогда не отдѣляла отъ средствъ сына, да и покойный профессоръ, при своей чрезвычайно скромной жизни, успѣлъ кое-что скопить ему на черный день; кромѣ того, сама Матова постоянно и очень энергично внушала юному врачу, чтобъ онъ отнюдь не измѣрялъ количествомъ приобретаемыхъ денегъ той пользы, какую ему придется оказывать обществу. Какъ-бы то ни-было, но эта самостоятельная практика не удовлетворила Матова. На первыхъ-же порахъ, онъ живо почувствовалъ, что ему словно недостаетъ чего-то, что спеціальность какъ-будто убиваетъ въ немъ человѣка — того полного человѣка, какой постоянно рисовался въ грандіозныхъ образахъ, созданныхъ пылкимъ, благороднымъ воображеніемъ его матери. Посовѣтовавшись съ ней откровенно на этотъ счетъ, Левъ Николаевичъ рѣшилъ, что имъ надо уѣхать за границу, гдѣ-бы онъ могъ вполне закончить свое медицинское образованіе; Ванда Станиславовна была того-же мнѣнія, — и они, съ открытіемъ навигаціи, пустились въ путь. Сперва, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Матовы странствовали какъ-бы безъ опредѣленной цѣли, объѣзжая столичные города Европы, и присматри-

ваясь къ тамошнимъ порядкамъ. Наконецъ, путешественники за-
вернули въ Вѣну. Здѣсь, случайно прослушавъ одну лекцію ка-
кого-то профессора-психіатра, имя котораго гремѣло тогда на весь
ученый міръ, Левъ Николаевичъ, съ жаромъ, свойственнымъ его
молодой натурѣ, весь отдался изученію этой, такъ мало разра-
ботанной еще науки. Со времени болѣзни отца внутренній міръ
человѣка, съ его темными и свѣтлыми сторонами, всегда казался
Матову самой интересной, самой благородной задачей, но до сихъ
поръ онъ какъ-будто обходилъ ее, сознавая, быть можетъ, съ
одной стороны свое безсиліе, а съ другой, всю ея важность. Вѣн-
скій профессоръ съумѣлъ, повидимому, дать опредѣленный тол-
чокъ неяснымъ порываніямъ формирующей мысли Льва Нико-
лаевича: „Наконецъ-то, я выбрался на настоящую дорогу!“ весело
думалъ онъ теперь и по-уши зарывался въ сложные трактаты
своей новой специальности. Но, увы! прослушавъ добросовѣстно
полный курсъ психіатріи, Матовъ, противъ ожиданія, не ощутилъ
въ себѣ особеннаго довольства: напротивъ, онъ даже какъ-будто
затосковалъ еще сильнѣе, какъ-будто еще очевиднѣе убѣдился,
что ему дѣйствительно недостаетъ чего-то. Тогда, желая хоть
чѣмънибудь пополнить эту, такъ рѣзко ощущаемую имъ пустоту,
Левъ Николаевичъ горячо принялся за изученіе европейской лите-
ратуры; общественные вопросы сразу поглотили все его вниманіе.
Чѣмъ дальше шель онъ по этому пути, чѣмъ глубже вникалъ
онъ въ раскрывшійся передъ нимъ новый міръ мысли, тѣмъ по-
нятнѣе, осязательнѣе становилось для него неясное броженіе со-
временнаго общества,—и жажда широкой, ни чѣмъ нестѣсняемой,
общественной дѣятельности охватила Матова, какъ могучій по-
токъ, готовый нести его, черезъ всѣ препятствія, къ далеко на-
мѣченной цѣли. „Точка опоры найдена для меня; мое недоволь-
ство собой прошло, и отнынѣ я вполнѣ чувствую себя граждани-
номъ міра“, писалъ, между прочимъ, Левъ Николаевичъ матери,
уѣхавшей передъ тѣмъ на нѣсколько недѣль въ Петербургъ.
Ванда Станиславовна, по обыкновенію, отвѣчала сыну восторжен-
но, горячо; но письмо ея, на этотъ разъ, было все, отъ строки
до строки, пронизуемо какой-то щемящей грустью, точно любя-
щая мать предчувствовала, что оно будетъ ея послѣдней, загроб-
ной бесѣдой съ дорогимъ сыномъ. „Ты всегда будешь стоять за
наши права... за человѣческія права твоей матери,— не правда-

ли, Левъ? — такъ заключила она свое скорбное посланіе. И дѣйствительно, въ тотъ-же самый день, какъ Матовъ съ тяжелой душой пробѣгалъ эти жуткія строки, телеграфъ неожиданно принесъ ему краткое извѣстіе о внезапной кончинѣ Ванды Станиславовны отъ скоротечной чахотки. Извѣстіе это было настоящимъ ударомъ для молодого ученаго; онъ просто обезумѣлъ отъ горя. Нѣсколько дней Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя какъ-бы оторваннымъ отъ жизни, какъ-бы заброшеннымъ въ какую-то неизмѣримую пустыню. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мать была для него—всѣмъ; въ ней одной сосредоточивались всѣ его привязанности, только съ ней могъ отводить онъ совершенно почеловѣчески душу. Въ четыре года лихорадочной заграничной жизни сердечное влеченіе къ посторонней женщинѣ ни разу не потревожило сосредоточенной натуры доктора; въ этомъ отношеніи онъ былъ пока все тѣмъ-же нетронутымъ юношей, какимъ его знали еще въ академіи. Правда, однажды, въ первые мѣсяцы путешествія, проѣздомъ черезъ Цюрихъ, Льва Николаевича неотразимо приковали къ себѣ на минуту темно-каріе глаза какой-то скромно одѣтой дѣвушки, переходившей черезъ улицу, отъ зданія университета; но это было просто какое-то мимолетное, почти бессознательное впечатлѣніе. Припомнивъ его почему-то именно теперь, въ дни горя, Матовъ какъ будто почувствовалъ себя еще вдвое несчастнѣе, еще сиротливѣе. Въ эти безразсвѣтные дни улыбка понемногу опять исчезла у него съ лица, или, вѣрнѣе, приняла ту неувимую форму, о которой мы заявили въ самомъ началѣ нашего разсказа.

Съ тѣхъ поръ дальнѣйшее пребываніе въ Вѣнѣ стало невыносимымъ для молодого ученаго. Здѣсь все такъ живо напоминало ему мать; даже отъ стѣнъ квартиры какъ-будто вѣяло еще неостывшимъ дыханіемъ Ванды Станиславовны. Левъ Николаевичъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Немедленно по пріѣздѣ туда молодой человѣкъ, чтобы скорѣе забыться, лихорадочно принялся за диссертацию для полученія степени доктора медицины, выдержалъ въ академіи установленный экзаменъ и съ честью былъ удостоенъ докторскаго диплома. Матову даже предложили остаться, въ качествѣ адъюнкта, при тамошнемъ профессорѣ душевныхъ болѣзней; но, не отказываясь прямо отъ этого предложенія, Левъ Николаевичъ съ благодарностью отклонилъ его на неопредѣленномъ

срокъ подъ предлогомъ необходимаго отдыха. Въ сущности же доктору просто хотѣлось уѣхать на-время куда-нибудь въ глушь, гдѣ его не могли-бы такъ сильно осаждать гнетущія воспомина- нія о дорогой покойницѣ; да, наконецъ, Матовъ и самъ еще не могъ пока опредѣлять хорошенько, за что онъ примется, когда утихнетъ его душевная боль. Мы уже знаемъ, какую сторону избралъ Левъ Николаевичъ для своей поѣздки.

Съ княземъ Львовымъ-Островскимъ докторъ познакомился слу- чайно, на обѣдѣ въ одномъ семейномъ домѣ: какъ людей, встрѣ- чающихся въ первый разъ, хозяева, разумѣется, посѣшили от- рекомендовать ихъ другъ другу. Молодой гвардеецъ, узнавъ, что его новый знакомый — психіатръ, сталъ относиться къ Матову съ какой-то особенно-предупредительной, даже заискивающей вни- мательностью. Имъ пришлось уходить съ обѣда въ одно время. Дорогой, заговоривъ съ свѣтской находчивостью о спеціальности своего спутника, Львовъ-Островскій предложилъ ему зайти въ ресторапъ Вольфа — распить вмѣстѣ бутылку вина. Левъ Нико- лаевичъ сперва было-отказался, но, уступая требованіямъ вѣжли- вости, принужденъ былъ согласиться, наконецъ, на усиленную просьбу князя. Извѣстный рассказъ послѣдняго о тетусиѣ про- извелъ почему-то на доктора не совсѣмъ обыкновенное впечат- лѣніе; по крайней мѣрѣ, этотъ рассказъ заинтересовалъ его го- раздо сильнѣе, чѣмъ могъ предполагать самъ Львовъ-Островскій. Очень можетъ быть, что подобному впечатлѣнію значительно спо- собствовали та фальшь и натянутость, какія пробивались почти въ каждомъ словѣ князя, а можетъ быть, и что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ, хотя личность Бѣлозеровой и была выведе- на въ рассказѣ гвардейца въ какомъ-то безпорядочномъ видѣ, она тѣмъ не менѣе пробудила въ Матовѣ какое-то неопредѣленно- упрямое желаніе изслѣдовать ее поближе — благо, самъ собой представлялся, такимъ образомъ, случай развлечься дорогой.

Убаюканный теперъ монотоннымъ позвякиваньемъ колокольчи- ковъ, Левъ Николаевичъ проспалъ довольно долго. Когда онъ очнулся, пурпуровые лучи заходящаго солнца такъ и ударили ему прямо въ глаза.

— А что, далеко еще до станціи? спросилъ онъ у ямщика, устало потягиваясь въ тарантасѣ и не замѣчая, что впереди дороги, на небольшомъ возвышеніи, показались какія-то чистенькія избы.

— Да вонъ ужъ видать ее, Завидовку-то, головой указаль на нихъ ямщикъ: — и съ полверсты теперя не будетъ.

— Поѣзжай, пріятель, поскорѣе: ужасно наскучило сидѣть, попросилъ Матовъ.

Ямщикъ молодцовато прибралъ возжи и тройка, быстро миновавъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее ее отъ сосѣдняго пригорка, осторожно переѣхала какой-то узенькій мостикъ и повесилась во весь духъ по отлогому подъему села, встрѣченная дружнымъ лаемъ косматыхъ деревенскихъ собакъ, такъ и кидавшихся подъ ноги лошадамъ.

Левъ Николаевичъ сѣлъ прямѣе и зорко оглядывался по сторонамъ, испытывая на этотъ разъ какое-то странное, почти ребяческое любопытство...

ГЛАВА III.

Село Завидово.

По мѣрѣ того, какъ тарантасъ подвигался впередъ, искусно изворачиваясь въ узенькихъ переулкахъ, между плетеными заборами дворовъ и огородовъ, Матову все сильнѣе и сильнѣе бросалась въ глаза проявлявшаяся здѣсь во всемъ какая-то необыкновенная опрятность или, пожалуй, зажиточность. По ту сторону Урала докторъ не встрѣчалъ еще ничего подобнаго, — по крайней мѣрѣ, въ такомъ дружномъ скопленіи на одномъ мѣстѣ. Жилые было раскинуто по пригорку довольно широко и живописно, окаймляясь, въ концѣ деревни, темно-зеленой опушкой хвойнаго лѣса. На встрѣчу тройкѣ то-и-дѣло попадались молодцова-таго вида крестьяне, прилично одѣтые. Поровнявшись съ нею, они слегка, но радушно приподнимали шапки, очевидно, лишь изъ побужденія простой, патріархальной вѣжливости, а не ради того, что заподозривали въ проѣзжемъ чиновное лицо, тѣмъ болѣе, что на клеенчатой фуражкѣ доктора не было кокарды. Еще больше попадалось женщинъ. Часто весьма красивыя, почти всѣ одѣтыя, несмотря на будни, съ деревенскимъ щегольствомъ, онѣ то же пріятливо кивали головой Матову. Нѣкоторые изъ нихъ, помоложе, кокетливо пріостановившись на минуту, съ любопыт-

ствомъ провожали глазами тройку. Здоровый, нѣсколько смуглый, цвѣтъ женскихъ лицъ ярко изобличалъ въ нихъ преобладаніе сибирскаго типа. Чѣмъ дальше слѣдовалъ тарантасъ, тѣмъ чаще плетеные заборчики стали уступать мѣсто настоящимъ тесовымъ заборамъ; начали появляться уже дома городской постройки, въ два этажа, непременно съ балкончикомъ наверху, а внизу изрѣдка встрѣчались скромные пріюты сельской торговли; промелькнулъ, наконецъ, и веселенькій деревенскій трактиръ съ какой-то замысловатой аллегоріей, неумѣло намалеванной на покосившейся вывѣскѣ.

— Здѣсь, въ селѣ, долженъ быть помѣщичій домъ, гдѣ-же, его не видно? обратился Левъ Николаевичъ къ ямщику, отрываясь, наконецъ, отъ созерцанія этихъ незатѣйливыхъ предметовъ.

— Есть; онъ вонъ тамъ, правѣе будетъ, у самой рѣчки: вишь, вонъ гдѣ роща-то? Это господскій садъ, значить, пойдетъ, а за нимъ и домъ стоитъ; изъ-за саду-то его тепериче не видать, обстоятельно пояснилъ ямщикъ. — Такъ какъ-же тебя везти-то? У Балашева, что-ли, пристанете? спросилъ онъ черезъ минуту.

— У него, у него, поспѣшилъ сказать Матовъ.

Тройка круто повернула налѣво, въ какой-то сравнительно очень широкой проулокъ и подъѣхала къ длинному двухэтажному деревянному дому безъ всякой вывѣски. На верхней ступенькѣ довольно крутого крыльца, которое вело прямо съ улицы во второй этажъ этого строенія, стоялъ, въ розовой ситцевой рубахѣ, атлетически сложенный, высокаго роста старикъ, съ гладко расчесанной сѣдой бородой, достигавшей у него почти до пояса. Заслоняя лѣвой ладонью отъ косвенныхъ лучей заходящаго солнца, незнакомецъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на подъѣхавшую тройку, пока ея возница проворно слѣзалъ съ козелъ.

— Вотъ гостя тебѣ привезъ — постояльца, Микита Петровичъ, съ поклономъ обратился къ нему ямщикъ, очевидно, какъ къ хозяину дома. — Примашъ?

— Мы гостямъ завсегда рады, на томъ, значить, стоимъ; только вы, къ примѣру, изъ какихъ-же будете? степенно освѣдомился старикъ у Матова, спускаясь къ нему съ крыльца и медленно разглаживая правой рукой бороду.

— Здравствуйте, хозяинъ! Я докторъ, пояснилъ Левъ Николаевичъ, выѣзая изъ тарантаса.— Мнѣ хотѣлось-бы остановиться здѣсь на нѣсколько дней, отдохнуть съ дороги, такъ нельзя-ли у васъ?

Никита Петровичъ съ минуту затруднительно помолчалъ.

— Можно-то оно, пошто не можно, да только мы незнакомыхъ не больно-то любимъ примать: всякаго вѣдь тутъ народу довольно ѣздить... тоже и чиновники, теперече... сказалъ онъ, наконецъ, нѣсколько замаявшись и проницательно оглядывая съ ногъ до головы скромную и вмѣстѣ изящную фигуру пріѣзжаго.— Намъ главное, по какимъ вы такимъ дѣламъ сюда пожаловали?

— Да я просто частный докторъ и ѣду по собственной надобности, объяснилъ Матовъ.

— Такъ-съ... проговорилъ Балашевъ, очевидно, все еще затрудняясь.— А долгоныко у насъ простоять-то думаете? спросилъ онъ, опять помолчавъ немного.

— Да нѣсколько дней, не больше, конфузясь, сказалъ Левъ Николаевичъ, какъ видно, неприготовленный къ такому подробному допросу.

— Такъ-съ, такъ-съ... снова протянулъ Никита Петровичъ, не зная, повидимому, и теперь, какъ ему поступить. — Да дѣлать-то ужъ видно нечего, надо будетъ принять, коли сюда завезъ; а только мы, признаться сказать, не больно охочи до всякихъ-то прѣзжающихъ... Ну, кумъ! вываливай, что-ли, поклажу-то... рѣшительно обратился онъ вдругъ къ ямщику, хотя въ голосѣ его и слышалось явное нерасположеніе.

Матовъ тоже стоялъ теперь въ нерѣшимости, остаться-ли ему здѣсь, или поѣхать искать пристанища въ другомъ мѣстѣ.

— Да вотъ что, хозяинъ, надумался онъ сказать, наконецъ;— по русской пословицѣ, насильно вѣдь милымъ не будешь, такъ ужъ я лучше прѣду куда-нибудь дальше.

Спокойный тонъ Льва Николаевича замѣтно сконфузилъ, въ свою очередь, старика.

— Ничего, ничего... пошто и у насъ не погостить! Можетъ, ты и хорошій человекъ, кто тебя знаетъ; можетъ, ужъ и слобимся какънибудь, поспѣшилъ онъ заключить еще рѣшитель-

нѣе, но на этотъ разъ уже въ самомъ примирительномъ тонѣ.—
Пожалуйте-ка въ горницу!

Матовъ охотно послѣдовалъ за нимъ на крыльцо, связавъ, между прочимъ, ящичку, чтобъ тотъ вносилъ вещи.

— Опять теперече и то надо по правдѣ связать: господа — народъ, непріобыкшій къ нашимъ мужицкимъ порядкамъ; другой разъ и хошь угодить на него, да не потрафишь. Бупцы, дакъ тѣ теперече не въ примѣръ обиходиѣе... лукаво замѣтилъ хозяинъ, какъ-бы въ свое оправданіе.

— Не беспокойтесь, я не взыскателенъ, сказалъ докторъ.

— Извѣсно, и у насъ хорошіе люди ставали на фатерѣ, да все оно какъ-будто опаску имѣешь; тоже и на счетъ кушанья, теперече, хлопотно съ господами... продолжалъ Никита Петровичъ, видимо стараясь уже впередъ выгородить себя на всякій случай.

— И въ этомъ будьте совершенно покойны, что дадите, то я и буду ѣсть, окончательно задобрилъ его Левъ Николаевичъ.

Они вошли, между-тѣмъ, въ просторныя сѣни, раздѣлявшія весь домъ на двѣ отдѣльныя половины.

— Тутъ вотъ я самъ живу, а тебя вотъ здѣсь помѣщу, объяснялъ Балашевъ, указывая одной рукой направо, а другой — направо. — Черный народъ когда бываетъ, такъ тотъ у меня больше внизу стоитъ, безпокояства, значить, вамъ большого не будетъ. Семейка моя тоже не больно-то велика: одна дочь теперече, да работникъ съ работницей — и все тутъ.

Хозяинъ отворилъ дверь въ правую половину и ввелъ туда пріѣзжаго. Здѣсь, кромѣ маленькой передней съ полатами, оказались еще двѣ довольно просторныя, свѣтлыя комнаты, убранныя, согласно деревенскимъ обычаямъ, весьма не дурно.

— Вотъ ужъ такъ всѣ эти три горенки вы и займите, предложилъ Балашевъ, остановившись посрединѣ второй комнаты и заложивъ за спину руки.

— А что вы съ меня возьмете за это, хозяинъ? спросилъ Матовъ.

— Да што съ тебя взять-то?.. Шестъ гривенъ въ сутки, съ
15*

ѣдой, положишь? Извѣсно—не травой станемъ питаться, любезно съострилъ Никита Петровичъ.

Левъ Николаевичъ остался совершенно доволенъ такимъ условіемъ; онъ только выговорилъ при этомъ, чтобъ ему подавали два раза въ день, утромъ и вечеромъ, самоваръ, если послѣдній имѣется въ домѣ, какъ неосторожно выразился докторъ.

— Господи, твоя милость! воскликнулъ хозяинъ, обидчиво всплеснувъ руками,—чтобы этого добра да въ домѣ не было: не токмо, что одинъ, а и всѣ три найдутся; хошь шесть разъ въ день, дакъ и то можно поставить,—не отнимутся руки-то.

Разсчитавшись съ ящичкомъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ уже внести въ комнаты пожитки пріѣзжаго, Матовъ наскоро разобралъ ихъ, перемѣнилъ дорожное бѣлье и, вообще пріодѣвшись по столичному, отправился на хозяйскую половину, чтобъ спросить себѣ умыться и сказать, что онъ уходитъ изъ дому. Левъ Николаевичъ встрѣтилъ Балашева въ снѣгахъ.

— Вонъ какъ скорехонько собрался! А я хотѣлъ тебя ужъ чайкомъ угостить. Мои-то севодне всѣ разбрелись: съ утра самага по черемуху ушли, да, вишь, и о сю пору нѣтъ, объявилъ Никита Петровичъ, возясь около самовара.

— Нѣтъ, хозяинъ, не беспокойтесь теперь напрасно, а я лучше вечеромъ напьюсь чаю. Мнѣ хочется пока, засвѣтло, погулять немного, кости размять: усталъ цѣлый день въ экипажѣ сидѣть, пояснилъ Левъ Николаевичъ.—Вотъ умыться я попрошу.

Балашевъ увелъ доктора на свою половину.

— Вотъ тутъ помойтесь, указалъ онъ ему на рукомойникъ;— да тебѣ и мыться-то не къ чему: ты и такъ бѣленькій. Эки эвти дѣвки подолошлены, право! Только пусти ихъ съ глазъ, до ночи рады прошляться... ворчалъ, между тѣмъ, Никита Петровичъ, отыскивая въ сундукѣ чистое полотенце.

Матовъ, наконецъ, умылся и собирался уйти.

— Погуляйте, погуляйте,—поглядите на наше село: тоже супротивъ него теперече другое такое еще поискать, да и поискать, съ нѣкоторой гордостью напутствовалъ его хозяинъ.

— Мнѣ-бы хотѣлось также и на барскій домъ взглянуть, да не знаю, какъ къ нему ближе пройти? сказалъ вопросительно докторъ, уже взявшійся было за съобку двери.

Балашевъ подробно растолковалъ ему кратчайшій путь въ ту сторону и потомъ прибавилъ:

— Недалече будетъ. Тамъ у нея садъ преотмѣнный; только тебя туды, ужъ извини, не пустятъ: окромя здѣшнихъ бабъ да заводскихъ ребятишекъ, постороннихъ туды никого не пускаютъ, — што есть наши мужики не ходятъ.

— Отчего?

— Помѣщицей, сказываютъ, не велѣно.

У Матова, при этомъ короткомъ отвѣтѣ, такъ и завертѣлся въ головѣ какой-то интересный вопросъ, но докторъ терпѣливо отложилъ его до болѣе удобнаго времени.

— Такъ до свиданія, хозяинъ! молвилъ онъ только, отворяя выходную дверь.— Да! вотъ еще что, спохватился Левъ Николаевичъ, — вамъ не нуженъ-ли мой видъ?

— Пачпортъ-то, што-ли? На-а что мнѣ его! Тебѣ вѣдь не подати здѣся платить; а коли потребуется, дакъ тогда и спросимъ у вашей милости. Счастливо погулять! добродушно отозвался Никита Петровичъ и пошелъ проводить своего постольца до крыльца.

Матовъ молча спустился съ него и вышелъ на улицу. Солнце уже закатилось, но вдали, на небосклонѣ, все еще лежала широкая розовая полоса, предвѣщавшая на другой день ясную погоду. Сперва, торопливо пробираясь по люднымъ улицамъ села, Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя не совсѣмъ-то ловко: его то и дѣло смущали пристальные и, въ свою очередь, нѣсколько встревоженные взгляды встрѣчныхъ крестьянъ и крестьянокъ, съ удивленіемъ осматривавшихъ, съ ногъ до головы, незнакомаго имъ наряднаго барина. Но, миновавъ ветхую, почти полуразрушенную, деревянную церковь и взявъ отъ нея немного влѣво, гдѣ началась ограда сельскаго кладбища, докторъ могъ гораздо спокойнѣе продолжать свою прогулку: здѣсь прохожіе попадались ему только изрѣдка, и то въ одиночку; пройдя-же еще съ четверть версты, Матовъ почувствовалъ себя уже на полной свободѣ. Теперь онъ вышелъ прямо къ небольшой рѣчкѣ, густо заросшей по берегамъ всевозможнымъ кустарникомъ и огибавшей въ этомъ мѣстѣ правильнымъ полукругомъ село. Налѣво уже некуда было идти дальше: кладбищенская ограда доходила до самаго берега, теряясь въ

гущѣ молодой зелени; направо-же, между кустовъ малины и шиповника, прихотливо вилась узенькая тропинка, которая, по разсказу Балашева, и вела „прямехонько къ господскому дому“. По ту сторону рѣчки, сейчасъ-же за опушкой прибрежнаго кустарника, тянулся, возвышаясь неровными холмами, густо разросшійся хвойной лѣсъ. Отъ него такъ и повѣяло на доктора смолистымъ запахомъ ели и лиственницы. „Здѣсь, вѣроятно, будетъ любимое мѣсто моихъ прогулокъ“, подумалъ Левъ Николаевичъ и остановился, чтобъ полюбоваться нѣсколько минутъ скромнымъ, но прелестнымъ видомъ этого мирнаго уголка. Страннсе, однако, чувство необъяснимой тревоги овладѣло Матовымъ, когда, пробираясь впередъ вдоль указанной тропинки, онъ услыхалъ внезапно глухой, далекий выстрѣлъ. „Даже робость напала, точно къ немирнымъ черкесамъ приближаюсь“, мысленно съострилъ надъ самимъ собой докторъ. Но отъ этой забавной остроты отнюдь не прошла его тревога; напротивъ, она еще усилилась, когда минуты черезъ три, выстрѣлъ повторился, хотя и слабѣе прежняго. „Пожалуй, что близъ и правъ“, снова подумалъ Левъ Николаевичъ, на этотъ разъ въ слухъ, и пошелъ почему-то гораздо тише.

Между тѣмъ, обширная группа деревьевъ, названная Матову ямщикомъ, при въѣздѣ въ Завидово, „рощей“, постепенно утрачивала неопредѣленный характеръ сплошной зелени, рѣзко обозначая теперь отдѣльныя породы лѣса. Береговой кустарникъ тоже рдѣлъ все больше и больше и, наконецъ, докторъ незамѣтно поровнялся съ массивнымъ, заостреннымъ кверху частоколомъ, живо напоминавшимъ ограду стариннаго острога. Впрочемъ, на этотъ разъ, она просто служила охраной „господскаго дома“. „Однако, здѣсь укрѣпились не на шутку“, улыбнулся Левъ Николаевичъ и, не торопясь, пошелъ дальше. Частоколь тянулся довольно долго, пока не закончился столь-же массивными, наглухо затворенными воротами, за которыми, впрочемъ, онъ снова продолжался, по всей вѣроятности, на такое-же разстояніе, какъ и до нихъ. По ту сторону воротъ, на порогѣ небольшой, настѣжъ открытой калитки, прислонясь къ ней локтемъ, стояла молоденькая дѣвушка, въ родѣ провинціальной горничной, щегольски одѣтая въ малиновый сарафанъ. Она пристально смотрѣла куда-то вдаль, не замѣчая доктора.

— Дома Евгенія Александровна? заставилъ ее вздрогнуть неожиданный вопросъ Матова.

Дѣвушка взглянула на него такъ, какъ смотреть обыкновенно только на сумасшедшихъ.

— Я спрашиваю: дома-ли ваша барыня? твердо повторилъ ей Левъ Николаевичъ.

— Какая барыня? Съ ума вы, что-ли, спятили? переспросила она, наконецъ, сильно нахмурилась.—Никакой-такой здѣсь нѣту.

— Ну, барышня, поправился докторъ.

— Сказано вамъ: нѣтъ,—такъ и проваливайте съ Богомъ!

И дѣвушка, сердито захлопнувъ калитку, скрылась за пей безвозвратно.

Левъ Николаевичъ остался въ полнѣйшемъ недоумѣннн. „Да полно, не ошибся-ли я? Здѣсь-ли это?.. Если здѣсь, то гдѣ-же, въ такомъ случаѣ, самая крѣпость-то?“ подумалъ онъ, растерянно осматриваясь по сторонамъ, и вдругъ нечаянно взглянулъ на заостренныя макушки частокола. Только теперь, поднявъ кверху глаза, Матовъ замѣтилъ надъ этимъ частоколомъ, въ порядочномъ отдаленнн отъ него, верхннй этажъ большого каменнаго дома оригинальной постройки, съ широкимъ балкономъ, который, какъ показалось доктору, весь былъ уставленъ тропическими растеннями. Большия готическія окна, раскрытыя въ садъ, но непроницаемо завѣшенныя изнутри зелеными рѣшетчатыми гардинами, только на минуту приковали къ себѣ вниманне Матова. Онъ тотчасъ-же перенесъ его на двѣ исполнскія фигуры, поддерживавшія снизу тяжелый балконъ: какъ-то таинственно смотрѣли эти великаны своими тусклыми глазами на незнакомаго пришельца, раздражая еще больше его и безъ того уже до крайности возбужденное любопытство. Совершенно горизонтальная крыша дома ограждена была по бокамъ деревянными перилами, на маперъ тѣрассы, посреди которой возвышалась круглая башня, обнесенная на верху желѣзной рѣшеткой; на башнѣ торчала высокая мачта для флага, который теперь, очевидно, былъ уже спущенъ. Ничего больше не могъ усмотрѣть пока Левъ Николаевичъ: густыя деревья, тянувшіяся вплоть до самаго частокола и открывавшія только главный фасадъ дома, непроглядно закрывали собой все остальное. Матовъ все-таки упрямо пошелъ дальше. Здѣсь уже не было прежней тропинки; она была только

до воротъ, а начиная отсюда, шла широкая дорога, сплошь окаймленная густо заросшимъ кустарникомъ. Съ одной стороны дорога эта продолжала собой прежнюю тропинку, идя вдоль частотола въ село, съ другой—она крутымъ спускомъ повернула вдругъ къ самой рѣчкѣ, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ перекинутъ былъ широкій деревянный мостъ. Вода почти отвѣсной стѣной падала изъ-подъ него налѣво, оглушительно шумя, пѣнясь и далеко разбрасывая брызги; а справа къ нему прилежала обширная плотина сосѣдней мельницы. Видъ съ моста былъ очень живописенъ, и Левъ Николаевичъ, залюбовавшись имъ, совершенно не замѣтилъ, какъ очутился на томъ берегу. Холмистая мѣстность хотя и продолжала тянуться и здѣсь, но лѣса постепенно рѣдѣли и, наконецъ, незамѣтно перешли широко раскинутыя по отлогостямъ пашни, съ торчавшими на нихъ повсюду золотистыми снопами только-что сжатого хлѣба; въ двухъ-трехъ мѣстахъ запоздалыя группы крестьянокъ и теперь еще дѣйствовали серпомъ.

Одна изъ этихъ группъ особенно бросилась въ глаза Матову, и они, точно прикованные, остановились на высокой, стройной фигурѣ, стоявшей нѣсколько поодаль отъ другихъ и своимъ чернымъ костюмомъ рѣзко выдѣлявшейся изъ небольшой кучки пестро одѣтыхъ крестьянокъ. Фигура эта, очевидно, принадлежала особѣ женскаго пола. Длинное платье, въ родѣ амазонки, только безъ шлейфа, красиво обрисовывало ея молодя, безукоризненно-правильно очерченныя формы. Незнакомка стояла къ Льву Николаевичу бокомъ, опираясь ладонями обѣихъ рукъ на дуло щегольского карабина и повернувъ голову совершенно въ противоположную отъ доктора сторону, такъ-что онъ никакъ не могъ разсмотрѣть лица этой особы; не трудно было, впрочемъ, угадать въ ней таинственную хозяйку Завидова. Матовъ съ минуту колебался въ нерѣшимости, слѣдуетъ-ли ему идти дальше, какъ вдругъ онъ увидѣлъ бѣжавшую къ нему прыжками огромную черную ньюфаундлендскую собаку, которая, стремительно наскочивъ на доктора передними лапами, едва было не сшибла его съ ногъ; она, однакожъ, тотчасъ-же пустилась обратно, съ густымъ, внушительнымъ лаемъ. Левъ Николаевичъ, въ свою очередь, благо-разумно поспѣшилъ отступить, растерявшись не на шутку, особ-

ливо въ первую минуту. Онъ пошелъ назадъ прежней дорогой и только теперь замѣтилъ, что такъ-называемый садъ, окружающій „господскій домъ“, представляетъ собой, по величинѣ, едва-ли не цѣлый обширный паркъ; уже значительно стемнѣло, когда докторъ успѣлъ обогнуть его и дойти до постоялаго двора.

— Ладно-ли погуляли? съ привѣтливой улыбкой встрѣтилъ Матова на крыльцѣ хозяинъ.

— Чудесно; только меня на мосту какая-то собака напугала: такъ и бросилась ко мнѣ съ лапами на плечи; сказалъ Левъ Николаевичъ, переступая порогъ сѣней.

— А эвто, должно быть, Евгенья Александровны — помѣщицы здѣшной. Черная?

— Да, черная.

— Ну, ея, значить. Сичасъ тебѣ и самоварчикъ будетъ готовъ, замѣтилъ Никита Петровичъ, отворяя доктору дверь въ отведенную ему половину, — ужо вотъ я только напередъ свѣчу подамъ.

Старикъ торопливо ушелъ къ себѣ и тотчасъ-же вернулся съ зажженной сальной свѣчкой, вставленной въ оглично вычищенный мѣдный подсвѣчникъ. При ея свѣтѣ, Матову прежде всего бросилось въ глаза, что теперь его комнаты были прибраны еще лучше, а въ углу послѣдней изъ нихъ онъ увидѣлъ опрятно постланную большую кровать, съ периной и подушками, едва недостигавшими до самаго потолка. Левъ Николаевичъ посмотрѣлъ на нихъ съ какимъ-то комическимъ ужасомъ.

— Это вы меня здѣсь хотите положить, хозяинъ? спросилъ онъ у Балашева, указывая ему глазами на кровать.

— А што думаете? Не бойся: мягко тебѣ тутъ будетъ, успокоилъ Никита Петровичъ Матова, не понявъ его забавнаго испуга.

— Знаю, что мягко, хозяинъ, да только я не люблю такъ спать; вотъ если-бы вы свѣжей соломы мнѣ принесли, чудесно-бы вышло, пояснилъ докторъ.

— Што-жъ! можно теперече и эдакъ сдѣлать; да ты лучше не брезгуй нашей постелью-то: на ней, къ примѣру, и не валялся еще никто, — дочкѣ въ приданое излажена.

Балашевъ какъ-будто обидѣлся.

— Я и не брезгую, но жарко такъ спать будетъ, возразилъ докторъ.

— Говорится: парь-то костей не ломить. Ну, да ладно; ужо вотъ дочка перестелеть вамъ, какъ надо, только съ самоваромъ да съ чашками управится. Дѣ она у меня тамъ, остроглазая, застряла? проговорилъ Никита Петровичъ и поспѣшилъ выйти.

Минуть черезъ пять къ Матову вошла, съ чайнымъ приборомъ на подносѣ, молоденькая дѣвушка лѣтъ двадцати, одѣтая въ розовый ситцевый сарафанъ. Она была такой поразительной красоты, какую можно встрѣтить между простонародьемъ развѣ только какъ весьма рѣдкое исключеніе. Шелковистые свѣтло-русые волосы, съ густой, гораздо ниже пояса распущенной косой, совершенно бирюзового цвѣта глаза, немного смуглая, румяная щеки и пышныя пунцовыя губы,—все какъ-то удивительно гармонировало между собой въ этой красивой дѣвушкѣ; даже нѣкоторая деревенская угловатость манеръ нисколько не отнимала прелести у ея роскошно развившихся формъ, придавая, напротивъ, всѣмъ ихъ движеніямъ какую-то своеобразную, чарующую грацію. На лицѣ красавицы то и дѣло мелькала заразительно-лукавая усмѣшка.

— Здравствуй-ко! поздоровалась она съ докторомъ, оригинально кивнувъ ему головой, вмѣсто поклона, и ставя на столъ подносъ.

— Здравствуйте! не вдругъ сказалъ Матовъ, очевидно, залюбовавшійся ея плѣнительнымъ видомъ.—Вы не дочь-ли здѣшняго хозяина?

— Дочка.

Она зарумянилась вся, какъ маковъ цвѣтъ.

— А зовутъ васъ?.. полюбопытствовалъ Левъ Николаевичъ.

— По имени-то какъ зовутъ?

— Да.

— Авдотей.

— Ну, такъ вотъ познакомитесь-же, Авдотья Никитьевна, радушно молвилъ докторъ, подавая ей руку:—намъ вѣдь теперь частенько придется встрѣчаться. Прошу любить и жаловать.

Дѣвушка покраснѣла еще больше, но глаза ея смотрѣли бойко и безъ смущенія, когда она, не взявъ протанутой ей руки и то-ропливо уходя, насмѣшливо проговорила:

— Ужо вотъ дай управиться...

Матовъ проводилъ ее глазами до двери. „Какая королева мнѣ прислуживаетъ!“ невольно подумалъ онъ, когда, черезъ минуту, она вернулась съ тяжелымъ самоваромъ въ рукахъ, вся раскраснѣвшаяся отъ напряженія.

— Вы, кажется, за ягодами ходили сегодня, Авдотья Никитьевна? обратился къ ней Левъ Николаевичъ.

— Ходила; да мало набрали: Евгенья Александровна помѣшала.

— Какъ-же такъ она вамъ помѣшала?

Докторъ совсѣмъ было насторожилъ уши.

— Да ну-тя съ разговорами-то! круто обрѣзала она ёго вдругъ,—тятенька вонъ соломы велѣлъ еще суды принести. Тутъ-то чего не спишь?

Дѣвушка указала на постель.

— Жарко будетъ, отозвался Матовъ.

— Вишь ты какой прохладный! улыбнулась она не безъ насмѣшки и опять торопливо вышла.

Левъ Николаевичъ принялся хозяйничать около стола, нетерпѣливо поджидая ея возвращенія; но ожиданія доктора не оправдались: перестилать постель явилась толстая, неуклюжая работница, представлявшая совершенный контрастъ съ хозяйской дочерью, которая почему-то не соблаговолила больше показаться въ этотъ вечеръ прїѣзжему. Дождавшись окончательнаго переустройства своего ложа, Матовъ раскупорилъ привезенную съ собой бутылку рому и, черезъ работницу, пригласилъ къ себѣ хозяина на чашку чаю.

— Признаться, мы ужъ спать хотѣли укладываться, сказалъ Никита Петровичъ, помѣщаясь за самоваромъ, напротивъ доктора. — А знатный у тебя рожецъ! похвалилъ онъ черезъ минуту, съ видимымъ удовольствіемъ отвѣдывая горячій пуншъ изъ предложеннаго ему стакана,—видать, што съ собой привезъ.

— Да здѣсь, я думаю, и совсѣмъ не достанешь, замѣтилъ Левъ Николаевичъ.

— Достать-то оно, пошто не достать, — достать можно; да только здѣшній-то супротивъ твоего не выгорить. А што, ежели

я, въ примѣру, вашу милость спрошу: онъ, теперече, надо быть, отъ простуды пользителенъ, эвототъ самый ромъ?

— Да, согрѣваетъ хорошо.

— Зимой эвто прошедшей я въ наледь попалъ, а Петръ Лаврентьевичъ, дай ему Богъ здоровья, мнѣ и присовѣтовалъ: рому, говоритъ, напейся горячаго,—дакъ, какъ рукой, сняло!

— Кто-же это Петръ Лаврентьевичъ?

— Да управляющій здѣшняго заводу, Терентьевъ по фамилиі—то онъ показывается; ужъ такой до нашего брата душа-человѣкъ, што не знаю, какъ тебѣ и сказать.

„А вѣдь я гдѣ-то ужъ слышалъ это имя... только когда-же, въ самомъ дѣлѣ?“ подумалъ Матовъ, усиленно напрягая память, и ему вдругъ пришло въ голову то мѣсто разказа князя, гдѣ послѣдній упоминалъ, между прочимъ, о сомнительномъ ливрейномъ лакеѣ, сопровождавшемъ за-границу его загадочную тетужку. „Да, безъ сомнѣнія, это должно быть одно и то-же лицо, и мнѣ, какъ теперь оказывается, пожалуй, дѣйствительно придется распутывать здѣсь нѣкій романическій узелъ“, опять подумалъ Левъ Николаевичъ, чрезвычайно заинтересованный настоящимъ открытіемъ.

— Хорошій, вы говорите, челоуѣкъ этотъ Терентьевъ? громко переспросилъ онъ хозяина.—И давно управляетъ заводомъ?

— Да какъ вамъ сказать, не соврать? Надо быть, больше году: съ годъ-то ужъ теперече прошло, какъ я здѣсь, а онъ до меня еще былъ.

— Вы сами-то развѣ не здѣшній, хозяинъ?

— Нѣтъ; мы издалече,—сибирскіе.

Несмотря на пуншъ, разговоръ, однакожь, какъ-то не клеился между ними, и Никита Петровичъ, видимо, поддѣрживалъ его изъ одной учтивости, осторожно и сосредоточенно глотая ароматный напитокъ. Всматриваясь въ энергическое лицо своего собесѣдника, докторъ замѣтилъ теперь, что оно, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, поразительно напоминало хозяйскую дочь: тѣ-же бирюзоваго цвѣта глаза, только немного потускнѣвшіе, та-же лукавая улыбка, только значительно смягченная добродушнымъ выраженіемъ губъ; въ очертаніяхъ выпуклаго лба и красиваго носа, съ небольшой горбинкой посрединѣ, сходство это было еще разитель-

нѣе. Матову ужасно хотѣлось развязать языкъ старику; онъ усердно подливалъ ему ромъ и, наконецъ, послѣ четвертаго стакана, прямо спросить:

— А здѣшняя помѣщица, должно быть, большая нелюдимка?

— Какъ тебѣ сказать? На счетъ мужского полу, она точно, что горда маленечко... ну, а на счетъ бабъ теперече — ничего, обходительна.

Отвѣтъ былъ, замѣтно, крайне сдержанный.

— Вотъ и ваша дочь мнѣ рассказывала, что Евгенія Александровна помѣшала имъ сегодня ягоды собирать... вкрадчиво замѣтилъ докторъ.

— Да балуетъ она: не любить, коли дѣвки ягоды берутъ, разсыпаетъ у нихъ.

— Что-же, ей жаль ягодъ, что-ли?

— Пустое эвто дѣло, говоритъ: труда съ нимъ много, а толку отъ него мало, уклончиво пояснилъ хозяинъ.—А только ее дѣвушки любятъ, прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Стало быть, заслуживаетъ того, если любить... сказалъ какъ-то неопредѣленно Матовъ.

— Должно быть, што такъ еще неопредѣленнѣе подтвердилъ Балашевъ.

Очевидно было, что ромъ не особенно дѣйствовалъ на его скрытную, чисто-сибирскую натуру; напротивъ, съ каждымъ новымъ стаканомъ, старикъ становился какъ-будто сдержаннѣе. Это еще больше подстрекало любопытство Льва Николаевича.

— Давно она здѣсь живетъ? снова спросилъ онъ, немного помолчавъ.

— Вы эвто про кого-же спрашиваете? видимо схитрилъ хозяинъ.

— Да вотъ все вашей помѣщицей интересуюсь.

— Сказывали какъ-то про нее тутощіе-то, што, моль, одновременно съ Петромъ Лаврентьевичемъ прибыла сюда, да я, признаться, хорошенько-то и не полюбопытствовалъ; все года съ полтора, надо быть, есть. Да онъ не знакомы-ли тебѣ, Евгенья-то Александровна?

Предлагая послѣдній вопросъ, Никита Петровичъ какъ-то ужъ очень подозрительно посмотрѣлъ на Матова.

— Нѣтъ, я совсѣмъ ее не знаю, такъ спросилъ; вотъ развѣ, можетъ быть, здѣсь придется познакомиться: не всѣ-же недѣлю сидѣть дома да гулять, захочется и въ обществѣ развлечься... пояснилъ докторъ

— Вѣстимо, што такъ; только ты какъ-же думаешь теперече попасть-то къ ней? нѣсколько насмѣшливо освѣдомился у него Балашевъ.

— Пойду просто и познакомлюсь: доктора вездѣ примутъ, онъ всегда пригодится, съ неудовимой улыбкой отвѣтилъ Левъ Николаевичъ и хотѣлъ было подбавить рому въ стаканъ себе сѣдника.

Никита Петровичъ нахмурился и накрылъ стаканъ ладонью.

— Будетъ, побаловался... Штожь такое, што дохтуръ?! порывисто заговорилъ онъ, все больше и больше горячась теперь, — и дохтуръ здѣся не причемъ. Ужь истинно я вамъ скажу: и не думайте вы лучше объ ѣвтомъ; на порогъ она тебя къ себѣ не пустить, — вотъ што! Тутъ у ней свой дохтуръ есть — изъ нѣмцевъ, дакъ и тотъ глазъ къ ней безъ спросу показать не смѣтъ, а не токмо што проѣзжающій какой... Штобъ на свой стыдъ идти... да сохрани тебя Господи! Эдакъ вы и меня на всю деревню острамите подъ старость-то: вотъ, скажутъ, какого чловѣка Балашевъ у себя примать, что насильно въ чужой домъ лѣзеть!..

— Съ чего-же вы взяли, хозяйинъ, что я... сталъ было оправдываться Матовъ, замѣтно обрадовавшійся сперва неожиданной горячности собесѣдника, но теперь ясно уразумѣвшій, что, на первый разъ, зашелъ слишкомъ далеко въ своей откровенности.

— Съ того... не далъ ему договорить Балашевъ, — вонъ ужъ отъ нея, слѣдомъ за тобой, и то прибѣгали узнавать: какой, моль, такой проѣзжающій у меня остановился и Евгенью Александровну у ихнихъ воротъ спрашивалъ? Нѣтъ, ужъ ты, милый чловѣкъ, коли хошь у насъ жить, такъ живи смирно, а не то лучше поѣзжай съ Богомъ дальше! заключилъ Никита Петровичъ, тревожно поднявшись съ мѣста и направляясь къ выходной двери.

— Постойте, хозяйинъ; вы, по крайней мѣрѣ, скажите мнѣ, почему... еще разъ попытался заговорить докторъ.

— Што тутъ много сказывать-то! снова перебилъ его Балашевъ.— Потому: тебѣ съ дороги спать надо, а мнѣ тоже завтра чѣмъ свѣтъ вставать, — вотъ вамъ и сказъ весь! Затѣмъ спокойно опочивать! Прощенія просимъ!

И Никита Петровичъ, даже не оглянувшись ни разу на порядкомъ озадаченнаго этой выходящей жильца, медленно удалился на свою половину.

Омулевскій.

(Продолженіе будетъ.)

С О Н Е Т Ъ.

Безсмертна мысль—ей нѣтъ успокоенья;
Когда увяль роскошный жизни цвѣтъ
Живеть въ душѣ о прошломъ сожалѣнье,
Живеть тоска о счастьѣ юныхъ лѣтъ.

И память ихъ, какъ грозное видѣнье,
Вездѣ, всегда бѣжитъ за нами вслѣдъ.
Не возвратитъ протекшаго мгновенья,
А между тѣмъ ему забвенья нѣтъ.

Такъ молнія, мракъ тучи разсѣвая,
На грудь скалы порою упадетъ,
На ней свой слѣдъ навѣки оставляя.

Безсмертна мысль—и времени полетъ,
Съ лица земли все прошлое сметая,
Морщинъ съ чела страдальца не сотретъ.

Л. Граве.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?

Романъ Фр. Шпильгагена.

(Окончаніе.)

ГЛАВА XXXII.

— Ахъ, бѣдный, ахъ, дорогой другъ мой!.. Нужно-же было еще и этой бѣдѣ случиться!.. Но только не медлите, ради всего святого... Дастъ Богъ, бѣдненькая Гретхенъ поправится... выздоровѣетъ... и тогда все пойдетъ отлично!..

Такъ говорила Готтгольду, осторожнымъ полушопотомъ, Оттилія Вольновъ въ передней комнатѣ своей зундинской квартиры, только-что выйдя изъ другой комнаты, гдѣ Цецилія и старикъ Бославъ сидѣли у постельки больной, недавно уснувшей, Гретхенъ.

— Конечно, конечно, все поправится къ лучшему! настаивала Оттилія, замѣтивъ, что тяжелое уныніе все-таки не сходило съ выразительнаго лица Готтгольда.

— Вы сами какъ-будто этому не вѣрите! покачалъ онъ головою, съ чувствомъ пожимая руки Оттиліи. — Боюсь только, что если ребенокъ умретъ, Цецилія никогда не пойметъ, не убѣдится, какъ много этотъ негодяй будетъ тому виною... и кромѣ того у насъ прибавится еще однимъ тяжелымъ, прискорбнымъ воспоминаніемъ больше... когда и такъ уже многое, очень многое владеть между нами пропасть... Вѣдь она сама вамъ объ этомъ говорила?..

Изъ боковой комнаты выходитъ г. Вольновъ. Онъ также со-
«Дѣло», № 1.

брался изъ дому, и Оттилія проводила обоихъ пріятелей въ переднюю.

— Очень жаль, что я не могу отправиться съ вами! проговорила она на прощаніи.

— Гмъ, знаете-ли, я самъ думаю, что очень жаль! замѣтилъ Волльновъ, когда они вдвоємъ пробирались по стемнѣвшимъ улицамъ, сегодня особенно оживленнымъ: — женщины именно обладаютъ тѣмъ, что такъ необходимо въ подобныхъ случаяхъ, — горячею, все ломающею страстностью, которую мы убили въ себѣ нашими умничаньемъ да резонерствомъ, хотя рѣдкіе, очень рѣдкіе изъ насъ умѣли выработать себѣ полное и надежное хладнокровіе... Къ числу этихъ рѣдкихъ принадлежитъ и этотъ замѣчательный старикъ. Нужно было видѣть, съ какимъ уничтожающимъ спокойствіемъ онъ отнесся къ Брандову сегодня утромъ. Передъ нашими дамами не хотѣлось мнѣ говорить объ этомъ. Что Брандовъ хитеръ и проницателенъ — этого не можетъ отнять у него злѣйшій врагъ. Онъ съ первой-же минуты смекнулъ, что Цецилія, рано или поздно, должна была попасть въ нашъ домъ, если только не бѣжала къ намъ прямымъ путемъ. Ну, сейчасъ-же поворачиваетъ назадъ и во всю лошадиную прыть скачетъ сюда. Онъ, навѣрное, повстрѣчался съ вами еще гдѣ-нибудь возлѣ Проры. Потомъ вотъ и началъ караулить около моей квартиры и возлѣ васъ. Удивляюсь только тому упрямству, съ какимъ онъ держится разъ родившейся въ немъ догадки, и какъ нагло лжетъ передъ всѣми, будто жена его отправилась просто погостить на нѣсколько дней въ хорошимъ знакомымъ, и будто-бы отыскиваніе слѣдовъ на болотѣ и въ лѣсу было ни больше, ни меньше, какъ плутнею и выдумкою стараго, давно ненавидящаго его пройдохи, съ которымъ онъ раздѣляется по-свойски! А на душѣ у самого, должно быть, — ухъ, какъ кошки скребли!.. Недруговъ у него, сами знаете, порядочно наберется, особенно-же усердствуютъ милому дружку г. Редебасъ и оба Шлюгены. Вотъ и стали они распускать про Брандова самыя нехорошіе слухи, такъ-что комитетъ скачекъ порѣшилъ было обратиться къ нему съ формальнымъ запросомъ. Но вчера вечеромъ въ клубѣ Брандовъ сталъ рассказывать самымъ развязнымъ тономъ, что жена его уже съ полчаса какъ пріѣхала погостить къ намъ. Зелліены, говоритъ, тоже добивались этой чести, но ассессоръ еще не совѣтъ поправился и долженъ былъ усту-

пить намъ дорогую гостью... А сегодня вдругъ звонить у насъ и просить доложить о себѣ моей женѣ—для того-ли, чтобы сообщить вѣсь всѣмъ своимъ уверткамъ, или ужь, право, не знаю, чего онъ хотѣлъ добиться этимъ мѣдлолюбимъ нахальствомъ!.. Очевидно, проникнулъ о прїѣздѣ Цециліи... отъ Альмы Зелліенъ, на бѣду бывшей вчера у моей жены. Оттилія, можетъ быть, и не прочь была-бы принять его... чтобы, знаете, высказать безъ обиняковъ все, что на сердцѣ накипѣло... Но въ эту самую минуту старикъ входитъ въ комнату и съ эдакой, знаете, изящной вѣжливостью, уже забытой нами втеченіи двухъ поколѣній, проситъ мою супругу оставить его на одну минуту глазъ на глазъ съ Брандовымъ. И дѣйствительно, прошло никакъ не болѣе минуты, когда старикъ вернулся назадъ къ дамамъ совершенно спокойнымъ, увѣреннымъ въ себѣ, какимъ мы видимъ его постоянно, а Брандовъ, какъ угорѣлый, бросился внизъ по лѣстницѣ... и такъ хлопнулъ за собою дверь, что Цецилія не на шутку перепугалась, хотя она ни мало не подозрѣвала этой интересной очной ставки... Ахъ, да вотъ и „Золотой Левъ“... Пожалуйста, ужь позвольте мнѣ сначала войти одному. Если не застанемъ его здѣсь сегодня, такъ пусть лучше не знаетъ, что и вы вернулись...

Волльновъ входитъ. Открытыя ворота гостинницы отбрасывали широкую свѣтлую полосу на уже стемнѣвшую улицу. Сегодня началась скачка, и завтра должна была продолжаться своимъ чередомъ. Поэтому въ отелѣ жизнь и суматоха были въ самомъ разгарѣ. Волльнову пришлось долго распрашивать, прежде чѣмъ онъ добился опредѣленнаго отвѣта. Готтгольдъ долженъ былъ не мало прождать передъ домою. Прохаживаясь взадъ и впередъ, онъ отошелъ подалѣе отъ дома. Вдругъ, въ темномъ боковомъ переулкѣ мимо него проходитъ какая-то женская фигура. Она быстро поворачивается къ нему и, тихо окликнувъ: „Карль!“—отбрасываетъ свой черный вуаль. Несмотря на сумерки, Готтгольдъ узналъ — Альму Зелліенъ.

— Вы, кажется, ошибаетесь, сударыня! отозвался онъ.

Теперь и Альма узнала его. Она такъ вѣрно рассчитывала встрѣтить того, кого окликнула, что отъ внезапнаго испуга на минуту растерялась, но именно не болѣе, какъ на минуту.

— Ну, и хорошо, что это вы, а не другой кто-нибудь, заго-

ворила она, глубоко переводя дыханіе, — и такъ-какъ Готтгольдъ ничего не отвѣчалъ, продолжала:

— Я уже нѣсколько разъ просила его объяснить вамъ... наши... наши отношенія... такъ-какъ, рано или поздно, вы должны сами о нихъ узнать, да и для васъ это, можетъ быть, только пріятной новостью... Но онъ все не хотѣлъ...

— Конечно, ради уважительныхъ причинъ...

— Ради какихъ, позвольте узнать?! О, сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ все, все...

— Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, — позвольте... но на этотъ разъ не совсѣмъ удобно...

Выходитъ Волльновъ изъ дому.

— Хорошо, такъ въ другой разъ! прошептала Альма, опуская вуаль и быстро юркнувъ назадъ, въ темный переулочекъ, изъ котораго она вышла.

— Кто это такаа? спросилъ Волльновъ.

— Гмъ, этому негодяю, кажется, всѣхъ хочется заляпать своей грязью и позорить! проговорилъ Готтгольдъ.

— Да ужь гдѣ нечисто, тамъ-бы намъ всегда слѣдовало искать Брандова... Вѣдь это мадамъ Зелліенъ была, неправда-ли?.. Пожалуйста, не бойтесь разоблачить щекотливую тайну, ха, ха, ха... Тайною это было только для насъ съ вами, а здѣсь кричать объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ... Ну, а между тѣмъ поминка вами Генриха Шеля — для насъ весьма и весьма счастливая находка... если только, хоть-бы въ послѣднюю минуту, въ немъ не проснется чувство какой-то собачьей или, такъ сказать, феодалской вѣрности...

— Не думаю; именно та безцеремонность, съ какою Брандовъ оскорбилъ это чувство, такъ нагло нарушилъ вѣрность, связывавшую атамана съ его подручникомъ, — именно это глубоко возмутило грубаго, но все-таки, по своему, честнаго парня... А я, признаюсь вамъ, боюсь совсѣмъ другого, — что онъ, напротивъ, не удовлетворится нашими мѣрами противъ Брандова и будетъ стараться отомстить за себя своимъ самосудомъ.

— И совершенно правъ будетъ, совершенно правъ!! съ живостью подхватилъ Волльновъ: — помиуйте, вѣдь мы съ вами на мѣрны лишить висѣлицу ея лучшаго украшенія... Если мы опиваемъ себя тѣмъ, что есть преступленія, не предусмотрѣнные

никакою статьею нашего уголовного кодекса,—преступленія, сразнительно съ которыми убійство и открытый грабёжъ—сущая бездѣлица,—то не можетъ-ли согласиться на тѣ-же доводы и Генрихъ Шель, не вправѣ-ли онъ желать, чтобы измѣна, противъ которой онъ, разумѣется, ничего не можетъ подѣлать судомъ, все-таки не осталась ненаказанною?.. Извините, впрочемъ, уважаемый другъ, мое упрямство, можетъ быть, не совсѣмъ логично... Но, видите-ли, когда отъ скромности, съ какою мы поведемъ дѣло, зависитъ участь нѣсколькихъ вполнѣ хорошихъ людей, то какое-нибудь тайное судилище или судъ божій, по моему, были-бы лучше всякаго гласнаго процесса... Ахъ, да вотъ мы и передъ клубомъ. Пускать-то васъ одного мнѣ, конечно, не хочется, по я чувствую, что вы должны обдѣлать все это сами, безъ всякихъ секундантовъ...

Готтгольдъ долго ходилъ въ ярко освѣщенной приѣмной. Какой-то весьма парадный, весь галунами изукрашенный слуга вышелъ изъ залы, откуда доносились и шумъ, и смѣхъ, и чоканье стакановъ. Готтгольдъ передалъ ему свою карточку! Въ конторѣ клуба писмоводитель что-то весьма усердно строчилъ, уткнувъ носъ въ свои толстыя книги. Въ гардеробной всѣ руки были заняты возлѣ входившей и выходившей публики,—то приѣмомъ, то выдачею верхняго платья.

Возвращается, наконецъ, слуга. Г. Брандовъ просятъ, говорить, извинить, заняты ужь очень. А если господину угодно будетъ повременить до завтрашняго утра...

— Да съ какой стати повременить, чудакъ ты эдакой?! крикнулъ сзади него Густавъ фон-Плюггенъ, вышедшій вслѣдъ за слугою изъ залы. Онъ встрѣтилъ Готтгольда съ своей обычной, шумной развязностью и, послѣ бесѣды съ бутылью, былъ даже въ особенно бойкомъ ударѣ.

— Что ты бредишь, пріятель, будто Брандовъ занятъ?.. Чепуха и только!!.. Хорошо занять, чортъ побери,—сидить за здоровенною чарою да записываетъ сумасшедшіе заклады въ свою трижды проклятую книжицу... То-есть, я тебѣ говорю, просто очумѣли всѣ наши господа,—ужь чего я, съ Редебасомъ и Отто, ни дѣлалъ, чтобъ они... потише!.. Послѣ того, что было въ Долланѣ, всего можно бояться... пожалуй, можетъ выйти какъ на дербійскихъ свачкахъ, лѣтъ пять назадъ... А тебѣ не случилось-

ли побывать въ Англіи?.. Отличная, я тебѣ скажу земля, — женщины, лошади, овцы — первѣйшаго сорта... Это, видишь, у меня присловье такое, — старинное и вѣчно юное, ха, ха, ха... Ахъ, да, такъ ты съ Брандовымъ говорить, что-ли, хотѣлъ?.. Такъ чего-же не идешь, а?.. Эй ты, какъ тебя, прошу пропустить моего стариннаго, школьнаго товарища и... знаменитаго художника!.. Вчера, братъ, былъ я у президента. Застаю тамъ князя Прора, — онъ, кажется, познакомился съ тобою въ Римѣ и теперь самъ не свой отъ восторга, что ты здѣсь, въ Зундинѣ... Да, такъ онъ наговорилъ о тебѣ съ пѣлымъ коробъ поразительныхъ вещей... просто даже уму непостижимо... Хотѣлъ даже лично у тебя побывать... Тоже на скачки завтра явится... А ргоров, есть у тебя уже билетъ?.. Вотъ, вотъ, подь литерою А!.. Сдѣлай милость, душа моя, безъ всякихъ церемоній... у меня еще съ полдюжины остается... Пожалуйста, пожалуйста... да войдемъ, что-ли, чортъ побери!!..

Слуга давно уже держался за ручку двери. Въ столовой собралось довольно многочисленное общество, — члены клуба, ихъ гости, между ними особенно много было офицеровъ мѣстныхъ войскъ. Публика разсѣлась за нѣсколькими столами и угощалась шампанскимъ. Никто не обратилъ вниманія на вошедшихъ; Брандовъ также ихъ не замѣтилъ.

Онъ только-что поднялся изъ-за стола, въ заднемъ концѣ залы, и былъ окруженъ густою толпою, изъ которой всякій старался заговорить съ нимъ, тогда какъ Брандовъ громко закричалъ, поднявъ вверхъ свою записную книжку:

— Позвольте, позвольте, господа, по-очереди! Одинъ за другимъ!!.. ужъ если вы такъ любезны, что всё наперерывъ желаете обогатить меня... Трутветтеръ, вы — полтораства... потрудитесь проставить внизу вашу почтенную фамилію, — вотъ здѣсь, вотъ здѣсь... а это мѣсто я оставилъ для двухъ сотъ г. Куммерова... Только пистолей, баронъ, не такъ-ли?.. Иной, пожалуй, скажетъ, что тутъ омен in nomine, ха, ха, ха... Ну, дальше, дальше-съ! Плюгень?!... И ты, Брутъ... противъ меня, гмъ?.. А это что? Опять тотъ-же господничъ?!.. Да вѣдь сказалъ-же я, что теперь не могу, занять очень... сдѣлайте одолженіе, передайте ему...

Брандовъ вдругъ оборвался. Только теперь онъ замѣтилъ Готтгольда, до сихъ поръ стоявшаго у него за спиною.

— Я могу обождать, пока ты не кончишь.

— Да ждать-то долго придется...

— Ничего, у меня есть время.

Готтгольдъ выбрался изъ толпы, поклонившись съ холодной вѣжливостью. На Брандовѣ лица не было. Тупо и бессмысленно глядѣлъ онъ въ свою записную книжку, свинцовый карандашъ дрожалъ въ его рукѣ. Чѣмъ объяснить себѣ упорство, съ какимъ привязался къ нему этотъ идиотъ?! Не осадить-ли его передъ всею публикою?.. Но безъ скандальной сцены это никакъ не обойдется, а сегодня именно всякая скандальная сцена могла быть весьма опасною.

— Послушай, Брандовъ, мнѣ, однако, ждать некогда!.. кричалъ чей-то голосъ.

— Вы еще не сосчитали? допрашивалъ другой.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, не худо-бы сначала итогъ подвести, пробормоталъ Брандовъ, закрывая свою книжку. — Запаситесь только терпѣніемъ, господа, минутки на двѣ,— ужь сдѣлайте одолженіе. Нѣкто желаетъ бесѣдовать со мною, какъ кажется, о вещахъ особенной важности... Я опять скоро... очень скоро буду къ вашимъ услугамъ... Ну-съ, извольте, я слушаю...

— То, о чемъ мнѣ нужно теперь говорить, дѣйствительно нѣсколько важно, и потому выслушать меня всего лучше безъ свидѣтелей. Если я желаю переговорить съ тобою глазъ на глазъ, то, повѣрь мнѣ, только ради твоихъ-же интересовъ...

— Подумаль-ли ты хорошенько, что теперь я больше вправѣ отъ тебя требовать, чѣмъ ты отъ меня?..

— Обо всемъ раздумаль, насколько мнѣ кажется... а ты едва-ли можешь сказать это о себѣ съ такою-же увѣренностью.

— Ну, ладно, иди за мною!..

— Кто это такой? полюбопытствовалъ одинъ изъ господъ, украсившихъ своими автографами записную книжку Брандова.

— О, это знаменитая личность! прогорланилъ въ отвѣтъ Густавъ фон-Плюггенъ: — мой школьный товарищъ и живописецъ первѣйшаго сорта. Вчера у президента цѣлый вечеръ о немъ толковали... Да-съ, это — protégé князя Прора... Ну, и дѣйствительно-же знаменитая личность! Надо будетъ сказать ему, пусть мою фигуру напишетъ... Въ Англии всякій порядочный человѣкъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ снять съ себя портретъ вмѣстѣ

со всѣми своими лошадьми, собаками и всѣмъ прочимъ семействомъ... А вы, Куммеровъ, не побывали въ Англіи... Преотмѣнная, я вамъ доложу, страна... женщины, лошади, овцы—первѣйшаго сорта!..

ГЛАВА XXXIII.

Брандовъ и Готтгольдъ молча прошли черезъ переднюю въ одну изъ тѣхъ комнатъ, которыя имѣются въ клубѣ для личныхъ дѣлъ и надобностей его членовъ. По знаку Брандова слуга отворилъ дверь этой комнаты. Большая висючая лампа, горѣвшая надъ круглымъ столомъ, покрытымъ зеленой бархатной скатертью, ярко освѣщала все пространство. Къ столу были придвинуты два, три, обитыхъ бархатомъ кресла.

— Я допускаю, что здѣсь намъ никто не помѣшаетъ, проговорилъ Готтгольдъ.

— А я... что комедія наша не затянется надолго; ты, кажется, видѣлъ, что я былъ очень, очень занятъ...

Брандовъ, будто съ досадою, отодвинулъ отъ стола одно изъ креселъ и бросился въ него. Но если лицо его было при этомъ заслонено тѣнью, тогда какъ на Готтгольда упалъ весь яркій свѣтъ лампы,—то это не было одною случайностью.

— Да, очень ужъ я былъ занятъ... повторилъ Брандовъ, барабани пальцами по ручкѣ кресла,—такъ занятъ, что, волей-неволей, долженъ былъ отложить до завтра мое объясненіе съ тобою или лучше... съ вами... такъ-какъ я у васъ обоихъ имѣю право потребовать отчета, да, да... И если ты былъ, ха, ха, ха... настолько наивенъ, что думалъ запугать меня тѣмъ, что самъ начнешь объясненіе, то... то позволь сказать тебѣ одно только: берегись, другъ милый, охъ, берегитесь вы оба!!.. Вы меня знаете только на половину. Есть конецъ и моему терпѣнію... Конечно, я всѣми силами до сихъ поръ желалъ избѣжать скандала и, говоря откровенно, особенно въ эти дни хотѣлъ оградить себя отъ него... но... но... ужъ если на то пошло, если вы сами меня къ тому вызываете, — извольте, я готовъ, — хоть сію-же минуту готовъ...

Все это Брандовъ проговорилъ громкимъ, угрожающимъ голосомъ. Однако, цѣль его, очевидно, не была достигнута. Готтгольдъ

уоставилъ въ него твердый, спокойный взглядъ—взглядъ, полный глубокаго презрѣнія. У Брандова силъ не хватило выносить этотъ взглядъ. Дрожь проняла его до мозга костей, когда Готтгольдъ хладнокровно развернулъ передъ нимъ письмо, еще прежде вынутое изъ кармана.

— Прежде чѣмъ ты станешь говорить далѣе, не желаешь-ли заглянуть вотъ въ это письмо?..

У Брандова не хватило духу увернуться отрицательнымъ отвѣтомъ.

— Гмъ, насколько я догадываюсь, это—отъ твоего честнаго Вольнова... о тебѣ ко мнѣ, разумѣется, а?..

— Письмо, дѣйствительно, отъ Вольнова, но адресовано мнѣ и говорить о тебѣ.

— Обо мнѣ?!.. Гмъ, весьма интересно... И къ тому-же странно что-то...

Брандову хотѣлось уже пустить притворный зѣвокъ, когда пальцы его разсѣянно зашелестѣли исписаннымъ листомъ... Но чуть только глаза пробѣжали первыя строчки, Брандовъ дико вскочилъ на ноги и закричалъ, швырнувъ письмо на столъ:

— Однако, это... это подло!!.. Это — крови требует!!.. Не хочу далѣе ничего ни читать, ни слышать. Вы думаете, что я буду терпѣливой жертвой гнуснѣйшей интриги?!.. Нѣтъ, милостивый государь, мы съ вами объяснимся, да объяснимся такъ, что...

Онъ забѣгалъ, какъ шальной, по комнатѣ. Готтгольдъ спокойно сидѣлъ на мѣстѣ.

— Даю тебѣ минуту времени. Обдумай и рѣшайся—прочтешь-ли самъ письмо или не найдешь-ли лучшимъ, чтобы я снесъ его къ вашему президенту, графу Царентину, прежде чѣмъ придется обратиться къ равнымъ другимъ мѣрамъ...

Брандовъ остановился.

— Ага, такъ вы непременно скандала хотите, а?.. Ну, отъ васъ этого всегда можно было ожидать... А впрочемъ, интересно все-таки знать, какими путями вы намѣрены скандальничать?..

Онъ опять бросился въ кресло, схватилъ письмо и продолжалъ читать далѣе съ видомъ важной особы, желающей какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ докучливаго просителя. Презрительная усмѣшка показалась на его губахъ.

— Ну, нѣтъ, я думалъ Богъ знаетъ что! проворчалъ Брандовъ, будто переговариваясь съ самимъ собою,—а это... это просто смѣшно... смѣшно и глупо?!..

Но губы у него помертвѣли, улыбка придавала всему лицу отталкивающее, звѣрское выраженіе, руки дрожали сильнѣе и сильнѣе. И чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ внимательнѣе останавливался на каждой строчкѣ, на каждомъ словѣ. То и другое онъ считалъ нужнымъ повторить мысленно нѣсколько разъ и серьезно обдумать. Письмо давно уже было дочитано имъ до конца, а между-тѣмъ Брандовъ все не отрывалъ отъ него глазъ. Наконецъ-то, изъ всей этой внутренней пытки и тревоги у него выработалась, повидимому, опредѣленная мысль.

— Такъ ты хотѣлъ преподнести письмо это нашему президенту, а?.. Что-жъ, я противъ этого рѣшительно ничего не имѣю... Вотъ оно... впрочемъ... впрочемъ только подъ однимъ условіемъ...

Онъ опять взялъ назадъ руку, протянутую къ Готтгольду съ письмомъ.

— Позволь мнѣ сначала снять копию съ этого драгоценнаго документа, потому-что мнѣ хочется притянуть къ суду честнаго автора этого пошлаго маранья и его невыразимо чувствительнаго корреспондента,—да, къ суду притянуть, за клевету... Другой раздѣлки я, право, не могу придумать съ человѣкомъ, который не стыдится обвинять своихъ друзей въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ на основаніи такихъ дѣтски-глупенькихъ и смѣшныхъ догадокъ... Нѣтъ, дай копию снять...

— Это совершенно лишнее, отозвался Готтгольдъ,—ты и оригиналъ можешь удержать у себя. А письможъ я хотѣлъ только сообщить тебѣ кое-какія вещи, такъ-какъ заговаривать о нихъ, признаюсь тебѣ, просто противно было... Стало быть, письмо достигло своей цѣли...

— И, стало быть, также наша интересная бесѣда окончена, проговорилъ Брандовъ, поднимаясь съ мѣста,—то есть, по крайней мѣрѣ, на сегодня... А завтра побесѣдуемъ дальше... дѣло-то, пожалуй, будетъ выглядѣть нѣсколько иначе... То, въ чемъ я буду тебя обвинять,—не пошлымъ измышленіемъ, въ родѣ знаменитой исторіи съ вашимъ банковымъ билетомъ, не бредъ большого мозга, подобно неслышанно звѣрскому умерщвленію Генриха Шеля,

которое вы, безъ сомнѣнія, постараетесь размазать самыми мрачными красками и вывезете на ближайшую ярмарку, гмъ, гмъ... нѣтъ, мои обвиненія—факты, положительные факты, великолѣпный комментарий къ веселенькой пѣснѣ о благородномъ молодомъ человѣкѣ, который за радушіе и гостепрѣимство платитъ тѣмъ... чѣмъ ты мнѣ заплатилъ... Итакъ, до завтра...

Брандовъ махнулъ рукою, очевидно, желая сдѣлать весьма прерзительный жестъ, и пошелъ къ двери. Готтгольдъ загородилъ ему дорогу.

— Можетъ быть, ты будешь слушать терпѣливѣе, если я скажу тебѣ, что тутъ дѣло идетъ о всей твоей будущей судьбѣ...

— Ха, ха, ха, о моей судьбѣ?!.. Это еще что за галиматья?..

— Подумай самъ хорошенько, Генрихъ Шель скрывался въ Виссовѣ, и вчера вечеромъ я нашелъ его тамъ. Теперь онъ сидитъ у меня на квартирѣ, подъ надзоромъ обоихъ братьевъ Пребровыхъ...

Брандовъ вдругъ отшатнулся назадъ, точно пуля засѣла ему въ груди. Рука едва успѣла придержаться за спинку кресла. Въ этомъ положеніи онъ остановился и выпучилъ на Готтгольда ошалѣвшіе глаза.

— Генрихъ Шель!!!.. чуть внятно пробормоталъ Брандовъ.

— Да, Генрихъ Шель. Ты полагаешь, что навсегда выпроводилъ его далеко отсюда, а между-тѣмъ, въ своей неосторожности или скаредности, не позаботился даже порядочно наградить такого усерднаго соумышленника. А теперь я долженъ его караулить... не изъ страха, что онъ убѣжитъ... нѣтъ, онъ бѣжать вовсе не хочетъ... готовъ подвергнуться самому тяжкому наказанію, лишь-бы тотъ, для кого онъ такъ напрасно поусердствовалъ, тоже не увернулся отъ наказанія... я долженъ присматривать за нимъ просто для того, чтобы онъ не вздумалъ учинить эту расправу своими-же руками, а онъ, кажется, не дрогнули-бы у него...

Брандовъ весь съезжился, опустился на своемъ креслѣ. Вызывающая, нахальная дерзость, энергія и изворотливость, какъ-будто, совсѣмъ измѣнили ему. Въ одну минуту онъ точно постарѣлъ десятью годами. Вдругъ онъ опять приободрился.

— Такъ этимъ-то вздоромъ вы думаете побороть меня, ха, ха, ха... закричалъ онъ; — если этотъ осель Генрихъ позволилъ поймать

себя, такъ тѣмъ хуже для него, дурака!.. Но чѣмъ-же мнѣ это можетъ повредить, чѣмъ?.. Надѣюсь, мнѣ все-таки больше повѣрять, чѣмъ бѣглому негодяю, да еще такъ открыто подкупленному моими врагами... Въ комъ совѣсть чиста, тотъ подкуповъ не боится, нѣтъ!.. Да скажите, пожалуйста, ужь если-бы на меня могла пасть, хотя тѣнь подозрѣнія, могъ-ли я позволить бѣжать этому подлецу, не увѣрившись прежде въ его молчаніи — тѣмъ или другимъ способомъ?.. Кого вы хотите въ этомъ увѣрять, кого?.. Вѣдь это просто нелѣпо!.. Пожалуй, вы захотите философствовать такимъ образомъ: онъ, молъ, ничего ему не даль для того, чтобы, въ случаѣ его ареста, онъ никому не могъ сказать, за что и отъ кого получилъ эти деньги, — такъ, что-ли?.. Э, да ну васъ, — дѣлайте что хотите, честный человѣкъ смѣется надъ вашими глупыми угрозами!..

Онъ прошелся опять къ двери, но шаги его тянулись медленнѣе, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ порогу. Еще не дойдя до двери, онъ быстро поворачивается на каблучкахъ и идетъ прямо къ Готтгольду съ улыбкой на губахъ:

— Послушай, Готтгольдъ, нельзя-ли намъ долой эти трагическія маски и будемъ говорить, какъ люди со смысломъ: какія будутъ твои условія?..

— Первое: ты долженъ сознаться во всемъ, что прочиталъ въ письмѣ Волльнова. Ты, конечно, догадываешься, на что я намекаю...

— Не совѣмъ, условіе это обязательно только передъ тобою?..

— Да, если ты примешь всѣ прочія условія.

— Изволь. Я сдѣлалъ все, о чемъ тамъ говорится. Ну, дальше?

— Все остальное понятно самою собою. Женщина съ честнымъ и уважаемымъ именемъ не можетъ быть женою преступника, достойнаго тюрьмы и каторги. Это значитъ слѣдующее: ты долженъ безотлагательно согласиться на все, что мы — то-есть г. Богиславъ Венгофъ, Волльновъ и я — продиктуемъ тебѣ относительно развода.

— А дочь?

— Попробуй самъ подыскать себѣ отвѣтъ...

— Я люблю моего ребенка...

— Ты лжешь, Брандовъ: если-бы это имѣло хотя тѣнь вѣ-

роятія, ты-бы не шутилъ, не рисковалъ такъ своимъ правомъ удержать ее при себѣ или даже сохранить къ ней какую-бы то ни было родственную близость... Надѣюсь, она безъ труда забудетъ, что ты ей отецъ...

— А я, между-тѣмъ, хоть вы лопните, всегда имъ останусь... Дамъ тебѣ, *mon cher*, эту, безъ сомнѣнія, весьма сладостную для тебя увѣренность—въ видѣ свадебнаго подарка... Ужь вы, разумѣется, предполагаете такъ мастерски начатое дѣло завершить этимъ блестящимъ финаломъ, какъ ты скажешь?..

— Дѣло идетъ не о моей, а о твоей судьбѣ...

— Гмъ, но одно съ другимъ, я полагаю, весьма тѣсно вяжется. Или не захочешь-ли ты увѣрять меня, что совершаешь все это такъ себѣ... какъ дѣло милосердія?.. Э, другъ любезный, мы знаемъ одинъ другого не со вчерашняго дня и наши дороги встрѣчаются теперь не въ первый, да и не въ послѣдній разъ... Мы не особенно дружелюбно сталкивались между собою еще со школьной скамьи, въ саду, во время рекреаціи, въ танц-классѣ, — вездѣ, однимъ словомъ, гдѣ только могли... Было время, когда я знатно вышибъ тебя изъ сѣдла, да такою зарубкою намѣтилъ, что ты во всю жизнь ее не забудешь... Ну, и ты тоже, совершенно искренно, платилъ тою-же монетою и теперь реваншъ свой взялъ... Я проигралъ партію, — одною-ли глупою картою или иначе, — это все равно: партія, однимъ словомъ, проиграна... Ну, а я игрокъ настолько бывалый, что съумѣю понять все это и примириться съ моей судьбою... Но наша игра еще не кончена! Еще столкнемся мы когда нибудь, и кто будетъ сверху послѣднимъ, это еще вопросъ!..

Глаза Брандова засверкали самой звѣрской ненавистью, когда онъ порывистыми шагами бѣгалъ по комнатамъ, мимо Готтгольда. Словно отточенными зубами онъ закусывалъ посинѣвшія губы, пальцы яростно щипали и рвали концы длинныхъ русыхъ усовъ. Онъ опять остановился.

— Еще одинъ вопросъ: не прикажешь-ли мнѣ и о приданомъ для васъ позаботиться?

— Я не знаю, что ты хочешь этимъ сказать. Знаю только, что мы намѣрены предоставить тебя своей участи, какъ только ты возвратишь украденное. Завтра утромъ тебѣ представляется для

того шансъ. Конечно, это опять-таки деньги изъ кармана игрока, да намъ-то до этого нѣтъ никакого дѣла...

— А если я не выиграю?

— Трудомъ долженъ будешь приобрѣсти. Долланъ остается за тобою еще на пять лѣтъ. Ты можешь, если захочешь,—а ты долженъ будешь захотѣть,—еще за половину этого времени собрать десять тысячъ, которыми я заплачу вмѣсто тебя. Во всякомъ случаѣ, завтра вечеромъ деньги будутъ найдены на долланскомъ спускѣ, а послѣ завтра внесены въ монастырскую кассу. Это—почти послѣдній остатокъ моего имущества...

— Ничего, умѣете похлопотать о себѣ...

— И о тебѣ также. Если-бы мы выгнали тебя изъ родины, какъ ты этого заслуживаешь, — потому что ты дѣйствительно не стоишь, чтобы честный нѣмецкій поселянинъ называлъ тебя господиномъ,—то ты скоро погибъ-бы самымъ жалкимъ образомъ. Но я этого не хочу... и не хочу собственно ради твоего ребенка...

Брандовъ хотѣлъ было разразиться наглымъ хохотомъ, но послѣднія слова Готтгольда и тонъ, какимъ они были произнесены, невольно зажали ему ротъ.

— Ты, Брандовъ, прежде говорилъ, будто любишь своего ребенка. Разумѣется, это была ложь. Если-бы ты хоть немножко любилъ его, то, по крайней мѣрѣ, ради ребенка не загрязнилъ-бы себя преступленіемъ. Но ты никого въ цѣломъ свѣтѣ и никогда не любилъ, кромѣ самого себя, — а себя лелѣялъ самымъ пошлымъ, дрянненькимъ, эгоистическимъ чувствомъ, въ которомъ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-бы то ни было честнаго и добраго, или уваженія къ самому себѣ, что встрѣчается въ самомъ грубомъ, нравственно темномъ человѣкѣ... Впрочемъ, какъ ни искренно это мнѣніе, я все-таки человѣкъ и могу ошибаться. Можетъ быть, и въ тебѣ по-человѣчески шевельнется сердце, если ты узнаешь, что твое несчастное дитя заболѣло, опасно заболѣло и мы можемъ развѣ на нѣсколько дней еще продлить его крошечную, ни въ чемъ неповинную жизнь... Ужасно и выговорить то, въ чемъ я твердо убѣжденъ, но... не могу-же я снять съ твоей совѣсти этого страшнаго бремени: если ребенокъ умретъ, ты, ты одинъ его убилъ!..

— Я?!.. пробормоталъ Брандовъ,—какъ-же это я?!..

— Да, да, Брандовъ, ты, именно ты, сдѣлавшій для ея ма...

тери жизнь невыносимой! съ живостью обернулся къ нему Готтгольдъ: — или ты думалъ, что ударъ, направленный тобою въ мать, не придется также и ребенку? что ядъ, которымъ ты отравилъ ей жизнь, не сведетъ въ раннюю могилу и ея несчастное дитя?.. Нѣтъ, Брандовъ, ты не могъ этого думать... напротивъ, злобно рассчиталъ весь свой планъ на этой самой любви матери къ ребенку и ребенка къ матери... Связь между ними ты считалъ достаточно крѣпкою, чтобы прицѣпить къ ней всю свою постыдную сѣть лжи и обмана, подлостей и насилія... Повторяю еще разъ, если ребенокъ умретъ, — ты одинъ виноватъ въ этомъ... ты — его убійца! Совѣтую тебѣ объ этомъ хорошенько пораздумать. Да, да, это такъ ужасно, что все остальное, что-бы ты ни надѣлалъ, сущій вздоръ сравнительно съ этимъ преступленіемъ... Это, однимъ словомъ, такъ ужасно, что даже тебя можетъ отрезвить и заставить одуматься!..

Готтгольдъ прошелся по комнатѣ. Потомъ опять остановился передъ своимъ противникомъ, низко свѣсившимъ голову на обѣ руки.

— Послушай, Брандовъ, мнѣ говорили про тебя слѣдующее: когда я уже лежалъ на землѣ, раненный твоей рапирою, ты, будто-бы, ударилъ меня еще разъ. Это казалось мнѣ просто невозможнымъ, — не вѣрилось да и только... даже теперь съ трудомъ вѣрится... Ну, да какъ-бы тамъ ни было, а я скажу тебѣ одно только: у меня не хватитъ духу пнрнуть подъ ребро лежащему... кто-бы онъ ни былъ... но, съ другой стороны, не хватитъ духу протянуть руку отъявленному негодяю, если-бы ему вздумалось обратиться ко мнѣ за помощью. Правило у меня такое. Ты подумай хорошенько объ этомъ, Брандовъ!.. Такая минута можетъ придти раньше, чѣмъ ты, можетъ быть, считаешь...

Готтгольдъ вышелъ изъ комнаты. Брандовъ сидѣлъ въ томъ-же хмуromъ положеніи, понуря голову и безмысленно уставивъ глаза въ коверъ, протянутый на полу комнаты. Какая-то тупая улыбка бродила по его блѣдному лицу.

— Экую знатную проповѣдь отбарабанилъ, а?.. пробормоталъ Брандовъ; — весьма и весьма назидательно!.. Все отъ покойнаго папеньки обучился, потому — поповскій выродокъ, ха, ха, ха... А я... я, дуракъ дуракомъ, сижу здѣсь, спокойно выслушиваю всѣ эти пошлости отъ какого-нибудь... идіота и святоши и не

рѣшаюсь обернуть всю эту пошлую галиматью на его лукавую, поповскую образину. Нѣтъ, это... это, наконецъ, ни на что не похоже!..

Онъ вскочилъ со стула и забѣгалъ по комнатѣ.

— Комедіанты, чортъ васъ побери совѣмъ, комедіанты! прохрипѣлъ Брандовъ; — она, голубушка моя, полюбила этого пошляка не со вчерашняго только дня... а всегда, съ самаго начала нѣжно на него взирала... и ни за что не хотѣла себѣ простить, какъ это ей, такой важной принцессѣ, пришла фантазія облагодѣтельствовать такого скромнаго смертнаго, какъ я, ха, ха, ха... Да вѣдь я зналъ это съ перваго-же дня... Да, зналъ и глядѣлъ сквозь пальцы... подавалъ видѣ, будто ничего не замѣчаю, — прикидывался довольнымъ и тѣми крошками, что перепадали и на мою долю!!.. Такимъ, въ самомъ дѣлѣ, осломъ первостатейнымъ себѣ держалъ, а?.. Кто другой былъ-бы настолько наивенъ... да нѣтъ, я дѣлалъ только то, что сдѣлалъ-бы всякій другой на моемъ мѣстѣ, что дѣлаютъ тысячи другихъ людей, хотя и не могутъ опереться на мое оправданіе!.. Альма давнымъ-бы давно перебѣжала ко мнѣ отъ своего муженька, да я все остапавливалъ, отговаривалъ... Какже, я знаю, это было-бы имъ какъ разъ на руку! Теперь вѣдь плачутся только на то, что я не позволилъ имъ обдѣлать всю исторію полегче... Ну, а подъ конецъ вѣдь знатно облегчилъ... То-есть, такого олуха, такого осла... фу, чортъ возьми, вѣдь какъ отлично я могъ-бы имъ подставить ножку, затормозить всю штуку, не случись этой проклятой исторіи съ деньгами... Ну, вотъ они, въ свою очередь, ножку мнѣ подставили, да такую, что я долженъ былъ кувыркомъ полетѣть... и я сдѣлалъ имъ это удовольствіе... экая любезность необыкновенная... А они... что-жъ они? Хохочутъ да носъ показываютъ!..

Брандовъ яростно забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, точно дикій звѣрь въ тѣсной клѣткѣ.

— Ну, да нѣтъ, обождемъ немножко. Слушая всю эту сантиментальную чепуху, я-то съ дуру чуть было не расхныкался... точно-бы все это правда, какъ-будто сама она не воспитывала ребенка въ ненависти ко мнѣ... И дѣйствительно, въ ребенкѣ ни малѣйшаго слѣда отцовскаго не осталось... иной можетъ также легко подумать, что онъ—отецъ этого ребенка, и, навѣрное, онъ былъ-бы папашей дѣвочки, если-бы еще прежде разыгрывалъ изъ

себя благороднаго друга дома, какимъ ломается теперь... И позволить захватить себя въ сѣти, какъ какого-нибудь мальчишку безмозглаго!!.. И то сказать, такъ неожиданно все это случилось... не приготовился. А тутъ еще этого подлеца Генриха изловили—тоже скверно вышло... Но кто могъ-бы ожидать... вѣдь этотъ болванъ обратилъ на себя всѣ подозрѣнія, да и я послѣ старался росписать ему всякія страсти... и вдругъ, на поди!.. Ну, подожди, раздѣляюсь я съ тобой, подлець эдакій, только попадись ты мнѣ на дорогѣ... да и со всѣми раздѣляюсь, — съ идиотсмъ-поповичемъ, старымъ пролазомъ, проклятымъ жидомъ, и съ нею... о, ужь доберусь я до нея!!..

Онъ остановился передъ большимъ трюмо, поставленнымъ между окнами.

— Вишь ты, неласковъ я былъ съ нею, ха, ха, ха... недобръ!.. Ну, а другіе думаютъ иначе на счетъ этого обстоятельства. Вся штука въ томъ, что я слишкомъ дешево продалъ себя. Такой бравый молодецъ, какъ я, могъ-бы имѣть виды и посмѣлѣе, право!.. И теперь еще пора моя не прошла, хоть, правда, въ эту минуту, я выгляжу такъ, какъ вчера въ театрѣ Донъ-Жуанъ, когда его чортъ за собою тащить... Стекло, должно быть, зеленое, ну и при такой скверной иллюминаціи... понятное дѣло!..

Стукъ въ дверь прервалъ эти пасмурныя размышленія. Вошедшій слуга доложилъ, что ему поручено спросить, скоро-ли г. Брандовъ пожалуетъ въ столовую.

— Сію минуту! отозвался Брандовъ.

Онъ еще разъ поглядѣлъ на себя въ зеркало.

— Чортъ знаетъ, что за вытянутая фигура! Ну, да не бѣда... или даже тѣмъ и лучше: они подумаютъ, что я сильно тревожусь, помышляя о завтрашнемъ днѣ, и тѣмъ легче пойдутъ на удочку... вѣдь это все олухи отпѣты!.. Завтра утромъ я прячу въ свою кошну тридцать или сорокъ тысячъ, а обо всемъ прочемъ и думать не стоитъ...

ГЛАВА XXXIV.

Свѣтлое сентябрьское утро занялось надъ стариннымъ торговымъ городомъ. На извилистыхъ улицахъ было сегодня особенно тихо, — такъ тихо было, что даже горничныя, безпечно глазѣвшія въ отворенныхъ дверяхъ домовъ, безъ помѣхи могли плакаться на свою горькую судьбу. Вотъ, говорятъ, жизнь-то наша собачья, — сиди тутъ да сторожи домъ... въ такой день, когда послѣдній ученикъ у сапожника ушелъ со двора, побросавъ свои колодки и шило. Сказано: празднень!.. Кучеръ Коппъ уже въ шестой разъ вернулся съ пустою каретою и остановился на углу, возлѣ аптеки. Только барышни черезсчуръ парадно и долго собираются. А другимъ-то дѣвушкамъ, тоже хорошимъ, и экипажа-бы никакого не нужно было... сами-бы со всѣхъ ногъ побѣжали, да нѣтъ, не пускаютъ...

Но всѣмъ извѣстно, что мыши задаютъ знатную выпляску, когда котъ нѣтъ дома. И вотъ дѣвушки повеселѣли, собираясь кучками; выйдя на ухабистую мостовую, схватились за руки и давай вертѣться и дурачиться то въ тѣни домовъ, то на солнышкѣ. Потомъ вдругъ всѣ съ пискомъ и визгомъ разбѣжались, каждая въ свою дверь, когда изъ большого сосѣдняго дома вышелъ какой-то незнакомый господинъ...

Цѣлую ночь Готтгольдъ вмѣстѣ съ Цециліей и старымъ Бославомъ прохлопотали возлѣ больной Гретхенъ. Добрая Штина поминутно бѣгала туда и сюда. Нѣсколько разъ они уже думали, что вотъ настала послѣдняя роковая минута. Но Цецилія съ какимъ-то отчаяньемъ прижимала больную крошку къ своей груди; хрипота и удушье проходили, и тогда мать тихо спускала бѣдную дѣвочку на подушки, бѣлизна которыхъ почти не отдѣлялась отъ смертельно блѣднаго, изнуреннаго личика. Къ утру лихорадка стала нѣсколько слабѣе и врачъ, пришедшій очень рано, объявилъ, что хотя опасность, къ сожалѣнію, еще не миновала, однако, можно рассчитывать на два, три болѣе спокойныхъ часа. Не худо-бы, добавилъ онъ, воспользоваться этимъ временемъ для подерѣвленія собственныхъ силъ, такъ-какъ онѣ еще очень и очень понадобятся.

Докторъ при этомъ взглянулъ на стараго Бослава. Старикъ ласково усмѣхнулся и замѣтилъ, что за него-то господину доц-

тору нечего беспокоиться: привыкъ къ сторожевой службѣ по ночамъ, да и выспаться будетъ еще время. Но Цецилія, не шутя беспокоясь за здоровье старика, котораго она теперь постоянно называла отцомъ,—настояла на томъ, чтобы онъ улегся на покой. Готтгольда тоже выслала, и до половины дня тоже пожелала находиться при больной сама, вмѣстѣ съ Оттиліей. А если дѣвочкѣ хуже станетъ, общала дать ему знать въ ту-же минуту.

Медленно шелъ Готтгольдъ по стихшей улицѣ къ себѣ на квартиру.

Вонъ въ сторонѣ посреди улицы, веселымъ хороводомъ пляшутъ дѣвушки; въ глаза свѣтитъ и смѣется яркое солнышко, ласкающее кругомъ—потемнѣвшіе, старинные фронтоны; стая бѣлыхъ голубей описываетъ веселые, размахистые круги въ свѣтломъ голубомъ поднебесьи. Какъ онъ былъ хорошъ и радостенъ, свѣтлый, теплый божій свѣтъ! Какъ чистъ и крѣпителенъ этотъ воздухъ, который Готтгольдъ вбиралъ въ себя полными легкими! И несмотря на проведенную безъ сна ночь, какъ легко шло ему впередъ—далѣе и далѣе! Жизнь билась въ жилахъ такою полною, горячею струею!.. А между-тѣмъ... впереди угрожали горе черное и смерть!..

Если-бы дѣвочка умерла... Готтгольдъ вдругъ остановился: ему почудилось, но такъ явственно... точно-бы онъ видѣлъ маленькій, черный гробикъ... Конечно, это была только игра его запуганнаго воображенія: Гретхенъ еще не умерла... она непременно выздоровѣетъ,—вѣдь могла-же она, бѣдненькая, перенести ту ужасную ночь... И онъ имѣлъ право сказать, что спасъ ее, отстоялъ у смерти. Слѣдовательно, и далѣе она должна жить, для него жить, чтобы своими чистыми, дѣтскими ручками положить послѣдній камень въ постройкѣ его житейскаго счастья. Вѣдь какъ до сихъ поръ все ему удавалось,—удавалось сверхъ ожиданія! Даже слѣпой случай повернулся къ нему благосклонно. Могъ-ли онъ, нѣсколько дней тому назадъ, сколько-нибудь рассчитывать, что противникъ такъ скоро и неожиданно потерпитъ полную неудачу, и онъ самъ, Готтгольдъ, будетъ въ состояніи сказать ему: я сдѣлаю то-то, я требую того-то? И все это безъ шума, безъ малѣйшей огласки между людьми, непричастными къ

дѣлу! Еще сегодня вечеромъ виновникъ всего ихъ горя вернется назадъ въ Долланъ — чтобы розыскать украденныя деньги и завтра передать ихъ въ монастырскую кассу чрезъ Вольтнова. И сегодня-же вечеромъ отплыветъ въ Англiю судно, захвативъ на свой бортъ его соумышленника, который самъ откровенно объявилъ, что ему здѣсь остаться невозможно и что онъ хоть сію минуту готовъ въ Америку, особенно если господа такъ щедро обезпечатъ его, какъ обѣщаютъ, — а что господа сдержатъ свое обѣщаніе, въ этомъ онъ ни мало не сомнѣвается. Такимъ образомъ, втеченіи двадцати четырехъ часовъ все улаживается, и на совершенно выровненномъ, разчищенномъ фундаментѣ можно будетъ строить далѣе и далѣе...

На безлюднѣйшей улицѣ отдались, позади Готтгольда, чьи-то торопливые шаги — въ недалекомъ разстояніи отъ квартиры. Готтгольдъ поднялъ голову.

— Что скажешь, Иохенъ?..

— Да то, что его нѣтъ нигдѣ... ушелъ, значить! сообщилъ Иохенъ, едва переводя духъ, — я вотъ собственно къ вамъ и бѣжалъ...

— Съ какихъ поръ?

— Да уже съ часъ тому будетъ или около того... Усталъ, говоритъ, сосну маленько... это пока я съ Клаусомъ у жены Миллера пробудемъ, потому она насъ на завтракъ звала... Ну, ничего себѣ, сидимъ да завтракаемъ, — отличной такой колбасой насъ попотчивала, — и въ голову-то, знаете, г. Готтгольдъ, не придетъ какая-нибудь гадость... А онъ-то со второго этажа да чрезъ окно да въ садъ, а садъ у насъ какъ разъ къ городской стѣнѣ подходитъ, и калитка никогда не запирается... однимъ словомъ, случился грѣхъ да и только! Постоянно, знаете, смирный такой былъ, въ глаза человѣку боялся заглянуть, — ну, какъ тутъ было подумать, что его на этуку штуку станеть!..

— Гмъ, и ты говоришь, съ часъ тому назадъ будетъ?

Иохенъ кивнулъ головою.

— Гдѣ Клаусъ?

— Побѣжалъ на пристань. Не ушелъ-ли онъ, думаетъ себѣ на судно... чтобъ, знаете, осмотрѣться немножко...

Готтгольдъ сомнительно сдвинулъ плечами.

— Нѣтъ, это трудно допустить... вѣдь онъ самъ хорошо знаетъ, какъ и куда его отправляютъ...

— Что-же теперь дѣлать, г. Готтгольдъ?..

— Бѣги сію-же минуту къ Волльнову и скажи ему, что вотъ такъ и такъ случилось... Скажи, что я на скачки отправился, а самъ духомъ возвращаюсь назадъ и нагоняй меня....

Юхенъ поглядѣлъ съ удивленіемъ.

— Ваша правда, г. Готтгольдъ, и то можетъ статься... вчера цѣлый вечеръ проболталъ о скачкахъ да о лошадяхъ...

Готтгольдъ отошелъ уже нѣсколько шаговъ, но Юхенъ нагналъ его сзади.

— Ну, а вы на насъ не сердитесь, г. Готтгольдъ,—на меня, то-есть, и на брата Клауса?..

— Да ужъ что съ вами подѣлаешь?..

Юхенъ поглядѣлъ на него весьма жалобно и, безъ сомнѣнія, хотѣлъ еще что-то сказать, но Готтгольдъ пожалъ ему черствую, честную руку и поспѣшилъ къ заставѣ, за которою, въ небольшомъ разстояніи отъ города, находилось мѣсто, отведенное подъ скачки.

Дорога была ему извѣстна только по рассказамъ другихъ, но сегодня заблудиться было трудно. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ воротамъ, тѣмъ больше попадалось по пути всякаго народу, спѣшившаго въ одною и томъ-же направленіи.

Въ предмѣстьи улица, по которой нужно было проходить, приняла праздничный видъ. Скромненькіе, приземистые домики, едва выглядывавшіе изъ-за зелени садовъ, были завѣшаны гирляндами и коврами. Тамъ и сямъ, подъ тѣнистыми деревьями, выглядывали на прохожихъ, изъ-за запыленныхъ изгородей, какой-нибудь пожилой господинъ, или садовникъ, или старушка-няня съ ребенкомъ на рукахъ,—кто глядѣлъ съ завистью, кто съ брызгливо досадой. По временамъ вдоль улицы грохотали знаменитыя голштинскія колымаги, длинныя-предлинныя, съ четырьмя или шестью мѣстами, расположенными одно за другимъ. Онѣ ѣхали порожнякомъ, если пробирались въ городъ, и были нагружены полнымъ комплектомъ пассажировъ, когда выѣзжали за ворота. Тамъ и сямъ эти счастливыя перебрасывались кое-какими мѣстными островами съ пѣшимъ людемъ, съ ногъ до головы занесеннымъ сѣрой пылью.

Готтгольдъ обогналъ уже многихъ пѣшеходовъ и продолжалъ неутомимо нестись впередъ. Трудно было, конечно, надѣяться, чтобы ему или Юхену удалось найти бѣглеца въ такомъ многочисленствѣ, особенно если онъ самъ не хотѣлъ, чтобы его отыскивали. Но что его нужно было розыскивать на скачкѣ, въ этомъ Готтгольдъ не сомнѣвался ни на одну минуту. И чѣмъ далѣе пробирался онъ въ этой отчаянной погонѣ, тѣмъ тревожнѣе становилось на сердцѣ, тѣмъ яснѣе онъ представлялъ себѣ всѣ худшія послѣдствія, какія могли произойти изъ этого непріятнаго приключенія. Если Генрихъ ушелъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться, чтобы распорядиться своею судьбою по собственному усмотрѣнію, и если Брандовъ провѣдаетъ обо всемъ этомъ заблаговременно, то, разумѣется, возьметъ назадъ всѣ свои уступки. Борьба начиналась съизнова и притомъ съ такимъ противникомъ, который не дастъ въ другой разъ застигнуть себя врасплохъ. Если-же Генрихъ хотѣлъ только воспользоваться случаемъ, чтобы отомстить за себя, то, при грубой рѣшительности такого отчаяннаго удалца, Брандовъ ежеминутно долженъ былъ бояться за свою жизнь, хоть-бы самъ былъ молодецъ изъ молодецовъ, — однимъ словомъ, все, что было пріобрѣтено такими трудными усиліями, становилось весьма сомнительнымъ, въ особенности-же горькая доля любимой женщины могла получить огласку передъ пошло-любопытной толпою, отъ которой до сихъ поръ она была заботливо скрыта...

Готтгольдъ рвался впередъ съ какою-то дикою энергіей. Вотъ, вотъ, думаетъ, дойдетъ до мѣста. Но одна, затѣненная садами улица поворачивала въ другую, — предмѣстью, казалось, конца не было. Еще версты двѣ будетъ до скачки, отвѣчали ему на разспросы.

Мимо пронесся легонькій, щегольской экипажъ, запряженный двумя великолѣпными рысаками. Въ экипажѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, необыкновенно изящной наружности. Лицо его показалось Готтгольду, какъ-будто, знакомо. Юноша обернулся къ нему и потомъ съ живостью застучалъ тросточкой въ спину кучера. Экипажъ остановился. Молодой человѣкъ ловко соскакиваетъ внизъ, сѣштитъ къ Готтгольду и уже издали кричитъ, махая къ нему рукою:

— Ахъ, наконецъ-то, я васъ встрѣчаю!..

Минуту спустя Готтгольдъ сидѣлъ рядомъ съ молодымъ княземъ Прора. Лошади рѣзво понеслись далѣе; съ обѣихъ сторонъ быстро мелькали запыленные пѣшеходы, изгороди, сады, дачи и амбары.

— Вы не повѣрите, какъ я радъ, въ какомъ восторгѣ!.. сказалъ князь, еще разъ пожавъ руку Готтгольда: — или вы, можетъ быть, повѣрите, если я сообщу вамъ, что собственно для васъ выѣхалъ изъ Берлина... тамъ, видите, у меня съ Шинкелемъ была весьма важная конференція на счетъ моего охотничьяго замка. Графъ Ингенгеймъ уже сообщилъ мнѣ о вашемъ выѣздѣ изъ Рима, а изъ Проры меня извѣстили, что вы въ наши мѣста пожаловали, — вотъ я и лечу, сломя голову, сюда, чтобы розыскать васъ, повидаться, переговорить съ вами, завербовать васъ, ха, ха, ха... епін, вы должны мнѣ разрисовать мой замокъ алъ fresco, непременно... Мнѣ это крайне желательно, и если именно мое желаніе не можетъ быть для васъ причиною къ отказу, то... то... вѣдь и Шинкель того-же хочетъ, стало быть, тутъ ужъ никакъ не увернетесь. Онъ хочетъ именно къ вамъ обратиться и ни къ кому другому... Никого другого, говорить, не знаю, съ кѣмъ-бы я сошелся, какъ говорится, душа въ душу... Да, да, и знаете, въ неописанный восторгъ пришелъ, когда я сообщилъ ему, что имѣю честь быть лично съ вами знакомымъ и провелъ съ вами незабвенную зиму въ Римѣ. Ахъ, Римъ, божественный Римъ!.. Вы, волшебникъ красокъ, должны вызвать мнѣ его на стѣнахъ моего сѣвернаго замка... Въ столовой мнѣ хотѣлось-бы видѣть только римскіе или, по крайней мѣрѣ, итальянскіе ландшафты... Только, знаете, повеселѣе, посолнечнѣе, какъ вы одни умѣете ихъ рисовать, даромъ что съ виду серьезный такой... Ну, а что до отечественныхъ видовъ, то для нихъ всего приличнѣе — оружейная зала... ужъ это я вполне предоставляю вашему производству... тутъ-то можете меланхолии своей просторъ дать... хоть съ Гамлетомъ соперничайте!.. Но прежде всего мнѣ нужно ваше да... ну-съ, что вы скажете?..

Молодой человѣкъ протянулъ ему руку, но его привлекательное, доброе лицо неможно нахмурилось, когда Готтгольдъ медлилъ подать свою руку. О, съ какою готовностью онъ принялъ-бы это радушное, лестное приглашеніе, обѣщавшее ему все, чего только могло пожелать сердце художника, но теперь, но при подобныхъ обстоятельствахъ...

— Вы не хотите? грустно проговорилъ молодой князь.

— Помилуйте, я хочу, всюю душою хочу! обратился къ нему Готтгольдъ, съ чувствомъ пожимая протянутую руку:— съумѣю-ли справиться съ этой задачей,—это совсѣмъ другой вопросъ, и вотъ онъ-то и занимаетъ меня въ настоящую минуту. На него-то у меня и не хватаетъ духу отвѣчать утвердительно. Извините меня великодушно, ваша свѣтлость, если я говорю загадками. Но бывають въ жизни такія минуты, когда мы сами себѣ не принадлежимъ, когда находимся подъ тяжелымъ гнетомъ судьбы, которую ни ускорить, ни задержать намъ не по силамъ. Въ такихъ обстоятельствахъ необходимо выждать развязки, прежде чѣмъ почувствуешь себя достаточно свободнымъ, чтобы рѣшиться идти въ ту или другую сторону...

— Я васъ, дѣйствительно, не совсѣмъ понимаю! замѣтилъ князь, — догадываюсь только, что у васъ на душѣ безпокойство какое-то есть и, должно быть, не бездѣлица, словомъ, что съ вами было или угрожаетъ впереди какое-нибудь несчастье... Въ этомъ случаѣ самъ собою возникаетъ вопросъ, который, я надѣюсь, вы мнѣ извините: не можетъ-ли вамъ кто-нибудь пригодиться своею помощію и что-бы вы сказали, если-бы этимъ „кто-нибудь“ былъ—я?..

— Отъ души благодарю вашу свѣтлость, но... приходится самому за себя стоять...

Между тѣмъ они уже оставили позади себя всѣ дома и постройки. Въ небольшомъ разстояніи передъ ними на далекой, далекой луговинѣ простиралось мѣсто, отведенное подъ скачки. У окраины поднимались высокія трибуны, расселился цѣлый городъ лавокъ и палатокъ, и глухой гулъ любопытной толпы раздавался далеко вокругъ. Кучка всадниковъ проскакала мимо бѣшеннымъ галопомъ. Одинъ изъ всадниковъ не безъ труда придержалъ замыленного скакуна и подѣхалъ къ дверцамъ экипажа.

— А вы, Плюггенъ, почему не тамъ?! удивился князь.

— Передъ самымъ началомъ борьбы неустойку заплатилъ, ваша свѣтлость, — то-есть въ самую послѣднюю минуту... Мнѣ все отчего-то кажется, что сегодня будетъ то-же, что на дербійской скачкѣ, года четыре назадъ... А вамъ не случилось-ли побыв... ахъ, Готтгольдъ, bon jour, bon jour, милый мой!..

Твой пріятель Брандовъ знатныя дѣла обдѣлываетъ сегодня.. просто уму непостижимо!..

— Пожалуй, и покончить скоро, а?.. Мы не опоздали?..

— О, нѣтъ, ваша свѣтлость, но... но... минутъ чрезъ десять они здѣсь будутъ. А я вотъ хотѣлъ къ предпоследнему барьеру... всё туда повалили и ждутъ съ дьявольскимъ замираніемъ сердца... Точь въ точь, какъ въ Дерби, года четыре назадъ, когда скакутъ Гарри-Гарри...

— Такъ не медлите-же, Плюггенъ! Au revoir!.. Сегодня вечеромъ... Поѣзжайте, поѣзжайте-же!..

Густавъ фон-Плюггенъ, съ нѣскольکو вытянутой фізіономіей, приподнялъ шляпу, обернулъ коня и поскакалъ въ догонку за своими товарищами.

— Гмъ, такъ и вы знаете этого Брандова, да?.. заговорилъ князь; — а вѣдь, право, пожалѣть стоитъ о такомъ человѣкѣ: изъ него вышелъ-бы лихой кавалерійскій генералъ... эдакая, знаете, сметливая голова, ястребинный глазъ, находчивость изумительная, ну, и ко всему этому блестящее личное мужество... молодець, молодець!.. Ну, а въ бюргерскомъ быту изъ него могъ выйти развѣ только какой-нибудь mauvais sujet... А все-таки, знаете, скверно они поступили, отвѣдя подъ скачки часть болота... это чтобъ Брандову труднѣе пришлось... Я слышалъ, видите-ли, что это сдѣлано собственно для того, чтобы дать другимъ конямъ, по крайней мѣрѣ, одинъ шансъ... По общему мнѣнію, Браунлоккъ Брандова такъ тяжелъ на ходу, что не можетъ перебѣжать чрезъ болото...

— Перебѣжить, ваша свѣтлость, перебѣжить!.. сказалъ Готтгольдъ,—вы цѣлый миллионъ можете на это заложить смѣло.

— Ба, развѣ и Саулъ во пророцѣхъ?.. засмѣялся князь; — съ какихъ это поръ вы сдѣлались знатокомъ по части horse-flesh?.. Э, такъ позвольте-же придержать васъ возлѣ себя... вы будете моимъ суфлеромъ, если я, завѣдомый дилетантъ въ этой благородной забавѣ, вздумаю сдѣлать какой-нибудь страшный промахъ...

— Напротивъ, я твердо убѣжденъ, что ваша свѣтлость...

— Ну, да, ну, да, вы хотите отдѣлаться отъ меня, это я вижу... Впрочемъ, довольно съ меня и того, что я видѣлся съ вами и объяснился... Здѣсь, въ Зундинѣ, я пробуду еще дня

три, потомъ въ Прорѣ съ недѣлку... ужь, какъ хотите себѣ, тамъ вы должны быть моимъ гостемъ непременно... даже если-бы вы ни разу и вистью не махнули для моего охотничьяго замка— все равно... хотя я, разумѣется, не хочу отчаяваться заранѣе и этимъ портить себѣ веселое расположеніе духа... Ну-съ, вотъ мы и пріѣхали... Да не лучше-ли вамъ подняться, со мною туда, повыше... тамъ лучше видно... ужь предоставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, удовольствіе пріискать для васъ мѣстечко поудобнѣе!..

Экипажъ остановился; князь соскочилъ со ступеньки и, не выжидая отвѣта Готтгольда, сталъ взбираться по лѣстницѣ трибуны. Волей-неволей Готтгольду пришлось слѣдовать за обязательнымъ княземъ. Тамъ, наверху, думаетъ себѣ, навѣрное представится случай отеланяться, не нарушая приличія.

Вся лѣстница и всѣ мѣста трибуны были биткомъ набиты любопытной публикой. Однако, всѣ поспѣшили расчислить князю, котораго очень любили въ обществѣ, дорогу къ нѣсколькимъ порожнимъ мѣстамъ на передней скамьѣ, нарочно оставленнымъ для князя и его приближенныхъ.

— Право, я-бы посоветовалъ вамъ не отставать отъ меня! улыбнулся князь Готтгольду черезъ плечо, — вы видите, что и здѣсь творится то-же, что въ подлунной вообще, — всѣ ваканціи заняты, ха, ха, ха...

Но Готтгольду и безъ того не оставалось ничего другого, какъ воспользоваться даннымъ ему позволеніемъ слѣдовать за княземъ. Узкая дорожка, открытая для князя между сидящей публикой, давно уже замкнулась. Многіе папирали сзади, чтобы протолкаться поближе къ князю, и скоро Готтгольдъ увидѣлъ себя окруженнымъ блестящей коллекціей старыхъ и молодыхъ дамъ, изъ мѣстной аристократіи, въ полномъ парадномъ туалетѣ, — сѣдовласыми аристократами, гражданскими сановниками въ звѣздахъ и орденахъ, военными тузами. И всѣ фізіономіи признательно улыбались, кланялись молодому князю, который, въ свою очередь, махалъ головой, раскачивался во всѣ стороны, отвѣчая улыбками на пріѣтствія публики.

— Ваша свѣтлость изволили поспѣть въ настоящую минуту!.. Вотъ-вотъ покажутся изъ-за того холма передніе изъ скачущихъ... позвольте предложить вашей свѣтлости мою зрительную трубу!.. вричалъ старый графъ Грибенъ своимъ пѣтушымъ голоскомъ.

— Благодарю, душевно благодарю... вамъ она больше нужна... такъ-какъ дѣло это касается васъ больше, чѣмъ меня... Скажите: цѣль тамъ-же, гдѣ была и въ прошлые годы,—здѣсь, передъ трибунами?..

— Такъ точно,—ахъ, вотъ, вотъ они показались, ваша свѣтлость!..

На одну минуту князь все-таки взялъ трубу изъ рукъ стараго графа. Въ публикѣ поднялся шумъ и говоръ. „Сядьте, сядьте!“ раздавалось со всѣхъ сторонѣ.

Всѣ глаза, вооруженные и невооруженные, отыскивали продолговатую, холмистую возвышенность, на которую графъ Грибенъ указывалъ князю. Тамъ дѣйствительно показались въ одно время три подвижныя точки, спустившіяся внизъ по холму съ неимоверной быстротою, если судить по еще значительному разстоянію. Точки эти опять исчезли въ углубленіи, но на мѣсто ихъ показались четыре или пять другихъ подвижныхъ точекъ, также скользящихъ по холму и скрывшихся въ слѣдующей ложбинѣ. Но весь интересъ публики сосредоточился почти исключительно на первыхъ трехъ точкахъ. По промежуткамъ времени между появленіемъ этихъ и слѣдующихъ четырехъ точекъ, — объ отсталыхъ нечего было уже и говорить, — можно было съ достаточной точностью заключать, что побѣдителейъ будетъ кто-нибудь изъ первыхъ. И хотя самое сильное оптическое стекло убѣждало только, что эти три точки были полнымъ карьеромъ мчавшіеся всадники, тѣмъ не менѣе въ публикѣ съ твердой увѣренностью прозносились уже два имени; насчетъ третьяго было разногласіе: одни полагали, что то былъ баронъ Куммеровъ, другіе держали пари за Ребекку графа Царрентина, бывшую подъ младшимъ барономъ Бреzenомъ.

— Но первые-то два, ваша свѣтлость, первые два — непременно мой Куртъ и Карлъ Брандовъ! кудахталь старый графъ Грибенъ, весь побагровѣвъ и яростно жестикулируя руками, и пискливый голосъ старика разносился далеко между скамьями зрителей.

Графъ Грибенъ! Карлъ Брандовъ! словно частымъ огнемъ перелетывалось отъ одного къ другому по всей трибунѣ и далѣ внизъ по лѣстницѣ, отдаваясь въ шумной многолюдной массѣ, становившейся на кончики пальцевъ и высовывавшей впередъ головы... Графъ Грибенъ! Карлъ Брандовъ на Браунлоккѣ!..

Карль Брандовъ!!.. Готтгольда какъ-то странно покорило. Имя это, словно имя какого-то злого духа, отравило, изломало всю его жизнь. Съ этимъ именемъ въ его памяти, еще съ очень ранней, почти дѣтской поры, связывалось такъ много горькаго и тяжелаго, что оно стало для него воплощеніемъ какой-то демонской силы, вѣчно враждующей со всѣмъ свѣтлымъ и добрымъ. А здѣсь всѣ кричали: Карль Брандовъ! Карль Брандовъ! съ такимъ единодушнымъ восторгомъ, какъ-будто выкрикивали, привѣтствовали своего свѣтлаго божка, или человѣка, одна близость котораго приноситъ отъяду и успокоеніе!.. Прелестныя глазки радостно заискрились, бѣленькія, аристократическія ручки уже взялись за кружевные платочки, чтобы размахивать ими, привѣтствуя побѣдителя. Ужь если этотъ человѣкъ приобрѣлъ такое горячее сочувствіе всего общества, то не вправѣ-ли онъ былъ всякими путями и средствами бороться съ какимъ-то одинокимъ мечтателемъ и оспаривать у него блестящую цѣль—деньги, женскую благосклонность, публичное вниманіе?!.. И можно-ли было ожидать, чтобы подобный господинъ, такъ дерзко рвавшійся впередъ противъ всякихъ препятствій, могъ свернуть съ своего пути, послушавшись какихъ-нибудь моральныхъ соображеній?.. Цѣлую жизнь онъ привыкъ ломать все по своей дорогѣ: винить-ли его въ томъ, что для него горе и радости, самая жизнь другихъ не имѣли той серьезности, какъ въ глазахъ другого, болѣе спокойнаго смертнаго?!..

Такія-то диковинныя мысли бродили въ головѣ Готтгольда, когда его взглядъ, по направленію тысячъ глазъ, остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ полагали знатоки, между его сосѣдями, оная должны были показаться всадники. И дѣйствительно, они показались,—теперь ихъ легко можно было уже различить и невооруженнымъ глазомъ. „Графъ Грибенъ! Карль Брандовъ!“ снова пронеслось съ шумомъ въ публикѣ, — такъ-какъ изъ-за холма теперь показались только два всадника, тогда какъ третій отсталъ такъ далеко, что появился уже тридцатью секундами позже. Онъ былъ совершенно безнадеженъ. При бѣшенномъ маршѣ-маршѣ коней невозможно было наверстать и одной потерянной секунды, а тридцать секундъ — цѣлая вѣчность!.. Борьба шла теперь только между Браунловкомъ и Бесси. На нихъ, съ первой минуты, былъ сосредоточенъ главный интересъ

публики; со всѣхъ сторонъ были сдѣланы громадныя заклады за ту и другую сторону. Побѣдить-ли Браунлоккъ? Или его перегонить Бесси?.. Никто не смѣлъ этого рѣшить, заклады приостановились. Публика не смѣла даже громко говорить, шевельнуться—всѣхъ приковало къ мѣсту горячее, нѣмое ожиданіе. Стрѣлка вѣсовъ ни на волосъ не склонялась ни въ ту, ни въ другую сторону. Если, какъ утверждали вообще въ публикѣ, Бесси была лошадь болѣе быстроногая, то различіе это уничтожалось всѣмъ извѣстною, молодецкою ѣздою Брандова. Извилистый во многихъ мѣстахъ путь можно было прослѣдить такъ отчетливо, какъ липю на ландквартѣ. Рядышкомъ, голова къ головѣ, неслись обѣ лошади, прыгая чрезъ одно, другое, наконецъ, предпоследнее препятствіе. Бедро къ бедру, всадники перескочили чрезъ послѣдній барьеръ—стѣну въ шесть футовъ вышиною. Крикъ изумленія пронесся въ публикѣ—и затѣмъ все вдругъ стихло, словно замерло. Въ слѣдующую минуту должна была послѣдовать развязка. За послѣднимъ барьеромъ, шаговъ на сто, тянулась совершенно ровная мѣстность, потомъ — пролегало большое болото, обозначенное кругомъ вѣхами. Не выиграй только Браунлоккъ значительнаго разстоянія на ровномъ мѣстѣ, онъ погибъ неизбежно, такъ-какъ всѣмъ было извѣстно, что Бесси обѣжитъ по болоту, какъ легкая серна, тогда какъ Браунлоккъ неминуемо завязнетъ, или долженъ будетъ нестись въ объѣздъ, стало быть, лишится приобрѣтенной выгоды, а въ этомъ случаѣ неизбежно проиграетъ.

Браунлоккъ, однако, не приобрѣлъ никакой выгоды, не опередилъ Бесси ни на футъ, ни на пол-дюйма. Голова къ головѣ скакуны миновали первую половину площадки. Но потомъ Бесси стала опережать,—на половину лошадиной длины, на цѣлюю, на двѣ, на три, на пол-дюжины. Державшіе пари за Браунлокка измѣнились въ лицѣ. Но заклады за Бесси были во сто разъ больше! Стоявшіе за Бесси стали переглядываться съ торжествующимъ видомъ. Говорить было некогда. Вотъ Бесси подбѣгаетъ къ краю болота. Всадникъ ея обернулся назадъ, — очевидно, чтобъ измѣрить разстояніе между нимъ и противникомъ. Вотъ онъ беретъ влѣво, вдоль по окраинѣ болота. „Молодецъ, молодецъ!“ кричитъ старый графъ Грибенъ: — тамъ дальше будетъ, ваша свѣтлость, но... мѣсто твердое, а у него и времени

много выиграно!.. Куда этому несчастному Браунлокку нагнать!.. „Ур-р-ра, наша взяла! горланить раскодившійся старикъ, махая шляпой. „Ур-р-ра! ур-р-р-ра!.. отдалось въ непостоянной толпѣ, еще за минуту такъ восторженно поддерживавшей Браунлокка, — „Бесси выиграетъ, Браунлокъ оплошалъ, ур-р-р-ра!..

Вдругъ настала мертвая тишина, точно-бы ослѣпительная молнія внезапно ударила въ землю предъ ошеломленною толпою. Брандовъ прискакалъ къ тому мѣсту, гдѣ графъ Грибенъ, далеко обогнавшій своего противника, поѣхалъ въ объѣздъ, заранѣе торжествуя побѣду. Однимъ размахистымъ прыжкомъ Браунлоккъ бросился въ болото, не уклонившись ни на полдюйма отъ прямого пути. И вотъ онъ несется съ изумительной, возраставшей каждую минуту быстротой по самому глубокому, но также самому узкому мѣсту. Всадникъ не подниметъ хлыста, не шевельнетъ шпорой, — точно ѣдетъ по безопаснѣйшему, ровному манежу. Вотъ онъ, будто въ насмѣшку, замахалъ рукою своему конкуренту и стрѣлой пронесся мимо него, далеко вверхъ разбрызгивая болотную воду.

Трасина оставалась уже позади. Брандовъ поѣхалъ по ширкому, ровному мѣсту, все ближе и ближе къ цѣли, находившейся возлѣ сидѣвшей публики, — но уже не бѣшенымъ маршъ-маршемъ, а спокойнымъ, величавымъ галопомъ, будто поддразнивая соперника, который также выѣхалъ изъ-за болота, на твердое мѣсто, но, отчаяваясь въ побѣдѣ, свернулъ въ сторону, точно-бы не хотѣлось ему глядѣть на тотъ триумфъ, съ какимъ публика готовилась встрѣтить счастливаго побѣдителя.

— Ура, Браунлоккъ! Ура, Брандовъ! грянуло впереди хоромъ, и въ воздухъ замахали шляпы и шляпки; крикъ переходилъ въ публикѣ далѣе и далѣе, и, наконецъ, обратился въ оглушительный, громовый перекалъ, когда побѣдитель проѣхалъ къ цѣли, мимо мѣста публики, тѣмъ-же хладнокровнымъ, величавымъ галопомъ... Всѣ стояли на кончикахъ пальцевъ. Мужчины горланили: „уррра!“, — дамы махали бѣлыми платками. И все это толпилось, спѣшило внизъ по широкой лѣстницѣ, чтобы поближе взглянуть на побѣдителя и его рѣдкостнаго коня, въ ту минуту, когда Брандовъ, согласно принятому обычаю, будетъ опять проѣзжать отъ цѣли, мимо публики, къ тому мѣсту, гдѣ участвовавшіе въ скачкахъ осѣдывали своихъ коней.

— Да, знаете, волей-неволей дѣвъ вперед! засмѣялся молодой князь къ Готтгольду, когда густая толпа и ихъ столкнула съ лѣстницы:—противъ энтузіазма ничего не подѣлаешь, это чувство даже слабѣйшему духу придаетъ... Посмотрите-ка, посмотрите, какъ молодецки проталкивается съвозъ толпу вонъ та нѣжная дамочка... Ужь не супруга-ли Брандова? Въ такомъ случаѣ надо предложить ей руку...

Голубой вуаль дамы откинулся въ сторону, и Готтгольдъ узналъ Альму Зелліенъ. Но она его не видѣла, хотя и стояла возлѣ него почти рядомъ. Нѣжное, помятое личико было какъ-то неестественно оживлено, обыкновенно матовые, водянистые голубые глаза искрились радостнымъ огнемъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на толпившуюся вокругъ нея публику, она спѣшила къ своему милому, дорогому Брандову, обнаженная голова котораго видѣлась высоко надъ волнующимся многолюдствомъ. Вотъ теперь ужъ промелькнули пара красныхъ плечъ, опять исчезли, опять показались, — потомъ между переднихъ рядовъ высунулась и понуренная голова статнаго коня, наконецъ и весь красный всадникъ былъ видѣнъ. Стоявшіе у передней эстрады, узнавъ князя, почтительно разступились. Въмѣстѣ съ нѣкоторыми мужчинами и дамами онъ оттѣсненъ впередъ, тогда какъ позади Готтгольда, нѣсколько отставшаго за княземъ, ряды опять сомкнулись. Брандовъ подѣхалъ уже очень близко къ публикѣ, вѣжливо раскланиваясь направо и налево и перебрасываясь веселыми шутками съ подходившими ближе пріятелями. Увидѣвъ Альму, опиравшуюся на руку князя, онъ былъ какъ-то озадаченъ и не могъ не улыбнуться съ удивленіемъ. Онъ круто поворачиваетъ Браунлокка фронтомъ къ публикѣ и низко перегибается черезъ стройную шею великолѣпнаго скакуна. Удалой Браунлоккъ фыркалъ, закусывалъ удила, взрывалъ копытами землю и большими огненными глазами глядѣлъ на густую толпу. Вдругъ онъ, будто въ сильномъ испугѣ, отскочилъ въ сторону и когда всадникъ хотѣлъ поставить его на прежнее мѣсто, конь дико поднялся на дыбы. „Назадъ!“ крикнулъ князь напиравшей со всѣхъ сторонъ публикѣ. Но стоявшіе подальше даже съ мѣста не тронулись, очевидно, не подозрѣвая никакой опасности. „Назадъ! назадъ!“ еще закричалъ князь. Дамы взвизгнули.

— Прыгайте съ коня, Брандовъ, скорѣе! крикнули ему мужчины.

Но Брандовъ будто сразу позабылъ все свое лихое наѣздничество. Впослѣдствіи говорили, будто голова коня, внезапно откинувшись назадъ, съ силою ударила его въ лобъ и будто онъ былъ ошеломленъ этимъ ударомъ. Напрасно старается онъ совладать съ разсвирѣпѣвшимъ конемъ, напрасно непостижимо неловой рукою дергаетъ его въ ту и другую сторону. Вдругъ глаза его неподвижно уставились въ какого-то грязновато-одѣтаго чловека, тоже попавшаго въ передніе ряды публики, въ этой безпорядочной давкѣ. Человѣкъ этотъ поднимаетъ высоко руки и бросается передъ коня, даже подъ него, когда Браунлоккъ дико взвился на дыбы. Всѣ подумали, что этотъ отважный человекъ хотѣлъ притянуть внизъ, за узду, бѣшенаго коня...

— Пропустите, пропустите меня впередъ, сдѣлайте милость! крикнулъ Готтгольдъ.

Онъ узналъ—Генриха Шеля, хотя и видѣлъ только его угловатый, покрытый черными, курчавыми волосами черепъ, съ котораго, въ суматохѣ, куда-то слетѣла шапка, и еще не могъ разглядѣть злобнаго лица съ зелеными, косыми глазами, дѣйствовавшими на коня съ такою непостижимою демонскою силою. А Браунлоккъ взвивался все выше и выше, яростно разсѣвая воздухъ могучими копытами и будто угрожая раздавить своего мучителя. И вдругъ одна изъ подковъ врѣзывается въ черепъ Генриха. Тотъ сразу растянулся, словно подстрѣленный мѣткою пулей. Но въ то-же мгновеніе бѣшеный конь, опять взвившись на дыбы, спотыкается и, въ страшномъ паденіи, обрушивается на всадника всею своею тяжестью. Толпа разсѣвается съ изступленнымъ крикомъ и воемъ.

— Доктора, скорѣе доктора... нѣтъ-ли врача здѣсь?..

Врача не оказалось. Да, впрочемъ, никакой врачъ не могъ уже поправить дѣла. Человѣкъ, хотѣвшій схватить за узду разъяреннаго коня, лежалъ безъ дыханія, навзничъ, съ разможженнымъ черепомъ, страшно выскочившими изъ своихъ мѣстъ, уже потускившими глазами и дико искаженнымъ лицомъ. Другіе также узнали въ немъ прежняго брандовскаго берейтора, бѣглаго преступника Генриха Шеля. Господинъ его еще дышалъ, но Готтгольдъ, державшій его на своихъ рукахъ, ясно видѣлъ, что и этотъ скоро будетъ трупомъ. Смертельная блѣдность уже разлилась по его неприятому, ястребиному лицу, между посинѣвшими

губами страшно искрились бѣлыя, острые зубы. Вдругъ по всему тѣлу его прошла судорога; голова поникла на грудь Готтгольда.

— Здѣсь, здѣсь врачъ! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Теперь ему нечего здѣсь дѣлать! угрюмо отозвался Готтгольдъ: — помогите мнѣ перенести его отсюда!..

Когда подняли трупъ Брандова, дама съ голубинымъ вуалемъ громко взвизгнула и, судорожно заломивъ руки, безъ чувствъ повалилась навзничь. Но никто не обратилъ на нее вниманія. Въ обморокѣ лежали уже многія дамы...

XXXV.

Чудная, благодатная осень спустилась на сельскій ландшафтъ— съ ея золотыми, теплыми днями и звѣздными ночами. По садамъ всюду еще цвѣли лѣтнія розы рядомъ съ астрами, и лѣса принимали свою осеннюю окраску незамѣтно, постепенно. Въ воздухѣ—беззвучіе и затишь, такая затишь, что тончайшія паутинки, бѣлѣвшія въ воздухѣ тамъ и сямъ, почти не шевелились, и упавшій блеклый листъ лежалъ неподвижно тамъ, гдѣ случилось ему покрыть землю. Перелетныя птички отложили свою дальнюю прогулку, и по лѣсамъ, въ изгородяхъ щебетали и чиркали на всѣ лады веселые птичьи голоса, а вечеромъ, у взморья, до сихъ поръ дикіе лебеди вели громкую перекличку, хотя около этого времени они давно уже расправляли бѣлыя, широкія крылья и улетали на родимый сѣверъ...

Да, чудная стояла осень, поразительно сходная съ лѣтомъ. „А все-таки вѣдь это обманъ природы, подумалось Цециліи, — лѣто уже окончилось, зима скоро постучится въ дверь... Надо къ зимѣ приготовиться...“

Вотъ уже шестая недѣля пошла съ тѣхъ поръ, какъ она въ Долланъ возвратилась, куда не надѣялась болѣе ступить и ногою. Но врачи настоятельно совѣтовали, если нельзя провести зиму на югѣ, по крайней мѣрѣ, эти свѣтлые, теплые осенніе дни прожить вблизи моря,—въ мѣстѣ, хорошо защищенномъ отъ суровыхъ вѣтровъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, это было рѣшительно необходимо для того, чтобы маленькая Гретхенъ могла оправиться послѣ тяжелой болѣзни. А какое другое мѣсто могло

удовлетворить этимъ требованіямъ лучше тихаго, уютнаго, затѣннаго Доллана? Хотя возвратиться сюда и было для Цециліи нелегкою жертвою, однако, она, не задумываясь, рѣшилась на эту жертву изъ любви къ своему ребенку и къ своему дряхлomu, большому отцу.

Нѣсколько дней спустя послѣ катастрофы на скачкѣ, старикъ спокойно сидѣлъ въ кругу добрыхъ пріятелей, — и тутъ-то вдругъ съ нимъ случился сильный обморокъ. Врачъ положительно отчаявался, чтобы старикъ перенесъ этотъ припадокъ. Тѣмъ не менѣе онъ очнулся и здѣсь-же сталъ просить, почти со слезами просить, чтобы его везли въ Долланъ.

— Ужь вы, пожалуйста, исполните эту просьбу! замѣтилъ врачъ, — да и поторопитесь не мѣшайте... едва-ли онъ успѣетъ прискучить вамъ другими просьбами. Дни его сочтены, и нашъ долгъ сдѣлать ему эти дни какъ можно пріятнѣе, — а здѣсь, въ этой уличной тѣснотѣ и давкѣ, ему душно и невыносимо тяжело...

Съ какою глубокою признательностью старикъ поклонился доброму солнышку, золотившему его родныя поля!.. И благодарность эта вовсе не вылилась у него въ словахъ, нѣтъ!.. Онъ вообще сталъ говорить очень мало; но на спокойномъ, блѣдномъ лицѣ его такъ ясно была написана тихая радость, и когда онъ рядомъ съ Цециліей, объ руку съ Цециліей, медленно бродилъ по залитымъ солнцемъ полямъ и лугамъ, въ глазахъ старика искрилось будто отрадное воспоминаніе, и неизъяснимо сладкая, добрая улыбка показывалась на губахъ... Часто, особенно рано утромъ, выходилъ онъ изъ дому совершенно одинъ, и тогда Цецилія начинала очень сильно беспокоиться. Рѣшилась, наконецъ, просить его, чтобы онъ ее бралъ вмѣстѣ съ собою, говоря, что встать пораньше ей самой пріятнѣе. Но старикъ только потрепалъ ее ласково по щекѣ и замѣтилъ:

— Оставь меня, пожалуйста!.. Ты вѣдь и не знаешь...

Долго раздумывала Цецилія объ этихъ загадочныхъ словахъ, и, наконецъ, поняла ихъ, увидя разъ старика, изъ окошка, въ саду. Долго простоялъ онъ возлѣ старой липы, въ тѣни которой, по преданію, любилъ отдыхать еще Карлъ XII, шведскій король. Старикъ Бославъ угрюмо кивалъ своей бѣлой головой, махалъ рукою, будто прощаясь съ кѣмъ-то на вѣки. Да, онъ

прощался съ друзьями и радостями своей давнымъ-давно улетѣвшей молодости, съ этимъ старымъ, почтеннымъ деревомъ, подъ вѣтвями котораго онъ мечталъ о той, что была для него когда-то такъ дорога... Прощался съ старой скалою, нѣмою свидѣтельницаю горя и вздоховъ, вырывавшихся изъ его молодой, но измученной груди, — прощался съ привольной луговиной, по которой когда-то мчался, какъ угорѣлый, чтобы выиграть руку прелестной Ульрики фон-Далицъ, — прощался съ лѣсомъ, откликавшимся шумнымъ эхомъ на его выстрѣлы. Свою старую пріятельницу винтовку онъ ужъ больше не носилъ на плечъ; простился и съ нею и поставилъ ее спокойно отдыхать въ углу комнаты.

Въ береговую будку тоже пересталъ заглядывать. Когда они разъ какъ-то бродили съ Цециліей по лѣсу и нечаянно вышли на высокое взморье, старикъ почти испугался, но потомъ грустно замоталъ дряхлой, почтенной головой.

— Да, много, много лѣтъ пришлось мнѣ тутъ промаяться! тихо проговорилъ онъ и потомъ рукою махнулъ, точно въ знакъ того, что годы эти навсегда вычеркнуты изъ его памяти.

Можетъ быть, онъ и правъ былъ; ни однимъ словомъ онъ не намекалъ на безконечно долгое время, прожитое имъ въ этой убогой будкѣ. Но не разъ принимался онъ рассказывать о своихъ молодыхъ годахъ и странно было слышать эти диковинные, древніе рассказы, эти происшествія давно умершей старины, про которыя не вѣдала уже ни одна человѣческая память. А старый Бославъ могъ при этомъ добродушно смѣяться, иногда-же крупныя слезы катились по его блѣднымъ, исхудалымъ щекамъ.

И, рассказывая объ этихъ древнихъ происшествіяхъ, старикъ могъ назвать cadaго по имени и прозвищу, зналъ, въ какой день, въ которомъ часу это случилось и какаѣ была погода — солнечная или дождевая. Но о томъ, что было недавно, старикъ ничего не зналъ или перепутывалъ все страннымъ образомъ. Такъ, Цецилію онъ часто называлъ именемъ той, которую любилъ когда-то, — именемъ Ульрики. Особенно жутко и тяжело становилось Цециліи, когда онъ начиналъ говорить о ея мужѣ, объ отцѣ Греткенѣ, какъ о вполнѣ благородномъ человѣкѣ, къ которому онъ чувствовалъ сердечное влеченіе, хотя онъ и про-

былъ здѣсь недолго. Наконецъ-то, разобрала она, что старикъ говоритъ о Готтгольдѣ.

Сначала это наводило на нее невыразимую грусть. Но когда старикъ опять возвращался къ тому-же предмету и приводилъ въ тѣсную связь ея имя съ именемъ любимаго человѣка, — такъ спокойно и увѣренно, какъ будто иначе и быть никогда не могло, — Цецилія точно прислушивалась къ этой отрадной мечтѣ, боясь глаза открыть и одуматься. Но потомъ вдругъ, точно испугавшись этой самой мечты, она вздрагивала и становилась еще пасмурнѣе. Нѣтъ, нѣтъ, этому никогда не бывать, это невозможно!.. Къ чему-же убаюкивать себя тѣмъ, что несбыточно, рисовать такое будущее, на какое не имѣешь никакого права!..

И, заливаясь слезами, она говорила это вслухъ, но болѣе, казалось, самой себѣ, чѣмъ бесѣдовавшему съ нею старику. Такъ было и въ ту минуту, когда онъ опять повелъ рѣчь о Готтгольдѣ: не грѣшно-ли ему, говоритъ, оставлять ее одну такъ долго, когда онъ знаетъ, какъ Цецилія его любитъ и какъ дѣвочка безъ него скучаетъ... Цецилія отозвалась, что ей и думать объ этомъ не слѣдуетъ, что много, много было пережито ею такого, что владеть между нимъ и ею страшную пропасть, и что она отдала-бы за него, капля по каплѣ, всю кровь, если-бы она не принадлежала ея ребенку и дряхлому отцу, но быть его женою—нѣтъ, этому не бывать никогда, никогда!..

Такъ бесѣдовали они въ саду, въ одинъ изъ теплыхъ, привѣтливыхъ октябрьскихъ вечеровъ; пока говорила Цецилія, старикъ задумчиво и серьезно глядѣлъ на ярко зажелтѣвшій востокъ, свѣтившійся сѣвостру пеструю листву совершенно стихшихъ, будто задремавшихъ деревьевъ.

— Да, да, другъ мой! проговорилъ онъ, наконецъ, — ты много, очень много выстрадала; но... прибавилъ онъ, немножко помолчавъ,—все это прошло, давно прошло... а время многое поправить...

Потомъ опять погрузился въ глубокое раздумье о былыхъ дняхъ, сохранившихся только въ его памяти, только для него одного имѣвшихъ глубокой смыслъ. Онъ взглянулъ на заплаканное лицо Цециліи, тихо и ласково погладилъ ее рукою по голсы и потомъ проговорилъ какъ-то торопливо, будто боясь забыть, что шевельнулось теперь въ его старой душѣ.

— Многое, очень многое поправляетъ время, — но не все!.. про-
изнесъ онъ медленно: — нужно, чтобъ прошло, можетъ быть, лѣтъ
шестьдесятъ, семьдесятъ, да и тогда о счастьѣ еще мечтать
нельзя, пока у тебя не хватитъ мужества открыть предъ нимъ
всю душу... Я самъ говорилъ ему это, когда спасъ ему жизнь
во время бури. И изъ этого вышло много хорошаго, очень мно-
го... Съ тѣхъ поръ на сердцѣ у меня стало легче... Но ты, ты
должна передъ нимъ открыться, а не передо мною.. Я старъ,
забываю многое; пожалуй, и это забуду... Ты сама должна ему
сказать...

Когда, на слѣдующій вечеръ, они бродили по той-же аллеѣ и
вечерній отблескъ опять дробился свѣтлыми струйками между
вѣтвей, вдругъ старикъ остановился и спросилъ:

— Ну, что, призналась ты ему?

Тотъ-же вопросъ онъ предлагалъ ей на третій и четвертый
день, и всякій разъ тревожно моталъ бѣлой головою, когда она
отвѣчала съ разгорѣвшимися щеками:

— Нѣтъ, отецъ, еще не призналась!.. И тутъ-же прибавляла
мысленно: — И завтра не признаюсь, когда онъ здѣсь будетъ,
и никогда не признаюсь...

Готтгольдъ вернулся не одинъ. Князь Прора, въ охотничьемъ
замкѣ котораго онъ долженъ былъ опять провести нѣсколько
дней, чтобы набросать эскизы для оружейной и окончить италъ-
янскіе ландшафты для столовой, — непремѣнно хотѣлъ проводить
его обратно въ Прору. Такъ-какъ Готтгольдъ, передъ поѣздкою
въ Италію, хотѣлъ еще проститься съ своими друзьями въ Дол-
ланѣ, то молодой князь настойчиво пожелалъ ѣхать вмѣстѣ съ
нимъ и въ Долланъ.

— Какъ хотите, а мы съ вами сосѣди... сосѣди и со сто-
роны Проры, и по моему охотничьему замку! улыбнулся князь
Цецилии, — и потому я счелъ пріятнымъ долгомъ сдѣлать вамъ
визитъ... давно-бы долженъ былъ объ этомъ вспомнить... Но
сегодня, признаюсь вамъ, меня завелъ сюда еще особенный ин-
тересъ. Нашъ почтенный пріятель еще прежде рассказывалъ мнѣ,
что у васъ въ лѣсу есть древній могильный курганъ, наиболее
замѣчательный на всемъ островѣ. А для оружейной эдакій ланд-
шафтикъ съ курганомъ пригодился-бы какъ нельзя лучш...э

ну-съ... а вотъ этотъ несговорчивый художникъ находить, что долланскій курганъ для этого не годится... Разумѣтся, я, съ своей стороны, ни о какомъ другомъ курганѣ и слышать не хочу... уже потому одному, что Долланъ, какъ и вся эта часть острова, принадлежалъ когда-то князьямъ Прора... прежде чѣмъ сталъ вотчиною вашего рода... то-есть рода Венгофовъ... Ну, конечно, это было очень давно... лѣтъ двѣсти тому назадъ, если мы присчитаемъ и то время, когда здѣсь шведы господами были... Здѣсь даже на взморьѣ стояла крѣпостца князей Прора, сохранившаяся отъ временъ язычества и окруженная землянымъ валомъ, палисадомъ и рвами... объ остаткахъ ея еще упоминается въ старинныхъ хроникахъ... Да, такъ весьма возможно и даже вѣроятно, что въ этихъ курганахъ покоятся кости моихъ предковъ... И такого дорогого историческаго воспоминанія хочеть лишить меня капризь художника!.. Ни за что на свѣтѣ!!.. Сходить туда и назадъ займетъ, какъ я слышалъ, не больше часу... вы-то господинъ художникъ, пожалуйста, не безпокойтесь... съ вами-бы мнѣ, право, не хотѣлось туда идти!.. вашей критикой вы, въ самомъ дѣлѣ, можете только повредить впечатлѣнію...

— Я пойду вмѣстѣ съ вами! отозвался старшій Бославъ;—я часто хаживалъ туда на охоту съ его свѣтлостью, вашимъ пра-дѣдушкою... И уже давно тамъ не былъ... такъ взглянуть еще разъ хотѣлось-бы!..

Князь съ изумленіемъ взглянулъ на дѣда; наслышавшись многого о немъ отъ Готтгольда, молодой князь въ первую-же минуту встрѣтилъ старика съ глубоко почтительнымъ поклономъ. Но странно ужъ ему было слышать, чтобы какой-нибудь живой человекъ могъ ходить на охоту съ Мальте фон-Прора, который жилъ при Фридрихѣ Великомъ и еще передъ началомъ семилѣтней войны былъ посланъ шведскимъ правительствомъ въ Берлинъ съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ...

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ отказаться! сконфузился князь,—я, право, не знаю...

Но старикъ будто совсѣмъ не замѣчалъ вѣжливаго отказа. Онъ уже взялъ свою палку и большими, хотя и слабыми шагами вышелъ изъ сада, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ.

Князь, съ иривѣтливой усмѣшкой, поспѣшилъ за нимъ въ догонку.

— Ваша свѣтлость позвольте намъ, по крайней мѣрѣ, идти сзади? спросилъ Готтгольдъ.

— Я васъ даже попрошу объ этомъ, отозвался князь,—ужь ради этого почтеннаго старика, которому компанія со мною, разумѣется, можетъ прискучить.

Потомъ онъ добавилъ, отведя Готтгольда нѣсколько шаговъ подалѣе:

— Послушайте, у насъ есть часъ времени, постарайтесь имъ воспользоваться... Послѣ того, какъ я видѣлъ эту молодую даму, мнѣ стало ясно все, о чемъ вы, скрытный человекъ, сочли нужнымъ предо мною умолчать. И да приметъ васъ Богъ молчаливой любви подъ свою сладкую защиту!..

Медленно вернулся Готтгольдъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Цецилію.

Она стояла въ томъ-же глубокомъ раздумьи. Выскажется-ли она, по крайней мѣрѣ, сегодня или будетъ молчать, какъ было до сихъ поръ, и не промолвить ему при прощаньи ни одного одобряющаго слова?..

Онъ подошелъ къ ней и взялъ за уныло опущенныя руки.

— Цецилія!

Она медленно подняла темныя рѣсницы и взглянула на него съ выраженіемъ неизъяснимо трогательной мольбы.

— Неужели ты и теперь ничего не скажешь, неужели проводишь меня своимъ ужаснымъ молчаніемъ, Цецилія?! А между тѣмъ теперь надо говорить. Такъ позволь же мнѣ все высказать вмѣсто тебя. Ты говорила мнѣ какъ-то, что могла-бы открыться только передъ женщиной, но она и безъ того пойметъ тебя, все отгадаетъ... Неужели любовь менѣе проницательна, чѣмъ участіе доброй подруги?.. Я этого не знаю, но думаю, что могу читать въ твоемъ сердцѣ. Такъ выслушай-же теперь всю правду, Цецилія. Ты любишь меня, но боишься открыто сознаться въ своемъ чувствѣ, даже одна мысль быть моею женою приводитъ тебя въ ужасъ, какъ какое-то тяжкое преступленіе... противъ кого или чего, Цецилія?.. Грустно сказать это, но... ты гордость свою боишься уязвить... Да, да, Цецилія, ты не меня боишься, а самой себя... Ты знаешь, также хорошо, какъ и то, что вонъ тамъ солнышко спускается за лѣсъ, чтобы завтра опять вынырнуть на небѣ... ты знаешь, что никогда, ни въ какую минуту

жизни, я не-сдѣлаю тебѣ ни словомъ, ни взглядомъ упрека въ томъ, что ты была такъ несчастна, такъ безгранично несчастна. Ты знаешь, что мнѣ... не въ чемъ прощать тебя. Но ты думаешь, Цецилія, что сама никогда не простишь себѣ такого шага... думаешь, что если могла ошибиться такъ ужасно, когда была неопытной шестнадцатилѣтнею дѣвочкой, то стыдъ и раскаянье должны преслѣдовать тебя вѣчно, что стыдъ и раскаянье не дадутъ успокоиться тебѣ и у моего сердца, если-бы ты, слѣдуя внушенію своего честнаго чувства, рѣшилась укрыться въ моихъ всегда добрыхъ для тебя объятіяхъ... вотъ-что ты думаешь, Цецилія!

— И развѣ я не вправѣ была-бы такъ думать, такъ чувствовать?! горячо отозвалась Цецилія, тогда какъ слезы сбѣгали по ея разгорѣвшимся щекамъ, — могу-ли я простить себѣ, что захотѣла быть женою этого человѣка?.. Неопытная, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, говоришь ты?.. Нѣтъ, я не была такъ неопытна. Я была достаточно практична для того, чтобы понимать, что жизнь въ прекрасномъ далицскомъ замкѣ, съ его роскошнымъ паркомъ, гораздо завиднѣе, чѣмъ скромное существованіе въ какомъ-нибудь заброшенномъ пасторскомъ домикѣ. И вотъ я растоптала, безжалостно растоптала ногами сердце бѣднаго юноши-студента, хотя уже тогда внутренній голосъ, котораго я ничѣмъ не могла заглушить въ себѣ, безпрестанно нашептывалъ мнѣ: онъ — лучший, болѣе достойный между ними... И простить себѣ это? Простить себѣ ту бездушную холодность, съ какою я выпроводила изъ дому этого несчастнаго юношу, пустившагося, съ разбитымъ сердцемъ, куда глаза глядятъ по бѣлу свѣту... И не нашлось у меня для него ни одного добраго слова состраданія или утѣшенія... напротивъ, я радовалась, что его добрые честные глаза не будутъ останавливаться на мнѣ, не будутъ читать въ моей мелкой и себялюбивой душонкѣ... Когда-же вся моя гордая мечта разсыпалась гадкимъ, позорнымъ прахомъ, какъ и слѣдовало ожидать, — когда я стала такъ безгранично несчастна и жалка, какъ сама вполнѣ заслужила, вотъ онъ опять является передо мною — чистымъ, честнымъ человѣкомъ, оставившимъ позади себя только свѣтлое, богатое трудомъ прошлое, общающееся еще болѣе блестящую, плодотворную будущность... И онъ долженъ остановить свой свѣтлый, орлиный полетъ, подобрать

на своемъ пути какую-то жалкую, такъ низко павшую... не только поднять, но навѣки приковать себя къ ней, завязавъ себя сильныя, рабочія руки, измелчать умомъ и душою въ этомъ безпрестанномъ укаживаньи за тѣмъ, кто самъ кругомъ виноватъ въ своей глупой, хронически плаксивой судьбѣ... нѣтъ, нѣтъ... Ты говоришь, гордость мѣшаетъ мнѣ это сдѣлать... Пусть будетъ такъ, — но это гордость тобою, гордость, лелѣвшая тебя-же, одного тебя... Ахъ, Готтгольдъ, не сегодня только я чувствую эту гордость!.. Я гордилась тобою уже въ то время, когда ты съ такимъ огнемъ въ глазахъ могъ говорить о богахъ и герояхъ, о томъ, что для смѣлаго, энергическаго человѣка нѣтъ ничего невозможнаго. Прошли многіе годы тяжкаго горя. Я слышала, что ты за это время поборолъ непреодолимыя препятствія, — такія препятствія, передъ которыми робко отступаютъ тысячи другихъ людей; — слышала, что ты завоевалъ себя въ искусствѣ блестящее имя, поставленное на ряду съ первыми художниками, и все это такъ скоро, что другіе, мало знакомые съ твоей нравственной силой, съ твоей энергіей, почти вѣрить этому не хотѣли... О, тогда-то, Готтгольдъ, я была горда... такъ горда и благодарна самой себѣ!.. Я думала, что легче снесу свое жизненное бремя, потому что преступленіе мое обрушилось не на тебя, и я сама должна была расплачиваться за то, что такъ глупо пошутила съ жизнью.

Красноватый отблескъ заходящаго солнца выглянулъ на стихшія, стемнѣвшія поля. Готтгольдъ и Цецилія вошли въ лѣсъ. Кругомъ — темнота и беззвучіе; только блеклыя листья шуршали подъ ихъ ногами. Но когда Цецилія умолкла, гдѣ-то одинокая птичка откликнулась унылымъ щебетаньемъ.

Готтгольдъ не слышалъ этого перерыва. Ему казалось, точно бы жалобное щебетаніе продолжало грустную мелодію милаго голоса.

— И ты думаешь одиноко пройти своимъ путемъ, залечить старое горе! проговорилъ онъ; — бѣдная ты, бѣдная!.. Да развѣ можетъ человѣкъ жить одиноко?.. И ты будто одна на свѣтѣ?.. Положимъ, ужъ я, какъ ты говоришь, сильный герой, одиноко, упорнымъ трудомъ пробивающій себя дорогу къ золотому столу фортуны, хотя на героя я весьма мало похожъ... Но вѣдь у тебя ребенокъ есть, и ты должна показать, открыть ему пре-

красный, свѣтлый божій міръ... Ты-же что дѣлаешь, — никнешь головою и въ трусливомъ отчаяннѣ отворачиваешься отъ жизни!.. Какому-же добру научишь ты свое дитя, когда въ тебѣ самой нѣтъ ничего свѣтлаго и радостнаго?.. Тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта, нѣтъ и добра. И ты даже не вѣришь въ лучшую и высшую изъ всѣхъ нашихъ добродѣтелей, — въ ту, что дѣлаетъ насъ людьми, — не вѣришь въ любовь... Кто пожалѣетъ о той птичкѣ, что оставлена вонъ тамъ, въ унылой осенней зелени, пропадать и изнывать одиноко?.. Можетъ быть, она ранена, изувѣчена но... кто поплачетъ вмѣстѣ съ нею?.. Нѣтъ возлѣ нея ни братьевъ или сестеръ, ни друга, ни дѣтей, — всѣ безопасно улетѣли прочь и оставили ее страдать одиноко, совершенно одиноко!.. Да, но они слѣдуютъ неумолимому закону своей природы, — тому закону, что осуждаетъ ихъ на такую жизнь и смерть, побуждаетъ прилетать и улетать... Поэтому они не виноваты, не могутъ быть виноваты въ такомъ существованіи. Но мы, холодно махнувъ рукою на любовь, нарушаемъ святой нравственный законъ, управляющій нами. Это — самая прочная связь, которая споконъ вѣковъ дѣлала и до конца свѣта будетъ дѣлать всѣ человѣческіе роды и поколѣнія однимъ великимъ братствомъ!.. Это — свѣтлое солнце, разливающее весну и благодать въ самомъ замученномъ и разбитомъ сердцѣ. Нѣтъ, нѣтъ, милая, добрая моя, я удержу тебя со мною своею любовью, отогрѣю твое бѣдное сердце, — отогрѣю насильно, потому что я сильнѣе тебя и могу дать тебѣ часть своей силы, — хватить ея для всѣхъ насъ, — и для тебя, и для меня, и для твоего... для нашего ребенка, Цецилія!!.

Она остановилась, дрожа всѣмъ тѣломъ. Лицо ея было страшно блѣдно, въ темныхъ глазахъ нависли слезы. Она протанула къ нему сложенные руки:

— О, пощади, пощади, Готтгольдъ!.. Больше я ничего не скажу... силъ нѣтъ!..

По узкой тропинкѣ, проходившей къ могильному кургану, слышались торопливые шаги.

— Ахъ, вы здѣсь... а я вездѣ васъ ишу... Вы, я полагаю, женщина сильная... не похожа на другихъ дамъ, и потому...

— Онъ умеръ!! воскликнула Цецилія.

— Да, едва-ли мы застанемъ его въ живыхъ... хотя онъ имѣлъ еще достаточно силы, чтобы послать меня за вами... Минѣ

не хотѣлось уходить, но онъ такъ желалъ, такъ неотступно требовалъ видѣть васъ... васъ обоихъ!..

Они поспѣшили тропинкою, вверхъ по лѣсистой отлогости, къ массивнымъ каменнымъ глыбамъ кургана, темнымъ бугромъ обозначававшимся на вечернемъ небѣ.

Старикъ сидѣлъ у мшистаго камня, спиною къ большому обломку, сложивъ на груди руки. Вся фигура его дышала какимъ-то страннымъ, глубокимъ спокойствіемъ, блѣдное, почтенное лицо тихо и безмятежно глядѣло на вечеръ, медленно потухавшій на поляхъ, надъ лѣсами, курганомъ и моремъ.

Цецилія бросилась къ его ногамъ, въ блеклую траву, припавъ губами къ его охолодѣвшей рукѣ.

При этомъ прикосновеніи дрожь пробѣжала по всему тѣлу умирающаго. Взглядъ его медленно повернулся отъ вечерней дали къ ближнимъ предметамъ и тихо остановился на прекрасномъ, блѣдномъ, смоченномъ горячими слезами лицѣ. Старикъ вдругъ весь озарился улыбкой неизъяснимой отрады и счастья.

„Улырка!“ прошептала онъ. Но слово это уже чуть слышно сошло съ помертвѣвшихъ губъ и въ слѣдующее мгновеніе эти губы и глаза сомкнулись навѣки.

Цецилія поникла головою къ груди Готтгольда. Впродолженіи этой сцены князь стоялъ поодаль и пасмурными глазами глядѣлъ въ раззолоченную вечернюю даль...

И опять вечерній блескъ догоралъ надъ полями и лѣсами, и надъ рамминскимъ кладбищемъ, на которомъ сегодня похоронили стараго Бослава. Предка положили рядомъ съ давно отжившими потомками. Немногіе собрались у могилы, когда въ нее спускали гробъ; звать пастора, чтобы освятить мѣсто, также не сочли нужнымъ—земля эта и безъ того была полна для нихъ святыхъ воспоминаній. Потомъ госпожа Волльновъ обняла Цецилію и шепнула ей на ухо:

— Смотри, чтобъ этотъ святоша и фарисей не надѣлалъ тебѣ непріятностей...

— Не безпокойся, пожалуйста, отвѣчала Цецилія, — я знаю, что дѣлаю...

Потомъ Оттилія поцѣловала маленькую Гретхенъ; князь и Вольновъ сказали Цециліи на прощаньи два три добрыхъ, теплыхъ слова; наконецъ, легкая колясочка князя покатила къ охотничьему замку, а тяжелый экипажъ Вольнова заковывалъ по дорогѣ въ Прору.

А на другомъ концѣ деревни, гдѣ пролегалъ путь въ Нейенфѣръ и далѣе въ Зундинъ, стояла дорожная карета. Тихо прошли они по деревнѣ, рука объ руку, — дѣвочка безопасно бѣжала передъ ними, гоняясь за ласточками, когда онѣ собирались слишкомъ густо, пролетая мимо.

Только эта помѣха и была ласточкамъ. Свободно, рѣзвыми стрѣлками порхали онѣ внизъ и вверхъ, то цѣпляясь за землю, то описывая красивые круги или рѣзваясь безконечными зигзагами. И то и дѣло заливаются своимъ звонкимъ щебетаньемъ, да встряхиваютъ длинными крылышками...

Онѣ тоже праздновали здѣсь свой послѣдній вечеръ, а утромъ на слѣдующій день, улетѣли на теплый югъ, чтобъ вернуться уже съ весною.

Готтгольду невольно какъ-то подумалось объ этомъ; вспомнилъ онъ и о томъ вечерѣ, когда шелъ опустѣвшею улицею деревни и чуть не плакалъ отъ безвыходной тоски, прислушиваясь къ назойливому щебетанью ласточекъ. Не только родина, но весь свѣтлый божій міръ казался ему тогда страшною пустыней, а теперь... теперь весь далекій, просторный міръ представлялся ему доброй родиной. Легко и свѣтло глядѣлъ онъ въ темные глаза своей милой, хорошей Цециліи, радостно пожималъ теплую, крошечную ручку ребенка, своего ребенка, — онъ зналъ теперь, о чемъ пѣла ласточка...

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЯЗЫКЪ ЧУВСТВЪ И МИМИКА ЛИЦА ПО ДАРВИНУ.

(The expression of the emotions in Man and Animals. By Charles Darwin. London, 1872.—Чарльзъ Дарвинъ. О выраженіи ошущеній у челоѣка и животныхъ. Перев. подъ редакціей проф. А. Ковалевскаго. Спб. 1872.)

I.

Новая книга Дарвина есть дальнѣйшее развитіе высказанныхъ имъ взглядовъ на организацію челоѣка. Подобно предшествовавшимъ сочиненіямъ, она также богата оригинальными идеями и поражаетъ изумительнымъ запасомъ фактовъ, собранныхъ съ обширнаго поля наблюденій.

Характеръ новой книги Дарвина преимущественно психологическій, какъ показываетъ ея заглавіе, но тѣмъ не менѣе результаты содержащихся въ ней изслѣдованій приложимы не только къ психологіи, для которой они имѣютъ значеніе радикальной реформы, но и къ общей наукѣ о челоѣкѣ. Выраженіе челоѣческаго лица или отраженіе на немъ ошущеній и страстей — предметъ чрезвычайно запутанный и до сихъ поръ почти нетронутый, сколько ни писали о немъ въ преежнее время разные анатомы и естествоиспытатели, изъ которыхъ нѣкоторые только еще болѣе затемнили его. Ни пресловутый Лафатеръ, ни Моро, ни живописецъ Лебрентъ, ни даже такой гениальный челоѣкъ, какъ англійскій анатомъ Чарльзъ Белль, не въ состояніи были при всѣхъ своихъ усиліяхъ составить себѣ болѣе или менѣе правдо-

подобный взглядъ на человѣческую фізіономію и объяснить сколько-нибудь разумными причинами ту безконечно-разнообразную игру ея, которую мы называемъ выраженіемъ. Но несмотря, однако, на трудность и новизну вопросовъ, изслѣдуемыхъ теперь Дарвиномъ, читатель, знакомый съ прежними его сочиненіями, легко уяснить себѣ сущность дѣла, особенно благодаря необыкновенному искусству его группировать факты и доказательства, — искусству, которому Дарвинъ въ значительной степени обязанъ своей популярностью.

Если читатель, отложивъ въ сторону общіе принципы ученія Дарвина, остановитъ свою мысль на человѣческой фізіономіи и пожелаетъ уяснить себѣ смыслъ и причину измѣненій ея подъ вліяніемъ различныхъ ощущеній, онъ скоро выбьется изъ силъ и признаетъ, что его попытки совершенно напрасны. Какъ понятенъ для него языкъ радости — улыбка, такъ темно для него происхожденіе этого языка. Онъ ничего здѣсь не пойметъ и запутается въ безконечномъ лабиринтѣ загадокъ. Являются вопросы за вопросами, къ рѣшенію которыхъ нельзя даже подойти. Прежде всего вы спросите себя, съ какой стати внутреннія ощущенія должны выражаться во-внѣ непременно въ той, а не въ другой формѣ, почему мы краснѣемъ отъ стыда и нахмуриваемъ брови въ гнѣвѣ, почему мы не стонемъ отъ радости и не смѣемся отъ унынія? Въ силу какой привилегіи лицо преимущественно выражаетъ своими чертами ощущенія и страсти? Почему для этой цѣли не могли-бы служить руки или ноги или шея? Отъ органа сознанія нервы расходятся по всѣмъ частямъ тѣла, слѣдовательно если какое-нибудь ощущеніе толкнетъ, задѣнетъ, раздражитъ нервы, то почему онъ передаетъ это раздраженіе непременно мышцамъ лица и заставляетъ только ихъ сокращаться? Наконецъ, какой-же смыслъ въ самомъ сокращеніи личныхъ мышцъ, какую пользу приносятъ человѣку способность выражать свои ощущенія, если для сообщенія съ другими существами у него есть членораздѣльная рѣчь? Мы знаемъ, что мышцы ноги намъ нужны для ходьбы, мышцы руки для схватыванья какихъ-нибудь предметовъ, но что-же дѣлаютъ мышцы лица, какая ихъ функція, какую пользу приносятъ человѣку способность выражать свои ощущенія, если для сообщенія съ другими существами у него есть членораздѣльная рѣчь?.. Вы-

ражать ощущенія?—но это все равно, что сказать, какъ замѣчаетъ Дарвинъ, что обезьянѣ даны личныя мышцы для того, чтобы корчить свои гнусныя гримасы. Такими нелѣпыми выводами обильны сочиненія прежнихъ авторовъ, писавшихъ задолго до Дарвина о выраженіи человѣческаго лица и *физиономикъ*, т. е. искусствѣ опредѣлять характеръ и нравственныя свойства человѣка по внѣшнимъ чертамъ его физиономіи. Всѣ эти авторы, не подозрѣвая возможности существованія фактовъ, извѣстныхъ въ наше время, благодаря Дарвину, принуждены были считать выраженіе инстинктивнымъ проявленіемъ души и полагали, что оно служитъ само себѣ цѣлью. Плачь, думали они, существуетъ для плача, какъ искусство для искусства, смѣхъ для смѣха, гримаса для гримасы. Личныя мышцы созданы, по ихъ мнѣнію, исключительно для выраженія и, слѣдовательно, дѣятельность ихъ безцѣльна, онѣ—орудіе какого-то глупаго дѣла и не производятъ своимъ сокращеніемъ никакого эффекта на организмъ. Чарльзъ Белль, напр., думалъ, что способность выражать ощущенія мимикой лица свойственна, главнымъ образомъ, человѣку и отличается его отъ остальныхъ животныхъ, которымъ онъ, при всей своей наблюдательности, рѣшался приписывать только выраженія ярости и страха, а все остальное, по его мнѣнію, есть высшій даръ человѣка, царя вселенной. Всякій изъ насъ, конечно, знаетъ, что животнымъ свойственно выражать, кромѣ страха и ярости, весьма разнообразныя и многочисленныя ощущенія. Извѣстно, что собаки выражаютъ очень характерно отвращеніе, напр., при видѣ скачущей лягушки, обезьяны краснѣютъ отъ гнѣва и плачутъ въ печальномъ настроеніи духа. Извѣстно также, что индѣйскій слонъ плачетъ. Одинъ путешественникъ, описывая пойманныхъ и связанныхъ слоновъ, говоритъ: „Нѣкоторые лежали безъ движенія на землѣ, не подавая никакого другого признака страданія, кромѣ слезъ, которыя наполняли ихъ глаза и непрерывно лились по щекамъ“. О другомъ слонѣ тотъ-же путешественникъ говоритъ: „когда его, наконецъ, одолѣли и связали совсѣмъ крѣпко, горестъ его не знала границъ; за безумными усиліями наступилъ полный упадокъ энергіи: онъ лежалъ и, задыхаясь издавалъ крики, а слезы каплями скатывались у него по щекамъ“. Сторожъ, присматри-

вавшій за индѣйскими слонами въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, часто замѣчалъ слезы на лицѣ старой самки, когда она была сильно огорчена тѣмъ, что у нея увели слоненка. „Даже человѣкъ, говоритъ Дарвинъ, не можетъ выразить внѣшними знаками *привязанность* и *покорность* такъ ясно, какъ это дѣлаетъ собака, когда, опустивъ уши, свѣсивъ губы, вертя всѣмъ тѣломъ и махая хвостомъ, она встрѣчаетъ любимаго хозяина“. Одинъ этотъ фактъ, что собака выражаетъ описаннымъ образомъ свою привязанность къ человѣку, можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе способности выражать внѣшнимъ образомъ ощущенія. Въ самомъ дѣлѣ, собака приучалась къ обществу человѣка постепенно, слѣдовательно, виѣсть съ чувствомъ ея привязанности къ хозяину и способъ выраженія этого чувства явился не сразу у собаки, но выработывался мало-помалу, подъ вліяніемъ приобретаемыхъ ощущеній. Кромѣ того, множество ощущеній у человѣка выражается совершенно также, какъ у животныхъ. Такъ, подъ вліяніемъ сильнаго страха, у человѣка волосы встаютъ дыбомъ, а въ припадкахъ сильнаго гнѣва онъ оскаливаетъ зубы. Такіе факты, если-бъ они и были замѣчены, напр., Чарльзомъ Беллемъ, не могли-бы быть объяснены имъ и вообще противниками дарвиновской теоріи, въ силу которой человѣкъ находился когда-то въ состояніи весьма близкомъ къ животному.

Способность выражать ощущенія выработывалась у человѣка также постепенно; если онъ долженъ былъ учиться ей подъ вліяніемъ практической необходимости, также, какъ канатный плясунъ учится своему искусству подъ давленіемъ нужды и заботы о матеріальномъ обеспеченіи, то мимика лица получаетъ извѣстное назначеніе, хотя-бы въ настоящее время она утратила его; она существуетъ или существовала не сама для себя, не *an sich* и *für sich*, но для какихъ-то вполне опредѣленныхъ цѣлей. Итакъ, спрашивается, какъ и ради чего учились мы этому *искусству*, древнѣе котораго, очевидно, ничего не отыщется въ человѣческомъ родѣ? Почему оно приняло такое, а не иное направленіе, вылилось въ ту, а не въ иную форму?

Первыми учителями человѣка въ дѣлѣ обученія способности выражать свои ощущенія были внѣшняя среда, сила привычекъ и наслѣдственность. Положимъ, что внѣшняя среда заставляетъ насъ произвести какое-нибудь мышечное движеніе, чтобы мы могли

поставить себя въ дѣлесообразное въ ней отношеніе, напр., чтобы отскочить отъ опасности. Мы совершаемъ это движеніе по инстинкту, чтобы устранивъ свой организмъ отъ вредныхъ вліяній. Повторяя такого рода движенія, мы въ послѣдствіи путемъ привычки развиваемъ въ себѣ способность сокращать однѣ и тѣ-же мышцы отъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ. Какъ только явится въ насъ умѣ данное ощущеніе, сознаніе испытанной опасности, то за нимъ послѣдуютъ и соотвѣтствующія сокращенія мышцъ, усвоенныя нами привычкой и уже оказавшія намъ свою пользу. Это такъ называемое *начало полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ*. Всякій знаетъ, конечно, силу привычки, хотя не всякій знаетъ ея педагогическое вліяніе на психическую природу человѣка и въ особенности на манеру его выражать свои ощущенія. Такъ, напр., если человѣкъ падаетъ на землю, то онъ какъ-бы по инстинкту вытягиваетъ для защиты руки впередъ, и эта привычка такъ укоренилась въ насъ, что уже теперь всегда почти ощущеніе отъ опасности паденія, даже мнимое или искусственное, соединяется съ вытягиваніемъ рукъ. Мы не можемъ отъ этого удержаться, если, напр., намѣренно бросимся на мягкую постель. Часто можно замѣтить, что человѣкъ, отвергая рѣшительно какое-нибудь предложеніе, закрываетъ при этомъ глаза, или отворачиваетъ въ сторону лицо, какъ-будто онъ не желаетъ видѣть какую-нибудь непріятную вещь. Такое-же движеніе совершаютъ люди, когда они описываютъ какое-нибудь ужасное происшествіе или зрѣлище, стараясь, повидимому, отогнать отъ себя что-то непріятное. Движенія эти, очевидно, пріобрѣтались привычкой и производятся теперь всякій разъ, хотя-бы они были и бесполезны, какъ только человѣкъ испытаетъ то-же ощущеніе, которое вызвало ихъ въ первый разъ при участіи воли. Дарвинъ замѣчаетъ, что собаки, располагаясь спать на коврѣ или вообще на какой-нибудь твердой поверхности, начинаютъ предварительно кружиться, потомъ бессмысленно скребутъ передними лапами, точно онѣ желаютъ умять траву и выкопать себѣ углубленіе, „какъ, вѣроятно, дѣлали ихъ дикіе прародители, живя въ открытыхъ травянистыхъ равнинахъ или въ лѣсахъ“. Точно такъ поступаютъ въ звѣринцѣ и шакалы съ соломой. Всѣ кошки боятся замочить свои лапы, что объясняется, по мнѣнію Дарвина, тѣмъ, что

ихъ первоначальною родиною были сухія равнины Египта; вслѣдствіе этого кошка, случайно замочивши свои лапы, сильно встряхиваетъ ихъ. Но чрезвычайно поразительно проявленіе привычныхъ движеній у кошекъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, когда онѣ ложатся на что-нибудь мягкое, напр., на теплую шаль; онѣ потихоньку и попеременно нажимаютъ шаль передними лапами, расширяютъ пальцы и слегка выпускаютъ когти, какъ дѣлаютъ котята, когда они сосутъ. Движеніе это, очевидно, связано съ сосаніемъ, потому что иногда кошки берутъ въ ротъ кусокъ шали и сосутъ его, причежь закрываютъ глаза и мурлыкаютъ отъ удовольствія. Такимъ образомъ, кошекъ достаточно въ этомъ случаѣ ощутить мягкую теплую поверхность, чтобы повторить движенія, которыя она совершала прежде отъ того-же ощущенія при сосаніи. Но иногда кошки производятъ почти тѣ-же движенія, сжимая и распуская по воздуху когти, когда ихъ гладятъ или чешутъ имъ спину—примѣръ, что это движеніе, вызванное въ первый разъ сосаніемъ, какъ частнымъ случаемъ пріятнаго ощущенія, впоследствии стало повторяться для выраженія удовольствія вообще. Всѣ эти случаи привычныхъ движеній, за исключеніемъ послѣдняго, вѣроятно, были вызваны въ первый разъ волей, а потомъ отъ привычки обратились въ произвольныя, бессознательныя, автоматическія. Но послѣдній случай относится къ ряду рефлекторныхъ движеній, которыя зависятъ отъ раздраженія конца чувствующаго нерва, передающаго это раздраженіе нервной клѣткѣ, откуда раздраженіе переходитъ на двигательный нервъ, связанный съ этой клѣткой, а этотъ нервъ, въ концѣ концовъ, заставляетъ сокращаться мышцу, въ которой онъ оканчивается, или дѣйствовать известную железу. Обыкновенно, сознаніе неучаствуетъ, когда совершаются рефлекторныя движенія, но очень часто оно сопровождаетъ ихъ. Такъ, напр., можно думать, что въ актахъ чиханія или кашля участвовала первоначально и воля. Мы чихаемъ или кашлемъ тогда, когда въ горло или въ носъ попадутъ какія-нибудь раздражающія частицы, но мы можемъ произвольно удалить эти частицы, съ силою вдывая воздухъ сквозь носовую или горловую проходъ. Очень можетъ быть, что въ самый ранній періодъ своего существованія, человѣкъ пріобрѣлъ способность кашлять и чихать вслѣдствіе привычки удалять сильнымъ вдыханіемъ

воздуха какія-нибудь раздражающія частицы изъ воздушныхъ проходовъ; въ послѣдствіи движенія эти отъ привычки стали врожденными и обратились въ рефлекторныя, совершаясь уже безъ всякаго сознанія всякій разъ, когда мы ощущаемъ въ носу и горлѣ присутствіе раздражающихъ частицъ. Сознаніе даже окажется теперь бесполезнымъ или-же можетъ мѣшать свободѣ движеній, такъ что если-бы мы пожелали въ настоящій моментъ чихнуть или кашлянуть по собственной волѣ, побуждаемые сознаніемъ, то этотъ актъ совершится далеко не съ такою силой, быстротою и правильностью, какъ если-бы мы произвели его безсознательно. Мы похожи въ этомъ случаѣ на школьника, который, выучивъ наизусть заданный ему урокъ, произносить его быстро безъ всякой запинки, но тотчасъ спутывается какъ только его переберють. Онъ начинаетъ вспоминать, на чемъ онъ остановился, и вводитъ, такимъ образомъ, въ безсознательную работу мозга сознаніе, которое и портитъ все дѣло, такъ что ему приходится возвратиться снова къ началу, съ тѣмъ именно, чтобы опять заставить дѣйствовать свой мозгъ механически, чтобы встать, такъ сказать, на рельсы, съ которыхъ онъ сошелъ, когда впуталось въ дѣло сознаніе. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рассказываетъ Дарвинъ, я предложилъ пари дюжинѣ молодыхъ людей, что они не станутъ чихать, понюхавши табакъ, хотя всѣ и объявили мнѣ, что постоянно чихаютъ, если имъ попадетъ табакъ въ постъ; въ силу заклада каждый взялъ щепотку, но отъ сильнаго желанія чихнуть ни одинъ не чихнулъ, хотя глаза ихъ и слезились; всѣ безъ исключенія принуждены были заплатить мнѣ пари“. Актъ глотанія также затрудняется, если мы будемъ обращать на него вниманіе; быть можетъ, поэтому именно многимъ трудно бываетъ проглотить пилюлю. Есть рефлекторныя движенія, которымъ человѣкъ положительно долженъ былъ учиться, напр., миганію, которое теперь безсознательно совершается всякій разъ, когда мы вздрагиваемъ отъ внезапнаго шума. Дарвинъ производилъ наблюденія надъ своими малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ одному было двѣ недѣли отъ роду и который могъ вздрагивать отъ шума, но не мигалъ. Когда онъ пробовалъ трясти картонную коробку предъ глазами другого своего ребенка, которому было 114 дней отъ роду, то и этотъ не мигалъ. Очевидно, что нуженъ

нѣкоторый опытъ, чтобы знать, во-первыхъ, что шумъ или трескъ передъ глазами можетъ угрожать имъ какою-нибудь опасностью, а во-вторыхъ, чтобы сомкнуть вслѣдствіе этого сознанія глаза и открыть ихъ снова, для удостовѣренія, есть-ли на самомъ дѣлѣ эта опасность. Такого рода опытъ приобрѣтеть былъ нашими предками и переданъ намъ путемъ наслѣдственности. Другое выразительное движеніе, сопровождающее миганіе вѣкъ — вздрагиванье, приобрѣтено вслѣдствіе весьма ранней привычки отскакивать какъ можно скорѣе отъ опасности, какъ только насъ предупредятъ о ней вѣшнія чувства.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ дѣло шло, какъ замѣтилъ, вѣроятно, читатель, о такихъ движеніяхъ, которыя въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ мимики лица; они служатъ вѣшнымъ проявленіемъ внутреннихъ ощущеній и также *выразительны*, какъ улыбка, плачь, стопъ, какъ злобное нахмуриванье бровей, сжиманіе вѣкъ во время плача или оттягиваніе губы и открываніе рта при смѣхѣ. Вышеупомянутыя движенія приобрѣтены, вѣроятно, въ самую отдаленную эпоху органической жизни, но приобрѣтены не даромъ, а путемъ труда, постепенныхъ уиращеній, которыя прежде могли служить для какой-нибудь цѣли, но въ настоящее время иногда бесполезны, какъ, напр., движенія кошекъ, когда онѣ встряхиваютъ ноги, замочивъ ихъ водой, или вздрагиванье челоуѣка отъ внезапнаго шума. Но нѣкоторыя движенія до послѣдней минуты сохранили свое полезное значеніе, напр., кашель и чиханіе, и производятся вполне механически, безсознательно. Во всякомъ случаѣ ясно, что начало безсознательности восторжествовало надъ разумомъ и сознаніемъ, ибо мы совершаемъ свои движенія, не разбирая ихъ смысла, и не обращая вниманія, полезны-ли они или нѣтъ. Это вполне согласно съ общимъ характеромъ психическихъ явленій у челоуѣка, какъ мы имѣли уже случай нѣсколько разъ упоминать объ этомъ, касаясь нѣкоторыхъ психологическихъ вопросовъ.

III.

Входя въ анализъ дальнѣйшихъ способовъ выраженія ощущеній и специальныхъ чертъ челоуѣческаго лица, мы увидимъ, что ихъ происхожденіе объясняется, главнымъ образомъ, извѣстными уже читателю *началомъ полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ*, хотя для объясненія этихъ сложныхъ феноменовъ есть и другія причины. Мы выберемъ прежде всего челоуѣческой плачь, какъ выраженіе грустнаго настроенія духа, печали, а иногда боли и болѣзненныхъ ощущеній. Плачь, какъ извѣстно, состоитъ изъ нѣсколькихъ выразительныхъ движеній, которыя удобно можно раздѣлить на три категоріи: звукъ (рыданіе, всхлипыванье), отдѣленіе слезъ и форму лица. Каждое изъ этихъ движеній мы рассмотримъ отдѣльно съ нѣкоторыми подробностями, такъ какъ вообще плачь можетъ служить самымъ блестящимъ подтвержденіемъ воззрѣній Дарвина на мимику лица и дать ключъ къ пониманію большей части остальныхъ выраженій.

Но уже съ перваго раза мы встрѣчаемся съ препятствіями, для устраненія которыхъ, вѣроятно, придется еще долго работать будущимъ изслѣдователямъ, прежде чѣмъ они уяснятъ происхожденіе *звука* при различныхъ ощущеніяхъ. Звукъ, какъ извѣстно, играетъ чрезвычайно обширную роль въ психическомъ обиходѣ животныхъ и челоуѣка. Онъ выражаетъ собою ощущенія боли и страданія въ видѣ стона, а также ощущеніе ярости въ видѣ дикаго рева животныхъ и иногда челоуѣка. Печаль, смѣхъ, удивленіе (о), усталость (ухъ!) презрѣніе (нѣчто въ родѣ нѣмецкаго пфуй или институтскаго фи!), всѣ эти ощущенія нашли своего представителя въ звукѣ. Музыкальные-же звуки выражаютъ столько различныхъ оттѣнковъ, что едва-ли можно перечислить всѣ выражаемыя ими душевныя состоянія. Почему звукъ мѣняется въ своемъ характерѣ, т. е. въ высотѣ и даже тѣмбрѣ соотвѣтственно различнымъ ощущеніямъ—это трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно объяснить. Иногда почти одинъ и тотъ-же звукъ выражаетъ различныя ощущенія. Такъ, собачій лай почти одинаковъ въ ра-

достномъ и злобною состояніяхъ, хотя при большомъ навыкѣ можно, кажется, замѣтить нѣкоторую разницу въ звукѣ въ томъ и въ другомъ состояніи. При всей, однако, запутанности той роли, которую играетъ звукъ въ выраженіи ощущеній, иногда можно до нѣкоторой степени объяснить его происхожденіе. Такъ общественныя животныя въ періодѣ размноженія перекликаются между собой, и часто самецъ своимъ крикомъ старается очаровать самку или возбудить въ ней половое влеченіе. Это обстоятельство послужило, между прочимъ, толчкомъ къ развитію голоса, какъ доказалъ Дарвинъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „О происхожденіи человѣка“. Такимъ образомъ, звукъ могъ вступить въ ассоціацію съ ожиданіемъ сильныхъ удовольствій вообще, и когда впослѣдствіи является ощущеніе отъ этого ожиданія, то по привычкѣ, вслѣдъ за нимъ является и звукъ. Поэтому-то животныя общественныя встрѣчаютъ другъ друга послѣ короткой разлуки криками, какъ это мы видимъ на лошади, когда она ржетъ при возвращеніи своего отсутствующаго товарища. Но иногда животныя въ злости стараются напустить страхъ на своихъ враговъ ревомъ, какъ, напр., левъ или собака ворчаніемъ. Впрочемъ, это только догадка, основанная на томъ, что у льва, напр., въ это же время поднимается шерсть гривы, а у собаки шерсть вдоль спины, какъ будто для того, чтобы казаться врагу страшнѣе и больше. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ звукъ могъ вступить въ ассоціацію съ чувствомъ злобы или гнѣва.

Но всѣ эти замѣчанія ничуть не объясняютъ перваго, существеннаго момента въ происхожденіи звука, какъ выразителя внутреннихъ ощущеній и особенно плача. Во многихъ случаяхъ можно допустить, что звукъ первоначально былъ произведенъ съ опредѣленной цѣлью и приносилъ или даже приноситъ и теперь пользу животному, когда оно, напр., старается испугать врага, очаровать или призвать самку, или когда молодое животное ищетъ помощи у своихъ сочленовъ, застигнутое въ раслохъ опасностью. Но, спрашивается, какую-же пользу оказываетъ звукъ во время плача, какой смыслъ въ сокращеніяхъ глотки и груди, сопровождающихъ ощущенія печали или страданія? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ второй принципъ Дарвина.

Всѣ сильныя ощущенія приводятъ въ возбужденное состояніе головной мозгъ, которое выражается тѣмъ, что въ чувствитель-

ныхъ центрахъ развивается чрезмѣрное количество нервной силы. Когда глазъ увидитъ какое-нибудь страшное зрѣлище, то зрительный нервъ, передавая мозгу это впечатлѣнiе, производитъ тамъ настоящую революцію. Дремавшія до тѣхъ поръ нервныя кѣлки пробуждаются съ страшной силой и въ большемъ количествѣ, чѣмъ нужно для того, чтобы произвести вслѣдъ за зрительнымъ впечатлѣнiемъ простое рефлекторное движенiе отскакиванья назадъ, закрытiя глазъ и т. д. Если впечатлѣнiе на мозгъ не такъ рѣзко и сильно, то и нервныхъ центровъ возбуждается меньше и, слѣдовательно, въ мозгу развивается меньше нервной силы, такъ что она вся можетъ уйти на какой-нибудь обыкновенный и односторонний рефлексъ. Но если нервная сила освобождается чуть не изъ каждой кѣлки, то ее наберется столько, что ее нельзя израсходовать на какой-нибудь простой рефлексъ, напр., на одно только миганiе или сокращенiе мышцъ вѣка. Въ такомъ случаѣ нервная сила ищетъ себѣ выхода гдѣ попало и разливается по всему организму, по всѣмъ мышцамъ тѣла, которыя стануть сокращаться безъ всякаго смысла и опредѣленной цѣли. Такія движенiя зависятъ отъ *прямого влiянiя нервной системы* на мышцы. Примѣромъ ихъ могутъ служить, напр., судорожное дрожанiе мышцъ отъ испуга или конвульсиі у дѣтей. Это-же начало *прямого влiянiя нервной системы* обусловливаетъ звуки, издаваемые во время плача. Отъ сильнаго душевнаго волненiя нервныя центры головного мозга въ избыткѣ освобождаютъ нервную силу, которая распространяется на мышцы груди, заставляя ихъ усиленно сокращаться. Эти мышцы и безъ того сокращаются во время дыханiя, а усиленное сокращенiе ведетъ къ тому, что мы начинаемъ съ большей силой сжимать и расширять грудную кѣлку, что уже само по себѣ производитъ звукъ. Но къ этому еще присоединяется и сокращенiе мышцъ глотки, — спеціального производителя звука. Такимъ образомъ, эти непроизвольныя и безцѣльныя сокращенiя груди и глотки заставляютъ насъ издавать звуки, иногда весьма громкіе, хотя бы мы были вообще спокойны и нисколько не нуждались въ этихъ звукахъ. Слѣдовательно, первый толчекъ къ плачу данъ и теперь будемъ ждать, какъ разыграется эта роль мышцами, нервами, кровеносными сосудами и другими органами тѣла.

Когда мы начинаемъ кричать, приготовляясь разразиться пла-

чемъ, дыханіе наше учащается, мы съ силою вбираемъ въ себя воздухъ и съ такою-же силою выталкиваемъ его. Но, производя сильное выдыханіе, мы тѣмъ задерживаемъ хотя на короткій моментъ кровообращеніе во всемъ тѣлѣ, такъ что въ каждой точкѣ тѣла происходитъ застой крови въ сосудахъ, которые должны, слѣдовательно, расшириться отъ ея напора на стѣнки. Глазъ, какъ и всѣ органы тѣла, снабженъ кровеносными сосудами; слѣдовательно, и въ глазу долженъ происходить застой крови и расширеніе сосудовъ при всякомъ крикѣ, будетъ-ли это плачь или смѣхъ—все равно, лишь-бы только мы производили сильныя выдыханія воздуха изъ грудной кѣтки. Дѣйствительно, это замѣчено всѣми естествоиспытателями и фізіологами, да и каждый изъ насъ, конечно, знаетъ, что заплаканные глаза всегда болѣе или менѣе красны, такъ какъ сосуды наливаются кровью. Иногда при сильныхъ выдыхательныхъ движеніяхъ, при кашлѣ или рвотѣ, мелкіе сосуды глаза даже разрываются отъ чрезмѣрнаго напряженія. Лишь только произойдетъ расширеніе сосудовъ, мы непременно ощутимъ неловкость въ глазу и невольно постараемся предохранить его отъ разрыва сосудовъ, мы сожмемъ глазъ мышцами, которые находятся вокругъ него по той-же причинѣ, почему мы сокращаемъ тѣ-же мышцы, если поднести близко къ глазу какой-нибудь предметъ. „Одно уже ощущеніе даже слабого раздраженія или нѣкоторой неловкости въ глазу, говоритъ Дарвинъ, всегда побудитъ насъ къ тому, чтобы защитить глазъ сокращеніемъ окружающихъ мышцъ“. И эта защита оказывается вполнѣ дѣйствительною, потоку что сократившіяся мышцы, нажимая верхнія вѣки (отчего кожа около глазъ сморщивается), противодѣйствуютъ расширенію сосудистыхъ стѣнокъ. Не потому-ли иногда во время плача люди безсознательно кладутъ обѣ руки на глаза, производя давленіе на вѣки?

Лишь только сократятся мышцы вокругъ глазъ, какъ за ними слѣдуетъ сокращеніе и другихъ мышцъ лица въ той послѣдовательности, какъ онѣ соединены одна съ другой. Наморщивается лобъ, внутренніе концы бровей оттягиваются къ низу, верхняя губа приподнимается, отчего на обѣихъ щекахъ образуются рѣзкія складки. Такимъ образомъ, у нашего плачущаго человѣка есть звукъ и спеціальная форма лица; ему недостаетъ только слезъ. Постараемся-же извлечь ихъ изъ его глазъ.

Мы уже знаемъ, что вслѣдъ за расширеніемъ кровеносныхъ сосудовъ мышцы вокругъ глазъ сокращаются, закрывая вѣки, которыя производятъ вслѣдствіе этого легкое давленіе на глазъ. Это давленіе, конечно, распространится на всѣ точки глаза, а слѣдовательно, и на окончанія нервовъ, которые въ немъ находятся. Вотъ толчокъ для настоящаго рефлекса. Конецъ затронутого нерва передаетъ раздраженіе мозгу, а мозгъ передаетъ это раздраженіе другому двигательному нерву, который входитъ въ слезную желѣзу и заставляетъ ее выдѣлять слезы. Слѣдовательно, причиной выдѣленія слезъ является въ концѣ концовъ сокращеніе мышцъ глаза. Но есть и другая причина—это расширеніе сосудовъ, которое дѣйствуетъ также рефлективно на нервы, какъ всякая неловкость, какъ давленіе вѣкъ, или какъ, напр., пылинка, попавшая въ глазъ. Такъ какъ сокращеніе глазныхъ мышцъ и расширеніе сосудовъ слѣдуютъ вообще за всякимъ болѣе или менѣе сильнымъ крикомъ, за всякимъ сильнымъ выдыханіемъ воздуха изъ грудной кѣтки, то можно ожидать, что слезы будутъ выступать изъ глазъ не только во время плача, но и при смѣхѣ или при зѣвотѣ. Опытъ вполне оправдываетъ это ожиданіе. Зѣвота начинается сильнымъ вдыханіемъ воздуха, за которымъ слѣдуетъ глубокое выдыханіе, а оно заставляетъ сокращаться мышцы глаза, и потому при зѣвотѣ часто выдѣляются слезы, которыя иногда бывають такъ обильны, что текутъ по лицу. На этомъ-же основаніи слезы выступаютъ изъ глазъ при чиханіи. Что касается отдѣленія слезъ во время сильнаго смѣха, то это фактъ общеизвѣстный, который замѣчается у всѣхъ человѣческихъ племенъ.

Однако, процессъ отдѣленія слезъ еще не оконченъ. Неизмѣнная привычка и наслѣдственность вмѣшиваюся и сюда. Но и этого все-таки еще недостаточно для того, чтобы, такъ сказать, свободно и бессознательно проливать слезы. Кромѣ наслѣдственности мы должны еще немного сами лично поучиться этому искусству, какъ и другимъ природнымъ инстинктивнымъ способностямъ, переданнымъ намъ путемъ наслѣдственности, напр. ходьбѣ. Извѣстно, напр., что дѣти перваго возраста никогда не плачуть въ собственномъ смыслѣ, т. е. не проливають слезъ, и это обстоятельство зависитъ вовсе не отъ того, что слезныя железы сами

по себѣ не могутъ еще дѣйствовать, что въ нихъ не заготовлено еще слезъ. Дарвинъ рассказываетъ, что однажды онъ нечаянно задѣлъ рукавомъ глазъ одного изъ своихъ дѣтей, которому было 77 дней отъ роду, и вызвалъ отдѣленіе слезъ только изъ одного этого глаза. Когда за тѣмъ ребенокъ заплакалъ, то другой глазъ оставался сухимъ. Слезы появляются у дѣтей въ различные періоды ихъ возраста. Хотя въ этомъ случаѣ нельзя установить какого-нибудь закона, но можно предположить, что слезы явятся раньше у тѣхъ дѣтей, которымъ выпадетъ на долю чаще упражнять свои железы. Слѣдовательно, дѣти больныя или лишенныя правильнаго ухода научатся плакать скорѣе, чѣмъ дѣти здоровыя. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что слезныя железы работаютъ по опыту, въ силу привычки, и чѣмъ чаще упражняютъ ихъ, тѣмъ болѣе совершенствуется способность плакать. Примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить наши плакальщицы или женщины Новой Зеландіи, которыя проливаютъ обильныя слезы по желанію. Р. Тайлоръ, который жилъ тамъ очень долго, говоритъ, что онѣ собираются для этой цѣли, „чтобы горевать о покойникахъ“, и гордятся способностью „плакать самымъ раздирательнымъ образомъ“. Многіе проповѣдники также развиваютъ въ себѣ эту способность опытомъ и упражненіемъ. Большинству взрослыхъ цивилизованныхъ людей она представляется какою-то рѣдкостью и исключеніемъ только потому, что они рано привыкаютъ сдерживать себя подъ влияніемъ чистоискусственной идеи, что плачь недостойнъ мужественнаго чело-вѣка. Еслибъ мы не сдерживали себя, но и не старались, конечно, усиленно возбуждать себя къ плачу, то мы предавались-бы ему гораздо чаще, потому что плачь есть самое естественное, самое общее выраженіе напряженной дѣятельности чувствъ. Едва только въ мозгу разовьется больше обыкновеннаго нервной силы, какъ она тотчасъ-же заставляетъ сильнѣе сокращаться грудную клѣтку и глотку, а за этимъ слѣдуетъ глубокое выдыханіе—первое начало плача. Только потому, что мы привыкли сдерживать себя, мы придаемъ плачу особенную цѣну; напротивъ, дикари считаютъ его сущимъ вздоромъ. Достаточно самыхъ ничтожныхъ причинъ, чтобы вызвать изъ глазъ ихъ обильные потоки слезъ. Одинъ новозеландскій начальникъ племени „плакалъ, какъ ребе-

ножъ, оттого, что матросы испортили его любимую одежду, посыпавъ ее мукою“. Дарвинъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ въ Огненной Землѣ туземца, у котораго умеръ братъ и который „попеременно то плакалъ точно въ истерикѣ, то отъ души смѣялся всему, что забавляло его“. Но если въ организмъ человѣка или въ мозгу есть постоянный источникъ развитія слезъ, напр. печаль у меланхоликовъ, то плачь появляется очень легко и часто. „Извѣстно, говоритъ Дарвинъ, что помѣшанные даютъ полную волю всѣмъ своимъ чувствамъ, нисколько не сдерживая ихъ, и д-ръ Кричтонъ Броунъ извѣщаетъ меня, что ничто не характеризуетъ до такой степени простую меланхолю, даже у мужчины, какъ склонность плакать отъ всякаго ничтожнаго повода или даже безъ всякой причины ¹⁾. Они плачутъ также совершенно неумѣренно, если у нихъ есть какой-нибудь поводъ къ печали, причѣмъ нельзя не удивляться чрезвычайной продолжительности плача у нѣкоторыхъ больныхъ, а также количеству слезъ, которыя они проливаютъ при этомъ. Одна дѣвушка, въ меланхоли, плакала цѣлый день и затѣмъ призналась д-ру Броуну, что это отъ того, что она вспомнила, „какъ однажды выбрила себѣ брови, чтобы заставить ихъ расти скорѣе“. Многіе больные въ домѣ умалишенныхъ сидятъ очень долго на мѣстѣ, покачиваясь взадъ и впередъ, но, „если заговорить съ ними, они останавливаются, сжимаютъ глаза, оттягиваютъ углы рта и раздражаются плачемъ“. Въ нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ ласковое слово или дружескій привѣтъ, повидимому, возбуждаютъ въ нихъ какое-то воображаемое и печальное воспоминаніе, въ другихъ случаяхъ, однако, всякое *усиліе, какого-бы рода оно ни было*, возбуждаетъ плачь, независимо отъ всякихъ печальныхъ идей... Плачь весьма распространенъ у помѣшанныхъ, даже въ томъ случаѣ, когда они достигли полнѣйшаго безсмыслія и утратили способность рѣчи“. Эти слова бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на причины, вслѣдствіе которыхъ задерживается плачь. Мы можемъ считать плачь у помѣшанныхъ въ нѣкоторой степени образцовымъ, такъ-какъ, разъ начавшись, онъ продолжается автомати-

¹⁾ Эта причина, очевидно, заключается въ нихъ самихъ, въ мозгу или тѣхъ нервныхъ центрахъ, которые служатъ центромъ печальнаго настроенія духа.

чески, бессознательно, пока не изсякнетъ въ мозговыхъ центрахъ нервная сила, которая посылаетъ импульсы къ дыхательнымъ мышцамъ, глоткѣ и т. д. Помѣщенный находится весь во власти своей печальной идеи и грустнаго настроенія, и какъ не въ силахъ онъ отогнать ихъ отъ себя, такъ не можетъ онъ удержаться отъ плача или подавить его начало, подобно здоровымъ людямъ, которые воздерживаются отъ слезъ тѣмъ, что отгоняютъ отъ себя грустныя мысли, стараются развлечься и разсѣяться. Впрочемъ, не нужно думать, что достаточно одного желанія не плакать, чтобы слезы прекратились. Печальныя мысли для всякаго не легко отогнать; напротивъ, чѣмъ больше мы будемъ стараться отдѣлаться отъ нихъ, тѣмъ навязчивѣе и рѣшительнѣе ихъ приступъ. Нѣтъ, здѣсь нужно употребить мѣры менѣе общія. Если человекъ чувствуетъ, что слезы подступаютъ ему къ горлу, то уже тутъ некогда бороться съ печалью; онъ долженъ прямо обратить свое сознаніе на слезы. Если въ его умѣ промелькнутъ, напр., такого рода холодно-объективныя соображенія: „какъ-же это польются у меня слезы“, „развѣ безъ нихъ нельзя обойтись“, или нѣчто въ этомъ родѣ, то онъ остановитъ ихъ. Весь механизмъ слезъ испорченъ сознаниемъ, какъ, напр., въ вышеописанномъ случаѣ съ молодыми людьми, которые, понюхавъ табакъ, не могли чихнуть отъ сильнаго желанія. Дарвинъ рассказываетъ, что одинъ опытный врачъ увѣрилъ его, что „единственное дѣйствительное средство, которымъ ему удавалось облегчить горькій плачь у многихъ женщинъ, обращавшихся къ нему за совѣтомъ и искренно желавшихъ удержать свои слезы, состояло въ томъ, что онъ серьезно просилъ ихъ не стараться напрасно удерживать плачь и увѣрялъ, что никто не облегчитъ такъ ихъ горя, какъ продолжительныя и обильныя слезы“. По всей вѣроятности, сердца цивилизованныхъ людей зачерствѣли съ развитіемъ культуры, вслѣдствіе чрезмѣрнаго резонерства вообще и критическаго отношенія къ слезамъ въ частности. Страдаетъ-ли отъ этого душевное благосостояніе человѣческихъ обществъ, или нѣтъ, — это вопросъ этики, но если этика обратится за соображеніями по этому поводу къ реальному знанію, то намъ кажется, что отвѣтъ можетъ быть скорѣе утвердительнымъ, чѣмъ отрицательнымъ. Мысль, что плакать стыдно, неразумно, или недостойно

мужественнаго человѣка, сама по себѣ не имѣетъ основаній; людямъ кажется, что стыдно плакать отъ горя, а между тѣмъ имъ не кажется стыдно, что на каждомъ шагу существуютъ причины, которыя заставляютъ ихъ страдать. Плачь облегчаетъ страданіе въ самомъ реальномъ, физиологическомъ смыслѣ; за это ручается ежедневный опытъ огромной массы людей; до тѣхъ поръ, пока существуютъ причины, бесполезно и вредно бороться противъ послѣдствій, это ведетъ лишь къ усиленію страданій. Впрочемъ, мы стоимъ собственно не за плачь, какъ опредѣленную форму выраженія лица; пусть люди подъ вліяніемъ печали бѣгаютъ, прыгаютъ, поютъ, пусть они даже смѣются. Это рѣшительно все равно, и мы даже искренно сожалѣемъ, что люди не смѣются въ тѣхъ случаяхъ, когда они льютъ слезы, потому что это совершенно въ ихъ власти, какъ ни покажется это съ перваго взгляда страннымъ удивленному читателю. Но если онъ вспомнить все, что мы сказали выше, и ясно представить себѣ вышеизложенный механизмъ плача, то онъ вполне примирится съ этой мыслью и согласится съ нами. Когда даны, повидимому, всѣ условія для плача, какъ выдыханіе, сокращеніе глазныхъ мышцъ и расширеніе сосудовъ, то вѣдь этого, какъ помнитъ читатель, еще недостаточно для плача. Нужно еще поучиться этой механикѣ и нѣсколько разъ продѣлать ее на опытѣ, что мы и дѣлаемъ въ дѣтствѣ. Но что-же заставляетъ насъ приниматься въ дѣтствѣ за эти упражненія? Очевидно, ощущенія, которыя производятъ усиленное сокращеніе груди и глотки и пр.; достаточно одного простого и сильнаго выдыханія, чтобы дать толчокъ къ слезамъ, какъ это мы видимъ на зѣвотѣ, чиханіи и смѣхѣ. Слѣдовательно, если-бы наши дѣти привыкли съ самаго ранняго возраста издавать громкій хохотъ въ случаѣ довольства, если-бы они также часто испытывали пріятныя ощущенія, какъ часто ихъ теперь посѣщаютъ болѣзненные и непріятныя чувства, то весьма вѣроятно предположеніе Дарвина, что въ позднѣйшій періодъ жизни слезы проливались-бы одинаково обильно, какъ въ веселомъ, такъ и въ печальномъ настроеніи духа. „Легкій смѣхъ или улыбка, или даже веселая мысль были-бы достаточны, говоритъ Дарвинъ, чтобы вызвать умѣренное отдѣленіе слезъ“. Фрейсине рассказываетъ, что у жителей Сандвичевыхъ острововъ

слезы служатъ выраженіемъ счастья. „Точно также, говоритъ Дарвинъ, если-бы нашимъ дѣтямъ въ продолженіи многихъ лѣтъ жизни и втеченіи большого ряда поколѣній ежедневно-бы приходилось поперхнуться, причѣмъ глазныя сосуды растягиваются и слезы капаютъ изъ глазъ, то весьма вѣроятно, — такъ велика сила ассоціированныхъ привычекъ и движеній, — что въ позднѣйшей періодъ ихъ жизни одна мысль о томъ, чтобъ поперхнуться, даже безъ малѣйшаго повода къ печальному настроенію, была-бы достаточна, чтобы вызвать у нихъ слезы на глаза“.

Быть можетъ, предположеніе Дарвина, что смѣхъ могъ-бы сопровождаться слезами, современемъ обратится въ повсемѣстный психическій фактъ. Если мы научились отдѣлять слезы во время плача, то почему-же мы не научимся тому-же искусству, если постоянно будемъ смѣяться. Организмъ ребенка приспособленъ одинаково какъ для легкаго плача, такъ и для легкаго смѣха. Извѣстно, что ребенокъ отличается крайней впечатлительностью вслѣдствіе того, что на сравнительно небольшое тѣло у него столько-же нервовъ, сколько и у взрослыхъ. Поэтому всѣ ощущенія, какъ пріятныя, такъ и непріятныя у ребенка достигаютъ максимума; отъ ничтожнѣйшей причины онъ начинаетъ кричать, но за то столь-же ничтожное удовольствіе доставляетъ ему величайшее наслажденіе и вызываетъ въ немъ живую радость, которая ищетъ себѣ внѣшняго выраженія, подобно чувству острой боли или неудовольствія, въ извѣстныхъ уже намъ сокращеніяхъ мышцъ и послѣдующихъ процессахъ. Въ настоящее время первые годы жизни ребенка сплошь наполнены страданіями, среди которыхъ лишь изрѣдка и на мгновеніе являются свѣтлыя искры удовольствія и радости. Невѣжество родителей, бѣдность и недостаточность научной разработки медицины въ примѣненіи къ дѣтской гигиенѣ до сихъ поръ не позволяютъ окружить ребенка должнымъ уходомъ и попеченіями съ перваго момента его появления на свѣтъ. Люди взрослые не имѣютъ никакого понятія о томъ, какія муки выносить ребенокъ отъ такъ называемыхъ пустяковъ; не зная вышеупомянутаго нами факта чрезмѣрной, хотя естественной впечатлительности ребенка, они судятъ о немъ по себѣ, не подозрѣвая, что пустякъ, неказывающій никакой или весьма слабую реакцію на ихъ нервную систему, удесатеряется,

если онъ дѣйствуетъ на нервную систему ребенка. Нѣжные и добродушные родители иногда въ простотѣ сердечной называютъ своего ребенка ангеломъ, совсѣмъ не замѣчая той горькой ироніи, которая скрывается въ этомъ названіи и нисколько не подозревая той мучительной обстановки, которой мы подвергаемъ этого ангела, благодаря своему глубокому невѣжеству. Если намъ, быть можетъ, никогда не удастся превратить для ребенка жизнь въ земной рай и усѣять ее одними розами, то, конечно, всемогущее время сократитъ значительно тѣ пытки, которымъ онъ подвергается въ настоящее время. Большимъ благодѣяніемъ было-бы и то, еслибъ прогрессъ въ этомъ направленіи нѣсколько уравнилъ печальные случаи страданія съ радостными ощущеніями удовольствія. И тогда на глазахъ нашихъ потомковъ ежедневно будетъ происходить необычайный феноменъ тождества смѣха и плача. Впрочемъ, для потомковъ онъ едва-ли будетъ необычайнымъ, ибо, если онъ совершится, то конечно исподволь и незамѣтно, въ теченіи длиннаго ряда поколѣній. Времени пройдетъ столько, что существующій фактъ будетъ для большинства чѣмъ-то священнымъ и неизмѣннымъ до тѣхъ поръ, пока не явится новый Дарвинъ, чтобы оживить своимъ гениемъ мертвое прошлое и возстановить нашу современность въ ея печальной истинѣ.

IV.

Какъ отъ серьезнаго къ смѣшному, такъ отъ плача къ *смѣху* только одинъ шагъ. Эти два противоположныя состоянія души въ *крайнихъ* своихъ проявленіяхъ имѣютъ до того много общаго, что иногда трудно отличить фізіономію человѣка только-что смѣявшагося отъ фізіономіи заплаканной. Въ обоихъ случаяхъ лицо орошается слезами, сохраняя въ первый моментъ слѣды судорожнаго сокращенія мышцъ, одинаково пригодныхъ для выраженія того или другого взволнованнаго состоянія духа. Сходство идетъ такъ далеко, что даже ощущенія въ началѣ своего зарожденія смѣшиваются въ сознаніи и человѣкъ какъ-бы не совсѣмъ твердо знаетъ, нужно-ли ему заплакать или засмѣяться. Хаотическая масса нервнаго чувства не ждетъ, пока мы ее пред-

назначимъ для той или другой цѣли, для плача или для смѣха, и прорывается наружу бурнымъ, безпорядочнымъ потокомъ, разливаясь, какъ попало по нервной и мышечной системѣ. Историческія женщины попеременно то плачутъ, то смѣются, все равно, какъ дѣти, переходящія съ изумительной легкостью отъ плача къ смѣху. Говорятъ, что китайцы, подъ вліяніемъ сильнаго горя, впадаютъ въ истерическіе припадки смѣха. Очевидно, что мы должны учиться, въ какой формѣ выражать свои чувства, и дѣйствительно, насъ учить этому раннее дѣтство, но учить одно-сторонне, потому что намъ непрерывно приходится страдать и плакать, да если-бы впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, мы заплакали наобумъ, то навѣрное не ошиблись-бы въ выборѣ: такъ терпистъ путь нашей жизни. Смѣяться намъ приходилось рѣже и потому мы довольно не твердо заучили этотъ психическій актъ, такъ что нерѣдко, когда пужно смѣяться, мы начинаемъ плакать, не замѣчая этого комическаго *qui pro quo* потому, что оно слишкомъ сроднилось съ нашей душой. Во всѣхъ, напр., нѣжныхъ ощущеніяхъ, составляющихъ смѣсь пріязни съ радостью, слышится грустная нота и какое-то инстинктивное стремленіе подыскать грустный мотивъ для своихъ чувствъ. „Не разъ, говоритъ Дарвинъ, отецъ и сынъ плакали при встрѣчѣ, послѣ долгой разлуки, въ особенности, если встрѣча была неожиданна.“ Гомеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ въ Одиссѣѣ Пенелопу, когда она узнала своего мужа: „изъ глазъ ея брызнули горячія слезы и, вскочивъ съ своего мѣста, она побѣжала къ нему и обвила его шею руками, и *теплая роса поцѣлуевъ* упала на его лицо... „При возвращеніи Улисса Телемакъ долго рыдалъ на груди отца.“ „Такъ они жалобно плакали, не находя себѣ покоя, и день прошелъ у нихъ въ слезахъ; но, наконецъ, Телемакъ нашелъ слова для рѣчи.“ Разсуждая внѣ усвоенныхъ нами привычекъ и склонностей, казалось-бы, что во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть мѣста печали, во всякомъ случаѣ радостное чувство должно-бы преобладать надъ нею. Но прежняя жизнь, но длинная вереница бѣдствій, которыя ежеминутно осаждали наше сознаніе съ ранняго дѣтства, положили неизгладимую печать грусти на душу человѣка и окрасили ее тоскливымъ, мрачнымъ колоритомъ. Поэтому-то человѣкъ въ мо-

ментъ величайшей радости какъ-бы по инерціи продолжаетъ прежнюю цѣпь печальныхъ ощущеній; нервная сила—или волненіе—возникшая въ сущности отъ радости, пролагаетъ себѣ путь по обычной стезѣ нервовъ и мышцъ, которые тайно отъ насъ, механически, въ силу прежней привычки и опыта, готовятъ намъ неожиданный сюрпризъ въ видѣ плача: Когда Улиссъ встрѣтился съ Телемакомъ послѣ продолжительной разлуки, то „Телемакъ всталъ и рыдая, припалъ къ груди отца. Тутъ вылилась въ слезахъ *минушая тоска* ихъ другъ о другѣ.“ Слѣдовательно, и во времена Гомера жизнь была не краше нашей, если прежнія, *минушія* воспоминанія подавляли силу настоящихъ событій. Но предположимъ, что съ незапамятныхъ временъ существованіе человѣчества было-бы болѣе радостнымъ, чѣмъ печальнымъ, что какимъ-нибудь чудомъ если не вся, то большая часть жизни современнаго человѣка превратилась-бы изъ постоянныхъ огорченій въ рядъ удовольствій и радостей, тогда, очевидно, психическая жизнь приняла-бы свѣтлый фонъ довольства и счастья, и человѣкъ былъ-бы не въ состояніи отдѣлаться въ первый моментъ отъ своихъ пріятныхъ ощущеній во время начинающагося приступа печали; Телемакъ хохоталъ-бы въ минуту разлуки съ Улиссомъ, и только мало-по-малу овладѣвала-бы имъ грусть и тоска; люди отъ души смѣялись-бы смерти близкаго человѣка и тѣмъ задушевнѣе и искреннѣе, чѣмъ дороже была для нихъ его жизнь, потому что тѣмъ сильнѣе было-бы ихъ волненіе, тѣмъ болѣе нервной силы развивалось-бы въ сознаніи,—силы, необходимой для смѣха. Такова всемогущая сила привычки и опыта.

Съ первыхъ дней жизни душа ребенка открыта для смѣха и для плача *), и потому если опытъ еще не успѣлъ научить ребенка какъ слѣдуетъ плачу, то эта способность, неуспѣвшая развиваться, въ высшей степени слаба. Извѣстно, что когда маленькія дѣти собираются плакать, то ихъ легко разсмѣшить. Какой-нибудь неожиданный случай можетъ внезапно измѣнить ихъ плачъ въ смѣхъ, даже безъ нашего вмѣшательства. Здѣсь какъ

*) Но больше, конечно, для плача въ силу наследственной передачи грустнаго настроенія. Но, какъ мы уже замѣтили выше, мы должны все-таки развивать въ дѣтствѣ всякую способность, хотя-бы она и была врождена намъ.

будто дѣло идетъ только о томъ, чтобы дать исходъ излишку нервной силы, накопившейся въ мозгу. Но не только печальное возбужденіе ума, но и всякое другое, достаточно сильное, переходитъ въ смѣхъ отъ ничтожнаго повода. Страстный порывъ чувства, испытаннаго прежде, длится еще, хотя событія, вызвавшія его, уже миновали, и подъ вліяніемъ его человѣкъ не въ состояніи задержать своихъ ощущеній, когда имъ представляется малѣйшій предлогъ вырваться наружу. Онъ до нѣкоторой степени глупѣетъ и впадаетъ въ бессмысленное, полуидіотическое состояніе, вслѣдствіе котораго его мозгъ, такъ сказать, *не держитъ*, но реагируетъ на каждое мелочное вліяніе внѣшней среды. Въ послѣднюю осаду Парижа одинъ корреспондентъ замѣтилъ, что „нѣмецкіе солдаты при сильномъ возбужденіи, послѣ большихъ опасностей, разражались громкимъ хохотомъ отъ малѣйшей шутки.“ Такое состояніе умственной слабости, *несдерживаніе мозга*, составляетъ отличительную черту идіотовъ. Д-ръ Броунъ говорить, что у идіотовъ смѣхъ есть преобладающее и самое частое выраженіе душевныхъ движеній. Такъ одинъ мальчикъ-идіотъ, лишенный способности рѣчи, пожаловался знаками д-ру Броуну, что другой мальчикъ въ пріютѣ подбилъ ему глазъ; „объясненіе его сопровождалось взрывами хохота и лицо его сіяло веселой улыбкой“... „Существуетъ многочисленный классъ идіотовъ, продолжаетъ д-ръ Броунъ, которые находятся постоянно въ веселомъ и добромъ настроеніи духа и постоянно улыбаются или смѣются. На лицахъ ихъ часто играетъ стереотипная улыбка; веселость ихъ усиливается и они начинаютъ осклабляться, хихикать, или хохотать при видѣ пищи, или когда ихъ ласкаютъ, или показываютъ имъ яркіе цвѣта, а также когда до слуха ихъ долетаютъ музыкальные звуки. Многіе усиленно смѣются, когда ихъ пускаютъ гулять или, вообще, когда они упражняютъ свои мышцы. Веселое настроеніе духа большей части идіотовъ не можетъ быть ассоціровано съ какими-нибудь опредѣленными представленіями; идіоты просто ощущаютъ удовольствіе и выражаютъ это смѣхомъ или улыбкой. У слабоумныхъ, стоящихъ нѣсколько выше въ умственномъ отношеніи, удовлетвореніе личному тщеславію, и удовольствіе, испытываемое ими, когда ихъ хвалятъ, служить самымъ чистымъ побужденіемъ къ смѣху“. Изъ этого чита-

тель можетъ судить, что смѣхъ первоначально служилъ средствомъ для выраженія пріятныхъ ощущеній вообще, а не той спеціальной способности, которую мы называемъ чувствомъ смѣшиного. Чтобы выработалось это чувство, нуженъ былъ нѣкоторый запасъ представленій, понятій и идей, нужно было время, въ теченіи котораго долженъ былъ развиться головной мозгъ и особенно тѣ части большихъ полушарій, которыя служатъ центромъ идей. Такъ какъ у идіотовъ эти-то части и неразвиты, то чутье комическаго имъ чуждо, также какъ и дикарямъ, и, кажется, по этой-же причинѣ идіоты и дикари вообще чаще смѣются, чѣмъ люди цивилизованные. Размышленіе и особенно такъ называемая *рефлексія*, которая физически не можетъ быть свойственна идіотамъ и дикарямъ вслѣдствіе фізіологическаго несовершенства ихъ мозга, парализуетъ смѣхъ, какъ это доказываютъ, напр., глубокомысленные нѣмецкіе умы, остротъ которыхъ никто никогда не понимаетъ.

Но хотя смѣхъ есть нѣкоторая общая форма для выраженія удовольствія и веселаго настроенія духа, наблюдая, однакожь, надъ дѣтьми и первобытными народами, мы убѣждаемся, что смѣхъ все-таки есть нѣкоторый шагъ впередъ на пути спеціализаціи внѣшняго проявленія ощущеній. Есть болѣе неопредѣленные, такъ сказать, случайныя и беспорядочныя выраженія психическихъ движеній, соотвѣтствующія хаотическому состоянію чувствъ, которыми, обыкновенно, отличается мозгъ ребенка, дикаря и животнаго. Такъ, въ przypadкахъ сильной веселости дѣти часто прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши, топаютъ ногами и издаютъ разныя неопредѣленные звуки, непохожіе ни на смѣхъ, ни на плачь, ни на какое-либо вообще изъ извѣстныхъ состояній души. Собака, которую выпустили гулять, прыгаетъ, лаетъ и мечется изъ стороны въ сторону, ощущая сильное удовольствіе, точно также какъ лошадь въ открытомъ полѣ валается по землѣ. Г. Фетъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи

Шопотъ, робкое дыханье,
Трепъ соловья и т. д.

обнаружилъ совершенно аналогическій феноменъ. Подъ наплывомъ переработанной, сырой массы поэтическихъ представленій, онъ не сумѣлъ найти для нихъ разумнаго выраженія и они явились

у него безъ всякой связи и безъ глагола — этой естественной пробы умственной силы — въ той первобытной формѣ мышленія, которую мы видимъ у самыхъ невѣжественныхъ и дикихъ человѣческихъ племенъ. Такъ, въ минуту сильной скорби и душевнаго волненія человѣкъ не въ состояніи сокращать мышцы для правильной рѣчи, при всемъ своемъ желаніи говорить. Намъ пришлось однажды видѣть, какъ во время похоронъ пріятель покойника вышелъ на могилу съ желаніемъ почтить его память рѣчью. Порывисто пробравшись къ могилѣ, съ выраженіемъ крайняго волненія во всѣхъ движеніяхъ, онъ судорожно подергивалъ губы, выбиваясь изъ силъ произнести что нибудь. Съ минуту длилась мертвая напряженная тишина, онъ сдѣлалъ еще видимое усиліе, наконецъ, поднялъ глаза кверху, безнадежно махнулъ рукой и разрыдался истерическимъ плачемъ при легкомъ ропотѣ нѣкоторыхъ присутствовавшихъ, ничего непонявшихъ въ этой сильной, но туманной мимикѣ. Когда извѣстная всѣмъ психіатромъ Лаура Бриджмэнъ, которая одарена была только однимъ чувствомъ осязанія, узнала посредствомъ этого чувства о содержаніи письма, присланнаго ей любимымъ другомъ, то „она засмѣялась и захлопала въ ладоши и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ“ — фактъ, который исключаетъ всякую возможность подражанія въ дѣлѣ выраженія ощущеній. Дарвинъ полагаетъ, что эта способность — выражать пріятныя ощущенія мышечными движеніями беретъ свое начало, кромѣ упомянутой нами причины прямого вліянія нервной силы, въ тотъ отдаленный періодъ жизни, когда люди ходили за добычей или на охоту, отыскивали себѣ пищу или ухаживали другъ за другомъ. Такимъ образомъ, достиженіе этихъ удовольствій связывалось съ дѣятельными движеніями и сокращеніями мышцъ, а, по закону ассоціаціи, впоследствии всякое удовольствіе или даже одно ожиданіе удовольствія должно выражаться мышечнымъ движеніемъ. Въ прежнія времена ѣда служила самымъ главнымъ источникомъ наслажденія, и потому дикари выражаютъ свое удовольствіе не только смѣхомъ, но и движеніями, которыя очевидно заимствованы отъ пріятныхъ движеній при ѣдѣ. Такъ м-ръ Уэдждудъ рассказываетъ, что негры Верхняго Нила терли себѣ животъ, когда имъ показывали бусы. Лейхордъ говоритъ, что австралійцы чмокали и прищелкивали губами при

видѣ его лошадей, быковъ и въ особенности охотничьихъ собакъ: это чмоканье сильно напоминаетъ аеть сосанія; оно свойственно не только дикарямъ, какъ утверждаетъ Дарвинъ, но и дѣтямъ болѣе зрѣлаго возраста и даже большинству цивилизованныхъ взрослыхъ. Чрезвычайно жѣтко наблюденіе Тайлора, приведенное у Дарвина, что когда гренландцы „говорятъ о чемъ нибудь съ удовольствіемъ, они тянутъ къ себѣ воздухъ съ особеннымъ звукомъ,“ быть можетъ, въ подраженіе звукамъ, которые сопровождаютъ „глотаніе сочнаго куска.“ Сходное этому движеніе облизыванія отъ удовольствія свойственно всѣмъ цивилизованнымъ народамъ.

Разбирая столь простыя движенія, какъ потираніе живота руками или щелканіе языкомъ, мы совершенно ясно понимаемъ ихъ осмысленное назначеніе и можемъ опредѣленно сказать, почему сокращается та, а не другая группа мышцъ. Но спрашивается, какъ объяснить сокращеніе мышцъ во время смѣха? Замѣтимъ прежде всего, что началомъ смѣха, какъ и плача, является непроизвольный звукъ, зависящій отъ сокращеній груди и глотки, подъ вліяніемъ возбужденнаго состоянія. Но онъ носитъ характеръ своеобразнаго прерывистаго крика, который рѣзко отличается отъ плача, но почему? Дарвинъ, вообще нелюбящій отнѣиваться общими фразами, не рѣшаетъ этого вопроса. Вслѣдъ за этимъ крикомъ, особенно если онъ силенъ, иногда являются слезы, какъ мы уже это видѣли прежде. Эта особенность, свойственная большинству человѣческихъ расъ, вѣроятно, чаще встрѣчается у народовъ неразвитыхъ, потому что всѣ душевныя движенія сильнѣе властвуютъ надъ ними и живѣе чувствуются вслѣдствіе недостаточнаго развитія ихъ критической мысли. Гдѣ вы найдете, напр., такое всеобщее распространеніе способности проливать слезы отъ смѣха, какъ между индусами, китайцами или женщинами одного дикаго малайскаго племени на малакскомъ полуостровѣ, гдѣ онѣ проливаютъ слезы, когда смѣются отъ души? Можно судить, до какой степени укоренился *смѣхъ*, переходящій въ *слезы* между даяками на Борнео, когда тамъ существуетъ между женщинами поговорка: „мы почти плакали отъ смѣха“. Австралійскіе туземцы выражаютъ свой восторгъ самымъ откровеннымъ образомъ, и часто, когда они пускаются отъ радости въ бѣшеный топотъ и громко

хохочутъ, глаза ихъ дѣлаются влажными и иногда слезы крупными каплями скатываются по щекамъ. Въ южной Африкѣ у двухъ племенъ каффровъ, особенно у женщинъ, также замѣчены были слезы отъ смѣха, равно какъ и въ сѣверной Америкѣ среди одного дикаго и изолированнаго племени, но опять-таки у женщинъ преимущественно, и это еще разъ подтверждаетъ наши прежнія замѣчанія, потому что организмъ женщины, въ силу ея исключительнаго соціальнаго положенія, впечатлительнѣе, потому что на меньшей поверхности тѣла у ней столько-же нервовъ, сколько у мужчинъ; словомъ, здѣсь повторяется явленіе, замѣчаемое на дѣтяхъ.

Всѣ пріятныя ощущенія сопровождаются формой лица, прямо противоположной формѣ при плачѣ (за исключеніемъ сокращенія глазныхъ мышцъ): такъ у смѣющагося человѣка брови и ноздри поднимаются кверху и назадъ, углы рта оттягиваются также кверху и назадъ, а во время плача наоборотъ. Подъ вліяніемъ его лобъ нахмуренъ, вѣки, щеки, губы, вся голова опускаются внизу; „глаза меркнутъ, цвѣтъ лица блѣднѣетъ, дыханіе замедляется, при радости лицо расширяется, въ печали оно удлиняется“. Хотя Дарвинъ старается объяснить сокращеніе мышцъ при смѣхѣ анатомическими причинами, однако, этотъ вопросъ все-таки остается очень темнымъ. Мы полагаемъ, что гораздо резоннѣе объяснить смѣхъ третьимъ началомъ дарвиновской теоріи, — началомъ *антитеза*. Оно состоитъ въ томъ, что если человѣкъ или животное разъ усвоили себѣ извѣстныя движенія, подъ вліяніемъ стремленія къ полезной цѣли, то ощущенія прямо противоположныя должны выражаться въ противоположной формѣ. Такъ когда собака приближается съ злобными намѣреніями къ чужой собакѣ или къ человѣку, все ея туловище дѣлается напряженнымъ, голова поднята, хвостъ держится туго, шерсть ошестинивается. Можно доказать, что всѣ эти движенія вполне удовлетворяютъ злобнымъ намѣреніямъ собаки и приобрѣтены для пользы организма. Но какъ только, говоритъ Дарвинъ, собака замѣчаетъ, что человѣкъ, къ которому она приближается, не незнакомецъ, но ея собственный хозяинъ, то мгновенно и радикально измѣняется вся ея внѣшняя фізіономія. Вмѣсто прямой вытянутой походки, мы видимъ, что тѣло ея

вдругъ *понижается и даже присьдаетъ* и приводится въ волнистое движеніе (вмѣсто прежней неподвижной напряженности), шерсть мгновенно становится гладкою и т. д. Ни одно изъ перечисленныхъ движеній, однако, столь ясно выражающихъ привязанность собаки, не приносятъ никакой непосредственной пользы животному.“ Можно-бы привести еще много случаевъ *для объясненія* дарвиновскаго принципа антитеза у животныхъ и человѣка. Простота этого принципа соблазнительна, но она все-таки не позволила уму Дарвина успокоиться на ней. Ибо, разсмотрѣвъ хорошенько, въ концѣ концовъ, этотъ принципъ, онъ на всѣ запросы отвѣчаетъ: *не знаю*. Онъ показываетъ только, что извѣстныя движенія, какъ бесполезныя, не могли быть усвоены привычкою и намѣреніемъ, но какъ они возникли?—это по-прежнему, разумѣется, остается неизвѣстнымъ.

Такъ какъ любовь и нѣжныя чувства относятся къ категоріи ощущеній пріятныхъ, то здѣсь-же можно коснуться ихъ выраженія. Какъ ни различны выразительныя движенія любви у животныхъ и человѣка, но мы найдемъ, однако, въ нихъ общій смыслъ и извѣстную цѣль. Любящія существа естественно стремятся къ взаимному сближенію, и съ этой цѣлью, напр., мы заключаемъ въ объятія тѣхъ, кого любимъ. Собаки и кошки выражаютъ свою преданность и любовь тѣмъ, что они трутся около своихъ хозяевъ и хозяекъ, и довольны, если они ихъ гладятъ. У обезьянъ способы выраженія любви поразительно сходны съ выраженіями любви у человѣка. „М-ръ Бартлетъ, говоритъ Дарвинъ, описалъ мнѣ приемы двухъ чимпанзе, болѣе старыхъ, чѣмъ привозимые къ намъ обыкновенно, когда они въ первый разъ увидели другъ друга. Они сидѣли одинъ противъ другого, касаясь другъ друга вытянутыми впередъ губами и одинъ изъ нихъ положилъ свою руку на плечо другого. Затѣмъ они заключили другъ друга въ объятія. Потомъ встали, держась взаимно за плечи руками, подняли головы вверхъ, открыли ротъ и начали кричать отъ радости“. Одинъ изъ распространенныхъ способовъ выраженія любви между европейцами—поцѣлуй. Этотъ способъ, очевидно, есть также слѣдствіе стремленія приближаться къ любимому существу; какъ напр. лизаніе собакъ. Но поцѣлуй распространенъ преимущественно между европейцами, и его не-

знають туземцы Огненной земли, новозеландцы, таитяне, папуанцы, австралийцы, сомалы въ Африкѣ и эскимосы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта поцѣлуй замѣняется взаимнымъ треніемъ носовъ, какъ, напр., у новозеландцевъ и лапландцевъ. У нѣкоторыхъ племенъ существуетъ обычай гладить другъ другу руки и трепать животъ или одинъ человекъ гладитъ себѣ лицо руками или ногами другого. Всѣ эти спеціальныя выраженія любви, вѣроятно, возникли подъ вліяніемъ мѣстныхъ привычекъ, обычаевъ и образа жизни, но для насъ достаточно знать, что эти разнообразныя способы выраженія сводятся къ одному общему началу—къ стремленію сближаться съ любимымъ существомъ.

На этомъ пока мы останавливаемся, отлагая дальнѣйшее изложеніе и общіе выводы до слѣдующей книжки.

В. Онгирскій.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Moyens pratiques de combattre l'ivrognerie proposés ou appliqués en France, en Angleterre, en Amérique, en Suède et en Norvège, par le docteur Ach. Foville fils. Paris, 1872.

Médecine et Médecins, par E. Littré de l'institut et de l'academie de médecine. Paris, 1872.

Das Buch der Gesundheit. Eine volksthümliche Belehrung über die wahren Universal—Mittel zur Erhaltung der Gesundheit sowie sur Heitung der Krankheiten des menschlichen Körpers. Von Dr. W. Horsell. Schwelm und Leipzig. 1872.

Наши филантропы и либеральные болтуны до сихъ поръ еще не отыскали другихъ средствъ изцѣлять насъ отъ пьянства, какъ правоченіями и жиденькими книжонками, поучающими воздержанію и трезвости. Слушая всѣ эти поученія, которыя извлекаются съ неутомимымъ жаромъ изъ запаса общественной морали, читая безконечные проекты къ искорененію, ограниченію и уменьшенію пьянства, иногда думаешь, что „пьяные мужики“ только и существуютъ для сладкорѣчивыхъ филантроповъ и что водворись у насъ въ одно прекрасное утро всероссійская трезвость, всѣ они умерли-бы съ тоски. Въ самомъ дѣлѣ, кого-бы они стали поучать, если-бы кабаекъ обратился въ театръ, музей или школу? На кого-бы стали сыпаться ихъ обличенія и поученія, если-бы пьяные мужики, начитавшись „Гражданина“ кн. Мещерскаго, вдругъ превратились въ настоящихъ джентльменовъ? И не смотря на тотъ очевиднѣйшій фактъ, что еще никогда и ни у одного народа эти поученія не оказали ни малѣйшаго вліянія на пониженіе уровня

народнаго пьянства, такъ точно, какъ напечатываніе еще нигдѣ не убавило цифры смертности,—есть много ученыхъ и неученныхъ мужей, продолжающихъ врачевать пьянство пошлыми назиданіями въ родѣ того, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а мать праздности—пьянство. Къ числу этихъ ученыхъ мужей принадлежитъ и докторъ Фовилль, посвятившій свою книгу критическому обзору мѣръ противъ пьянства, принятыхъ въ различныхъ государствахъ западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ. Ребяческая наивность доктора Фовилля простирается до серьезной увѣренности, что пьянство можетъ быть уничтожено, если не исключительнымъ, то главнымъ образомъ юридическими приемами, путемъ законодательныхъ репрессій, между которыми главную роль должны играть штрафы, тюрьма и наложеніе всякаго рода стѣсненій на оптовыхъ и розничныхъ продавцевъ спиртныхъ напитковъ (стр. 11—13.) Последняя мѣра еще имѣетъ нѣкоторое значеніе, судя по опыту Соединенныхъ Штатовъ и Англии, но Фовилль чересчуръ, однако, приувеличиваетъ ея смыслъ. Нельзя отрицать, что существуетъ извѣстное отношеніе между числомъ кабаковъ и размѣрами пьянства, но насколько оно постоянно,—трудно рѣшить на основаніи данныхъ, собранныхъ Фовиллемъ. Въ Америкѣ система запрещеній практикуется едвали не съ основанія Штатовъ и въ настоящее время дѣйствуетъ на всемъ сѣверо-восточномъ побережьи, преимущественно по воскресеньямъ и праздникамъ. Извѣстно, что природные американцы празднуютъ воскресные дни съ комическимъ ригоризмомъ, свято храня старыя обычаи отцовъ. Амперъ рассказываетъ, что въ Бостонѣ было запрещено закономъ цѣловать по воскресеньямъ жену на улицѣ, а матерямъ обнимать своихъ дѣтей. Нельзя было также готовить пива въ субботу, чтобы оно не работало въ воскресенье. Въ 1851 году двое мальчиковъ были подвергнуты мировымъ судьей наказанію за то, что играли въ воскресенье въ мячъ. Послѣ войны за освобожденіе невольниковъ, президентъ Линкольнъ официально подтвердилъ этотъ обычай приказаніемъ прекращать въ воскресенье всѣ работы на сушѣ и на водѣ, и съ этихъ поръ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ началась дѣятельная агитація приверженцевъ трезвости съ цѣлю уничтожить или довести до *минимума* продажу вина по воскресеньямъ. Нѣмцы, составляющіе значительную часть населенія Нью-Йоркаго штата, оказали, однако, сильную оппозицію благочестивымъ намѣ-

рениямъ янки и упорно отстаивали воскресенье, какъ день, предназначенный для отдыха и развлеченій, т. е. для посѣщенія трактировъ и кофеенъ, которые служили въ то-же время мѣстомъ театровъ, концертовъ и другихъ, менѣ скромныхъ, удовольствій. Борьба длилась долго, пока, наконецъ, трезвость не восторжествовала въ 1866 году. Вновь изданный законъ абсолютно запрещалъ продажу спиртныхъ напитковъ въ воскресенье и въ дни выборовъ, а въ будни продажа открывалась послѣ полудня. Фовилль увѣряетъ, что эта мѣра благотѣльно подѣйствовала на пьяницъ Нью-Йорка и уменьшила ихъ число, если судить по тому, что въ каждое воскресенье до новаго закона аресту подвергалось среднимъ числомъ 146 человекъ, тогда какъ послѣ 1866 года это число упало до 68 человекъ. Пьяницы, однако, не успокоились, и на выборахъ 70-го года достигли уничтоженія ненавистнаго имъ закона. Гораздо удачнѣе, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ, велась агитація въ пользу трезвости въ Мэнѣ, благодаря энергіи и ловкости американца Нила Доу, который добился утвержденія цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ противъ пьянства, извѣстныхъ теперь подъ именемъ „законовъ Мэна“ (Maine-liquor laws). Эти оригинальные законы безусловно запрещаютъ продажу алкоголя, какъ въ праздничные дни, такъ и въ будни, если только онъ не идетъ на лекарственные нужды, и караютъ всякаго, кто вздумаетъ торговать спиртными напитками—въ первый разъ штрафомъ, а за тѣмъ заключеніемъ въ тюрьму отъ одного мѣсяца и конфискаціей найденнаго товара. Законы эти, несмотря на сильную оппозицію со стороны тѣхъ, интересы которыхъ они затрогивали, сохранили до сихъ поръ свою силу и подали примѣръ другимъ штатамъ ограничить размѣры винной торговли. Бостонъ такъ увлекся карательной системой Нила Доу, что издалъ законъ, въ силу котораго всякій продавецъ, доставляющій возможность какому-либо лицу напиться до самозабвенія, отвѣчаетъ за всякое преступленіе, совершенное этимъ лицомъ въ состояніи опьяненія. Самая продажа также составляетъ преступленіе, которое карается въ первый разъ штрафомъ въ 50 фр. и тюремнымъ заключеніемъ отъ 20—30 дней, а во второй разъ штрафомъ въ 250 фр. и заключеніемъ отъ 3—6 мѣсяцевъ. Докторъ Фовилль превозноситъ благотѣльное вліяніе этихъ законовъ, но не подтверждаетъ, однако, своихъ восторговъ статистическими данными, ссылаясь на столь-же шаткія,

хотя и громкія заявленія американскаго ученаго добтора Лиса. „Съ апрѣля 1869 г. по апрѣль 70-го г., говоритъ Лисъ,—я изучалъ общественный бытъ Соединенныхъ штатовъ, проѣхавъ отъ Юга на Сѣверъ, отъ береговъ Атлантики къ берегамъ Тихаго Океана. Мои наблюденія касались законовъ относительно продажи спиртныхъ напитковъ и вліянія пьянства на политическій и соціальный строй жизни народа... На востокѣ, на западѣ и на югѣ, въ городахъ и селахъ, въ столицѣ и въ мѣстечкахъ, лѣтомъ и зимой, между ирландцами, нѣмцами, англичанами и туземцами страны, вездѣ я находилъ, что пьянство съ своими обычными послѣдствіями сильно распространено въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дозволена продажа спиртныхъ напитковъ. Здѣсь не играютъ большой роли ни климатъ, ни раса, ни воспитаніе, ни общественное положеніе субъекта... Напротивъ того, въ 13 штатахъ или територіяхъ я наблюдалъ мѣстные и общія послѣдствія запретительныхъ законовъ, и тотъ, кто утверждаетъ, что эти законы не производятъ никакого дѣйствія, противорѣчитъ фактамъ. Я основываюсь на опытѣ, который я вынесъ изъ посѣщенія Коннектикута, Монтрозъ, Массачусета, Нью-Гемпшайра, Огіо, Иллинойса, Іовы и т. д., гдѣ пьянство и нищета почти неизвѣстны, гдѣ преступленіе составляетъ рѣдкость, гдѣ нѣтъ ни одного помѣшаннаго и ни одного идиота на нѣсколько сотенъ тысячъ жителей. Въ округѣ Вайнленда (въ Нью-Джерсеѣ), гдѣ безусловно запрещена винная продажа и населеніе доходитъ до 12,000 жит., пауперизмъ и преступленіе составляютъ диковинку, пожары рѣдки, и страхованіе въ упадкѣ. Въ графствѣ Ивенстонъ (въ Мичиганѣ) нѣтъ ни одной питейной лавки, и тамъ пьянство и преступленіе одинаково неизвѣстны. Въ Портлендѣ (въ Мэнѣ) я имѣлъ непріятность видѣть нѣсколькихъ заключенныхъ, но главной причиной ихъ проступковъ было неповиновеніе законамъ, запрещающимъ пьянство и азартную игру. Въ Нью-Гемпшайрѣ и Вермонтѣ я пробылъ 15 дней, переѣзжая изъ села въ село, и въ это время я не видѣлъ ни полицейскаго агента, ни тюрьмы, ни пьянства, ни пьяницъ, ни нищихъ. Въ главныхъ городахъ я не видѣлъ ни одной питейной лавки и никого не встрѣтилъ въ пьяномъ состояніи. Во многихъ, недавно основанныхъ городахъ Висконсина, Миннесоты, Небраски и Миссури я узналъ, что общинные законы абсолютно запрещаютъ торговлю спиртными напитками“. Нѣтъ основанія не

довѣрять доктору Лису, хотя не мѣшало-бы, конечно, дать болѣе вѣсскіе и положительныя аргументы. Никто не сомнѣвается, что система запрещеній должна и на самомъ дѣлѣ сдерживаетъ въ нѣкоторыхъ предѣлахъ пьянство, но вопросъ въ томъ, какъ велики эти предѣлы и можно-ли успокоиться на такой двусмысленной и ничтожной мѣрѣ, когда дѣло идетъ о такомъ глубокомъ социальномъ недугѣ. Во всякомъ случаѣ такая страна, какъ Америка не можетъ служить для насъ примѣромъ, потому что если тамъ, какъ говоритъ Лисъ, не играютъ большой роли ни воспитаніе, ни общественное положеніе, то у насъ и то и другое получаютъ громадную важность. Въ Англіи запретительная система, по мнѣнію Фовилля, также дала блестящіе успѣхи, но, по обыкновенію, онъ доказываетъ это тѣмъ, что съ тѣхъ поръ, какъ введена была эта система, число арестовъ за различныя преступленія уменьшилось,—аргументъ, очевидно, натянутый, ибо мало-ли горькихъ пьяницъ, совершающихъ преступленія и ускользающихъ отъ карающей руки полицейскаго правосудія. Если обратить вниманіе на распространеніе пьянства въ отдѣльныхъ государствахъ, то и тутъ мало данныхъ въ пользу запретительной системы, ибо тамъ, гдѣ она существуетъ, пьянство, повидимому, еще сильнѣе распространено. Такъ Фовилль, основываясь на новѣйшихъ статистическихъ данныхъ, говоритъ, что отъ пьянства ежегодно умираетъ: въ Соединенныхъ штатахъ 37,500 человекъ, въ Англіи 50,000, въ Германіи 40,000, въ Россіи 15,000 (?), въ Бельгіи 4,000, въ Испаніи отъ 2,500 — 3,000, въ Италіи 1,800, во Франціи только 1,500. Достаточно только однѣхъ этихъ цифръ, чтобы придти къ совершенно противоположному выводу, а именно: тамъ, гдѣ репрессивныя мѣры дѣйствуютъ сильнѣе и постояннѣе, число жертвъ пьянства гораздо больше. Впрочемъ, Фовилль думаетъ, что къ этимъ цифрамъ слѣдуетъ относиться осторожно, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно странны. Онъ находитъ невѣроятнымъ, чтобы пьянство сильнѣе было распространено въ Италіи и Испаніи, чѣмъ во Франціи, потому что признанъ фактъ, что употребленіе алкоголя уменьшается по мѣрѣ приближенія къ югу, по крайней мѣрѣ, во Франціи, гдѣ въ этомъ отношеніи сѣверныя провинціи значительно превосходятъ южныя.

Съ любовью останавливается докторъ Фовилль и на другой мѣрѣ противъ пьянства—на повышеніи акцизной пошлины на ал-

боголь, — мѣрѣ, безчеловѣчно нелѣпой и даже вредной, хотя она повсемѣстно почти прилагается въ государственной практикѣ, больше, впрочемъ, съ финансовыми, чѣмъ педагогическими цѣлями. Докторъ Фовилль самъ пытается ослабить въ концѣ своей книги значеніе этой мѣры, которой онъ приписалъ вначалѣ столько цѣлебныхъ свойствъ, „и тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ на стр. 104, доказано опытомъ, что обложеніе пошлиной алкоголя, какъ-бы ни была она высока, ограничиваетъ (?) въ весьма слабой степени различную продажу спиртныхъ напитковъ; торговцы обходятъ это затрудненіе различными способами. Они или начинаютъ продавать вино нѣсколько дороже противъ прежняго, или уменьшаютъ соразмѣрно увеличенію пошлыны вмѣстимость стѣнокъ питьевой посуды, или-же употребляютъ постороннія подмѣси, что даетъ имъ возможность продавать за ту-же цѣну меньшее количество чистаго алкоголя. Торговецъ иногда остается даже въ барышахъ, и ужь, конечно, потребитель теряетъ больше“. Эти рѣшительныя и вполнѣ справедливыя слова въ устахъ Фовилля не имѣютъ, однако, надлежаго вѣса, потому что нѣсколько ниже онъ, повидимому, симпатизируетъ возвышенію акцизной пошлыны на вино вмѣстѣ съ нѣкоторыми депутатами во французскомъ законодательномъ собраніи, пренія которыхъ онъ подробно изложилъ на первыхъ страницахъ своей книги. Изъ этихъ преній видно, что узко-буржуазное большинство депутатовъ, выхваченное, какъ извѣстно, преимущественно изъ центровъ крупной промышленности и торговли, вовсе не заботилось объ интересахъ потребителей, хотя, ратуя за повышеніе акцизной пошлыны, оно имѣло смѣлость утверждать, что эта мѣра прежде всего будетъ полезна рабочему классу. Это пошлое мнѣніе высказываетъ также и докторъ Фовилль на страницѣ 26 и далѣе; онъ думаетъ, что проектируемая реформа сдѣлаетъ недоступными для рабочихъ алкогольныя напитки, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ пониженія налога на виноградныя вина съ цѣлью отвлечь ими еще болѣе населеніе отъ потребленія чисто спиртныхъ напитковъ. Замѣчательно, что въ этихъ, какъ и въ другихъ преніяхъ, правительство Тьера выказало больше практическаго смысла и пониманія народныхъ нуждъ, чѣмъ все законодательное собраніе. Главными противниками возвышенія акцизной пошлыны на алкоголь выступили министръ финансовъ Пуйе-Кертъе и самъ докладчикъ по этому вопросу, депутатъ Боше. Послѣдній произнесъ

весьма энергическую рѣчь, въ которой опровергаль нелѣпые доводы собранія и ссылаясь на примѣръ Англіи, гдѣ пьянство свирѣпствуетъ съ страшной силой, несмотря на то, что тамъ уже нѣсколько лѣтъ пошлина составляетъ небывалую цифру въ 500 фр. на гектолитръ алкоголя. „Что касается меня, заключилъ Боше, — я не оправдываю грустнаго обычая, который вы хотите уничтожить, но я говорю, что вы не достигнете этой цѣли своей реформой, и пользуясь вашимъ примѣромъ, я больше люблю пьянство въ 150 фран. гектолитръ, чѣмъ ваше — въ 500“.

Лучшая часть книги Фовилля посвящена описанію обществъ трезвости въ Англіи и Соединенныхъ штатахъ Америки. Для насъ здѣсь интересны не столько цѣли, преслѣдуемыя этими обществами, сколько самый фактъ ихъ существованія. Не нужно близкаго знакомства съ дѣятельностью обществъ трезвости, чтобы понять неосуществимость ихъ намѣреній и тѣхъ широкихъ программъ, которыми они, обыкновенно, задаются. Но любопытно, что эти общества чрезвычайно распространены среди народа, который отличается свѣтлымъ умомъ и здравымъ практическимъ смысломъ, что въ непонятномъ ослѣпленіи они работаютъ съ геройскимъ самоотверженіемъ и истинно-трогательнымъ безкорыстіемъ на пользу совершенно призрачнаго и неосуществимаго дѣла. И что-же дѣлаютъ они, на что расходуютъ мощь своей пропаганды и тѣ титаническія силы, которыхъ достаточно, кажется, для того, чтобы сдвинуть міръ съ своего мѣста? На то, чтобы спасти отъ пьянства нѣсколько человѣкъ, у которыхъ есть время слушать ихъ проповѣди и есть практическая возможность примѣнить къ дѣлу принципы трезвости. Громадная толпа дюжихъ атлетовъ торжественно поднимаетъ съ земли соломинку и оглашаетъ вселенную пискливымъ крикомъ своихъ побѣдъ. Еслибъ дѣло шло о нашихъ общественныхъ дѣятеляхъ и филантропахъ, явленіе это, конечно, не заслуживало-бы вниманія, но въ такомъ обществѣ, какъ американское или англійское, нѣтъ причинъ допускать неискренности или лицемерія; ему нѣтъ основаній кривить душой и выдавать за дѣло то, что совѣсть велитъ называть бездѣльемъ.

Общественное движеніе въ пользу трезвости впервые возникло въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ войны за независимость, когда зарождавшаяся промышленность и торговля только начинали классифицировать населеніе по имущественнымъ кастамъ и выдѣлять

изъ среды общества тотъ несчастный разрядъ людей, который искалъ удовлетворенія своей горемичной жизни въ винѣ. Сношенія съ Антильскими островами, гдѣ ромъ фабрикуется въ большомъ количествѣ, доставили возможность удовлетворить этой потребности, и въ нѣсколько лѣтъ пьянство развилось до необыкновенныхъ размѣровъ съ своими обычными спутниками: преступленіемъ и помѣшательствомъ. Такъ-какъ Бостонъ игралъ въ прежнее время роль первоклассной столицы Соединенныхъ Штатовъ, то послѣдствія пьянства обнаружались въ немъ съ особенной силой и потому въ Бостонѣ въ первый разъ сформировалось общество, которое поставило себѣ задачей пропагандировать принципы трезвости. Но оно дѣйствовало, однако, нерѣшительно и, изъ боязни остаться безъ членовъ, не рѣшалось предписывать безусловнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Успѣхъ этого общества былъ незначителенъ, но за то другое, основанное въ 1827 году, счумѣло удачнѣе повести пропаганду и въ короткое время завербовало нѣсколько тысячъ чловѣкъ, которые дали другъ другу клятвенное обѣщаніе никогда и ни подъ какимъ видомъ не употреблять алкоголя и удерживать отъ употребленія его другихъ. Сосѣдніе округа и города послѣдовали примѣру Бостона и къ концу 1828 года въ Соединенныхъ Штатахъ было уже около 280 обществъ съ 30,000 членовъ, а въ 1833 году члены конгресса, собравшись въ Вашингтонѣ, торжественно соединились въ особое общество трезвости, президентомъ котораго избранъ былъ военный министръ. Изъ Америки движеніе въ пользу трезвости перешло и въ Англію, гдѣ, впрочемъ, уже давно велась борьба противъ пьянства. Англійскій историкъ Смоллетъ рассказываетъ, что въ его время, т. е. въ первой половинѣ XVIII столѣтія, „пьянство достигло такихъ размѣровъ, что продавцы этого ядовитаго состава (какъ называетъ благочестивый историкъ спиртные напитки) вывѣшивали объявленія, которыя гласили, что за одинъ пенсъ почтенная публика можетъ привести себя въ опьяненіе, а за два пенса быть мертвецки пьяной и за ту же цѣну получить порцію соломы и выспаться на ней до отрезвленія“. Нищенство и преступленія процвѣтали, а парламентъ издавалъ законъ за закономъ, чтобы оградить населеніе отъ буйства пьяницъ. Обществамъ трезвости предстояло, слѣдовательно, широкое поле дѣятельности, но ни одно изъ нихъ не достигло такого успѣ-

ха, какъ ирландское общество, благодаря содѣйствию одного изъ своихъ членовъ, знаменитаго отца Матью, капуцинскаго монаха, который рѣшился посвятить дѣлу трезвости всю свою жизнь. Отецъ Матью сталъ проповѣдывать два раза въ недѣлю на конныхъ площадяхъ и базарахъ и съ такимъ успѣхомъ, что въ короткое время приобрѣлъ себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ единомышленниковъ. Со всѣхъ сторонъ стекался народъ слушать проповѣдь отца Матью, вездѣ его встрѣчали съ восторгомъ и одушевленіемъ, и въ концѣ 1838 года въ одномъ Коркѣ оказалось до 150,000 друзей трезвости, которымъ были розданы, въ знакъ ихъ обращенія, медали съ изображеніемъ апостола. На слѣдующій годъ патеръ Матью странствовалъ уже въ сосѣднихъ графствахъ, переходя изъ одного города въ другой. Въ Лимерикѣ онъ въ два дня обратилъ на путь трезвости болѣе 100,000 человекъ, встрѣчая повсюду восторженный приемъ. Обыкновенно, онъ говорилъ на открытыхъ площадяхъ, въ виду наиболѣе людныхъ кабаковъ, и народъ послѣ каждой его проповѣди раздражался неистовыми демонстраціями, такъ что отца Матью сопровождали войска и толпы полицейскихъ агентовъ для поддержанія порядка. Пройдя всю Ирландію, отецъ Матью отправился въ Англію и Шотландію, а затѣмъ переселился въ Соединенные Штаты, гдѣ продолжалъ пропаганду трезвости. При всемъ громадномъ вліяніи этого пламеннаго защитника и пропагандиста трезвости, дѣятельность его имѣла чисто-случайный успѣхъ и не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ. Умирая, онъ самъ видѣлъ, что общій уровень народнаго пьянства не понизился и проповѣдь его дѣйствовала только въ то время, когда она раздавалась въ ушахъ слушателей отца Матью...

Цѣль обществъ трезвости исключительно предупредительная; они существуютъ для трезвыхъ людей „и стремятся сохранить трезвыми трезвыхъ, пока не сойдутъ въ могилу всѣ пьяницы, нежелающіе исправиться, и пока міръ не высвободится изъ-подъ ига невоздержности“. Средства для достиженія этой цѣли многочисленны и разнообразны, и въ числѣ ихъ занимаетъ важное мѣсто устная пропаганда. Общество содержитъ на жалованьи ораторовъ, которые обязаны произнести въ годъ извѣстное количество проповѣдей и всѣми мѣрами вербовать прозелитовъ. Но главнымъ орудіемъ пропаганды служитъ пресса. Общества трезвости основываютъ спеціальныя журналы и рассылаютъ ихъ за баснословно-

дешевыя цѣны, благодаря чему они расходятся въ громадномъ количествѣ, какъ, напр., нью-іоркскій журналъ „Temperance Recorder“, который расходился ежемѣсячно въ числѣ 250,000 экземпляровъ. Независимо отъ специальныхъ органовъ, почти всѣ политическіе журналы и газеты, которыхъ считается въ Соединенныхъ штатахъ до 2,200, посвящаютъ свои столбцы пропагандѣ принциповъ трезвости. Общества предлагаютъ также преміи за лучшія сочиненія на тему о пьянствѣ, издають для дѣтей книги *трезваго* содержания и заказываютъ беллетристамъ специальные повѣсти для взрослыхъ, гдѣ пьянство терзается, конечно, земными и небесными муками, а добродѣтельная трезвость торжествуетъ и благоденствуетъ. Во многихъ большихъ городахъ устроены *отели трезвости*, гдѣ ни за какія деньги нельзя достать ничего спиртнаго; они открыты для всѣхъ посѣтителей, и хотя-бы они были отъявленными врагами „трезвыхъ“, имъ приходится безропотно повиноваться уставу послѣднихъ. Недавно въ нѣкоторыхъ городахъ устроены особыя заведенія подѣ общимъ именемъ „British Workman“, съ цѣлью доставить рабочимъ возможность развлекаться отъ трудовъ чтеніемъ газетъ, журналовъ и книгъ. Тутъ же существуютъ особыя помѣщенія для общихъ бесѣдъ и совѣщаній.

Мы не беремся дать читателямъ понятіе о результатахъ, которыхъ достигли общества трезвости, хотя докторъ Фовилль напрягаетъ все свое краснорѣчіе, чтобы обтѣяснять ихъ великое значеніе. Впрочемъ, принимаясь за эту задачу, онъ дѣлаетъ оговорку, что вліяніе обществъ трезвости исключительно нравственное, а нравственные факты, по его мнѣнію, не поддаются статистикѣ, „и не могутъ быть ни взвѣшены, ни сосчитаны“. Это, конечно, напрасно, потому-что статистика почти только и изслѣдуетъ нравственные факты и безъ нихъ ей-бы нечего и дѣлать. Докторъ Фовилль не рѣшается опредѣлить въ точности число приверженцевъ трезвости, „но мы можемъ утвердительно сказать, говоритъ онъ,—что ихъ наберется сотни, тысячи и даже миллионы; между ними, независимо отъ тѣхъ, которые никогда не употребляли спиртныхъ напитковъ, найдется порядочное число исправившихся пьяницъ, но особенно много людей, отвращенныхъ отъ этой пагубной страсти силою хорошаго примѣра и которые, вѣроятно, погибли-бы отъ пьянства! Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣ-

тъ! Что касается насъ, то мы думаемъ, что если послѣдняя категория людей осталась трезвой, тѣ она такъ и сошла-бы въ могилу съ своею добродѣтелью, слушала-ли-бы она проповѣди отца Матью или нѣтъ; равнымъ образомъ если-бы этой категоріи суждено было силою социальнаго рока предаться пьянству, то никакіе отцы Матью, никакія проповѣди и поученія не удержали-бы ее отъ этого. Гораздо любопытнѣе было-бы, если-бы докторъ Фовилль постарался показать экономическое положеніе и вообще обстановку и условія существованія съ одной стороны людей, которыхъ яко-бы удержала отъ пьянства сила хорошаго примѣра, а съ другой—людей, которые не предаются пьянству, хотя и не состоятъ членами обществъ трезвости. Можетъ быть, это сравненіе показало-бы истинныя причины успѣховъ, приписываемыхъ докторомъ Фовиллемъ дѣятельности обществъ трезвости. Какъ ни скромнень докторъ Фовилль въ похвалахъ, расточаемыхъ этимъ обществамъ, однако онъ не утерпѣлъ отъ нагляднаго изображенія приносимой ими пользы и рискнулъ обратиться къ статистикѣ, но онъ только доказалъ, что онъ не можетъ, какъ онъ самъ выразился, ни взвѣшивать, ни считать наблюдаемыхъ имъ фактовъ. Докторъ Фовилль сравниваетъ количество потреблявшагося алкоголя въ Англии до и послѣ похода на пьяницъ и, находя, что оно уменьшилось въ нѣсколько лѣтъ существованія обществъ трезвости, приписываетъ это исключительно ихъ вліянію. Съ этимъ, однако, едва-ли можно согласиться, потому что уменьшеніе алкоголя такъ незначительно, что можно смѣло приписать это уменьшеніе распространенію образованія и стремленію рабочихъ улучшить свою матеріальную обстановку. Но очень жаль, что докторъ Фовилль не привелъ для сравненія цифръ потребляемаго алкоголя за послѣднее десятилѣтіе, а очень можетъ быть, что эти цифры показали-бы нѣчто совершенно противоположное утвержденію Фовилля.

Въ послѣднее время въ Америкѣ распространяются спеціальныя лечебницы для пьяницъ, учреждаемыя на частныя и общественныя средства. Безъ сомнѣнія, онѣ имѣютъ больше смысла, чѣмъ всѣ общества трезвости съ ихъ наивной филантропіей и *не-отсомой* пользой. Въ учрежденіи этихъ лечебницъ сказался здравый смыслъ и чувство справедливости американца, который убѣжденъ, что пьянство есть своего рода душевное страданіе. „Въ

жизни пьяницы, замѣчаетъ американскій докторъ Лисъ, бывають свѣтлые промежутки, какъ и у всѣхъ душевныхъ больныхъ, и нѣтъ причинъ смотрѣть на него иначе. Правительство и частныя лица строятъ больницы и госпитали для помѣшанныхъ, тамъ ихъ лечуть по извѣстной системѣ, предписывающей главнымъ образомъ гимнастическія упражненія и физическій трудъ въ видѣ различныхъ ремеслъ. Но для пьяницъ это еще болѣе необходимо. Учрежденіе госпиталей для этого разряда больныхъ есть дѣло истинной благотворительности, но госпиталь для пьяницъ не долженъ быть тюрьмой, рабочимъ домомъ или вообще мѣстомъ заключенія. Лечебницы эти имѣли и до сихъ поръ пользуются громаднымъ успѣхомъ; онѣ открываются преимущественно частными лицами, но правительство охотно помогаетъ послѣднимъ значительными суммами. Интересно изслѣдовать общественное положеніе пьяницъ, находящихся въ этихъ лечебницахъ; здѣсь представляется, можетъ быть, единственная возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о вліяніи социальнаго строя *американской жизни* на пьянство. Къ сожалѣнію, изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя собраны Фовиллемъ, трудно извлечь что либо опредѣленное. Въ одной лечебницѣ всѣхъ больныхъ въ 1871 году считалось 271 мужчина; изъ нихъ женатыхъ было 148, а холостыхъ 126. По правиламъ этой лечебницы, женщины туда не допускаются, въ крайнему сожалѣнію ея директора Лоранса, по мнѣнію котораго пьянство сильно распространено между ними. „Оно, говоритъ Лорансъ,—не ограничивается, какъ въ прежнее время, бѣдными женщинами и проститутками, но распространилось и распространяется все болѣе и болѣе между женщинами, которыя принадлежатъ къ богатому классу и занимають хорошее положеніе въ обществѣ“. Но въ Америкѣ существуютъ лечебницы и для женщинъ, равно какъ и въ Англии, гдѣ, однако, до сихъ поръ нѣтъ ни одного госпиталя для пьяницъ-мужчинъ. Въ одной американской лечебницѣ для мужчинъ въ 1869 году находилось 310 больныхъ, между которыми было 93 рабочихъ, 82 негоціанта, 16 земледѣльцевъ, 15 адвокатовъ, 9 банкировъ, 29 рантьеровъ, 3 священника, 2 литератора, 2 учителя, 2 музыканта и т. д. Изъ этого числа нѣкоторые радикально излечиваются, иные поступаютъ въ лечебницу по два и по три раза. Разсчетливые янки не замедлили переложить на доллары поль-

зу, которую приносятъ обществу лечебницы. Они говорятъ, что тѣ пьяницы, которые вылечены, какъ бы снова возрождаются для общественной дѣятельности и приобретаютъ способность обогащать государство своимъ трудомъ, который иначе погибъ-бы безвозвратно. „Если всѣ 302 пьяницы, которыхъ мы вылечили, говоритъ директоръ одного госпиталя, — принадлежать къ рабочему классу и зарабатываютъ каждый 10 фр. ежедневно, то мы сберегли государству сумму въ 906,000 фр. въ годъ; но такъ какъ между этими больными многіе зарабатываютъ болѣе, чѣмъ рабочіе, то въ дѣйствительности эта сбереженная сумма еще выше.“ Соображенія эти въ общемъ, конечно, справедливы, хотя едва-ли можно оцѣнивать трудъ вылеченнаго пьяницы по нормальному масштабу здоровыхъ и никогда непьянствовавшихъ людей. Но бѣда-то въ томъ, что до сихъ поръ леченіе отъ пьянства, какъ и отъ другихъ душевныхъ болѣзней, крайне несовершенно и потому нельзя не отнестись скептически къ тѣмъ успѣхамъ, о которыхъ желаетъ дать понятіе одна лечебница своими цифрами. Такъ въ этомъ госпиталѣ изъ 349 больныхъ выздоровѣло, по словамъ отчета, 215 человѣкъ! 65 человѣкъ вышло изъ лечебницы въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ какомъ они находились до леченія, а 9 оказалось неизлечимыхъ. Изъ того-же числа больныхъ 34 поступили въ лечебницу во второй разъ, 18 въ третій, 6 въ четвертый, и 2 въ пятый разъ. Если въ этомъ отчетѣ на половину правды, то и въ такомъ случаѣ результаты леченія можно считать блестящими, но кто-же поручится, что изъ числа 215 человѣкъ, вылеченныхъ, по словамъ отчета, радикально, большая часть не возвратилась къ прежней страсти, хотя и не пожелала снова вступить въ лечебницу?

Оставляя разсмотрѣнную нами область соціальной практики, столь недоступной для научнаго изслѣдованія, читатель едва-ли вполне вознаградитъ себя чтеніемъ книги Литтре: „*Médecine et Médecins*“. Это сборникъ мелкихъ статей по разнообразнымъ вопросамъ теоретической медицины, напечатанныхъ въ разныхъ французскихъ журналахъ и газетахъ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Трудно сказать, что побудило знаменитаго позитивиста возсоздать эту почтенную старину и приподнести ее современной публикѣ, какъ новое произведеніе. Ни одна наука не сдѣлала такихъ громадныхъ успѣховъ въ послѣднее время, какъ медицина,

для которой пять лѣтъ, можетъ быть, больше значать теперь, чѣмъ прежде тридцать. Отъ старой медицины, медицины 30-хъ годовъ ничего почти не осталось для современнаго поколѣнія; она вся преобразована школой нѣмецкихъ ученыхъ и внѣ ея доктринъ нельзя трактовать ни одного медицинскаго вопроса. Поэтому можно только удивляться отвагѣ Литтре, когда онъ рѣшается печатать статью о холерѣ, написанную имъ въ 1834 году, ст. объ эпидеміяхъ, напечатанную въ первый разъ въ 1836 году, объ огнестрѣльныхъ ранахъ, напечатанную въ 1834 году, и о физиологическомъ и терапевтическомъ значеніи электричества—предметъ, разъясненный сколько-нибудь основательно только въ новѣйшее время. Въ статьѣ объ эпидеміяхъ, наполненной устарѣлыми взглядами и давно извѣстными фактами, только нѣсколько страницъ заслуживаютъ вниманія, такъ какъ Литтре коснулся въ нихъ интереснаго вопроса о душевныхъ эпидеміяхъ, преимущественно, впрочемъ, съ исторической точки зрѣнія. Мы имѣли уже случай говорить читателямъ „Дѣла“, что новѣйшіе психіатры, и въ числѣ ихъ Илампъ, признаютъ существованіе эпидемическихъ болѣзней души, поражающихъ въ одно время огромныя массы людей, а иногда цѣлый народъ. Исторія сохранила множество поразительныхъ примѣровъ этого явленія, и нѣкоторые изъ нихъ сообщены Литтре. Такъ въ 1774 году въ Германіи обнаружилась между множествомъ людей странная наклонность къ пляскѣ и неистовымъ движеніямъ, являвшаяся мгновенно на многихъ лицахъ заразъ. Толпы мужчинъ и женщинъ соединялись вмѣстѣ и отправлялись странствовать по улицамъ и церквямъ, гдѣ они представляли весьма странное зрѣлище. Они становились въ кругъ, держа другъ друга за руки, и начинали бѣшено плясать, не стыдясь присутствовавшихъ зрителей, до тѣхъ поръ, пока не падали въ изнеможеніи. Затѣмъ они жаловались на мучительную тоску и не переставали дико стонать, пока каждому изъ нихъ не натирали животъ. Во время пляски они ничего не видѣли и ничего не слышали; нѣкоторымъ являлись страшныя видѣнія, другіе-же видѣли ангеловъ. Если эта болѣзнь достигала полнаго развитія, то она начиналась эпилептическими судорогами; больные падали въ безсознательномъ состояніи и съ пѣной у рта, но затѣмъ вставали и начинали дикую пляску. Красный цвѣтъ имѣлъ свойство раздражать этихъ больныхъ и еще болѣе усиливать ихъ припадки, равно какъ и звуки

шумной музыки. Толпы этихъ несчастныхъ состояли изъ нѣсколькихъ сотенъ и тысячъ человѣкъ, которые переходили изъ одного города въ другой и заражали своей болѣзью другихъ. Нѣсколько столѣтій тому назадъ въ Италиі появилась однородная эпидемія, извѣстная подъ именемъ тарантизма, которую приписывали укушенію тарантула, но Литтре полагаетъ, что укушеніе было лишь поводомъ или предлогомъ къ развитію этой болѣзни, такъ какъ она существовала и въ Германіи. Люди, укушенные этимъ животнымъ или воображавшіе, что они укушены тарантуломъ, впадали въ грустное настроеніе духа, переходившее въ полное оцѣпенѣніе, во время котораго они не владѣли разсудкомъ. Единственную отраду они находили въ гитарѣ или флейтѣ. Лишь только до слуха ихъ касался звукъ этихъ инструментовъ, они пробуждались точно изъ очарованнаго состоянія, глаза ихъ раскрывались, и движенія, которыми они сопровождали музыку, становились все оживленнѣе и оживленнѣе, оканчиваясь неистовою пляскою. Опасно было прерывать музыку: больные впадали въ прежнее оцѣпенѣніе; нужно было играть до тѣхъ поръ, пока усталость не истощитъ ихъ силы. Замѣчательно, что эти больные одержимы были страстнымъ желаніемъ видѣть море; если его не оказывалось вблизи, то они требовали, чтобы ихъ несли къ берегу рѣки или чтобы предъ ними держали, по крайней мѣрѣ, воду. Эпидемическое помѣшательство встрѣчалось и у древнихъ, какъ сообщаютъ греческіе врачи и, между прочимъ, Маркеллъ Сида, который жилъ во времена римскихъ императоровъ Адриана и Антонина и оставилъ описаніе одной весьма странной душевной болѣзни, на которую обратилъ вниманіе и Орибазъ, медикъ императора Юліана. „Одержимые этой болѣзью, говоритъ Орибазъ,—уходятъ изъ дому по ночамъ; они подражаютъ во всѣхъ отношеніяхъ волку и блуждаютъ по кладбищамъ до восхода солнца. Ихъ легко узнать: они блѣдны, глаза ихъ неподвижны и выкатившіеся, языкъ сухой, во рту нѣтъ ни капли слюны, и ихъ мучитъ жажда; ноги ихъ всегда изранены и покрыты застарѣлыми язвами“. Эта странная болѣзнь существовала одно время и во Франціи, какъ увѣряетъ Литтре; она поражала одинаково какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ XV столѣтіи появилась замѣчательная эпидемія между германскими дѣтьми; она состояла въ томъ, что въ нѣсколькихъ германскихъ семействахъ дѣти заявили страстное желаніе отправиться на богомолье

на гору св. Михаила въ Нормандіи, и если родители отказались исполнять ихъ желаніе, то они умирали отъ досады и тоски. Толпа изъ нѣсколькихъ сотъ дѣтей, собранныхъ изъ Элвангена, Галля и другихъ мѣстъ, двинулась въ путь, напутствуемая молитвами испуганныхъ родителей! Въ Галль имъ дали педагога и осла на случай, если окажутся больные. Толпа дошла до береговъ моря и ожидала отлива, чтобы дойти пѣшкомъ до скалы — цѣли ихъ путешествія. Несчастные богомольцы не нашли, однако, во Франціи сочувствія своимъ стремленіямъ и подверглись всевозможнымъ несчастіямъ и лишеніямъ. Одна древняя германская хроника слѣдующимъ образомъ описываетъ злополучный исходъ этого богомолья: „Многіе умерли съ голода, многіе умерли съ холода, нѣкоторые были схвачены во Франціи и проданы; никто не вернулся на родину.“ Описывая эти душевныя эпидеміи, Литтре не показываетъ, однако, связи ихъ съ господствовавшими идеями вѣка и социальнымъ бытомъ того времени. Связь эта, конечно, существуетъ, хотя съ перваго раза ее трудно замѣтить; здѣсь нуженъ подробный историческій анализъ и всестороннее знакомство съ эпохой, въ которую появлялись душевныя эпидеміи. Но въ настоящее время существуютъ нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи, и онѣ обѣщаютъ въ будущемъ освѣтить полнымъ свѣтомъ этотъ пока еще темный предметъ.

О другихъ статьяхъ Литтре едва ли стоитъ упоминать, хотя онѣ и затрогиваютъ интересные вопросы. Всѣ онѣ крайне поверхностны и написаны въ духѣ французской медицинской школы, утратившей теперь свое значеніе въ наукѣ. Можно еще развѣ указать на статью о политическомъ самоубійствѣ, написанную по поводу одной французской книги. Литтре совершенно справедливо говоритъ, что, подъ вліяніемъ извѣстныхъ политическихъ событій, въ умахъ людей можетъ зародиться мысль о самоубійствѣ безъ малѣйшихъ слѣдовъ душевнаго разстройства. „Если, говоритъ онъ, — человекъ ясно излагаетъ причины, которыя заставляютъ его покончить съ жизнью, если эти причины дѣйствительны, а не воображаемы, то въ силу чего мы отрицаемъ нравственную свободу дѣйствій, которую мы признаемъ за собой? Что такое разумный поступокъ, какъ не дѣйствіе, сознаваемое его виновникомъ и согласное съ обстоятельствами, которыя оправдываютъ его? Слѣдовательно, нужно признать, что нѣкоторые виды самоубійства

не относятся къ категоріи душевныхъ разстройствъ, но порождены другого рода вліяніями“. Нельзя не согласиться, что иногда самоубійство является послѣдствіемъ здраваго разсудка и полного самообладанія, что мозгъ людей, рѣшающихся на такое самоубійство, можетъ быть здоровѣе и нормальнѣе мозга людей, остающихся въ живыхъ. Во время французской революціи многіе лишали себя жизни и только потому, чтобы избѣгнуть позорной казни и мучительныхъ пытокъ, которымъ подвергали другъ друга враждующія политическія партіи; этой участи не избѣгли ни роялисты, ни жирондисты, ни монтаньяры, ни бабувисты. Многіе заговорщики также прибѣгали къ самоубійству, не дожидаясь, пока коснется ихъ голова рука палача. „Это было не то спокойное самоубійство, говоритъ Литтре,—на которое обрекалъ себя Катонъ, храня подъ платьемъ кинжалъ и читая діалогъ Платона о безсмертіи души въ обществѣ друзей; это было самоубійство среди всеобщаго смятенія и взаимныхъ преслѣдованій, у подножія трибунала, въ рукахъ жандармовъ, посредствомъ гвоздя, севераго ножа или капли яда, тщательно сберегаемой для послѣдней минуты“. Безъ сомнѣнія, никто не назоветъ также безумнымъ Кондорсе, человѣка, „въ которомъ, по выраженію Литтре, было все, что произвели мысль и жизнь XVIII столѣтія.“ Осужденный враждебной партіей на казнь, Кондорсе искалъ спасенія въ бѣгствѣ и, найдя пріютъ у одной женщины, онъ сталъ писать, среди общаго говора объ угрозахъ смерти, свое знаменитое сочиненіе: „*Esquisse des progrès de l'esprit humain*“. Но когда изданъ былъ законъ, подвергавшій каждому, кто спрячетъ у себя осужденнаго, той-же участи, Кондорсе отказался пользоваться великодушнымъ гостепріимствомъ спасавшей его до тѣхъ поръ женщины; онъ былъ схваченъ, благодаря усердію масона Кламара, члена революціоннаго комитета, и принялъ ядъ, давно уже приготовленный имъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ написалъ слѣдующія незабвенныя слова: „Удалите отъ моей дочери всякое чувство личной мести; скажите ей, что это моя воля, скажите, что месть была чужда моей душѣ“.

Въ заключеніе настоящаго обзора, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о книгѣ нѣкоего Горзелля, которую справедливѣе было-бы назвать книгой для разстройства, чѣмъ для сохраненія здоровья. Эпиграфомъ для этой книги оригинальный

авторъ избралъ изреченіе англійскаго врача Гаррисона, гласящее, что „монархъ, который уничтожилъ-бы въ своемъ государствѣ заразу медицинской практики и аптечнаго леченія, долженъ быть причисленъ къ величайшимъ благодѣтелямъ человѣчества“. Горзелль вполне осуществилъ смыслъ этихъ словъ, ибо онъ изгналъ изъ своей книги медицинскую науку и откровенно сознался въ предисловіи, что не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на какія-либо знанія по этой части. Онъ увѣренъ, что его личный опытъ дороже всякихъ книжныхъ авторитетовъ, а затѣмъ— „не люблю— не слушай“. Разсказавъ исторію своей жизни, домашнія привычки и уходъ за своимъ организмомъ, Горзелль рекомендуетъ въ примѣръ себя, какъ человѣка, у котораго „въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровый умъ“. Что касается тѣла г. Горзелля, то мы не беремъ на себя труда судить о немъ; должно быть, оно здорово. Но объ умѣ его мы имѣемъ точное понятіе и не нуждаемся въ рекомендаціяхъ даже самого обладателя его. По беззащитности и шарлатанству Горзелль напоминаетъ собой пресловутаго доктора Бока, но, уступая ему въ образованіи, онъ беретъ бойкостью языка, которая, впрочемъ, доходитъ иногда до болтливости, съ наклонностью философствовать въ духъ гоголевской Коробочки и брѹсовскихъ календарей о суетѣ мірской и полезныхъ результатахъ натиранія живота постнымъ масломъ. Но нерѣдко Горзелль воодушевляется и тогда онъ съ непритворнымъ пафосомъ восклицаетъ: „да здравствуетъ ключевая вода!“ (стр. 79) „и да погибнуть спиртные и горячительные напитки, острыя приправы, животная пища“, могли-бы мы прибавить, вторя Горзеллю, такъ-какъ онъ, повидимому, все это и желалъ доказать своей книгой.

В. Онгирскій.

ПЕРВЫЯ КНИГИ.

Исторія Наполеона I. Сочиненіе П. Ланфрè. Переводъ подь редакціей А. Афанасьева-Чужбинскаго. Изданіе Вольфа. Тома I, II, III. Спб. 1870—1871.

«Исторія Наполеона I» — лучшее произведеніе Ланфрè, и все, что могъ сдѣлать этотъ посредственный умъ, онъ сдѣлалъ для своего сочиненія. Книга читается довольно легко, фактами она богата, авторъ на каждой почти страницѣ протестуетъ разными либеральными фразами противъ наполеоновскаго деспотизма, но онъ не вноситъ ни въ описываемую имъ эпоху, ни въ характеристику самой личности Наполеона ничего новаго. Какъ рассказчикъ, онъ довольно искусно группируетъ факты, иногда освѣщаетъ ихъ критическимъ свѣтомъ, но до общаго взгляда на своего героя, до выясненія темныхъ сторонъ этой загадочной и бурной натуры Ланфре не возвышается. Онъ совершенно справедливо говоритъ, что Бонапартъ всегда отдавался господствующему направленію общества и съ большимъ тактомъ пользовался имъ для достиженія своихъ цѣлей. Но почему онъ сдѣлался военнымъ демагогомъ — объ этомъ Ланфре умалчиваетъ. Дѣло въ томъ, что наполеоновскія войны были прямымъ послѣдствіемъ революціи. Революція, какъ извѣстно, съ самаго начала приняла универсальное направленіе; дѣятели ея ясно и открыто заявляли, что они дѣйствуютъ не для одной только Франціи, даже не для одной Европы, но для «всего рода человѣческаго»... Въ числѣ золь, противъ которыхъ они боролись, одно изъ главныхъ мѣстъ занимала война. Революціонеры мечтали о вѣчномъ мирѣ, объявляли войну величайшею несправедливостью. Конституція 1791 г. постановила, что «французская нація отказывается отъ всякой наступательной войны и ни-

когда не обратитъ своихъ силъ противъ свободы другихъ народовъ». Но ходъ исторіи быстро разрушилъ всѣ эти иллюзіи. Когда прошелъ первый пылъ того энтузіазма, которымъ охватили идеи XVIII вѣка французское общество, когда, послѣ страшнаго нравственнаго напряженія, вдругъ наступилъ упадокъ силъ и реакція вступила въ свои права, мирныя стремленія смѣнились воинственнымъ азартомъ. Война сдѣлалась общимъ крикомъ народа, какой-то священной миссіей всей Франціи. Ей угрожали со всѣхъ сторонъ, ее раздирали внутреннія междоусобія, на нее нападали вѣншіе враги, и народъ возсталъ на защиту своей независимости и своихъ правъ, но при этомъ оборонительная война начала постепенно переходить въ наступательную.

Въ это-то время выступилъ на сцену молодой Бонапартъ, вскорѣ сдѣлавшійся идоломъ военной демократіи и необходимымъ человѣкомъ для правительства, становившагося все болѣе и болѣе реакціоннымъ. По своему характеру Бонапартъ готовъ былъ пристать къ какой угодно партіи—и къ якобинцамъ, и къ Бурбонамъ, и къ Бабефу, и къ Лафайету, но пристать затѣмъ, чтобы пользоваться ими для основанія и расширенія своей власти, жажда которой у него была безпредѣльна. Будучи глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца и проницательнымъ эксплуататоромъ обстоятельствъ, Бонапартъ ловко воспользовался войнами, завѣщанными революціей и тѣмъ нравственнымъ упадкомъ, который, подъ влияніемъ-же непрерывныхъ войнъ, началъ уже обнаруживаться въ военной демократіи. Продолжая по-прежнему выставлять мотивомъ войны торжество свободы и французской республики, онъ въ то-же время поощрялъ въ арміи самыя дурныя инстинкты и увлекалъ ее надеждою добычи. Прокламація, которою Бонапартъ увѣдомлялъ войска о началіи итальянской войны, не обращается уже къ патріотизму солдатъ, а только возбуждаетъ въ нихъ жажду грабежа. «Солдаты, васъ плохо кормятъ, вы почти наги. Правительство много вамъ должно, но ничего не въ состояніи сдѣлать для васъ. Я веду васъ въ самыя плодородныя страны, гдѣ вы найдете большіе города, богатыя провинціи, гдѣ вы найдете почести, славу и *богатства*. Солдаты итальянской арміи, ужели вы не будете храбры!» (Ланфре, I, 69). Съ этихъ поръ Италія сдѣлалась ареною систематическаго грабежа французскихъ войскъ; армія содержалась на счетъ итальянцевъ и, кромѣ того Бонапартъ, называвшій себя въ шутку «казначеемъ» парижской Директоріи, посылалъ ей громадныя суммы, выжатыя изъ итальянцевъ и поступавшія во французское казначейство. Съ Генуи взято 15,000,000 фр., съ Ломбардіи 20,000,000, съ Болоньи и Феррары 21,000,000 и т. д.

Но контрибуціями дѣло не ограничивалось: лошадей, хлѣбъ, всевозможные товары, домашнюю утварь, картины, статуи—все грабли и отсылали во Францію или истребляли на мѣстѣ. Бонапартъ сдѣлался главнымъ поставщикомъ денегъ французскому правительству. Директорія требовала отъ него денегъ и денегъ. «Мониторъ» ежедневно печаталъ рапорты Бонапарта, его прокламаціи и отчеты о добычѣ. Эта жажда дешевой наживы такъ далеко увлекла французскихъ солдатъ, что Бонапартъ первый сталъ бороться противъ нея. Онъ писалъ Директорію, что если-бъ онъ могъ, то онъ разстрѣлялъ-бы всѣхъ офицеровъ до одного за ихъ возмутительныя насилія. Но Директорія мало заботилась о стараніяхъ Наполеона прекратить грабежи и насилія: ей нужны были деньги, а Бонапартъ не только наполнялъ государственную кассу, но и посылалъ подарки самимъ директорамъ (98.) Той-же самой системы Директорія и Бонапартъ держались и относительно другихъ странъ, напр., Швейцаріи, гдѣ Брюнь съ одного только Берна взялъ контрибуцію больше 41,000,000 (298.) Отправляясь въ египетскую экспедицію, Бонапартъ объявлялъ: «каждому солдату я обещаю, что, по возвращеніи изъ похода, онъ будетъ имѣть на что купить шесть десятинъ земли» (303.) Экономическая эксплуатація народовъ оставалась постоянною системою и при консульствѣ, и при имперіи. Съ побѣжденныхъ брали контрибуціи, ихъ заставляли содержать французскія арміи, ихъ присоединяли къ Франціи, ихъ земли раздавались въ собственность французскимъ маршаламъ. Съ одной сѣверной Германіи и посредствомъ одного только интенданта Дарю, Наполеонъ взялъ колоссальную для того времени сумму въ 604.227.000 фр., не считая того, что лично для себя награбили маршалы, генералы, офицеры, комисары и солдаты (II, 70, III, 26, 419; Scherr; Blücher, II, 85.) Наполеоновское владычество, такимъ образомъ, приносило большія выгоды и арміи, и правительству и даже народу, освобождая послѣдній отъ тягости излишнихъ податей и повинностей. Французскіе финансы до 1813 г. были въ хорошемъ состояніи, а земледѣліе и промышленность значительно, хотя тоже не на долго, оживились послѣ революціоннаго разгрома. Тѣ-же самыя личныя выгоды, ради которыхъ главнымъ образомъ солдаты всюду шли за Наполеономъ, привязывали къ нему и всѣхъ гражданскихъ дѣятелей. Когда онъ былъ консуломъ, когда уничтожалъ конституцію, когда провозглашалъ себя императоромъ, когда вѣлъ свои дипломатическія интриги и душилъ Францію, у него всегда являлись вѣрные и дѣятельные помощники. Прощенные эмигранты, ренегаты-якобинцы, всевозможные спекуляторы и искатели мѣстъ на-

перерывъ предлагали ему свои услуги, а онъ раздавалъ имъ выгодныя должности, чины, подарки. Переворотъ былъ такимъ-же предпріятіемъ азартнаго игрока, какъ и переворотъ, совершенный Наполеономъ III.

По мѣрѣ того, какъ росло значеніе Бонапарта въ глазахъ всей Франціи, изумлявшейся его необыкновенной энергіи и постояннымъ побѣдамъ, популярность его между войсками достигла такихъ размѣровъ, что онъ имѣлъ полное основаніе говорить о себѣ: «куда-бы я ни повелъ свою армію, она всегда пойдетъ за мной!» И она дѣйствительно шла за нимъ—и въ Азію, и въ Африку, и въ Россію, потому что видѣла въ немъ своего любимаго и непобѣдимаго вождя. Онъ льстилъ страстямъ всѣхъ людей, но въ особенности старался заискривать расположенія между солдатами. Относясь къ королямъ, маршаламъ, министрамъ и генераламъ холодно и грубо, этотъ несравненный актеръ разыгрывалъ среди солдатъ роль ихъ друга и товарища. Видъ Наполеона, даже одно имя его производили на войска волшебное дѣйствіе. Ночью, наканунѣ аустерлицкой битвы, Наполеонъ пѣшкомъ осматривалъ бивуаки. Солдаты узнали его и окружили съ восклицаніями. Мигомъ кучи соломы были воткнуты на колья для импровизированной иллюминаціи. Одинъ старый гренадеръ подошелъ къ нему и сказалъ отъ лица своихъ товарищей: «общаюсь, что мы доставимъ не мало русскихъ знаменъ и пушекъ, чтобы отпраздновать годовщину твоей коронаціи» (III, 329.) Для Франціи Наполеонъ былъ деспотомъ, а для солдатъ военнымъ трибуномъ, любимымъ дѣтищемъ, ихъ созданіемъ, воплощеніемъ ихъ тщеславія и честолюбія. Съ такимъ преданнымъ войскомъ, которое онъ ревностно старался отдѣлать отъ народа и вооружить противъ «штатскихъ» якобинцевъ, онъ могъ совершать какіе угодно внутренніе перевороты. Еще во время Директоріи, которую онъ сумѣлъ поставить въ полную зависимость отъ себя, онъ писалъ: «я вамъ предсказываю и говорю отъ имени 80.000 солдатъ, что прошло время, въ которое подлые адвокаты и жалкіе болтуны рубили головы солдатамъ; теперь солдаты итальянской арміи, если вы ихъ къ тому принудите, придутъ къ рогаткѣ Килиши съ своимъ генераломъ, и тогда горе вамъ!» (I, 242.) И съ помощью-то этихъ солдатъ онъ сдѣлался пожизненнымъ консуломъ, потомъ императоромъ, разрушилъ остатки конституціи и водворилъ деспотизмъ. Но такъ-какъ въ арміи оставалось еще не мало республиканскихъ элементовъ, то Бонапартъ счелъ необходимымъ если не уничтожить, то ослабить ихъ. Опасаясь рейнской арміи, сохранившей еще старый республиканскій духъ, онъ послалъ ее на Сень-До-

инго, гдѣ она погибла отъ войны и отъ лихорадки, будучи вынуждена разрушать сенъ-домингскую республику и рѣставрировать абсолютизмъ, который Бонапартъ поддерживалъ вездѣ, гдѣ только достигалъ власти.

Эпоха Наполеона была чрезвычайно обильна талантливыми полководцами, въ родѣ Гоша, Клебера, Массены, Моро, Ожеро и т. д. Но Бонапартъ не терпѣлъ соперниковъ. Онъ такъ ловко велъ свои дѣла, что постоянно пользовался ихъ трудами, присвоивалъ себѣ лавры, завоеванные ими, и всегда сваливалъ на ихъ ответственность свои промахи и ошибки (I, 343; II, 186, 293 и др.) Въ кампаніи, ознаменованной славой Маренго, онъ, чтобы одному только себѣ приписать честь побѣды, бросилъ на произволъ судьбы всѣ войска, состоявшія подъ командою другихъ генераловъ, привлекъ на одного себя всѣ австрійскія силы и потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, которое превратилось въ блистательную побѣду, благодаря только чистой случайности (II, 140—158.) Обязанный своей хитрости, этотъ гениальный игрокъ такъ удачно пользовался талантами и планами другихъ генераловъ, что всегда былъ главнымъ и почти единственнымъ триумфаторомъ. Съ помощью того-же самаго искусства онъ былъ и единственнымъ водворителемъ внутренняго мира во Франціи. Нарочито запутывая дѣла и сбивая съ толку революціонныхъ выродковъ, составлявшихъ правительство, онъ постепенно возстановлялъ монархію и заправлялъ теченіемъ дѣлъ. Онъ, напр., самъ сознается, почему онъ затѣялъ египетскую экспедицію: «для того, чтобы быть властителемъ Франціи, необходимо было, *чтобъ Директорія потерпѣла неудачу въ его отсутствіе*, и чтобъ возвращеніе его напомнило наши побѣды» (294.) Чтобы достигъ власти парижскаго коменданта, полноправнаго главнокомандующаго итальянской арміей, перваго консула, пожизненнаго консула, онъ устраивалъ всегда такъ, чтобы эту власть предлагали ему, какъ единственному необходимому человѣку, а въ противномъ случаѣ онъ просилъ отставки. Этотъ обыкновенный пріемъ всѣхъ великихъ историческихъ комедіантовъ повторялся такъ часто, что для людей, менѣе простоватыхъ, сдѣлался слишкомъ яснымъ и невыносимымъ. Предъ египетской экспедиціей, когда онъ въ Директоріи снова началъ угрожать своей отставкой, Рейбель равнодушно протянулъ къ нему перо и сказалъ: «спишите вашу отставку, генералъ: у республики есть еще дѣти, которыя не покинуть се!» Бонапартъ взялъ перо, но допустилъ Мерлина вырвать его у себя изъ рукъ и объ отставкѣ уже болѣе не заговаривалъ (140, 301.) Всѣ эти комедіи

кончились, когда Наполеонъ былъ выбранъ посредствомъ всеобщаго голосованія императоромъ Франціи.

«Умиротворитель» Франціи еще болѣе усиливалъ свою популярность тѣмъ, что разыгрывалъ роль умиротворителя Европы. Въ качествѣ консула, онъ ораторствовалъ о пагубности военного правитель-ства, общалъ странѣ чисто-гражданское управленіе, носилъ граж-данское платье. Онъ, повидимому, всегда хлопоталъ и о внѣшнемъ мирѣ, заботился о прекращеніи войнъ и даже знаменитая фраза его племянника «имперія—это миръ», похищена послѣднимъ у дядюшки. Франція жаждала прекращенія войнъ, и Наполеонъ заключалъ мир-ные трактаты, но ставилъ дѣло такъ искусно, что затѣянную имъ войну начинали иностранцы, вопреки его миролюбивымъ же-лаціямъ! Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ слу-чаяхъ Наполеона дѣйствительно ставили въ необходимость воевать иностранныя государства, особенно Англія, въ которой сторонни-ки стараго порядка начали безумную войну противъ революціи и упорно продолжали ее противъ незаконнаго дѣтища этой революціи. Въ большинствѣ-же случаевъ Наполеонъ самъ вызывалъ иностран-цевъ къ нарушенію мира. Мы говорили уже, что республика воевала ради водворенія мира, ту-же роль постоянно разыгрывалъ и Бона-партъ. Онъ хлопоталъ, изволите-ли видѣть, чтобы не только Фран-цію, но и весь міръ избавить, наконецъ, отъ этого зла (войны), по-жирающаго людей столько лѣтъ». Призывая французовъ къ войнѣ, онъ говорилъ имъ: «передайте своимъ семействамъ ту справедливую увѣ-ренность, что правительство желаетъ одного только народнаго благо-денствія и что жертвы, которыхъ оно теперь требуетъ, бу-дутъ послѣдними» (I, 155, 278, 294, 318; II, 48, 112, 165, 273; Laurent, 296.)

Заручившись популярностью и силою и внушивъ извѣстной части націи сознаніе его необходимости для благоденствія и величія Франціи, Бонапартъ усердно пользовался для упроченія своей власти извѣстной системой запугиванья. Въ то время дѣйствительно были враждебныя ему броженія бурбонистовъ и даже якобинцевъ; но Франція жаждала внутренняго мира и на почвѣ ея упомянутые элементы не могли раз-виться до опасныхъ размѣровъ. И вотъ Бонапартъ посредствомъ своей полиціи самъ поощряетъ броженіе этихъ элементовъ и сочиняетъ не-бывалые заговоры противъ себя и государства, чтобы снова явиться спасителемъ общества, отдѣлаться отъ своихъ личныхъ враговъ, выставивъ ихъ государственными преступниками, и подогрѣть народ-ное къ себѣ сочувствіе по поводу своего избавленія отъ мнимыхъ

злоумышленниковъ. Когда случился взрывъ известной адской машины, то Наполеонъ распорядился привлечь къ ответственности за этотъ дѣйствительный заговоръ всѣхъ подозрительныхъ для него, но ни въ чемъ неповинныхъ людей. «Необходимо возмездіе быстрое, какъ гроза», говорилъ онъ въ государственномъ совѣтѣ. «Необходима кровь; надо разстрѣлять столько-же виновныхъ, сколько пало жертвъ, — пятнадцать или двадцать, сослать чело­вѣкъ двѣсти и воспользоваться случаемъ, чтобы очистить республику» (II, 217.) Ну, и начали чистить, выбирая изъ того секретнаго списка людей подозрительныхъ, который былъ известенъ подъ именемъ *бонапартовскаго словаря*. Министръ полиціи, Фуше, официально доносилъ, что въ спискахъ осужденныхъ въ ссылку вносили гражданъ *«не потому, что они были взяты съ кинжаломъ въ руку, но потому, что они вообще были известны, какъ люди, способные отточить кинжалъ и выйти съ нимъ»*. Вскорѣ нашлись и дѣйствительные четыре виновника покушенія, которые приступили къ заговору только по наущенію агентовъ бонапартовской полиціи. Ихъ казнили, но всѣ прежде сосланные за это невинно погибли въ ссылкѣ. Республику *пообчистили* (220—224.) Точно такого-же характера былъ и заговоръ Жоржа. Онъ состоялся при помощи той-же полиціи, которая припела къ нему двухъ бурбонскихъ принцевъ и республиканскаго генерала Пишегрю. Но такъ какъ обозначенныхъ принцевъ во Франціи не оказалось, а объявленный полиціей спектакль заговора нужно было непремѣнно поставить на сцену, то Бонапартъ велѣлъ захватить ни въ чемъ неповиннаго герцога Англенскаго, чуждаго всякой политической дѣятельности и мирно проживавшаго недалеко отъ французской границы, въ Эттенгеймѣ. Герцога хитростью захватили и разстрѣляли. Что-же касается Пишегрю, то онъ удавился въ тюрьмѣ, но при такой обстановкѣ, которая наводитъ сильное подозрѣніе въ томъ, что онъ былъ удушенъ (III, 7—130), хотя Ланфре и силится доказать несомнѣнность этого убійства, какъ онъ доказываетъ несомнѣнность и другихъ подобныхъ убійствъ, обвиненіе въ которыхъ введено на Наполеона будто-бы его врагами. Но смерть нѣкоторыхъ изъ подобныхъ самоубійцъ не могла принести Бонапарту рѣшительно никакой выгоды, да и къ чему было ему прибѣгать къ такому средству для ихъ погубленія, когда ему стоило только приказать суду, и послѣдній немедленно разстрѣлялъ или сослалъ-бы ихъ! Изобрѣтеніе заговоровъ Наполеонъ началъ съ самаго начала своей политической дѣятельности. Губя республику, онъ приписалъ ей цѣлую массу выдуманныхъ имъ заговоровъ; 18 фруктидора, чтобы погубить кон-

ституціоналистовъ, онъ обвинилъ ихъ въ намѣреніи убить его и въ разрушеніи республики, которую они защищали; захватывая власть 18 брюмера, онъ опирался на выдуманный имъ огромный заговоръ якобинцевъ и т. д.

Для упроченія своей популярности, для того, чтобы выставить себя исполнителемъ желаній націи и возбудить силы послѣдней для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, Наполеонъ превосходно пользовался также интригами официальной агитаціи. Въ то время, напр., когда онъ затѣвалъ высадку въ Англію и сваливалъ на послѣднюю всю отвѣтственность войны, онъ употреблялъ всевозможныя клеветы на англичанъ и обвинялъ ихъ во всевозможныхъ подлостяхъ, чтобы возбудить въ французахъ ненависть къ нимъ. «Эхо этихъ клеветъ, сочиненныхъ для усыпленія общественнаго мнѣнія, громко повторялось тысячами голосовъ громадной арміи чиновниковъ. Они немедленно отвѣчали на призывъ правительства на всемъ пространствѣ французской территоріи; и каждое утро «Мониторъ» печаталъ многочисленные адреса, исполненные ругательства противъ Англіи и лести герою, великому человѣку, ниспосланному провидѣніемъ, который предназначенъ наказать «новый Карфагенъ». Совѣты генеральныя, окружныя, муниципальныя, префекты, меры, чиновники, генералы, солдаты, все, что зависѣло въ какой-бы то ни было степени отъ правительства, — все должно было волею-неволею участвовать въ этой демонстраціи и платить двойную дань оскорбленій и работѣства... Взрывъ этого официального гнѣва не подѣйствовалъ на умы проникательныя, но отраженіе его мало-по-малу сообщилось народнымъ массамъ, издавна привыкшимъ получать импульсъ отъ правительства вмѣсто того, чтобы самимъ сообщать его. Впрочемъ, постановка на сцену этой агитаціи была задумана и исполнена съ неподражаемымъ искусствомъ этого мастера театральныхъ эффектовъ. Онъ рассчиталъ, такимъ образомъ, чтобы дѣло шло до конца *crescendo*. Въ моментъ, когда начало ослабѣвать и замедляться движеніе адресовъ, наполнявшихъ столбцы «Монитера» втеченіи іюня 1803 г., вдругъ появилась процессія епископовъ на мѣсто фаланги чиновниковъ. Агитація пастырскихъ посланій и публичныхъ молебствій продолжала и поддерживала агитацію адресовъ. Епископы были приглашены къ этому коротенькимъ циркуляромъ изъ кабинета перваго консула» (III, 10.) Затѣмъ, чтобы поддержать народное воодушевленіе, Наполеонъ отправился путешествовать по Франціи. Вообще онъ былъ искуснѣйшимъ демагогомъ и величайшимъ мастеромъ увлекать людей. Въ немъ не было и тѣни искренности или откровенности; лицемеріе и двоедушіе

проявлялись во всѣхъ его дѣйствіяхъ (I, 127, 253; II, 279 и др.) Его благосклонность была также притворна, какъ и его гнѣвъ, передъ которыми дрожали даже храбрецы. Ведя свои интриги противъ Венеціи, напр., онъ писалъ: «я *вынужденъ разсердиться на праведитора*,—преувеличить убійства солдатъ нашихъ мѣстными жителями, горячо жаловаться на вооруженія, которыхъ не предпринимали, и этимъ я заставляю для умилоствленія меня доставить мнѣ все, что угодно.» Благодаря этой несравненной способности, Бонапартъ увлекалъ и привязывалъ къ себѣ очень многихъ, какъ, напр., императора Александра. Маршалъ Даву былъ такъ привязанъ къ Наполеону, что однажды публично заявилъ: «если-бы императоръ сказалъ, что въ интересахъ его политики необходимо разрушить Парижъ и перебить его жителей всѣхъ до одного, то изъ страха измѣнить я оставилъ-бы въ Парижѣ жену и дѣтей». Увлекаться дѣйствительно было чѣмъ. Бонапартъ поражалъ всѣхъ силою своихъ дарованій и энергіи, своею неустанною и универсальною дѣятельностью, своею воздержною и правильною жизнью, своимъ безкорыстіемъ относительно казеннаго сундука, онъ притворялся даже человѣкомъ сострадательнымъ и помогалъ бѣднымъ (Scherr, 9, 13, 21, 28, 144.) Чтобы увеличить еще болѣе свою дѣйствительную славу, онъ создавалъ мифологію о себѣ. Онъ уничтожалъ и поддѣлывалъ документы, чтобы не дать людямъ хоть сколько-нибудь неблагопріятныхъ для него свѣденій. Онъ представлялся, что вѣрить въ свою божественную миссію, мистическимъ тономъ толковалъ о своей «звѣздѣ», объ «исполненіи своихъ судьбъ» и т. д. Обращаясь къ шерифамъ и улемамъ Каира, онъ писалъ: «объявите народу, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, написано, что, истребивъ враговъ ислама и уничтоживъ луну, я приду изъ глубины Запада исполнить возложенную на меня обязанность. Объясните народу, что въ священной книгѣ Корана, болѣе чѣмъ въ двадцати мѣстахъ, предвидѣно то, что совершается, и предсказано то, что имѣетъ совершиться. Я могъ-бы потребовать у васъ отчета въ самыхъ сокровенныхъ чувствахъ, ибо я знаю все, даже и то, чего вы еще никому не говорили. Но придетъ время, когда всѣ убѣдятся, что я руководился велѣніями свыше и что противъ меня ничтожны всѣ усилія человѣческія». Европейцамъ, конечно, онъ рассказывалъ подобныя басни въ другой формѣ и болѣе туманнымъ языкомъ, который былъ такъ подстать къ зарождавшемуся тогда мистицизму. Въ своемъ «Монитерѣ» онъ заявлялъ даже лорду Гренвиллю, что его жизнь и смерть зависятъ отъ судьбъ, «превышающихъ понятія милорда». Нерѣдко онъ объявлялъ о пред-

знаменованіяхъ его всемірнаго владычества, Когда онъ посѣтилъ развалины Пелузы въ Египтѣ, то нашелъ тамъ *монету Юлія Цезаря*. «Замѣчательно, какъ предназначено», — писалъ «Мониторъ» во время булонской экспедиціи — «что при рытьѣ мѣста *подъ лагерь перваго консула найдена была римская стѣха*, принадлежавшая, повидимому, римской арміи, которая вторглась въ Англію». Въ Амблетезѣ, при работахъ для постановки «*палатки перваго консула*, найдены были *медали Вильгельма Завоевателя*». Подобными-то средствами составилаь наполеоновская мифологія, полная небывалыхъ событій, преувеличенныхъ подвиговъ, искаженныхъ происшествій (Лафре, I, 323; II, 138, 155, 163, 178; III, 53, 69; Scherr, 243), мифологія, дошедшая до того, что, подъ вліяніемъ національной ненависти къ этому «бичу божію», Наполеонъ въ Испаніи и въ Россіи превратился въ антихриста.

Этой мифологіи было недостаточно, и Наполеонъ обратился за помощью къ духовенству. Въ сущности онъ не принадлежалъ ни къ какой религіи... Но духовенство было моральной силой, и Наполеонъ заставлялъ эту силу служить себѣ. Въ Египтѣ онъ объявлялъ, что онъ «врагъ креста», что французы — «истинные мусульмане. Развѣ не мы уничтожили папу, который требовалъ войны съ мусульманами? развѣ не мы истребили мальтійскихъ рыцарей за то, что эти безумцы думали, что Богъ велѣлъ имъ воевать съ мусульманами». Въ Италіи онъ предписывалъ «какъ можно больше ласкать поповъ», этихъ «глупыхъ болтуновъ», по его выраженію; онъ заявлялъ попамъ свое полное сочувствіе, обѣщалъ возратить имъ церковныя имущества, говорилъ, что онъ «готовъ наказать самымъ строгимъ и примѣрнымъ образомъ, даже если нужно, то и смертью, каждаго, кто нанесетъ малѣйшее оскорбленіе ихъ общей вѣрѣ или позволить себѣ самую легкую обиду относительно *ихъ священныхъ особъ*». Такой-же точно тактики держался онъ и во Франціи. Здѣсь онъ также ласкалъ поповъ, благодѣлствовалъ имъ, возстановилъ католичество, заключилъ конкордаты съ Римомъ, но при этомъ имѣлъ въ виду только пользу своей власти. «Я», — говорилъ онъ Лафайету, — «поставлю поповъ еще ниже того, чѣмъ вы ихъ поставили; епископъ будетъ считать за честь обѣдать у префекта... А развѣ этого мало, заставить папу и духовенство высказаться противъ законности Бурбоновъ?» На это Лафайетъ отвѣчалъ: «э, генераль, признайтесь, цѣль тутъ одна, чтобы вамъ пролили пузырекъ на голову» (т. е. помазали на царство!) Но Наполеонъ мѣтилъ не на одинъ «пузырекъ». Въ изгнаніи онъ признавался: «если-бы я возвратился изъ Москвы

побѣдителемъ, я сдѣлалъ-бы папу идоломъ, онъ жилъ-бы подлѣ меня. Парижъ сталъ-бы столицею христіанства, и я управлялъ-бы духовнымъ міромъ такъ-же, какъ и политическимъ. Это служило-бы своего рода средствомъ для соединенія федеративныхъ частей имперіи и для удержанія въ мирѣ всего находящагося извнѣ. *Соборы мои* были-бы представительствомъ христіанства, а папы не болѣе, какъ президентами. Я открывалъ и закрывалъ-бы эти собранія, объявлялъ и обнародовалъ ихъ постановленія, какъ это дѣлали Константинъ и Карлъ Великій». Заключая конкордатъ, онъ, по выраженію его панегириста, Биньона, дѣлалъ изъ духовенства «священную жандармерию», и даже къ главѣ ея, папѣ, относился какъ къ своему последнему субалтернъ-офицеру; онъ третировалъ его только какъ римскаго епископа», заставилъ его жить во Франціи, осыпалъ оскорбленіями и, требуя отъ духовенства исправной службы, издѣвался надъ тѣмъ,⁴ что оно дѣлало и проповѣдывало народу. Когда на публичной аудіенціи кардиналъ Консалви, облаченный въ свою пурпуровую мантию, вручилъ Бонапарту списокъ трактата, Наполеонъ расхохотался до такой степени, что привелъ въ тупикъ всѣхъ присутствовавшихъ. Главнѣйшею заботою официальныхъ лицъ при этихъ церемоніяхъ было удерживаться отъ смѣху,—такъ былъ чуждъ нравамъ тогдашнихъ французовъ конкордатъ. Во время коронаціи Наполеона, по свидѣтельству мехельнскаго архіепископа, «стоило только разсмѣяться кому нибудь одному, и мы рисковали разразиться гомерическимъ хохотомъ» (I, 158, 174—176, 308; II, 62, 147, 170; 281—302, 355; III, 174 и др.). Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ изъ духовенства орудіе своей власти, и это орудіе сослужило ему свою службу вѣрно.

Обезпечивъ себѣ помощь духовенства, связавъ государство желѣзными путями централизаціи, наполнивъ его арміей преданныхъ чиновниковъ и полиціянтовъ, Бонапартъ отбросилъ въ сторону всякія либеральныя фразы и началъ дѣйствовать à la guerre comme à la guerre. «Съ моими префектами, жандармами и попами я сдѣлаю все, что захочу», воскликнулъ онъ однажды въ полномъ засѣданіи государственнаго совѣта (II, 170.) Окружая себя восточнымъ великолѣпіемъ, разыгрывая въ своемъ управленіи роль падишаха, предписывая своимъ сателлитамъ «поражать безъ милосердія всѣхъ, кто выйдетъ изъ линіи», онъ былъ величайшимъ деспотомъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ мелочахъ. Онъ вмѣшивался даже въ семейную жизнь своихъ приближенныхъ и заставлялъ своихъ придворныхъ во всемъ покоряться правиламъ сочиненнаго имъ этикета. Вотъ, напр., какія за-

писочки онъ посылалъ первымъ сановникамъ своей имперіи. «Господитъ Талебранъ, мой оберъ-камергеръ! Пишу къ вамъ это письмо, чтобы выразить вамъ свое неудовольствіе за то, что вы допустили въ пригла- сительныхъ билетахъ на среду написать слово *ужинъ*, между тѣмъ какъ часъ въ нихъ назначенный—часъ моего *обѣда*. Я полагаю, что у меня во дворцѣ, какъ и всюду, должны повиноваться законамъ. Наполеонъ (Scherr, 28, *74; Ланфре, II, 137; III, 208.) Въ обра- щеніи съ людьми онъ былъ часто чрезвычайно грубъ; «скотина», «остолопъ», «дуракъ», «гаупецъ»—подобныя нѣжности слышали отъ него многіе (Scherr, 14). Требуя отъ всѣхъ чисто солдатской дисци- плины и восточнаго раболѣпія, онъ не могъ терпѣть ни малѣйшаго проявленія свободной мысли. Его система народнаго образованія имѣ- ла цѣлю развитіе чиновничества еще на школьныхъ скамейкахъ. Въ лицеехъ было запрещено преподавать исторію и философію и вмѣсто нихъ завели «профессоровъ военныхъ экзерцицій». Все народное обра- зованіе было поставлено подъ опеку духовенства. Для дѣвухекъ не полагалось никакихъ казенныхъ школъ. Учредивъ 6400 стипендій, государство обезпечивало себѣ тѣмъ разсадникъ смиренныхъ и пре- данныхъ агентовъ (II, 357.) Наука была обязана такъ-же служить Бонапарту, какъ педагогія и церковь. Онъ ненавидѣлъ всякую «иде- ологію», т. е. всякое свободное мышленіе. Въ Институтѣ было унич- тожено цѣлое отдѣленіе моральныхъ и политическихъ наукъ и запре- щена исторія. Академія низведена до степени ничтожества. Ученые сдѣлались чиновниками, обязанными украшать имперію своими произ- веденіями и открытіями по части, напр., египетскихъ древностей (III, 49, 59, 211, 379.) Тому-же должно было служить и иску- ство, совершенно падшее подъ давленіемъ деспотизма. Скульпторы, поэты, музыканты, живописцы—все были обязаны восхвалять Бона- парта. Пезіелло композировалъ ему гимны и оперы, Казанова дѣ- лала статуи, Тальма игралъ Цезаря, Гете Наполеонъ приглашалъ въ Парижъ и хотѣлъ, чтобы онъ написалъ драму «Цезарь», т. е. «На- полеонъ», того-же добивался онъ отъ Виланда (Scherr, 27, 247, 249.) Поэзію онъ превратилъ въ раболѣпный панегирикъ, а публи- цистику въ свою прихвостницу. Въ 1800 г. онъ запретилъ все по- литическіе журналы, кромѣ «благонамѣренныхъ». Въ 1803 г. было уже только 8 журналовъ и все они вмѣстѣ имѣли только 18,630 подписчиковъ! Публика была совершенно равнодушна къ журналисти- кѣ, дѣйствовавшей подъ руководствомъ бонапартовской полиціи. Пресса могла дѣйствовать даже въ пользу правительства не иначе, какъ по его приказанію. По поводу одного благонамѣреннаго стихотворенія На-

полеонъ предписывалъ «узнать автора этой пѣсни. *Хотя она, повидимому, сочинена съ добрымъ намѣреніемъ, но полицейская власть не должна быть чужда никакому движенію*». Не разболѣпствовать передъ Бонапартомъ было преступленіемъ и за это преступленіе онъ преслѣдовалъ людей съ удивительною настойчивостью, какъ, напр., преслѣдовалъ мадамъ Сталь. Въ Германіи онъ велѣлъ захватить и разстрѣлять книгопродавца Пальша за то, что онъ, какъ и всѣ другіе книгопродавцы, продавалъ направленную противъ французовъ политическую брошюру. Онъ требовалъ отъ англійскаго правительства совершеннаго обузданія политической прессы и угрожалъ по этому поводу войной (II, 75, 361, 380—387; III, 12, 55—57, 216, 293.)

Тѣми-же приѣмами и тѣми-же началами пользовался Наполеонъ и въ своей иностранной политикѣ. Въ тогдашней Европѣ господствовали еще средневѣковые порядки, обычай, понятія. Масса государственныхъ людей состояла изъ жалкихъ посредственностей и никогда не было между ними столько сумасшедшихъ. Европейскія арміи находились въ самомъ скверномъ положеніи; полководцы не знали ничего выше рутинной тактики XVII в., солдатъ плохо кормили, плохо одѣвали, нещадно били шпирутенами, выбивали изъ нихъ всякой человѣческой смыслъ и учили одной шагистикѣ. Въ прусской арміи больше всего заботились объ искусственныхъ косахъ. Однажды прусскій фельдмаршалъ на большомъ парадѣ вытащилъ изъ кармана нормальную мѣру солдатской косы, началъ измѣрять ею косы, и въ заключеніе грознаго выговора полку за неисправность, внушилъ командиру: «ахъ, генералъ, чрезвычайно трудно повязывать хорошую косу!» Генеральскія и офицерскія мѣста всѣ раздавались не за способности, а за выслугу лѣтъ; въ Пруссіи не было главныхъ генераловъ моложе 70, а штабъ-офицеровъ моложе 50—60 лѣтъ (Scherr, 30, 111—137, 175.) Что-же такіе воины могли значить для французской арміи, достигшей такого блеска при революціи и Наполеонѣ! Европейскіе народы, невѣжественные и доведенные старымъ порядкомъ до крайняго безсилія и тупости, также не могли противопоставить французамъ никакого серьезнаго сопротивленія, исключая испанцевъ и русскихъ. Къ тому-же многіе изъ государствъ были привлекаемы къ покорности не только силою оружія, но и надеждою свободы. Въ качествѣ главнокомандующаго и потомъ консула, Бонапартъ разыгрывалъ роль революціоннаго генерала и обманывалъ покоряемыхъ обѣщаніями *свободы* гражданской или національной *независимости*. о всѣхъ своихъ прокламаціяхъ въ Италіи онъ прельщалъ тузем-

цевъ этими фразами, а въ секретныхъ инструкціяхъ своимъ агентамъ писалъ въ то-же время: «если мѣстные жители (дѣло шло о Корфу) склонны къ независимости, то одобряйте эту наклонность и не упускайте въ различныхъ прокламаціяхъ, которыя будутъ изданы вами, *говорить имъ о Греціи, Афинахъ, Римѣ*». Возбуждая внутреннія волненія въ однихъ мѣстахъ противъ чужеземнаго ига, въ другихъ противъ духовенства, въ третьихъ, какъ въ Венеціи, противъ олигархіи, онъ вмѣшивался въ эти волненія и, «возстановивъ порядокъ», покорялъ государство. Сначала большинство покоренныхъ имъ государствъ было превращено въ номинальныя республики, завистлившія отъ его власти, а потомъ въ эти республики онъ насаждалъ королями своихъ родственниковъ и поставилъ ихъ такъ, чтобы они управляли «для блага Франціи», т. е. служили-бы ему вмѣсто префектовъ (Ланфре, I, 80, 100, 101, 214; III, 240. Laurent, 343 и др.) Нерѣдко онъ покорялъ государства для того только, чтобы выгодно промѣнять ихъ и запродавалъ даже ихъ еще незавоеванными (II, 197, 255; III, 366, 371.) Его грубая надменность и деспотизмъ относительно государей, которыхъ онъ всѣхъ презиралъ, настолько извѣстны, что можно и не распространяться о нихъ. Даже наполеоновскіе маршалы нерѣдко выражались о государяхъ: «онъ только король, я-же маршалъ» (Laur., Scherr, 144.) Что-же касается покоренныхъ народовъ, то наполеоновское владычество во многихъ случаяхъ было для нихъ жестокииъ игомъ. Мало того, что ихъ грабили въ пользу Франціи, и самое управленіе ими сопровождалось варварскими жестокостями. Наполеонъ былъ холодный, расцетливый деспотъ, съ каменнымъ сердцемъ, которое никогда не трогалось ни мученіями, ни смертью людей. Однажды во время итальянской экспедиціи онъ пустилъ въ дѣло отрядъ, при чемъ погибло нѣсколько человекъ, собственно для того, чтобы доставить зрѣлище своей любовницѣ (Ланфре, I, 200). Покоряя страну, Наполеонъ всегда старался нагнать на нее какъ можно больше страху. Во время завоеванія Ломбардіи всѣ сопротивлявшіеся ему партизаны, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, подвергались разстрѣлянію, ихъ деревни сожигались; сожигался каждый домъ, въ которомъ французы находили оружіе и т. д. «Сжечь деревни», «разстрѣливать», «раззорять»—постоянно приказывалъ онъ при малѣйшемъ движеніи въ покоренныхъ мѣстностяхъ. Въ Пруссіи, ради наведенія ужаса на дворянство, Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять ни въ чемъ невиновнаго кн. Гацфельда. Въ Каирѣ, послѣ возстанія, онъ велѣлъ отрубить головы всѣмъ плѣннымъ инсургентамъ. А такъ какъ окрестные поселяне принимали участіе въ

возмущеніи, то ихъ также хватали и обезглавливали. Однажды утромъ стадо ословъ, навьюченныхъ мѣшками и погоняемыхъ французскими солдатами, прибыло на площадь Эзбекигъ, одинъ изъ населеннѣйшихъ центровъ Каира. Привлеченные любопытствомъ жители начали толпиться вокругъ этого каравана; тогда солдаты развязали мѣшки, изъ которыхъ покатались на землю крестьянскія головы. Когда Бонапартъ, отправляясь изъ Египта въ сирійскую экспедицію, имѣлъ на рукахъ 2,500 плѣнныхъ, кормить которыхъ ему было не выгодно, то онъ велѣлъ перебить ихъ всѣхъ до одного. Ихъ построили въ колонну, окружили ее каре и погнали къ морскому берегу, гдѣ однихъ перестрѣляли, а другихъ перекололи штыками (I, 104, 118, 319, 325; III, 427).

Но историки, въ родѣ Ланфро, выставяя на видъ подобныя жестокости и рисуя самыми мрачными красками бонапартовскую тиранию надъ иностранцами, упускаютъ изъ виду одно обстоятельство. Французы вводили свои законы, которые были гораздо лучше туземныхъ законовъ, обуздывали пагубное владычество католическаго духовенства, замѣняли средневѣковую администрацію своею новою, развивали матеріальную культуру страны, прокладывали дороги и т. д.

Но приписывая наполеоновскимъ войнамъ извѣстное благотѣльное вліяніе, мы не можемъ допустить, чтобы это вліяніе входило въ его сознательныя намѣренія. Онъ былъ стихійною силой, порожденной смѣшаннымъ вліяніемъ революціи и стараго порядка,—силой, которая стремилась къ одному только владычеству, и въ этомъ стремленіи сокрушала все, что лежало на ея пути, разрушала царства, какъ карточные домики, играла коронамъ, какъ мячиками, уничтожала все гнилое, умирающее, отжившее. Стремленія этого гиганта были безпредѣльны; его желанія ненасытны до того, что совершенно по-мрачали его сильный умъ. Онъ жаждалъ славы и господства и при этомъ не замѣчалъ отвратительности той пошлой лести, которую рассыпали передъ нимъ и отъ которой отвертывались люди, хотя и менѣе умные, но менѣе страстные. Въ 1807 г., напр., приготовляясь къ принятію Наполеона, лейпцигскій университетъ составилъ звѣздную карту и помѣстилъ на ней «звѣзду Наполеона». Въ анатомическомъ театрѣ красовалась надпись: «даже мертвые кричатъ тебѣ ура!» Въ Дрезденѣ во время иллюминаціи, по поводу пріѣзда Наполеона, одинъ ученый выставилъ у своего дома распятіе, надпись котораго, обыкновенно относимая къ Христу, I. N. R. I. (т. е. Исусъ Назарянинъ, царь іудейскій) толковалась такъ:

Imperator Napoleon Rex Italiae, — «императоръ Наполеонъ, король итальянскій!» Но какъ-бы ни глупа была лесть, она нравилась Наполеону. Жажда почестей и величія переходила у него въ сумасшествіе, въ то сумасшествіе, въ припадкахъ котораго нѣкоторые римскіе цезари объявляли себя богами. Наканунѣ своей коронаціи онъ говорилъ морскому министру Декре: «Я явился слишкомъ поздно. Люди теперь очень умны. Ничего великаго совершить больше нельзя!» — «Какъ, государь, развѣ ваше положеніе не имѣетъ достаточнаго блеска? Развѣ возможно сдѣлать что-нибудь болѣе великое послѣ того, какъ, начавъ простымъ артиллерійскимъ офицеромъ, вы заняли первый тронъ въ мірѣ?» — «Да, я сдѣлалъ прекрасную карьеру, согласенъ. Но какая разница съ древностью! Возьмите, напр., Александра Македонскаго. Когда онъ завоевалъ Азію и объявилъ себя народамъ сыномъ Юпитера, всѣ повѣрили этому, кромѣ его матери, которая знала, въ чемъ дѣло, Аристотеля да нѣкоторыхъ еще афинскихъ философовъ. Если-бы-же я теперь объявилъ себя сыномъ Бога Отца и отправился въ соборъ принести ему благодареніе, то каждая баба, встрѣтившаяся на улицѣ, захохотала-бы мнѣ въ лицо. Да, народы теперь слишкомъ умны; нельзя уже созидать ничего великаго!» Признаки помѣшательства сдѣлались замѣтными еще нѣсколько лѣтъ до паденія Наполеона. Желая побить Англію, онъ затѣялъ булонскую экспедицію, нелѣпость которой понимали всѣ, не понималъ только онъ до тѣхъ поръ, пока она не рушилась при первомъ шагѣ къ выполненію. Походъ въ Россію былъ неменьшею нелѣпостью, совершая которую, Наполеонъ руководился одною только страстью, и не только не составилъ себѣ никакого рациональнаго плана, но даже въ припадкѣ неистоваго нетерпѣнія покончить съ послѣднимъ европейскимъ государствомъ, словно преднамѣренно разстроилъ передъ походомъ свои выгодныя политическія отношенія. Его умъ еще болѣе затемнился, когда онъ погубилъ въ Россіи всю свою армію. Онъ болѣе уже не рассуждалъ, а только хотѣлъ сражаться. Во время его бѣгства даже его поклонники замѣтили, наконецъ, признаки помѣшательства. Онъ приказываетъ своимъ маршаламъ остановить преслѣдующаго ихъ непріятеля. «Но, замѣчаетъ маршалъ, — у меня нѣтъ болѣе людей». — «Вы хотите лишить меня покоя?» — «Я долженъ повторить, что у меня не осталось ни одного солдата». — «Молчите, милостивый государь; и зачѣмъ это вы хотите лишать меня покоя?» и т. д. Онъ ѣхалъ во Францію затѣмъ лишь, чтобы снова набрать войско противъ Россіи. Онъ заботился въ это время только о войнѣ да о себѣ. Онъ воображалъ, что и Франція относится къ нему съ прежнимъ страхомъ и благоговѣ-

нісмъ. Не сообщая ей ни малѣйшихъ подробностей своего пораженія, онъ въ своихъ бюллетеняхъ только утѣшалъ ее, что «la santé de Sa Majesté n'a jamais été meilleure...» Но во Франціи его владычество возбуждало все больше и больше ненависти. Цвѣтъ ея народонаселенія безслѣдно погибалъ на поляхъ битвъ, между тѣмъ какъ виновникъ этихъ войнъ, угрожая иностраннымъ государямъ, хвастался, что онъ «каждый мѣсяцъ расходуетъ 30,000 человекъ!» Однихъ только французскихъ солдатъ—кромѣ итальянскихъ, польскихъ, рейнскаго союза и другихъ вассальныхъ—съ 1804 по 1814 г. онъ израсходовалъ 2,200,400 человекъ (Scherr, 12, 276). Всего-же погибшихъ во время наполеоновскихъ войнъ считается до 8,000,000. Низверженіе и изгнаніе Наполеона были благодѣяніемъ уже по одному тому, что они положили предѣлъ бойнѣ, которой не предвидѣлось и конца. Хотя Наполеонъ и хотѣлъ, покоривъ Россію и образовавъ изъ Европы федерацію подъ гегемоніей Франціи, упрочить миръ, но онъ-бы не удержался; эта сила не могла жить безъ разрушительной дѣятельности и стала-бы дѣйствовать до полного своего истощенія.

Теорія промышленнаго Права. Перев. съ франц. С.-Ште р-бургъ. 1873.

«Зачѣмъ, почему, для чего, въ какомъ смыслѣ» переведена на русскій языкъ эта выдержка (всего въ двѣ главы) изъ обширнаго Cours de droit industriel, гентскаго профессора Вельбрёка? Вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ въ умѣ читателя «Теоріи промышленнаго права». Напрасно переводчикъ увѣряетъ насъ, будто, онъ, переводчикъ, желалъ своимъ переводомъ «пополнить пробѣлъ нашей юридико-экономической литературы по промышленному праву и содѣйствовать, по возможности, распространенію здравыхъ экономическихъ понятій въ средѣ нашего общества», — читатель ему не повѣритъ, ни за что не повѣритъ. Онъ знаетъ, да и переводчикъ это знаетъ, и всѣ это знаютъ, что въ «средѣ нашего общества» не ощущается ни малѣйшаго недостатка въ тѣхъ «здравыхъ экономическихъ понятіяхъ», которыя проповѣдуются г. Вельбрёкомъ, а слѣдовательно, съ этой стороны, никакого пробѣла не существуетъ и пополнять нечего. Если и есть пробѣлъ, то уже никакъ не въ сферѣ «здравыхъ экономическихъ понятій», а развѣ въ сферѣ практическаго, специаль-

наго примѣненія ихъ къ нашему отечественному, промышленному праву. Но послѣдній пробѣлъ можетъ быть пополненъ только детальною разработкою нашего промышленнаго законодательства, съ точки зрѣнія этихъ «здравыхъ экономическихъ понятій», а отнюдь не ихъ абстрактнымъ, да притомъ еще переводнымъ изложеніемъ. Очевидно, что переводчикъ, переводя двѣ главы изъ Вельбрёвскаго курса, имѣлъ иной умыселъ. Онъ просто хотѣлъ доказать своимъ переводомъ, что и на западѣ есть профессора, по степени своего умственного развитія ничѣмъ неотличающіеся отъ нашихъ отечественныхъ. Конечно, эта мысль такъ-же нова и оригинальна, какъ и тѣ «здравыя экономическія понятія», о которыхъ упоминаетъ переводчикъ; но нельзя отказать имъ въ нѣкоторой дозѣ патриотизма. Только зачѣмъ-же переводчикъ утаилъ эту цѣль и прикрылъ свой патриотизмъ, т. е. свою любовь къ гг. Горловымъ, Бабстамъ и проч., — празднымъ желаніемъ «пополнять» какіе-то пробѣлы и «содѣйствовать» распространенію какихъ-то «здравыхъ экономическихъ понятій»? Намъ кажется, что откровенность въ этомъ случаѣ не только бы ему не повредила, но, напротивъ, возвысила-бы значеніе его перевода въ глазахъ каждаго благомыслящаго читателя.

Тогда, по крайней мѣрѣ, благомыслящій читатель могъ-бы и не читать этой книжонки; онъ только «принялъ-бы ее къ свѣденію», — и смѣло ссылался-бы на нее каждый разъ, когда заходила-бы рѣчь объ умственномъ убожествѣ нашихъ отечественныхъ профессоровъ-экономистовъ; „совсѣмъ наши профессора не такъ плохи, какъ о нихъ думаютъ, вотъ прочтите книжку Вельбрёка «Теорія промышленнаго права», и вы увидите, что и гентскіе профессора не умѣе ихъ! Такъ-бы сказалъ тогда благомыслящій читатель, не утруждая себя даже простымъ перелистываніемъ этой «Теоріи». А теперь онъ поставленъ переводчикомъ въ необходимость развернуть ее. Это важное неудобство и совершенно напрасная трата времени. Чтобы избавить отъ нея, по крайней мѣрѣ, читателей «Дѣла», мы взяли на себя трудъ перелистанія книжонки Вельбрёка; сдѣлали-же мы это собственно потому, что самъ переводчикъ прислалъ въ нашу редакцію свой переводъ; своей присылкой онъ какъ-бы предоставилъ намъ право объяснить публикѣ, вмѣсто него, истинное значеніе сдѣланнаго имъ перевода. Онъ зналъ напередъ, что мы не ошлбемся въ оцѣнкѣ этого значенія, и его надежда на нашу провинцальность не обманула его. Впрочемъ, тутъ и провинцальности особенной не требовалось. Съ первой-же страницы вы видите, съ какого рода «ученой птицей» вы имѣете дѣло. Когда старой юридической мета-

физикъ требовалось доказать необходимость высшаго полицейскаго контроля надъ очисткою мусорныхъ ямъ, то она, обыкновенно, не приступала къ дѣлу прямо, а пускалась предварительно въ «высшія умозрѣнія» насчетъ «вѣчной и абсолютной» идеи права, насчетъ «естественной морали», начертанной въ сердцѣ человѣка, и тому подобныхъ «матерій важныхъ». Потолковавъ вдосталь обо всѣхъ этихъ предметахъ, она вдругъ перескакивала къ мусорнымъ ямамъ; скачекъ былъ такъ быстръ и такъ неожиданъ, что въ умѣ читателя невольно устанавливалась какая-то непосредственная связь (ассоціація идей) между мусорными ямами и «естественною моралью», вѣчною и абсолютною правдою.

Такъ точно поступаетъ и Вельбрекъ. Чтобы доказать полезность и необходимость *рабочей книжки*, обязательнаго клейма, преслѣдованія фальсификаціи и контрфакціи, требованія дипломовъ и аттестатовъ отъ лицъ, желающихъ ограниченія государственнаго вмѣшательства въ судьбу рабочихъ однимъ полицейскимъ контролемъ надъ гигиеническими условіями фабрики и легкимъ поощреніемъ сберегательныхъ и пенсіонныхъ кассъ, воспрещенія принудительныхъ стачекъ, отождествленія найма рабочаго съ *свободнымъ договоромъ*, и т. д.; чтобы доказать полезность и необходимость всего этого, т. е. чтобы оправдать то, что давнымъ-давно практикуется въ дѣйствительности, Вельбрекъ заводитъ рѣчь о какомъ-то «естественномъ правѣ», о «вѣчной идеѣ справедливости». «Мы, говоритъ онъ въ началѣ своего чисто-практическаго курса,—должны отрѣшиться отъ той идеи, что отъ воли законодателя, т. е. отъ воли человѣка, зависитъ опредѣленіе справедливаго, и, напротивъ того, должны допустить, что понятіе о справедливости и несправедливости выше положительнаго закона, что это понятіе имѣетъ своимъ источникомъ законы непреложные, вѣчные, независимые отъ законовъ писанныхъ»... «что знаніе права заключается не въ знаніи положительнаго закона, но что для этого необходимо возвыситься до принциповъ вѣчной и неизмѣнной справедливости» и т. д. (стр. 2). Нѣкоторые метафизики, исходя изъ этой-же, не совсѣмъ безопасной точки зрѣнія, приходятъ къ чисто-отрицательному отношенію къ положительному праву. Но Вельбрекъ не принадлежитъ къ категоріи этихъ метафизиковъ-отрицателей, онъ заранѣе убѣжденъ, «что какъ-бы ни было несовершенно положительное право», въ немъ всегда выражаются «правила вѣчной идеи правды и справедливости» (стр. 2). Такимъ образомъ онъ впервые возводитъ существующую практику къ абсолюту «правды и справедливости»; потомъ разбираетъ требованія

при абсолютной правдѣ и справедливости и, разумеется, въ концѣ-концовъ, оказывается, что дѣйствительность всегда удовлетворитъ своимъ-же собственнымъ требованіямъ, рассмотрѣннымъ лишь подъ другою формою. Къ чему и зачѣмъ нужны тутъ эти абсолюты? Отчего просто и прямо не отнестись къ фактамъ дѣйствительности, оставивъ въ сторонѣ всякія метафизическія уловки, всякія попользованія на «высрєннїя воззрѣнїя», на философскїя умствованїя? Нельзя, ужь такъ полагается въ юридической метафизикѣ. Но это еще не все. Вельбрекъ ухитрился связать какою-то волшебною ниточкою метафизику юристовъ съ метафизикою экономистовъ. Впрочемъ хитрости тутъ большой не требовалось, потому что обѣ метафизики весьма похожи одна на другую. Замѣчательно, однако, логическій процессъ мысли гентскаго профессора: «чтобы познать, говоритъ онъ, истинныя требованїя и необходимыя условїя положительнаго права, нужно возвыситься до «понятїи абсолютной правды и справедливости», а абсолютная правда и справедливость есть, въ свою очередь, не иное что, какъ теорїя экономистовъ о трудѣ и объ его отношенїяхъ къ другимъ факторамъ производства» (стр. 3). Теорїи же экономистовъ представляютъ, какъ всѣмъ извѣстно, простую компиляцію грубыхъ эмпирическихъ фактовъ. Такимъ образомъ, абсолютная правда и справедливость сводится къ экономической эмпирикѣ и ею оправдывается юридическая эмпирика положительнаго законодательства. Но экономическая эмпирика берется не въ ея непосредственномъ грубомъ видѣ, а тоже возводится къ какому-то «спиритуализму» (стр. 14). Что-же это такой за «экономическій спиритуализмъ»? И зачѣмъ онъ тутъ понадобился? А вотъ видите-ли: какъ «истинный философъ» (въ родѣ російскихъ философовъ), Вельбрекъ все и всѣхъ желаетъ примирить, вездѣ и во всемъ хочетъ отыскать ту Аристотелевскую «*medió*», въ которой будто-бы заключается «*veritas*». Экономисты, проповѣдующїе *laissez faire*, и ихъ противники одинаково заблуждаются: первые—потому, что они берутъ за свою исходную точку *сенсуализмъ* (стр. 7), вторые—потому, что выводятъ свою доктрину изъ *пантеистическаго ученїя* (ib). Сенсуализмъ—крайность и пантеизмъ—крайность. Нужно взять частичку отъ того и частичку отъ другого, перемѣшать ихъ вмѣстѣ,—образуется какая-то средняя эссенція; въ ней-то и будетъ заключаться истина. Эту среднюю эссенцію Вельбрекъ называлъ почему-то спиритуализмомъ. «Философія спиритуализма разсматриваетъ человѣка, не только какъ организмъ, одаренный чувствами, ощущающїй удовольствїя и неудовольствїя, но, кромѣ того, признаетъ еще, что этому организму присуща

и нераздѣльно съ нимъ связана пещественная душа и эта душа безсмертна. Поэтому понятіе о свободѣ соответствуетъ понятію о спиритуализмѣ и въ то-же время понятію объ отвѣтственности» (14). Затѣмъ, та-же философія учить, будто «причина (?) земного существованія чело-вѣка состоитъ въ томъ, чтобы развить свои способности, физическія и духовныя, какъ можно полнѣе, какъ можно гармоничнѣе. И чѣмъ болѣе чело-вѣкъ занимался (чѣмъ?) для выполненія своего земного назна-ченія, тѣмъ лучше онъ будетъ приготовленъ къ будущей жизни» (ib). Все это прекрасно, и никто противъ этого не спорить, только ка-кое-же оно имѣетъ отношеніе къ вопросамъ, раздѣляющимъ экономистовъ и ихъ противниковъ на два враждебные лагеря? Какое отношеніе имѣетъ этотъ спиритуализмъ къ праву государства на полицейское вмѣшательство (другого Вельбрекъ не допускаетъ) въ сферу промыш-ленности? «Изъ этихъ (т. е. приведенныхъ выше) извлеченныхъ дан-ныхъ не трудно (?) вывести правильное понятіе о государствѣ, его назначеніи и объ его роли въ обществѣ» (стр. 15). Такъ утверждаетъ Вельбрекъ, — но на дѣлѣ оказывается, что, и это не легко. Ло-гическій выводъ сейчасъ станетъ въ противурѣчіе съ практической дѣйствительностью,—а между тѣмъ его нужно подогнать къ ней, во что-бы то ни стало. Логическій выводъ формулируетъ устами Вель-брека такъ: «если назначеніе чело-вѣка состоитъ въ свободномъ раз-витіи способностей двойственной его природы, то государство должно имѣть цѣлью устроить общественную жизнь такимъ образомъ, чтобы ни одинъ изъ его членовъ не встрѣчалъ препятствій при выполне-ніи своего назначенія». Задача, какъ видите, широкая, такая широ-кая, что даже противники экономистовъ, выходя, по увѣренію Вель-брека, — изъ пантеистической точки зрѣнія, — приходятъ, какъ из-вѣстно, почти къ тому-же результату. Гентскій профессоръ сейчасъ-же, однако, вводитъ маленькую *практическую поправку* (позаим-ствованную отчасти у Моля) въ свой теоретическій выводъ. По этой поправкѣ оказывается, что подъ «устройствомъ общественной жизни такимъ образомъ, чтобы ни одинъ изъ ея членовъ и т. д., нужно подразумѣвать лишь *чисто-отрицательную дѣятельность* госу-дарства, — дѣятельность, состоящую въ простомъ *устраненіи* тѣхъ препятствій, которыя чело-вѣкъ не въ состояніи устранить собствен-ными силами» (ib). Но тутъ уже кончается метафизика и буднич-ная рутина вступаетъ въ свои права. Какія препятствія чело-вѣкъ въ состояніи, и какія онъ не въ состояніи устранить собственными си-лами? На этотъ вопросъ можетъ быть столько-же отвѣтовъ, сколько и вопрошателей. Каждый вопрошатель рѣшаетъ его по-своему. Вель-

брекъ идетъ въ этомъ случаѣ по пятамъ либерально-консервативныхъ экономистовъ; но и экономисты, какъ-бы они близко другъ къ другу ни подходили по общему колориту своего міросозерцанія,—въ частностяхъ всегда впадаютъ въ противорѣчія или, по крайней мѣрѣ, высказываютъ весьма различныя мнѣнія. И вотъ, Вельбрекъ, вѣрный принципу—*in medio veritas*, старается постоянно балансировать между этими противорѣчіями, и всегда выбираетъ такое мнѣніе, которое отличается наибольшою бозосодержательностью и неопредѣленностью, т. е. подъ которое легко подогнать всякую рутину. Для примѣра можно указать, хоть на его пустословіе (потому что, конечно, подобную эквилибристику нельзя назвать иначе, какъ пустословіемъ) по поводу такъ называемыхъ *стачекъ* (54 стр. до 60 стр.) и *рабочихъ книжекъ* (стр. 77—82). Извѣстно, что вопросъ о рабочихъ стачкахъ рѣшается экономистами двоякимъ образомъ: одни, исходя изъ точки зрѣнія принципа о свободномъ договорѣ и свободной конкуренціи, полагаютъ, что хозяева и рабочіе одинаково въ правѣ составлять стачки, когда того требуютъ ихъ интересы. Другіе-же, обращая все свое вниманіе на тѣ вредныя послѣдствія, которыя могутъ имѣть, какъ для общественной безопасности, такъ и для экономического благосостоянія страны, — стачки, особенно стачки рабочихъ, требуютъ ихъ безусловнаго запрещенія. Вельбрекъ приводитъ вкратцѣ (и, замѣтимъ при этомъ, крайне поверхностно) доводы какъ защитниковъ, такъ и противниковъ стачекъ. Доводы первыхъ кажутся ему совершенно основательными и онъ съ ними вполне согласенъ, но, съ другой стороны, и соображенія вторыхъ тоже совершенно основательны и съ ними нельзя не согласиться. Какъ-же быть? Вѣдь не можетъ-же государство въ одно и то-же время и дозволить и запретить стачки? Отчего-же не можетъ? Очень можетъ. Видите-ли: «намъ кажется, говоритъ Вельбрекъ,—что стачки, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онѣ имѣютъ предметомъ только рѣшимость не требовать и не предлагать труда за вознагражденіе ниже или выше опредѣленнаго, до приступа къ дѣлу, (?) не представляютъ ничего преступнаго. Онѣ имѣютъ видъ простого соглашенія, безъ всякаго обязательства. Такая стачка безвредна, и можно сказать, что въ этихъ границахъ стачка не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ *шутка*...» (стр. 57). Вотъ эту-то *стачку*—*шутку* онъ полагаетъ возможнымъ дозволить, — «но, говоритъ онъ, дѣло представляется совершенно въ иномъ видѣ, если обязательство принятія и предложенія труда будетъ подвергнуто какой-либо санкціи, какимъ-либо условіямъ; напр., если хозяева или рабочіе условятся

между собою относительно штрафа или неустойки, противъ того, кто нарушитъ условія стачки», (стр. 57).

Благомыслящій читатель можетъ уже видѣть, что сопоставленіе отечественныхъ профессоровъ-экономистовъ съ гентскимъ профессоромъ не только не будетъ унижительно, но, напротивъ, будетъ весьма лестно и поощрительно для нашего національнаго самолюбія. И мы надѣемся, что, сказаннаго нами вполне достаточно, для доказательства того чисто-патріотическаго мотива, ради котораго, какъ мы предположили выше, переведена разбираемая книжка. Да, мы съ гордостью можемъ сказать теперь, — «русскіе профессора никогда не разсуждаютъ глупѣ автора «Теоріи промышленнаго права». Съ этой стороны наше самолюбіе вполне удовлетворено. Но (увы, и тутъ есть но) у Вельбрека, кромѣ общихъ разсужденій, поражающихъ своею ребяческою нелѣпностью, кромѣ эквилибристическихъ теорій и метафизической чепухи, — есть *нѣчто*, нѣчто весьма рѣдко встрѣчающееся у нашихъ профессоровъ и весьма тщательно скрытое отъ насъ переводчикомъ. Онъ обладаетъ весьма основательнымъ знакомствомъ съ промышленными законодательствами различныхъ западно-европейскихъ государствъ, — весьма почтенною, хотя и малоцѣнною, практическою эрудиціею. Можетъ быть, нѣкоторыя детали и подробности, собранныя въ «Курсѣ» «почтеннаго» (какъ называетъ его переводчикъ) гентскаго профессора, и могли-бы пригодиться специалистамъ, — если только они не знаютъ французскаго языка. Но переводчикъ предпочелъ этимъ деталямъ двѣ первыя водянистыя и никому ненужныя главы *перваго тома*. Въ нихъ авторъ является лишь въ качествѣ безвреднаго болтуна и весьма неловкаго эквилибриста. Специалистъ, желающій пополнить пробѣлы нашей литературы «по промышленному праву», не найдетъ въ «Теоріи» Вельбрека никакихъ практическихъ указаній, ничего, кромѣ невиннаго пустословія. А «обыкновенный» читатель, пробѣжавъ нѣсколько страницъ, съ досадою броситъ книгу и невольно воскликнетъ: «какъ все это старо, скучно и глупо». Мы прочли *всю* книгу и тоже присоединяемъ свой голосъ къ этому правдивому восклицанію: какъ все это старо, скучно и глупо!

Больное дитя. Популярное руководство для родителей. Д-ра Кленке, переводъ съ нѣмецкаго 1873 г.

«Ни въ одномъ возрастѣ чело­вѣкъ не подверженъ такому мно­жеству болѣзней, съ наклономъ къ смертельному исходу, какъ въ дѣтствѣ: вотъ почему въ дѣтскомъ возрастѣ смертность сравнительно гораздо больше, чѣмъ въ позднѣйшихъ періодахъ жизни; круглымъ числомъ можно принять, что четвертая часть новорожденныхъ умираетъ уже въ первый годъ жизни» (Кленке, стр. 1). Это совершенно справедливо, — и въ особенности это справедливо по отноше­нію къ Россіи. Извѣстно, что нигдѣ такъ не велика смертность между дѣтьми, какъ у насъ. Къ пятилѣтнему возрасту на 100 род. остается въ живыхъ не болѣе 60 чело­вѣкъ. По послѣднимъ даннымъ, обнародованнымъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ (Ст. Врем., вып. VIII, 1872), на 100 смертныхъ случаевъ среди православнаго населенія приходилось на возрастъ отъ 0—5 л. 55,9%. Правда, въ большихъ городахъ и въ особенности среди достаточныхъ клас­совъ высокій % дѣтской смертности значительно понижается. Этотъ несомнѣнный статистическій фактъ служить самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ той мысли, что на дѣтскую смертность вліяютъ не столько физиологическія условія самаго акта рожденія (какъ, напр., внезапныя и чрезвычайныя измѣненія, претерпѣваемые дѣтскимъ ор­ганизмомъ, при переходѣ его изъ замкнутой, теплой сферы материн­скаго организма во внѣшній міръ съ его свѣтовыми впечатлѣніями и атмосферными вліяніями, внезапно устанавливающаяся самостоятель­ность дѣтскаго кровообращенія и дыханія и т. п.), сколько условія *но­слѣдственной обстановки*. По мнѣнію Кленке, «главная причина чрезвы­чайной смертности дѣтей лежитъ въ превратномъ, несоответственномъ, небрежномъ или насквозь пропитанномъ предрасудками уходѣ за дѣтьми въ первый періодъ ихъ жизни» (стр. 2). Съ одной стороны, непра­вильный способъ кормленія, дурное питаніе, постоянное дыханіе испор­ченнымъ воздухомъ, неопратность и безчисленное множество другихъ нарушеній естественныхъ условій здороваго развитія, — съ другой, уна­слѣдованное предрасположеніе ко всевозможнымъ болѣзнямъ, которыми страдаютъ люди, живущіе въ нищетѣ, беспорядочная жизнь матерн, ея чрезмѣрное изнуреніе физическою работою и т. д. и т. д. — всѣ эти вліянія до того разрушительно дѣйствуютъ на организмъ ребенка, что можно скорѣе удивляться не тому, что $\frac{1}{4}$ новорожденныхъ умираетъ въ первый годъ, а тому, что къ пятилѣтнему возрасту умираетъ

только половина, а не всё родившіеся. Тѣмъ болѣе что, помимо указанныхъ причинъ, есть еще одна, это—своеобразная, нѣжная организація ребенка. «Дѣтскому возрасту, говоритъ Кленке, — свойственна наклонность къ заболѣванію; у ребенка наибольшую дѣятельностью отличается пищеварительный аппаратъ, а потому онъ легко и раздражается, а эти раздраженія, въ свою очередь, быстро передаются мозгу и нервной системѣ, и безъ того крайне чувствительнымъ и наклоннымъ къ сильнымъ реакціямъ.» «Вотъ почему мы видимъ, что многія вліянія и случайныя причины, которыя весьма мало дѣйствуютъ на взрослого и вызываютъ у него лишь легкія и ограниченныя расстройства,—у дѣтей, напротивъ, становятся источникомъ сильныхъ возбужденій и реакцій, вовлекая часто въ сочувственное страданіе самыя важнѣйшіе жизненные органы». Разумѣется, для сколько нибудь успѣшной борьбы со всеми неблагоприятными и смертоносными вліяніями, — ребенка слѣдуетъ окружить прежде всего такими условіями жизни, которыя-бы удовлетворяли требованіямъ дѣтской гигиены. Въ большинствѣ случаевъ для родителей—это безусловно невозможно; потому, въ большинствѣ случаевъ имъ приходится, волей-неволей, примиряться со смертностью своихъ дѣтей. Наука, медицинская помощь оказываются совершенно беспильными въ борьбѣ съ этимъ зломъ; ихъ прекрасные совѣты, ихъ правила и руководства не имѣютъ и не могутъ имѣть ни малѣйшаго практическаго значенія въ той средѣ, гдѣ самыя коренныя условія жизни враждебны элементарнымъ требованіямъ гигиены. Только весьма ограниченное меньшинство родителей въ состояніи практически осуществлять предписанія науки, и осуществляя ихъ, окружая дѣтей рациональнымъ уходомъ, устраняя изъ ихъ воспитанія все, что разрушительно дѣйствуетъ на дѣтскій организмъ,—это меньшинство можетъ вліять на уменьшеніе процента дѣтской смертности. Но тутъ является новое препятствіе—невѣжество родителей; всякій знаетъ, на какомъ низкомъ уровнѣ стоятъ обыкновенно гигиеническія и медицинскія познанія большинства—я не говорю отцовъ (они всегда обязательно слагаютъ труднѣйшія задачи воспитанія на женщинъ), но и матерей. Молодая мать знаетъ обыкновенно объ условіяхъ жизни и развитія организма своего ребенка едва-ли не меньше, и уже никакъ не больше, чѣмъ сколько она знаетъ о гигиенѣ своей комнатной собачки или кошки. Она бродитъ въ потьмахъ, на каждомъ шагу она впадаетъ въ самыя грубыя ошибки; неосмысленный опытъ и безотчетныя чувства являются обыкновенно ея единственными руководителями. Само собою понятно, что такое чисто-эмпирическое воспитаніе не даетъ никакихъ

прочныхъ гарантій жизни и здоровью ребенка. Его существованіе зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ чистой случайности; отъ каприза матери, отъ ея большей или меньшей внимательности, отъ степени ея наблюдательности, отъ того, мнительна она или не мнительна, читала-ли она что нибудь по части гигиены или вѣтъ и т. д. Общество дорого платится за свое *невмѣстательство* въ гигиеническія условія дѣтской жизни; теряя на 5—6-мъ годѣ половину новорожденныхъ, оно ничѣмъ не гарантировано въ здоровьи и тѣхъ, которымъ удастся пережить роковые пять лѣтъ. Контингентъ взрослыхъ ежегодно пополняется хилыми, больными людьми, съ сильно развитымъ расположеніемъ къ бугорчаткѣ, каттарамъ, анеміи, золотухѣ, невралгіямъ и психозіямъ. Особенно сильное распространеніе получила въ наше время анемія или такъ называемое малокровіе ¹⁾. «*Самая ранняя юность* есть единственный возрастъ, въ которомъ возможно успѣшно бороться съ этимъ страшнымъ зломъ» (Кленке, стр. 80), а между тѣмъ въ этомъ-то именно возрастѣ на эту болѣзнь почти не обращается никакого вниманія. Родители рѣдко даже умѣютъ и распознавать ее; въ большинствѣ случаевъ они (а часто и врачи) относятъ ея симптомы къ другимъ причинамъ, къ какимъ нибудь временнымъ, случайнымъ разстройствомъ организма, или даже просто къ *дѣтскимъ капризамъ*. И что-же мы видимъ? Вялую, дряблую молодежь, неспособную къ активности, преждевременно старѣющуюся, смѣлую развѣ только въ сферѣ отвлеченныхъ идей, робкую и трусливую въ сферѣ дѣйствій. Одинъ изъ величайшихъ современныхъ естествоиспытателей (Молешотъ) справедливо назвалъ гдѣ-то современное поколѣніе—поколѣніемъ хлорознымъ. По новѣйшимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, болѣе 75% женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ страдаютъ малокровіемъ. Почти всѣ наши дѣти являются на свѣтъ съ прирожденнымъ малокровіемъ. Малокровные, золотушные или чахоточные родители всегда производятъ малокровное потомство; но если малокровіе и не прирожденно, то оно легко прививается къ ребенку, въ особенности подъ вліяніемъ недостаточнаго, или несоотвѣтственнаго и нераціональнаго питанія; запущенное въ дѣтствѣ, оно превращается въ хроническую немочь,—немочь, съ ко-

¹⁾ Напомянемъ читателю, что подъ именемъ *anemia* (малокровіе) въ медицинѣ извѣстна болѣзнь, сущность которой заключается въ нѣкоторомъ разстройствѣ кровеобразовательнаго процесса. Въ силу этого разстройства въ крови не образуется достаточнаго количества тѣхъ микроскопическихъ шарообразныхъ кѣточекъ (кровяныхъ шариковъ), присутствіе которыхъ обуславливаетъ ея окисленіе. А извѣстно, что если кровь недостаточно окисленная, то всѣ процессы питанія организма разстраиваются и его жизненная энергія ослабляется.

торою всякая борьба оказывается напрасною, которая незамѣтно подтачиваетъ организмъ, уничтожаетъ энергію человѣка и служить въ то-же время *предрасполагающею причиною* для всевозможныхъ легкихъ и тяжелыхъ, острыхъ и хроническихъ недуговъ. Человѣческая жизнь сокращается, ранняя старость обременяется болѣзнями, и общество получаетъ, такимъ образомъ, вмѣсто полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ, какихъ-то *людей-тряпокъ*, годныхъ только на выкройку савана.

Мы остановились на анеміи, какъ на одной изъ наиболѣе губительныхъ по своимъ послѣдствіямъ и наиболѣе распространенныхъ современныхъ болѣзней, но не одну ее завѣщаетъ *дѣтство возмужалости*. Золотушность, предрасположеніе къ легочнымъ и желудочнымъ каттарамъ, въ особенности нервнымъ и мозговымъ болѣзнямъ, наконецъ, къ сифлису,—вотъ съ запасомъ какихъ «данныхъ» переходитъ большинство нашихъ дѣтей отъ дѣтства къ юности. Зло такъ велико, такъ ужасно, что въ борьбѣ съ нимъ всякія частныя усилія и единичныя попытки едва-ли обѣщаютъ принести большую пользу. Чтобы побѣдить его, нужно дѣйствовать на его причину, а причина его—пассивное и безучастное отношеніе общества къ своимъ дѣтямъ, крайнее невѣжество и совершенная неумѣлость тѣхъ лицъ, на долю которыхъ выпадаетъ ихъ выкармливаніе и воспитаніе. Вмѣшательство общества въ гигиеническія условія жизни дѣтей само собою предполагаетъ и вмѣшательство его въ воспитаніе матерей. Оно можетъ и должно требовать отъ матери основательнаго знакомства съ дѣтскою гигиеною и педагогикою, но чтобы это требованіе могло быть осуществимо, оно обязано открыть женщинѣ тѣ-же пути къ естественно-научному образованію, какія открыты и мужчинамъ. Только при такомъ условіи женщина образованнаго меньшинства въ состояніи будетъ подняться до пониманія *материнскихъ обязанностей*; только при такомъ условіи распространеніе и популяризація гигиеническихъ книгъ станутъ дѣломъ дѣйствительно полезнымъ и плодотворнымъ. Напротивъ, при отсутствіи этого условія, книги эти всегда будутъ имѣть лишь весьма ограниченный кругъ читателей, и притомъ еще читателей весьма дурно приготовленныхъ къ подобному чтенію. Эмпирической опытъ, совѣты разныхъ «мамушекъ», «кумушекъ» да «бабушекъ» и слѣпое неосмысленное довѣріе къ чужому авторитету всегда будутъ брать верхъ надъ указаніями науки. Да и самыя эти указанія, невѣрно истолковываемыя, неправильно примѣняемыя, часто могутъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы. Потому мы думаемъ, что гигиеническія и медицинскія популярныя книги, при низкомъ

уровнѣ естественно-научнаго образованія женщинъ и при существующихъ отношеніяхъ общества къ семьѣ, могутъ оказать лишь очень слабое, едва замѣтное вліяніе на улучшеніе дѣтской жизни и на уменьшеніе дѣтской смертности. Мы, конечно, не отрицаемъ безусловно ихъ практической пользы, но ограничиваемъ ее довольно тѣсными предѣлами. Книги-же, подобныя книгѣ Кленке, даже и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ могутъ имѣть, съ чисто-практической точки зрѣнія, лишь весьма посредственное значеніе. Цѣль этой книги не опредѣленіе важнѣйшихъ условій дѣтской гигиены, а указаніе признаковъ, характеризующихъ «періоды предвѣстниковъ» дѣтскихъ болѣзней, указаніе того момента, когда мать должна прибѣгать къ помощи врача. Но дѣло въ томъ, что эти «признаки», весьма рельефные и опредѣленные въ глазахъ врача-спеціалиста, въ глазахъ матери-профанки теряютъ всю свою ясность и своеобразность, спутываются, перемѣшиваются, и, если можно такъ выразиться, обезсмысливаются. Они для нея—буквы незнакомаго алфавита, шифръ безъ ключа. Только тогда, когда личный опытъ и наблюденія свяжутъ въ ея умѣ картину болѣзни съ признаками ея предвѣстниковъ, только тогда она не будетъ ошибаться въ ихъ практическомъ значеніи, только тогда ихъ абстрактное, отвлеченное обозначеніе будетъ для нея и понятно, и положительно, и полезно. Разумѣется, одного чтенія популярно-медицинскихъ книжекъ для этого слишкомъ недостаточно; необходимо основательное практическое изученіе (въ клиникахъ и препаровочныхъ) дѣтской патологіи, изученіе, которое предполагаетъ въ свою очередь знакомство съ фізіологіею, анатоміею, химіею, ботаникою и другими отраслями естественныхъ наукъ. Но двери медицинской академіи еще только недавно открылись для нашихъ женщинъ, наши матери никогда не заглядывали въ дѣтскія клиники, а ихъ естественно-научное образованіе стояло и долго еще будетъ стоять выше требованій самой снисходительной умѣренности. При такомъ положеніи дѣлъ, самое разумное, что можно посоветывать каждой матери достаточныхъ классовъ, это, «не мудрствуя лукаво», обращаться къ доктору каждый разъ, когда она замѣтитъ хоть какое нибудь уклоненіе отъ установившейся нормы въ образѣ поведенія и жизни своего ребенка. Дѣло доктора опредѣлить въ каждомъ частномъ случаѣ характеръ, степень, вѣроятныя причины и послѣдствія замѣченнаго уклоненія. Конечно, при такомъ невѣжествѣ матери ей часто придется беспокоиться по пустякамъ и понапрасну тревожить доктора, но за то здоровье ребенка будетъ обезпечено отъ легкомысленныхъ экспериментовъ самоувѣреннаго полузнанія.

Большою практичною отличаются двѣ первыя главы (стр. 1—112), въ которыхъ авторъ высказываетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о дѣтскихъ болѣзняхъ, объ уходѣ за больными дѣтьми и опредѣляетъ общіе признаки наступающей или наступившей болѣзни, а также врожденнаго или приобретеннаго предрасположенія къ болѣзнямъ. Въ этихъ главахъ каждая мать почерпнетъ не мало очень полезныхъ указаній и практическихъ правилъ (см. напр. стр. 27, 33, 34 и послѣднюю). Съ особенною настоятельностью рекомендуетъ Кленке необходимость точно и тщательно слѣдить за всеми явленіями въ жизни ребенка, какъ-бы они ни казались на первый взглядъ ничтожными и незначительными. «Признаки, по которымъ можно отличить ненормальное состояніе ребенка отъ нормальнаго, справедливо замѣчаетъ авторъ, — только тогда могутъ имѣть какое-нибудь значеніе для матери, когда ей извѣстны всѣ особенности и привычки ребенка въ *здоровомъ* состояніи. Вотъ почему необходимо, чтобъ она внимательно наблюдала и слѣдила за своимъ ребенкомъ, чтобы безошибочно и не теряя времени тотчасъ же замѣчала все необыкновенное въ его настроеніи и образѣ дѣйствій. Ей необходимо досконально знать всѣ привычки и капризы ребенка, усвоенные имъ по ея винѣ или винѣ другихъ, такъ какъ въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ дѣтскіе капризы часто могутъ быть смѣшиваемы съ симптомами начавшейся болѣзни» (стр. 27). «Такая точность въ наблюденіи за ребенкомъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — тѣмъ необходимѣе, что дѣтскія болѣзни, часто начинаются незначительными, едва замѣтными припадками, которые вдругъ могутъ принять весьма серьезный характеръ; причина этого лежитъ въ чрезмѣрно усиленной жизнѣдѣтельности дѣтскаго организма, въ живомъ обиліи веществъ, въ господствующей склонности къ выпотѣніямъ и пластическимъ процессамъ, въ широкомъ сочувствіи и взаимодействіи между отдельными органическими системами» (стр. 13). Извѣстно, что въ дѣтскомъ организмѣ существуетъ необыкновенно тѣсная солидарность и живая связь между сосудистою, пищеварительною, мышечною и нервною системами и вслѣдствіе этого малѣйшее болѣзненное пораженіе одной системы быстро переносится и на другія, — такъ что болѣзнь, ничтожная вначалѣ, внезапно и безъ всякой видимой причины принимаетъ часто крайне опасный характеръ. Едва мать замѣтитъ что нибудь *ненормальное* въ своемъ ребенкѣ, она, какъ это совѣтуетъ г. Кленке, — должна обращаться къ доктору, — воздерживаясь отъ всякихъ медицинскихъ экспериментовъ: подобные эксперименты, такъ называемое «леченіе домашними средствами» въ большинствѣ случаевъ стоятъ ребенку

жизни. Положеніе Гуфеланда: «при болѣзняхъ лучше ничего не дѣлать, предоставивъ все дѣйствию природы, чѣмъ лечить на угадъ»,— это положеніе имѣеть, по словамъ Кленке, гораздо большее значеніе относительно дѣтей, чѣмъ относительно взрослыхъ. «Здѣсь (т. е. относительно дѣтей) малѣйшая погрѣшность въ леченіи, говоритъ онъ, — можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствія, а съ другой стороны, благодаря чрезвычайно живому обмѣну веществъ и воспроизводительной силѣ дѣтскаго организма, послѣдній болѣе способенъ и склоненъ къ самоизлеченію, чѣмъ взрослый.» (стр. 15) «Однако, прибавляетъ онъ,—это совсѣмъ не значитъ, что слѣдуетъ сидѣть сложа руки, бессмысленно выжидая хода болѣзни: такой образъ дѣйствія былъ-бы столь-же губителенъ для ребенка, какъ и приемы несоответственныхъ лекарствъ, а упущеніе подлежащаго момента, когда необходимо вмѣшательство врача, можетъ повести къ самому неблагопріятному исходу болѣзни.» (стр. 16). Въ послѣдующихъ главахъ Кленке старается опредѣлить этотъ моментъ для каждаго частнаго случая. Мы уже сказали, что чѣмъ раньше мать прекратитъ свою «самопомощь» и обратится къ врачу, — тѣмъ благоразумнѣе и практичнѣе она поступитъ. Но какъ опасно для нея (при недостаткѣ медицинскаго образованія) пускаться самой въ опредѣленіе признаковъ «періодовъ предвѣстниковъ», — это лучше всего можно видѣть на примѣрѣ той общераспространенной группы дѣтскихъ болѣзней, которыя извѣстны подъ именемъ *острыхъ сыпей*: красивная лихорадка, краснуха, скарлатина, корь, различныя формы оспы и т. п.

Болѣзни эти, весьма различныя по своему теченію и исходу, въ начальномъ, инкубационномъ періодѣ своего развитія представляютъ до того схожіе признаки (общее недомоганіе, высыпаніе красныхъ пятенъ на тѣлѣ, головная боль, угнетенное состояніе духа и т. п.), что нерѣдко даже опытные врачи ошибаются въ первые дни въ своихъ предсказаніяхъ и принимаютъ краснуху или крапивную лихорадку за предвѣстниковъ кори или скарлатины, и наоборотъ. Сравните тѣ главнѣйшіе симптомы, которыми самъ Кленке характеризуетъ періоды предвѣстниковъ кори, скарлатины и такъ называемой *краснушки* (Rubeolae),—стр. 225, 228, 230,—и вы убѣдитесь, что неопытной и несвѣдующей матери ни-за-что не распознать ихъ? *Общее* во всѣхъ этихъ симптомахъ (какъ-то: головная боль, жаръ, горячая сухая кожа, потеря аппетита, тошнота, лихорадочное состояніе, сопровождающееся иногда бредомъ, кашель) гораздо рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ *частное*, специфическое (какъ-то: характеръ и расположеніе пятенъ, особенности кашля, состояніе полости рта и языка

и т. п.). Последнее никогда не скроется отъ глазъ врача-специалиста,—но все вниманіе матери исключительно сосредоточивается на первомъ.

Вотъ почему, какъ мы уже сказали выше, нельзя придавать большого практическаго значенія послѣдующимъ (начиная съ 3-ей) главамъ сочиненія Кленке. Онъ-бы могъ сдѣлать ихъ гораздо практичнѣе, если-бы онъ расширилъ чисто-гигиенической отдѣлъ своей книги, т. е. обратилъ-бы вниманіе матерей не столько на распознаваніе признаковъ болѣзней, сколько на *средства*, могущія служить къ предупрежденію самаго возникновенія болѣзней. Относительно нѣкоторыхъ болѣзней (напр., малокровія, так. наз. классныхъ болѣзней) онъ это и дѣлаетъ, но за то относительно другихъ онъ обходитъ вопросъ превентивной діететики полнѣйшимъ молчаніемъ. Вы, напримѣръ, ни слова не найдете у него о томъ, можно-ли и какимъ образомъ можно предохранить ребенка отъ такъ называемаго *крупа* (ложно-перепончатая жаба), одной изъ самыхъ страшныхъ и губительныхъ болѣзней дѣтскаго возраста. Между тѣмъ, уже самые первые признаки этой болѣзни являются съ угрожающимъ характеромъ, — и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно внезапно и неожиданно. Матери обыкновенно замѣчаютъ крупъ лишь послѣ перваго ночного приступа, вслѣдъ за которымъ появляется крупозный кашель. Но уже съ этого момента теченіе крупа становится острымъ, стремительнымъ. Тутъ уже ни одна мать не ошибется въ опредѣленіи характера болѣзни,—но отъ этого ей мало утѣшенія. Дальнѣйшая судьба ребенка будетъ теперь уже всецѣло зависѣть отъ своевременности и искусства врачебной помощи. Потому, для матери было-бы гораздо важнѣе знать не столько признаки наступающаго крупа, сколько средство предотвратить его возникновеніе. Конечно, введеніе въ книгу гигиеническихъ подробностей не входило въ тѣ рамки, которыя опредѣлилъ для себя авторъ. Но, во-первыхъ, зачѣмъ-же онъ поставилъ себя въ такія тѣсныя рамки,—а во-вторыхъ,—если онъ считалъ возможнымъ (какъ показано выше) выйти изъ нихъ относительно нѣкоторыхъ болѣзней,—то почему-же онъ не могъ сдѣлать этого и относительно *всѣхъ* дѣтскихъ болѣзней? Впрочемъ, мы думаемъ, что этотъ пробѣлъ слѣдовало-бы пополнить самому переводчику; ему-бы стоило только дополнить настоящую книгу Кленке другою его книгою «Мать, какъ воспитательница» и нѣкоторыми другими данными. Изъ книги Кленке (Мать, какъ воспитательница), онъ взялъ, правда, два замѣчанія: объ отнятій дѣтей отъ груди (къ стр. 149)

и объ искусственномъ выкармливаніи (къ стр. 130), но этого слишкомъ мало.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Оно будетъ уже относиться не къ переводчику, а къ самому Кленке. Пробѣлъ, на который мы сейчасъ указали, съ точки зрѣнія авторской программы, совѣтъ даже и не покажется пробѣломъ. Но пробѣлъ, на который мы укажемъ теперь, долженъ быть признанъ пробѣломъ именно съ точки зрѣнія этой программы. Авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ понятіе *дѣтской болѣзни*: «подъ понятіемъ дѣтскихъ болѣзней, говоритъ онъ, — мы будемъ разумѣть всѣ тѣ болѣзни, которыя или исключительно свойственны только дѣтскому возрасту, или встрѣчаются у дѣтей чаще, чѣмъ у взрослыхъ, или же, наконецъ, такія, что хотя и являются въ одинаковой мѣрѣ въ томъ и въ другомъ возрастѣ, но влѣдствіе особенностей дѣтскаго организма принимаютъ у дѣтей другую форму и направленіе и потому должны быть пользуемы иначе» (стр. 4). Очевидно, что только благодаря такому широкому и вполне рациональному опредѣленію дѣтской болѣзни, подъ это понятіе могутъ быть подведены корь, оспа, лихорадки и т. п. Оспа и лихорадки посѣщаютъ взрослыхъ такъ-же часто, какъ и дѣтей, но у дѣтей, въ силу особенности ихъ организма, характеръ этихъ болѣзней и способъ леченія нѣсколько видоизмѣняются. Но развѣ нельзя сказать того-же самаго о многихъ нервныхъ и мозговыхъ болѣзняхъ? Разстройство мозга и въ особенности такъ называемое аффективное помѣшательство (разстройство въ сферѣ чувствъ) весьма часто (и даже гораздо чаще, чѣмъ думаютъ) проявляется не только у маленькихъ, пяти и шести-лѣтнихъ, но и у новорожденныхъ дѣтей. Психіатрамъ извѣстны случаи, когда дѣти, *сейчасъ-же послѣ рожденія*, оказывались «буйными помѣшанными» (см. Модсли, Вып. 1, стр. 315). Эпилепсія и разстройство въ сферѣ чувствъ составляютъ наиболѣе распространенныя формы «дѣтскаго помѣшательства». И если мы обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что чахотка, сифилисъ, золотуха, невралгія родителей вырождаются часто у дѣтей въ предрасположеніе къ сумасшествію, во-вторыхъ, что ребенокъ обладаетъ несравненно большею *нервностью*, чувствительностью, чѣмъ взрослый (извѣстно, что, несмотря на малый объемъ поверхности его тѣла, число нервныхъ волоконъ у него почти тоже, что и у взрослыхъ); въ-третьихъ, — что дѣти подвержены частымъ и сильнымъ приливамъ крови къ головѣ (особенно во время классныхъ занятій), если мы обратимъ вни-

маніе на всѣ эти факты, хорошо извѣстные и д-ру Кленке, то мы должны допустить просто а priori не только возможность, но и вѣроятную распространенность умственныхъ болѣзней въ дѣтскомъ возрастѣ. Наблюденія англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ психіатровъ вполне подтверждаютъ это предположеніе. Психіатрія показываетъ также, что въ дѣтскомъ возрастѣ умственныя болѣзни не столь упорны и имѣютъ нѣсколько иное теченіе, чѣмъ въ зрѣломъ; что нѣкоторыя ихъ формы мало или даже совсѣмъ не свойственны дѣтямъ (напр., однопредметное помѣшательство), а другія, напротивъ, какъ-бы присущи преимущественно *дѣтскому помѣшательству*,— что условія леченія не совсѣмъ тождественны съ условіями леченія взрослыхъ помѣшанныхъ и т. д.,—однимъ словомъ, что и эту болѣзнь, какъ и большую часть болѣзней, посѣщающихъ дѣтей, дѣтскій организмъ видоизмѣняетъ сообразно съ своими специфическими особенностями, накладываетъ на нее особый отпечатокъ, придаетъ ей болѣе или менѣе оригинальную типичность. А между тѣмъ Кленке ни слова не упоминаетъ объ умственныхъ и нервныхъ расстройствахъ дѣтей. Для него ихъ какъ будто совсѣмъ не существуетъ. Онъ изгоняетъ ихъ изъ своей программы, тогда какъ именно его-то программа и не можетъ ихъ исключать. Если-бы онъ, подобно нѣкоторымъ другимъ врачамъ, подразумѣвалъ подъ дѣтскими болѣзнями только тѣ болѣзни, которыя *исключительно* свойственны одному дѣтскому возрасту или у дѣтей чаще встрѣчаются, чѣмъ у взрослыхъ, — тогда бы, конечно, онъ могъ еще игнорировать дѣтское помѣшательство. Но съ точки зрѣнія того опредѣленія, которое, какъ мы видѣли, онъ даетъ понятію дѣтской болѣзни, — онъ не имѣлъ никакого права поступить такимъ образомъ. Еще менѣе имѣлъ онъ на это право, съ точки зрѣнія той чрезвычайной важности и того глубокаго практическаго значенія, которое имѣетъ вопросъ о дѣтскомъ помѣшательствѣ, какъ для самихъ дѣтей, такъ и для всего общества.

Къ несчастію, на этотъ вопросъ до сихъ поръ не обращено еще должнаго вниманія. Рутіна видятъ въ симптомахъ дѣтскаго помѣшательства дѣтскіе капризы и «дурной нравъ». Тамъ, гдѣ слѣдовало-бы обратиться къ помощи діететическихъ и врачебныхъ средствъ, — она прибѣгаетъ лишь къ «нравственнымъ назиданіямъ», къ мѣрамъ «кроткаго» или «строгаго» (смотря по наставнику) *исправленія*; она ищетъ помощи не въ рациональномъ леченіи, она обращается за совѣтами не къ врачамъ и психіатрамъ, а къ запыленнымъ кодексамъ метафизической или грубо-эмпирической педагогикки. И что же вы-

ходить? Болѣзнь, запущенная въ дѣтствѣ, принимаетъ упорный, хроническій характеръ; въ якобы *капризныхъ*, а въ сущности больныхъ дѣтей, развиваются юности съ рѣзко-выраженными психическими аномаліями, съ тѣми «странностями» характера, съ тѣми извращенными чувствами и наклонностями, которыя, въ лучшемъ случаѣ, приводятъ ихъ *навсегда* въ психіатрическую лечебницу, — а въ худшемъ — ведутъ ихъ въ тюрьмы, на галеры, на эшафотъ, дѣлають ихъ рѣшительно неспособными къ сколько нибудь разумному человѣческому общежитію, превращають ихъ то въ жертвы, то въ палачей и мучителей своихъ ближнихъ. И это будетъ такъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока враги не откроють глаза родителямъ и педагогамъ и не обратятъ ихъ серьезнаго вниманія на болѣзнь «дѣтскаго помѣшательства», — болѣзнь, въ тысячу разъ болѣе губительную по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ оспа, и почти такъ-же разпространенную, какъ анемія и золотуха.

Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ въ южной Африкѣ. Жюль Верна. Спб. 1873.

Обаяніе научныхъ истинъ, излагаемыхъ въ популярной формѣ, слишкомъ велико, чтобы литературная промышленность не находила интереса въ злоупотребленіи пополяризаціей. Поэтому, когда неуздаемый Жюль Вернъ, фабрикуя свои пузыри, надутые фантазмагорической чепухой, принимаетъ солидный видъ просвѣтителя, насъ несколько не удивляетъ этотъ приемъ, ибо даже такіе молодцы, какъ Дебъ, Мильчевскій или романистъ Бэло, увѣряють, что они отнюдь не имѣють намѣренія эксплуатировать клубничные инстинкты простодушныхъ читателей, но безкорыстно стремятся къ просвѣщенію публики. Мы знаемъ, что почитатели Верна, вольные и особенно невольные, съ негодованіемъ отвергнуть эту параллель, но мы все-таки настаиваемъ на ней, потому что находимъ несправедливымъ относиться иначе къ его пресловутымъ издѣліямъ. Это тотъ-же видъ грубой поддѣлки подъ тонъ и духъ науки, то-же беззастѣнчивое желаніе провести читателя на микинѣ. Иногда взрослые поддразнивають любопытство дѣтей тѣмъ, что какую-нибудь пустую и ни на что непригодную вещь обертываютъ для ващаго эффекта въ ярко-размазе-

ванныя бумажекъ, и Жюль Вернъ прибѣгаетъ къ такого-же рода бумажнымъ эффектамъ. Съ терпѣніемъ, но безъ всякаго любопытства перевертывали мы страницу за страницей его новой книжонки и ничего не нашли въ ней, кромя какого-то беллетристическаго кривлянья, или, точнѣе сказать, нашли 314 бумажекъ, въ которыхъ ровно ничего не завернуто и ровно ничего не положено. Жюль Вернъ очень хорошо сообразилъ, что сбытъ литературнаго хлѣба безъ примѣси беллетристической трухи невыгоденъ, но онъ сообразилъ также, что труха отлично сойдетъ подъ именемъ популярнаго разсказа о научныхъ предметахъ. Что это за научные предметы, объ этомъ читатель никогда не узнаетъ изъ сочиненій Верна. Въ «Приключеніяхъ трехъ русскихъ и трехъ англичанъ» дѣло, повидимому, идетъ о томъ, чтобы дать понятіе о способахъ измѣренія земной поверхности для опредѣленія величины одного градуса,—предметъ, какъ видите, серьезный, но совершенно ясный. Изъ всей книги Жюля Верна едва ли, однако, можно выловить три-четыре названія инструментовъ и приборовъ, употребляемыхъ для измѣренія, авторъ даже не далъ себѣ труда толково описать ихъ употребленіе, не говоря уже о томъ, что о производствѣ самаго измѣренія рѣшительно невозможно составить себѣ сколько-нибудь яснаго представленія изъ его развязной болтовни. Авторъ просто издѣвается надъ своими поклонниками, подавляя малѣйшіе запросы ихъ мысли вымыслами своей фантазіи. До чего доходитъ безцеремонность его шутовства, можно судить изъ того, напр., что онъ угощаетъ читателей цѣлыми выписками изъ спеціальныхъ учебниковъ безъ всякаго разъясненія встрѣчающихся тамъ терминовъ. Цѣль его задачи состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить, какъ производится измѣреніе земнаго градуса, и казалось-бы, этимъ только и слѣдовало заняться ученому автору, ибо эта задача требуетъ обширныхъ разъясненій, затрагивая множество разнообразныхъ вопросовъ геометріи и геодезіи. Но авторъ очень просто отдѣлывается отъ этой задачи; гдѣ-то въ сторонѣ и ни къ селу, ни къ городу онъ дѣлаетъ выписку изъ учебника космографіи какого-то французскаго профессора, писавшаго, очевидно, для спеціалистовъ по геометріи, а затѣмъ уже ни разу не возвращается къ этому вопросу. Но всего курьезнѣе то, что, дѣлая эту выписку, гдѣ говорится о совершенно неизвѣстныхъ простому читателю теодолитахъ, базисахъ, или рѣшеніяхъ трехугольниковъ, авторъ не приложилъ даже чертежа къ этой выпискѣ, безъ котораго она теряетъ смыслъ и для спеціалиста. Разбейте, молъ, сами, какъ знаете, и не говорите, что авторъ не

имѣлъ никакого дѣла съ истинами науки. Въ результатѣ оказы-
вается, что авторъ «и невинность сохранилъ, и капиталъ приобрѣлъ».
Но чѣмъ-же наполнена книга Жюль Верна, спросить меня читатель,
и почему его читаютъ и переводятъ на всѣ европейскіе языки?
Прежде всего мы должны замѣтить, что успѣхъ книги только въ
глазахъ литературныхъ барышниковъ служить безусловнымъ мѣри-
ломъ ея внутренняго достоинства. Есть книги, успѣхъ которыхъ,
напротивъ, бываетъ иногда слѣдствіемъ негодности или пустоты ихъ
содержанія, и къ числу ихъ мы, незадумываясь, относимъ и на-
стоящее сочиненіе Жюль Верна. Если снять цѣликомъ мутную бел-
летристическую пѣну, которой насыщена книга Верна, то мы едва
отыщемъ въ ней нѣсколько микроскопическихъ капель чего-то науч-
наго, но и эти нѣсколько капель, какъ мы видѣли, пропадаютъ без-
слѣдно для читателей-неспециалистовъ. Весь букетъ книги заклю-
чается, слѣдовательно, въ ея беллетристику, и на нее-то жадно
набрасывается большинство читателей, — то громадное большинство,
которое по своему умственному развитію еще не вышло изъ дѣт-
скаго возраста. Что касается дѣтей, для которыхъ преимущественно
и пишетъ Вернь, то ихъ, конечно, исключительно займутъ его
сказочные вымыслы, и чѣмъ неестественнѣе и фантастичнѣе они,
тѣмъ менѣе шансовъ на то, чтобы ребенокъ остановилъ свой умъ
на научной сторонѣ разсказа. Въ этомъ-то и заключается без-
смысліе всѣхъ фантастическихъ разсказовъ, претендующихъ на со-
общеніе ребенку тѣхъ или другихъ научныхъ свѣденій. Его свѣ-
жій, здоровый умъ протестуетъ противъ искусственнаго, неесте-
ственного смѣшенія дикихъ образовъ фантазіи съ реальной дѣй-
ствительностью научныхъ истинъ, онъ рѣзко, хотя бессознательно
отдѣляетъ этотъ бредъ и выбрасываетъ изъ него все, что носитъ
на себѣ характеръ возможнаго и разумнаго. Ребенокъ будетъ на-
слаждаться самыми безобразными продуктами фантазіи, но его ни-
какъ нельзя вывести, незамѣтно для него самого, какъ полагаютъ
авторы разсказовъ изъ міра фантастическихъ грезъ, въ сферу объ-
ективнаго знанія; онъ почувствуетъ, что наука, въ сѣти которой
хотятъ уловить его умъ, не имѣетъ ничего общаго съ иллюзіями
больной фантазіи, онъ разглядитъ бѣлыя нитки, которыми при-
шиты научныя идеи къ сказочнымъ небылицамъ, и цѣликомъ погру-
зится въ міръ фантастическихъ образовъ. Почему ребенокъ пропускаетъ
скучныя для него страницы полезнаго знанія и отдаетъ пред-
почтеніе самой нелѣпой баснѣ, — это вопросъ другой. Во-первыхъ,

эти страницы убійственно скучны и невыносимо сухи, какъ, напримѣръ, безтолковая выписка Жюля Верна изъ спеціального учебника космографіи, а во-вторыхъ,—и эта причина весьма серьезна, — ребенокъ, по своей неразвитой, эмбриональной природѣ, тяготеетъ больше къ міру фантазій, чѣмъ разсудка. Запасъ его положительныхъ знаній и опыта такъ скуденъ, что онъ не можетъ найти въ нихъ надежнаго руководителя для безошибочнаго мышленія. Встрѣчаясь впервые съ чуждыми его пониманію явленіями окружающей среды, ребенокъ принужденъ, вслѣдствіе недостатка опыта и логики для объясненія ихъ, прибѣгать къ единственно возможному для него способу — къ аналогіи съ самимъ собою. Отсюда наклонность у дѣтей приписывать человѣческія свойства неодушевленнымъ предметамъ, воображать, что ихъ куклы одарены волей, умомъ и т. д. Слѣдовательно, любовь дѣтей къ чудесному есть прямой результатъ недостаточности ихъ умственного развитія на почвѣ положительнаго, грубаго опыта, и потому эта любовь можетъ и должна быть уничтожена только культивированіемъ ихъ мозга научными идеями. Есть педагоги, которые убѣждены, что сказки полезны или даже необходимы для развитія ума ребенка, *потому что онъ по своему характеру сродны его душѣ*. Мотивъ, лежащій въ основаніи этого убѣжденія, какъ мы уже замѣтили, совершенно справедливъ: сказки дѣйствительно сродны душѣ ребенка, онѣ бесѣдуютъ не съ его умомъ, который у него еще не развитъ, но съ его воображеніемъ; онѣ, такъ сказать, питаютъ его наклонности къ чудесному и вполне гармонируютъ съ ней. Но педагоги, настаивающіе на пользѣ сказокъ, упускаютъ изъ виду маленькую бездѣлицу: они забываютъ, что изъ ребенка дѣлается взрослый человѣкъ, или, какъ говоритъ старая англійская пословица, «ребенокъ есть отецъ взрослоаго человѣка». Задача воспитанія состоитъ именно въ томъ, чтобы шагъ за шагомъ разрушать, съ помощію положительнаго знанія, въ умѣ ребенка фантастическія иллюзіи воображенія, которыя пускаютъ корни тѣмъ глубже въ его душѣ, что онъ не въ состояніи противопоставить имъ сужденій разумныхъ, основанныхъ на раціональномъ опытѣ. Только потому, что сказки сродны душѣ ребенка, онѣ вредны для него, какъ и многое, что, повидимому, вытекаетъ изъ его природы, но въ сущности портитъ и искажаетъ ее. Поэтому вредно не сдерживать или, что еще хуже, поощрять въ ребенкѣ наклонность къ чудесному, которая въ крайнемъ своемъ развитіи служитъ источникомъ галлюцинацій, столь часто встрѣчающихся въ дѣтскомъ возрастѣ. Только

совершенное непониманіе психической природы ребенка могло внушить педагогамъ мысль развивать ее посредствомъ сказокъ. Они поступаютъ совершенно такъ, какъ поступаетъ господинъ Погосскій съ крестьянами и солдатами, которыхъ онъ думаетъ развить своими фантастическими рассказами о лѣшихъ и нечистой силѣ, заставляя ихъ фигурировать въ обыденной жизни крестьянина. Удивительно, какъ г. Погосскому не придетъ на мысль, что крестьянинъ приметъ за чистую монету вымыслы его фантазіи, потому что они составляютъ неразрывную часть его натуральной философіи, а въ такомъ случаѣ какую-же услугу оказываетъ г. Погосскій крестьянину и окупить-ли его жиденькія нравственныя сентенціи, разведенныя въ цѣлой лужѣ чертовщины, тотъ вредъ, который наносятъ его рассказы?

Однако, мы ничего еще не сказали о беллетристической сторонѣ книги Верна, въ которой эта сторона занимаетъ самое видное мѣсто. Но говорить о ней серьезно рѣшительно нельзя, потому что она, какъ фельетонная болтовня, не представляетъ ничего цѣльнаго и законченнаго. Издательская реклама до того завралась въ предисловіи къ «Приключеніямъ трехъ русскихъ и трехъ англичанъ», что называетъ рассказы Верна «талантливыми», исполненными высокаго «драматизма» (!!!) и «въ высшей степени увлекательными». Этотъ «высокій драматизмъ» состоитъ — въ чемъ-бы вы думали? — въ томъ, что въ южную Африку собираются нѣсколько ученыхъ и двое изъ нихъ, самыхъ знаменитыхъ, начинаютъ между собою ссору, которая и разнообразится фантазіей Верна на всѣхъ страницахъ его книги. Ссорятся ученые потому, что одинъ—русскій, а другой—англичанинъ; одинъ говоритъ: «пойдемъ на сѣверъ», другой говоритъ: «пойдемъ на югъ». Удивительно высокій и, главное, поучительный драматизмъ! Въ томъ-же предисловіи беззастѣнчивая реклама, восхваляя Верна, такъ зарепортовалась, что и не замѣтила, какъ въ попыткахъ сама-же хватила камнемъ въ лобъ излюбленнаго ею автора, говоря, что «онъ сьумѣлъ въ дѣйствующія лица своихъ рассказовъ — *ученыхъ, предпринимающихъ рѣшеніе невозможныхъ задачъ*, — вдохнуть жизнь. Болѣе строгаго приговора нельзя произнести надъ фокусничествомъ Жюль Верна. Его ученые, дѣйствительно, предпринимаютъ рѣшеніе невозможныхъ задачъ, а авторъ выдаетъ ихъ за живыхъ людей. Если-бъ мы выдали читателю безграмотный переводъ какого-нибудь иностраннаго сочиненія за грамотный или если-бъ мы сказали, что первыя страницы книги Верна, въ которыхъ встрѣчается столько неправильныхъ и иногда бессмысленныхъ выраженій,

изложены чисто-русскимъ языкомъ, то, очевидно, мы поступили-бы такъ-же, какъ Жюль Вернъ. На русскомъ языкѣ нельзя сказать, какъ говоритъ переводчица Верна, *сапоги изъ дикаго кита*, какъ нельзя сказать *сапоги изъ быка* или *сапоги изъ коровы*. На русскомъ языкѣ не говорятъ также *Готтенотія* и избѣгаютъ такихъ словъ, какъ *минерализированный*, тѣмъ болѣе, что его легко можно замѣнить русскимъ словомъ: *окаменѣлый*. Но что касается безмысленной фразы, что въ центральной Африкѣ растутъ камни, и ихъ даже больше, чѣмъ растений, то ее нельзя сказать ни на одномъ языкѣ, и мы не знаемъ, принадлежитъ-ли эта фраза безграмотной переводчицѣ или идиотической фантазиі Жюля Верна.

НОВОГОДНЯЯ ФАНТАЗИЯ.

Фельетонъ-позма.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ;
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново.
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона иного:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій
бредъ.

Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта:
Лишь въ наши дни такого встрѣтишь
чорта.

М. Лермонтовъ.

I.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Къ землѣ направилъ свой полетъ,
Печальный демонъ, но не тотъ,
Что у Дудышкина въ изданьѣ
Прошелъ безъ пропусковъ въ народъ.
То былъ не лермонтовскій демонъ,
Не мѣфистофель изъ гусаръ,
И въ мѣрѣ занятъ былъ не тѣмъ онъ,
Чтобъ въ немъ отыскивать Тамаръ.
Въ дѣла людей онъ не мѣшался,
Но, какъ туристъ изъ англичанъ,
По свѣту бѣлому скитался
Отъ теплыхъ до полярныхъ странъ,
Безъ антипатій и симпатій,
Къ тому, что въ мѣрѣ онъ встрѣчалъ;

Не зналъ любви, не зналъ проклятій;
 Для адскихъ каверзъ адскихъ братій
 Досуговъ онъ не посвящалъ,
 И все, что на землѣ онъ видѣлъ,
 Онъ не любилъ, не ненавидѣлъ,
 А хладнокровно изучалъ,
 Навѣрно-бъ онъ не изумился,
 Когда-бы солнца шаръ разбился,
 Всѣ звѣзды рухнули съ небесъ,
 Плутонъ на небѣ очутился
 И провалился въ адъ Зевесъ.
 На свѣтъ взирая безъ ехидства,
 Онъ въ немъ не думалъ сѣять зла,
 И цѣль пути его была —
 Одно простое любопытство.

II.

Такихъ героевъ межъ людей
 Всегда встрѣчается не мало.
 Безъ чувствъ, безъ собственныхъ идей,
 Безъ цѣли и безъ идеала,
 Они на жизнь свою глядятъ,
 Какъ смотримъ мы на представленья,
 Въ партерѣ вечеръ весь сидятъ
 И ждутъ развязки, заключенья.
 Но спущенъ занавѣсъ — финалъ, —
 Стѣсняться больше не подъ силу,
 И ѣдетъ сонный театраль,
 Зѣвнувъ въ послѣдній разъ, — въ могилу...

III.

Въ пространствѣ міра бѣсъ блуждалъ
 Давно съ планеты на планету;
 Переходя изъ мрака къ свѣту,
 Не разъ въ пути перегонялъ
 Быстробѣгущую комету,
 Съ звѣздой падучей не одной
 Въ эфирѣ въ запуски носился

И, наконецъ, на шаръ земной
 Туманнымъ призракомъ спустился.
 На немъ онъ не былъ много лѣтъ,
 Онъ отъ земли ждалъ обновленья,
 И сквозь волшебный свой лорнетъ
 Сталъ наблюдать ея волненья,
 Жизнь цѣлыхъ странъ и городовъ,
 Прогрессъ парламентовъ, судовъ
 И спросъ общественнаго мнѣнья.
 За всѣмъ онъ долго наблюдалъ
 И — что-жъ! — обманутый въ надеждѣ,
 Кругомъ все то-же увидалъ,
 Что на землѣ онъ видѣлъ прежде:
 Все тѣ-же громкія слова
 И бредъ несбыточныхъ утопій,
 (Къ нимъ не чутка уже молва)
 И копировку старыхъ копій
 Которыхъ участь не нова;
 Все тотъ-же блескъ штыковъ и копій,
 Міръ также немощенъ и глупъ,
 И цѣлымъ міромъ править — Крушъ.

IV.

Все тѣ-же партіи карлистовъ,
 Дипломатическихъ ужей,
 Бонапартистовъ и папистовъ,
 Легитимистовъ и ханжей.
 Тамъ папа міръ клянеть въ азартѣ,
 Здѣсь подкушной грохочетъ бардъ:
 „Скончался *третій* Бонапарте,
 Но живъ *четвертый* Бонапартъ!“
 Все то-же море перебранокъ,
 Микроскопической возни;
 Все то-же царство куртизанокъ,
 Все тѣ-жъ бенгальскіе огни
 Несостоятельной печати;
 Все тѣ-же толки, елки, Патти,
 Скандалы, какъ и въ оны дни;

Все тѣ-же истины одни,
 О томъ, что солнце наше съ неба
 Равно для всѣхъ бросаетъ свѣтъ,
 Что оставлять нельзя безъ хлѣба
 Тѣхъ, у которыхъ хлѣба нѣтъ;
 Что голодъ людямъ ненавистенъ,
 Что бѣднякамъ дать нужно трудъ, —
 Но только міръ отъ этихъ истинъ
 Еще не сытъ и не обутъ.
 Отъ дѣдовъ отшатнулись внуки,
 Отцы отъ лучшихъ ихъ дѣтей,
 И свѣточъ знанья и науки
 Влѣднѣеть въ хаосъ страстей.
 И въ этомъ хаосѣ разврата,
 Интриги, лжи и клеветы,
 Не отличишь врага отъ брата,
 Отъ безобразья — красоты,
 Мивадо отъ его солдата,
 Продажныхъ ласкъ отъ чистоты,
 Ума отъ глупости мишурной, —
 Дороже намъ ея лучи, —
 И всякой тли литературной
 Отъ полицейской саранчи.

V.

Прогресса начатое зданье
 Изъ вѣковыхъ, гранитныхъ плитъ
 Уже колеблется, дрожить,
 И, чуя это колебанье,
 Оставивъ сначѣу многихъ лѣтъ,
 Какъ змѣи, драхлыя преданья
 Изъ подъ камней ползутъ на свѣтъ.

VI.

Свершая свой полетъ эфирный,
 Былъ демонъ въ думу погруженъ
 И о судьбѣ толпы всемірной
 Такъ размышлялъ печально онъ:

— „Толпа всемірная все та-же,
 Какъ и въ былыя времена;
 Не измѣнилась вовсе даже
 Ни на одну черту она.
 Все тѣ-же распри, гуль овацій,
 Все тотъ-же предъ грядущимъ страхъ;
 Характеристика всѣхъ націй
 Возможна въ двухъ или трехъ словахъ:
 Толпа мадридская — бушуетъ,
 Толпа въ Неаполѣ — поетъ,
 Въ Нью-Йоркѣ, Лондонѣ — торгуетъ,
 Въ Константинополѣ — кейфуетъ,
 Дерется въ Лимѣ круглый годъ;
 Толпа въ Парижѣ — балагурить,
 Въ Калькутѣ — индусовъ гнететь,
 Въ Гаваннѣ лѣнится и курить
 И въ Люцернѣ разводитъ скотъ;
 Въ Кордовѣ любить наряжаться,
 Въ Женевѣ — искренно скучать,
 Въ Берлинѣ пивомъ упиваться,
 Въ Афинахъ — древностей искать;
 Толпа веселья жаждетъ въ Вѣнѣ,
 Въ Карлсбадѣ — минеральныхъ водъ,
 Наукъ познанья — въ Геттингенѣ,
 Въ Пекинѣ опиумъ сосетъ
 И исправляется въ Каеннѣ;
 Въ Алжирѣ учится сражаться,
 Купаться въ Ниццѣ и дремать,
 Въ Сиднеѣ быстро наживаться,
 А въ Римѣ папу охранять.
 Толпа почѣетъ въ Абукирѣ,
 Бранить за скуку свой Триестъ,
 Плутуетъ въ запуски въ Каирѣ,
 А въ Патагоніи всѣхъ ѣстъ.“

VII.

Безъ чичероне и безъ гидовъ,
 Нигдѣ нашъ бѣсъ себя не выдавъ,

Не зная отдыха и сна,
 Переносился сатана
 Изъ края въ край и, утомленный,
 Разочарованный, смущенный,
 Ужь онъ надѣяться не могъ,
 Что сыщеть въ мѣрѣ уголокъ
 Такой страны обѣтованной,
 Гдѣ ждуть его покой желанный,
 Жизнь полу-свѣта, полу-тьмы,
 Союзъ не вражескій, а братскій,
 Покой безъ спячки азійской
 Везъ европейской кутерьмы.
 Досады пламенный румянецъ
 Въ немъ возбуждали, даже встарь, —
 И образованный британецъ,
 И южной Африки дикарь.

VIII.

— „Куда-жъ теперь полетъ направить?
 Довольно рыскать безъ слѣда...
 И даже демонамъ нужна вѣдь
 Страна покоя иногда.
 Земля — та-жъ книга. Я страницу
 Еще послѣднюю прочту
 И полюбуюсь на лету
 Я на одну еще столицу!
 И демонъ ринулся въ эфиръ,
 И черезъ прусскую границу
 Перелетѣлъ въ славянскій мѣръ.

IX.

И надъ туманнымъ Петроградомъ
 Изгнанникъ рая пролеталъ.
 По стройнымъ каменнымъ громадамъ
 Свѣтъ лунный трепетно блуждалъ;
 Нева подъ снѣжной пеленою
 Блестала дѣвственной красой

И газъ двойною полосой
 Бѣжалъ вдоль улицъ. Тишиною
 Объятъ былъ городъ, но не сномъ.
 Все было тихо, мирно въ немъ
 И подвигадось ровно, стройно,
 Невозмутимо и спобойно.
 Мелькали вывѣски, лари,
 Огнемъ залитые этажи,
 Трактиры, рынки и пассажи,
 Курьеры, тройки, фонари,
 Боляски, каски, крошки-ножки,
 Окошки, дрожки, казаки,
 Папахи, шпаги, флаги, плошки,
 Штыки, огни и рысаки.
 Но вотъ, что видѣть было сладко
 Скитальцу-бѣсу съ высоты, —
 Что въ вихрѣ общей суеты
 Нѣтъ нарушенія порядка.
 Чтобъ не пугать людей больныхъ,
 Молчать шарманокъ хриплыхъ трели
 И даже „бабочекъ ночныхъ“
 Нигдѣ не видно на панели...
 Себя съ достоинствомъ ведутъ
 Не только люди, даже кони
 И, очень сильные въ законѣ,
 Людей на улицахъ не мнутъ.
 Ни слова рѣзкаго, ни знака
 Не позволяетъ пѣшеходъ,
 И ни единая собака
 Не смѣла выйти изъ воротъ...

 И лишь хожалые въ свистки,
 Какъ соловьи, переклигались,
 А всѣ смотрѣли имъ въ глаза
 Съ особой нѣжностью, казалось,
 Гдѣ-бъ ихъ фигура ни являлась;—
 И умиленія слеза
 Въ глазахъ у бѣса показалась.

Неволью онъ въ минуту ту
 Спустился на землю въ тревогѣ
 И на аничковомъ мосту
 Излился въ страстномъ монологѣ:

X.

— „ Клянусь Медузы головой,
 Демогоргономъ и Плутономъ:
 Предъ этой царственной Невой,
 Подъ этимъ финскимъ небосклономъ,
 Скитаясь въ мѣрѣ развращенномъ,
 Я первый отдыхъ нахожу.
 Куда кругомъ ни погляжу—
 Однообразно все и сходно,
 Манеры, мысли—все однѣ...
 И этотъ городъ превосходный
 Теперь вполнѣ понятенъ мнѣ.
 Я оцѣнилъ при первомъ взглядѣ
 Донынѣ чуждый мнѣ народъ...
 Клянусь, что въ дивномъ Петроградѣ,
 Отдохновенья только ради,
 Останусь жить я цѣлый годъ!..“

XI.

Проходятъ дни. Ликуетъ демонъ.
 Онъ видѣлъ Сену, Темзу, Нѣманъ,
 Рейнъ, Амазонку и Дунай,
 Онъ видѣлъ Нильскіе пороги,
 Монбланъ, Везувій и Синай,
 И древней Мексики чертоги;
 Онъ зналъ пути къ любой звѣздѣ,
 Былъ на Сатурнѣ и Уранѣ,
 Но не дивился онъ нигдѣ,
 Какъ на Невѣ, въ ея туманѣ,
 Блаженству жизни городской.
 Бродя въ столицѣ день деньской,
 Онъ простодушно изумлялся,
 Какъ поднять общій кругозоръ:

Иной журнальный репортеръ
 Съ городовымъ любимъ равнялся,
 Съ бульварнымъ щеголемъ — маркеръ,
 Поэтъ — съ кухмистеромъ столичнымъ,
 Художникъ модный — съ маляромъ,
 Юристъ — съ писцомъ восноязычнымъ
 Или банкиръ — съ ростовщикомъ.
 Бѣсъ изумлялся — даже слишкомъ —
 Ничтожнымъ, крошечнымъ умишкамъ —
 Въ поддѣльныхъ лаврахъ мудрецовъ,
 Дивился пареамъ, елкамъ, книжкамъ,
 И муравьинымъ ихъ мыслишкамъ, —
 Наслѣдью жалкому отцовъ;
 Дивился сдѣлкамъ любовнымъ
 Съ продажной совѣстью писаекъ,
 Строчить готовыхъ такъ и сякъ, —
 И рысакамъ, и львицамъ кровнымъ,
 И фалантропамъ безъ сердець,
 И пачкунамъ безъ дарованья,
 Пѣвцамъ, артистамъ безъ призванья
 И многимъ людямъ, наконецъ,
 „На книжку“ цѣлый вѣкъ живущимъ
 И вѣкъ долговъ не отдающимъ.
 А всюду роскошь на показъ
 Богатство блескомъ поражаетъ,
 Лохмотья бархатъ прикрываетъ
 И подъ атласомъ скрыта грязь...

 Въ ладу съ рутиню — мыслитель,
 Съ плутишкой — честный гражданинъ,
 Съ доносомъ — ярый сочинитель,
 И всѣхъ мирить одинъ алтынъ.

XII.

За то въ заботахъ другъ о другѣ
 Граждане щедры на услуги
 И не скупаются на сюрпризъ.

Рядъ пьесъ творить одна бездарность,
 Другая—ставить въ бенефисъ,
 И раздается благодарность
 Отъ почитателей вулись.
 Куда ни сунься—драмопеки;
 Комедій, фарсовъ, „сценъ“ потоки,
 И слухъ прошелъ во всѣ концы,
 Что два столичныя уѣзда
 Теперь наполнили творцы
 Пьесъ и „для съѣзда“ и „разъѣзда“.

XIII.

За городской-же чистотой
 Слѣдятъ лишь рыцари „Отмѣтки“;
 Неутомимы, мрачны, ѣдки,
 Они преслѣдуютъ застой...
 Помойныхъ ямъ. Ихъ стрѣлы мѣтки,
 И иногда,—о Боже мой!—
 Поднимутъ вой изъ за помой
 Всѣ ретирадныя газетки,
 А ихъ издатели зимой
 Хотя себѣ носы морозятъ,
 Но изъ столицы снѣгъ вывозятъ.
 Такъ все смѣшалось съ давнихъ поръ:
 Суфлеръ призналъ себя актеромъ,
 Паяцемъ сдѣлался актеръ,
 Публичный дѣятель—жонглеромъ,
 И композиторомъ—таперъ
 И мракобѣсецъ—новаторомъ.

XIV.

— „Нѣтъ даже нищихъ, говорятъ,
 У васъ, служивый, въ Петроградѣ?“
 Такъ сатана, взглянувъ назадъ,
 И двухъ хожалыхъ видя сзади,
 Спросилъ у перваго.

Хожалый.

У насъ

На этотъ зчетъ довольно строго.

Д Е М О Н Ъ .

А это что! Вонъ у порога
Я вижу нищаго съ сумой.

Х о ж а л ы й (у х м ы л я я с ь) .

Понять не трудно, сударь мой,
Что вы пріѣзжій, а не здѣшній.

Д е м о н њ .

Быть можетъ, я изъ тьмы кромѣшной,
Да какъ-же нищій этотъ?..

Х о ж а л ы й .

Онъ,

(Ужъ видно, что не здѣшній житель!)

Онъ, сударь мой, „актеръ-любитель“.

У нихъ обычай заведенъ

Нарочно такъ переряжаться.

Извѣстно—требуется игра,

И всѣмъ имъ нужно обучаться.

Онъ нищимъ радится съ утра,—

Чтобъ по проспекту прогуляться,

А въ клубъ вечеромъ—глядишь—

Его отъ васъ не отличишь.

Д е м о н њ .

А объ юродивыхъ, вликушахъ

У васъ здѣсь тоже не слышать?

Х о ж а л ы й .

У насъ объ ихъ несчастныхъ душахъ

Теперь заботится печатъ.

Туда имъ всѣмъ и путь счастливый!

За то не мало всѣхъ смѣшить:

Въ одномъ журналѣ—юродивый,

Въ другомъ—вликуша голосить.

Но межъ собой живутъ не ссорясь,

Въ ладу...

Д е м о н њ

O, tempora, o, mores!..

XV.

Еще сквозь сумракъ и туманъ
 Не проскользаетъ лучъ денницы,
 Еще по улицамъ столицы
 Плетется длинный караванъ
 Какихъ то ящичковъ закрытыхъ,
 Въ сопровожденіи небритыхъ
 И сильно пасмурныхъ возницъ;
 Еще склоняся въ воротахъ ницъ
 Надъ тумбой, или надъ обрубкомъ,
 Спать дворникъ и подъ полушубкомъ
 Во снѣ жильцовъ своихъ бранить.
 Весь городъ сномъ тревожнымъ спить,
 И даже въ будѣ дремлетъ сладко
 Блжститель общаго порядка.

XVI.

Еще дневная суета
 Не началась для Петрограда;
 Лишь запоздавшая чета
 Спѣшитъ домой изъ маскарада,
 Да кое-гдѣ везетъ чухна
 На таратайкѣ свой картофель.
 И въ этотъ часъ, не зная сна,
 Спѣшитъ куда-то Мефистофель,
 Незримой силою влекомъ;
 Вотъ пролетаетъ по Литейной
 И, наконецъ, съ угла Бассейной
 Вступилъ въ угольный, барскій домъ,
 Промель рядъ комнатъ изъ пріемной
 И очутился въ спальнѣ темной.

XVII.

Не жди, читатель, отъ меня
 Пикантныхъ сценъ во вкусѣ Дроза.
 Я буду скромень, какъ и проза
 Простого, будничнаго дня.
 Не современная Тамара
 Въ красѣ ночного пеньюара

Въ ту спальню демона влекла,
 И въ этой новой обстановкѣ
 Онъ не искалъ ея головки,
 Ея лилейнаго чела.
 Въ той спальнѣ спалъ старикъ маститый.
 Шкапъ, столъ, желѣзная кровать,
 Паркетный полъ, ковромъ обитый,
 Кушетка, кресель шесть иль пять,
 Портретъ Булгарина на стѣнкѣ,
 И корректуры на столѣ,
 Сигара въ мундштукѣ изъ пѣнки
 И тутъ-же книга. Въ полу-мгль
 Прочелъ заглавье бѣсъ: „*Два міра*“,
Поэма Майкова.

— „Вотъ лира,
 Похвалъ достойная!“ и вслухъ,
 Страницу выбравъ на удачу,
 Читать поэму началъ духъ.
 — „Авось я старца озадачу
 И онъ во снѣ не будетъ глухъ
 Къ поэту (*читаетъ*):

„Лида! я-бъ васъ гналъ,
 „Когда-бы жилъ еще! терзалъ
 „Звѣрьми-бъ, живого-бъ не оставилъ!
 „Ты-бъ гналъ, покуда-бъ не узналъ,
 „И больше-бъ насъ покуда-бъ не прозрѣлъ“ *)).

*) Какъ ни изумительно, но эти стихи, отъ чтенія которыхъ можно сдѣлать косноязычнымъ, стихи, какихъ не пишутъ даже на заборахъ уличные пачуны, эти стихи принадлежатъ перу известнаго поэта 30-хъ годовъ А. Н. Майкова, и должны дарящаго насъ своими произведеніями. Выше приведенныя строки тѣмъ любопытнѣе, что онѣ взяты изъ поэмы, которую поэтъ, по его признанію, обдумывалъ и писалъ въ продолженіи *тридцати лѣтъ*. (!?) (См. «Гражданинъ» Сборникъ II, стр. 56). Обращаемся къ сему многотрудному стихотворцу и говоримъ его-же собственнымъ стилемъ:

Тебя-бъ могла-бъ забыть толпа-бъ,
 И отнесла-бъ поэму-бъ въ шеапъ,
 Когда-бъ къ тебѣ-бъ такъ не былъ слабъ,
 Какъ вся-бъ толпа-бъ, и я-бъ твой рабъ!
 Молодые поэты! Учитесь писать по этому образчику...

XVIII.

Вещамъ немногимъ бѣсъ привыкъ
 На бѣломъ свѣтѣ изумляться,
 Но, занозивши свой языкъ
 Стихами этими, сознаться
 Невольно былъ обязанъ онъ,
 Что въ дни скептическаго вѣва
 Переродился Аполлонъ
 Въ птицеголоватаго ацтека.

XIX.

Но старецъ спитъ. Онъ утомленъ;
 На сонъ имѣеть право онъ,
 Межъ журналистовъ — совершенство;
 Несетъ онъ на своихъ плечахъ —
 И телеграфное агенство,
 И два изданья разомъ... Ахъ,
 Три дѣла дѣлать — развѣ шутка?
 Онъ спитъ, но все-же слышитъ чутко
 Волшебный голосъ надъ собой
 И въ немъ притихнулъ сердца бой:

Д е м о н ъ .

На воздушномъ океанѣ
 Безъ руля и безъ вѣтриль
 И безъ ялика Тайвани
 Я давно ношусь въ туманѣ,
 Темный духъ Сатаниль;
 Я давно тобой люблюсь,
 Зная подвиги твои,
 За тебя давно волнуюсь
 Съ чувствомъ новой мнѣ любви.
 Совершилъ ты благъ не мало;
 Я такого идеала
 Журналиста не найду;
 Русь давно тебя признала
 И тебѣ рукоплескала
 Часто публика въ аду.

Совершилъ ты благъ не мало,
 Но пока не канулъ въ адъ,
 Отдохнуть-бы не мѣшало
 И тебѣ на свѣтѣ, братъ.
 Отдохни-жъ, маститый старецъ,
 Нервъ своихъ не раздражай,
 Въ Пизу ты, или въ Біарицъ
 Покупаться поѣзжай.

Глаза, смеженные покоемъ,
 Старики открылъ. Онъ не былъ глухъ
 Къ хваламъ, — мы этого не скроемъ.

СТАРЕЦЪ.

Кто ты — сотрудникъ или духъ?
 Недовѣрю я обоимъ.
 Кто-жъ ты? Отвѣтствуй-же...

ДЕМОНЫ.

Я тотъ

Незримый другъ твой неизмѣнный,
 Кому не разъ среди заботъ
 Внималъ ты въ часъ уединенный,
 То за поправкой корректуръ,
 То въ кабинетѣ, то въ конторѣ,
 То въ мигъ, когда въ журнальномъ спорѣ
 Тебѣ лѣзь въ голову сумбуръ,
 Но выручалъ тебя я вскорѣ.
 Я тотъ, который прививалъ
 Тебѣ умѣнье и сноровку;
 Я тотъ, который диктовалъ,
 А самъ ты подъ мою диетовку
 Статьи чужія исправлялъ;
 Я тотъ, кто съ ревностью похвальной
 Когда-то шилъ тебѣ колпакъ
 Столь ретроградно-либеральный,
 Что смѣло могъ за шагомъ шагъ
 Ты дѣлать на стезѣ журнальной;
 Я тотъ, — пугаться перестань, —
 Кто далъ тебѣ, на диво вѣку,

Сперва съ Леонтьевымъ Громеку,
 Потомъ съ Панютинымъ Щербань.
 И органъ твой, вертлявъ, какъ лань,
 И, словно дымъ отчизны, сладокъ,
 Вносишь прогрессъ въ дремучій лѣсъ.

Старецъ.

Вносишь, но только не прогрессъ!
 Прогрессъ есть тотъ-же безпорядокъ.
 О немъ мнѣ въ наши времена,
 Повѣрь, и вспомнить даже гадко.
 Сама свобода... Что она?
 Она — гармонія порядка.

Демонъ.

Пошли мои софизмы въ прокъ
 И, вижу, каждый мой урокъ
 Не даромъ выслушалъ ты, старче,
 Но все-жъ дрыхлѣешь ты и ярче
 Платины или серебра
 Сверкають кудри смоляныя...
 Такъ повторяю, что пора
 И отдохнуть тебѣ. Иныя
 Найдутся силы и умы,
 Чтобъ продолжать твою дорогу,
 А при согласѣ съ духомъ тьмы
 Идти и дальше понемногу.
 Тебѣ подобныхъ развѣ нѣтъ?
 И имъ-бы могъ помочь я тоже.

Старецъ.

Нѣтъ, измелъчалъ журнальный свѣтъ
 И, какъ кругомъ посмотришь строже, —
 Средь мертвыхъ я одинъ лишь живъ.
 На скудной почвѣ нашихъ нивъ
 Взростилъ я самый зрѣлый колосъ
 И этотъ колосъ зрѣлый — „Голосъ“...
 Пусть онъ порой, какъ санный полозъ
 По мостовой, и рѣжетъ слухъ,

Но ужь таковъ новѣйшій духъ,
 Что для журнальнаго баланса
 Нельзя и пѣть безъ диссонанса.
 Газета—тотъ-же винигреть:
 Всего должно быть понемножку,
 И въ томъ изданьѣ толку нѣтъ,
 Гдѣ не состряпана окрошка
 Изъ либеральныхъ пузырей,
 Инсинуаций, фразъ избитыхъ,
 Противорѣчій, ловко сшитыхъ,
 И ретроградныхъ козырей.
 Служа и бѣсу и Зевесу,
 Давай всѣмъ сестрамъ по серьгамъ,
 А загляни-ка въ нашу прессу!
 Сказать по истинѣ—вѣдь, срамъ!
 Ни въ комъ нѣтъ гибкости привычной,
 Условной ловкости двойной:
 Коль либераль—совсѣмъ безличный,
 Коль радикаль—такъ неприличный,
 А ретроградъ—такъ ужь шальной.
 Все это не умно и дико;
 Дивлюсь я публикѣ, что въ ней
 Еще терпѣніе велико.
 Во всѣхъ изданьяхъ позднихъ дней
 Нѣтъ жизни, такта, подтасовки,
 И только—множество чернилъ.
 Да что!... Поймешь по сортировкѣ,
 Съ которой ихъ я разложилъ.
 Такъ знай: во первыхъ, въ кабинетѣ
 Держу свои изданья я
 И никакихъ другихъ на свѣтѣ;
 За тѣмъ,—по пальцамъ можно счесть,—
 Вотъ какъ лежать журналовъ скопы:
 Въ швейцарской—„Русскій Вѣстникъ“—есть,
 Въ приѣмной—„Вѣстника Европы“
 Есть томъ, и даже не одинъ,
 Въ гостиной—„Модный Магазинъ“,
 Въ бильярдной—Гоппе всѣ изданья

Въ чуланѣ темномъ — „Гражданинъ“,
 Въ прихожей — „Нива“ и „Сіянье“
 И органъ съ подписью: В. Коршъ,
 На кухнѣ — „Новости“ найдешь....

.

XX.

Слова умолкли. Поднимаетъ
 Старикъ чело свое, кряхтя...
 Какъ нянька старая внимаетъ,
 Когда подростшее дитя,
 Какъ взрослый, съ нею начинаетъ
 Свою бесѣду, не шутя, —
 Такъ слушалъ старца бѣсъ, не мало
 Растроганъ славнымъ мудрецомъ,
 И изъ очей его сбѣжала
 Слеза растопленнымъ свинцомъ.
 И бѣсъ исчезъ: такъ предъ грозой,
 Мелькнувши, гаснетъ метеоръ,
 А въ спальнѣ старца до сихъ поръ
 На сквозъ прожженный есть коверъ
 Не человѣческой слезою.

ЭПИЛОГЪ.

Пронесся слухъ дней черезъ пять,
 И слухъ не новый въ нашемъ вѣкѣ,
 Что стали книги пропадать
 Въ одной большой библиотекѣ:
 То вдругъ исчезнетъ томовъ рядъ,
 То вновь появится на полкахъ,
 За похитителемъ слѣдятъ.
 Но никого не уличать,
 Тераясь въ поискахъ и толкахъ.

При неимѣннѣи уликъ
 Остались только въ подозрѣннѣи —
 Живущій пенсіей старикъ,
 Чудакъ, большой любитель чтенья,
 Потому одинъ библіофилъ,
 Потому разсмыслный и приващикъ, —
 Но открывался просто ящикъ:
 Всему виною демонъ былъ.
 Въ своихъ желаньяхъ непреклонный,
 Онъ странной мыслью задался:
 Онъ изученьемъ занялся
 Литературы современной.
 Таская книги день и ночь
 Изъ библіотеки украдкой,
 Онъ ихъ читаль, въ надеждѣ сладкой
 Понять духъ русскій и, точь-въ-точь
 Какъ Пихлеръ, дѣлалъ похищенье,
 Хоть, впрочемъ, книги по прочтеньи
 Въ библіотеку возвращалъ.
 Читаль онъ много, все читаль,
 Сперва съ огромною охотой,
 Потому съ невольною зѣвотой
 И, наконецъ, сталъ засыпать,
 Какую книгу, чтобъ читать,
 Передъ собою ни разложить.
 (Извѣстно всѣмъ вамъ, господа,
 Что бѣсъ безсмертный никогда
 Не спитъ и умереть не можетъ).
 Надежда новая тревожить
 Духъ утомленный сатаны:
 — „Отъ прессы этой стороны,
 Гдѣ все съ зѣвотой неразлучно,
 Все гайдебуристо и скучно, —
 Бѣсъ думаль, — можетъ быть, и я
 Избавлюсь вдругъ отъ бытія,
 Найду въ землѣ успокоенье.“
 И демонъ вновь удвоилъ рвенье,
 Читаль, читаль, читаль, читаль,

Забравши письменность всю въ руки,
И съ наслажденьемъ замѣчалъ,
Что умираеть онъ отъ скуки.
Спаль и читаль, читаль и спаль,
И чахъ и таяль постепенно,
Пересмотрѣвъ попережѣнно,
Все, чѣмъ умъ русскій шевелятъ,
Чѣмъ книжный рынокъ нашъ богатъ.
Когда-жъ, раскрывши два изданья
И, съ сномъ борясь, читать онъ сталъ
Симашко Юлія журналъ
И органъ Хлѣбникова „Знанье“,
Тогда, послѣднихъ силъ лишася
И опустивъ недвижно руки,
Нашъ бѣсъ зѣвнулъ въ послѣдній разъ
И — умеръ отъ смертельной скуки.

Литературное домино.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗТАКТНОСТЬ ИЛИ НѢЧТО ХУЖЕ?

(Письмо къ редактору „Дѣла“.)

Я—природный еврей изъ Бердичева. Моя фамилія очень извѣстна въ Германіи и во всемъ мірѣ. Я Берне, но только не тотъ Берне, котораго бюстъ вездѣ ставятъ рядомъ съ бюстомъ Гейне, а я просто только его однофамилецъ, хотя и обладаю, по мнѣнію моихъ соотечественниковъ, такимъ-же ядовитымъ перомъ и такимъ-же неотразимымъ талантомъ публициста, какъ мой германскій тезка, и потому, въ отличіе отъ него, подписываюсь—*Берне изъ Бердичева*. Я пишу къ вамъ совершенно случайно, по одному обстоятельству, сильно меня возмутившему, и если опоздалъ нѣсколько своимъ письмомъ, то прошу не ставить мнѣ этого въ вину, такъ какъ въ Царевосанчурскѣ всякая умственная работа совершается медленно, вяло и туго. Здѣсь требуются цѣлыя недѣли но то, что дѣлается подъ другой географической широтой и менѣе заплесневѣлыми мозгами, чѣмъ царевосанчурскіе, въ нѣсколько часовъ и даже минутъ. Но приступаю къ дѣлу.

Неизвѣстный фельетонистъ „Голоса“, предусмотрительно спрятавшійся за финиціалъ своей, а можетъ быть, изъ понятной предосторожности, и вымышленной фамиліи—*рз* и помѣстившійся въ нижнихъ столбцахъ этой широковъщательной газеты (№ 201), бросаетъ изъ-за своего финиціала, какъ трусливый Санхо Панса изъ-за Россинанта, комочками грязи въ два наиболѣе выдающіеся русскіе журнала—въ „Вѣстникъ Европы“ и въ „Дѣло“. Хотя писанье этого невѣдомаго сидѣльца извѣстной въ Петербургѣ лавочки, помѣщающейся на Литейной, № 38,—сидѣльца, самаго, повидимому, нечистоплотнаго изъ всѣхъ молодцовъ помянутой лавочки, и напо-

минаетъ извѣстную литературу неблаговоспитанныхъ школьнико́въ, упражняющихъ свой писательскій даръ на заборахъ и въ отхожихъ мѣстахъ, а потому и не стоило-бы того, чтобы на этотъ словесный сапъ обращать вниманіе, однако, такъ какъ литературная нечистоплотность относится къ категоріи неприличій, въ общественныхъ мѣстахъ, равно и въ печати, недопускаемыхъ, то такихъ ребятъ и слѣдуетъ учить нравственной опрятности.

Неизвѣстный паренъ этотъ, силясь изобразить типъ такихъ-же, какъ онъ самъ, сидѣльцевъ, которыхъ онъ называетъ „юреними людьми“, приводитъ изъ „Дѣла“ двѣ выдержки, выхваченныя изъ двухъ разныхъ статей о евреяхъ, стараясь этими выдержками доказать, что журналу „Дѣло“ не достаетъ „стойкости“.

Вотъ эти выдержки:

„Мы горячо желаемъ, — пишетъ „Дѣло“, — уничтоженія той народности (рѣчь идетъ объ евреяхъ), которая отыскала удовлетвореніе всѣмъ сторонамъ своего духа въ отжившемъ памятникѣ той первобытной эпохи, когда еще не зародилась культурная жизнь, и ради какого-нибудь талмуда *отреклась отъ всякаго участія въ движеніи человѣческаго прогресса*, — той народности, которая не знаетъ принципа мірового братства и общественной солидарности, но, сжатая въ тѣсной кружокъ своихъ одноплеменниковъ, *съ идиотскимъ упорствомъ ищетъ въ своей мрачной сферѣ*, откуда она, какъ изъ берлоги, выходитъ только на добычу и охоту за своими ближними. Мы горячо желаемъ уничтоженія этой народности, *коснущей въ невѣжество и мертвой апатіи ко всему живому и современному*, приниженой нравственно и матеріально, но еще болѣе принижающей и давящей ту сферу, гдѣ она находитъ себѣ случайный пріютъ“.

„Древность, — читаемъ мы опять въ „Дѣлѣ“, — оставила намъ еще одинъ народъ (рѣчь идетъ опять о евреяхъ), котораго сохранила овладѣвшая имъ *идея и солидарность его великой традиціи*. Народъ этотъ перешелъ сквозь всѣ геологическія формациі исторіи, неоднократно застывавшій въ ледяномъ періодѣ страшныхъ преслѣдованій, и каждый разъ возвращался къ жизни, какъ только его пригрѣвало солнце человѣческаго милосердія и теплые лучи человѣческаго состраданія. Народъ этотъ потерялъ все: территорію, языкъ, политическое значеніе, неоднократно былъ лишенъ всѣхъ правъ состояній, исторически прибрѣтенныхъ, и

сосланъ на прозябаніе во всѣ страны міра, подѣ стражайшій надзоръ самой худшей изъ полицій—народнаго невѣжества и фанатизма,—и теперь онъ тутъ какъ тутъ, единственно благодаря своей идеѣ. У этого народа было много великихъ людей, *составляющихъ и теперь славу и гордость всѣхъ высшихъ цивилизованныхъ народовъ*; эту кучкою великихъ людей выработаны идеи, *исповѣдуемая теперь лучшими людьми цивилизованнаго міра*; понятно послѣ этого, что такая идея способна была сохранить этотъ народъ, не смотря на всѣ потоппы человѣческой злости, на всѣ вулканы суевѣрія и католическаго мракобѣсія“.

Затѣмъ невѣдомый сидѣлецъ, на подобіе трусливаго историческаго испанскаго лакея, спрятавшагося за Россинанта, вотъ съ какимъ запахомъ воспроизводитъ грязные комочки и бросаетъ ими въ „Дѣло,“ а попадаетъ въ свой-же прилавокъ, въ свой-же товаръ—въ „Голосъ“.

„Мы не входимъ,—говоритъ онъ,—въ разрѣшеніе вопроса: кому должны вѣрить читатели „Дѣла,“ автору-ли первой цитаты или автору другой? Мы обращаемъ только вниманіе читателей на этотъ курьезъ. Одинъ и тотъ-же органъ печати въ одно и то-же время утверждаетъ, что, съ одной стороны, евреи „отреклись отъ всякаго участія въ движеніи человѣческаго прогресса,“ что они „съ идиотскимъ упорствомъ гнѣютъ въ своей мрачной сферѣ и коснѣютъ въ невѣжествѣ и мертвой апатіи ко всему живому и современному“, а съ другой,—тѣ-же евреи „составляютъ и теперь славу и гордость всѣхъ высшихъ цивилизованныхъ народовъ“ и ими „выработаны идеи, исповѣдуемая теперь лучшими людьми цивилизованнаго міра“... Намъ нѣтъ дѣла, какое изъ этихъ мнѣній вѣрно (да вамъ это притомъ все равно); но сопоставленіе этихъ мнѣній какъ нельзя лучше и ярче характеризуютъ (не ютъ, а етъ, господинъ неграмотный писатель, — ибо сопоставленіе—единственнаго числа) ту клику либеральствующихъ литераторовъ, которые, хвастаясь своими твердыми убѣжденіями и принципами (а вы хватаетесь шаткени — или вамъ опять-таки все равно?), никакихъ собственно убѣженій и принциповъ не имѣютъ и, насколько не краснѣя, оплевываютъ сегодня то, что вчера ставили на пьедесталъ... Чѣмъ объяснить подобное литературное гаерство, такъ грубо смѣющееся надъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ не „яркостью“ современныхъ Чичиковыхъ?“

„Клика... оплевывается... литературное гаерство“ — все это слишком громко и в то-же время слишком хорошо напоминает давно известный тонъ лавочки — Литейная, 38, которая нѣкогда, въ припадкѣ откровенности, устами такого-же развязнаго молодца, какъ и нашъ критикъ, назвала себя „домомъ терпимости;“ но дѣло не въ этомъ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

До 1865 года я постоянно жилъ въ Бердичевѣ, окруженный моимъ многочисленнымъ семействомъ, и жилъ очень бѣдно. Цѣлая орава дѣтишекъ — Сруль, Ицко, Шлемка, Сарка, Ревекка, потомъ опять Сруль № 2-ой, Шлемка №№ 2-ой и 3-й и т. д. — своими маленькими, но прожорливыми ртами требовала хлѣба, а хлѣба въ достаточномъ количествѣ на 27 ртовъ я заработать не могъ. Когда въ 1865 году вышелъ известный законъ объ евреяхъ (указъ 16 июля), по которому намъ позволено было, съ известными ограниченіями, жить не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы уже буквально задыхались отъ тѣсноты, но почти во всей Россіи, я съ своею маленькою колонією, въ качествѣ ремесленника, переселился сюда, въ Царевосанчурскъ. Почему я выбралъ Царевосанчурскъ, а не Царевококшайскъ — это нейдетъ къ дѣлу. Но вотъ что идетъ къ дѣлу: передъ моимъ отъѣздомъ изъ Бердичева, сосѣдъ мой Ицко Гейне принесъ мнѣ номеръ „Голоса,“ въ которомъ о насъ, объ евреяхъ, напечатана была такая передовая статья, которой евреи во вѣки не забудутъ. Номеръ этотъ помѣченъ: *четвертъ, 19 (31) августа, 1865 года, № 228*. Эта передавая статья намъ съ Гейне показалась чѣмъ-то въ родѣ откровенія, и потому мы рѣшились ее увѣковѣчить, какъ увѣковѣчены были наши ветхозавѣтныя скрижали. Мы вырѣзали эту статью изъ „Голоса“, вдѣлали ее въ великолѣпную золотую рамку и повѣсили каждый въ своей квартирѣ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, я — въ Царевосанчурскѣ, а Ицко Гейне — въ Царевококшайскѣ, куда онъ тоже переселился.

Вы, г. редакторъ, вѣроятно, не помните этой вдохновенной статьи. Вотъ что въ ней, между прочимъ, говорилось объ евреяхъ (пожалуйста, г. редакторъ, напечатайте это мѣсто курсивомъ, самымъ отборнымъ, или даже золотомъ, или, по малой мѣрѣ, красными чернилами, какъ недавно въ одной нѣмецкой газетѣ былъ воспроизведе-

день автографъ письма князя Бисмарка, который, по увѣренію Ицки Гейне, то-же оказался евреемъ):

„Исторія всѣхъ, безъ исключенія, европейскихъ государствъ доказываетъ, что ни въ одномъ изъ нихъ евреи не пользовались такимъ — сравнительно — выгоднымъ положеніемъ, какимъ пользовались ихъ собратья, поселившіеся между славянами, особенно на земляхъ русской государственной территоріи. Это фактъ, безпорно, замѣчательный. Онъ служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ нихъ никогда не было той рѣзкой нетерпимости, которую выказывали всѣ народы западной Европы. Славянское племя искони пріютило евреевъ гостепріимно на своихъ земляхъ, и правительственная власть никогда не налагала на нихъ тѣхъ тяжелыхъ условій изгойства, въ которыя ставили евреевъ западныя народности. У насъ они не испытывали тѣхъ гоненій, которымъ подверглись на западѣ и въ настоящее время правительство наше отечески заботится о благосостояніи этого народа, на долю котораго выпала такая незавидная роль во всемірной исторіи.

„Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли найдется въ цѣлой исторіи человѣчества другой примѣръ, чтобъ такой даровитый народъ, какъ евреи, былъ такъ несчастливъ политически. Даровитость и рѣдкая устойчивость въ разъ принятыхъ принципахъ не спасли его отъ незавидной роли паразитизма въ человѣчествѣ. Замѣчательныя личности, выходившія изъ среды еврейскаго народа, поставленнаго въ самыя обидныя отношенія къ великой человѣческой семьѣ, великіе умы и таланты, которыхъ не забила и не задушила тяжесть общественнаго гнета и всеобщаго презрѣнія, тяготѣвшаго надъ этимъ народомъ, гениальные философы и поэты, замѣчательные музыканты, артисты и финансовыя дѣятели — невольно влекутъ симпатію къ этому народу (*слушайте!*), разсѣянному по лицу земли, неимѣющему ни своего прочнаго и самостоятельнаго государственнаго тѣла, ни своей собственной государственной территоріи, ни даже маленькаго клочья земли на всемъ земномъ шарѣ, который онъ могъ-бы назвать своимъ. Евреи пережили все, что только можетъ пережить осужденный исторією народъ: сначала разрушеніе политическаго и государственнаго тѣла, уничтоженіе автономіи, потерю независимости, разсѣяніе по землѣ, потомъ гоненія, презрѣніе и, наконецъ, при нынѣшнихъ принципахъ терпимости, на долю евреевъ выпали политическія и граждан-

скія ограниченія, въ многоразличныхъ формахъ, смотря по народности и государству, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло. Гражданскіе и политическіе принципы англичанъ налагаютъ на евреевъ одни ограниченія, во Франціи эти ограниченія являются уже въ другихъ формахъ; въ Австріи опять иного рода ограниченія. Несомѣнно только то, что ограниченія существуютъ для евреевъ въ большей или меньшей степени, и, разумѣется, въ гораздо большей, чѣмъ для всѣхъ другихъ національностей, даже для тѣхъ, которыя завоеваны оружіемъ“.

Далѣе въ этой статьѣ говорится о всѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергались евреи, куда-бы ни заносила ихъ судьба, о томъ недовѣрїи, которое питали къ нимъ всѣ народы земного шара, и вообще высказывается глубокое, беззавѣтное сочувствіе къ великому еврейскому народу, давшему міру Гейне, Берне, Спинозу, Мендельсона, Ауербаха и т. д. и т. д. Мы съ Ицкою Гейне плакали, читая и перечитывая эту статью и благословляя имя маститаго Краевского. Мы даже выписали его карточки, обдѣлали ихъ... въ бронзовыя золоченыя рамочки и повѣсили подъ упомянутой статьѣй, именно подъ тѣмъ мѣстомъ ея, гдѣ, въ заключеніе, говорится: „вообще должно сказать, что права, предоставляемыя евреямъ указомъ 16 іюля, велики и послѣдствія ихъ должны быть благотѣльны. Въ ряду реформъ, которымъ суждено совершиться въ этотъ многозначительный періодъ русской исторїи и которыя уже совершились на нашихъ глазахъ, послѣдняя реформа, касающаяся евреевъ, какъ ни мало она, повидимому, вноситъ текста въ сводъ существующихъ узаконеній, будетъ капитальнымъ памятникомъ настоящаго царствованія, какъ ни богато оно великими событіями въ сферѣ преобразованій. Этою новою правительственною мѣрою разрывается нѣсколько звеньевъ той великой исторической цѣпи (*слушайте!*), которую наложили на евреевъ, почти два тысячелѣтія назадъ, дѣянія ихъ предковъ. Безспорно, слишкомъ продолжительно и тяжело было искупленіе этимъ народомъ грѣховъ его предковъ (*слушайте! слушайте!*); медленно тянется примиреніе съ евреями народностей, въ рукахъ которыхъ находится теперь судьба современнаго человѣчества; еще далеко, повидимому, до возрожденія этого народа, девятнадцать столѣтій назадъ ставшаго въ противорѣчіе и въ прямой антагонизмъ съ идеями, которыя были тогда

современными и передовыми и на основаніи которых предѣлался весь строй человѣческихъ обществъ; но—евреи видятъ уже впереди конецъ своихъ страданій (о, *слушайте! слушайте! внимательно слушайте!*), свою обѣтованную землю, которая едва ли ожидаетъ ихъ тамъ, въ безплодной Палестинѣ, а скорѣе эта обѣтованная земля обрѣтется ими здѣсь, въ Европѣ, въ тѣсножъ сближеніи съ современными европейскими обществами, въ вѣрномъ служеніи идеямъ и требованіямъ нашего вѣка и вѣковъ послѣдующихъ“.

И мы съ Ицкою Гейне служили, вѣрно служили этимъ идеямъ. И что-же вышло?

Прошло немного лѣтъ со времени этой филиппики „Голоса“. Мы, евреи, начали понемногу расселяться по Россіи, благословляя законъ 16 іюля 1865 года. Но мы не знали, что Андрей Александровичъ, такъ сказать, изъ нашего Иисуса Навина, остановившаго солнце литературной правды, чтобъ, ради насъ, евреевъ, успѣть побѣдить г. Трубникова, вдругъ ни съ того, ни съ другого превратится въ яростнаго гонителя еврейскаго народа, въ новаго моавитянина. Въ своей лавочкѣ онъ открылъ даже особый прилавокъ для еврейскаго вопроса, посадилъ за этотъ прилавокъ самыхъ нечистоплотныхъ молодцовъ изъ своего лабаза, и непремѣнно два раза въ недѣлю высылаетъ ихъ изъ своихъ логовищъ для того, чтобъ они, подобно песьимъ мухамъ, насланнымъ нѣкогда Моисеемъ на египетскій народъ за притѣсненіе избраннаго народа, явились евреевъ вездѣ, гдѣ только ихъ ни встрѣтятъ. Скажу даже болѣе: подобно нашему Самсону, навязавшему на хвосты лисицъ пучки зажженнаго хвороста для того, чтобы зажечь ими поля филистиянъ, немилостивый издатель „Голоса“, навязывая на хвосты своихъ молодцовъ по пучку самыхъ грязныхъ номеровъ своей газеты, наполненныхъ бранью противъ нашего народа, посылаетъ ихъ на торжки и базары, чтобы возжигать народныя страсти противъ неповиннаго ни въ чемъ израильскаго народа, говоря, подобно неразумному Ровоаму, сыну премудраго Соломона: „отецъ мой, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, наказывалъ васъ бичами, а я наказывать васъ буду скорпіонами“. Такъ, втеченіи послѣдняго года онъ наслалъ на насъ семь лютыхъ казней, начиная отъ саранчи, появившейся въ „Голосѣ“ въ видѣ безчисленнаго множества передовыхъ статей послѣ извѣстнаго из-

біенія въ Одессѣ евреевъ, и кончая песьею мухою, подписывающеюся подъ фельетонами фінанціаломъ—рз.

Гдѣ-же, послѣ этого, „стойкость“ и послѣдовательность политическихъ принципозъ „Голоса“? Вчера прославлять, плакать надъ нами, благословлять законъ, расширившій наши права, называть насъ гениальнымъ народомъ, а сегодня клеветать на насъ, травить насъ собаками и песьими мухами; изъ-за того только, что тогда было *прибыльнѣе* величать насъ, а теперь *прибыльнѣе* проклинать—да вѣдь это хуже всякой „юркости“, это такое качество, которое русскій человѣкъ почему-то производитъ отъ слова „шило“. По-нашему, по-еврейски, это значитъ „хандлевать своей совѣстью“, что едва-ли прилично газетѣ, называющей себя политическимъ органомъ русскаго народа, его голосомъ. Какой фальшивый голосъ! И не вправѣ-ли мы, евреи, утверждать послѣ этого, что въ Россіи политической литературы не существуетъ?

Я одно только скажу, что въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ „Дѣла“ мы, евреи, не видимъ *никакого* противорѣчія или измѣны своему знамени редакціи журнала „Дѣло“. Въ первой выдержкѣ говорится, что для человѣчества желательво уничтоженіе „той народности, которая отыскала удовлетвореніе всѣмъ сторонамъ своего духа въ отжившемъ памятникѣ той первобытной эпохи, когда еще не зарождалась культурная жизнь, и ради талмуда отреклась отъ всякаго участія въ движеніи человѣческаго прогресса“,—той народности, которая „съ идиотскимъ упорствомъ гнѣтъ въ своей врачной сферѣ, и „коспѣтъ въ невѣжествѣ и мертвой апатіи ко всему живому и современному“.

Да, да, тысячу разъ да—мы сами горячо желаемъ уничтоженія *этой* народности. Мы желаемъ уничтоженія народности своей тамъ, гдѣ она идетъ въ разрѣзъ съ исторической волной, какъ вы, русскіе, желаете уничтоженія народности вашихъ Держимордъ, кознокрадовъ, неправыхъ и продажныхъ судей, взяточниковъ, пьяницъ, убійцъ, поджигателей. Но въ сущности, и вы, и мы желаемъ не уничтоженія самихъ народностей, а только тѣхъ прищипей и злокачественныхъ вередовъ на тѣлѣ нашихъ народностей, которые являются въ образѣ нашихъ Мозесовъ-эксплуататоровъ и Срулей-мошенниковъ, и вашихъ держимордъ-давителей и песьихъ мухъ-язвителей. Народности-же всѣ равны предъ лицомъ исторіи: каждая въ одно время пакостила человѣчеству не хуже коллежскихъ

регистраторовъ; въ другое время высоко поднимала чело-
вѣчество, человѣческое слово, человѣческую правду и науку;
то знамя прогресса и добра держать евреи, то эллины, то
римляне, то испанцы, то французы, то голландцы, то англи-
чане, то германцы, то — когда, напр., это знамя высколь-
заетъ изъ рукъ одной народности, какъ оно теперь выскользнуло
изъ германскихъ рукъ, — знамя это, можетъ быть, перехватятъ
русскіе, славяне, а тамъ, быть можетъ, опять евреи, потомъ
турки, а послѣ, можетъ быть, негры вырвутъ его у американцевъ,
какъ, въ свою очередь, американцы вырвали его у англичанъ.

Вотъ что, намъ кажется, разумѣть „Дѣло“ въ первой вы-
держкѣ.

Но, вмѣстѣ съ „Дѣломъ“, мы всегда будемъ повторять, а за
нами повторять и всѣ народы земного шара, что „древность оста-
вила намъ одинъ народъ, котораго сохранила овладѣвшая имъ
идея и солидарность его великой традиціи“, что „народъ этотъ
перешелъ сквозь всѣ геологическія формациі исторіи, неоднократно
застывавшій въ ледяномъ періодѣ страшныхъ преслѣдованій, и
каждый разъ возвращался къ жизни, какъ только его пригрѣвало
солнце человѣческаго милосердія и теплые лучи человѣческаго
состраданія;“ что „народъ этотъ потерялъ все: территорію, языкъ,
политическое значеніе, неоднократно былъ лишень всѣхъ правъ
состояній, исторически приобрѣтенныхъ, и сосланъ на прозябаніе
во всѣ страны міра, подъ строжайшій надзоръ самой худшей изъ
полицій—народнаго невѣжества и фанатизма, и теперь онъ тутъ
какъ тутъ, единственно благодаря своей идеѣ;“ что „у этого на-
рода было много великихъ людей, составляющихъ и теперь славу
и гордость всѣхъ высшихъ цивилизованныхъ народовъ“; что „этою
кучкой великихъ людей выработаны идеи, исповѣдуемыя теперь
лучшими людьми цивилизованнаго міра“ и т. д.

И что вы можете противъ этого сказать, г-жа песья муха?
Развѣ это не правда?

А вамъ, Андрей Александровичъ, мы, евреи, отъ всего сердца
скажемъ: если вы, по разсѣянности-ли, или-же по преклоннымъ
лѣтамъ вашимъ, начали забывать уже то, что говорили нѣсколько
лѣтъ тому назадъ, то долгъ совѣсти требуетъ и повелѣваетъ,
чтобы вы теперь-же отказались отъ изданія политической газеты
въ Россіи, газеты, на основаніи которой Европа можетъ сдѣлать

совершенно ошибочное заключеніе относительно политическихъ способностей и гражданскаго такта русскаго народа, глубоко нами, евреями, уважаемаго за его несомнѣнный практическій умъ. Вспомните только, что вы-же въ знаменитой передовой статьѣ 1865 г. № 228 говорили: „Въ западной Россіи думаютъ такъ: если между двумя лавочками, которыя содержатся христіанскими торговцами *не* изъ Великой Россіи, заведетъ свою лавочку еврей, то ловкость еврея приведетъ къ тому, что одинъ изъ христіанъ долженъ будетъ закрыть свою лавочку; если-же между двумя лавочками, которыя содержатся евреями, откроетъ свое заведеніе великорусскій сметливый торгашъ, то онъ такъ ловко поведетъ свои дѣла, что *объ* еврейскія лавочки лопнутъ, и евреи обанкротятся“ (это вы взяли изъ лекцій г. Козловича.)

Не примѣнили-ли вы это сказаніе о лавочкѣ къ вашей собственной литературной лавочкѣ—Литейная, № 38? Поэтому, чего-же вамъ бояться, Андрей Александровичъ? Молодцу-же вашему, подписывающемуся подобіемъ безсильнаго собачьяго ворчанія (—рз), вы прикажите быть впередъ поумнѣе.

Верне изъ Вердичева.

Царевосанчурскъ,
5632 годъ, тебеть 1.
(По-русски—4 декабря 1872.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Замѣтное событіе въ концѣ прошлаго года. — Рожденіе и воспитаніе Люи-Наполеона Бонапарта. — Внутренняя политика французскаго правительства во время реставраціи. — Наполеоновская легенда. — Революціонная дѣятельность принца Люи-Наполеона. — Его литературная дѣятельность. — Страсбургская попытка. — Булонская экспедиція. — Тѣло Наполеона I перевозится въ Парижъ. — Заключеніе и побѣгъ Люи-Наполеона изъ тюрьмы въ Гамбъ. — Люи-Наполеонъ избранъ президентомъ республики. — Онъ интригуетъ противъ національнаго собранія. — Арестъ депутатовъ. — Принцъ Жеромъ-Наполеонъ. — Государственный переворотъ 2-го декабря. — Рѣзня въ Парижѣ четвертаго декабря. — Огульная ссылка въ Ламбесу и Кафену. — Шлебисцитъ. — Принцъ Наполеонъ объявляетъ себя императоромъ. — Погоня за богатствомъ. — Спекуляція. — Погоня за развлеченіями. — Крымская и итальянская войны. — Безразсудная экспедиція въ Китай и Мехяку. — Либерализмъ правительства второй имперіи. — Послѣдній шлебисцитъ. — Седанская катастрофа. — Господствующая страсть Наполеона III. — Его отличительная способность.

I.

Смерть Наполеона III была, конечно, однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ событій послѣдняго времени. Наполеонъ III много лѣтъ къ ряду распоряжался судьбою Франціи и оказывалъ замѣтное вліяніе вообще на Европу; онъ имѣлъ массу почитателей и еще больше — враговъ, ненавидѣвшихъ его, и потому не удивительно, что о его смерти много говорили и писали, что на нее смотрѣли, какъ на событіе, которое можетъ значительно повліять на ходъ дѣлъ во Франціи и даже нѣсколько отразиться на общей европейской политикѣ. Конечно, политически Наполеонъ III умеръ еще при Седанѣ и похороны его происходили въ Вильгельмсеэ, но призракъ его продолжалъ жить и служилъ знаменемъ для его партіи, которая съ его настоящей физической смертью потеряла очень много. Послѣ Седана о Наполеонѣ III

были написаны многіе томы, имъ занимались всѣ французскія и многія иностранныя газеты; о немъ упоминалось такъ часто, противъ него произносилось столько приговоровъ, что, казалось-бы, болѣе уже нечего сказать о немъ; между-тѣмъ газеты до сихъ поръ занимаются имъ, романисты выводятъ его въ своихъ романахъ, политики пользуются его именемъ для цѣлей своихъ личныхъ или своей партіи. Все это доказываетъ, что съ окончаніемъ царствованія Наполеона III закончился извѣстный періодъ современной исторіи, что она вступила въ новый, значительно отличающійся отъ своего предшественника. Основатель династіи Бонапартовъ далъ свое имя первой четверти XIX вѣка; съ именемъ его племянника, второго императора, связывается исторія Европы въ третьей четверти того-же XIX столѣтія. Послѣ Седана и учрежденія бисмарковской имперіи исторія Европы вошла въ свою новую фазу. Бросимъ-же прощальный взглядъ, впрочемъ, безъ всякой печали, на прошедшій періодъ и, прежде чѣмъ мы примемся за чтеніе новой главы, припомнимъ себѣ ту, которую мы только-что окончили.

Наполеонъ III умеръ. Какія-бы чувства ни питали мы къ нему при его жизни, но онъ уже мертвъ и теперь мы должны отнестись къ нему съ полнымъ безпристрастіемъ; на нашъ приговоръ не должны вліять никакія антипатіи, ни гнѣвъ, ни негодованіе. Мы постараемся высказать только истину и одну истину. Если, при всемъ нашемъ безпристрастіи, наше изложеніе будетъ запечатлѣно характеромъ суровости, то въ этомъ не наша вина, факты говорятъ сами за себя, а чтобы быть справедливыми, мы не можемъ игнорировать ихъ. Мы постараемся быть столько-же хладнокровными, какъ англійскій шерифъ, дающій свое показаніе передъ судомъ, — показаніе, въ которомъ онъ безстрастно излагаетъ факты, добытые имъ при разслѣдованіи какого-нибудь криминальнаго событія. А кому неизвѣстно, что хладнокровіе и безстрастность англійскихъ шерифовъ вошли въ поговорку.

II.

Люи-Наполеонъ Бонапартъ родился въ 1808 году и былъ вторымъ сыномъ голландскаго короля и Гортензіи Богарне. Какъ извѣстно, мать его не отличалась строгими нравами и, вѣроятно, голландскій король имѣлъ положительныя основанія, если рѣшился не признавать новорожденнаго своимъ сыномъ, хотя зналъ, что такое непризнание

произведетъ весьма неприятный публичный скандалъ. Но глава фамиліи, французскій императоръ, Наполеонъ I, нелюбившій, чтобы имя Бонапартовъ фигурировало въ скандальныхъ хроникахъ, съ своей обычной твердостью приказалъ крестить новорожденнаго, какъ законнаго сына голландскаго короля. По слухамъ, ходившимъ въ то время, настоящимъ отцомъ ребенка былъ адмиралъ Ван-Гузель, который открыто былъ любовникомъ королевы Гортензій. Передъ государственнымъ переворотомъ 2 декабря самые рьяные изъ бонапартистовъ, рассчитывая сильнѣе подѣйствовать на солдатъ и крестьянъ, распространяли между ними слухъ, что дѣйствительнымъ отцомъ принца Люи-Наполеона былъ самъ великій императоръ Наполеонъ I. Но кто-бы ни былъ отцомъ Наполеона III, можно безошибочно утверждать, что онъ былъ истиннымъ сыномъ своей матери, которая сама его воспитала и передала ему свои достоинства и недостатки, въ особенности свое непомерное честолюбіе. Въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ Наполеонъ III отличался скорѣе хорошими, чѣмъ дурными качествами: онъ былъ любезенъ и внимателенъ къ своимъ слугамъ и они его любили; онъ имѣлъ хорошія способности, учился прилежно и быстро усваивалъ классное преподаваніе. Онъ получилъ нѣмецкое образованіе въ аугсбургской гимназіи; въ тюльерійскихъ бумагахъ найденъ аттестатъ, выданный ему аугсбургскимъ гимназическимъ начальствомъ, свидѣтельствующій о его отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ и о хорошемъ поведеніи. Изъ Аугсбурга Наполеонъ отправился въ Швейцарію, въ замокъ Аренсбергъ, на берегу Констанскаго озера, гдѣ жила его мать. Дальнѣйшимъ воспитаніемъ его здѣсь занялся полковникъ Дюфуръ, преподавая ему математику и артиллерию: Наполеонъ помнилъ, что его знаменитый дядя началъ свою карьеру артиллерійскимъ поручикомъ и что вначалѣ на него обратили вниманіе только какъ на хорошаго артиллерійскаго офицера и, конечно, въ то время никому не могло придти въ голову, что этого офицера ожидаетъ не только высшая военная, но и высшая политическая карьера. Племяннику, однакожъ, артиллерія пошла не въ прокъ; очень можетъ быть, что еслибъ онъ не придавалъ такого огромнаго значенія изобрѣтенію митральезы, онъ не рѣшился-бы объявить Германіи войну, которая привела его въ Чизльгерстъ.

Когда вспыхнула іюльская революція, Наполеону было двадцать два года. Реставрація произвела изумительный феноменъ: союзъ либерализма съ бонапартизмомъ, кровосмесительный союзъ между зайцемъ и карпомъ, какъ говорится въ одной пѣснѣ. Правительство

Людовика XVIII не тронуло наполеоновской административной машины; оно съ буквальной точностію держалось внутренней политики сверженного императора. «Съ моими префектами, моими жандармами и моими патерами я стану дѣлать все, что мнѣ вздумается», сказалъ Наполеонъ I въ 1800 году, въ государственномъ совѣтѣ, и эти слова вполне опредѣляли административный порядокъ, установленный имъ во Франціи. Судъ, религія и народное просвѣщеніе въ его рукахъ стали агентами полицейской власти, и онъ распоряжался ими, какъ полковой командиръ распоряжается въ своемъ полку. Онъ, по-видимому, оставилъ французамъ ихъ гражданскія и политическія права, но эти права оставались только на бумагѣ и пользованіе ими было почти невозможно, до того оно было затруднено различными формальностями и исключеніями. Французскій гражданинъ былъ свободенъ, но пользовался такой-же свободой, каковую имѣеть солдатъ въ присутствіи своего полковника. Реставрація тщательно сохранила все наполеоновскія учрежденія, но съ особеннымъ рвеніемъ истребляла бонапартистовъ, разстрѣливая ихъ и ссылая въ колоніи. Правительство Людовика XVIII дѣйствовало съ той-же лицемерной двусмысленностію, которая характеризуетъ управленіе обоихъ Бонапартовъ: ему хотѣлось разомъ удовлетворить своей мести и соблюсти при этомъ свои интересы. Слѣдуя наполеоновской внутренней политикѣ, и въ то-же время ссылаясь на революціонное происхожденіе династіи Бонапартовъ, оно преслѣдовало совершенно одинаково, какъ революціонеровъ, такъ и бонапартистовъ, и не разъ бонапартисты призывались въ судъ, какъ пособники или послѣдователи Робеспьера. Такимъ образомъ общественное мнѣніе мало-по-малу перестало различать однихъ отъ другихъ и бонапартисты пошли за республиканцевъ, за защитниковъ народныхъ правъ, за противниковъ стараго до-революціоннаго порядка. На нихъ стали смотрѣть какъ на представителей либерализма, что, конечно, не мало способствовало успѣху государственнаго переворота 2 декабря, и сдѣлало возможнымъ восемнадцатилѣтнее господство Наполеона III и бонапартистской партіи. Двѣ генерачіи французскаго населенія, возрастая, слышали со всехъ сторонъ восторженныя похвалы доблестямъ Наполеона I, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и его партіи. Историки, аргисты, литераторы, журналисты, экономисты работали надъ созданіемъ наполеоновской легенды, которая производила сильное впечатлѣніе на армію, крестьянъ и самую буржуазію, постоянно увеличивая въ ихъ средѣ число поклонниковъ павшаго императора, и тѣмъ усиливая недавно еще разоб-

щенную и ослабленную партію бонапартистовъ. Во главѣ пропаганды наполеоновской легенды становятся такіе люди, какъ авторъ «Консульства и имперіи», Тьеръ; популярѣйшій изъ стихотворцевъ, со-здавшій пѣсни, знакомыя всему французскому народу, Беранже; бу-дущій авторъ «Chatiments», Викторъ Гюго; и наконецъ твердый республиканецъ Эдгаръ Кинэ. Эти замѣчательные писатели не были бонапартистами, а между-тѣмъ они сдѣлали изъ Наполеона I всемір-наго генія, какое-то высшее, чудесное существо, достойное боже-скихъ почестей! Только поэты Барбье и Ламартинъ отказались пре-клонить колѣна передъ этимъ идоломъ; они мужественно протесто-вали противъ поклоненія ложному богу. Теперь, когда изданы сочи-ненія Наполеона I, когда его характеръ и его дѣятельность удобно изучать по его корреспонденціи, когда явились въ свѣтъ мемуары его современниковъ, когда *идеи* Наполеона I разъяснены и коментирова-ны Наполеономъ III, — только теперь французы поняли, кому они поклонялись и какъ легкомысленно они увлекаются громомъ военной славы. вмѣсто обаятельнаго міроваго генія является человекъ грубый въ счастіи, жалкій въ несчастіи. Запальчивый, рѣзкій, высокомер-ный, Наполеонъ I вмѣшивался во все и безпрестанно обманывался. Можно-бы составить цѣлый томъ изъ нелѣпостей, имъ высказанныхъ, и изъ его смѣшныхъ и вульгарныхъ мнѣній. Онъ всегда безучастно относился къ цивилизаціи, или, скорѣе, не понималъ ее вовсе. Сво-бода, права мысли и науки, политическія гарантіи, трудъ подъ за-щитой закона, независимость народа, — всѣ эти основанія современ-ныхъ обществъ были ему чужды и даже ненавистны. Его могуще-ственный умъ, его широкіе замыслы, театральная возвышенность его языка не могли стереть господствующихъ чертъ его натуры: вуль-гарности характера и грубыхъ инстинктовъ. Нравственность для него не существовала; онъ не придавалъ никакого значенія человѣческимъ правамъ и могуществу идей; онъ на-столько презиралъ и тѣ и дру-гія, что могъ придерживаться убѣжденія, что все въ мірѣ управ-ляется страхомъ, коварствомъ и насиліемъ, и потому позволялъ себѣ во всемъ переходить всякія границы. Финалъ его жизни показалъ, какъ плохо онъ понималъ событія, а его слова, его безумныя мечты послѣ Ватерлоо доказали, что онъ былъ неисправимъ. Его характеръ опредѣляется тремя словами: эгоизмъ, лежащій въ основаніи; ложь и шарлатанство, съ помощію которыхъ онъ удовлетворялъ требованіямъ своего непомернаго эгоизма.

Такъ оцѣниваютъ Наполеона I теперь, но во время Реставраціи и

послѣ, когда продолжалась пропаганда наполеоновской легенды, къ нему относились иначе: на него смотрѣли, какъ на міроваго генія, какъ на славу Франціи и даже всего человѣчества.

Нечего и говорить, что молодой Люи-Наполеонъ явился страстнымъ обожателемъ наполеоновской легенды. Онъ сталъ изучать исторію своего дяди и въ ней почерпнулъ свои административныя и политическія убѣжденія, взявъ за образецъ взглядъ своего дяди на нравственность. Изъ этой исторіи онъ вывелъ заключеніе, что народы очень похожи на дѣтей; проще, что они взрослые дѣти, которымъ никогда не слѣдуетъ противорѣчить, но которыхъ можно всегда обманывать и, посредствомъ громкихъ словъ и красивыхъ фразъ, водить на помочахъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что на государственнаго чловека слѣдуетъ смотрѣть, какъ на актера, играющаго на болѣе обширной сценѣ, чѣмъ сцена «Французской Комедіи» — (ему было извѣстно, что его дядя бралъ у знаменитаго Тальма уроки жестовъ.) Онъ понялъ, что многочисленную публику ротозѣевъ, которую называютъ французской націей, необходимо постоянно занимать спектаклями, все равно, будетъ-ли то трагедія или комедія. Онъ понялъ, что у французскаго народа можно отнять всё права, давъ ему только пышную конституцію, въ текстѣ которой было-бы побольше громкихъ фразъ, которыя всегда удобно могутъ замѣнить самое дѣло; онъ понялъ, что французскую націю можно запереть въ гигантскую Бастилію съ однимъ только условіемъ, чтобы на стѣнахъ ея были написаны громкія и любимыя ею слова: «свобода, равенство, братство!» что французъ охотно надѣнетъ цѣпи и поволочитъ за собой ядро, лишь-бы на его лбу раскаленнымъ желѣзомъ выбили два магическія слова: «независимый избиратель.» Изучая «Исторію консульства и имперіи», Люи-Наполеонъ узналъ, какъ легко, давая клятву, никогда не сдерживать ее; какъ легко втайнѣ подготовить государственный переворотъ и съ батальономъ гренадеръ разогнать собраніе законодателей. Конечно, во время изученія исторіи своего дяди ему пришлось встрѣтиться съ фактами и другого рода, но онъ отнесся къ нимъ далеко не такъ внимательно, какъ къ первымъ. На одушевленіе итмцевъ, массами возставшихъ противъ Наполеона I, онъ смотрѣлъ, какъ на явленіе чисто-случайное. Онъ не понялъ настоящихъ причинъ, почему такъ пагубно окончилась экспедиція въ Россію, предпринятая его дядей съ гордыми надеждами и съ увѣренностью въ успѣхъ. Ватерлооская битва и самый плѣнъ на св. Еленѣ очень мало его заинтересовали.

Его дядя начал свою политическую дѣятельность якобинцемъ, добивавшимся покровительства Робеспьера и Мара; Люи-Наполеонъ поспѣшилъ войти въ тайное общество карбонаріевъ; въ присутствіи известнаго Орсини онъ пронзесъ надъ кинжаломъ требуемую обществомъ влятву. Онъ записался въ мадзиніевское республиканское общество «Молодая Италия». Въ 1831 году онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ у графа Платера, имѣвшихъ цѣлю возстаніе Польши, но неизвѣстно, почему не явился въ засѣданіе, на которомъ рѣшался окончательно этотъ вопросъ и, такимъ образомъ, отказался продолжать свое участіе въ заговорѣ. Въ 1832 году онъ предложилъ свои услуги итальянцамъ папской области, возставшимъ противъ австрійскаго и папскаго господства. Инсургенты завладѣли Чивита-Кастеллана. Оба сына королевы Гортензіи, Наполеонъ-Люи и Люи-Наполеонъ, участвовали въ этомъ возстаніи. Они были сдѣланы членами революціоннаго комитета въ Форли и оба одновременно заболѣли. Старшій умеръ и за его смертью вскорѣ послѣдовала смерть герцога Рейхштадтскаго, сына Маріи-Луизы и Наполеона I. Такимъ образомъ Люи-Наполеонъ сталъ главою бонапартовской династіи, претендентомъ на французскій императорскій престолъ и официальнымъ главою бонапартистской партіи. Вскорѣ послѣ этого Люи-Наполеонъ обратился къ французскому королю, Люи-Филиппу, съ просьбою дозволить ему возвратиться во Францію; онъ давалъ обѣщаніе жить спокойно, какъ простой гражданинъ, онъ увѣрялъ, что своимъ поведеніемъ заставитъ забыть о томъ, что онъ по происхожденію принцъ крови и принадлежитъ въ нѣкогда царствовавшей во Франціи династіи. Король Люи-Филиппъ слишкомъ хорошо зналъ толкъ въ заговорахъ, чтобы не опасаться завѣдомаго заговорщика, который, какъ ему было извѣстно, мечталъ о французской императорской коронѣ. На просьбу Люи-Наполеона французскій король отвѣчалъ новымъ обнародованіемъ декрета, изгонявшаго изъ Франціи всю фамилію Бонапартовъ. Лишенный возможности войти во Францію собственной персоной, Люи-Наполеонъ постарался наводнить ее наскоро написанными имъ брошюрами: «*Reveries Politiques*», «*Projet de Constitution*», «*Considerations Politiques et Militaires sur la Suisse*» и «*Manuel d' Artillerie*». По экземпляру этихъ произведеній, проникнутыхъ демократическими тенденціями, онъ разослалъ съ лестнымъ посвященіемъ извѣстнѣйшимъ журналистамъ и представителямъ республиканской партіи. Одинъ изъ нихъ, Арманъ Карель, заявилъ въ своей газетѣ «*National*», что произведенія Люи-

Наполеона Бонапарта показываютъ въ авторѣ большой умъ и благородный характеръ.

III.

Между тѣмъ «король-гражданинъ», Люи-Филиппъ, обязанный своимъ трономъ возстанію, въ которомъ болѣе, чѣмъ на половину участвовала республиканская партія, успѣлъ окончательно поссориться съ этой партіей, и она, въ Парижѣ и Лионѣ, воздвигла баррикады противъ того, кто нѣкогда носилъ имя «короля баррикадъ». Послѣ іюльской революціи, съ воцареніемъ Люи-Филиппа, среднее сословіе взяло въ свои руки управление Франціей и весь міръ ожидалъ, что въ этой странѣ должны совершиться чудеса и все пойдетъ великолѣпно. Всѣ надѣялись, что буржуазія, вступивъ въ свой зрѣлый возрастъ, съумѣетъ на практикѣ развить тѣ принципы, какіе она проповѣдывала въ своей юности въ 1789 году. Она дѣйствительно могла-бы сдѣлать много грандіознаго, по крайней мѣрѣ, не менѣе того, что сдѣлала ея сосѣдка, швейцарская буржуазія; она могла просвѣтить народъ; изгнать невѣжество изъ хижинъ французскаго крестьянина и бѣднаго жилища рабочаго; она могла уничтожить всѣ косвенные налоги и ввести прогрессивный подоходный налогъ; она могла дать странѣ экономическія реформы, подобныя тѣмъ, какія прославили въ Англіи Пилъ и Гладстона; она могла, безъ ущерба для себя лично, по крайней мѣрѣ, на три четверти уменьшить науперизмъ во Франціи. Въмѣсто всего этого, достигнувъ власти, буржуазія посвѣшила отдѣлать свое собственное дѣло отъ дѣла народа, безъ помощи котораго она навѣрное-бы потерпѣла пораженіе, стала заботиться исключительно о собственномъ обогащеніи и во главѣ всего поставила свой личный классовый эгоизмъ. Съ этого времени во Франціи началась борьба буржуазіи съ рабочимъ классомъ, — борьба суровая, раззорительная, продолжающаяся до сихъ поръ и стоившая много жертвъ французскому народу.

Молодой Люи-Наполеонъ зорко слѣдилъ изъ своего швейцарскаго убѣжища за всѣмъ, что происходило во Франціи. Онъ видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ уменьшается популярность Люи-Филиппа; онъ съ удовольствіемъ потиралъ руки, вида, какъ корифеи буржуазіи, министры Казимиръ Перье, Тьеръ, Моле, Брольи, Себастиани и другіе дѣлали ошибку за ошибкой, и въ 1836 году рѣшилъ, что наступило для него время сдѣлать попытку завладѣть престоломъ Люи-Филиппа.

На водахъ въ Баденъ-Баденъ онъ составилъ тайный заговоръ съ офицерами страсбургскаго гарнизона. Онъ успѣлъ привлечь на свою сторону полковника и вѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, о которыхъ, надо отдать ему справедливость, онъ не забылъ, когда завладѣлъ императорской короной, и сдѣлалъ ихъ префектами, сенаторами и министрами. 30 октября онъ рѣшилъ произвести рѣшительный ударъ, но не удачно. Заранѣе раздавъ много денегъ, онъ въ этотъ день, одѣвшись въ классическій сѣрый сюртукъ, бѣлый жилетъ, ботфорты и трехугольную шляпу, явился въ казарму къ солдатамъ и сказалъ: «я наследникъ аустерлицкаго героя! Идите за мной!» На его несчастье, въ это время вошелъ офицеръ, неучаствовавшій въ заговорѣ. Не зная въ лицо Люи-Наполеона, онъ принялъ его за самозванца, желавшаго произвести смуту между солдатами; обнаживъ саблю и ударивъ ею нѣсколько разъ Люи-Наполеона, онъ арестовалъ принца и засадилъ въ карцеръ, конечно, донеся о происшествіи кому слѣдовало.

Еслибъ молодой заговорщикъ былъ простымъ офицеромъ, его, по по всей вѣроятности, разстрѣляли-бы въ 24 часа, но такъ какъ онъ былъ принцъ, то Люи-Филиппъ призадумался. Посоветовавшись съ своими министрами, онъ велѣлъ привезти арестованнаго принца изъ Страсбурга въ Парижъ. Здѣсь съ Люи-Наполеона взяли честное слово, что эта первая попытка его будетъ и послѣднею, послѣ чего посадили его на корабль и отвезли въ Нью-Йоркъ. Но онъ очень недолго оставался въ Соединенныхъ штатахъ. Замѣшанный въ какое-то, до сихъ поръ еще не достаточно разъясненное дѣло, онъ посѣшилъ удалиться въ Англію, и оттуда пробрался въ Швейцарію, въ свой замокъ Аренсбергъ.

Освободивъ руководителя и защитника заговора, Люи-Филиппъ приказалъ судить его пособниковъ. Общественное мнѣніе всей Франціи высказалось противъ такого страннаго понятія о подсудности. Судъ принялъ это во вниманіе и оправдалъ всѣхъ обвиненныхъ. Его приговоръ былъ встрѣченъ горячими аплодисментами. Правительство и на этотъ разъ потерпѣло полное поражение.

Люи-Филиппу очень не понравилось возвращеніе Люи-Наполеона въ Швейцарію. Подъ вліяніемъ досады онъ сдѣлалъ новую ошибку. Его именемъ французскій посланникъ въ Швейцаріи, герцогъ Монтелло, сынъ маршала Наполеона I, потребовалъ отъ швейцарскаго правительства выдачи принца Люи-Наполеона, нарушившаго слово, данное имъ французскому правительству. Для подкрѣпленія этого требованія была поставлена на границѣ тридцати-тысячная французская армія, подъ на-

чальствомъ маршала Сульта. Однакожь, республиканское швейцарское правительство выказало твердость; оно отвѣчало, что никакія соображенія не заставятъ его нарушить законы гостепрѣимства относительно принца Люи-Наполеона, который къ тому-же сдѣлался швейцарскимъ гражданиномъ. Вслѣдъ за этимъ швейцарское правительство зачислило принца въ швейцарскую армію въ чинѣ поручика артиллеріи. Оба правительства обмѣнялись угрожающими нотами. Но въ это самое время принцъ Люи-Наполеонъ, слѣдуя совѣту нѣсколькихъ опытныхъ людей, внезапно оставилъ Швейцарію и возвратился въ Лондонъ, гдѣ былъ принятъ очень сочувственно англійской аристократіей.

Люи-Филиппъ, такъ настойчиво требовавшій у маленькой Швейцаріи выдачи опаснаго заговорщика, не рѣшился предъявить подобнаго требованія Великобританіи, которой онъ самъ очень побаивался.

Принцъ Люи Наполеонъ, живя въ Лондонѣ, продолжалъ неутомно работать для своего дѣда. Онъ основалъ во Франціи двѣ газеты «Le Capitole» и «Journal de Commerce», которыя обязаны были непрерывно напоминать Франціи о наследникѣ императора. Въ Лондонѣ-же онъ издалъ свою извѣстную книгу «Les Idées Napoléoniennes», въ которой онъ старается доказать, что Наполеонъ I развивалъ идеи первой революціи, что правительство, достойное этого имени, обязано давать инициативу всякому прогрессивному народному движенію. Прямой выводъ изъ его книги: Франціи нужны либеральный цезаризмъ и демократическій преторіанизмъ, нѣсколько разведенный социализмомъ.

IV.

Въ 1840 году сильно возрасло неудовольствіе противъ правительства Люи-Филиппа. Безпрестанныя непростительныя ошибки во внутреннемъ управленіи, а главное, обширная власть, данная іезуитамъ, возстановили противъ администраціи даже самихъ орлеанистовъ; униженіе во внѣшней политикѣ, выразившееся въ особенности при заключеніи четвернаго союза противъ Франціи, возбудили негодованіе во всей странѣ. Пользуясь этимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія противъ французскаго короля, Люи-Наполеонъ за билеты и акціи сомнительнаго достоинства нанялъ паровое судно, которое привезло его въ Булонь. Снова переодѣвшись въ классическій костюмъ своего дяди, онъ высадился на берегъ. Надъ его головой летѣлъ прирученный орелъ, который привыкъ постоянно находить пищу въ складкахъ

треугольной шляпы. За принцем слѣдовали нѣсколько человекъ его рьяныхъ почитателей, къ несчастію, слишкомъ неумѣренно хлебнувшихъ спиртныхъ напитковъ, почему походка ихъ была не совсѣмъ увѣренна. Придя на городскую площадь, принцъ Наполеонъ закричалъ: «я императоръ!» На площади произошла свалка, причѣмъ былъ убитъ одинъ несчастный таможенный, совершенно случайно замѣшавшійся въ толпу. Наконецъ, явился полковникъ мѣстныхъ войскъ и арестовалъ принца. Его товарищи бросились въ воду, желая вплавь достигнуть своего судна, но всѣ они, одинъ за другимъ, были тотчасъ-же захвачены.

Люи-Филиппъ сдѣлалъ новую ошибку, предавъ булонскихъ возмутителей суду палаты пэровъ и тѣмъ придавъ значеніе ихъ чисто безумному поступку. Но эта ошибка была ничто въ сравненіи съ другой, болѣе важной ошибкой, которая много послужила его собственной гибели. Желая польстить шовинизму крестьянства и пролетаріата и либерализму буржуазіи, а также, чтобы нѣсколько ослабить дурное впечатлѣніе, производимое неудачами во внѣшней политикѣ, Люи-Филиппъ рѣшительно потребовалъ у Англіи тѣла Наполеона I, за которымъ послалъ на островъ св. Елены своего сына, принца Жуанвильскаго, во главѣ цѣлаго отряда. Ихъ путешествіе туда и обратно напоминало путешествіе крестоносцевъ въ средніе вѣка. Тѣлу Наполеона I, привезенному во Францію, были возданы чуть не божескія почести. Въ этомъ случаѣ глава Орлеановъ такъ хорошо послужилъ пропагандѣ наполеоновской идеи, какъ могъ только послужить ей самый ревностный бонапартистъ. Понятно, что воздавъ высочайшія почести Наполеону I, предъ трупомъ котораго онъ преклонялъ колѣна, Люи-Филиппъ не могъ слишкомъ строго поступить съ его официальнымъ наслѣдникомъ: не могъ-же онъ его гильотинировать или, еще хуже, сослать на галеры. Люи-Наполеонъ, уже знакомый съ снисходительностію Люи-Филиппа, былъ увѣжденъ, что и теперь его ждетъ не особенно тяжкое наказаніе, а потому смѣло выступилъ передъ судилище, составленное изъ добродушныхъ старичковъ, членовъ палаты пэровъ: «Последнее слово, господа, говоритъ онъ.—Я представляю собою принципъ, дѣло и пораженіе. Мой принципъ—народоправіе; мое дѣло—имперія; наше пораженіе—Ватерлоо. Вы—трибуналъ только политическій и потому я не могу признать васъ за судей ни своихъ дѣйствій, ни своихъ побужденій. Здѣсь вопросъ идетъ только о побѣдѣ и побѣжденномъ. Отъ васъ, слугъ побѣдителя, я не жду никакой справедливости и не прошу у васъ великодушія». Пэры, по указанію Люи-Филиппа, присудили принца къ вѣч-

ному тюремному заключенію. Мѣстомъ заключенія избрана небольшая крѣпость Гамъ. Принцу отвели обширную комнату; онъ могъ прогуливаться совершенно свободно, во всякое время; комендантъ исполнялъ всякое его желаніе; принцъ могъ принимать у себя всѣхъ, кого хотѣлъ; онъ задавалъ пиры, на которыхъ угощалъ своихъ друзей превосходными обѣдами съ шампанскимъ и трюфелями. «Я не имѣю никакого желанія, писалъ оцъ изъ тюрьмы, — оставить свое заключеніе; здѣсь я чувствую себя на мѣстѣ. Человѣкъ съ именемъ, какое я ношу, долженъ или испытывать всѣ ужасы тюремнаго заключенія или наслаждаться блескомъ власти». Въ то время романъ «Пичіола» былъ въ большой модѣ: принцъ прочелъ его и, послѣ прочтенія этого романа, взялъ себѣ въ любовницы дочь тюремщика, здоровую женщину, съ которой имѣлъ нѣсколько дѣтей, которыхъ, впоследствии, очень хорошо пристроилъ въ Парижѣ.

Однакожъ, какъ ни комфортабельно было помѣщеніе принца Люи-Наполеона въ Гамѣ, на шестомъ году заключенія тюрьма стала ему невыносима. При помощи дочери тюремщика и всей его семьи, а также порядочной суммы денегъ, ему не трудно было устроить свой побѣгъ изъ тюрьмы. Столяръ, которому поручено было исправить полъ въ комнатѣ заключеннаго, далъ принцу свою блузу, шляпу и рабочую книжку, выданную на имя Бадинге. Взявъ доску на плечи принцъ вышелъ изъ комнаты и отправился по коридорамъ къ выходу; ни одинъ часовой его не остановилъ. Принцъ очень скоро достигъ бельгійской границы, и, не останавливаясь въ Бельгій, поспѣшилъ въ Лондонъ.

Во время заключенія въ Гамѣ, Люи-Наполеонъ, подъ вліяніемъ произведеній Люи Блана, Леру, Виктора Консидерана и Жоржъ-Занда написалъ нѣсколько статей, напечатанныхъ въ разныхъ оппозиціонныхъ органахъ. Изъ нихъ особенное впечатлѣніе произвелъ рядъ статей подъ заглавіемъ: «Уничтоженіе пауперизма». Хотя это произведеніе трудно дочитать до конца, такъ оно вяло и растянуто, но выраженные въ немъ мысли понравились рабочему классу, и съ тѣхъ поръ имя принца стало популярно между рабочими. По мнѣнію принца, весьма не трудно было уничтожить существовавшій пауперизмъ во Франціи. Правительство обязано было раздать всѣ свободныя, невоздѣлываемыя земли неимущимъ, снабдивъ каждого рабочимъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, небольшимъ капиталомъ на первое обзаведеніе и выстроить домъ. Когда Люи-Наполеонъ сдѣлался императоромъ, онъ позабылъ о своемъ проектѣ уничтоженія пауперизма, и

когда ему разъ напомнили о немъ, онъ только улыбнулся и ничего не отвѣчалъ.

V.

Два года, съ 1846 до 1848, принцъ жилъ совершенно спокойно въ Лондонѣ и толки о немъ почти замолкли во Франціи. Впослѣдствіи уже припомнили, что онъ участвовалъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица, въ эглинтонскомъ турнирѣ, устроенномъ на средневѣковый манеръ для развлечения лондонской буржуазіи и англійской аристократіи; а также, что Наполеонъ III давалъ присягу и получилъ палочку констебля, чтобы способствовать усмирению возстанія чартистовъ, которое, впрочемъ, не состоялось.

Узнавъ о февральской революціи, Наполеонъ поспѣшилъ во Францію. Въ это время онъ настолько раззорился, что ему не на что было выѣхать изъ Лондона. Онъ занялъ значительную сумму денегъ у своего друга, миссъ Говардъ, и явился въ Парижъ съ деньгами, которыя могъ употребить для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Онъ предложилъ свои услуги временному правительству (Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Люи Бланъ и пр.); оно поблагодарило принца и попросило его удалиться изъ Франціи. Принцъ удалился въ Лондонъ, успѣвъ дать необходимыя инструкціи своимъ друзьямъ, начавшимъ уже интриговать въ его пользу. Въ началѣ юня 1848 года онъ былъ избранъ депутатомъ, а 15 того-же мѣсяца прислалъ отказъ, который его друзья посчѣтали объявить вынужденнымъ. Во время юньскаго возмущенія его друзья устроили демонстраціи въ его пользу съ криками: «да здравствуетъ императоръ!» По всей Франціи разсѣялись эмиссары бонапартистской партіи, вездѣ проповѣдуя, что наследникъ великаго императора, достигнувъ власти, намѣревается произвести самыя радикальныя соціальныя реформы. Ихъ дѣятельность увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: въ сентябрѣ принцъ Люи-Наполеонъ былъ избранъ депутатомъ въ конституціонное собраніе, а 10 декабря пятью съ половиною милліонновъ голосовъ (противъ полутора милліона, поданныхъ за Кавеньяка) былъ провозглашенъ президентомъ республики. Буржуазія подала свои голоса за Кавеньяка, а рабочіе, изъ ненависти къ Кавеньяку за юньскіе дни, высказались за принца Люи-Наполеона. За него-же подали свои голоса и крестьяне, потому что имъ совершенно не были извѣстны имена Кавеньяка, Ламартина и Ледрю-Роллена, а имя Наполеона они знали по воспоминаніямъ о его знаменитомъ дядѣ.

Это был первый случай применения реформы всеобщей подачи голосовъ. Справедливая и благотворная въ принципѣ, она принесла много несчастій Франціи. Палата при Люи-Филиппѣ нѣсколько разъ отвергала ее; потому-то, вѣроятно, временное правительство и поспѣшило тотчасъ-же, послѣ побѣды революціи, обнародовать законъ о всеобщей подачѣ голосовъ. Нечего удивляться, что невѣжественная масса, ставъ господствующей во время выборовъ, легко становилась жертвой интригановъ и часто выбирала своими своими представителями людей недостойныхъ и неразвитыхъ.

Изъ всѣхъ французскихъ гражданъ только одинъ Люи-Наполеонъ былъ обязанъ дать клятву вѣрности французской республикѣ, — и онъ ее далъ. Поставленные на площади, у зданія національнаго собранія, двадцать пушекъ своими выстрѣлами закончили торжество этого дня.

Давъ требуемую клятву, Люи-Наполеонъ взомель на трибуну, хотя и не долженъ былъ этого дѣлать по программѣ торжества: «Клятва, провнесенная мною передъ вами, сказалъ онъ, — исполнѣ опредѣляетъ мое будущее поведеніе. Я выполню свой долгъ какъ честный человекъ... Вся Франція признала республику и на всякаго, кто захочетъ низвергнуть ее незаконными средствами, я стану смотрѣть, какъ на врага отечества...»

Произнося эти слова, принцъ-президентъ уже мечталъ объ осуществленіи своей давнишней мечты: имперіи. Черезъ два мѣсяца онъ сдѣлалъ попытку произвести переворотъ, но, увидѣвъ, что силы его еще не велики, отложилъ осуществленіе своихъ плановъ до болѣе удобнаго случая. Съ этого времени елисейскій дворецъ, гдѣ жилъ принцъ-президентъ, сталъ ареной всевозможныхъ интригъ и мѣстомъ собранія заговорщиковъ. Принцъ-президентъ составилъ тонкій макіавелистическій планъ. Онъ началъ съ того, что явился, повидимому, самымъ преданнымъ слугою національнаго собранія. Онъ имѣлъ въ виду заставить собраніе издать нѣсколько самыхъ реакціонерныхъ законовъ, что, конечно, сдѣлаетъ его весьма непопулярнымъ; затѣмъ внезапно обратиться противъ собранія и низвергнуть его посредствомъ государственнаго переворота. Чтобы возстановить противъ національнаго собранія массу, онъ добился закона 31 мая, значительно искажающаго законъ о всеобщей подачѣ голосовъ и затрудняющаго применение его. Желая сдѣлать угодное клерикальной партіи, онъ горячо отстаивалъ идею экспедиціи въ Римъ, предложенную Монталамберомъ; хлопотать въ пользу этой экспедиціи для него было выгодно еще и потому, что паденіе римской республики должно было повлечь за собою паденіе республики во Франціи. Чтобы скорѣе достичь

своей цѣли, онъ объявилъ нѣсколько департаментовъ въ осадномъ положеніи; онъ безпрестанно повторялъ, что самъ онъ лично противился этой мѣрѣ, но долженъ приводить ее въ исполненіе, повинаясь приказаніямъ національнаго собранія. По его настоянію прокуроры республики составляли обвинительные акты противъ республиканскихъ газетъ, а судьи приговаривали ихъ издателей и редакторовъ къ штрафамъ и тюремному заключенію. Желая имѣть генераловъ, обязанныхъ ему своимъ возвышеніемъ, которыми онъ могъ-бы замѣнить генераловъ, преданныхъ династіи Орлеановъ, онъ устроилъ нѣсколько экспедицій противъ ни въ чемъ неповинныхъ кабилловъ, въ которыхъ отличились Сент-Арно, Эспинасъ, Кортъ, Дюлакъ и Канробертъ, будущіе участники государственнаго переворота. Наградями, и въ особенности щедрой раздачей денегъ, принцъ-президентъ привлекъ на свою сторону всю парижскую полицію, которая ревностно послужила ему 2 декабря. Больше-же всего, конечно, онъ льстилъ арміи и, послѣ нѣсколькихъ смотровъ въ Сатори, имѣлъ полное право сказать, что войска парижскаго гарнизона пойдутъ за нимъ всюду, куда-бы онъ ихъ ни повелъ.

Все это стоило ему большихъ денегъ. Онъ истратилъ все свое состояніе, забралъ впередъ свое президентское жалованье, продалъ своихъ лошадей и свои экипажи, занялъ у миссъ Говардъ все, что она имѣла до ея послѣднихъ брилліантовъ, наконецъ израсходовалъ тайно на милліонъ франковъ золотыхъ слитковъ, лежавшихъ въ банкѣ, за что могъ быть преданъ суду и приговоренъ къ тяжкому наказанію. Слѣдовало сѣшнить, иначе могло быть худо. Оставалось только пять мѣсяцевъ до выборовъ, а судя по настроенію общества, можно было ожидать, что новая палата будетъ не такъ податлива, какъ существующая. Въ это-же время Тьеръ и Фаллу сильно агитировали въ пользу возстановленія орлеанской династіи; они имѣли и въ арміи своего союзника—генерала Шангарнье. Тьеръ шелъ далѣе, онъ настаивалъ на созваніи высшаго судилища для суда надъ президентомъ. Слѣдовало какъ можно скорѣе рѣшиться, и Наполеонъ рѣшился.

Въ ночь на второе декабря полицейскіе и жандармы, вооруженные саблями и пистолетами, арестовали Тьера, Шангарнье, многихъ генераловъ и вліятельныхъ депутатовъ, какъ республиканцевъ, такъ и монархистовъ. 217 депутатовъ національнаго собранія были отведены въ Мазась, Венсенъ и Мон-Валерьенъ. Въ то время, какъ ихъ везли туда, по улицамъ Парижа въ глубокой тишинѣ двигались войска, которыми предназначено было занять важнѣйшіе стратегическіе пункты

въ городѣ. Въ это-же время заняты были войсками французскій банкъ и одинъ офицеръ по приказу, подписанному Люи-Наполеономъ Бонапартомъ, вынулъ изъ кассы 20,000 билетовъ, въ тысячу франковъ каждый.

Утромъ, проснувшіеся граждане съ изумленіемъ прочли прокламацію, наклеенную ночью на стѣнахъ домовъ, которой объявлялось, что, благодаря патриотической бдительности президента республики, разрушены преступные замыслы національнаго собранія противъ республики; что національное собраніе распушено; что президентъ отвѣчаетъ за порядокъ, свободу и безопасносгь гражданъ и что, наконецъ, народъ можетъ разсчитывать на неприкосновенность закона о всеобщей подачѣ голосовъ и на самое широкое примѣненіе его, — закона, совершенно искаженнаго декретомъ національнаго собранія.

«Что это значить?» спрашивали оцепенѣлые парижане. «Что дѣлать?» Было несомнѣнно, что Люи-Наполеонъ дѣйствовалъ преступно; но точно также было хорошо извѣстно, что и національное собраніе безпрестанно нарушало законы и ходилъ слухъ, что оно тоже намѣревалось совершить кровавый государственный переворотъ. Можно было предвидѣть, что если власть окончательно попадетъ въ руки Люи-Наполеона, Франціи грозятъ многія бѣдствія, но переворотъ, затѣянный національнымъ собраніемъ, могъ привести еще къ большимъ несчастіямъ. Чрезвычайно затруднительно было сдѣлать выборъ. Во всякомъ случаѣ Люи-Наполеонъ имѣлъ болѣе шансовъ на своей сторонѣ, чѣмъ національное собраніе. Онъ въ то время былъ еще мало извѣстенъ во Франціи; а въ этой странѣ рутинны неизвѣстное всегда пользуется какимъ-то романтическимъ обаяніемъ. Но даже большая часть изъ тѣхъ, кто зналъ принца, сильно ошибались въ оцѣнкѣ его характера; они считали принца-президента человѣкомъ слабымъ, робкимъ, мало развитымъ и вообще невиннымъ. Они не ошибались въ одномъ, что принцъ-президентъ мало развитъ, но могло-ли это служить гарантіей его безобидности! Извѣстно, что самый идиотъ, засаженный въ домъ умалишенныхъ, бываетъ способенъ на хитрыя уловки, можетъ даже составить весьма сложный планъ дѣйствія и обмануть бдительность сторожей и медиковъ. Въ жизни чаще случается, что дураки обманываютъ умныхъ, чѣмъ наоборотъ. Но мало развитый человѣкъ можетъ быть очень уменъ, хитръ и пронырливъ. А этими качествами въ достаточной степени обладалъ принцъ-президентъ, что, впрочемъ, только знали люди къ нему приближенные, его друзья и пособники.

Весьма любопытно сравнить двухъ самыхъ замѣтныхъ личностей бонапартовской фамиліи, двухъ кузеновъ: сына короля вестфальскаго, Жерома-Наполеона и принца Люи-Наполеона. Принцъ Плон-плонъ, какъ его обыкновенно называютъ, подобно своему кузену не придаетъ большого значенія нравственнымъ тенденціямъ, однакожь, онъ получилъ высшее образованіе, развитъ, много путешествовалъ, многое видѣлъ, многое понималъ какъ слѣдуетъ, многое изъ видѣннаго и слышаннаго отъ умныхъ людей усвоилъ себѣ. Онъ знакомъ съ большей частью замѣчательныхъ дѣятелей въ политикѣ, наукѣ и литературѣ, и не только въ Европѣ и въ Америкѣ, но даже въ Африкѣ, въ Каирѣ. Развѣзжалъ онъ по всему свѣту; обѣдалъ со всѣми знаменитостями, начиная съ Кавура и Толэна и кончая Музурусъ-Беемъ и миссъ Эмили Крашъ. Онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ журналистами, артистами, учеными и литераторами, съ Карломъ Фогтомъ и Теофи-лемъ Готье; съ Абу, Сен-Бевомъ и Жоржъ-Зандъ. Наружность его весьма представительная и пріятная и притомъ заключаетъ въ себѣ всѣ отличительные признаки бонапартовскаго типа. Рядомъ съ нимъ, его кузень, Люи-Наполеонъ, представлялъ собою жалкую фигуру. Но однакожь, не умный Бонапартъ (принцъ Плон-плонъ), а тотъ изъ нихъ, кого называли простофілей, удивилъ міръ своими необычайными успѣхами, пользовался властью, о которой только могли мечтать самые закоренѣлые честолюбцы, и размѣры которой превзошли даже его личныя мечтанія; его знамя развѣвалось въ четырехъ частяхъ свѣта, онъ завладѣлъ несмѣтными сокровищами... И онъ достигъ до высочайшей степени могущества и силы потому, что былъ лимфатикъ, скрытенъ и безсердеченъ, потому, что онъ не хотѣлъ знать, гдѣ кончается разумное и начинается безразсудное. Онъ никогда не задумывался переступать всякія границы, а извѣстно, что безуміе, именно потому, что оно безуміе, можетъ, какъ исключеніе, рассчитывать на непомѣрный успѣхъ. Но также извѣстно, что необузданный игрокъ всегда кончаетъ полнымъ раззореніемъ, хотя, случается, что накавунѣ своего раззоренія онъ еще срываеъ банкъ.

За нѣсколько времени до государственнаго переворота оба кузена, Люи-Наполеонъ и Жеромъ-Наполеонъ, сговорились, какъ имъ дѣйствовать: они убѣдились, что имъ выгодноѣ казаться врагами, чѣмъ друзьями; потому что въ случаѣ неудачи предпріятія Люи, Жеромъ, считаясь на противной сторонѣ, воспользуется ея побѣдой; если же оно окончится счастливо, то будетъ очень выгодно разыграть чувствительную сцену (до которыхъ такъ падка публика) раскан-

нія и примиренія *). Сидя въ палатѣ на крайней лѣвой, Жеромъ участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ республиканской горы; онъ сообщалъ ей о преступныхъ замыслахъ своего кузена Люи и яростно нападалъ на нихъ. Самъ Жеромъ, какъ человѣкъ разсудительный, конечно, никогда не рискнулъ-бы на такое безумное измѣнническое предпріятіе, какъ государственный переворотъ 2 декабря. Но весьма естественно предположить, что онъ желалъ ему успѣха, рассчитывая, что какая-нибудь случайность, напримеръ, внезапная смерть Люи-Наполеона, откроетъ ему путь къ императорской коронѣ. Несомнѣнно, впрочемъ, что Жеромъ и шести мѣсяцевъ не удержался-бы на этой страшной высотѣ, у него непременно закружилась-бы голова и онъ полетѣлъ-бы въ пропасть. Какъ извѣстно, принцъ Жеромъ страдаетъ головокруженіемъ и нерѣдко падалъ ницъ далеко и не съ такой высоты, какъ французскій императорскій престоль.

Въ самый моментъ совершенія, государственный переворотъ 2 декабря потому еще не встрѣтилъ энергическаго сопротивленія, что никто не вѣрилъ возможности его осуществленія; всѣ рассчитывали, что если-бы онъ, сверхъ ожиданія, осуществился, то утвержденный имъ новый порядокъ просуществовалъ-бы недолго и въ скоромъ времени все снова пошло-бы по старому. Это ошибочное убѣжденіе привело къ тому, что весь день 2 декабря прошелъ въ удивленіяхъ, въ разговорахъ, въ спорахъ на счетъ разрѣшенія трудной проблемы: «кто виновнѣе—національное собраніе или президентъ?» и еще болѣе труднаго вопроса: «есть-ли какое-нибудь средство избавиться въ одно время, какъ отъ президента, такъ и отъ собранія?»

Въ полдень принцъ-президентъ, верхомъ, окруженный своимъ штабомъ и сильнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, объѣхалъ окрестности Елисейскаго дворца и Тюльери. Войска принимали его съ восклицаніями, но населеніе съ ледянымъ молчаніемъ. Такое настроеніе парижанъ обезпокоило принца-президента, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту дошло до него извѣстіе, что нѣсколько депутатовъ національнаго собранія, рапѣе, чѣмъ войска успѣли ихъ разогнать, собравшись въ одной изъ мэрій, объявили свое засѣданіе открытымъ и постановили: предать суду принца-президента и объявить его внѣ закона.

*). Большая часть интересныхъ фактовъ подобнаго рода взята нами изъ «Histoire militaire et anecdotique du Coup d'Etat», написанной однимъ изъ извѣстныхъ представителей бонапартистской партіи.

3-го декабря взволновалось население предмѣстій; въ Сент-Антуанѣ и въ Менильмонтанѣ были воздвигнуты баррикады. Но еще не успѣли ихъ вполне достроить, онѣ уже были атакованы и разрушены войсками. На одной изъ этихъ баррикадъ былъ убитъ извѣстный депутатъ національнаго собранія Бодэнъ; на другой — депутатъ Дюсу. Депутаты республиканской партіи употребляли все усилія, чтобы возбудить къ сопротивленію рабочее население предмѣстій, но оно оставалось апатичнымъ. Рабочіе не могли забыть, что либеральная буржуазія отблагодарила ихъ знаменитыми іюньскими днями. У нихъ теперь не было ни желанія, ни мужества сопротивляться, ни охоты вмѣшиваться въ политику. Здѣсь въ первый разъ обнаружилось, какая рознь существуетъ между французскими республиканцами и социалистами, между партіей, ставящей во главѣ всего вопросъ о политической формѣ правленія и партіей, отдающей предпочтеніе передъ всѣмъ социальнымъ вопросамъ. Эта рознь много способствовала успѣху государственнаго переворота, гарантировала ему долгіе годы господства, бросила страну въ ужасную гражданскую войну, которая началась вслѣдъ за иностранной войной, раззорившей и ослабившей Францію; эта рознь и въ будущемъ грозитъ Франціи многими бѣдствіями. Населеніе предмѣстій вяло защищалось противъ покушенія бонапартистовъ; большинство рабочихъ, изъ ненависти къ буржуазному національному собранію, противъ котораго, по словамъ прокламаціи правительства, былъ направленъ государственный переворотъ, даже желало успѣха этому перевороту. Вотъ главная причина почему французскій народъ выказалъ такъ мало сопротивленія государственному перевороту 2-го декабря.

VI.

4-го декабря бонапартисты владѣли столицей матеріально, но нравственно она далеко еще не находилась въ ихъ власти. Изъ департаментовъ получались также неблагопріятныя для нихъ извѣстія. Въ нѣкоторыхъ городахъ буржуазія протестовала довольно рѣшительно; нѣкоторые департаменты подняли знамя республики. Заговорщики ясно видѣли, что дѣла ихъ портятся. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей переворота, префектъ полиціи Мона, до того растерялся, что пересталъ понимать смыслъ получаемыхъ депешъ и потерялъ всякую способность отвѣчать на нихъ; его мѣсто пришлось занять самому смѣлому и рѣшительному изъ заговорщиковъ Морни. Сент-Арно выска-

заль мнѣніе, что лучше оставить Парижъ и расположить войска между Версалеми и Мон-Валерьяномъ и объявить, что если городъ не заявитъ немедленной покорности, то его стануть бомбардировать, на что онъ, Сент-Арно, имѣеть письменный приказъ принца-президента. Заговорщики были до того напуганы настроеніемъ общества, что поспѣшили выкупить у Сент-Арно этотъ приказъ за два милліона франковъ. Самъ принцъ-президентъ также совершенно потерялся: то онъ отдавалъ какой-нибудь рѣшительный приказъ, то снова бралъ его назадъ; запряженная карета стояла у него на дворѣ; онъ отправилъ въ Калазъ деньги и драгоцѣнности и готовъ былъ дать телеграмму, чтобы ихъ переправили въ Лондонъ. Онъ самъ хотѣлъ уже садиться въ карету и бѣжать; но явился Флери и, угрожая ему пистолетомъ, вдохнулъ въ него мужество. Принцъ-президентъ заперся въ своемъ кабинетѣ и чрезъ полчаса вышелъ оттуда съ подписаннымъ имъ рѣшительнымъ приказомъ: начать всеобщее побоище на бульварахъ: Маделены, итальянскомъ и монмартскомъ. Батальоны полуцѣльныхъ солдатъ кинулись на толпу любопытныхъ, большая часть которой была безоружна. Произошла страшная рѣзня. Несчастные, желая спастись отъ убійцъ, бросились бѣжать отъ нихъ и встрѣтили новые батальоны, приняшіе ихъ въ штыки; спаслись только тѣ, кому удалось укрыться въ домахъ, но нѣкоторыхъ и тамъ находили солдаты и убивали. Парижъ покрылся трупами; убивали всѣхъ, кого ни попало; въ числѣ убитыхъ оказались дряхлые старики, дѣти, женщины; убивали пролетаріевъ, буржуа и аристократовъ; убивали простыхъ работницъ и знатныхъ дамъ; на штыкъ разъяреннаго солдата натыкались даже люди, принадлежавшіе къ духовному званію.

Послѣ этой рѣзни существованіе второй имперіи могло считаться обезпеченнымъ. Баррикады опустѣли, ихъ некому было защищать. Улицы, площади также оставались пусты, никто не рѣшался выходить изъ своей квартиры. Всякое сопротивленіе разбилось о чудовищную энергію заговорщиковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ телеграфировалъ въ департаменты, что враги порядка, сдѣлавъ послѣднія усилія восторжествовать, совершенно поражены мужественной арміей. А префекты отвѣчали министру, что эта счастливая новость произвела самое отрадное впечатлѣніе на все населеніе провинцій... И дѣйствительно, когда въ провинціяхъ узнали, что заговоръ воцѣль удался, со всѣхъ сторонъ полетѣли адресы съ выраженіемъ преданности принцу-президенту. Ревностие всѣхъ выражало свою преданность католическое духовенство. Все духовенство Парижа, имѣя во главѣ парижскаго архіепископа, монсеньера Сибура, псевдо-республи-

канца, друга генерала Кавеньяка, явилось въ церковь Парижской Богоматери для служенія торжественной службы въ честь побѣды порядка и сираведливости. На службѣ присутствовалъ принцъ-президентъ, окруженный своимъ штабомъ. Нѣкоторые изъ этихъ господъ даже не перемѣнили платья, обрызганнаго кровью.

Любопытно, что именно тѣ, противъ кого былъ направленъ государственный переворотъ (т. е. противъ большинства національнаго собранія, которое желало ограничить примѣненіе закона о всеобщей подачѣ голосовъ), были первые, которые признали его. Конечно, Тьеръ, Базъ, Лефло, Шангарнье не могли высказать своего убѣжденія, такъ какъ они были заключены въ Мазасъ. Но ихъ товарищи, пользуясь свободой, которую имъ оставили, успѣли явиться на поклонъ въ Елисейскій дворецъ. А республиканская партія, въ то время болѣе, чѣмъ другія партіи, стоявшая на законной почвѣ, въ пользу которой, повидимому, и былъ произведенъ переворотъ, отнеслась къ нему враждебно. Разумѣется, рафинированные либералы находятъ ея поведеніе достойнымъ упрека: «Еслибы вы соединились съ правительствомъ, говорятъ они, исчезъ бы всякій поводъ къ гражданскимъ несогласіямъ; правительство не было-бы вынуждено держать постоянно на готовѣ оружіе противъ части націи; оно не было-бы вынуждено, противъ своего желанія, издавать болѣе суровые законы, чѣмъ въ то время существовавшіе, противъ свободы прессы и свободы собраній. Напротивъ, усиленное вашей поддержкой, за которую оно схватилось-бы обѣими руками, правительство создало-бы истинно либеральную и мудро-прогрессивную имперію»...

Всякій безпристрастный человѣкъ признаетъ, что эти разсужденія имѣютъ чисто іезуитскій характеръ, и что республиканская партія была совершенно права, высказавшись противъ насильственнаго переворота, оскорблявшаго человѣколюбіе, законность, честность и проявившаго себя самыми возмутительными преступленіями.

Торжествующій бонапартизмъ, сильной поддержкой клерикаловъ и части орлеанистской и легитимистской партіи и даже буржуазнаго либерализма, обратилъ все свои силы противъ республиканской партіи, разсчитывая, если не совершенно истребить ее, то ослабить настолько, чтобы долгое время она не могла подняться на ноги. Въ этомъ, какъ и во всемъ, бонапартизмъ второй имперіи слѣдовалъ традиціямъ первой имперіи. Послѣ произведеннаго имъ переворота, первый консулъ обратилъ свою саблю противъ республиканцевъ; послѣ роялистскаго заговора онъ также напалъ на республиканцевъ и послалъ ихъ умирать въ кайенскихъ болотахъ. Племянникъ не замед-

лилъ послѣдовать примѣру дяди. Высшій судъ, созываемый въ Версали для суда надъ Люи-Наполеономъ Бонапартомъ, обвиняемымъ въ измѣнѣ и бунтѣ, собрался, но для того, чтобъ осудить несчастныхъ, которые хотѣли помѣшать этому бунту и этой измѣнѣ. Въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи были учреждены смѣшанныя комиссіи, память о которыхъ жила цѣлые годы у мѣстнаго населенія. Обыкновенно пріѣзжалъ генераль, отличившійся во время государственнаго переворота; къ нему присоединялись префектъ или подпрефектъ и нѣсколко членовъ судебного вѣдомства изъ самыхъ ретивыхъ,—и они составляли комиссію. Комиссія призывала извѣстныхъ своею преданностью реакціи бонапартистовъ и просила ихъ, чтобы они указали тѣхъ изъ жителей округа, отъ которыхъ они желаютъ избавиться, и немедленно исполняла ихъ желаніе. Комиссія придавала значеніе даже анонимнымъ доносамъ. Самыми дѣятельными помощниками комиссій были іезуиты, полиція которыхъ отличается качествами, превосходящими правительственную. Какъ только несчастный попадалъ въ списокъ подозрительныхъ людей, которымъ руководствовалась комиссія, полиція входила къ нему въ домъ, дѣлала у него обыскъ, а его самого тащила въ цѣпяхъ въ тюрьму. Когда такихъ обвиняемыхъ набиралось много, ихъ отправляли въ портовый городъ, тамъ сажали на корабли и перевозили въ спаленныя солнцемъ степи Ламбесы или въ зараженныя болота Кайены; немногіе переживали эту ужасную ссылку; большинство умирало чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перевозки въ эти нездоровыя мѣстности. Невозможно точно опредѣлить, сколько именно людей было сослано въ первый годъ послѣ побѣды бонапартистовъ; сами побѣдители не знали даже приблизительно настоящей цифры. По официальнымъ свѣденіямъ, составленнымъ на скоро, въ которыхъ, конечно, скорѣе уменьшили, чѣмъ увеличили цифру, число сосланныхъ изъ одного Парижа опредѣлено въ 26,000 человекъ. Съ полной вѣроятностію можно предположить, что парижане составляли не болѣе четвертой части всѣхъ сосланныхъ изъ Франціи, слѣдовательно число ихъ должно было простираться до 100,000 человекъ. Всѣ сосланные были люди молодые или среднихъ лѣтъ, но въ полной силѣ; многіе изъ нихъ были отцами семействъ, кормильцами семьѣ; по этому можно судить какъ отозвался на жизни страны и какое впечатлѣніе произвелъ на умы этотъ бонапартистскій терроръ, названный зеленымъ въ отличіе отъ краснаго террора въ 1793, бѣлаго въ 1815 и голубаго въ июль 1848 года.

Среди всеобщей паники и тревоги, произведенныхъ чудовищной ссылкой, правительство черезъ полмѣсяца послѣ переворота, предло-

жило народу посредствомъ плебисцита высказать свое мнѣніе о государственномъ переворотѣ. Результатъ голосованія, который не трудно было предвидѣть, обрадовалъ принца-президента и его друзей: голосъ народа оправдалъ насильственный переворотъ, совершенный ими, и они увѣрили себя, что имѣютъ право успокоить свою совесть, если она вздумаетъ расходиться. Плебисцитъ такъ понравился бонапартистамъ, что менѣе, чѣмъ черезъ годъ, президентъ, который въ это время успѣлъ создать новую конституцію, сколокъ съ конституціи, сфабрикованной его дядею тоже послѣ государственнаго переворота, — президентъ снова обратился къ народу, требуя, чтобы онъ отвѣтилъ на вопросъ: «хорошо-ли сдѣлаетъ президентъ если объявить себя императоромъ, облеченнымъ абсолютной властію?» — «Хорошо!» отвѣчалъ народъ, неумѣющій ни читать ни писать; отвѣчали: армія, флотъ, чиновники, духовенство, буржуазія.

Въ пользу предложенія подано болѣе семи милліоновъ голосовъ. Разумѣется, эта цифра еще не доказывала, что таково въ дѣйствительности было число лицъ, довольныхъ государственнымъ переворотомъ или примирившихся съ нимъ. Администрація употребила всевозможныя средства, и подкупъ и обманъ, чтобы собрать какъ можно болѣе голосовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ, чтобы было подано извѣстное число голосовъ, и оно явилось. Подпрефекты и мэры, желая точно выполнить предписаніе начальства, вынуждены были выдавать гораздо большее число билетовъ, чѣмъ сколько являлось лицъ, имѣвшихъ право голоса; случалось, что нѣкоторые избиратели клали по 3, 4 и даже по 5 утвердительныхъ билетовъ. При томъ не слѣдуетъ забывать, что французскіе крестьяне крайне невѣжественны; они подали-бы голосъ за всякаго, лишь-бы нашлись ловкіе люди, которые сьумѣли-бы ихъ увѣрить, что при такомъ-то правительствѣ они смѣло могутъ рассчитывать, что имъ будетъ обезпечено спокойное владѣніе ихъ землею и домомъ. Буржуазія нѣсколько колебалась, но ее также сьумѣли убѣдить, что имперія будетъ особенно покровительствовать торговлѣ и промышленности и не тронетъ рабочаго вопроса, сильно беспокоившаго фабрикантовъ. Такимъ образомъ французская нація объявила себя солидарной съ бонапартистами, достигшими власти путемъ насилія.

И вотъ почему Франціи пришлось потомъ искупать свою вину поражениями и бѣдствіями нѣмецкой и гражданской войнъ.

VII.

Утвердившись, вторая имперія успѣшила сказать Франціи: «я открываю широкое поле для всѣхъ, у кого есть охота обогатиться». Вторая имперія дала широкое развитіе спекуляціи; составилось множество обществъ на акціяхъ: желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, пароходныхъ сообщеній и пр.; основаны громадныя банковыя учрежденія: поземельнаго кредита, движимаго кредита, недвижимаго кредита; учреждена компанія наполеоновскихъ доковъ въ Парижѣ и Марсели и другія; однимъ словомъ, кто-бы ни предложилъ предпріятіе, основанное на спекуляціи и ажіотажѣ, правительство разрѣшало его безъ всякаго затрудненія. Этими спекуляціями руководили по большей части сановники второй имперіи, пособники государственнаго переворота. Крупныя жалованья были слишкомъ недостаточны для нихъ и они не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы только увеличить свои доходы, которые тратились на поддержаніе самой безумной роскоши. Они вели на биржѣ страшную игру. «Онъ играетъ, какъ Морни», говорили биржевые спекуляторы, если желали похвалить кого-нибудь. Главные дѣятели государственнаго переворота были по большей части люди, обремененные долгами, карманы которыхъ были полны не золотыми монетами, а повѣстками отъ судебныхъ приставовъ относительно уплаты опредѣленныхъ съ нихъ взыскацій по долговымъ обязательствамъ. Взявъ власть въ свои руки, они вскорѣ сдѣлались обладателями милліоновъ. Морни сталъ образцомъ для всѣхъ, кто желалъ казаться свѣтскимъ человѣкомъ; его роскошь и великолѣпіе переходили всякіе предѣлы возможнаго; Флери, въ качествѣ вельможи, не бралъ сдачи съ билета въ тысячу франковъ, сдѣлавъ въ магазинѣ покупку на три, четыре сотни. Фіаленъ, бывший недавно странствующимъ мелкимъ торговцемъ, сдѣлался герцогомъ и купилъ, на экономію отъ своихъ издержекъ, въ Овернѣ замокъ Шамарандъ, одинъ изъ самыхъ красивѣйшихъ во Франціи. Ригоризмъ новаго двора доходилъ до того, что, напримѣръ, церемоніймейстеръ Бачіоки изгналъ одну актрису, игравшую на придворномъ театрѣ въ Компьенѣ, за то, что, играя въ одной пьесѣ роль кокетки, она явилась не въ настоящемъ брилліантовомъ колье. По мнѣнію суроваго церемоніймейстера, стразы оскорбляли зрѣніе, привыкшее къ блеску алмазовъ и чистотѣ жемчуга. Понятно, что, для достиженія требуемыхъ блеска и роскоши, приходилось прибѣгать къ самымъ недозволительнымъ средствамъ, къ обману, къ покрытію своихъ

вольныхъ и невольныхъ ошибокъ предписаніями свыше занять дѣло. Морни захватилъ въ свои руки компанію большой центральной дороги и передалъ эту дорогу компаніи орлеанской желѣзной дороги съ дефицитомъ въ 60 милліоновъ франковъ; когда-же акціонеры пожелали узнать, отчего произошелъ этотъ дефицитъ, явилось повелѣніе не смѣть даже заикаться о разъясненіи этого страннаго обстоятельства. Юридическія льготы второй имперіи заключаютъ въ себѣ не мало приказаній подобнаго рода. Страсть къ биржевой игрѣ развилась до такой степени, что всѣ администраторы, у которыхъ были въ рукахъ казенныя или частныя суммы, пускали ихъ въ игру и, конечно, или пріобрѣтали громадныя состоянія или теряли деньги и тогда обращались къ самому удобному средству: къ предписанію занять дѣло. «Обогащайтесь и забавляйтесь!» таковъ былъ лозунгъ второй имперіи. И всякій спѣшилъ обогащаться, всякій спѣшилъ наслаждаться. Думайте только о матеріальной жизни, твердила вторая имперія; если и существуетъ еще иная жизнь—вамъ-то какое до нея дѣло! Мы хороши съ папой, все французское католическое духовенство за насъ—чего-же намъ опасаться! Провались она совѣтъ наука, нравственность! Да здравствуетъ биржа! Да здравствуютъ маскарады оперы! Быстрое непомѣрное обогащеніе показывало народу, что можно обогащаться не прилагая никакого труда, и что трудъ не можетъ дать богатства. И вотъ каждый, кто успѣлъ сдѣлать маленькое сбереженіе, вытаскивалъ изъ кубышки кровныя денешки и таскалъ ихъ къ спекулятору. Всякій спѣшилъ помѣстить свои деньги въ акціи, въ облигаціи займовъ. Старушонка, весь вѣкъ своей сохранявшая деньги въ чулкѣ, вынимала свои старыя монеты и отдавала ихъ займы вице-королю египетскому или тунисскому дею. Деньги бѣдняковъ, присоединенныя къ деньгамъ богачей, разносились изъ Франціи по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта: они шли въ Австрію, въ Италію, въ Испанію, въ Турцію, въ Тунисъ, въ Мексику; шли на прорытіе суэзскаго или панамскаго перешейка, на добываніе золотыхъ рудъ въ Гвианѣ или Сан-Сальвадорѣ. Большая часть сбереженій бѣдняковъ погибла въ баснословныхъ, невѣроятныхъ предпріятіяхъ. Простаки теряли свои деньги въ самыхъ вѣрныхъ предпріятіяхъ; люди искусные составляли громадныя богатства самыми нелѣпыми спекуляціями. Финансовая аристократія банкировъ, учредителей, инженеровъ и подрядчиковъ пріобрѣла на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, по крайней мѣрѣ, милліардъ франковъ, кромѣ того, что она получила, играя на повышеніе и пониженіе акцій. Она пріобрѣла громадныя суммы на займахъ государственныхъ и городскихъ, на работахъ по

перестройкѣ городовъ: Парижа, Марсея, Гавра и другихъ. Люди разрушали, вновь строили, должали и раззорялись весело, спокойно, по всей Франціи, съ одного конца ея до дрѹгого. А налоги все увеличивались. Правительству приходилось вести войны, увеличивать численность арміи, размножать чиновничество, между тѣмъ не было никакой возможности покрыть расходы обыкновеннымъ бюджетомъ, являлась необходимость прибѣгать къ займу, что опять-таки увеличивало расходы будущаго года, и снова приходилось дѣлать заемъ и т. д. Чѣмъ дальше въ лѣтъ, тѣмъ больше дровъ... «Но что намъ до того, было-бы намъ хорошо, а послѣ насъ хоть трава не расти!..» и веселились всѣ и забавлялись, не думая о завтрашнемъ днѣ. Парижъ вскорѣ сдѣлался громадной гостинницей, гдѣ продавались поддѣльныя наслажденія; онъ обратился въ обширный домъ терпимости, куда собирались развратницы со всей Европы, куда стекались кутилы и развратники со всего міра. Всѣ таяли отъ наслажденія, смотря на Шнейдеръ въ «Прекрасной Еленѣ», гдѣ она, выражаясь мѣстнымъ парижскимъ жаргономъ, была «канальски восхитительна»; знатныя, высокопоставленныя и красивыя женщины брали уроки у дѣвицы Терезы или дѣвицы Ригольбошъ, желая выучиться у нихъ этой «канальской восхитительности». И дѣйствительно, при тьюлерійскомъ дворѣ дамы, наконецъ, достигли такой «канальской восхитительности», что нныя изъ нихъ могли за поясъ заткнуть саму Терезу. Парижъ представлялъ собой постоянную выставку кокотокъ, кровныхъ лошадей и кокодесовъ, законодателей моды, составлявшихъ предметъ зависти для англійскихъ снобсовъ, нѣмецкихъ юнкеровъ и американскихъ модни, которые считали за величайшую честь получить доступъ въ парижскій жокей-клубъ, откуда выходили въ свѣтъ чистокровныя кокодесы. Непомѣрная роскошь, конечно, была очень выгодна для торговцевъ. Они-то болѣе всѣхъ опечалились паденіемъ второй имперіи. Они-же, вѣроятно, отъ души пожалѣли Наполеона III, когда узнали о его смерти.

И какъ веселились, какъ забавлялись при тьюлерійскомъ дворѣ! Какъ весело бывало на охотахъ въ Фонтенебло и на раутахъ въ Компьенѣ! О томъ, что тамъ дѣлалось, никто не смѣлъ говорить, но всѣ повторяли хоромъ: какъ тамъ веселятся, какъ тамъ забавляются!

VIII.

Внѣшняя политика второй имперіи слишкомъ хорошо извѣстна; всѣмъ знакомъ и общій ея характеръ и частности. Мы не можемъ обойти «Дѣло», № 1.

ее молчаніемъ въ этой статьѣ, но возьмемъ изъ нея только главнѣйшіе факты.

«Имперія—это миръ!» сказалъ новый императоръ въ своей рѣчи въ Бордо, которая должна была служить программой его царствованія. Но еще въ то время, когда только созрѣвалъ планъ государственнаго переворота, было рѣшено, въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, прежде всего занять умы народа внѣшними предпріятіями. Сперва думали начать съ экспедиціи въ Англію, которая должна была послужить отплатой за Ватерлоо. Предположено было занять французскими войсками Бельгію, объявивъ о присоединеніи ея къ Франціи, что повлекло-бы за собой жестокую войну съ Англіей, которая навѣрное протестовала-бы противъ этого занятія. Въ три часа ночи офиціальный Мониторъ уже напечаталъ декретъ о присоединеніи Бельгіи къ французской территоріи. Но въ четыре часа получилось приказаніе приостановить печатаніе газеты, выкинуть статью о Бельгіи и замѣнить ее другой. Причину этого колебанія приписываютъ письму лорда Пальмерстона, которое получалъ Наполеонъ III. Пальмерстонъ и Люк-Наполеонъ отлично понимали другъ друга и непремѣнно должны были сойтись и тѣсно соединить свои интересы. Пальмерстонъ понялъ, что онъ можетъ легко эксплуатировать Наполеона III и заставить его употребить силы Франціи на служеніе англійской политикѣ. Пальмерстонъ умѣлъ вести переговоры и въ этомъ отношеніи превосходилъ своего союзника, Наполеона III. Какъ старинный вигъ, Пальмерстонъ терпѣть не могъ республики, чартистовъ и всякія революціонныя движенія. Когда пришло въ Лондонъ извѣстіе о государственномъ переворотѣ во Франціи, Пальмерстонъ, бывшій въ то время первымъ министромъ, поспѣшилъ выразить зачинщику и руководителю заговора свое горячее сочувствіе и признаніе совершившагося факта Англію. Лордъ Пальмерстонъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ слишкомъ рѣшительно, такъ-какъ онъ написалъ письмо, не посоветовавшись съ своими товарищами, не спросивъ разрѣшенія королевы. Эта поспѣшность значительно уменьшила-бы шансы Англіи въ томъ случаѣ, еслибъ возгорѣлась война между нею и Франціею, насильственно завладѣвшею Бельгіею. Однакожъ, эта поспѣшность дала Пальмерстону союзника, котораго онъ безъ труда уговорилъ объявить войну Россіи,— войну, представлявшую тѣ шансы на успѣхъ, что противъ Россіи образовалась европейская коалиція. Эта война также согласовалась съ внутренней политикой Франціи: объявляя войну Россіи, Наполеонъ III угождалъ либеральной буржуазіи, которая въ продолженіи двухъ генераций во всѣ политическіе вопросы непремѣнно внѣш-

вала войну съ Россіей. Руководясь этими соображеніями, Наполеонъ III не долго колебался и высадилъ французскія войска на крымскій берегъ. Объявленіемъ этой войны Наполеонъ вступалъ въ коалицію съ Европой и тѣмъ, косвеннымъ образомъ, добивался полного признанія совершившагося факта во Франціи. Какъ извѣстно, Франція вышла изъ этой войны съ полууспѣхомъ. Крымская война стоила ей 100,000 человекъ и 1¹/₂ миллиарда франковъ, но что значили эти жертвы въ сравненіи съ прибрѣтенной выгодой: прочнымъ укрѣпленіемъ бонапартовской династіи? Правда, что мирный трактатъ, подписанный въ мартъ 1856 года въ Парижѣ, покоился на такихъ шаткихъ основаніяхъ, что чрезъ 14 лѣтъ отъ него не осталось и слѣда, но въ то время считали его прочнымъ, и почитатели Наполеона III выдавали его за образецъ высокой мудрости новаго французскаго императора.

Но, не смотря на успѣшное окончаніе крымской войны, она не произвела того впечатлѣнія во Франціи, на какое рассчитывали Наполеонъ III и его приближенные. Наполеонъ III по прежнему оставался императоромъ крестьянъ и королемъ биржи, но популярность его нисколько не увеличилась; его по прежнему не любили и не уважали. Вторая имперія эксплуатировала буржуазію, а буржуазія, въ свою очередь, эксплуатировала имперію. Но буржуазія по прежнему отдавала предпочтеніе Орлеанамъ, а ея либеральная фракція все еще желала утвержденія умѣренной и мудро прогрессивной республики. Республиканская партія, правда, молчала, но, видимо, она не была еще вполне уничтожена и представляла силу, которую нельзя было игнорировать. Что касается ожидаемаго соглашенія между второй имперіей и социализмомъ, то это соглашеніе произошло только на словахъ. Правда, императоръ не разъ напоминалъ о своихъ прежнихъ предположеніяхъ, но какъ только приближались серьезно къ этому вопросу, онъ забывалъ о нихъ и ограничивался одними обѣщаніями.

Послѣ государственнаго переворота составлялось нѣсколько заговоровъ противъ жизни императора. Самымъ серьезнымъ былъ заговоръ, составленный товарищемъ Наполеона III по карбонаризму, Феликсомъ Орсини. Этотъ неудавшійся заговоръ имѣлъ слѣдствіемъ усилившееся стѣсненіе свободы французскихъ гражданъ и перемѣну во внѣшней политикѣ. Наполеонъ III сталъ слѣдовать политикѣ національностей и первымъ примѣненіемъ ея было намѣреніе изгнать австрійцевъ изъ Италіи. Эта война была популярна во Франціи—единственная популярная изъ всѣхъ, которыя онъ велъ; правда, она была революціонная по своему характеру и совершенно не согласовалась съ политической системой Наполеона III, если предположить, что у него

была какаянибудь система. Но онъ остановился на половинѣ пути; давъ обѣщаніе при началѣ войны освободить Италію до Адриатическаго моря, онъ не пошелъ дальше Сольферино. И онъ долженъ былъ потомъ съ злобой въ сердцѣ смотрѣть, какъ Италія, безъ него и противъ его желанія, продолжаетъ свое объединеніе, въ противурѣчіе съ виллафранкскимъ договоромъ и съ цюрихскимъ трактатомъ. Рѣдко можно встрѣтить въ исторіи примѣръ такой ненескусной политики, какой держался французскій императоръ въ отношеніи Италіи. Послѣ того, какъ онъ принесъ въ жертву Италіи 60,000 французовъ, убитыхъ въ сраженіяхъ, и 750 милліоновъ франковъ, израсходованныхъ «въ войнѣ за идею»; послѣ того, какъ онъ присоединилъ къ Франціи Савою и Ниццу,—онъ вдругъ воспротивился, послѣ первой римской экспедиціи (Кастельфидардо), присоединенію королевства обѣихъ Сицилій, онъ пролилъ лучшую итальянскую кровь въ сраженіи при Ментанѣ, онъ занялъ Римъ французскими войсками, угрожая правительству Виктора-Эмануила и, наконецъ, смертельно оскорбилъ своего стараго союзника, объявивъ черезъ своего министра Руэ, что никогда Италія не сдѣлаетъ Рима своей столицей.

Экспедиція въ Китай, предпринятая по настоянію Пальмерстона, была гигантскомъ безумствомъ, но сопровождалась неслыханнымъ усиѣхомъ. Англичане предприняли эту экспедицію съ цѣлями коммерческими, Наполеонъ III для обезпеченія миссіонерамъ іезуитскаго ордена лучшаго положенія въ Китаѣ. Англо-французская армія начала свою пропаганду европейской цивилизаціи восточнымъ варварамъ сожженіемъ лѣтняго дворца китайскаго императора, — безчеловѣчнымъ фактомъ грубаго варварства, болѣе грубаго, чѣмъ сожженіе александрійской библіотеки, совершенное изъ религіознаго фанатизма. Какія же побужденія руководили главнокомандующими англійской и французской арміи? Грабежъ и одинъ грабежъ,—другого объясненія ихъ возмутительнаго поступка подыскать невозможно.

Также желая внести европейскую цивилизацію въ Мексику, говоря высокими слогами, или же дать возможность Морни получить нѣсколько милліоновъ, выражаясь простымъ языкомъ,—вторая имперія рѣшилась на самое безумное предпріятіе: на войну противъ Хуареса, которая началась самымъ безцеремоннымъ нарушеніемъ международнаго права и кончилась убійствомъ императора Максимилиана. Жена Максимилиана, императрица Шарлота, сошла съ ума: она нерѣдко видитъ передъ собой Наполеона III, слышитъ его голосъ; эти видѣнія до того мучаютъ несчастную, что она раздражается самыми ужасными проклятiями противъ виновника гибели ея мужа и ея страданій.

Одно время Наполеонъ III хотѣлъ послать французскую армію, находившуюся въ Мехикѣ, на помощь южнымъ штатамъ. На этомъ сильно настаивалъ лордъ Пальмерстонъ, изъ подъ руки пособлявшій рабовладѣльцамъ. Война противъ Линкольна была рѣшена и Джеферсонъ Дэвисъ получилъ изъ Парижа совѣтъ: держаться крѣпче, такъ какъ скоро ему подадутъ помощь. Но въ послѣднюю минуту Наполеона III взяло сомнѣніе и онъ далъ приказъ французскимъ войскамъ въ Мехикѣ отправляться въ Европу. Кто отговорилъ его отъ совершенія этого возмутительнаго поступка, — неизвѣстно, но только на этотъ разъ Франція была избавлена отъ стыда защищать возмутительнѣйшее изъ человѣческихъ учреждений: рабовладѣніе.

Мехиканская экспедиція настолько ослабила силы Франціи, что она спокойно смотрѣла, какъ Пруссія и Австрія раззоряютъ маленькую Данію. Нѣтъ сомнѣній, что если-бы Франція высказала рѣшительное слово въ защиту своего постоянного союзника, Даніи, результаты войны съ нею двухъ великихъ германскихъ державъ были бы иные.

Извѣстно, что за датской войной послѣдовала война Пруссіи съ Австріей. Пальмерстонъ и Кавуръ умерли, теперь настала очередь Бисмарка эксплуатировать Наполеона III. Во время своего свиданія въ Біарицѣ съ французскимъ императоромъ, Бисмаркъ наобѣщаль чудесъ, если французская армія сохранить нейтралитетъ въ войнѣ Пруссіи съ Австріей. Договоръ между ними былъ заключенъ на словахъ; оба они имѣли заднюю мысль избѣжать письменныхъ условій. Французскій императоръ разсчитывалъ, что австрійская армія можетъ одержать побѣду надъ прусской или, по крайней мѣрѣ, что война будетъ долгая и трудная, что побѣжденная сторона обратится къ нему за помощью и онъ, явившись посредникомъ, можетъ отрѣзать себѣ добрый кусокъ германскаго пирога, несравненно большій, чѣмъ тотъ, который предлагаетъ ему Бисмаркъ. А прусскій министръ, въ свою очередь, полагалъ, что послѣ побѣды Пруссія можетъ оставить въ свою пользу цѣлый пирогъ, не давая ни кусочка сосѣду. Къ несчастью для Наполеона III, Бисмаркъ предугадалъ вѣрнѣе, чѣмъ онъ. Послѣ побѣды при Садовой Бисмаркъ объявилъ, что никакихъ условій съ французскимъ императоромъ онъ не заключалъ, иначе существовалъ-бы письменный договоръ. Съ этого момента уже не трудно было предсказать, что должна вскорѣ возгорѣться война между Франціей и Пруссіей.

Видя, что военная слава ускользаетъ изъ его рукъ, Наполеонъ III захотѣлъ поддержать свой упадающій авторитетъ внутренними ре-

формами. Положеніе Франціи въ то время было далеко не успокоительное. Выборы 1869 года показали, что, несмотря на административное давленіе, выдвигавшее официальные кандидатуры, несмотря на всеобщее оступленіе и страхъ передъ правительствомъ, оно вовсе не располагаетъ большинствомъ, на которое могло рассчитывать. Положеніе было очень серьезно и слѣдовало не медля принять какое нибудь рѣшеніе. Наполеонъ III избралъ либеральное министерство съ экс-республиканцемъ Эмилемъ Оливье во главѣ и обратился къ народу съ знаменитымъ плебисцитомъ.

Либеральное министерство начало чрезвычайно успѣшно свою дѣятельность. Благодаря весьма растяжимому понятію «либеральное», за него высказались очень многіе изъ тѣхъ, которые послѣ государственнаго переворота стояли въ оппозиціи съ правительствомъ, отказываясь принимать всякое участіе въ управленіи и администраціи страны. Теперь они нашли удобнымъ помогать министерству Оливье, и этотъ экс-республиканецъ успѣшилъ сойтись съ самыми извѣстными представителями буржуазнаго либерализма: съ отцомъ и сыномъ Гизо, Шангарнье, Прево-Парадолемъ, герцогомъ Брольо, Оссонвелемъ, Одилономъ Барро, Лабулэ, Сен-Рене-Тальяндье, Эмилемъ Монтегю, Сен-Маркомъ-Жирарденомъ и пр. и пр.—имъ-же имя легіонъ. Досадно, право, что вторая имперія не разыграла парламентарной комедіи, которая обѣщала быть, какъ занимательной, такъ и поучительной. Но вторая имперія чувствовала, что она задохнется въ атмосферѣ парламентаризма и успѣшила освободиться отъ нея посредствомъ войны. Племянничекъ помнилъ хорошо, что этимъ способомъ его дядюшка всегда «сводворялъ порядокъ между болтунами-адвокатами». Морни не разъ совѣтовалъ Наполеону III поддержать бонапартизмъ системой парламентаризма, но императоръ, проникнутый «наполеоновскими идеями», находилъ излишнимъ дѣлать подобную уступку. Когда-же онъ напелся вынужденнымъ принять ее, имперія уже была слишкомъ стара, чтобы могла выдержать несродную ей систему.

Наполеонъ III уже начиналъ дряхлѣть и плебисцитъ былъ послѣднимъ отблескомъ его былой ловкости. Подъ предлогомъ спросить у народа: согласенъ-ли онъ на расширеніе своей свободы, Наполеонъ III требовалъ отвѣта на другой, болѣе интересующій его самого вопросъ: дадутъ-ли 8 милл. избирателей новое доказательство своего довѣрія къ императору, который снова обезпечиваетъ имъ порядокъ и даетъ свободу. Наполеонъ III, конечно, болѣе всего заботился о томъ, чтобы въ будущемъ престолъ перешелъ къ его сыну. Принявъ на себя самый простодушный видъ, онъ просилъ націю, чтобы она высказала

свое согласіе на либеральныя реформы, принятыя въ послѣдніе годы, простымъ «да». Семь милліоновъ избирателей, повѣрившихъ, что дѣйствительно настаетъ во Франціи царство мира и свободы, дали утвердительный отвѣтъ. Этотъ плебисцитъ, которымъ выражалось довѣріе къ личности императора, далъ новую силу личному правленію и далъ смѣлость послѣднему начать войну...

Черезъ два мѣсяца бонапартистская имперія съ своими митральезами и 350 тысячами солдатъ послала вызовъ Германіи, которая выставила 1,200,000 войска. А чрезъ два мѣсяца послѣ объявленія войны, императоръ Наполеонъ III, покуривая сигару, отдалъ шпагу 2-го декабря королю Вильгельму.

IX.

Послѣ Ватерлоо англичане сочли необходимымъ заключить своего плѣнника, Наполеона I, на отдаленный островъ св. Елены, на одинокую скалу, стоящую среди океана. Пруссія пустила на всѣ четыре стороны своего седанскаго плѣнника, Наполеона III, и онъ поселился въ комфортабельной виллѣ, въ Чизльгерстѣ, гдѣ, лежа въ покойномъ креслѣ, могъ преспокойно покуривать свои любимыя сигаретки и интриговать сколько угодно. Интриги, составленіе заговоровъ были его господствующей страстью. Онъ началъ свою политическую карьеру заговорами; съ помощью заговора достигъ власти, лишился ее потому, что, интригуя, слишкомъ пересолилъ, наконецъ, накануне самой смерти онъ все еще мечталъ составить новый заговоръ, съ помощью котораго могъ-бы снова завладѣть властью. На тронѣ онъ продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ заговорщика. При каждомъ иностранномъ государствѣ онъ держалъ три или четыре серіи агентовъ и каждая серія преслѣдовала особую политику; онъ нерѣдко запутывался въ той самой сѣти, которую самъ плелъ, и дѣйствовалъ на авось. Колеблясь между различными «возможностями» и «вѣроятностями», Наполеонъ III всегда затруднялся, на которой изъ нихъ остановиться. Онъ не обладалъ сильной волей и съ каждымъ годомъ она ослаблялась, но взамѣнъ ея у него было лимфатическое упорство, которое дѣлало незамѣтнымъ недостатокъ воли. Онъ былъ игрокъ, постоянно нуждавшійся въ возбужденіи; онъ не имѣлъ мужества, но обстоятельства его сложились такъ, что онъ долженъ былъ постоянно рисковать всѣмъ, что ему дало счастье. Жизнь для него была только игрой въ рулетку; политика и исторія ничего бо-

лѣе, какъ серія красныхъ и черныхъ, отмѣчаемая незримымъ крупье. При случаѣ онъ передергивалъ, «исправлялъ ошибки случая», какъ говорятъ игроки въ фараонъ и ланскнехтъ. Онъ вѣрилъ въ судьбу, вѣрилъ въ свою звѣзду, въ свое счастье, въ свой геній, въ свой расчетъ. Но онъ никогда не зналъ настоящаго смысла словъ: добродѣтель, нравственность, преданность, энтузіазмъ, долгъ, справедливость и правда. Въ сущности онъ не былъ золъ, но также не былъ и добръ; его нельзя было назвать вполне умнымъ человѣкомъ; однакожъ, невозможно было поставить его въ разрядъ людей глупыхъ. Онъ обладалъ одной способностью, которую холилъ въ себѣ и довелъ ее до замѣчательной виртуозности: умѣть показать себя, позировать и играть роль. Это, впрочемъ, фамиліальная способность у всѣхъ Бонапартовъ. Благодаря этой способности, развитой имъ до послѣдней возможности, Наполеонъ III удивительно ловко обманывалъ людей, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ далеко не обыкновенный человѣкъ. Когда римскому императору Нерону нанесли смертельный ударъ, онъ схватился лѣвой рукой за свое сердце и, погрузивъ свой взоръ въ пространство, сказалъ: *Qualis artifex pereo!* (какая потеря, что умираетъ такой артистъ, какъ я!). Эти слова имѣлъ полное право сказать и Наполеонъ III.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Имѣетъ-ли значеніе смѣна стараго года новымъ.—Кончается-ли вліяніе совершившихся фактовъ съ наступленіемъ 1-го января. — Пршлый годъ, по словамъ одного фельетониста, былъ вполнѣ мирнымъ годомъ.—Какое характеръ этого мира.—Убийства.—Причины этихъ убійствъ. — Отношеніе къ преступникамъ присяжныхъ засѣдателей и суда.—Взглядъ на эти отношенія г. О. Достоевскаго.—Отравленіе мышьякомъ. — Распри изъ за личностей въ земствѣ.—Разладъ между членами общества изъ за личныхъ интересовъ отражается и въ литературѣ.—Одна изъ причинъ этого разлада: недостатокъ серьезно-направленнаго воспитанія. — Семья, школа и литература, какъ воспитатели общества. — Женскіе курсы въ медико-хирургической академіи.

— Ну, слава Богу, тяжелый високосный годъ прошел! говорятъ люди, уцѣлѣвшіе здоровыми и невредимыми въ этотъ годъ холеры, оспы и всякихъ скотскихъ надеждъ.

— Да, да, прошел... впрочемъ, оспа еще не прошла, замѣчаютъ врачи, аптекаря и гробовщики, вспоминая не безъ сожалѣнія о своемъ старомъ другѣ и питая нѣкоторую надежду на благосклонность своего новаго пріятеля — 1873 года.

И если-бы заглянуть поглубже въ душу этихъ людей, то можно бы подмѣтить въ нихъ совершенно разные взгляды на протекшій годъ: для однихъ онъ былъ тяжелымъ, мучительнымъ годомъ страха и трепета за свою жизнь; для другихъ онъ былъ годомъ надеждъ на хорошіе доходы. Мы не знаемъ, читатель, къ какой изъ этихъ категорій людей принадлежите вы: радуется-ли вы тому, что прошелъ этотъ годъ, вздыхаете-ли вы о немъ, какъ о добромъ пріятелѣ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы не думаемъ раздѣлять вашихъ чувствъ. Мы не будемъ радоваться съ вами, встрѣтивъ новый годъ; мы не будемъ тосковать съ вами,

проводивъ старый. Мы давно уже умудрились житейскимъ опытомъ и холодно и безучастно смотримъ на эти смѣны одного года другимъ, одной цифры другою. Мы давно знаемъ, что прожитый годъ и въ хорошемъ и въ дурномъ былъ только неизбѣжнымъ роковымъ результатомъ предшествовавшихъ лѣтъ и что съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцатаго часа 31 декабря не кончаются ни радости, ни огорченія, переносившіяся нами втеченіи предшествовавшихъ дней, недѣль, мѣсяцевъ и лѣтъ. Да, мы знаемъ, что въ двѣнадцатомъ часу 31 декабря наступаетъ новый годъ, но мы тоже знаемъ, что при этомъ [остаются] [старые люди, отношенія, обстоятельства, что г. Катковъ останется г. Катковымъ, а князь Мещерскій княземъ Мещерскимъ...]

Если новый годъ и интересуеетъ насъ почему-нибудь, такъ только потому, что къ этому дню обыкновенно сводятся итоги за извѣстный промежутокъ времени и, такимъ образомъ, является возможность уяснить себѣ, *что мы прожили и какъ мы прожили* послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ. Новый годъ—это большая станція, на которой вѣчный скиталецъ-человѣкъ записываетъ въ свою памятную книжку, сколько онъ проѣлъ, сколько заработалъ, что испыталъ, что видѣлъ во время путешествія отъ предвѣдущей большой станціи до настоящей. Подобныя замѣтки почти всегда бываютъ поучительны и мы были-бы очень рады, если-бы могли дать читателю отчетъ обо всемъ, что было пережито нами и нашими согражданами въ протекшій годъ. Подобный отчетъ былъ-бы полезенъ уже по одному тому, что, прочитавъ его, каждый могъ-бы сообразить, чего онъ можетъ ждать въ будущемъ отъ тѣхъ или другихъ смѣянъ, посѣянныхъ въ прошломъ году.

И дѣйствительно, сколько хорошихъ и дурныхъ, мелкихъ и крупныхъ событій было въ этомъ високосномъ году, о которомъ одинъ краснорѣчивый фельетонистъ выразился такъ: „это былъ вполнѣ мирный годъ. Ни одинъ пушечный, ни одинъ ружейный выстрѣлъ не нарушилъ общественной тишины и спокойствія, если не считать чѣмъ-нибудь серьезнымъ мелкихъ перестрѣлокъ карлистовъ въ Испаніи“. Ну, конечно, стоитъ-ли считать серьезными эти перестрѣлки! Вѣдь не считаютъ-же серьезными нападенія волковъ, которые въ нынѣшнюю осень, появляясь цѣлыми стаями въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Россіи, расправлялись очень безцеремонно съ мирными деревенскими жителями, большею частью не имѣющими

даже ружей и еще чаще не могущими нигдѣ достать пороха для защиты себя отъ всевозможныхъ дивихъ животныхъ. Итакъ, это былъ годъ всеобщаго мира, всеобщаго согласія. Но если люди, бичуемые холерой и оспой, раззоряемы падежомъ скота, не убивали другъ друга массами на полѣ битвы, то это нисколько не мѣшало имъ нападать на отдѣльныя личности своихъ ближнихъ и, пользуясь темной ночью, вырѣзывать цѣлыя семейства, иногда, повидимому, безъ всякой цѣли. Просматривая статистику убійствъ и преступленій за прошлый годъ, удивляешься не столько массѣ злодѣяній, сколько тому звѣрству, съ которымъ они были совершены. Девятнадцатилѣтній Андрей Федоровъ Поляковъ, кучеръ саратовскаго купца Четверикова, убиваетъ полѣномъ кухарку, потомъ тѣмъ-же полѣномъ убиваетъ 14-ти лѣтнюю дочь хозяина, затѣмъ хозяйку, далѣе одиннадцати-лѣтнюю хозяйскую дочь и черезъ день, черезъ два попадаетъ въ руки правосудія. Корреспондентъ газеты „Кавказъ“ изъ г. Гори передаетъ о случаѣ убійства въ с. Куртѣ: одинъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ князей Мачабели, Павле Баси-швили, закололъ кинжаломъ бывшую свою помѣщицу княгиню Варвару Мачабели и сына ея князя Леваша. Далѣе „Самар. Губ. Вѣд.“ сообщаютъ слѣдующее извѣстіе объ убійствѣ толпою крестьянъ деревни Григорьевки, самарскаго уѣзда, своего односельца Василія Андронова и преслѣдованіи ими другого крестьянина Севастьяна Келейнова, успѣвшаго, однако, скрытсѣ. Севастьянъ Келейновъ и Василій Андроновъ—родные братья по матери. Оба самого дурного поведенія, и воровство обратилось у нихъ въ промыселъ. Въ особенности Василій Андроновъ обременялъ общество своими вредными поступками, такъ что оно рѣшилось по приговору удалить его изъ своей среды. Приговоръ общества былъ исполненъ, и Василій Андроновъ, въ числѣ другихъ, 28-го іюня текущаго года отправленъ изъ города Самары на пароходѣ въ тобольскую губернію на жительство. Между-тѣмъ Андроновъ во время-ли слѣдованія, или уже съ мѣста ссылки, успѣлъ бѣжать и въ недавнее время появился опять въ деревнѣ Григорьевкѣ, гдѣ и скрывался въ домахъ своихъ родственниковъ, съ цѣлью отомстить обществу за удаленіе его изъ мѣста жительства. Скрываясь такимъ образомъ, онъ производилъ у однихъ воровство и поджоги, а другимъ постоянно угрожалъ убійствомъ. Вслѣдствіе такихъ угрозъ многіе по вечерамъ боялись даже выходить.

на дворъ, оставляя скотъ безъ корма, а окна закладывали на ночь досками. Отъ такихъ поступковъ Андропова жители дер. Григорьевки, по словамъ ихъ, постоянно находились въ паническомъ страхѣ, ибо Андроновъ распустилъ слухъ, что его теперь даже никто изловить не можетъ, — что онъ въ состояніи превратиться въ муху и вылетѣть въ щель. Находясь въ такомъ возбужденномъ состояніи отъ грозившей опасности, крестьяне 3-го декабря собрались на сходку, откуда старались устранить родственниковъ и друзей Антонова, и на этой-то сходкѣ рѣшили окружить вечеромъ домъ Севастьяна Келейнова, и, поймавъ Василья Андропова, „порѣшить“ съ нимъ. Такое рѣшеніе сходки мотивировано было тѣмъ, что если, изловивъ Андропова, представить его по начальству, то онъ опять убѣжитъ и тогда уже разорить всѣхъ окончательно. Сказано — сдѣлано. Дождавшись сумерекъ, вся сходка, подъ предводительствомъ старосты, разными дорогами направилась къ дому Севастьяна Келейнова, окружила его и, взойдя во дворъ, розыскала Василья Андропова, съ которымъ тутъ-же и порѣшила, убивъ его на мѣстѣ. Андропова били почти всѣ и послѣ совершенія убійства бѣжали. Кто тащилъ въ рѣку убитаго и подсунулъ подъ ледъ, вѣрныхъ указаній изъ народной молвы получить было нельзя. По рассказамъ взрослыхъ дѣтей Севастьяна Келейнова, сестры его Козиной и дочери Гришиной, прибѣжавшихъ на шумъ, собравшійся во дворѣ народъ и имъ наносилъ побои собственно уже за то, что они умоляли не убивать Василья. По показанію семейныхъ изъ дома Келейнова, бывшихъ во дворѣ ихъ народомъ взломанъ пробой у чулана, взяты оттуда два ружья, которыя тутъ-же были изломаны и брошены въ рѣку; такъ-же унесено, будто-бы, крестьянами двѣ пары новыхъ кожаныхъ сапоговъ и нѣсколько фунтовъ салныхъ свѣчей. Севастьянъ Келейновъ, давшій пріютъ въ своемъ домѣ бѣглому ссыльному, былъ счастливѣе своего брата, успѣлъ во-время бѣжать отъ разъяренной толпы и 5-го декабря, вечеромъ явился въ становую квартиру съ заявленіемъ о случившемся, въ то время, когда приставъ находился уже на мѣстѣ происшествія для производства дознанія. По показанію Севастьяна Келейнова, онъ, пользуясь суматохою въ собравшейся на дворѣ у него толпѣ, успѣлъ скрыться въ зайлицѣ. Во время его бѣгства двое изъ крестьянъ преслѣдовали его, но настичь не могли. Севастьянъ Ке-

лейновъ на переносицѣ имѣеть царапину и жалуется, что получилъ по головѣ нѣсколько ударовъ.

Еще далѣе встрѣчается извѣстіе о звѣрскомъ убійствѣ на пути изъ Симферополя въ Перекопъ. Между Сарабузскою и Трехъ-Абламскою станціями пріѣхаль подъ вечеръ какой-то крестьянинъ съ дѣвочкой лѣтъ 10—12 въ трактиръ и засталъ тамъ 3—4-хъ неизвѣстныхъ ему людей. Обогрѣвшись, крестьянинъ разсказаль между прочимъ хозяину трактира, еврею, и гостямъ объ удачной продажѣ имъ разныхъ сельскихъ продуктовъ, отъ которой онъ заработаль 90 руб. Услыхавъ это, хозяинъ сейчасъ-же составилъ планъ ограбленія наивнаго разсказчика и передалъ его остальнымъ гостямъ, которые одобрили замысль еврея и согласились привести его въ исполненіе. Въ полночь, когда всѣ разошлись спать, они напали на соннаго обладателя 90 руб., изрѣзали его въ куски и отобрали деньги, имѣя еще въ виду овладѣть повозкой и лошадьми. Затѣмъ убійцы стали совѣтоваться о томъ, какъ извести дочь убитаго, которая могла въ противномъ случаѣ открыть преступленіе. Поступить съ нею такъ-же, какъ съ отцомъ, они не желали, потому-что и безъ того много было слѣдовъ крови. Тогда еврей предложилъ съжечь несчастную дѣвочку. Предложеніе было принято и злодѣи принялись затапливать печь. При этомъ еврей просиль сотоварищей отпустить его изъ хаты на время сожженія, такъ-какъ быть свидѣтелемъ такой операціи у него не хватало силъ. Въ то время, когда злодѣи убивали крестьянина и держали совѣтъ относительно дочери несчастнаго, эта послѣдняя, бывшая въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной деревянною перегородкой, и слышавшая всѣ разговоры, спряталась на кровати подъ периной. Когда-же печь была натоплена и еврей вышелъ изъ хаты, злодѣи вытащили изъ-за перегородки, вмѣсто крестьянской дочери, сонную дочь хозяина и бросили ее въ огонь. Несчастная долго и страшно кричала, пока случайно трусливый еврей не услышалъ голоса своего ребенка и не вбѣжалъ исправить ошибку. Когда дѣвочку вытащили, то она оказалась уже сильно обожженною. Между-тѣмъ, какъ все это происходило, дочь ограбленнаго и убитаго бѣжала, воспользовавшись суматохой, и дала знать о случившемся крестьянамъ ближайшей деревни. Пришедшіе оттуда люди захватили преступниковъ на мѣстѣ преступления, съ поличнымъ, когда они смазывали масломъ сильно обожженную дочь

хозяина. Вы ужасаетесь, читая эту исторію, но вы ужаснетесь еще болѣе, прочитавъ слѣдующее извѣстіе: одинъ изъ ломжинскихъ гражданскихъ чиновниковъ, Фредерикъ Шпитцъ, и жена его Михалина наняли, по совѣту нѣкоторыхъ знакомыхъ, въ услуженіе къ себѣ, для присмотра за трехъ-мѣсячнымъ ребенкомъ, тринадцати-лѣтнюю крестьянскую дѣвочку Франциску Цихъ. Лица, рекомендовавшія Цихъ, отзывались о ней съ самой хорошей стороны; семейство Шпитца также первое время оставалось чрезвычайно довольнымъ ея старательностью и внимательнымъ уходомъ за младенцемъ; но спустя нѣсколько недѣль отношенія между ребенкомъ-нянькой и господами круто измѣнились. Въ одинъ прекрасный день Франциска Цихъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ, ни у кого не спросившись и бросивъ безъ всякаго присмотра ребенка, самовольно ушла изъ дому и отправилась къ матери своей, живущей въ деревнѣ, въ 2 верстахъ отъ г. Ломжи. Мать немедленно возвратила бѣглянку къ господамъ, а господа сдѣлали ей строгое внушеніе, причемъ самъ Шпитцъ обозвалъ ее даже разными непотребными прозвищами. Такое обращеніе крайне не понравилось гордой и, вѣроятно, отъ природы болѣзненно-самодлюбивой дѣвочкѣ и поэтому на другой-же день она снова убѣжала отъ своихъ сердитыхъ хозяевъ и на этотъ разъ уже не къ матери, а къ какой-то г-жѣ Хайнацкой, которая, послѣ заявленій Франциски, что служить у Шпитцовъ она, Франциска, больше не хочетъ и ни за что не будетъ, и приняла ее къ себѣ въ услуженіе. Но, увы, счастье Франциски продолжалось недолго: черезъ четыре дня несчастная была розыскана полиціей и со скандаломъ снова возвращена Шпитцамъ. Видя, что ничто не помогаетъ, Франциска рѣшилась заявить, безъ обвиняковъ, въ глаза и самому Шпитцу и женѣ его, что служить болѣе она у нихъ не хочетъ и готова скорѣй удавиться. Однако, и такая угроза на чиновника Шпитца не подѣйствовала, онъ не обратилъ на это заявленіе дѣвочки никакого вниманія и, по просьбѣ ея матери, снова оставилъ ее у себя. На первыхъ порахъ она сдѣлалась, повидимому, послушной, стала вести себя по прежнему, отлично и съ особеннымъ усердіемъ и заботливостью ухаживала за ребенкомъ; но чувство мести къ своимъ господамъ, не смотря на это, какъ оказалось впослѣдствіи, не покидало ее. Спустя двѣ или три недѣли послѣ того, какъ мать привела Франциску къ ея господамъ

въ послѣдній разъ, Шпитцъ и его жена отправились вечеромъ къ своимъ родственникамъ и оставили ребенка на рукахъ Франциски, подъ присмотромъ горничной Анны Навотки. По возвращеніи домой, жена Шпитца прежде всего поспѣшила навѣстить ребенка, но Франциска, узнавши желаніе хозяйки, просила ее этого не дѣлать, такъ-какъ ребенокъ, не спавши съ вечера, только-что задремалъ. Г-жа Шпитцъ повѣрила словамъ Франциски и, не поцѣловавши, какъ дѣлала это обыкновенно, ребенка, легла спать. На разсвѣтѣ она, зная, что въ это время ребенокъ обыкновенно всегда просыпается и плачетъ, и не слыша крика его, рѣшилась встать и подойти къ нему, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Но каково-же было отчаяніе несчастной, когда, подойдя къ ребенку, она увидала, что онъ мертвъ. На крикъ ея сбѣжались всѣ домашніе, — ребенокъ не оживалъ. На первыхъ порахъ не замѣтили ничего подозрительнаго и полагали, что смерть послѣдовала сама собою, безъ всякой посторонней причины; но утромъ горничная Навотка, убирая кровать ребенка, нашла подъ тюфякомъ окровавленный чепчикъ, а затѣмъ на головкѣ ребенка замѣтили три укола булавкою. По мнѣнію врача, производившаго судебно-медицинское вскрытіе, уколы въ головѣ, произведенные чѣмъ-либо острымъ, напримѣръ, иглою или булавкою, были безусловно смертельны. Горничная Навотка видѣла, что чепчикъ былъ спрятанъ подъ тюфякъ Францискою Цихъ, на которую вслѣдствіе этого и пало подозрѣніе въ убійствѣ. Преступница скоро созналась въ совершенномъ ею преступленіи и была привлечена къ суду. Судъ призналъ ее виновною въ умышленномъ убійствѣ ребенка и приговорилъ ее, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылке въ Сибирь на поселеніе на всю жизнь.

У васъ сжимается сердце при чтеніи подобныхъ фактовъ. Да, но для мыслителя эти факты являются не простою минутною драмою, въ его умѣ невольно возникаетъ мысль о томъ, какъ могли дойти эти люди до такого звѣрства, какова должна была быть среда, воспитавшая ихъ, каковы должны были быть событія, приведшія ихъ къ подобной развязкѣ, какъ много тяжелыхъ дней должно было пройти прежде того рокового дня прошлаго високоснаго года, когда совершились эти преступленія. И если-бы можно было прослѣдить шагъ-за-шагомъ всю предшествовавшую жизнь этихъ преступниковъ, то мы увидали-бы, быть можетъ, что

и надъ ними, прежде чѣмъ они сдѣлали преступленіе, было совершено не мало преступленій ихъ ближними. Но пойдѣте дальше. Въ одномъ изъ судовъ разбиралось дѣло объ убійствѣ женою своего мужа. Причиною убійства было то, что жена терпѣла отъ мужа дурное обращеніе и послѣднимъ поводомъ къ убійству послужило то, что мужъ казакъ, которому жена принесла на сѣнокосъ обѣдъ, ударилъ ее за то, что она опоздала принести этотъ обѣдъ во время. Вотъ исходный пунктъ, съ котораго въ тотъ-же день эпизода на сѣнокосѣ жена отпратилась мысленно на путь къ убійству; сборы были недолги: мужъ и жена легли спать; мужъ заснулъ; жена стала думать, думать и рѣшила, что самое лучшее—взять да убить своего мужа, что и было сдѣлано. Судъ приговариваетъ убійцу къ четырех-лѣтней каторгѣ, но въ то-же время подвергаетъ на всемілостивѣйшее воззрѣніе ходатайство о замѣнѣ каторги просто ссылкой въ Сибирь на тотъ-же срокъ на поселеніе. Почему дѣлаетъ это судъ? Потому, что онъ вполне понялъ, что есть смягчающее вину обстоятельство. Какое-же это обстоятельство. Это та предшествовавшая жизнь, которая довела женщину до такого злодѣянія. Да, она преступница, она убила мужа. А онъ? Что онъ дѣлалъ съ нею, какъ онъ жилъ съ нею? Два факта, случившіяся недавно, хорошо характеризуютъ эти отношенія. Вотъ-что пишутъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“: Отставной солдатъ Хитровъ далъ 10 января своей женѣ денегъ и послалъ ее выкупить заложенные у закладчика вещи; но жена возвратилась домой часу въ пятомъ, не выкупивши почему-то вещей. Хитровъ разсердился на жену и началъ ее бить, чѣмъ попало; затѣмъ, схвативъ ее за волосы, протащилъ по всей комнатѣ и самъ вышелъ. Возвратившись-же черезъ нѣсколько минутъ въ комнату, Хитровъ увидаль, что жена уже умерла. Другой случай еще возмутительнѣе. Въ ковровскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ, возвратившись изъ гостей пьянымъ, послалъ жену распрягать лошадь. Жена пошла не сразу, но все-таки пошла. Раздраженный мужъ вышелъ за нею и сталъ ее поучать послушанію. Спасаясь отъ побоевъ, жена вбѣжала въ избу, но здѣсь она была уже въ полномъ распоряженіи пьянаго мужа. Къ довершенію несчастія, женщинѣ „ждалось родить“. Но, несмотря на то, пьяный мужъ училъ свою жену безъ всякой жалости, избитая женщина упала едва дыша, изъ нея были выдавлены внутренности и кровь лилась ручьемъ. Но мужъ продолжалъ буй-

ствовать. При этомъ присутствовали старый свекоръ и шестнадцати-лѣтній сынъ несчастной. Первый одобрялъ убійцу, второй выбѣжалъ звать на помощь, но было уже поздно. Женщина умерла черезъ нѣсколько часовъ. Общество крестьянъ хотѣло скрыть это дѣло, такъ какъ убитую уже не воротить, а мужика жаль губить, потому что онъ нуженъ, какъ кормилецъ, для дѣтей. Эти факты отчасти приподнимаютъ завѣсу съ той жизни, которая такъ часто доводитъ до убійствъ и ставитъ въ тупикъ судей при рѣшеніи вопроса: кто больше убійца, тотъ-ли мужъ, который мучилъ всю жизнь свою жену, или та жена, которая, подъ гнетомъ долгихъ страданій, порѣшила разомъ со своимъ мужемъ. „Лафаржъ, говоритъ одинъ изъ старыхъ русскихъ публицистовъ, — отравила своего мужа (т. е. положимъ, что отравила; слѣдствіе было сдѣлано такъ неловко, что нельзя понять: Лафаржъ-ли отравила мышьякомъ своего мужа, или судьи отравили юриспруденціей г-жу Лафаржъ). Крики, толки. Злодѣйство въ самомъ дѣлѣ страшное, гнусное, — въ этомъ никто не сомнѣвается; да что-же особенно новаго въ этомъ убійствѣ? Я увѣренъ, что въ томъ-же Парижѣ, гдѣ такъ кричали объ этомъ, нѣтъ большой улицы, гдѣ-бы въ годъ или въ два не случилось чего-нибудь подобнаго, — разница въ оружіяхъ. Лафаржъ, какъ рѣшительная преступница, дала минеральнаго яду; а что даль, на примѣръ, мой сосѣдъ, этотъ богатый откупщикъ, своей женѣ, которая вышла за него потому, что ея нѣжные родители стояли передъ нею на колѣняхъ, умоляя спасти ихъ имѣнье, ихъ честь — продажей своего тѣла, своимъ безчестіемъ; что даль ей мужъ, какого яда, отъ котораго она изъ ангела красоты сдѣлалась въ два года развалиной? Отчего эти ввалившіяся щеки, отчего ея глаза, сдѣлавшіеся огромными, блестятъ какимъ-то болѣзненно-жемчужнымъ отливомъ? Орфила и самъ Распайль не найдутъ ничего ядовитаго въ ея желудкѣ, когда она умретъ, и немудрено: ядъ у ней въ мозгу. Психическія отравы ускользаютъ отъ химическихъ реакцій и отъ тупости людскихъ сужденій. „Чего не достаетъ этой женщинѣ? Она утопаетъ въ роскоши“, говорятъ глупѣйшіе, не понимая, что мужъ, наряжающій жену, не потому, что она этого хочетъ, а потому, что онъ хочетъ, — себя наряжаетъ; онъ ее наряжаетъ потому, что она его, на томъ основаніи, какъ наряжаетъ лакея и кучера. — „Все такъ, говорятъ умнѣйшіе, — но, согласившись на просьбу родителей, она должна была

благоразумнѣе переносить свою судьбу. А позвольте спросить: возможно-ли *хроническое* самоотверженіе? Разомъ пожертвовать собою не важность: Курцій бросился въ пропасть да и поминай, какъ звали,—это понятно; а безпрестанно, цѣлые годы, каждый день приносить себя на жертву—да гдѣ-же взять столько героизма или столько истиннаго терпѣнья? Довольно, что хватило силъ на первую безумную жертву, — такая жертва, само собою разумѣется, не приносится ни отцу, ни матери, потому что они перестаютъ быть отцомъ и матерью, если требуютъ такихъ жертвъ“. Вотъ почему мы смотримъ безъ волненія и страха на то, что присяжные засѣдатели нерѣдко выносили въ подобныхъ случаяхъ оправдательные приговоры, и на то, что судъ нерѣдко повергаетъ на Высочайшее усмотрѣніе и ходатайствуетъ о смягченіи своихъ приговоровъ. Мы не боимся, что эти мягкія отношенія суда къ подсудимымъ расплодятъ преступленія. Нѣтъ, несмотря на то, что въ послѣднее время судебные приговоры стали мягче, сами преступленія во многихъ мѣстностяхъ не увеличились, а уменьшились; такъ достовѣрныя и точныя данныя за послѣдніе три года свидѣтельствуютъ, что общее число преступленій варшавской губерніи съ каждымъ годомъ становится все менѣе и что уменьшеніе уголовной преступности происходитъ исключительно въ средѣ крестьянскаго сословія. Втеченіи разсматриваемаго періода было осуждено въ 1869 году—1,294 чел. крестьянъ, въ 1870 г.—949, въ 1871 г.—794. Въ одномъ изъ слѣдующихъ внутреннихъ обзорѣній мы надѣемся возвратиться къ уголовной статистикѣ и подробно поговорить объ этомъ предметѣ. Здѣсь-же замѣтимъ, что вообще преступленія не увеличиваются снисходительными приговорами суда и не уменьшаются отъ жестокихъ казней. Европа пережила времена самыхъ строгихъ, самыхъ жестокихъ, самыхъ безчеловѣчныхъ наказаній и именно въ это время она утопала среди преступленій, грабежей и убійствъ. Если насъ возмущаетъ что-нибудь, такъ это разсужденія въ родѣ разсужденій какого-нибудь фельетониста „Гражданина“, который съ развязностью Хлестакова инсинуируетъ на присяжныхъ засѣдателей и на судъ и замѣчаетъ о тринадцатилѣтней преступницѣ, что „это одно изъ тѣхъ созданій, проклятыхъ судьбою въ день рожденія, (*sic!*) которыя рождаются только для зла и для которыхъ, къ несчастью, смертная казнь (*не*) существуетъ“...

И такъ, нужна (правда, „къ несчастію“, но все-таки нужна) смертная казнь? И во имя чего-же ее примѣнять? Во имя „христіанской нравственности“, которой будто-бы недостаетъ у присяжныхъ засѣдателей и у судей, выносящихъ мягкіе приговоры. Спорить съ фельетонистомъ о христіанской нравственности мы не станемъ, такъ какъ мы знаемъ множество людей, понимающихъ ее очень своеобразно. Мы помнимъ великія слова высшаго судьи чело-вѣчества—Христа, сказавшаго, что пусть броситъ первый камень въ блудницу тотъ, кто никогда не грѣшилъ, и простившаго за одно слово покаянія разбойника на крестѣ, и помнимъ также, что инквизиторы требовали костровъ и казней для каждаго, кто не принадлежалъ къ ихъ лагерю. Но мы посовѣтовали-бы фельетонисту говорить обо всемъ: о свѣтскихъ удовольствіяхъ, объ юбилеѣ г. Краевского, о Наполеонѣ III, о талантѣ гг. О. Тютчева и О. Достоевскаго, — но не касаться христіанской нравственности, такъ какъ даже онъ, фельетонистъ „Гражданина“, долженъ знать, что есть предметы, которые оскорбляются, когда ихъ прилетаютъ къ фельетонной болтовнѣ, къ бессмысленному фиглярству, къ наглому невѣжеству, къ злостному инсинуаторству.

Но рядомъ съ этими преступниками, возбуждающими чувства ужаса и сожалѣнія къ падшему чело-вѣчеству, идетъ еще цѣлый рядъ преступниковъ, вселяющихъ только омерзѣніе. Эти люди часто ловко ускользаютъ отъ справедливой кары законовъ, а между тѣмъ вся ихъ дѣятельность систематически направлена противъ жизни ихъ ближнихъ. Они нападаютъ не на враговъ, они дѣйствуютъ не подъ гнетомъ раздраженія и страсти, нѣтъ, они губятъ, кого попало, губятъ съ холоднымъ расчетомъ, губятъ во имя пріобрѣтенія лишняго гроша. Вотъ что пишетъ о продѣлкахъ такого рода людей г-жа Кохановская: „Испоконъ своего вѣка русскій народъ лакомился соленою бѣлужиною; ѣлъ ее вареною, ѣлъ и сырою. Говоря официальнымъ выраженіемъ, за доброкачественностью не приходилось гоняться русскому чело-вѣку до того, что бѣлужина, севрюжина или, наконецъ, осетринка съ душкомъ вошли во вкусъ народный, очень прилюбились ему. Этотъ *душокъ* какъ-бы сдѣлался прянымъ добавленіемъ для нашего народнаго вкуса, не знающаго другихъ пряностей, кромѣ сивухи, чеснока и лука. Но о бѣдныхъ вкусахъ русскаго народа нечего распространяться. Благо, было то, что хотя плохо ѣлъ онъ, да ѣлъ себѣ здорово;

какъ вдругъ, лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось первое извѣстіе, что люди отравились соленою рыбою. Двое или трое поужинали въ Москвѣ сырою бѣлужиною и къ утру умерли въ страшныхъ мученіяхъ со всѣми признаками отравы. Это первое извѣстіе произвело большое опасеніе. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не ѣстъ соленой рыбы, особливо изъ тѣхъ, которые придерживаются православныхъ постовъ? Впрочемъ, всѣ объясненія сводились къ извѣстной грубости и жадности на ѣду русскаго мужика. Мужичье обрадовалось ржавой и тухлой рыбѣ, наѣлось не въ мѣру, а жаръ, лѣто было, успеневъ постъ, что-жъ мудренаго? И безъ смерти смерть. Вслѣдъ за этимъ первымъ извѣстіемъ еще и еще начали являться случаи отравленія соленою рыбою и все въ Москвѣ и въ округѣ Москвы. Мнѣ припоминаются два поразительные случая: въ волоколамскомъ уѣздѣ 8 человекъ разомъ отравились и умерли отъ рыбы и, въ самой Москвѣ, какой-то заѣзжій докторъ съ двумя молоденькими дочерьми и со старухой кухаркою... Наконецъ, это уже не мужичье! Но что-же оно такое, это убійство людей соленою рыбою и единственно въ сердцѣ Россіи, въ первопрестольной Москвѣ и ея округѣ? Въ Петербургѣ не было ни одного подобнаго случая. Положимъ, Петербургъ особая статья: и полиція тамъ хороша, и климатъ суровый, самъ собою предохраняющій рыбу отъ излишней порчи. А вся остальная Россія? а наши многолюдные южные города: Одесса, Ростовъ на Дону, торгующій рыбою, и, наконецъ, Харьковъ съ его громаднымъ приливомъ сѣверо-русскаго народонаселенія? Когда-бы неизбѣжно, какъ во время знаменитыхъ харьковскихъ ярмарокъ быть этимъ случаямъ отравленія людей соленою рыбою, когда и по порѣ весны и лѣта, и по времени подходящихъ постовъ къ троицкой и успенской ярмаркамъ народъ преимущественно набрасывается на соленую рыбу и еще пьетъ дурную харьковскую воду. А между тѣмъ, ни по устной молвѣ, ни по газетамъ никто не слыхалъ въ Харьковѣ и нигдѣ въ Россіи, кромѣ Москвы, чтобы можно было отравиться соленою рыбою.

Но въ московскомъ округѣ это бѣдствіе дошло до такой послѣдовательности, что можно было ручаться головою: съ наступленіемъ каждаго изъ четырехъ годовыхъ постовъ, непременно пойдутъ въ московскихъ газетахъ извѣстія о случаяхъ рыбоотравы. (?)

Но то были, такъ сказать, единичные случаи, въ которыхъ жертвы отравленія, сколько мнѣ помнится, не превосходили числа восьми въ одинъ разъ. А теперь—услышите!.. услышите всѣ, у кого есть уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы содрогаться ужасомъ, скорбію и негодованіемъ: шестьдесятъ человѣкъ отравлено рыбою на престольномъ праздникѣ 8 ноября текущаго года! Читайте это страшное извѣстіе въ № 257 „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 25 ноября. Вотъ оно все въ его ужасающей краткости. (Извиняемся передъ читателемъ, что мы не передали своими словами витѣйства г-жи Кохановской, хотя мы чувствовали, что ея пафосъ, имѣющій въ себѣ очень много комическаго, нѣсколько ослабитъ впечатлѣніе, которое долженъ произвести на читателя самый фактъ многочисленныхъ отравленій рыбою):

„Намъ пишутъ изъ торговаго села Пятница Берендѣева, отстоящаго отъ Москвы въ 50 верстахъ, что прошлымъ лѣтомъ одинъ изъ мѣстныхъ торговцевъ, О—въ, привезъ съ нижегородской ярмарки купленную имъ тамъ бочку соленой бѣлуги, вѣсомъ въ 60 пудовъ. Часть этой рыбы онъ продалъ другимъ торговцамъ, своимъ сосѣдямъ, которые, равно какъ и онъ самъ, пустили эту рыбу въ продажу 8 ноября, въ день мѣстнаго храмоваго праздника. Крестьяне, купившіе рыбу, стали употреблять ее въ пищу и въ одинъ день отъ этого заболѣло въ разныхъ окрестныхъ селеніяхъ *болѣе шестидесяти человекъ*, изъ которыхъ по 12 число умерло 20 человѣкъ, остальные-же хотя живы еще, но подають мало надежды на выздоровленіе. Десять человѣкъ изъ умершихъ были вскрыты и по вскрытіи оказалось, что смерть ихъ послѣдовала отъ недоброкачественной рыбы. Странно при этомъ то, что по осмотрѣ лавокъ вся рыба, находившаяся въ нихъ для продажи, найдена годною къ употребленію“.

Что-же оказывается? Мелкіе торговцы, чтобы морить крысъ и предохранить рыбу отъ порчи, посыпаютъ ее сверху *мышьякомъ*, а послѣ пускаютъ въ продажу. Этотъ возмутительный фактъ, конечно, превосходитъ всѣ факты продажи гнилыхъ и подмѣшанныхъ съѣстныхъ припасовъ, тоже убійственно вліяющихъ на здоровье народа. Онъ превосходитъ даже тотъ фактъ, о которомъ заявляетъ александрійскій корреспондентъ „Одесскаго Вѣстника“, говорящій, что въ ихъ краю, въ средѣ бѣднѣйшихъ поселянъ увѣзда отъ употребленія хлѣба, не очищеннаго отъ хлѣбныхъ рож-

ковъ, обнаружилась было тяжкая болѣзнь — омертвѣніе оконечностей, антоновъ огонь. Въ мѣстной больницѣ сдѣлано было 90 операцій отрѣзыванья рукъ, ногъ, пальцевъ; $\frac{2}{3}$ оперированныхъ вышли живы и здоровы.

Примѣсъ мышьяка къ рыбѣ есть вполне сознательное отравленіе ближнихъ, отравленіе ради сохраненія своихъ выгодъ. Это страшный фактъ. Но подумайте, сколько лѣтъ должна была вліять невѣжественная и развращающая среда на людей, чтобы довести ихъ до такого варварскаго взгляда на свои отношенія къ обществу, чтобы сдѣлать ихъ чѣмъ-то въ родѣ безсердечныхъ и безсовѣстныхъ враговъ, считающихъ позволительными все средства для сохраненія благосостоянія своего я среди враждебнаго лагеря. Конечно, подобные люди, рѣшающіеся ради своихъ личныхъ выгодъ систематически отравлять общество, не останутся передъ такими поступками, какъ простая кража чужихъ денегъ, какъ затрата общественныхъ капиталовъ, какъ своекорыстная интрига противъ всѣхъ, кто стоитъ на ихъ дорогѣ и мѣшаетъ ихъ стремленіямъ къ наживѣ. И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ фактовъ, которые ясно свидѣтельствуютъ, что подобные господа, нисколько не думая о благѣ ближнихъ, о пользѣ общества, работаютъ только для своего я, для своихъ личныхъ цѣлей не брезгуя никакими средствами. Вотъ биржевой агентъ Шпереръ пользуется довѣренностью своихъ ближнихъ и, похитивъ 200,000 рублей, бѣжитъ за границу. Этотъ фактъ есть одно изъ тысячи свидѣтельствъ того правила, которымъ руководствуются подобные люди. „Что намъ до общества, были-бы мы сыты, [говорятъ они, — своя рубашка ближе къ тѣлу“. И во имя этой „своей рубашки“ они вносятъ во все дѣла только заботы о себѣ. Это одна изъ причинъ того плохого хода дѣлъ, который замѣчается во всѣхъ отрасляхъ нашей жизни. Это правило заставило нѣсколькихъ членовъ составить компанію рыбинско-бологовской желѣзной дороги, собрать на это дѣло огромные капиталы, затратить ихъ самымъ щедрымъ образомъ и потомъ оставить довѣрившихся компаніи людей не только безъ процентовъ на ввѣренные капиталы, но даже и безъ самихъ капиталовъ. Но что за дѣло учредителямъ до этого? Своихъ дѣлъ они, вѣроятно, не разстроили. Тоже правило заставляетъ общество ростовской желѣзной дороги нарушить права крестьянъ на владѣніе землею, вслѣдствіе чего 2 января, по рѣше-

нію усманскаго сѣзда мировыхъ судей мѣстнымъ судебнымъ при-ставомъ приступлено къ снятію полотна, сторожевыхъ будокъ и телеграфныхъ столбовъ ростовской желѣзной дороги, на протяженіи отъ 10—12 верстъ. Дѣло это было внесено въ сѣздъ по иску крестьянъ слободы Монастырженки, ходатайствовавшихъ о восстановленіи ихъ правъ на владѣніе землею, нарушенныхъ управленіемъ означенной дороги.

А возьмите хоть, на примѣръ, земскія собранія. Что вы видите большею частью въ нихъ, какъ не препирательства изъ-за личныхъ интересовъ? „Въ Орлѣ засѣдало губернское земское собраніе. Первые дни его засѣданій были посвящены исключительно личнымъ препирательствамъ и возмущали отсутствіемъ всякихъ общественныхъ, земскихъ цѣлей. Это отличительный признакъ орловскаго губернскаго земскаго собранія: дѣло въ томъ, что земство наше дробится на двѣ партіи, въ основѣ которыхъ лежитъ не какая-нибудь идея, направленіе или положительное стремленіе, а просто преданность извѣстнымъ личностямъ, интересы которыхъ и дебатировались иногда въ продолженіи всей сессіи. На этотъ разъ дѣло шло объ исключеніи изъ среды собранія одного гласнаго, бывшаго члена управы, заявившаго себя во время своего „членства“ невыразимыми беспорядками по веденію дѣлъ такъ-называемыхъ богоугодныхъ заведеній: червями въ хлѣбѣ, гнилой говядиной, тухлой капустой и проч. Чего-бы, кажется, лучше! Исключить такого господина изъ своей среды—дѣло благое! Но мы такъ вели дѣло, что, во-первыхъ, ничего не достигли, во-вторыхъ, потерпѣли глупое пораженіе. И то, и другое вызвано тѣми-же партіями. Противники гласнаго, считающіеся здѣсь яко-бы либералами (въ чемъ заключаются ихъ либерализмъ—вѣдаетъ Аллахъ), основывали свои требованія объ исключеніи гласнаго Г. на самыхъ нелегальныхъ и невозможныхъ положеніяхъ; главнымъ-же изъ этихъ положеній было то, что въ прошлую сессію собраніе выразило ему „недовѣріе“ и гг. либералы старались подвести это „недовѣріе“ подъ то опредѣленіе закона, которое гласитъ, что лица, опорооченныя приговорами обществъ, не могутъ быть гласными. Либералы знали, что ихъ требованіе нелегально, и стояли на своемъ только ради скандала, который обрушился на нихъ-же въ видѣ полного фіаско. А между тѣмъ дѣло тянулось нѣсколько дней, говорились рѣчи, тратилось время, и когда дѣло дошло до школь и сель-

скихъ ссудо-сберегательныхъ. кассъ, то утомленные гласные почти не занимались ими, какъ вещами ненужными, и, конечно, отвергли всякія предложенія въ этомъ смыслѣ. Но этого мало: противная партія, главнымъ ораторомъ которой является вышеупомянутый г. Г., возбудила съ своей стороны препирательства въ томъ-же родѣ относительно либераловъ и это поглотило также нѣсколько дней. Каждый видитъ, что все это — дѣло личностей, дѣло мигроскопическихъ провинціальныхъ самолюбіи, и понятно, что подобное пустозвонство не влечетъ за собою не только никакихъ положительныхъ результатовъ, но даже не производитъ никакого впечатлѣнія на публику, не позволяетъ составиться никакому общественному мнѣнію относительно гонимыхъ личностей, и эти личности, несмотря на свою грязь и грязь, набросанную на нихъ въ собраніи, продолжаютъ фигурировать, въ видѣ общественныхъ дѣятелей, съ невозмутимымъ апломбомъ.“

Тѣ-же личные интересы, тѣ-же личныя симпатіи и антипатіи, какъ это оказалось на послѣднемъ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, были причиною извѣстнаго дѣла объ увольненіи барона Косинскаго отъ должности начальника колмовской учительской школы. Мы не знаемъ ни барона Косинскаго, ни характера его дѣятельности, и потому не можемъ говорить ни за него, ни противъ него. Но мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь факты, выяснившіеся на земскомъ собраніи, такъ-какъ эти факты вполне подтверждаютъ нашу мысль о личныхъ препирательствахъ. Земская управа въ своемъ докладѣ высчитала всѣ прегрѣшенія барона Косинскаго и заканчивала свой докладъ словами: „угодно-ли будетъ собранію одобрить дѣйствія управы по увольненію барона Косинскаго?“ Докладчикъ комиссіи, кн. Васильчиковъ, доложилъ собранію, что комиссія, по тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, большинствомъ 11 голосовъ рѣшила, что дѣйствія управы не могутъ быть одобрены; остальные 3 члена комиссіи остались при особомъ мнѣніи, гдѣ, сожалѣя о выходѣ г. Косинскаго, они полагаютъ, что управа не могла иначе поступить, въ виду стремленія г. Косинскаго уклониться отъ подчиненія управѣ и въ виду неопредѣленности отношеній между управой и школой. Противъ управы первый говорилъ кн. Шаховской. По мнѣнію князя, дѣйствія управы слѣдуетъ разсматривать не съ точки зрѣнія ихъ легальности, что подлежитъ вѣденію губернатора, а съ точки зрѣ-

нія земскихъ интересовъ, не пострадали-ли они отъ удаленія г. Косинскаго, котораго комиссія вовсе не желаетъ выставить человѣкомъ безъ всякихъ недостатковъ. Вполнѣ признавая за нимъ нѣкоторую раздражительность, на которую такъ часто здѣсь ссылались, комиссія главнымъ образомъ основывала свои сужденія на приносимой имъ пользѣ земству, нивѣмъ здѣсь неотрицаемой, и на достигнутыхъ имъ въ школѣ результатахъ, подтвержденныхъ, какъ самой управой, такъ и многими другими лицами. Въ силу этого комиссія и пришла къ глубокому убѣжденію, что къ удаленію барона Косинскаго не было достаточно поводовъ. Еще сильнѣе была рѣчь вн. Васильчикова, который говорилъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я буду держаться точныхъ фактовъ и положительныхъ доводовъ, оставляя въ сторонѣ намеки, слухи и частныя письма, которыя не могутъ быть обнародованы безъ разрѣшенія ихъ писавшихъ. Это, впрочемъ, мое личное мнѣніе, котораго я всегда придерживаюсь. Я считаю неосновательнымъ сдѣланный комиссіи упрекъ въ недостаточномъ разсмотрѣніи дѣла. Комиссія не выходила изъ предѣловъ доклада управы и отвѣчала только по своему глубокому убѣжденію на категорическіе вопросы, поставленные самой управой. Точно также я нахожу противорѣчающимъ дѣйствительности не разъ здѣсь выраженное сомнѣніе въ успѣхахъ колмовскихъ учениковъ. Тутъ на лицо отчетъ о послѣднихъ экзаменахъ въ школѣ, подписанный самою управой и заключающій въ себѣ самыя лучшіе отзывы объ этихъ экзаменахъ, на которыхъ присутствовали лица изъ разныхъ вѣдомствъ. Въ этомъ-же отчетѣ засвидѣтельствована отнѣнная благонадежность всѣхъ 11 выпущенныхъ воспитанниковъ, о дѣятельности которыхъ относительно пяти имѣются уже вполнѣ удовлетворительные отзывы, сообразно нашимъ требованіямъ. Я говорю „сообразно нашимъ требованіямъ“ потому, что признаю теперешній ихъ уровень далеко не высокимъ и оставляющимъ еще много желать въ будущемъ. Въ пользу школы кромѣ того имѣются еще отзывы такихъ компетентныхъ лицъ, какъ баронъ Корфъ и товарищъ попечителя г. Яновскій. Всѣ эти доводы до такой степени давятъ своей аргументаціей, что комиссія не дерзала высказывать свои сужденія объ успѣхахъ учениковъ, а должна была руководиться этими доводами. Не желая коснуться, по некомпетентности въ педагогическомъ дѣлѣ, вопроса о пользѣ или вредѣ

экзаменовъ, далеко еще нерѣшеннаго на практикѣ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ въ защиту характера барона Косинскаго, о нѣкоторыхъ чертахъ котораго здѣсь такъ много говорили. Свойство каждаго спеціалиста, глубоко любящаго свое дѣло, — углубиться, уйти въ свой предметъ, вслѣдствіе чего въ немъ современемъ развивается извѣстная черта характера, которую прежде называли угловатостью, теперь безпокойствомъ, а по-моему это просто односторонность. Я считаю эту черту достойною похвалы и ее-то мы находимъ въ баронѣ Косинскомъ, найдемъ во всякомъ другомъ хорошемъ спеціалистѣ. Вотъ почему комиссія считала совершенно бесполезнымъ приглашать спеціалистовъ, которые, по причинѣ вышеупомянутаго свойства, нисколько-бы не подвинули дѣло впередъ. Я обращаюсь теперь къ исторіи школы со дня ея рожденія до послѣдняго времени, въ надеждѣ найти что-нибудь поясняющее занимающій насъ вопросъ, и что-же мы видимъ? Баронъ Косинскій былъ приглашенъ въ школу первымъ нашимъ предсѣдателемъ управы, многоуважаемымъ Н. А. Качаловымъ, при живѣйшей рекомендаціи министерства народнаго просвѣщенія. Управа всегда отзывалась о немъ самымъ лестнымъ образомъ, какъ вѣрно выразился гласный Неплюевъ, воскуривала ему фіягамъ. Такой-же лестный отзывъ дала и ревизія помощника попечителя. Короче, все шло хорошо до 10 мая и нигдѣ не видно слѣдовъ, когда именно обнаружилось вредное направленіе. Это обстоятельство, мм. гг., повергаетъ меня въ сильное смущеніе. Но еще болѣе я смущенъ тѣмъ, что управа, потерявъ всякое довѣріе къ личности барона Косинскаго и къ его даже педагогическому таланту, поручаетъ ему тѣмъ не менѣе вести педагогическіе курсы въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ губерніи, какъ Череповецъ, гдѣ невозможенъ контроль со стороны управы“.

Членъ комиссія г. Храповицкій видитъ причины удаленія барона Косинскаго въ личномъ столкновеніи между послѣднимъ и г. Фирсовымъ. Въ этой личной борьбѣ Косинскій стоялъ одинъ противъ пяти и ему оставалось только одно — ждать, не заступится-ли за него само дѣло. Оно теперь дѣйствительно за него заступилось въ лицѣ комиссія, которая не нашла ничего такого, что могло-бы оправдать дѣйствія управы.

Г. Фирсовъ, въ возраженіе на упреки кн. Васильчикова за обнародованіе частныхъ писемъ и порученіе г. Косинскому веде-

нія педагогическихъ курсовъ, объяснилъ первое полуофициальнымъ характеромъ этихъ писемъ, а второе способностью Косинскаго совладать съ курсами при неумѣннѣ вести школу. Затѣмъ, коснувшись своихъ отношеній къ барону Косинскому, г. Фирсовъ высказалъ слѣдующее: „Въ первое время жизни школы, при небольшомъ числѣ учениковъ, Косинскій былъ вполне способенъ вести школьное дѣло и онъ отлично справлялся съ своими обязанностями. Но съ увеличеніемъ ея размѣровъ и числа воспитанниковъ стала рости также его раздражительность и онъ замѣтно сталъ тяготиться своимъ положеніемъ, которое оказалось ему не по силамъ. Словомъ, его не хватило на такое большое дѣло. Письмо-же его къ Коробкову окончательно заставило меня переимѣнить свое прежнее мнѣніе о баронѣ Косинскомъ. Наконецъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе кн. Шаховскаго, что тутъ рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ управы въ смыслѣ ихъ полезности или вредности для земскаго дѣла, я долженъ сказать, что на это намъ отвѣтить будущее, теперь-же объ этомъ судить нельзя: цыплятъ по осени считаютъ“.

Послѣ еще нѣкоторыхъ преній вопросъ былъ пущенъ на голоса и собраніе, большинствомъ 22 голосовъ противъ 11, въ противоположность рѣшенію большинства комиссіи, одобрило всѣ дѣйствія управы по увольненію барона Косинскаго.

На другой день, 9 декабря, въ собраніи было прочитано письмо князя Васильчикова, гдѣ онъ объявляетъ собранію о своемъ выходѣ изъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ новгородской губерніи. На просьбу собранія взять свое рѣшеніе назадъ, князь отвѣтилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ.

Въ засѣданіи 12 декабря предсѣдатель управы г. Фирсовъ и членъ ея, Журавлевъ, объявили собранію, что они выходятъ въ отставку. 14 числа были произведены выборы. Предсѣдателемъ управы былъ избранъ предсѣдатель уѣздной череповской управы, Поповъ, 19 противъ 18, и членомъ — гласный Кутузовъ 25-ю противъ 12 голосовъ. („Нов. вр.“ 5 янв. 1873 г.).

Эта-то борьба изъ-за личностей и изъ-за личныхъ интересовъ, къ несчастію, начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе царить въ нашемъ обществѣ. Такъ-какъ литература является выразительницею направленія умовъ въ обществѣ въ данную минуту, то и въ литературѣ очень сильно сказалось стремленіе къ подобной борьбѣ. Почти весь прошедшій годъ былъ наполненъ препирательствами

гг. Бурениныхъ, Михайловскихъ, Демертовъ и т. д. Мы внимательно слѣдили за этою полемикою, мы старались уловить въ ней хотя слабый намекъ на какую-нибудь серьезную идею, изъ которой враждовали эти люди. Но, къ сожалѣнію, во всей этой массѣ печатной брани мы не нашли ничего, кромѣ стремленія бойцовъ возвысить свое собственное я и унижить противника. И къ какимъ средствамъ прибѣгали они для достиженія своей цѣли! „Вы клопъ“, говоритъ одинъ. — „А вы сынъ Пошлепкиной“. отвѣчаетъ другой. — „Вы пьяный неучъ“, замѣчаетъ одинъ. — „Васъ палкою слѣдовало-бы вздуть“, угрожаетъ другой и т. д. и т. д. И они мараются этою грязью, швыряютъ ея другъ въ друга только изъ-за того, что кто-то изъ нихъ былъ гдѣ-то оскорбленъ своимъ противникомъ. Они даже не могутъ объяснить, что ихъ развело въ разныя стороны: еще годъ тому назадъ они работали вмѣстѣ, ихъ направленія не измѣнились ни на іоту; они остались тѣми-же людьми, какими были два-три года назадъ и между-тѣмъ они не стыдятся уличать другъ друга и въ безчестности, и въ невѣжествѣ и забываютъ даже о томъ, что общество можетъ имъ сказать: „хороши-же, вы, господа, всѣ, если вы могли столько лѣтъ ладить и работать вмѣстѣ съ такими ничтожными людьми“. И еще нѣкоторые изъ этихъ людей толкуютъ о своей порядочности! Полноте, господа, еслибъ вашъ образъ дѣйствій можно было назвать „порядочностью“, то повѣрьте, что каждая честная мать стала-бы заботиться только о томъ, чтобы ея дѣти не вышли такими „порядочными“ людьми, какими вышли вы.

Мы указали только мелькомъ на сотую, на тысячную долю тѣхъ людскихъ отношеній, смотря на которыя, считаешь горькой насмѣшкой разсужденія какого-нибудь фельетониста о томъ, что „прошлый годъ былъ мирнымъ годомъ, что общественный покой не нарушался ни однимъ пушечнымъ, ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ“. Хорошъ миръ, когда во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ царствуетъ самая явная вражда, самое явное стремленіе подкопаться подъ ближняго и отстоять только свои личные, единичные интересы. Но гдѣ-же коренная причина этихъ враждебныхъ отношеній? О, причинъ такъ много! Между этими причинами, конечно, прежде всего являются тѣ матеріальныя условія, въ которыхъ находятся тѣ или другіе члены общества, тѣ общественныя

отношенія, въ которыхъ стоятъ эти люди другъ къ другу; но не послѣднее мѣсто занимаетъ и отсутствіе хорошаго образованія и воспитанія. Мы говоримъ не только образованія, но и воспитанія. Дѣйствительно, воспитаніе у насъ, да почти и вездѣ, сильно хромаетъ. Въ семьѣ ребенокъ въ большинствѣ случаевъ только питается, никто не направляетъ систематически его къ добру, передъ нимъ на-голо происходятъ всѣ житейскія гадости, онъ видитъ такіе примѣры, которые могутъ убить въ немъ самыя хорошія инстинкты. Вообразите себѣ, чего насмотрятся дѣти Чичиковыхъ, Титовъ Титычей, Сабакевичей, щедринскихъ героевъ, и подумайте, могутъ-ли изъ этихъ дѣтей выйти хорошіе граждане, которымъ было-бы дорого какое-нибудь общественное дѣло, а не одни личные интересы. Кто имъ говорилъ о какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ, о служеніи родинѣ? Имъ говорили только о томъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе. А школа? У насъ школа болѣе всего направляетъ свою дѣятельность на *образованіе* дѣтей и ставитъ на задній планъ воспитаніе. Нельзя указать ни на одну школу, которая-бы налагала на своихъ воспитанниковъ извѣстную нравственную печать. Иногда-же школа достигала какъ разъ противоположныхъ результатовъ, чѣмъ тѣ результаты, къ которымъ она стремилась. Вспомнимъ старую бурсу: такіе-ли характеры она хотѣла воспитать, какіе мы встрѣчаемъ въ очеркахъ Помяловскаго? Что вынесли изъ школы Помяловскій, Рѣшетниковъ, Бѣлинскій, Гоголь, Добролюбовъ, что вынесли изъ нея сотни другихъ видныхъ дѣятелей нашей общественной жизни? Уже давно было замѣчено, пожалуй, раньше Пушкина, что мало-мальски выдающіяся личности отличались въ школѣ или дурнымъ поведеніемъ, или слабыми успѣхами. Конечно, это происходило не по винѣ этихъ личностей, а по винѣ школы, не умѣвшей воспитывать ихъ. Довольно долгое время большинство лучшихъ русскихъ дѣятелей было обязано своимъ воспитаніемъ почти исключительно литературѣ, но, къ несчастію, въ послѣднее время и литература начала утрачивать свое воспитательное значеніе. Она, пожалуй, не дурно начала разрабатывать проекты банковъ и желѣзныхъ дорогъ, обличать домовладѣльцевъ и будочниковъ, но за-то дальше этого и на шла. Ее стали интересовать отдѣльный фактъ, отдѣльная личность, но ее нисколько не интересуютъ причины, создавшія этотъ отдѣльный фактъ, эту отдѣльную личность. Но разъ спу-

стившись до этой роли прожектеровъ и сплетниковъ, литературные органы и литературные дѣятели стали во враждебныя отношенія другъ къ другу, стали видѣть только одно, что другіе у нихъ лавочку перебиваютъ. Мы уже упомянули о враждѣ г. Буренина съ „Отечественными записками“, — враждѣ, которая произошла отнюдь не изъ-за различія идей и направленій, такъ-какъ и г. Буренинъ и „Отечественныя записки“ остались тѣмъ-же, чѣмъ они были прежде. Здѣсь мы укажемъ еще хоть на одинъ фактъ: „Петербургская газета“ и „Петербургскій листокъ“ нерѣдко показываютъ другъ другу зубы. Но изъ-за чего-же ссорятся они? Развѣ они не похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды? Развѣ въ нихъ не работаютъ иногда одни и тѣ-же сотрудники? Да, но они конкуренты. Но этого мало. Чѣмъ меньше заботится литература о проведеніи въ общество своихъ идей и взглядовъ, чѣмъ болѣе заботятся ея органы объ одномъ матерьяльномъ барышѣ, тѣмъ сильнѣе стараются они обличать своихъ собратьевъ-конкурентовъ во всякихъ закулисныхъ гадостяхъ. Эти обличенія пошли въ ходъ съ легкой руки гг. Антоновича и Жукковского, обличившихъ г. Некрасова въ двойственности, въ томъ, что онъ поступаетъ различно, какъ человекъ и какъ писатель. Но что хотѣли сказать этимъ эти господа? То, чтобы общество не вѣрило идеямъ, проводимымъ въ общество произведеніями г. Некрасова? Конечно, нѣтъ. Эти идеи должны были быть святы для старыхъ товарищей г. Некрасова. Или они хотѣли исправить г. Некрасова? Но это дѣтская мысль и во всякомъ случаѣ тутъ не для чего было прибѣгать къ печати. Или, можетъ быть, они хотѣли показать обществу, какъ двойственны бываютъ люди? Но это общество знаетъ и безъ ихъ обличеній и во всякомъ случаѣ тутъ не слѣдовало указывать на отдѣльную личность. Бл единичный фактъ, а нужно было сдѣлать обобщенія и показать, что двойственность г. Некрасова есть просто плодъ всей нашей общественной жизни, а не какое-нибудь выходящее изъ ряду вонъ исключеніе. То-же самое можно сказать о скандалѣ съ г-жею Марко-Вовчокъ, издавшей чужіе переводы и обличенной „Петербуржскими вѣдомостями“. Для чего было доложено обществу объ этой грязной исторіи, для чего были посвящены ей многіе столбцы въ газетѣ? Развѣ этотъ фактъ выходилъ изъ ряду вонъ, развѣ онъ не принадлежитъ къ числу безконечнаго множества подобныхъ-же

фактовъ, повторяющихся и въ остальномъ обществѣ ежедневно? Конечно, да. Но литература, крича о подобныхъ фактахъ и явленіяхъ изъ литературнаго міра, какъ-будто говоритъ обществу: „смотри, какіе жалкіе, какіе грязные эти дѣятели, берущіеся поучать тебя; они не только не лучше тебя, но даже хуже тебя“. И общество радуется этому. Оно гордо поднимаетъ голову и плюетъ на мнѣніе литературы, говоря съ презрѣніемъ: „знаемъ мы этихъ господъ, хороши они и сами“. И литература не зажимаетъ рта обществу, не поясняетъ ему, что всѣ дурныя стороны литературныхъ дѣятелей есть только плоды дурныхъ сторонъ самаго общества.

А между-тѣмъ какъ много могли-бы сдѣлать семья, школа и литература, если-бы онѣ болѣе заботились о своемъ воспитательномъ значеніи для общества. Изъ человѣка воспитаніемъ можно сдѣлать если не все, что угодно, то очень многое: вы можете его сдѣлать самымъ безсердечнымъ злодѣемъ и самымъ самоотверженнымъ гражданиномъ, вы можете его заставить рѣшиться на такіе поступки, о которыхъ нельзя вспомнить безъ содроганія. Достаточно только указать на іезуитовъ и старыхъ инквизиторовъ. Какіхъ изверговъ умѣли воспитать эти люди. А наши скопцы? Что они дѣлаютъ изъ тѣхъ дѣтей, которыхъ они берутъ къ себѣ въ услуженіе и оскопляютъ въ отроческомъ и юношескомъ возрастахъ? Они приобрѣтаютъ такое страшное вліяніе надъ этими дѣтьми, что послѣдніе дѣлаются вполне рабами своихъ воспитателей. Никакими увѣщаніями, никакими угрозами нельзя ихъ заставить выдать тѣхъ преступниковъ, которые истеранили ихъ. Десяти, девяти и даже семи-лѣтнія дѣти упорно скрываютъ тѣхъ, кто былъ причиною ихъ гибели. И это не единичные факты, не исключеніе, а общее правило. Изъ этого вы ясно видите, какое значеніе можетъ имѣть воспитаніе для людей; только нужно, чтобъ мы задались одной какой-нибудь цѣлью, къ которой систематически и неуклонно вели-бы подростающее на нашихъ глазахъ поколѣніе. Но что-же, вмѣсто этого, дѣлаетъ наше общество? Оно меньше всего думаетъ о воспитаніи своихъ дѣтей и оставляетъ ихъ расти на произволь судьбы. Оттого-то развитіе нашихъ характеровъ и направленіе нашихъ идей являются чистыми случайностями: у честнаго отца вырастаетъ негодяй сынъ, а негодяй отецъ удивляется честности своего сына, однимъ сло-

вожь, отцы и дѣти являются, по большей части, людьми, стоящими на разныхъ берегахъ.

Да, если-бы семья, школа и литература имѣли побольше воспитательнаго значенія, то повѣрите, что такой годъ, какъ прошлый, „когда не раздавалось ни одного пушечнаго или ружейнаго выстрѣла“, былъ-бы хотя отчасти „мирнымъ годомъ“, — теперь-же вы видите, каковъ былъ его мирь.

Желая перейти къ болѣе отраднымъ фактамъ и показать, что прошлый високосный годъ принесъ кое-что и отрадное, мы скажемъ нѣсколько словъ хотя о женскихъ курсахъ. Женскій вопросъ въ послѣднее время начинаетъ разрѣшаться не только теоретически, но и практически. Женщины начинаютъ стучаться въ двери различныхъ университетовъ и нерѣдко добиваются желаннаго права на образованіе. Въ прошломъ году мы дождались, что и въ Россіи открылись женскіе курсы при медицинской академіи. До сихъ поръ русскія женщины, желавшія получить медицинское образованіе, должны были уѣзжать за границу; такъ, г-жа Сулова слушала лекціи въ Цюрихѣ и въ 1867 г. получила дипломъ доктора медицины. Цюрихскій университетъ былъ самымъ гостепріимнымъ кровомъ для женщинъ. Въ зимній курсъ 1864—1865 гг. на медицинскомъ факультетѣ цюрихскаго университета слушала лекціи только одна женщина, а въ зимній курсъ 1871—1872 гг. общее число студентокъ на медицинскомъ факультетѣ равнялось 24, а на философскомъ—7. Изъ числа этихъ женщинъ русскихъ было 21 *). Лѣтній курсъ 1872 года слушали 67 женщинъ, изъ нихъ 60 русскихъ. На зимній семестръ 1872 года принято 48 новыхъ слушательницъ, въ томъ числѣ, 30 на медицинскій факультетъ, 17 на философскій и 1 на юридическій. Изъ 48 женщинъ—одна швейцарка, одна нѣмка, одна родомъ изъ Ав-

*) Всѣ свѣденія о женскихъ курсахъ мы заимствуемъ изъ довольно интересной книжки: „Женщины-медики“, сочиненіе миссъ Джексъ-Вязъ (С.-Петербургъ, 1873 г.). Переводчикъ этой книги дополнилъ ее множествомъ примѣчаній, не безынтересныхъ для каждаго, кого занимаетъ современное положеніе женскаго вопроса.

стріи, одна сѣверо-американка и 44 русскихъ. Всего-же со вступившими прежде 109 женщинъ. Студентовъ-мужчинъ во время лѣтняго семестра 1872 года было 354, а на зимній записалось 452. Въ октябрѣ 1871 года допущена первая женщина въ швейцарскую политехническую школу; она вступила въ механическое отдѣленіе; въ октябрѣ 1872 года поступила еще одна въ химическое отдѣленіе и одна въ инженерное училище. Всѣ онѣ—русскія и записаны въ политехнической школѣ въ качествѣ полноправныхъ слушательницъ. Сверхъ того, 80 женщинъ посѣщаютъ эту школу, какъ вольнослушачія. Для поступления въ названную школу приходится сдавать трудный экзамень. Кромѣ того, по словамъ корреспондента газеты „Голосъ“, нѣкоторыя дѣвицы, окончившія курсъ въ екатеринославской женской гимназіи, ѣдутъ въ Цюрихъ для поступления въ университетъ. Но въ настоящее время необходимость женщинамъ уѣзжать за границу для полученія медицинскаго образованія устраняется хотя нѣсколько учрежденіемъ женскихъ курсовъ при мелико-хирургич. академіи. Цѣль этихъ курсовъ — подготовленіе такъ называемыхъ ученыхъ акушеровъ. Число слушательницъ ограничено. Плата за курсъ въ годъ 50 рублей, въ два срока, по 25 руб. Продолжительность учебнаго періода—4 года. 17, 18, 19 и 20 октября 1872 г. состоялись вступительные экзамены для желавшихъ поступить на курсы. Желавшихъ оказалось 105, число-же дѣйствительно экзаменовавшихся было 100. Изъ нихъ выдержавшихъ экзамень удовлетворительно и слушающихъ нынѣ лекціи—86. Нѣкоторыя изъ экзаменовавшихся отличались хорошою и основательною подготовкою. Лекціи на женскихъ курсахъ начались 1 ноября. Изъ числа женщинъ, явившихся на экзамень, всѣ, безъ исключенія, подверглись испытаніямъ, причежъ каждая изъ экзаменовавшихся обязана была представить свидѣтельство объ окончаніи курса въ одной изъ женскихъ гимназій, институтовъ или свидѣтельство на званіе домашнихъ учительницъ. Число женщинъ, пріѣхавшихъ изъ провинцій, составляетъ около $\frac{1}{3}$ изъ числа всѣхъ подававшихъ прошенія (105). Изъ числа 86 ученицъ — 4 еврейскаго вѣроисповѣданія католичка и 2 лютеранки, а остальные православнаго исповѣданія. По возрастамъ распредѣляются такъ: отъ 20-ти лѣтъ до 33-хъ, большинство въ возрастѣ 20—26-ти. Экзаменовались

изъ арифметики (письменно и устно) и остальной математики въ объемъ курса женскихъ гимназій, далѣе, изъ физики и одного изъ языковъ по выбору: латинскаго, нѣмецкаго или французскаго. По русскому языку экзаменовали такъ: на экзаменѣ писали сочиненія, по группамъ, изъ исторіи или литературы, или географіи, или физики. Каждая группа брала билетъ, обязательный, какъ тема для сочиненія, для всей группы. Выборъ группы — свободный. Занятія идутъ успѣшно. Курсами руководить инспектриса — личность серьезно образованная и знающая дѣло. Профессора тѣ-же, что и для студентовъ-мужчинъ. Анатомію читаетъ ординарный профессоръ М. Х. А Ланцертъ, гистологию— профессоръ Голубевъ, ботанику—ординарный профессоръ Мерклинъ, химию—ординарный профессоръ Бородинъ, физику—доцентъ петербургскаго университета Бобылевъ. Занятія ежедневно отъ 10—4 ч. Женскіе курсы совершенно отдѣлены отъ мужскихъ. Для занятій по гистологіи имѣется особая аудиторія, а также отдѣльная комната для практическихъ занятій. Прочія лекціи читаются въ аудиторіяхъ студентовъ-мужчинъ, въ то время, когда послѣдніе занимаются чѣмъ-либо другимъ и аудиторіи остаются свободными. Ученицы подчиняются общимъ порядкамъ и правиламъ М. Х. Академіи.

Н. Ч.

**ЗАНЕСЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ**

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Погоня за наживой. Романъ. (Гл. I—IV).	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Смѣхъ и слезы. Стихотвореніе	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Нѣмецкое мошенничество	<i>С. Ш.</i>
Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. (Продолженіе)	<i>Джоржа Элмота.</i>
Освобожденный Прометей. Лирическая драма Перси Биши Шелли	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Индустанъ и Англичане.	<i>С. С. Шашкова.</i>
Весенній ледъ. Стихотвореніе.	<i>Л. Е. Оболенскаго.</i>
Первоначальное образованіе въ Пруссіи.	<i>А. Михайлова.</i>
Пѣсня счастлиивца. Стихотвореніе.	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Статистическіе очерки Россіи. (Ст. первая.)	<i>Н. Ніонова.</i>
Послѣдняя пѣсня Сафо. Изъ Леопарди. Стихотвореніе.	<i>Л. П. Граве.</i>
Попытка—не шутка. Романъ. (Гл. I—III).	<i>Н. В. Оммулевскаго.</i>
Сонетъ. Стихотвореніе	<i>Л. Граве.</i>
О чемъ пѣла ласточка? Романъ. (Объясненіе)	<i>Фр. Шилльмана.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Языкъ чувствъ и мимика лица по Дарвину.	<i>П. Б. Отирскаго.</i>
Иностранная литература.	
Новыя книги	
Новогодняя фантазія. Фельетонъ поэма.	<i>Литературное Домино.</i>
Политическая безтактность или нѣчто хуже? (Письмо въ Редакцію)	<i>Берне изъ Бердичева.</i>
Политическая и общественная хроника.	
Внутреннее обозрѣніе	<i>Н. Ч.</i>

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДЪЛО», въ С.-Петербургъ,
уголь Надеждинской ул. и Манежнаго пер., д. № 39/5.)

Вышелъ и продается третій и послѣдній выпускъ
сочиненія

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благо-
свѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДЪЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ
листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третье-
му выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», общанной, какъ прило-
женіе къ 3-му выпуску, редакція нашла возможнымъ издать отдѣльную книжку
съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка
эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка безплатно, а ино-
городнихъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ
какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ-же продаются слѣдующія изданія Редакціи журнала „Дѣло“:

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев.
съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц.
1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изда-
ніе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писа-
рева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—
за 1 1 фунтъ.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ра
В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ.

Изданіе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. *Карла Реклама*. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредвѣльность гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку предлагается за 2 фунта.

Комедія всемірной исторіи, Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку — за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

Отъ Земли до Луны — 97 часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Сочиненія **Ө. М. Толстаго.** Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

О Питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, сочиненіе доктора Жюль Сира, перев. съ франц. подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ. Пересылка считается особо.

ВЫЙДЕТЪ НА ДНЯХЪ НОВАЯ КНИГА:

ИЗЪ-ЗА СКИПТРА И КОРОНЪ.

Романъ Грегора Самарова, переводъ Е. С.

Въ двухъ томахъ и четырехъ частяхъ.

Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Подъ псевдонимомъ Самарова пишетъ одинъ изъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей Германіи.

Выписывать можно отъ всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, а также изъ главной конторы журнала „Дѣло“.

10 р. 135 фотографическихъ копій съ знаменитыхъ картинъ

„ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА“.

6 р. и дороже за *стереоскопъ* съ 30 видами, или за 1 *большую* ориг. фот. картину, величина 20 и 17 вершковъ.

5 р. и дороже за 30 *кабинетныхъ* картинъ, или за 100 фот. копій 1-го сорта съ картинъ и скульптуръ, знам. галлерей Европы.

3 р. за 100 фот. копій 2-го сорта съ знам. картинъ и скульптуръ, или за 3 *фоліо* картинъ, величина 9 и 7 вершковъ.

2 р. за 1 *большую* ориг. фот. картину, величиною 14 и 10½ вершковъ, или за 4 фот. картины, величиною 7½ и 5½ вершковъ.

Въ Центральномъ депо фотографическихъ картинъ, Невскій, 60, противъ Аничкова дворца.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1873 ГОДЪ.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

выходить 4 раза въ недѣлю безъ предварительной цензуры, листами большого формата.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Со времени перехода „Петербургской Газеты“ подъ новую редакцію прошло уже болѣе года. Главною цѣлью новой редакціи было преобразовать газету въ такой органъ, который, при честномъ направленіи, удовлетворялъ-бы разнообразіемъ своей программы возможно большому кругу читателей. Въ этихъ видахъ, редакція въ каждомъ номерѣ старалась помѣщать руководящую статью по какому-либо вопросу, затрогивающему въ извѣстный моментъ общественное вниманіе, фельетонъ для легкаго чтенія, разнообразные новости и слухи, почерпаемые изъ первыхъ источниковъ; собственные корреспонденціи изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ; политическія извѣстія, петербургскіе отголоски (отдѣляя собственно для столичной жизни въ ея разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ), театральное эхо и, наконецъ, введена несуществующая въ другихъ русскихъ политическихъ газетахъ постоянная рубрика «летучихъ замѣтокъ», въ которой печатаются сатирическія сцены, остро-ты, каламбуры, эпиграммы и т. п. Такимъ образомъ, каждый номеръ „Петербургской газеты“ представляетъ, по мнѣнію редакціи, разнообразнѣйшее, живое и занимательное для обширнаго круга читателей чтеніе—отъ серьезныхъ передовыхъ статей по общественнымъ и государственнымъ вопросамъ до ѣдкой сатиры и веселаго каламбура.

ЦѢНА „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ“:

	Съ пер. въ го- рода:	Съ дост. въ Петербургѣ:	Безъ достав. ки:
На годъ . . .	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. — к.
На полгода . .	4 „ 50 „	3 „ 75 „	3 „ — „
На три мѣсяца.	2 „ 50 „	2 „ — „	1 „ 50 „

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи «Петербургской газеты», на Невскомъ просп., надъ Милютинными лавками, д. Лѣсникова.

Редакторъ-издатель С. Н. Худежовъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

Въ будущемъ 1873 году ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ „РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ“.

Журналъ „Дѣтское чтеніе“ одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библиотекъ:—начальныхъ и уѣздныхъ училищъ, женскихъ гимназій и прогимназій, а Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для возрастныхъ библиотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій.

Журналъ „Дѣтское Чтеніе“ издается по слѣдующей программѣ:

1) Небольшіе повѣсти и рассказы. Очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ. Біографіи.

2) Статьи по естественной исторіи. Явленія природы. Путешествія.

3) Технические производства и промыслы.

4) Игры, задачи, занятія и проч.

Приложеніе: «Педагогическій Листокъ» (для родителей и воспитателей), по программѣ, близкой къ программѣ другихъ педагогическихъ журналовъ. Большая часть статей посвящена начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто.

«Дѣтское Чтеніе» выходитъ ежемѣсячными книжками въ объемѣ около 5 печатныхъ листовъ съ рисунками въ текстѣ и отдѣльными картинками. «Педагогическій Листокъ» выходитъ 4 раза въ годъ, книжками около 6 листовъ.

Редакція, затрудняясь, вслѣдствіе увеличенія цѣнъ на бумагу, издавать «Дѣтское Чтеніе» по прежней подписной цѣнѣ, испросила разрѣшеніе Главнаго управленія по дѣламъ печати измѣнить подписную цѣну слѣдующимъ образомъ:

На «Дѣтское Чтеніе» безъ «Педагогич. Листка» 3 р. безъ перес.

» » » съ «Педагог. Листкомъ» 4 » » »

Такимъ образомъ, подписчики, выписывающіе нашъ журналъ, исключительно, какъ матеріалъ для чтенія дѣтямъ, будутъ получать его по прежней цѣнѣ. Тѣ-же, кто заинтересовался и «Педагогическимъ Листкомъ», будутъ приплачивать къ подписной цѣнѣ одинъ рубль для покрытія расходовъ по изданію собственно этого приложения. Затѣмъ, если редакція признаетъ полезнымъ и возможнымъ дать другія, разрѣшенныя ей приложения (матеріалы для занятій съ дѣтьми, напримѣръ, клейка и т. п.), то эти приложения будутъ разосланы всѣмъ подписчикамъ „Дѣтскаго Чтенія“.

„Дѣтское Чтеніе“ за 1869 и 1870 годы все распродано.

„Дѣтское Чтеніе“ за 1871 годъ продается по слѣдующей цѣнѣ:

Въ оберткѣ.	3 р. — к.
» папкѣ	3 » 60 »
» переплетѣ	4 » 50 »

За пересылку приплачиваются нѣсовья по разстоянію за 6 ф. при выписываніи экземпляра въ оберткѣ, и за 7 ф. въ папкѣ и переплетѣ.

„Дѣтское Чтеніе“ за 1872 годъ, по выходѣ всѣхъ 12 книжекъ, будетъ продаваться по этой-же цѣнѣ.

Подписная цѣна на 1873 годъ опредѣляется такимъ образомъ:

	Безъ Педагог. Листка.	Съ Педагог. Листкомъ.
Безъ доставки.	3 р. — к.	4 р. — к.
Съ доставкою	3 » 50 »	4 » 50 »
» пересылкою	3 » 65 »	4 » 65 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ «Русской Книжной Торговлѣ», Невскій прос., д. Армянской церкви, № 42. Въ Москвѣ у Ив. Гр. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева. Въ Харьковѣ у Волжина. Въ Одессѣ у Бортневскихъ и въ конторѣ г. Мосягина. Въ Кіевѣ у Е. Я. Федорова. Въ Варшавѣ и Казани у Д. Е. Кожанчикова. Въ Саратовѣ у Попова. Въ Кашинѣ у Татаренко. Въ Херсонѣ у М. Шаха. Въ Рыбинскѣ въ книжномъ складѣ г-жи Ремезовой.

Редакторъ *А. Острогорскій.*

Объ изданіи въ 1873 году

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

Семья и Школа будетъ издаваться въ 1873 году по слѣдующей программѣ:

Книга 1. Семейное Чтеніе.

Чтеніе религіозно-нравственнаго содержанія. Разказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр.

Занятія: игры, работы, руководвія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія.

Всюду, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы рисунки и картины.

Книга 2. Часть 1. Воспитаніе и обученіе вообще.

ОТДѢЛЪ I. Педагогія, Дидактика и Методика. Общія статьи педагогическаго содержанія. Воспитаніе домашнее и общественное. Физическое воспитаніе и гигиена. Предметы и Методы обученія. Учебныя пособія. Учебные матеріалы и принадлежности.

ОТДѢЛЪ II. Критика и Библиографія русскихъ и замѣчательнѣйшихъ изъ иностранныхъ сочиненій, изданій и пособій, соприкосновенныхъ съ учебновоспитательнымъ дѣломъ.

ОТДѢЛЪ III. Библиографическіе очерки педагогическихъ дѣятелей и статьи по исторіи педагогіи, съ приложеніемъ портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей иностранныхъ и русскихъ.

ОТДѢЛЪ IV. Хроника. Постановленія и жизнь учебныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

ОТДѢЛЪ V. Смѣсь. Корреспонденція. Заявленія педагогическаго содержанія и всякаго рода объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, учебныхъ пособіяхъ, матеріалахъ и проч.

Часть 2. Наша начальная Школа.

- 1) Правительственныя распоряженія.
- 2) Руководящія статьи по всѣмъ вопросамъ училищевѣденія и школьной дидактики, а также по вопросу о народномъ воспитаніи.
- 3) Земство и народная школа въ періодическихъ обзорніяхъ.
- 4) Современное состояніе у насъ школьнаго дѣла. Учительскія семинаріи. Женскія учительскія школы. Начальныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ. Школы грамотности и частное обученіе.
- 5) Историческіе очерки, біографіи и проч.
- 6) Критико-библіографическое обзорніе; указаніе пособій по начальному обученію; перечень вновь выходящихъ книгъ и проч.
- 7) Приложенія. Картины для нагляднаго обученія.

По временамъ предполагается давать приложенія, состоящія изъ образцовыхъ уроковъ, чтеній и учебниковъ, печатаемыхъ по частямъ и цѣликомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна въ годъ, за 10 №№ (20 книжекъ) „Семья и Школа“ съ Нашею Начальною Школою (содержащихъ 100—120 лист.).

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ 8 руб.; съ доставкою 8 р. 50 к.

Въ Москвѣ съ пересылкою черезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева 8 р. 50 к.; съ пересылкою черезъ Газетную Экспедицію 9 руб.

Въ Губерніи съ пересылкою черезъ Газетную Экспедицію 9 руб.

За Границу съ пересылкою по почтѣ 12 руб. 50 коп.

Отдѣльно **Наша Начальная Школа** 10 №№ съ приложен. съ доставк. въ Имперіи 5 р. 50 к., безъ приложеній 3 р. 50 к.

Лица и учрежденія, желающія получать по 2 или болѣе экземпляра каждаго приложенія, приплачиваютъ за каждый годичный экземпляръ всѣхъ приложеній по 4 рубля.

Подписка принимается: для иногородныхъ исключительно въ Конторѣ Редакціи журнала „Семья и Школа“ (Владимірская, № 7), для городскихъ въ книжныхъ магазинахъ: для „ино-

родныхъ“, Колесова и Михина, Я. Исакова, Русской Книжной Торговли и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Для Москвы въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. Иногородные благоволятъ адресовать письма, заявленія, статьи и подписныя требованія на имя

Редактора-Издателя Юл. Симашко.

въ С.-Петербургѣ, Владимирская, № 7.

Приложенія изготовляются только по числу подписчиковъ, поздняя подписка, требующая новыхъ тиражей рисунковъ служить причиною несвоевременнаго выхода и разсылки номеровъ „Семья и Школа“ и потому лица, желающія получить въ 1873 году журналъ „Семья и Школа“ своевременно съ приложеніями 1-го тиража, благоволятъ подписаться не позже Декабря и Января будущаго 1873 года, тѣмъ болѣе, что 1-ый номеръ 1873 года будетъ выданъ на Рождество.

Съ выходомъ въ свѣтъ 1-го номера за 1872 годъ, журналъ по подписной цѣнѣ доставляемъ не будетъ.

Продаваться будутъ отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ:

Семейное чтеніе №№ 1—10 за 1871 годъ	} по 7 руб.
томы I и II за 1872 годъ	
Родителямъ и воспитателямъ №№ 1—10 за 1871 г.	
томы I и II за 1872 г.	

На пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію за 15 фунт.
за годовое изданіе.

XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ II Ч.

Имѣтъ-ли значеніе смѣна стараго года новымъ? — Кончается-ли вліяніе совершившихся фактовъ съ наступленіемъ 1-го января?—Прошлый годъ, по словамъ одного фельетониста, былъ вполнѣ мирнымъ годомъ.—Каковъ характеръ этого мира?—Убійства.—Причины этихъ убійствъ.—Отношеніе къ преступникамъ присяжныхъ засѣдателей и суда.—Взглядъ на эти отношенія г. Э. Достоевскаго.—Отравленіе мышьякомъ — Распри изъ-за личностей въ земствѣ.—Разладъ между членами общества изъ-за личныхъ интересовъ отражается и въ литературѣ.—Одна изъ причинъ этого разлада: недостатокъ серьезно-направленнаго воспитанія. — Семья, школа и литература, какъ воспитатели общества. — Женскіе курсы въ медико-хирургической академіи.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 39)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

О ПИТАНІИ

**ВЪ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ, ПАТОЛОГИЧЕСКОМЪ и ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ.**

СОЧИНЕНІЕ Д-РА ЖЮЛЯ СИРА;

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. Н. МОРИГЕРОВСКАГО.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДУТЬ

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 35 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала *Дѣло* въ 1878 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала *Дѣло*; 3) о «Петербургской Газетѣ»; 4) о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новаго романа «Изъ-за скитра и коронъ»; 5) о снимкахъ съ картинъ Императорскаго Эрмитажа; 6) о журналѣ «Дѣтское Чтеніе» и 7) о журналѣ «Семья и Школа».

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1873 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (въ Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостинному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соколова, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черныя, на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн	16 >
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 > 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р. 50 к.; Франція и Данія—20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія—23 р. 50 к.

Для слушащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручительствомъ гг. казначеевъ.

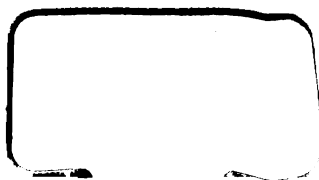
Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 982